

Н.З.ГАДЖИЕВА Б.СЕРЕБРЕННИКОВ

Сравнительно-историческая
ГРАММАТИКА
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

СИНТАКСИС

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт языкоznания

Н.З.ГАДЖИЕВА
Б.А.СЕРЕБРЕННИКОВ

Сравнительно-историческая
ГРАММАТИКА
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

СИНТАКСИС

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Э.Р. ТЕНИШЕВ

МОСКВА "НАУКА" 1986

Монография представляет собой вторую книгу четырехтомного коллективного труда (см.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика, М., 1984). В ней разработаны приемы синтаксической реконструкции и методика построения синтаксических архетипов. Объектом исследования являются все структурные единицы от словосочетания до сложного предложения во всех тюркских языках.

Редколлегия:

доктор филологических наук Н.А. БАСКАКОВ,
академик [А.Н. КОНОНОВ],
член-корреспондент АН СССР Э.Р. ТЕНИШЕВ

Рецензенты:

К.Е. МАЙТИНСКАЯ, Г.Ц. ПЮРБЕЕВ

4602010000-436
Г 314-86-III
042 (02) -86

© "Наука", 1986 г.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Сравнительно-исторические грамматики многих семей языков обычно не содержат раздела, посвященного синтаксису. В предлагаемой грамматике тюркских языков впервые в мировом языкоznании предлагается специальный раздел сравнительно-исторического синтаксиса. Изучение истории синтаксиса является одним из наиболее слабых участков тюркологической науки. Нельзя, конечно, утверждать, что тюркологи никогда не исследовали проблемы исторического синтаксиса. Однако эти попытки не были проникнуты единой идеей, не подчинялись продуманной концепции. Противоречивость мнений и суждений является результатом отсутствия самой теории исторического синтаксиса. Нет единой точки зрения в понимании сущности придаточного предложения, природы сказуемого, причастных и деепричастных конструкций и т. д.

Предлагаемая книга является развитием положений Н.З. Гаджиевой, изложенных в ее монографии "Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков" (М., 1973). Так же как и в той, в настоящей работе авторы старались следовать единой концепции исторического синтаксиса, заключающейся в тесной увязке исторического синтаксиса с исторической морфологией. Разрыв этих двух дисциплин представляется совершенно неправомерным, так как историческое движение и изменение синтаксических единиц нельзя понять без знания истории их морфологических опор.

Своеобразное понимание синтаксического архетипа как типовой модели, имеющей определенную морфологическую опору, представляет собой дальнейшее развитие идей немецкого синтаксиста Б. Дельбрюка.

Многие тюркологи рассматривают синтаксис как типологически нечто единое, однако в современных тюркских языках представлено по меньшей мере три синтаксических типа — древнетюркский, переходный и индоевропейский, или, точнее, тюркско-индоевропейский. Монография содержит критическую оценку взглядов как зарубежных, так и отечественных тюркологов на сущность исторического синтаксиса. Мы придерживаемся строго исторического подхода к явлениям современного синтаксиса. Прежде чем определять сущность придаточного предложения в современных тюркских языках, мы считаем необходимым уяснить, как возникли и развились различные типы предложений в этих языках.

Объектом исследования в работе являются синтаксические единицы — словосочетание (именное и глагольное) и предложение (простое и сложное, именное и глагольное). В монографии сделана попытка выработать понятие синтаксического архетипа и определить пути его исторического изменения, разработать приемы сравнительно-исторического анализа на синтаксическом уровне.

Авторы не претендуют на то, чтобы считать выдвинутую ими концепцию сравнительно-исторического синтаксиса окончательной. Возможно, что в будущем будут представлены какие-то другие концепции, может быть более удачные, чем в настоящей книге.

Предлагаемые в монографии выводы необходимо проверить как в процессе исследования проблем исторического синтаксиса конкретных языков, так и в практике вузовского преподавания. Разработанная авторами концепция позволит исследователям правильно систематизировать огромный лингвистический материал для решения многих синтаксических проблем в историческом плане.

Работа базируется на обширном теоретическом материале, приведенном в списке литературы (отсылки на него даются в квадратных скобках) и снабжена многочисленными языковыми иллюстрациями, отсылки на которые даны в круглых скобках.

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Можно без преувеличения сказать, что до последнего времени отечественная и зарубежная тюркология не располагала специальными работами, посвященными сравнительно-историческому анализу синтаксической структуры и изучению истории различных синтаксических единиц. Однако это не значит, что отдельные проблемы развития синтаксического строя тюркских языков не привлекали внимания лингвистов. Особый интерес вызывали вопросы соотношения именных и глагольных конструкций на ранних этапах истории тюркских языков. Отождествление именных и глагольных групп на ранних этапах нашло отражение в работах Ж. Дени, К. Грёнбека и др. [Deny 1921; Grönbech 1936].

Принцип организации групп слов, который эти авторы кладут в основу теории предложения, в дальнейшем получил подтверждение на материале конкретных языков. Известное положение К. Грёнбека относительно того, что термины "субъект" и "объект" для тюркской грамматики условны и что строение предложения основано на принципе организации групп [Grönbech 1936, 134], было положено в основу теории, согласно которой весь тюркский синтаксис рассматривается как система определений. Автор этой теории Манди придерживался того взгляда, что основой синтаксической структуры тюркских языков является принцип предшествующих определений (*the basic principle of preceding qualification*). Манди не пытается выявить границы между различными синтаксическими единицами. Для тюркских языков им определен единый основной структурный принцип, но не единая синтаксическая система [Mandi 1955, 305]. Принцип предшествующих квалификаторов Манди усматривает в основе любых синтаксических комбинаций (от простейших до сложных). В турецком синтаксисе отношения "подлежащее – сказуемое", "объект – глагол" и проч. представляют точную параллель соотношению "прилагательное – имя существительное". В сущности, не имеет никакого значения, к какому грамматическому разряду относятся определяемые слова, а важны только отношения подчинения, важна опорная база, которая распространяется посредством квалификаторов [Там же, 281].

Получило развитие базирующееся на теории именного строя тюркской речи положение о том, что исходными для предикативных отношений являются атрибутивные отношения. Так, например, Э.В. Севорян полагает, что исторически предикативные отношения развивались и даже еще сейчас развиваются из атрибутивных отношений на почве грамматического их переосмыслинения, в результате чего атрибутивное сочетание распадается на

подлежащее и сказуемое (имеются в виду образования типа *мен аләнни бар* 'я брал' из *менің аләнным бар*). По мнению Э.В. Севортияна, анализируемая форма *иичимен* 'я рабочий' по своему строению исторически может быть понята не только как предикативная или атрибутивная группа, но и как синтаксически синкетическая, в которой отсутствует еще принципиальное разделение словесных групп на предикативные и атрибутивные [1961, 8].

Гипотезу о первичности атрибутивных отношений признает также Н.А. Баскаков. В одной из своих статей Н.А. Баскаков делает вывод, что предикативные и атрибутивные синтагмы имеют одинаковую корреляцию, т. е. предикативные синтагмы по своему происхождению те же атрибутивные синтагмы [Baskakov 1960, 36]. Если это так, то склонение *Meniң atam awulya baryan* 'Мой отец ушел в деревню' в древности непременно должна была иметь вид *Meniң atam awulya baryan ol*, иначе в сказуемом не получится атрибутивной группы *baryan ol* 'ушедший он'. Субстантивный элемент сказуемого в тюркских языках утратился [Там же]. В основе этой концепции Н.А. Баскакова лежит теория близости атрибутивных и предикативных групп К. Грёнбека. "Два следующие друг за другом имени, — писал К. Грёнбек, — превращаются в одно понятие, так что часто трудно сказать, следует ли его понимать как имя с его атрибутом, или это предложение. Например, *ol olurur* может быть самостоятельным высказыванием, или предложением — 'он сидит'. Центр тяжести в этом высказывании, однако, последнее имя, и *ol* находится в подчиненном положении. Следовательно, деятель (Agens) выражен здесь как атрибут отглагольного имени и представляет простое побочное определение имени. Передача его по-немецки как 'его сидение' (Sein Sitzen) или 'он сидение' (Er — Sitzen) точнее бы выражала его сущность. Это предложение, не меняя своей формы, может быть употреблено перед другим именем в качестве определения: *ol olurur jer* 'место, на котором сидит', букв. 'он сидение место' [Grönbech 1936, 85].

Исходя из того, что многие глагольные формы в тюркских языках «когда-то были причастиями, Н.А. Баскаков пришел к выводу, что причастия не могут находиться в предикате без определяемого, которым должен быть непременно какой-нибудь субстантивный элемент или его местоименный заменитель. Действительно, иногда местоимения в предикате встречаются, ср. тув. *Qara-ool bistüinge xüppiň kełir čiwe* 'Кара-оол к нам ходит каждый день'. В истолковании Н.А. Баскакова, *Кара-оол* — 'чего приходящее к нам каждый день' [Baskakov 1960, 34]. Ср. также тат. *Хәсан язучы ул* 'Хасан писатель' (букв. 'Хасан — писатель он'). Однако подобные примеры не позволяют считать данную конструкцию с местоимением своего рода стадией в развитии сказуемого в тюркских языках.

Случай появления местоимений в предикате можно объяснить иначе. Например, в татарском языке употребление местоимения *ул* 'он' в составе предиката (ср. *Хәсан — язучы ул* 'Хасан — писатель') объясняется тем, что, во-первых, это местоимение используется как средство эмфазы. Когда говорят: *Хәсан язучы ул*, то хотят особо подчеркнуть, что писатель именно Хасан, а не кто-либо другой. Во-вторых, в татарском языке наблюдается тенденция употреблять связку. Поэтому предложение *Хәсан язучы ул* можно в известной мере истолковать как 'Хасан есть писатель'. Связка

необходима для того, чтобы отличить подобные предложения от приложения.

Постулируемая некоторыми тюркологами древняя структура тюркского предиката "определение + определяемое" неверна хотя бы уже потому, что она противоречит фактам исторической действительности. В истории различных языков мира можно найти немало случаев, когда глагольная личная форма действительно возникает из причастия. Здесь более или менее регулярно обнаруживаются две фазы развития.

1-я фаза. Причастие сначала соединяется с глаголом-связкой. Образуется сочетание типа *написавший есмь*, *пишущий есмь* и т. д. В данном случае глагол-связка ни в коем случае не играет роли определяемого по отношению к причастию. Др.-рус. *писал есмь* некогда означало "написавший есмь".

2-я фаза. Подобные сочетания превращаются в формы *verbum finitum*. Современная русская фраза *он написал* никак не может означать 'он писавший'.

Имея в виду эту особенность, можно сравнительно легко объяснить первоначальное значение форм наст. времени в азербайджанском языке типа *билирам* 'я знаю', *билирсан* 'ты знаешь' и т. д., которые некогда означали 'знающий есмь', 'знающий еси' и т. д. Таким образом, приведенные выше случаи можно объяснить, не прибегая к гипотезе о первоначальной структуре древнего сказуемого в тюркских языках, представляющей словосочетание "определение + определяемое".

С теорией о первоначальном преобладании именного строя в тюркских языках связана и широко распространенная среди тюркологов концепция активизации субъекта действия. Основы теории о посессивной структуре предложения были заложены в работах И.И. Мещанинова и А.П. Поцелуевского. Дальнейшее развитие эта теория получила в работе М.Б. Балакаева [1948]. Рассматривая два типа предложений с субъектом в род. и осн. падежах, М.Б. Балакаев отмечает, что активный тип предложения заметно стал вытеснять пассивный тип [Там же, 27]. Некоторые тюркологи также придерживались этой точки зрения.

По мнению А.З. Абдуллаева, глагольные обороты на *-ан/-ган*, *-дыг* и др. с момента их появления обладали посессивным значением – их субъекты употреблялись в форме род. падежа и вместе с причастием и деепричастием образовывали словосочетания; со временем первый компонент утратил аффикс род. падежа, а второй – аффикс принадлежности [1967, 14]. Процесс развития синтаксической структуры тюркских языков нельзя сводить к преобразованию посессивного строя в номинативный. Анализ синтаксической структуры на материале различных тюркских языков показывает, что конструкции с род. падежом не изначальны, как не изначальна сама категория определенности-неопределенности. Развитие 3-го типа изафета, связанное с развитием форматива род. падежа, соотносимо с более поздним периодом тюркской пражзыковой общности. О более позднем развитии определенности в связи с развитием генитива писал К. Грёнбек [Grönbech 1936]. О. Бётлингк [Böhtlingk 1851] указывает на то, что в тюркских языках род. падеж возник после выделения из тюркской общности якутского языка, поскольку в якутском нет его признаков. Развитие род. падежа, связанное с категорией определенности, было поддержано и В.В. Кот-

вичем. Даже при современном состоянии тюркских языков, когда в них превалирует морфологизация, старая категория неопределенности тем не менее сохраняется как постоянная семантическая категория, которая вместе с порядком слов оказывает влияние на структуру предложения [Котвич 1962, 341].

Взгляд, который отражен в разработках изафета у Ж. Дени, К. Грёнбека, В.А. Богородицкого, в основном правилен, и морфологи, вероятно, будут вынуждены пересмотреть те части своих грамматик, где говорится об опущении разных морфологических элементов.

Большое внимание в тюркологической литературе уделялось вопросу о путях развития структуры сложного предложения. А. Рифтин выдвинул теорию двух путей развития сложного предложения (на материале аккадского языка). Первый путь — соединение двух простых предложений на базе сочинения, из которого в дальнейшем вырастает подчинение. Второй путь — развитие сложного предложения через обороты [Рифтин 1931, 66]. На материале тюркских языков эта точка зрения встретила поддержку со стороны некоторых тюркологов [ср. Севорян 1961, 126].

По существу, эта точка зрения является эклектичной, поскольку А. Рифтин в одинаковой мере признает предложениями как придаточные предложения, возникшие на базе сочинения, так и причастные и деепричастные обороты, фактически не являющиеся придаточными предложениями.

Точка зрения А. Рифтина противостоит другая гипотеза, исключающая возможность развития сложного предложения из простого и допускающая преобразование некогда личной формы в причастную, деепричастную, глагольно-имменную. Согласно такому взгляду собственно исходным материалом для построения сложного предложения во всех случаях является простое.

Основы этой теории на материале тюркских языков были заложены М.А. Казембеком. В грамматике турецкого языка содержится замечание, что причастные и деепричастные конструкции есть сокращенные придаточные предложения. Для сокращения фразы относительное местоимение со своим глаголом (разумеется, когда они составляют во фразе придаточное предложение) заменяется причастием наст. или прош. времени [Казембек 1839, 435]. Вопрос о сокращении придаточных предложений был поднят А. Востоковым в "Русской грамматике", вышедшей в 1831 г. Этой точки зрения придерживались Н.И. Греч, Д.В. Давыдов, позже — Ф.И. Буслаев.

Ценной у М.А. Казембека была сама идея о трансформации синтаксических конструкций. Однако в его теории не было достаточной четкости. Он отождествлял естественные причастные, деепричастные образования с аналогичными конструкциями с самостоятельными подлежащими. Кроме того, он предполагал, что в тюркских языках подвергались сокращению уже сложившиеся придаточные предложения. На самом деле трансформации подвергались первоначально два простых предложения.

В дальнейшем теория преобразования самостоятельного предложения в зависимую неличную конструкцию была развита Н.А. Баскаковым. Благодаря возможности предложения трансформироваться в притяжательное определительное сочетание последнее может выступать в качестве любого члена предложения, представляя собой своеобразное субстантиви-

рованное или атрибутивное предложение (*Ол аўлға кеткен* 'Он уехал в аул').

Н.А. Баскаков определил также признаки трансформации предложения. При трансформации предложения в определительное сочетание происходят следующие изменения отдельных членов предложения: а) подлежащее в осн. падеже при переходе в определительное сочетание трансформируется в определение к сказуемому и получает аффикс род. падежа; б) сказуемое предложения трансформируется в определяемое и получает соответствующий притяжательный аффикс. Остальные члены предложения при переходе одной конструкции в другую остаются без изменения [Баскаков 1961, 111, 112].

Те же идеи содержатся в работах Н.Т. Сауранбаева. Глагольные имена, причастия, деепричастия, являвшиеся некогда формами сказуемого простого предложения, постепенно становятся центром синтаксических отношений одного (подчиненного) и другого (главного) предложений. Автор указывает на важную структурную особенность: при переходе подчиненного предложения в изафетную конструкцию подлежащее становится дополнением в род. падеже, сказуемое — подлежащим с притяжательным аффиксом (ср. *Бала мектепке келген* 'Мальчик пришел в школу' и *Баланың мектепке келгени* 'Приход мальчика в школу' [Сауранбаев 1948, 33, 35]. Точку зрения на возможность преобразования самостоятельного предложения в определительную конструкцию разделяет и Г.И. Байтугаева. На материале казахского языка автор показывает, что причастное сказуемое можно изменить в первоначальную спрягаемую форму глагола; иногда же сказуемое определительной конструкции будет восприниматься не как причастие, а как давно прош. время изъявительного наклонения [Байтугаева 1958, 181]. С.А. Соколов также полагает, что причастие в определительной конструкции тур. *kitap satulan mağaza* 'магазин, в котором продаются книги' — потенциально возможный предикат в сложносочиненном предложении, которое развилось в сложноподчиненное [Соколов 1966, 158].

Вышеназванные тюркологи только показали возможный механизм преобразования простых предложений в зависимые конструкции (преимущественно определительные). Однако начальные стадии такого преобразования простых предложений остались нераскрытыми.

На самом деле модели зависимых конструкций, или, как мы их будем называть в дальнейшем, зависимых трансформ, создавались постепенно. Зависимые трансформы стали образовываться в тот период исторической жизни тюркских языков, когда возникла необходимость в более сложном построении мысли, связанном с развитием письменной речи. Это признание исключает предположение об изначальном существовании трансформ и позволяет говорить об относительной датировке процесса их сложения. В историческом развитии сложного предложения условно можно выделить три хронологических этапа: 1) абсолютное преобладание простого предложения; 2) появление первоначальных образцов, так сказать, несовершенных трансформ: разнообразных переходных, грамматически не устоявшихся конструкций; комбинированных способов выражения подчинения; 3) оформление и развитие зависимых трансформ, этот этап подготовлен предшествующими этапами исторического развития, а исходный

импульс их возникновения следует искать очень рано — в период абсолютного преобладания простых предложений, когда простые предложения объединялись по способу примыкания.

Указание на возможность трансформаций далеко не решало всего круга сложных проблем, связанных с созданием исторического синтаксиса тюркских языков. Создавалось впечатление, что все его особенности сводятся только к трансформации предложений. На самом деле история тюркского синтаксиса — это история различных синтаксических приемов.

Хронологически очень раннее существование простых предложений признают многие тюркологи. Первоначально тюркские языки, отмечает К. Брокельман, знали только простые предложения, следующие друг за другом без союзов [Brockelmann 1954, 389, 391]. Исследование синтаксической структуры языка памятников тюркских языков приводит к тем же выводам. Бессоюзные сложные предложения в языке памятников XI в. ("Дивану Лугат-ит-турк", "Кутадгу билг") являются самыми употребительными. Преобладание структуры цепных присоединительных предложений на раннем этапе развития тюркских языков отмечает и Т.Р. Кордабаев [1967, 16–17].

Определительные конструкции, примыкающие к главному, были объектом анализа многих авторов. Конструкции типа *quis olturur uıγač* 'дерево, на котором сидит птица', которую К. Брокельман рассматривает как "довольно раннее" синтаксическое образование, некоторые советские тюркологи относят к раннему периоду пратюркской общности [Дмитриев 1948, 253]. Так, например, С.А. Соколов конструкцию типа *kitap satılan mağaza* 'магазин, в котором продаются книги' рассматривает как исконную для многих тюркских языков, весьма древнюю, представляющую собой прототип придаточного предложения. Дальнейшее развитие этого архаического типа придаточных предложений в тюркских языках, отмечает он, шло, по-видимому, в направлении от паратаксиса к гипотаксису, путем приобретения дополнительной синтаксической связи — аффикса принадлежности 3-го лица при субъекте конструкции. Архаичные конструкции типа *tütün yetişen yer* 'место, где производится табак' непродуктивны для современного турецкого языка, в котором широкое распространение получили синтаксические образования типа *dami yanap ev* 'дом, у которого горит крыша' [Соколов 1966, 156, 158]. Н.К. Дмитриев связывал их происхождение с развитием литературного языка, поскольку разговорный язык предпочитает более древнюю форму той же конструкции (без аффикса принадлежности при субъекте действия) [Дмитриев 1948, 253].

Несомненно, что конструкции, первый член которых подвергся притяжательной аттракции (оформление род. падежом), — результат более позднего развития по сравнению с теми, которые связаны с последующим предложением одним порядком слов. Н.К. Дмитриев образцы подобной конструкции считает старше по возрасту, чем образования типа *kyzy ulgən kart* 'старик, у которого умерла дочь'. Хронологически более ранние конструкции типа *atы бар батыр*, *аты юк ятыр* 'тот, у кого есть конь, — батыр, тот, у кого нет коня, лежит' зафиксированы в старых фольклорных текстах. Такого рода предложения, типичные для башкирского и всех тюркских языков, отражают процесс создания относительного придаточного из независимого простого, которое ставится перед главным

в качестве его логического определения. На следующем этапе исторического развития подобных конструкций, отмечает Н.К. Дмитриев, возможна формальная связь между двумя предложениями посредством булган: *Булат аксаны күп булган кешеләрдән түгел* 'Булат не из таких людей, у которых много денег' [1948, 254–255].

Вопросами, связанными с природой синтаксической конструкции типа каз. *баласы бар эйел* 'женщина, имеющая детей', занимался Э.В. Севорян. Считая, что эти конструкции возникли относительно поздно, он полагает, что с синтаксической точки зрения они скорее атрибутивно-предикативные, напоминающие образования типа тур. *yetiş dolu bahçe* 'сад, полный плодов'. По их образцу строятся синтаксические группы с причастием типа аз. *анасы хәстә дүшмүш ушаг* 'ребенок, у которого заболела мать' [Севорян 1961, 134].

Определительные конструкции с субъектом действия, оформленным род. падежом, типа туркм. *мениң эдийән ишим* 'работа, исполняемая мной' выделяются А.П. Пощелуевским в особый структурный тип предложения квазизрвативного строя. Предложения квазизрвативного строя и посессивные предложения А.П. Пощелуевский рассматривает как две самостоятельные линии развития, имеющие общим исходным пунктом инкорпорированное слово-предложение. Дальнейшая ступень развития квазизрвативного предложения выражается в том, что отпадают формальные показатели грамматической связи субъекта и объекта, и оба они оказываются стоящими в одном и том же прямом падеже, т. е. взамен потенциальных предложений типа *бизиң гөрен яшларымыз* 'виденные нами юноши' появляются предложения нового строя *биз гөрен яшлар* [Пощелуевский 1946]. С.А. Соколов, называя такие трехчленные конструкции предикативно-атрибутивными, форму род. падежа субъекта действия связывает с категорией определенности-неопределенности [Соколов 1966, 172].

Специфику приводимых выше конструкций многие тюркологи объясняли особыми свойствами формирующего конструкцию члена – сказуемого-причастия. Попытка исторического объяснения употребления сказуемого-причастия в названных конструкциях предпринималась Э.В. Севоряном: это употребление причастий он объясняет сохранившейся до наших дней нейтральностью глагола в отношении категории активности–пассивности (активное и пассивное значение причастий различается по определяемому имени [Севорян 1958, 35]).

Анализу в историческом плане подверглись и отдельные структурные элементы простого предложения. Наибольшее внимание исследователей привлекали способы выражения сказуемого и в особенности проблема связки. Как уже указывалось, исторически предикативные словосочетания, или предложения-суждения, по мнению Н.А. Баскакова, представляли собой сопоставление двух слов-понятий (предметов-субстанций), из которых первое в функции подлежащего-субъекта имело характер конкретного единичного отдельного слова-понятия, а второе – в функции сказуемого-предиката имело характер абстрактного общего слова-понятия с обязательным универсальным признаком, определяющим это выраженное в сказуемом-предикате абстрактное общее слово-понятие в пространстве и времени, т. е. признаком всегда динамическим (глагольным).

Следы такой древней структуры предложения отмечаются в древне-

уйгурском языке, в литературном языке караханидского периода и в ряде современных тюркских языков. Ср., например, тув. *мал.-хавула чор ол* 'скот пасется на пастбище'; *Фазыл-тимерше ул* (<тимерше туур *ул*) 'Фазыл-кузнец', букв. 'кузнецом являющийся он (тот) // тот, кто является кузнецом'.

Имя со связкой генетически восходит к своего рода словообразовательной форме составного глагола. Модель простого предложения *бу ат-жакъсы дир* или *бу ат-жакъсы* является более новой структурой по сравнению с первоначальной моделью *бу ат-жакъсы ат* (*жакъсы туур ат ол*) 'эта лошадь — хорошая лошадь' [Баскаков 1956, 83, 86]. Предикативный показатель *ол/ул*, известный как в старых, так и в современных тюркских языках, Э.В. Севортиян рассматривает как "довольно древнюю" форму выражения предикативности в 3-м лице — ср. тат *ул эиче ул* 'он рабочий'. Использование местоимения *ол* при оформлении сказуемого отмечал и К. Брокельман; он считал, что местоимение *ол* имеет тенденцию к переходу в связку: *täniñ tänyim kim ol?* [Brockelman 1954, 274, 275] 'кто мой бог?'. Вопросы, связанные с происхождением глагола-связки наст. времени ставились В. Котвичем на материале старых памятников и живых тюркских языков, сохранивших несколько форм недостаточного глагола *-ä*, *är* (*äñir*, *ärinç* и проч.). В. Котвич считает основным глагол-связку *ä*, которая может иметь варианты с узкими *e* и *i*. Элемент *-r* в форме *är-er-* возник как показатель аориста, подтверждением этому служит сохранившееся в ряде тюркских языков слово [*emes*] 'не есть, не имеется' — отрицательная форма аориста от корня *ä* - [Котвич 1962, 280].

Вопрос о причинах исчезновения глагола-связки наст. времени не ставился ни в тюркологический, ни в общеалтайской литературе.

Способы выражения связи наст. времени в тюркских языках очень разнообразны. Широкое использование личных местоимений (подчиняясь действующему закону сингармонизма, они претерпевали фонетическую трансформацию, переходя в разряд аффиксов), наличие связки *-тур/-туур*, использование формы глагола 3-го лица для всех лиц, использование слов *бар//йок* в функции связки и др. — все это немало способствовало разрушению и вытеснению связки *ä*. Таким образом, связка *ä* могла быть постепенно вытеснена благодаря существованию в тюркских языках значительного числа ее грамматических аналогов.

При историческом анализе структуры сложного предложения на материале отдельных тюркских языков основное внимание исследователей обычно направлено на развитие тех или иных конкретных союзов, исчезновение одних союзов и появление других, изменения, происходящие в сфере их употребления, соотношение на определенных этапах исторического развития причастных, деепричастных и союзных конструкций [Абдурахманов 1967, 4, 5].

В ряде работ ставятся вопросы этимологии отдельных союзных слов, и реконструкции грамматических форм. Для исторического изучения структуры синтаксических конструкций имеют важное значение положение К. Брокельмана о том, что так называемая условная форма *-я* в своей основе является оптативом и что безличной формы глагола первоначально тюркские языки не знали [Brockelmann 1954, 398, 399], замечание Грёнбека о том, что окончание *-lar* первоначально означало не

мн. число, а коллективность, собирательность [Grönbeck 1936, 58], наблюдение А.Н. Кононова относительно "склонений предложений" в тюркских языках [1967, 23].

К числу достижений в области разработки теории исторического синтаксиса можно было бы отнести следующие положения: исходным материалом построения сложного предложения является простое; первоначально тюркские языки знали только простые предложения, следующие друг за другом без союзов; личная глагольная форма может преобразовываться в причастную, деепричастную и глаголно-именную форму; в тюркских языках некогда существовали формы наст. времени глагола-связки *ä-*.

Теория первоначального именного строя тюркской речи основывается на утверждении, будто бы древний тюркский предикат всегда строится по схеме: "причастие + связка". Такое утверждение неверно хотя бы потому, что есть образования типа каз. *бар-а-мын* 'я иду', построенные по схеме: "корень глагола + аффикс многократного действия + личное окончание". Не могут быть подтверждением вышеуказанного положения формы типа *алыр-мын* 'я возьму'. *Алыр-*, действительно, когда-то было причастием, подобно тому как в русском языке *писал* когда-то было формой причастия от глагола *писать*. Тюркологи, утверждающие, что форма *алырмын* – причастная форма в предикате, смешивают два вопроса – использование причастия для построения глагольных форм и фактическое существование причастия. Хотя в структуре форм типа *алырмын* и имеется причастие, но оно здесь уже перестало быть причастием. Наглядным подтверждением того, что тюркский глагольный предикат не был именным с самого начала, является различие форм отрицания у глагола и имени.

В тюркологии были также сторонники теории о посессивной структуре предложения, заложенной в трудах И.И. Мещанинова и А.П. Поцелуевского (см. об этом выше). Отпричастные имена существительные с притяжательными суффиксами широко употребляются для образования глагольных времен в таких сугубо номинативных языках, как угрофинские. Никакой особой посессивной стадии в данном случае не прослеживается.

Кроме описанного выше, созданию правильной теории исторического синтаксиса тюркских языков мешает следующее.

1. Отсутствие исторических грамматик по ряду языков.
2. Отсутствие письменных памятников многих языков (алтайского, карачаево-балкарского, ногайского и др.).
3. Невыясненность преемственных связей между целым рядом древних тюркоязычных памятников и современными языками. Не следует думать, подчеркивает в одной из своих последних работ П.А. Батманов, что язык памятников орхоно-енисейской письменности был тем "праязыком", на основе которого развивались другие тюркские языки. Во-первых, особенности тюркской речи (в отличие от тунгусской, монгольской и др.) сложились задолго до возникновения письменности у ее носителей; во-вторых, носители этой речи в VI–VII вв. не составляли единой народности. Автор предполагает, что в орхоно-енисейских памятниках получила прямое отражение речь одного из небольшой группы активных племен, наряду с которой могли существовать незафиксированные в письменности диалекты, наречия или языки. И.А. Батманов считает, что енисейские признаки отра-

зились в языках предков киргизов, тувинцев, шорцев, хакасов и других, огузские (орхонские) признаки в ходе сложного развития вошли в туркменский, азербайджанский языки. Грамматический анализ языка памятников тюркской рунической письменности свидетельствует о их генетической связи не только с огузскими, но и с якутским языком [Батманов 1966, 12].

4. Жанровая неоднородность языка памятников, дифференцированность самих тюркских языков уже в эпоху енисейско-орхонских памятников и, следовательно, существование общетюркского языка-основы в эпоху, значительно удаленную от времени появления первых памятников на тюркских языках. В языке памятников древнетюркской письменности явно выражены диалектные черты, являвшиеся в одних случаях остатками сближившихся племенных языков, а в других случаях зарождавшимися новыми тюркскими языками, получившими дальнейшее развитие.

Сопоставление фактов из современных тюркских языков с признаками древних тюркских говоров позволяет сделать вывод, что характерные особенности, отличающие современные тюркские языки (или их группы) друг от друга, начали формироваться в период, непосредственно предшествующий возникновению памятников орхено-енисейской письменности (V–VIII вв.) или даже раньше (ср. в енисейских памятниках зарегистрированные колебания в оформлении дат.-напр. падежа — сосуществование показателей *-a* и *-ga*) [Батманов 1964]. Поэтому при анализе синтаксической структуры языка памятников не следует забывать об их жанровой неоднородности: если памятники "Мухаббат-наме" Хорезми, "Гулистан-бит-турки" Сейфи Сараи и "Юсуф и Зулейха" Дурбека отражают литературный кыпчакский язык мамлюнского Египта, то в таких старокыпчакских памятниках того же периода, как "Китаб ал-идрәк ли-лисән ал-ат-räk" Абу Хайана, "Китаб ат тухфат уз-закый филугар-ат-туркый" анонимного автора XIV в., нашли известное отражение старокыпчакские разговорные языки.

5. Отсутствие четко выработанных методов и приемов исследования сравнительно-исторического синтаксиса. Большинству тюркологических работ свойственна большая осторожность в применении сравнительно-исторического метода. Что же касается синтаксиса, то в тюркологии, к сожалению, даже не предпринимались попытки его построения в сравнительно-историческом плане. Даже в очень содержательном труде К. Грёнбека "Der türkische Sprachbau" мы не найдем никаких реконструкций синтаксических единиц. В ценных трудах О. Бётлингка, Н.И. Ашмарина, Н.Ф. Катанова преобладает метод сопоставления. Задачи сравнительно-исторического синтаксиса в свое время пытались сформулировать Е.Д. Поливанов. По его мнению, возможны заключения относительно пражзыковых синтаксических явлений на основании сравнения синтаксисов родственных языков; сравнительная морфология изучает историю морфологий родственных языков, а сравнительный синтаксис — историю их синтаксисов. Е.Д. Поливанов выдвигает понятие "синтаксическая историология" — общее учение о действительных для всех языков принципах и причинах синтаксической эволюции. К сожалению, задачи сравнительно-исторического синтаксиса тюркских языков не были осуществлены на конкретном материале, идеи автора не были развиты [1928, 30, 47].

Метод сопоставлений, широко применяемый в последние годы в работах по тюркскому синтаксису, оставляет в стороне проблемы историко-генетического порядка, вопрос об общей основе тюркского синтаксиса.

6. Неоднозначное понимание таких синтаксических категорий, как словосочетание и предложение.

Рассмотрение словосочетания на правах самостоятельной синтаксической единицы наряду с предложением принадлежит русской тюркологической школе. Довольно четкое разграничение этих двух полноправных синтаксических единиц дано в работах Н.К. Дмитриева. Всякое синтаксическое сочетание, части которого осознаются в отношении друг к другу как подлежащее и сказуемое, является предложением. И обратно: всякое синтаксическое сочетание, части которого не осознаются нами как внутренне связанные подлежащее и сказуемое, будет не предложением, а словосочетанием [1961, 43]. Н.К. Дмитриев справедливо отмечает, что словосочетание не является формой для выражения какой-либо активности или какой-то динамики: это форма для выражения синтаксических отношений между словами-предметами. Словосочетание может выражать действие с объектом и обстоятельствами, если это действие взято в чисто статическом плане и не имеет своего субъекта [Там же, 43, 69].

Разграничение словосочетания и предложения последовательно проводится в работах Н.А. Баскарова, выдвигающего в качестве существенного признака предложения выражение им суждения [1961, 50]. М.З. Закиев, строго дифференцируя словосочетания и предложения, подчеркивает, что предложение как основная единица речи является основным коммуникативным средством языка; вне предложения словосочетания не участвуют в процессе общения, их выделяют из предложения для того, чтобы изучить строение предложения [1963, 105]. Словосочетания как самостоятельные синтаксические единицы детально описаны на материале конкретных тюркских языков — азербайджанского, казахского, узбекского, якутского и др.

Вместе с тем существует и точка зрения, согласно которой словосочетания понимаются довольно широко. Так, например, Е.И. Убрятова отмечает, что сочетания слов в тюркских языках играют совсем другую роль, чем номинативные сочетания в русском языке; сочетания слов (членов предложения) в этих языках противопоставлены предложению (предикативному сочетанию) не так, как в русском языке, где словосочетание — только строительный материал для предложения [1976, 33]. Примерно такая же точка зрения была свойственна всем представителям старой классической тюркологической школы, которые в основу учения о синтаксической структуре тюркских языков положили теорию исторического развития групп слов (иначе — словосочетаний). Так, например, К. Грёнбек подчеркивает отсутствие резкой границы между именной и предикативной группами, особенно в раннем периоде. Два рядом стоящих имени образуют одно понятие, и иногда трудно сказать, имеем ли мы имя с определением или предложением [Grönbech 1936, 85]. Теория групп слов, представляющих собой предложения, представлена в ранней грамматике М.А. Казембека [1839, 392—393], в работе Ж. Дени [Deny 1921, 709—722] и др.

Сравнительно-исторический анализ затрудняется тем, что четко не определены границы словосочетаний. Существует точка зрения, согласно которой

словосочетание может состоять из одного знаменательного и одного служебного слова [Дмитриев 1948, 203]. Согласно другой точке зрения, словосочетание должно состоять не менее чем из двух полнозначных знаменательных слов [Закиев 1963, 108]. Различны и принципы классификации словосочетаний. В основу классификации кладется либо синтаксическая функция члена предложения — зависимого компонента [Дмитриев 1948, 212–217, 80–91], либо способы связи слов в словосочетаниях: примыкание, управление, согласование [Убрытова 1950, 31–82]. Нам представляется, что наиболее оправдан тот критерий классификации словосочетаний, согласно которому учитывается (в первую очередь) грамматический разряд и главного формирующего члена, и зависимого компонента.

В отношении изафета как разновидности определительных словосочетаний, выделяемых в традиционной грамматике в самостоятельную синтаксическую категорию, также имеются разноречивые суждения. Одни тюркологи высказали сомнения в отношении выделения 3-го типа изафета [Боровков 1935, 169–174], другие не считают изафетными безаффиксальное сочетание двух имен [Насилов 1940, 52]. В целом ряде грамматик по тюркским языкам изафет понимается слишком широко, в него включаются обычные типы определительных словосочетаний [АГ 1959, 19].

Известные трудности для сравнительно-исторических исследований создаются и разноречивыми толкованиями структуры простого предложения, природы глагольного сказуемого. Сторонники именной структуры тюркской речи обычно отождествляют *verbum finitum* с причастиями. Так, например, Н.А. Баскаков пишет: "Глагол в туба-диалекте, как и в литературном алтайском языке и в других тюркских языках, реализуется в речи в виде особых функциональных форм: имени действия, причастия и деепричастия" [1966, 47]. Диаметрально противоположной точки зрения придерживается другая группа тюркологов, для которых решающим критерием при определении придаточных предложений является наличие сказуемого в личной форме (*verbum finitum*) и которые поэтому относят все причастные, деепричастные и глагольно-именные конструкции к составу простого предложения.

ОСНОВНЫЕ ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Теоретические основы создания исторического синтаксиса какого-либо конкретного языка являются наиболее слабым местом общего языкоznания. И это явление имеет свои причины.

В языкоzнании долго господствовало мнение, что исторический синтаксис есть не что иное, как история значений грамматических форм (а не история синтаксических единиц — словосочетаний и предложений). Совершенно естественно, что такого рода исследования не затрагивали принципиальных синтаксических вопросов.

Позднее это направление сменяется другим. Основной задачей исторического синтаксиса начинают считать сравнение синтаксиса данного языка с синтаксисом его исторического предшественника. Построение исторического синтаксиса какого-либо языка, располагающего памятниками, произ-

водится по формуле: "что было — что стало". По этому принципу построены грамматика староперсидского языка А. Мейе, синтаксис древнерусских грамот В.И. Борковского и т. д. Конечно, этот метод имеет полное право на существование. Но только требуется одно непременное условие: должна быть доказана реальная историческая преемственность между современным языком и его предшественником, как, например, между древнерусским языком и современным русским, между латинским языком и современными романскими языками.

В работах по историческому синтаксису отдельных тюркских языков, выполненных в наших тюркоязычных республиках, довольно часто это основное условие не соблюдается. Создается идеализированное представление о том, что все синтаксические особенности памятников древнетюркской письменности являются наиболее архаичными. Поэтому многие исследователи истории синтаксиса казахского, узбекского, киргизского и раннетюркских языков считают своей непременной обязанностью привести примеры из словаря Махмуда Кашгарского, орхонских памятников и т. д. Языки, на которых написаны эти памятники, априори рассматриваются как исторические предшественники любого современного тюркского языка. Эффективность такого метода довольно сомнительна, поскольку фактически остается недоказанной историческая преемственность между современным языком и языком памятника. Отсюда, конечно, не следует, что действительные архаизмы, содержащиеся в памятниках древнетюркской письменности, должны вообще игнорироваться. Однако их научная ценность определяется другими методами.

Гораздо сложнее обстоит дело, когда исследователь сталкивается с необходимостью изучения истории синтаксических единиц в рамках группы родственных языков. В этой области исследования вообще нет определенных и четких методов. Самой трудной проблемой является создание так называемого синтаксического архетипа. При наличии группы материально родственных слов из генетически родственных языков и знания звуковых соответствий создание архетипа представляется вполне возможным. Однако трудность реконструкции состоит в том, что модели словосочетаний и предложений не имеют сколько-нибудь постоянного лексического состава. Их состав является переменным.

Первая попытка найти в синтаксическом архетипе определенную опору принадлежит Б. Дельбрюку. Рассматривая историю относительного придаточного предложения в индоевропейских языках, Дельбрюк пришел к выводу, что в индоевропейском языке местоименная основа *đo* уже могла употребляться в роли относительного местоимения, и это было единственное относительное местоимение того периода [Delbrück 1893, 405]. Дельбрюк наглядно показал, что синтаксический архетип может быть только общей типовой моделью синтаксической единицы, а не целостным архетипом. Кроме того, он установил, что сама типовая модель может иметь характеризующую ее формальную опору. Например, местоименная основа *đo* фактически является формальной опорой определенного типа синтаксической единицы — относительного придаточного предложения. Отсюда следует, что синтаксический архетип может быть только моделью, но не простой моделью, а моделью, имеющей вполне определенную морфологическую опору.

Открытие Б. Дельбрюка создает основу для создания новой концепции исторического синтаксиса.

Некоторые возражения высказываются в связи с тем, что тюркские языки еще не настолько изучены, чтобы можно было говорить о создании какой-то новой концепции исторического синтаксиса тюркских языков. Но такие опасения совершенно напрасны. В настоящее время уже созданы необходимые условия для изучения синтаксиса тюркских языков.

В последние годы в тюркологии проделана очень большая работа по научно-критическому изданию памятников (см. работы С.Е. Малова, А.К. Боровкова, А.Н. Кононова, И.А. Батманова, А.А. Зайончковского, А. Габэн и др.), а также по грамматическому описанию редких тюркских языков и их диалектов (лобнорского, тофаларского, диалекта черневых татар, языка сибирских татар и др.), что является необходимой базой для воссоздания истории тюркских языков.

В продолжение лучших традиций В.В. Радлова, В. Томсена, П.М. Мелиоранского проведена значительная работа по систематическому описанию древнетюркских источников (см. работы по исследованию языка енисейских памятников древнетюркской письменности, памятника "Кутлуг-каган" VIII в., дастана "Китаби деде Коркуд", памятника арабского письма "Дивану Лугат-ит-турк" Махмуда Кашигарского, памятников древних кыпчакских языков, тюркских текстов из Восточного Туркестана, памятников древнеуйгурской и староузбекской письменности, сочинения Абу-л-Гази "Родословная туркмен", лексики "Среднеазиатского тифсира" XII–XIII вв., а также памятников конкретных тюркских языков).

Систематическое описание языка разных тюркских источников составляет довольно значительный раздел и в зарубежной исторической тюркологии.

В нашей стране проделана значительная работа по изучению диалектов различных тюркских языков.

Таким образом, накоплен довольно большой фактический материал.

В чем заключаются основные особенности предлагаемой здесь концепции исторического синтаксиса семьи родственных языков? Основным объектом исследования согласно этой концепции являются синтаксические единицы, т. е. словосочетание и предложение. Точной отсчета при изучении истории словосочетаний и предложений является синтаксический архетип, возводимый к праязыковому состоянию. Каким путем такой исторический архетип может быть создан?

Морфологические единицы (корень, аффиксы и т. п.) допускают возможность реконструкции цельной морфологической единицы. Так, например, тадж. *naw* 'новый', англ. *new*, нем. *neu*, греч. *έος* и русск. *новый* могут быть возведены кциальному архетипу **neios*. Личные окончания глаголов 3-го лица мн. числа в таких формах, как рус. *они берут*, лат. *laudant* 'они хвалят', др.-нем. *nim-ant* 'они берут', др.-инд. *bhar-anti* 'они несут' и т. д., также допускают возможность восстановить цельный архетип этого личного окончания *-*nti*.

Синтаксические единицы (словосочетания и предложения), как правило, мобильны. Можно было бы поэтому ограничиться содержательной моделью выбранной для исследования синтаксической единицы, например: "прилагательное + существительное", "причастие + существительное" и

т. д. Но такой прием не принес бы никакой пользы. Теоретическая (содержательная) модель словосочетания "прилагательное + существительное" допускает необычно разнообразное наполнение. Исторический синтаксис конкретного языка можно было бы построить по типу исторически последовательной смены моделей словосочетаний и предложений. Но такой синтаксис был бы чрезвычайно неконкретен и безлик. Во-первых, трудно было бы определить, к какому конкретному языку данная модель относится, поскольку у нее нет никаких конкретных языковых характеристик. Формула словосочетания "прилагательное + существительное" приложима ко многим десяткам различных языков. Если мы скажем, что аналогом русского дополнительного предложения, вводимого союзом *что*, является от причастное имя в вин. падеже, выступающее в роли объекта глагола главного предложения, то эта формула в одинаковой мере применима не только к тюркским, но также к монгольским, тунгусоманьчжурским и даже некоторым восточным финно-угорским языкам.

Все это лишний раз свидетельствует, что абстрактные модели словосочетаний и предложений не могут быть синтаксическими архетипами. Отсюда напрашивается только один вывод — семантическое содержание архетипа должно иметь определенную морфологическую опору. Выделение морфологической опоры имеет двоякое значение. Прежде всего она обеспечивает определенную паспортизацию выбранной синтаксической конструкции. В словосочетании типа тур. *gïçlü at* 'сильная лошадь' морфологическая опора — аффикс прилагательного *-lü* (<ly) — свидетельствует о том, что данное словосочетание характерно именно для тюркских языков, а не для каких-либо других. Кроме того, историку языка необходимо выявить историческое развитие, изменение выбранной синтаксической единицы. Такое изменение можно установить только прослеживая историю самой морфологической опоры. Каким-либо другим путем это историческое изменение установить нельзя. Тем самым исторический синтаксис теснейшим образом связывается с исторической морфологией. Без исторической морфологии не может быть исторического синтаксиса группы родственных языков. Все это свидетельствует о том, что реконструкция синтаксических единиц также возможна. Сущность этой реконструкции сводится к определению наиболее древнего типа выбранной синтаксической единицы и установлению ее морфологической опоры.

ПРИЕМЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

При синтаксической реконструкции используются следующие приемы.

Прежде всего определяется семантический тип отобранной для исследования синтаксической конструкции, которая может быть словосочетанием, простым или сложным предложением или каким-нибудь типом сложного предложения. Он обычно определяется на основании учета семантики входящих в него частей речи, например: "прилагательное + существительное", "причастие + существительное", "местоимение + существительное", "имя в вин. падеже + глагольная форма", "имя в дат. падеже + глагольная форма", простое именное предложение со связкой, зависимая трансформа с определенным формирующим членом, придаточное предложение, вводимое каким-либо союзом, и т. д. Определение семантического типа представ-

ляет только первый подготовительный этап и само по себе не выявляет никакой истории. Кроме того, во многих языках семантические типы могут совпадать.

Следующим этапом является определение конкретной структурной модели выбранного семантического типа с учетом характера так называемой морфологической опоры этой модели, ср., например, в тюркских языках:

относительное прилагательное с афф. *-лы/-ли* + существительное: тур. *güçlü adam*; тат. *көчле кеше* 'сильный человек';

причастие с афф. *-ган* + существительное: тат. *килгэн кеше* 'приехавший человек', каз. *қайтқан шал* 'вернувшийся старик';

имя в дат. падеже на *-а* + глагольная форма: аз. *анасына көндәрди* 'он послал своей матери', тур. *arkadaşına verdi* 'он дал моему товарищу';

наречие с афф. *-ча* + глагольная форма: аз. *русча данышыр* 'он говорит по-русски', тур. *türkçe söylüyor* 'он говорит по-турецки';

глагольное предложение со сказуемым, выраженное прош. временем на *-ды*: ккалп. *мен бүгін базарда орақ сатып алдым* 'я сегодня купил на базаре серп' [ККРСл. 1958, 850], тур. *yangın çıktı* 'возник пожар'.

При изучении таких синтаксических единиц, как сложное предложение союзного типа, следует учитывать морфологические особенности связующих средств. Ср., например, происхождение союзов *ки*, *чунки*, которые вводят придаточные предложения.

Однако определение конкретной структурной модели, характеризующейся конкретной морфологической опорой, также пока ничего не говорит нам об истории выбранной синтаксической единицы. При изучении ее истории необходимо выявить синтаксический архетип и отношение выбранной нами модели к синтаксическому архетипу. Выбранная модель или сама может быть архетипом, или может быть результатом исторического изменения предшествующего ей архетипа.

Прежде всего необходимо выявить территориальную распространенность выбранной модели, которая может быть тотальной, охватывающей все родственные языки, или частичной, охватывающей только отдельную группу языков. Могут быть случаи, когда конкретная модель синтаксического построения встречается только в одном или двух языках.

Очень большая степень распространенности модели может служить показателем ее существования в плоскости пражзыка. Необычайно высокая степень распространенности таких явлений, как деепричастие на *-ып*, наст.-буд. время на *-ар*, *-ыр*, дает основание предполагать, что эти явления уже существовали в тюркском пражзыке. Вместе с тем тотальная распространенность модели не всегда является наиболее веским доказательством наличия данной модели в пражзыковом состоянии. Так, например, глагольные словосочетания с именем в исх. падеже на *-дан* имеют очень большое распространение в современных тюркских языках, но их нельзя отнести к пратюркской общности, поскольку в глубокой древности исх. падежа на *-дан* не было. В современных тюркских языках значительно распространен 3-й тип изафета, который нельзя отнести к раннему общетюркскому состоянию, поскольку его возникновение, связанное с развитием род. падежа, относится к более позднему периоду пратюркской общности.

Из сказанного следует, что исследование истории того или иного форматива, представляющего морфологическую опору выбранной нами син-

таксической конструкции, является определяющим при исследовании истории этой синтаксической единицы, поскольку ее семантический тип сам по себе не позволяет воссоздать какое-либо историческое движение.

Территориальная ограниченность распространения модели чаще всего служит показателем того, что модель возникла позднее, в ограниченной зоне. В эпоху существования праязыка ее не было. Глагольное предложение со сказуемым, выраженным буд. временем на *-ачак*, *-ечек*, зонально ограничено. И действительно, такое предложение возникло позднее. Афф. *-ачак* существовал в период пратюркской общности и обозначал склонность к чему-либо или возможность что-либо сделать. Позднее в некоторых тюркских языках развилось значение буд. времени. Таким образом, в данном случае зональная ограниченность буд. времени на *-ачак* свидетельствует о том, что в тюркском праязыке этой формы не было.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Синтаксический архетип устанавливается в результате изучения множества однотипных морфологических моделей. Одиночная модель, зафиксированная только в одном языке, в данном случае не является показательной. Предположим, мы нашли в татарском языке словосочетание *айлы төн* 'лунная ночь'. Морфологической опорой этого словосочетания будет афф. *-лы*. Для установления архетипа необходимо поискать наличие того же аффикса прилагательных в других тюркских языках. И действительно, прилагательные с афф. *-лы*, образующие подобные словосочетания, обнаружены и в других тюркских языках, ср. узб. *кучи от* 'сильная лошадь', каз. *тасты жер* (<*ташлы жер*) 'каменистая земля' и т. д. Однако архетип словосочетания "прилагательное с афф. *-лы* + имя существительное" устанавливать пока преждевременно. Есть тюркские языки, сохранившие более древнюю форму этого аффикса — *-лыг*, ср. тув. *даглыг* 'гористый', *харлыг* 'снежный', хак. *чиллиг* 'ветреный', тоф *маллыг* 'имеющий скот', *куштуг* 'сильный' и т. д. Следовательно, архетип словосочетания будет выглядеть иначе: "прилагательное + афф. *-лыг* + имя существительное".

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ

В нашей тюркологической литературе широко распространено мнение, что все языковые явления, встречающиеся в памятниках древнетюркской письменности, являются наиболее архаичными. Такими кладезями архаизмов считаются словарь Махмуда Кашигарского, Орхонские надписи и т. п. Однако мнение это неправильное. Тюркские языки, на которых написаны памятники древнетюркской письменности, отнюдь не отражают праязыкового состояния в его неизменном и чистом виде. Поскольку языки изменяются неравномерно, то и в памятниках письменности могут содержаться наряду с архаизмами также и неологизмы.

У Махмуда Кашигарского есть форма прош. времени на *-дык*, например: *ол кэлдүк* 'он пришел', *біз кэлдүк* 'мы пришли' (МК II, 61) и т. д. Некоторые тюркологи считают, что она хронологически предшествует форме прош. времени на *-ды*. Мы считаем, что, скорее всего, эти формы — частный слу-

чай превращения в *verbum finitum* причастия на -дык, распространенного в тюркских языках огузской группы. Отсутствие прош. времени на -дык во всех других тюркских языках подтверждает наше предположение.

В современном турецком языке нет причастия прош. времени на -ган. Не было его и в енисейско-орхонских памятниках. Однако отсюда не следует, что в турецком языке этой формы вообще не было. Такие реликты, как совр. тур. *çalışkan* 'работающий' от *çalış-* 'работать', аз. *гудурған* 'бешенный', от *гудур-* 'взбеситься', *ярган* 'овраг' от *jap-* 'рассекать', тур. *kurgan* 'крепость' от *kur-* 'строить' и т. д., свидетельствуют о том, что причастие на -ган некогда существовало и в турецком языке, а затем оно было вытеснено причастиями на -ан, -дык, а позднее — причастием на -мыши.

Особую осторожность следует соблюдать при пользовании письменными памятниками, написанными на некоторых распространенных в средние века литературных тюркских языках типа чагатайского, тюрки и т. д. Так, например, в сборнике "Древняя татарская литература" (1963) приводится отрывок из произведения "Иосиф и Зулейка", причисляемого авторами данного сборника к памятникам старой татарской литературы. В этом памятнике довольно часто употребляется прош. время на -мыши: *Ул кою Ашнудан калмыш иде. Аны Ашну-Гад кяфбер казмыши иде* 'Этот колодец остался от Ашну. Его выкопал неверный по имени Ашну-Гад' (БТЭ, 101). На самом же деле язык приведенного в сборнике памятника не имеет прямой преемственности с современным татарским языком и относится к числу современных памятников. На этом основании вряд ли можно сделать вывод, что в старом татарском языке существовало прош. время на -мыши. Данные современных диалектов татарского и других кыпчакских языков подтверждают это предположение. В языке памятника чувствуется влияние языка тюрки, изобилующего османскими формами.

Но вместе с тем данные памятников могут быть очень полезны. Так, мы предполагаем, что абсолютные обороты со своим подлежащим восходят к самостоятельным простым предложениям. Образование абсолютных оборотов происходило в процессе соединения двух предложений. Материалы памятников древнетюркской письменности содержат немало случаев так называемой бессоюзной связи двух зависимых предложений, а также типы технически несовершенных преобразований первоначально самостоятельных предложений.

Древние письменные памятники на чагатайском языке дают возможность установить полную парадигму глагола-связки наст. времени *e-/er-*, чего, например, нельзя сделать на материале живых тюркских языков. Ср. чаг. *erür men*, *erür sen*, *erür erür biz*, *erür siz*, *erürlär*.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВ

Определенные типологические особенности могут быть усвоены от праязыка. Если углубление в историю тюркских языков не дает никаких свидетельств о том, что в древности морфологический тип был иным, то эти особенности можно приписать тюркскому праязыку, который, очевидно, был языком агглютинативного типа. Языкам этого типа присущи следующие специфические черты.

1. Твердый закон порядка слов "определение + определяемое" проявляется в структуре всех синтаксических категорий. Любое словосочетание в тюркских языках строится по принципу "зависимый член + главный член", а в широком смысле это фактически "определение + определяемое" (ср. аз. яхши гыз 'хорошая девушка' и яхши языр '(она) хорошо пишет').

2. Способность имен существительных выступать в роли определения при отсутствии согласования с определяемым явилась почвой для развития в тюркских языках особого типа словосочетаний — изафета. В конструкциях, относимых к 1-му типу изафета, синтаксические отношения в которых основаны только на простом примыкании, развиваются адъективизированные сочетания слов: ср. тур. *demir kapı* 'железные ворота', каз. *ай жарық* 'лунное освещение', кирг. *дын жерлер* 'целинные земли'. Процесс адъективизации в подобного рода сочетаниях слов (ср. аз. *гранит бир күтәлә кими* 'как гранитный массив') сделал излишним употребление аффикса принадлежности как показателя соотнесенности предметов — субстантивов. Случай предпочтения 1-го типа изафета 2 и 3-му типам, значительная его развитость в таких языках, как кумыкский, чувашский, а также сам простейший способ выражения синтаксических отношений, на котором он основан, — примыкание — свидетельствуют о его древности и возможном отнесении к тюркской прайзыковой общности. На значительную его архаичность указывают сохранившиеся тесно спаянные комплексы слов, построенные по 1-му типу изафета, но осознающиеся уже как сложные слова. Роль изафета здесь чисто вспомогательная, приближающаяся к способу аналитического словообразования (ср. башк. *куян арба* 'тара́йка', кбалк. *алма терек* 'яблоня').

На базе отношений "существительное + существительное" (т.е. "определение + определяемое") развивались в тюркских языках притяжательные аффиксы, синтаксические конструкции по 2-му типу изафета (ср. тур. *kevar kokuları* 'запахи шашлыка — шашлычные запахи'). Тотальная распространенность во всех тюркских языках указывает на значительную архаичность 2-го типа изафета, развившегося на базе значения принадлежности. Об этом свидетельствует материал якутского языка (изафет 2-го типа выражает отношение определяемого к определению по признаку принадлежности *кини ата* 'лошадь человека'). Развитие значения родовой категориальности, естественно связанной с понятием неопределенности, происходит параллельно со становлением самой категории определенности-неопределенности, существующей в тюркских языках неизначально. Развитие 3-го типа изафета, соотносимого с более поздним периодом тюркской прайзыковой общности, связано с развитием категории определенности.

3. Действием закона порядка слов "определение + определяемое" объясняется типичная для агглютинативных языков препозиция род, падежа, имеющего в ряде тюркских языков артикльевые функции (ср. каз. *колхозың жері* 'земля колхоза'). Развитие 3-го типа изафета приводило к некоторому разрушению первоначально тесно спаянных именных атрибутивных комплексов (ср. широкие возможности раздвижения у 3-го типа изафета). Последнее создавало условия в тюркских языках для развития развернутых конструкций.

4. Конечная позиция глагола в тюркских языках и вытекающая отсюда препозиция дополнения, включающая развернутые конструкции, продикто-

ваны тем же законом порядка слов "определение + определяемое". Появление объектных конструкций с вин. падежом — явление, очевидно, более позднее. Преобладание именного строя предложения, замена личных глагольных форм отглагольными именами при господстве способа примыкания обеспечивали на ранних этапах развития агглютинативных языков структуру тесно спаянных комплексов "объект + отглагольное имя". Появление объектных конструкций с вин. падежом тесно связано с расщеплением спаянного словосочетания, с историческим развитием категории определенности-неопределенности.

5. Закон порядка слов с сопутствующей ему постоянно действующей тенденцией расширять границы определения и строить все сложное по модели простого определил и развитие структуры предложения. Сказуемое, как неспособное выступить в роли определения, оттесняется к концу и вместе с тем может выступать в роли своеобразного определяемого. Отсюда два концентра определений и определяемых: подлежащий и сказуемостный.

6. Закон порядка слов распространяется на оба концента. Всякая зависимая мысль рассматривается как развернутое определение, если она содержит элементы определения. Одним из характерных для строя тюркских языков путей развития сложноподчиненных предложений было их развитие не изнутри, а путем сложения двух ранее самостоятельных предложений, которые под давлением своей системы стремились превратиться в одно. Внутренним же путем в недрах простого предложения могли развиваться лишь причастные, деепричастные и глагольно-именные словосочетания, имеющие общий с главной определяемой частью предложения субъект действия в виде одного грамматически выраженного подлежащего.

7. Для агглютинативного строя характерен такой аффиксальный тонус языка, который исключает возможность образования префиксов. Стандартная организация морфологической структуры слова является основой для постоянно действующего закона "определение + определяемое" (ср. тур. *evin içinde* 'в доме', букв. 'дома во внутренней части его'). Это образование, в котором второй член выражает релятивное отношение, является зародышем конструкции "определение + определяемое".

Расположение аффиксов в структуре слова также основано на законе "определение + определяемое". Порядок размещения слов и словообразовательных аффиксов идет в плане коллокации (составления), причем фактор нарастания абстрактности распространяется и на словообразовательные элементы и на сложение слов. Закон "определение + определяемое" поддерживается правилом "конкретное + общее" (ср. тур. *demircilik* 'кузничное дело', где афф. *-ci* конкретнее афф. *-lik*). В словосочетании *яхиы гыз* 'хорошая девушка' слово *яхиы* является частной характеристической к определяемому как к более общему понятию. Место глагола в тюркском предложении не противоречит порядку расположения аффиксов в слове. Глагол выражает более широкое понятие. Таким образом, для строя тюркских языков характерен последовательно выдержаный изоморфизм. Синтаксическая структура тюркских языков, объясняемая из особенностей морфологической структуры слова, сама поддерживает устойчивость агглютинативного строя (ср. развитие притяжательных аффиксов

на почве действующего закона "определение + определяемое", возникновение изафета, воспроизведение прилена и др.).

Однако при реконструкции также возможно использование типологических особенностей неродственных языков. Достаточно хорошо известно, что уральские языки не родственны тюркским языкам. Между тем древний синтаксис уральских языков был синтаксисом тюркского (татарского) типа. Родство тюркских и монгольских языков нельзя считать окончательно доказанным, однако синтаксис этих языков имеет много общих черт. Некоторые русские типы придаточных предложений в тюркских языках не встречаются. Это прежде всего относится к определительным придаточным предложениям типа *Комната, в которую я вошел, была очень тесная*. Не типичны для тюркских языков дополнительные придаточные предложения (типа *Я знаю, что у тебя нет денег*), придаточные обстоятельства времени (*Когда наступила осень, в школах начались занятия*).

Те же самые особенности обнаруживаются иногда и в других языках. Определительные придаточные предложения не типичны для ненецкого языка. Русскому определительному придаточному предложению типа: *Где русский, который хорошо знает ненецкий язык?* в ненецком языке соответствует: *Ненэця вадам савана теневана русской ханяня мэ?* букв. 'Ненецкий язык по-хорошему знающий русский где находится?' [Алмазова 1961, 210]. Эта же особенность типична для бурятского языка, например: *Манай тайшаа тухай дуу гаргаагша хун энэл даа* 'Вот этот тот самый человек, который сочиняет песни о нашем тайше' [ГБЯ 1962, 275] (букв. 'О нашем тайше песни сочиняющий вот этот человек'). Нетипичными для некоторых языков являются дополнительные придаточные предложения. Ср. нен. *Ханяд товами нив хэтагу* 'Я не скажу, откуда я приехал' (букв. 'Откуда приезд мой, я не скажу') [Алмазова 1961, 210], бур.-монг. *Минии маргааша Москва орохые ши хэнээз дуулаабши* 'Ты от кого слышал, что я завтра еду в Москву?' (букв. 'Меня завтра в Москву собирающееся ехать ты от кого слышал') [Санжеев 1941, 1976].

Во многих языках нет русских придаточных предложений, обозначающих место совершения действия; ср. манс. *Ам Туня олум станциян яңк патиэ этос порат ёхталасум* 'На станцию, где жила Дуня, я приехал в мае месяце' [Баландин 1960, 116] (букв. 'Дуня жившая на станцию я приехал во время плывущего льда'); нен. *Пароход ну'махана нэнэц ѫокасас* 'В том месте, где стоял пароход, ненцев было много' [Алмазова 1961, 210] (букв. 'На месте стояния парохода ненцев было много'); хант. *А'ув нөх куритгал'н ерт ертыс* 'Когда он проснулся, шел дождь' [Русская 1961, 211] (букв. 'В его проснувшемся шел дождь'); монг. *Ой модны замаар явж байхад чоно угтаж ирээз* 'Когда (он) шел по лесной дороге, ему встретился волк' [Тодаева 1951, 67] (букв. 'Он по лесной дороге идя, встретился волк').

В данном случае важно уяснить, что отдельные особенности синтаксиса неродственных языков, сходные с особенностями синтаксиса тюркских языков, являются атрибутами определенного синтаксического типа. В рамках этого типа они связаны так называемой импликативной связью — "одно предполагает другое".

СОВОКУПНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ДАННЫХ

В процессе изучения морфологических опор различных синтаксических единиц могут встретиться случаи, когда бывает необходимо исследовать целый комплекс различных данных. Во всех современных тюркских языках наблюдается отсутствие форм наст. времени глагола-связки "быть". Некоторые скучные реликты типа отрицания *емес* 'не есть', встречающиеся в отдельных тюркских языках, как будто бы свидетельствуют о том, что формы наст. времени глагола связки "быть" существовали. Форма *емес* может быть разложима на составные части: -*ә* — основа глагола "быть" и -*мәс* — форма отрицания 3-го л. ед. числа. Вместе с тем сохранились некоторые древние тюркские письменные памятники, в которых представлена полная парадигма форм наст. времени глагола-связки "быть".

В тюркских языках встречаются придаточные предложения европейского типа, вводимые союзами. Ср. тат. *Дөнъяда күп кешеләр бар ки, утқан әз ғакыллы кешеләрдән куркын, уз тирәләрендә кубрәк ахмакларны иөртәләр* 'Есть на свете много людей, которые, боясь умных и проницательных людей, окружают себя дураками' [Закиев 1963, 311].

Понять, как образовалось в данном случае придаточное предложение, вводимое союзом *ки*, можно только в результате изучения роли усиительной частицы *ки*, на базе которой позднее развился союз *ки*.

РЕКОНСТРУКЦИЯ В УСЛОВИЯХ ОТСУТСТВИЯ НЕКОТОРЫХ НЕОБХОДИМЫХ ДАННЫХ

В практике синтаксической реконструкции могут быть такие случаи, когда необходимые для реконструкции данные отсутствуют. Так, например, определительные словосочетания типа "количественное числительное + имя существительное" в тюркских языках не имеют морфологической опоры. Ср. тат. *биш ат*, тур. *bës at* и др. 'пять лошадей' или тат. *алты кён*, тур. *altı gün*, чув. *улттă кун* 'шесть дней' и т.д. Однако у нас нет никаких сомнений в том, что эти словосочетания уже существовали в эпоху пратюркской общности. На это указывает всеобщая распространенность числительных и возможность установления их общетюркских архетипов. То же самое можно сказать и о словосочетаниях типа "указательное местоимение + существительное", ср. аз. *бу адам*, тат. *бу кеше*, тур. *bu adam* 'этот человек'. Здесь также нет морфологической опоры, однако местоимение *бу* прослеживается во всех тюркских языках. Такова и реконструкция словосочетаний, состоящих из наречия и глагольной формы. Наречие в тюркских языках не имеет сколько-нибудь единообразных морфологических показателей. Восстановить какой-то единый тип наречия периода пратюркской общности оказывается невозможным. Тем не менее у нас нет никаких сомнений в том, что словосочетания этого типа существовали в тюркском пражзыке, так как трудно представить существование формы *verbum finitum* без наличия наречных определителей.

В тюркских языках существуют безаффиксальные прилагательные типа *ак* 'белый', образующие определительные словосочетания типа *ак ат* 'белая лошадь', и т.д. Морфологической опоры у таких словосочетаний нет,

но возведение их к эпохе пратюркской общности вполне вероятно. Отнесению их к прайзыковому состоянию способствует широкое распространение в тюркских языках корня *ак* 'белый', а также существование самого типа словосочетания.

СЛУЧАИ, КОГДА РЕКОНСТРУКЦИЯ ОКАЗЫВАЕТСЯ НЕВОЗМОЖНОЙ ИЛИ ОГРАНИЧЕННОЙ

Могут быть случаи, когда сравниваемые объекты настолько неодинаково оформлены, что реконструкция исходного типа является совершенно невозможной. Так, например, невозможно реконструировать в плоскость пратюркского языка общую схему перфекта, поскольку в разных тюркских языках обнаруживаются различные показатели перфекта. Так же невозможно реконструировать в плоскость тюркского прайзыка единую парадигму оптатива. Оптативов в прайзыке было, по-видимому, несколько. Каждый из них имел свой показатель.

В каждом языке наречия представляют наиболее неоднородную и вместе с тем наиболее подвижную и изменчивую часть речи. В разряд наречия часто попадают формы слов, вышедших из системы падежей, парные слова, формы прилагательных, собирательные числительные, деепричастия, слова, изолированные в лексическом и морфологическом отношениях. Установить какое-либо древнее состояние тех или иных единиц этой части речи и определить пути их исторического изменения не представляется возможным.

ГЛАВА I

СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Предметом синтаксиса как отдела грамматики является изучение способов соединения слов в словосочетания и предложения — изучение типов словосочетаний и типов предложений.

Наиболее четкое и правильное определение словосочетания дано в академической грамматике русского языка: "Словосочетаниями обычно называются грамматические единства, образуемые посредством соединения двух или большего количества слов, принадлежащих к знаменательным частям речи, и служащие обозначением какого-нибудь единого, но расщепленного понятия или представления" [ГРЯ 1960, 6].

Словосочетания — неотъемлемый строительный материал для предложения, вместе с тем они качественно отличаются от последних. Не входя в систему коммуникативных средств языка, словосочетания лишены предикативности. Словосочетание не терпит стечения двух неотъемлемых концентров предложения — субъекта и предиката. Усложнение словосочетания, его разворачивание возможны лишь в условиях исключенного субъекта и предиката. Совмещение двух концентров дает предложение. Любое словосочетание строится по принципу "зависимый + главный член", а в широком смысле это фактически "определение + определяемое".

Между предикативным словосочетанием и словосочетанием непредикативным ("определение + определяемое") наблюдается определенный изосемантизм. Ср. каз. *келген кісі* 'приехавший человек' и *кісі келген* 'человек приехал'. Изосемантизм в данном случае состоит в том, что и в первом и во втором примере раскрывается признак. Однако в предикативном словосочетании этот признак осложнен наличием значительного числа дополнительных характеристик (лицо, число, признак). Таким образом, структура словосочетания характеризуется тем, что оно организуется около одного знаменательного слова, являющегося его формирующим стержнем. Конструктивные свойства словосочетания определяются грамматическим и лексическим содержанием прежде всего стержневого главного члена и характером его синтаксических отношений с зависимыми членами.

Всякое общение обычно состоит в раскрытии признаков предметов и действий. Словосочетание — это как бы клеточка в потоке речи, всегда состоящая из двух частей. Одна часть раскрывает признак другой части, уточняет, дополняет ее содержание. Таким образом, в пределах структурной единицы словосочетания заключено выражение различных характеристик предметов и действий.

Грамматические отношения между членами такой синтаксической единицы, лишенной предикативности, оформляются по существующим

в тюркских языках типам синтаксических отношений: примыкание, согласование, управление.

Словосочетания могут быть в известной степени распространены. Распространение может идти в нескольких направлениях и характеризоваться с различных сторон. Оно может осуществляться за счет однородных качественных или относительных определений. Ср. аз. *һундур, көзәл, биналар, кениш, тәмиз, күчәләр, бойук баелар* вә мәйданлар адамы *нейран эdir* (Ибраһимов 1958, 8) 'Высокие красивые здания, широкие, чистые улицы, большие сады и площади удивляют (поражают) человека'; башк. Күк йөзөн *норо, күңелнәз* болоттар *каплаган* (Эмири, 9) 'Небо закрыли серые, невеселые облака'. Чаще мы встречаемся со случаями, когда определяемое распространяется разнородными определениями, характеризующими предмет с различных точек зрения. Сами формулы образования таких словосочетаний многообразны: "числительное + имя прилагательное + имя существительное"; "имя прилагательное + имя прилагательное + имя существительное"; "местоимение + числительное + имя существительное"; "имя существительное + имя прилагательное + имя существительное"; "причастие + имя прилагательное + имя существительное" и т.д.

Слово любого грамматического разряда по закону тюркского строя речи ("определение + определяемое") может образовывать словосочетания. В потоке речи единицы словосочетаний могут как бы нанизываться одна на другую, образуя непрерывную цепь. Однако и в едином потоке речи различимы два концентра, выделимы цепные словосочетания вокруг имени (атрибутивные) и вокруг предиката (объектные, обстоятельственные). При анализе распространенных словосочетаний как объекта сравнительно-исторической грамматики естественно возникает вопрос – до каких границ и при каких условиях в тюркских возможна распространение словосочетаний, а тем самым сохранение их как самостоятельной синтаксической единицы?

Степень естественности самостоятельного употребления отрезков речи является показателем предложения или словосочетания. Атрибутивное словосочетание распадается при появлении предиката. Оно свободно допускает распространение основного формирующего члена прилагательным, например: каз. *Автономиялы советтік социалистік республика* 'Автономная советская социалистическая республика' [РКСл. 16]. Если именное атрибутивное словосочетание распространяется обстоятельственной характеристикой, то последняя при обязательном условии своей атрибутивизации нуждается в формальном показателе -ки. Ср. аз. *Хазәрин жәнуб салыләриндәki яшыл уча даелар* (Ибраһимов 1958, 24) 'Зеленые высокие горы, находящиеся на южных берегах Каспия'.

Обстоятельственная характеристика больше тяготеет к концу склоняемого, в результате чего возникает двойная связь, искусственно разрушающая атрибутивное словосочетание; в нем явственно наблюдается недостающая связь с глаголом. Ср. алт. *Кырда кызыл көстү балдар ...* [Баскаков 1965, 24] 'На горе красноглазые ребята ...'; каз. *Ортасында улкен кара пеші ...* (Сейфуллин, 28) 'Посредине огромная черная печь...'. Вышеприведенные конструкции уже невозможны без предиката-глагола либо слова, в той или иной мере его заменяющего, ведущего к разрушению данного словосочетания. Ср. *Кырда кызыл көстү балдар ойнот дьоры*

'На горе красноглазые ребята играют' или *Оргасында үлкен кара пеші бар* 'Посередине огромная черная печь есть'; кваж. *Бир элде бир аламат бир къарыулу къатын (келин) болғанда* 'В одном селе была одна замечательная и (в то же время) очень сильная женщина (сноха)' [Филененко 1940, 20, 30]; хак. *Пир улуг алда ачын, чабал сағыстыр Харахан тін пай кізі чуртаптыр* (ХЧН, 42) 'В одном большом улусе жил жадный и злой бай по имени Хара-хан'. Если в словосочетании формирующий член – имя – попадает в позицию предиката, то такое словосочетание уже превращается в предложение: *choх яхшыдыр* 'очень хорошо'.

Если в составе определительного словосочетания в качестве зависимого компонента имеется причастие, то последнее допускает как уже говорилось, обстоятельственные определения. Причины этого заключаются в том, что причастие потенциально содержит предикативные свойства – причастная конструкция может напоминать предложение, т.е. она содержит те же составные данные: предмет и его процессуальный признак. Конструкция *погибший на войне сын* близка к предложению *Сын погиб на войне*. Таким образом, зависимое причастие, в свою очередь, допускает обстоятельственный конкретизатор. Ср. аз. *Баракда отурмуш бутун фәнгәләләр эшшә ахышды* (Меңди 1953, 71) 'Все рабочие, живущие в бараке, собрались у дверей; тат. *Сугышта һаләк булган улын хәтерләткән Жиһангир Мөбаракшин Разумовка аеруча якын иде* (Әпсаләмов 1953, 14) 'Напоминающий его сына, погибшего на войне, Джихангир Мубаракшин был особенно близок Разумову'; тур. *Ta uzaklarda çakan ışıklar şimşek değil, top alevleri yidi* (Halikarnas, 5) 'Сверкающие совсем далеко огни были не молнией, а шарообразным пламенем' и т.д.

В общелингвистической литературе известно положение о том, что слова и сочетания слов могут претерпевать существенные изменения в своих связях и отношениях друг к другу. Это явление называется синтаксическим переразложением. Наблюдается оно при распространении стержневого члена причастиями и падежными формами имен. Чисто атрибутивные отношения сменяются иными, обычно называемыми полупредикативными, чему способствует установление двойной связи с формирующим именным членом, с одной стороны, и глаголом-связкой – с другой (ср. случаи, когда семантика словосочетания осложняется обстоятельственными оттенками значений – причинным, условным, уступительным, т.е. добавочным сообщением, полупредикативностью: рус. забылся, увлеченный волшебным смыслом и забылся, так как был увлечен волшебным смыслом).

Специфика глагольных словосочетаний заключается в том, что они, выражая действие с его объектом и обстоятельствами, в потенции могут быть и предложениями; тем более что глагол содержит в себе грамматически выраженный субъект действия (ср. аз. бел *кетүрун!* букв. 'лопату принесите вы!'), т.е. каждое словосочетание с формальной точки зрения – это предложение с опущенным отдельно выраженным подлежащим. А в определенных типах атрибутивных словосочетаний, как уже упоминалось, было опущено сказуемое. В этом плане существует известная симметрия – приближение к предложению по однотипным линиям. Поэтому, если считать, что глагольные словосочетания, как и именные, существуют на правах самостоятельной синтаксической единицы наряду с предложением, то следует оговорить следующее: словосочетание может выражать действие

с его объектом и обстоятельствами, но это действие взято как бы в статическом плане; вместе с тем понятия статичности и динамичности очень условны. Здесь необходимо учитывать и грамматическую семантику составных компонентов распространителей — выражают они предельное или непредельное действие, имеется перфектный признак или нет. Так, например, словосочетание типа *ахан су* 'текущая вода' ближе к предложению по степени динамичности, тогда как словосочетание *јыёйлмыш даш* 'свалившийся камень' по степени статичности приближается к словосочетаниям типа *гызыл кул* 'красная роза'. Словосочетания как определенный комплекс слов организованы по принципу: главный, формирующий член и зависимый, подчиненный, находящийся в известных синтаксических отношениях, — это общий принцип и для именных и для глагольных словосочетаний. Комплексы именных и глагольных словосочетаний неодинаковы, неоднородны. Если именные словосочетания в отдельных случаях при распространении обстоятельственными членами подходят к грани предложений, то глагольные словосочетания уже по своей природе больше тяготеют к предложениям, так как глагол в своей потенции всегда предикат.

Анализируемые типы словосочетаний будут классифицированы по семантике и составляющим их частям речи (формам) с учетом ведущего члена, формирующего все словосочетание как самостоятельную в структурном отношении синтаксическую единицу.

АТРИБУТИВНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН — СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, ЗАВИСИМЫЙ — ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Зависимый член — количественное числительное, выступает в роли определителя предмета: аз. *беш* *китаб* 'пять книг', алт. *эки* *түн* 'две ночи', башк. *алты* *ат* 'шесть лошадей', тат. *бер* *кеше* 'один человек', узб. *ўн* *қиз* 'десять девушек', тур. *iki ada* 'два острова', чув. *çичче вайкар* 'семь быков', як. *ус куhy* 'три утки', каз. *бес қайыц* 'пять берез' и т.д.

Анализируемый тип словосочетаний с полным основанием можно отнести к прайзыковому состоянию. Этот вывод основывается на том, что все тюркские языки независимо от их лексических различий содержат однаковую систему числительных.

Прайзыковая ее схема может быть представлена в следующем виде.

Единицы первого десятка

<i>би:p>ни:p</i>	'один'	<i>алты</i>	'шесть'
<i>ики, эки</i>	'два'	<i>јә:ти</i>	'семь'
<i>уч</i>	'три'	<i>сәкиз</i>	'восемь'
<i>тө:рт</i>	'четыре'	<i>тоқыз</i>	'девять'
<i>бә:ш>бә:л</i>	'пять'	<i>о:н</i>	'десять'

Название десятков

<i>јигирбә</i>	'двадцать'	<i>алтын-</i>	'шестидесят'
<i>отыз</i>	'тридцать'	<i>јэ:ти-</i>	'семьдесят'
<i>қырк</i>	'сорок'	<i>сәксән</i>	'восемьдесят'
<i>аллиә</i>	'пятьдесят'	<i>тоқсан</i>	'девяносто'

Числительное 'сто' в тюркском языке звучало как *jy:z*. Название тысячи восходит к *бин из более древнего *пин.

В ряде тюркских языков, по-видимому, уже позднее образовалась новая система обозначения десятков. Они стали образовываться по схеме – "единицы первого десятка + он" 'десять'; ср. шир. алт-он 'шестидесят', чечт-он 'семьдесят', сегиз-он 'восемьдесят', тогуз-он 'девяносто'; хак. алт-он 'шестидесят', чит-он 'семьдесят', сигез-он 'восемьдесят', тоэз-он 'девяносто'. В якутском и алтайском такая система начинается с сорока: як. төрт-үон, алт. төрт-өн 'сорок', а в тувинском – с двадцати: тик-он 'двадцать', уч-он 'тридцать', турт-он 'сорок' и т.д. То же самое наблюдается в языке тофаларов и желтых уйгуров. Преобразование системы частично захватило и чувашский язык. ср. чув. сакар-вун-на 'восемьдесят' и тăкар-вун-на 'девяносто'.

Модель образования "количественное числительное + имя существительное" во всех тюркских языках характеризуется тем, что после количественных числительных существительное по общему правилу во всех тюркских языках сохраняет форму ед. числа. Ср. аз. уч дæфтæр 'три тетради' (букв. 'три тетрадь'). Поскольку числительное уже дает количественную характеристику предмета, язык как бы считает излишним подчеркивать тот же момент формальным показателем множественности (т.е. афф. -лар и его фонетическими вариантами). Кроме того, модель словосочетания "числительное + существительное" возникла в такую далекую эпоху, когда аффикса мн. числа -лар в тюркских языках еще не было.

Формальный показатель количества при имени существительном встречается в тюркских языках только в том случае, когда нужно выразить членимое множество. Ср. тур. üç silâhşorlar 'три мушкетера', тув. беш альттар букв. 'пять кони', сес төвөлөр букв. 'восемь верблюды', мунг акшалар букв. 'тысяча рубли'.

В чувашском языке, по-видимому, под влиянием марийского языка возникли две формы числительных – краткая и полная; *nér* 'один' (краткая форма) – *nérre* 'один' (полная форма) и т.д. Вторая форма употребляется при обозначении отвлеченного количества, когда количественное числительное употребляется самостоятельно. Это инновация не повлекла за собой изменения общетюркского типа "числительное + существительное".

Тип определительных словосочетаний "количественное числительное + существительное" может раздвигаться специальными пояснительными словами – нумеративами, например: аз. Сиз ону бир парча чөрәкдән мән-рум эдрисиниз (Мәһди 1953, 24) 'Вы его лишаете куска хлеба'; кирг. Көсөл бир график пиво заказ кылды (Каймов, 31) 'Кёсёл заказал графин пива'; тат. Бер солдат противогаз сумкасыннан бер кисәк икмәк чыгарды (Даули 1959, 19) 'Один солдат вынул из противогазной сумки кусок хлеба'; туркм. Баша бела ики бармак дылден гелер 'Беда на голову валится с языка величиною в два пальца' [ФСл. 1963, 141]; узб. Кечқурун олти танга пул олиб келиб хонтахтага куйди (Мухтор, 141) 'Вечером, получив шесть рублей денег, он пришел и положил (их) на стол'; чув. Унта 150 тëсле йывас ўсет (Уйап, 41) 'В ней (тайге) растет 150 пород деревьев'; енисейск. алтун alız кашиг балымта ... бантым 'Пояс с пятьюдесятью золотыми пряжками ... я повязал на своей пояснице' [Малов 1952, 17].

Как ни многообразно лексическое наполнение формулы "числительное +

нумеративное слово + существительное", модель ее образования едина во всех тюркских языках, единым является и сам тип синтаксических отношений, основанный на примыкании без всяких формальных показателей. Это дает основание и эту модель словосочетаний, а также тип синтаксических отношений, на которых она основана, возвести в прайзыковое состояние. Что касается конкретных нумеративов, то в современных тюркских языках они отличаются довольно большим разнообразием. Реконструировать конкретные нумеративы общетюркского прайзыка не представляется возможным.

Встречаются случаи, когда в модели словосочетания "числительное + нумератив + существительное" средний член, выраженный словом, заключающим в себе понятие времени, меры и т.д., осложняется афф. -лык, -лы и др.

Нумератив + афф. -лык. Ср. кирг. *Жыпар төрт жылдык согуш мезгилиңде же жедей бүгүн үйдө олтурбастан колхоздун пахтачылығында звеневой болуп иштеди* (Жунусов 1957, 7) 'Жыпар в течение четырех лет войны не притаилась в доме птенчиком, а работала в колхозе звеневой хлопкоробов'; тат. *Маръям өч яшлек кызы белән бергә һалак булды* (Еники, 4) 'Марьям погибла вместе с трехлетней дочерью; туркм. *Бир гүнлүк ёла дүүшсән, он гүнлүк харжыны گەتەر* 'Если отправляешься в путь на день, запас бери на десять дней' [ФСл 1963, 145]; узб. *Уни қишлоқда янги очилган етти йиллик мактабга бериб ўқитдилар* (Шарипов, 17) 'Его обучили, отдав в новую открывшуюся в деревне семилетнюю школу. Отличие этой модели от вышеизложенной заключается в том, что от нумератива при помощи афф. -лык образовано прилагательное со значением "расчитанный на определенное время".

Нумератив + афф. -лыг. Эта модель встречается главным образом в памятниках древнетюркской письменности, ср. енисейск.: *Töprt adak (лыг) јылым сәкіз адаклығ барымым буңым jok ärdim* 'У меня был четвероногий скот, у меня было восемногий скот' [Малов 1952, 26, 27]; Гадательная книжка: *Utru äki айуұ қиі օғылун соқыттүй* 'Он встретил двухмесячного сына человеческого' [Малов 1951, 80, 85]. Встречается эта модель также в тувинском. Здесь при помощи аффикса относительных прилагательных -лыг от нумератива образовано относительное прилагательное со значением "обладающий чем-либо", например: *säkiz адаклығ* 'имеющий восемь ног', *äki айуұ* 'имеющий (возраст) два месяца' и т.д. Модель может быть взведена в прайзыковую плоскость.

Нумератив + афф. -лы. Ср. каз. *төрт-бес уйлайыл* (Сейфуллин, 107) 'aul из 4–5 домов'; ног. *З вагон таытли сув ийбергенлер* (Ленин йолы) 'Прислали 3 вагона пресной воды'; чув. *таватай аршанла вёрен четырехаршинная веревка*. Здесь также при помощи афф. -лы образовано относительное прилагательное со значением "обладающий чем-либо", например: каз. *бес уйли* 'имеющий пять домов'. Модель не может быть отнесена к прайзыковой плоскости. Афф. -лы исторически возник из -лыг и имеет известные зональные ограничения, что указывает на его относительно позднее происхождение.

Второй член модели "числительное + нумератив + существительное" может присоединять и другие аффиксы именного словообразования. Из-за разнообразия этих способов трудно отнести конкретную модель к прайзы-

ковой плоскости. К прайзыку можно отнести только общую формулу образования. Ср. аз. *Йұз минләрлә зәһмәткеш инсанлар исә* (Ибраһимов 1958, 107) 'А сотни тысяч трудящегося люда'; қкалп. *Бир сааттай жол жүрсек* (Салийев, 5) 'Если мы пройдем еще путь в один час'; узб. *Сойдан беш юз метрча нарида* (Анорбаев 1957, 58) 'На расстоянии 500 метров от горной речки' и т.д.

Зависимый член – порядковое числительное, характеризует предмет по его положению при счете: аз. *икинчи жер* 'второе место', алт. *ўчүнчи дыол* 'третий путь', башк. *беренсе йыл* 'первый год', каз. *бірінші хатым* 'мое первое письмо', тат. *беренче очрашуыбыз* 'наша первая встреча' и т.д.

"Порядковое числительное с афф. -нчи + существительное" представляет наиболее распространенную модель образования. Ее возникновение можно отнести к прайзыковой плоскости.

Существует довольно много гипотез, касающихся происхождения аффикса порядковых числительных -нчи/-нчи. Неясно здесь происхождение элемента -н. То ли это особый аффикс собирательного мн. числа, то ли что-то другое. Что касается второго составного элемента -чи/-чи, то, по всей вероятности, это выделительная частица. Такая выделительная частица в тюркских языках действительно имеется. Частица -чи может усиливать в некоторых тюркских языках формы повелительного наклонения, ср. кбалк. *жаз-чи* 'напиши-ка', узб. *оқын-чи* 'читай-ка', ног. *көрсөт-ши* 'покажи-ка', каз. *бер-ши* 'дай-ка', кирг. *ал-чи* 'возьми-ка' и т.д.

Могут возразить, что усиительная частица -чи употребляется только в сфере глагола. Но это неверно. Она может употребляться и при других частях речи. Ср., например, в кумыкском: *Биз чи сени қаровуллайбыз* (Ягияев, 223) 'И мы тебя караулим'; *Қатынлар булаңы иш чи совсем де бузук* (Ягияев, 89) 'А работа женского уголка совсем плохая'. В первом случае частица чи примыкает к местоимению, а во втором – к имени существительному.

В некоторых тюркских языках существуют другие показатели порядковых числительных. Для образования порядковых числительных в тувинском языке используется афф. -кы/-ки (-ку/-ку), -зы/-ги (-гу/-гу): *бир-ги* 'первый', *үш-ку* 'третий', *беш-ки* 'пятый' и т.д. Афф. -кы/-ки – древний аффикс, выражющий отношение к чему-либо. Возможно, он встречается в составе сложного афф. -дақы/-дағы.

В якутском языке порядковое числительное образуется с помощью афф. -ыс/-ис, -ыс/-ыс: *төрдис ат* 'четвертая лошадь', *иккис ыт* 'вторая собака'. Происхождение афф. -ыс/-ис неизвестно (возможно, из -нч).

В тофаларском языке в роли показателя порядковых числительных выступает афф. -шкы/-шки. Вероятно, он представляет соединение двух аффиксов – -ыш (як. -ыс) и -кы/-ки.

В чувашском языке порядковые числительные образуются с помощью афф. -мёш (*Иккёмёш уйăх ёслетпёр* 'Мы работаем второй месяц' [ЧРСЛ. 1961, 162]), который мог возникнуть под влиянием мариjsкого языка. Ср. мар. *кок'два*, но *кок-ы-мшо* 'второй'.

Все эти типы образования порядковых числительных нельзя возвести к прайзыковой общности, поскольку в других тюркских языках следы их не обнаруживаются. По-видимому, в некоторых тюркских языках они возникли в более позднюю эпоху.

Зависимый член – неопределенко-количествоное числительное: аз. *Аз таңын чох бала көтирад* (Атапар сөзу, 10) 'Малый соблазн приносит большую беду'; тат. *Нурулла берничә адым атлады* (Әпсаләмов 1953, 100) 'Нурулла прошел (букв.: шагнул) несколько шагов'; Родословная туркмен: *Бир начә күн сабр кылғыл* 'Потерпи несколько дней' [Кононов 1958, 143].

Модель "неопределенко-количествоное числительное + существительное" существует в тюркских языках искони. При всем лексическом многообразии составных элементов модели сама модель сохраняет структурное однообразие во всех тюркских языках. После неопределенко-количествоенных числительных существительные сохраняют форму ед. числа. Редко, но встречаются аномальные случаи выражения мн. числа. Ср. чув. *Унтанна ёнте нумай сүлсем иргтө* (Уйап, 33) 'С тех пор уже прошло много лет'; Родословная туркмен: *бир начә зағбалар* 'несколько женщин' [Кононов 1958, 127].

Таким образом, к прайзыку можно отнести регулярно встречающуюся во всех тюркских языках модель "неопределенко-количествоное числительное + существительное в ед. числе". Сами способы выражения неопределенного количества не отличаются устойчивостью. Только некоторые из них, например тат. *куп*, можно отнести к прайзыковому состоянию.

ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН – СУЩЕСТИТЕЛЬНОЕ, ЗАВИСИМЫЙ – МЕСТООИМЕНИЕ

Зависимый член – притяжательное местоимение. Предмет определяется в отношении его принадлежности или тесной связи с тем или другим лицом: аз. *Мәним адым Халил вә йолдашымын ады Садыгдыр* (МН, 1, 7) 'Мое имя Халиль, а имя моего товарища – Садык'; башк. *Минең китабым булмалә, һинеке булна мәктәпта* 'Моя книга в комнате, а твоя – в школе' [Дмитриев 1948, 110]; кбалк. *Бизни юйюбүз Калинини орамындады* 'Наш дом находится на улице Калинина' [Филоненко 1940, 39–40].

Во всех тюркских языках встречаются и другой тип определительных словосочетаний, выражающих идею принадлежности: аз. *бизим насл* 'наше поколение', башк. *беззәң сборный команда* 'наша сборная команда', кбалк. *бизни бригада* 'наша бригада', тат. *безнең елга* 'наша река', чув. *тирән анне* 'наша мать' и т.д.

Некоторые тюркологи отмечают стилистическую ограниченность этого типа словосочетаний. Так, Н.К. Дмитриев указывает на то, что "тип *минең ат* употребляется скорее в разговоре, чем в литературном языке. Он связан с определенной эмоциональностью, но не личного, а, так сказать, коллектического характера (...): *беззәң Фаррах* 'наш Фаррах'. При собственных именах этот тип широко употребителен" [1948, 58]. На ограниченность употребления этого типа жанром разговорной речи указывают Э.Н. Наджип [1960, 55] и А.Н. Кононов [1960, 88]. Причем этот тип словосочетаний встречается преимущественно применительно к 1-му лицу, гораздо реже – ко 2-му; ср. узб. *Сизнинг звенодан хотирим жам, холажон деди Рустам* (Ойбек, 43) 'За ваше звено я спокоен, тетушка, – сказал Рустам'.

Сравнительно-исторический анализ категории принадлежности в тюркских языках позволяет прийти к выводу, что форма выражения так назы-

ваемой конкретной принадлежности *атым* 'мой конь' – соединение в одном слове двух моментов: понятия о самом отношении "мой" и понятия о том предмете, на который это отношение распространяется, – является наидревнейшей. Существование притяжательных местоимений в эпоху тюркского прайзыка не вызывает никаких сомнений.

Притяжательные аффиксы в тюркских языках развились из каких-то местоименных основ, выполнивших первоначальную роль пространственных индикаторов. *Атым* 'моя лошадь' могло первоначально обозначать 'лошадь, которая ближе всего ко мне находится'. Пространственные отношения были впоследствии переосмыслены как отношения притяжательные.

Появление притяжательных местоимений как параллельного способа выражения принадлежности было вызвано какими-то лингвотехническими причинами, которые сейчас трудно определить. На основании данных якутского языка можно предполагать, что первоначально роль притяжательных местоимений выполняли обычные личные местоимения, соединяемые с определяемыми ими существительными путем простого примыкания, например: *бэн атым* 'моя лошадь'. Существующие в якутском языке притяжательные местоимения типа *мизэн* 'мой', *эйизэн* 'твой' никогда не выступают в роли определения. Этот способ оказался исторически очень неустойчивым. Он сохранился только в якутском языке.

Для образования притяжательных местоимений стали употребляться притяжательные аффиксы, присоединяемые непосредственно к основам личных местоимений, ср. тат. *минем* 'мой', тур. *benim* 'мой', *bizim* 'наш' и т.д. Наконец, после появления в тюркских языках род. падежа роль притяжательных местоимений стали выполнять формы род. падежа личных местоимений, ср. тат. *безнең илебез* 'наша страна', *сезнең атагыз* 'ваш отец'. Этот способ оказался наиболее устойчивым.

Словосочетания, состоящие из существительного с зависимым возвратным местоимением, обнаруживают в различных тюркских языках большое разнообразие. Исходной основой различных возвратных местоимений служит слово *ə:z* с первоначальным значением 'утро, сердцевина' (ср. аз. *əzüm* 'я сам', кирг. *əzүм*, каз. *əзім*, туркм. *əzүм*, башк. *үзәм*, кум. *əзүм*, ккалп. *əзім*, уйг. *əزۇم* и т.д.). В языках шорском, хакасском, тувинском, алтайском и тофаларском возвратное местоимение 'сам' образуется от архетипа **bo:z* с первоначальным значением 'тело' (ср. шор. *pозым* 'я сам', хак. *позым*, тув. и тоф. *бод-ум*, алт. *боjым*); в турецком и гагаузском языках возвратное местоимение образуется от слова *kändi*, например: тур. *kendim* 'я сам', *kendin* 'ты сам' и т.д. Слово 'сам' встречается в орхонских надписях в форме *канту*. Вопрос об этимологии этого слова не выяснен. В карачаево-балкарском языке возвратное местоимение со значением 'сам' образуется от слова *кес*, например *кес-им* 'я сам', а в чувашском – от слова *хам*. Происхождение этих слов неизвестно.

При наличии такого разнобоя трудно предполагать существование этой модели в тюркском прайзыке. Возможно, что модель со словом *əz* уже в тюркском прайзыке существовала, поскольку большинство тюркских языков образует возвратное местоимение от архетипа **əz*.

Зависимый член – указательное местоимение, служащее для обозначения степени удаления предмета от говорящего: каз. *Маган осы қызыды алып бермесеніз*, мен сізден безем (КЕ, 64) 'Если ты мне такую девушку

не дашь, то я откажусь от вас'; тат. *Сез шуши авылныкымы кызлар? – дип сорады ул* (Хөсни, 17) 'Вы этой деревни девушки? – спросил он; узб. *Ўша куни кечқурун колзоҳчиларнинг умумий ишениши чакрилди* (Шарипов, 14) 'В тот день вечером созвали общее собрание колхозников'.

Во всех общетюркских памятниках встречаются те же модели словосочетаний с составным элементом, представляющим указательные местоимения. Ср. Родословная туркмен: *Бу күндін соң сәні Köl Äркі хан тәгәлі* 'С этого дня мы станем звать тебя Коль Эрки хан' [Кононов 1958, 151].

Тип словосочетаний "указательное местоимение + существительное" можно отнести к пражзыковому состоянию. Если переменно лексическое наполнение формирующего этот тип словосочетания компонента, т.е. имени существительного, то довольно единообразен лексический состав зависимого члена – указательного местоимения. Как показали выше приведенные иллюстрации, в тюркских языках система указательных местоимений основана преимущественно на разграничении трех степеней отдаленности предметов от говорящего: 'этот' (ближайший), 'этот' (более отдаленный, но видимый) и 'тот' (еще более удаленный, уже невидимый). Отсюда существование в тюркских языках трех основных указательных местоимений: *бу*, *шу*, *о*.

Возможны различные фонетические варианты этих местоимений, связанные с изменениями начального согласного или гласного, с появлением в конце основы звука *л*. Ср. башк. *был*; каз. *бул*, *ккалп.*, кирг., кар. *бул*; аз., алт., туркм., ног., узб., уйг. *бу*; тув. *бо*; хак. *лу*; шор. *по* и т.д. При всем многообразии этих фонетических вариантов их трехстепенная система постоянна. Она уже четко была представлена в ранних памятниках [Gabain 1950, 92–94].

Зависимый член – определительное местоимение. Предмет здесь определяется на основе количественно-обобщающих, отвлеченно типизирующих отношений. Ср. башк. *Нар койкала ... һалдаттарзың тыныс йөззәре куренә* (Әмири, 7) 'На каждой койке видны спокойные лица (...) солдат'; *ккалп. Хәмме адамлар қатты шаллеген* (Сейтназаров, 20) 'Все люди жестоко хотели пить'; тув. *Төдү чону чагаадыкчы ажыл-иште* 'Весь народ на созидаельной работе'; узб. *Болтабай бутун қариндаш-уруларини, яқин-узоқ ўртоқларини уйга таклиф қилиб...* (Шарипов, 6) 'Балтабай, пригласив домой всех родных, далеких и близких товарищ...'.

Наиболее распространеными в тюркских языках являются собирательные местоимения, образованные от слова *бар* 'есть – имеется'. Они могут быть образованы разными способами: 1) путем присоединения дейктической частицы *-ы*, *-сы*, ср. туркм. *бар-ы* 'все', кирг. *баар-ы*, уйг. *бар-ы*, кар. *бар-ы*, чув. *пур-ё*, як. *бар-ы*, бары-та; 2) путем присоединения афф. *-ча/-ча*, ср. тат. *бар-ча* 'все', каз. *бар-ша*, уйг. *бәр-ча*, шор. *пар-ча*; 3) путем присоединения усиливательной частицы *-та/-та*, ср. чув. *пуртэ* 'все'; 4) путем присоединения афф. *-лык/-лик*, имеющего собирательное значение, ср. тат. *барлык* 'все', кирг. *бардык*, каз., *ккалп. бардык*.

Очень распространено в тюркских языках обобщающее собирательное местоимение, образованное от корня *бут* путем прибавления афф. *-ын/-ин*, ср. каз. *бутін* 'все', ног. *бутін*, кум. *бютон*, туркм. *бутин*, уйг. *путун*, узб. *бутун*, тур. *bütün* и т.д. Иногда к этому корню прибавляется афф. *-кул*, ср. каз. *буткул*, кирг. *буткул*.

По-видимому, в общетюркскую эпоху была распространена в разных диалектах модель определительных словосочетаний с зависимыми членами *бар* и *бәтән*, что отражает диалектную дробность общетюркского прайзыка. Обе модели с *бары* и *бутун*, очевидно, одинаково древние, и трудно сказать, какая из этих конкретных моделей существовала раньше.

Встречающееся в большинстве тюркских языков определительное местоимение *hәр* 'каждый, всякий' по своему происхождению представляет заимствование из персидского языка. Такое же происхождение и местоимения *пылан ~ баълен ~ филан* 'некий'. Большинство же определительных местоимений, входящих в состав анализируемого типа словосочетаний, являются специфичными для отдельных тюркских языков и развивались, по-видимому, уже в период после распада тюркского языка-основы. Ср. алт. *көдөрө*, башк. *тотош*, гаг. *жүмна* 'весь', ккалп. *өңкей* 'все', ног. *савлай*, туркм. *кулли* 'весь' и др.

Как можно видеть, лексическое наполнение словосочетаний типа "определительное местоимение + существительное" не отличается единобразием. Это объясняется тем, что количественно обобщающие отношения допускают довольно большое число различных ассоциаций. По этой причине слова, выражающие эти отношения, исторически малоустойчивы.

ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН – СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, ЗАВИСИМЫЙ – ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С КАЧЕСТВЕННЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ

Зависимый член – корневое прилагательное (т.е. без формальных показателей), которые характеризуют предмет в соответствии со своим лексическим значением в самых различных отношениях. Непроизводные имена прилагательные представляют чистый корень, т.е. непроизводную основу, неразложимую в современных тюркских языках на какие-либо компоненты. Таких прилагательных в тюркских языках сравнительно немного. Ср. тур. *kara* 'черный', кум., ног., каз. *қара*, кирг., тат. *кара*, аз., туркм. *гара*, чув. *хура* и т.д.; тур. *ak* 'белый', кум., кирг., тат. *ак*, каз., ног. *ак*, башк. *ак* и т.д.; ног., каз., ккалп., уйг., тат. *ала* 'пестрый' и т.д.; тур. *yenى* 'новый', ног., кум. *яңы*, ккалп., каз. *жаңа*, уйг. *јەنى*, аз. *jени* и т.д.; тур. *boş* 'пустой', аз., кум., туркм. *бош*, каз., ккалп. *бос* и т.д.

Качественные прилагательные как составной элемент определительных словосочетаний могут выражать цвет, свойство, любую качественную характеристику, не отвлеченную от предмета. Ср. аз. *Мави көйләрдә ахшам кунашинин сон ишyелары парылдайыр* (Ибраһимов 1958, 3) 'На голубом небе сверкали последние лучи вечернего солнца'; тат. *Ерак Карелиядә ак төннәр башланды* (Әспаләмов 1953, 3) 'В далекой Карелии начались белые ночи'; Кюль-Тегин: *Үзә көк тәңри асра jaғыз jір қылынтуқда әкін ара кісі оғлы қылынмыс* 'Когда было сотворено (возникло) вверху голубое небо (и) внизу темная (букв.: бурая) земля, между (ними) обоими были сотворены (возникли) сыны человеческие (т.е. люди)' [Малов 1951, 28, 36].

В нашем распоряжении нет никаких фактических данных, которые

свидетельствовали бы о том, что в общетюркскую эпоху данный тип словосочетаний был совершенно иным или отличался хотя бы порядком расположения составных компонентов, поскольку закон порядка слов "определение + определяемое" существовал уже в тюркском прайзыке. Об этом свидетельствуют также и результаты этимологических изысканий, демонстрирующих возможность возведения некоторых прилагательных к одному источнику.

Зависимый член — производное прилагательное, выражающее ослабленное качество. Аффиксов прилагательных, выражающих ослабленное качество, довольно много. Ср. каз. *сыр-қай* 'сероватый', кбалк. *сар-ғылт* 'желтоватый', каз. *қар-алтым* 'черноватый', кирг. *сар-ылчым* 'желтоватый', кирг. *жылы-мык* 'тепловатый', тат. *жылы-мса* 'тепловатый', хак. *хыза-мзых* 'красноватый', туркм. *туршу-мтык* 'кисловатый', аз. *бозу-мтул* 'сероватый', аә-ымтраг 'беловатый', ног. *агы-рак* 'беловатый' тат. *ал-су* 'розоватый', узб. *оқ-сил* 'беловатый', кирг. *кызыл-сымак* 'красноватый', каз. *ақ-ша* 'беловатый', тур. *güzel-cik* 'красивенький', кирг. *көг-үш* 'голубоватый' и т.д.

Вышеперечисленные аффиксы, означающие ослабленное качество, встречаются во всех тюркских языках. Исключение составляют только чувашский и якутский языки.

По-видимому, модель "прилагательное, выражающее ослабленное качество, + существительное" существовала уже в тюркском прайзыке, хотя и не имеет единой морфологической опоры. Это объясняется тем, что само понятие ослабленного качества вызывает очень большое количество ассоциаций, ведущих к разнообразию аффиксов.

СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С ОТНОСИТЕЛЬНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ

Зависимый член — прилагательное на *-лы*: представлены в памятниках древнетюркской письменности, ср. *qarlıγ tay* 'гора, покрытая снегом', *jaylıγ až* 'жиная пища'. Из современных тюркских языков прилагательное на *-лы* сохраняется только в хакасском, шорском, тувинском, тофаларском и чуымско-турецком языках; ср. хак. *ағырыγ пала* 'больной ребенок', *азырлыγ алас* 'ветвистое дерево', тув. *даглыγ чер* 'гористая местность', *адырлыγ терек* 'ветвистый тополь', чул.-турк. *та:длыγ на:лык* 'вкусная рыба', тоф. *маллыγ киши* 'человек, имеющий скот', шор. *канаттыγ қүш* 'крылатая птица' и т.д.

Аффикс относительных прилагательных *-лы* ведет свое происхождение от аффикса древнего совмест. падежа, или номинатива, *-лы-ə*, например: *атлы:ə* 'с конем', *кишили:ə* 'с человеком' и т.д.

Возможность использования аффикса совмест. падежа для образования относительных прилагательных подтверждает история образования относительных прилагательных в монгольском языке. Эти прилагательные в монгольском языке имеют афф. *-тай*, ср. монг. *нэлөө-тай* 'влиятельный' (<*нэлөө* 'влияние'), *угалза-тай* 'узорчатый' (<*угалз* 'узор'), *дуй-тай* 'умелый' (<*дуй* 'способность') и т.д. Аффикс относительных прилагательных *-тай/-тай* совпадает с аффиксом совместн. падежа *-тай/-тай*. Ср. монг. *түг* ' знамя' — *түгтай* 'со знаменем', *иэр* 'имя' — *иэртэй* 'с именем' и т.д. В тюркском прайзыке когда-то все относительные прилагательные имели афф.

лы:ə/-ли:ə'. В современных тюркских языках сфера его распространения сильно сократилась.

Зависимый член – прилагательное на -лық. Эта модель распространена в уйгурском языке. Ср. н.-уйг. *putaqlıq jač* 'ветвистое дерево', *taşlıq ïär* 'каменистое место' и т.д. Афф. -лық произошел из -лы:ə в результате сокращения долгого ы и оглушения конечного ə. Сфера распространения афф. -лық в прошлом была более широкой: некогда он существовал в турецком, азербайджанском, туркменском, кумыкском, татарском, башкирском, ногайском, казахском, чувашском и узбекском языках.

Афф. -лық образует относительные прилагательные от имен существительных, ср. тур. *ormanlık bölge* 'лесистый район', *dağlık arazı* 'гористая местность', ккалп. *далалық жер* 'степное место', каз. *аудандық бағыт* 'районный отдел' и т.д. Гораздо чаще -лық употребляется для образования относительных прилагательных, обозначающих определенное количество времени, ср. тат. *айлық журнал* 'ежемесячный журнал', *еллық план* 'годовой план', каз. *кундік жұмыс* 'поденная работа', кум. *гюнлюк ши* 'ежедневная работа', тур. *gündürlik gazete* 'ежедневная газета', ккалп. *айлық жол* 'ежемесячный путь', аз. *jazłyq палто* 'зимнее пальто'. Афф. -лық здесь связан генетически с показателем собирательной множественности -лық, значение которого отчасти сохранилось в современных тюркских языках, ср. тат. *нарат-лық* 'сосняк' (< *нарат* 'сосна'), аз. *палыздылыш* 'дубняк' (< *палызды* 'дуб'), чув. *чулăх* 'каменистое место' (< *чул* 'камень'), туркм. *агач-лық* 'лесистое место, место, где много деревьев' (< *агач* 'дерево') и т.д.

Первоначальное значение собирательной множественности могло развиваться в направлении указания на количество предметов. Отсюда такие значения, как тур. *dağlık* 'гористый', т.е. изобилующий горами, ккалп. *далалық* 'степной' и т.д. Этим также объясняется, почему афф. -лық довольно часто присоединяется к именам существительным, обозначающим какой-либо отрезок времени, ср. каз. *жылдық* 'годовой'.

Зависимый член – прилагательное на -лы. Количество языков, имеющих это словосочетание, довольно велико, ср. ног. *тавлы ер* 'гористая местность', канлы *согыс* 'кровопролитный бой', кум. *булутлу гюн* 'облачный день', *тёбели ер* 'холмистая местность', башк. *йондоҙло төн* 'звездная ночь', туркм., аз. *гарлы гыш* 'снежная зима', тат. *айлы төн* 'лунная ночь', каз. *аязды күн* : 'морозный день' (< *аязлы күн*), ккалп. *балалы киси* 'семейный человек', тур. *telli saz* 'струнный инструмент', чув. *вайла лаша* 'сильная лошадь' и т.д. Афф. -лы возник из афф. -лық в результате утраты конечного қ. Интересно, что аффикс относительных прилагательных -ла существует только в тех тюркских языках, в которых аффиксальное конечное қ вообще часто утрачивалось, ср. тур. *ala* 'пестрый', тат., башк., ног., кум., каз., кирг. *ала* (< *алақ*), тур. *dolu* 'полный', тат., башк. *тулы*, тур. *sarı* 'желтый', тат., ног., кум. *сары*, башк. *хары* аз. *сары* (< *сарыə*).

Зависимый член – прилагательное на -лу: (-ду:/-ту:). Эта модель типична для киргизского языка. Ср. *балалуу киши* 'человек, имеющий детей', *жылдыздуу көк* 'звездное небо' и т.д. Она также встречается в алтайском языке, ср. *салкынду күн* 'ветреный день' (*салкын-ду* < *салкынлу*), *балыкту суу* 'богатая рыбой река' (*балык-ту* < *балык-лу*). Конечное у афф. -лу (-ту/-ду) является долгим. Афф. -лу произошел из -лы:ə. Однако изменение -лы:ə имело совершенно другой характер. Конечное ə здесь подверг-

лось известной вокализации, которая привела к образованию ў. В результате влияния конечного ў произошло огубление предшествующего ы. В конечном счете в результате стяжения полуударного оў образовалось долгое у.

Зависимый член — прилагательные на -лаах (-таах/-маах). Аффикс встречается только в якутском языке, ср. *сырыдаах сир* 'гористая местность' (< *сыыр* 'горка'), *тыалаах сир* 'лесистая местность' (*тыа* 'тайга') и т.д.

Таким образом, в серии аффиксов относительных прилагательных самым древним является -лы:ә. Все остальные его варианты возникли позднее в отдельных тюркских языках или их группах.

Зависимый член — прилагательное на -кы/-ки (-ғы/-ғи). Эти прилагательные имеют два основных значения: 1) указание на место: тат. *тышки кием* 'верхняя одежда', каз. *өзенниң төмөнгі ағысы* 'нижнее течение реки' и т.д.; 2) указание на отрезок времени: тат. *язы көн* 'весенний день', аз. *сабанкы ҹай* 'утренний чай' и т.д. Значение местонахождения, вероятно, возникло раньше. Употребление -кы/-ки в современных тюркских языках довольно ограниченно. Иногда он присоединяется к форме места. падежа существительного и образует прилагательные, указывающие на местонахождение, ср. тур. *dolaptaki kitaplar* 'книги, находящиеся в шкафу' и т.д. Ярко выраженное дейктическое значение аффикса указывает на его связь с какой-то выделительной частицей, может быть с частицей *ки*.

Модель определительных словосочетаний с относительным прилагательным на -ки, по-видимому, существовала в глубокой древности, поскольку она встречается уже в ранних памятниках тюркской письменности. В чувашском языке афф. -ки по значению соответствуют афф. -ри и -ти, например; *анатри* 'верхний', *алати* 'нижний'. Эти аффиксы образованы от формы места. падежа. Соответствием общетюркского афф. -ки в чувашском языке является афф. -хи: *касхи* 'вечерний'.

Зависимый член — прилагательное на -чан: тат. *курықмаучан малай* 'бесстрашный мальчик', *анлаучан кеше* 'понятливый человек', *сынучан әйбер* 'ломкий предмет', кум. *бичан киши* 'задумчивый человек', узб. *уятчан қиз* 'стыдливая девушка', күнгилчан киши 'отзычивчивый человек', каз. *ашуашадам* 'сердитый человек', ккалп. *сөзинен киси* 'красноречивый человек', ног. *исшен киси* 'хвастливый человек', башк. *қызыұсан көше* 'вспыльчивый человек', тур. *ışçen kişi* 'активный человек' и т.д.

В современных тюркских языках прилагательные с афф. -чан встречаются довольно редко, и этот аффикс относится к числу непродуктивных. В некоторых тюркских языках (киргизский, якутский, кумыкский, хакасский, тувинский) он, по-видимому, совсем не встречается. Не имеет он прямого отражения и в чувашском языке. Изредка встречающийся в чувашском языке афф. -чан, например *варчан* 'воинственный', явно заимствован из татарского языка.

Афф. -чан состоит из довольно древних по своему происхождению уменьшительных афф. -ч и -ан, существовавших уже в общетюркскую эпоху. Следы былого уменьшительного значения афф. -ч до сих пор сохраняются в тюркских языках, ср. тат. *карлыга-ч* 'ласточка' при телеутском *карлык*, тур. *bozaç* 'серый'. Не исключена возможность связи этого аффикса с уменьшительным аффиксом существительных и прилагательных -ча, ср. аз. *баәча* 'садик', тат. *төркемче* 'подгруппа' (букв. 'маленькая группа'), тур. *darça*

'узковатый', каз. *aқша*, кирг. *акча* 'беловатый' и т.д. Уменьшительное значение афф. -(а)н обнаруживается в таких существительных, как *oγlan* 'мальчик' (<*oγ(u)l* 'сын'), *ðgäп* 'река, речка' (<*ðg* 'источник') и т.д.

Основное значение аффикса — выражение склонности к чему-либо или качества, проявляющегося постоянно. Оно возникло в результате переосмысливания первоначального значения неполноты признака.

Зависимый член — прилагательное на *-чак*. Ср. каз. *мактанишак адам*, ног. *мактанишак киси* 'хвастливый человек', ккалп. *уялышак қызы* 'застенчивая девушка', кирг. *урушчак короз* 'драчливый петух', ног. *алданышак киси* 'легковерный человек' (человек, легко поддающийся обману), тув. *боштуңчак кижы* 'развязный человек', хак. *ачнчах кижы* 'жалостливый человек', аз. *утанишаг гызы* 'стыдливая девушка', туркм. *буланчак су* 'мутная вода', алт. *уялчак қызы* 'стыдливая девушка', тат. *басымчак кеше* 'назойливый человек' и т.д.

Подобно афф. -chan, афф. -chak выражает склонность к чему-либо или постоянно проявляющееся качество. Первоначально этот аффикс выражал значение уменьшительности. Ср. тур. *büyүsec* 'большенький', узб. *узунчоқ* 'продолговатый', *тугунчак* 'узелочек' (<*тугун* 'узел'), хак. *хузыңчах* 'птичка' (<*хус* 'птица'). В современных тюркских языках афф. -chak встречается редко и относится к числу непродуктивных аффиксов.

Аффикс составлен из двух древних уменьшительных афф. -ч и -ак. Уменьшительное значение афф. -ак проявляется в таких словах, как *башақ* 'колос' (головка, или маленькая голова), чув. *варак* 'овражек' (<*вар* 'овраг, ложбина').

Зависимый член — прилагательное на *-чиқ*. Ср. ккалп. *үйреншишк жазушы* 'начинающий писатель', хак. *көлөрчіг кижы* 'пугливый человек' *чоохтанчых кіз* 'разговорчивая девушка' и т.д.

По происхождению афф. -чиқ идентичен афф. -chak, поскольку представляет аблautный вариант последнего. Выражает те же значения. Первоначально он имел уменьшительное значение, что может быть доказано многими примерами, ср. тат. *буғазчиқ* 'горлышко' (<*буғаз* 'горло'), *куакчиқ* 'кусник' (<*куак* 'куст'), *таяқчиқ* 'палочка' (<*таяқ* 'палка'), кирг. *көлчүк* 'озерко' (<*көл* 'озеро'), ккалп. *үйшик* 'домик' (<*үй* 'дом'), аз. *аданых* 'островок' (<*ада* 'остров'), башк. *төйөнсек* 'узелок' (<*төйөн* 'узел'), тур. *dilcik* 'язычок' (<*dil* 'язык'). Афф. -чиқ также проявляется в прилагательных с уменьшительным значением, ср. утр. *güzelyeçik* 'красивенький', *yükseçik* 'высоконький', туркм. *агасчиқ* 'хроменький', гаг. *кысаджық* 'коротенький' и т.д. В современных тюркских языках афф. -чиқ встречается относительно редко и относится к числу непродуктивных аффиксов.

Зависимый член — прилагательное на *чыл*. Ср. кирг. *сарычыл* 'желтоватый', тур. *barişçıl adam* 'миролюбивый человек', *gökçül renk* 'голубоватый цвет', каз. *кәпшіл адам* 'человек, любящий общество', тат. *кукрэкчел же-гет* 'грудастый молодой человек', кирг. *кулкүчүл киши* 'смешливый человек', тув. *будүрүүчел ат* 'спотыкающийся конь', ккалп. *қалжынышыл адам* 'шутливый человек', аз. *ищил адам* 'деловитый человек', алт. *чамчыл қызы* 'ласковая девушка' и т.д.

Значение склонности к чему-либо возникло в результате переосмысливания первоначального значения неполноты признака. Об этом свидетель-

ствуют некоторые аффиксы, имеющие и то и другое значение, ср. тур. *akçıl* 'беловатый' и аз. *iiçılık* 'склонный к работе'. По значению афф. -чыл ничем не отличается от значений афф. -чан, -чак и -чык. Аффикс состоит из двух древних уменьшительных аффиксов -ч и -ыл. В современных тюркских языках афф. -чыл употребляется довольно редко.

Зависимый член — прилагательное на -чи. Ср. хак. *čörəschi* 'любящий ходить', *üykuçhi* 'сонливый', *yırçı* 'любящий петь', туркм. *adamchi* 'кусачий', алт. *uykuçhi* 'сонливый', тур. *inatçı* 'упрямый', шор. *uruuchchi* 'драчливый' и т.д. Сфера употребления прилагательных на -чи в современных тюркских языках сократилась, потому что этот аффикс был перенесен в сферу существительных, где он в известной степени переосмыслился и стал использоваться в названиях профессий, ср. тур. *avçı* 'охотник' (<*av* 'охота'), аз. *dilçi* 'языковед' (<*dil* 'язык'), алт. *mälchi* 'пастух' (<*mal* 'скот'), кум. *timirchi* 'кузнец' (<*timir* 'железо'), тув. *açchi* 'охотник' (<*aç* 'зверь'), кирг. *balıkcı* 'рыбак' (<*balыk* 'рыба') и т.д.

Зависимый член — прилагательное на -ыч. Ср. тат. *kızgınçı* *keşle* 'жалкий человек', *kurkynıç* *doşman* 'опасный враг', *żirənəç* *kiishi* 'отвратительный человек' и т.д. Этот аффикс в современных тюркских языках употребляется крайне редко. Первоначальное значение — обозначение качества, проявляющегося постоянно.

Зависимый член — прилагательное на -ынч. Ср. кбалк. *kızgınç* *kiishi* 'жадный человек', *aiłlanç* *çay* 'извилистая речка', туркм. *gorkunç adam* 'опасный человек', *gysganç adam* 'жадный человек' и т.д. По всей видимости, афф. -ыч и -ынч генетически между собой связаны, хотя первоначальное их значение определить довольно трудно.

Зависимый член — прилагательное на -ак. Ср. тат. *aksak* *keşle* 'хромой человек', *elak* *taväş* 'плаксивый голос', аз. *gachak* *gələ* 'часто убегающий теленок', чув. *shıvak* *şürpə* 'водянистый суп', тур. диал. *ıcak bitki* 'вьющееся растение', туркм. *urtak tel* 'общий язык' и т.д. Афф. -ак в современных тюркских языках встречается очень редко. По происхождению это уменьшительный аффикс. На базе этого первоначального значения развились все его остальные значения.

Зависимый член — прилагательное на -қак/-әк. Ср. каз. *жабысқақ* *желім* 'липкий клей', *мойысқақ* *тал* 'гибкий тальник', тат. *batqaq casz* 'вязкое балто', узб. *kўrkоқ* *кижи* 'трусливый человек', кирг. *taygak* *buz* 'скользкий лед', ног. *uyrkek* *kiisi* 'боязливый человек', тув. *baiyrqak* *kiжи* 'хвастливый человек', аз. *gorxag oğlan* 'робкий парень', алт. *adarkak* *kiжи* 'завистливый человек' и т.д. В современных тюркских языках афф. -қак/-әк встречается относительно редко. Афф. -қак/-әк возник в результате повторения уменьшительного афф. -ак (-ак + -ак > -қак > -әк).

Зависимый член — прилагательное на -қай. Ср. кирг. *synarqai* *kirpiç* 'ломкий кирпич', ног. *urlaqai* *kiishi* 'вороватый человек', алт. *choçingkai* *kiжи* 'путливый человек', хак. *tolgai* *sue* 'извилистая река' и т.д. В современных тюркских языках афф. -кай (-гай) встречается относительно редко. Генетически он связан с уменьшительным аффиксом существительных -кай (-гай), ср. тат. *balakai* 'дитятко' (<*bala* 'ребенок'), *duskaik* 'дружок' (<*dus* 'друг'), *anakai* 'тетушка' (<*ana* 'тетя') и т.д. На основе уменьшительного значения могло развиться значение неполноты признака, ср. каз. *syraqai* 'сероватый', алт. *ýyllaqai* 'плаксивый' и т.д. Значение склонности к

чему-либо, по-видимому, возникло на основе значения неполноты признака.

Зависимый член – прилагательное на *-қач/-әач*. Эти прилагательные обычно обозначают склонность, ср. башк. *һөзәкәс һыйыр* 'бодливая корова', тур. *utangaç kız* 'стыдливая девушка' и т.д. В современных тюркских языках прилагательные с афф. *-қач/-әач* встречаются очень редко. По-видимому, первоначально этот аффикс имел уменьшительное значение. Любопытно, что он имеет тот же состав, что и афф. *-чак*.

Зависимый член – прилагательное на *-ғыч*. Ср. ккалп. *әзгерпүш адам* 'непостоянный человек', каз. *ауырғыш адам* 'болезненный человек', ног. *кулдиргүш киши* 'смешной человек', тат. *ялыктыргыч эш* 'нудная работа' и т.д. В современных тюркских языках этот аффикс также встречается довольно редко. По происхождению афф. *-ғыч/-қыч*, по-видимому, аблautный вариант афф. *-әач/-қач*. Совершенно очевидна связь этого прилагательного с прилагательным на *-ғыч*, означающим неполноту качества, ср. ккалп. *сыңғыш* 'ломкий' и кирг. *сарғыч* 'желтоватый'.

Зависимый член – прилагательное на *-қыр/-кир* (*-ғыр/-ғир*). Ср. тат. *алғыр малај* 'проводный мальчик', ктат. *сезигир киши* 'чувствительный человек' и т.д. Генетически афф. *-қыр/-ғыр*, по всей видимости, существовал в пражыке. В состав его входит элемент *-ғы* с модальным значением и афф. *-р*, тот же, что в причастии на *-ыр/-ир*.

Словосочетания с прилагательными, обозначающими постоянное свойство, склонность к чему-либо и т.п., в процессе развития тюркских языков понесли значительный урон. Суффиксы их стали непродуктивными. По этой причине употребительность таких словосочетаний резко сократилась. Это явление имеет свои причины. Значительная часть этих прилагательных субстантивировалась. Ср. алт. *айлачык* 'водоворот', *сығырчык* 'сверчок', хак. *махтанчых* 'хвастун', ккалп. *тиленшек* 'попрошайка', *емшек* 'соска', тув. *көрүнчүк* 'зеркало', тат. *бушандыргыч* 'разрядник', *тигезләгеч* 'ватерпас', *ерткыч* 'зверь', кум. *къыргыч* 'скребок', ккалп. *сызғыш* 'линейка', аз. *ојунаг* 'игрушка', эмчэк 'соска', ккалп. *урыншаг* 'задира', узб. *арғамчок* 'качели', алт. *баткак* 'топь', каз. *қорқақ* 'трус', аз. *баңаымыл* 'обирала' и т.д.

Особенно значительной была субстантивация прилагательных с афф. *-чи*, обозначающих склонность к чему-либо, ср. тур. *ımatçı* 'упрямый', хак. *уйгучы* 'солнливый', *хундугчы* 'забывчивый' и аз. *яланчы* 'лгун', хак. *күлечи* 'насмешник' и т.д. Но особенно интенсивно происходил процесс субстантивации в тех случаях, когда афф. *-чи* был переосмыслен как аффикс, обозначающий профессию, ср. тат. *балыкчы* 'рыбак', тур. *işçi* 'рабочий' и т.д.

Зависимый член – прилагательное на *-ығ/-иғ*. Афф. *-ығ/-иғ* был довольно широко распространен в старых тюркских языках, ср. др.-турк. *айығ* 'злой', *арығ* 'чистый', *йылығ* 'теплый', *сарығ* 'желтый' и т.д. Он сохранился также в тувинском, хакасском, шорском и тофаларском языках, ср. тув. *арығ* 'чистый', *чылығ* 'теплый', шор. *кадығ* 'твёрдый', *ачығ* 'кислый', *изығ* 'жаркий', *чылығ* 'теплый'.

В уйгурском и узбекском языках конечный *ә* превратился в *қ*: *каттиқ* 'твёрдый', *иссиқ* 'жаркий' и т.д.

В преобладающем большинстве тюркских языков конечные *ә* и *ә'*, а

также промежуточная ступень *к* отпали, ср. ног., тат. *каты* 'твёрдый', тур. *кагы*, алт. *кату*; тат. *ессе* 'горячий', кум. *исси*, ккалп. *ыссы*; жылы 'теплый', кум. *йылы*, каз. *жылы*; тур. *sarı* 'желтый', каз., узб. *сары* и т.д.

Афф. *-ыг/-иң* существовал в тюркском прайзыке. В современных тюркских непродуктивен.

Зависимый член – привативные прилагательные на *-сыз*. Прилагательные на *-сыз/-сиз* в тюркских языках широко распространены, ср. каз. *аяксыз адам* 'безногий человек', тат. *болытсыз күк* 'безоблачное небо', туркм. *булутсыз асман* 'безоблачное небо', кум. *адамсыз орамлар* 'бездунные улицы' ккалп. *базарсыз жер* 'место, где нет базара', кирг. *айсыз түн* 'безлунная ночь', тур. *иукизиз гесе* 'бессонная ночь', аз. *аёлсыз ушаг* 'глупый ребенок'.

Вопрос о происхождении аффикса так называемых привативных прилагательных *-сыз/-сиз* до сих пор остается открытым. По всей вероятности, афф. *-сыз/-сиз* когда-то обозначал неполноту качества. Позднее это значение усилилось до полного отрицания. В афф. *-сыз/-сиз* можно выделить два составных элемента – *с* и *ыз/из*. Элемент *с* способен выражать неполноту качества. Ср. тат. *ал-с-у* 'розоватый' (<*ал* 'розовый'), *зәнгәр-с-у* 'синеватый' (<*зәнгәр* 'синий'), аз. *аёым-с-ов* 'беловатый', узун-*с-ов* 'длинноватый', *дус-с-үү* 'солоноватый', тат. *күк-с-әл* 'голубоватый' и т.д. Второй элемент *-ыз/-из* может образовывать уменьшительные имена существительные, правда в соединении с афф. *-чиk*, ср. тур. *elçigiz* 'ручка' (<*el* 'рука').

ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН – СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, ЗАВИСИМЫЙ – ПРИЧАСТИЕ

Зависимый член – причастие на *-ған*. Данная модель встречается в алтайском, татарском, башкирском, казахском, киргизском, ногайском, тувинском, узбекском, уйгурском, хакасском и шорском языках. Ср. тат. *түған жыр* 'родная земля', тув. *бышкан кат* 'созревшая ягода', узб. *ўтған ўйл* 'прошлый год', алт. *айткан кижи* 'говоривший человек', каз. *өткен жыл* 'прошлый год' и т.д.

Определительные словосочетания с причастием на *-ған*, по-видимому, были уже известны прайзыковому состоянию. Образования с *-ған* первоначально как в кыпчакских, так и в огузских языках имели значение причастий и прилагательных. В огузских языках образование на *-ған* существует как словообразовательный элемент, образующий отлагольные прилагательные: тур. *calıçkan җосик* 'старательный ребенок', туркм. *үйрegen ит* 'брехливая собака', аз. *чалышган таләbə* 'старательный студент'.

В основе причастия на *-ған* лежит причастие на *-ан*, осложнённое афф. *-к*. Афф. *-к* существовал уже в общетюркскую эпоху, где он образовывал причастия, реликты которых сохраняются в современных тюркских языках, ср. тат. *кисәк* 'кусок' (первоначально 'отрезанный' (<*кис-* 'резать'), тат. *ачык* 'открытый' (<*ач-* 'открывать') и т.д. Позднее аффикс причастия *-к* соединился с другим причастием – причастием с афф. *-ан*. Особое распространение эти причастия получили в языках кыпчакской группы. В языках огузской группы они фактически были вытеснены другими причастиями и сохраняются только в реликтах, приобретших значение прилагательных.

Из зарегистрированных общетюркских памятников определительные словосочетания с причастием на *-ан* мы находим в сочетаниях Абу-л-Гази хана Хивинского, в памятнике X–XII вв. "Подарок истин" и др. Ср. *Олтуреан јäркä сызышмадылар* 'Они не умешались на тех местах, на которых жили' [Кононов 1958, 139].

Зависимый член – причастие на *-ан/-иан*. Эта модель встречается в тюркских языках юго-западной группы. Ср. аз. *учан гүш* 'летящая птица', туркм. *гелїән адам* 'приходящий человек', но *гелен адам* 'пришедший человек', тур. *calışan adam* 'работающий человек' и т.д. Причастный афф. *-ан* существовал уже в общетюркскую эпоху. В языках кыпчакской группы он исчез. Сохранились лишь егоrudименты, например: тат. *елан* (*йылан*) 'змея', *куян* 'заяц' (первоначально 'бегущий'). Продуктивным он остался в языках огузской группы.

Зависимый член – причастие на *-дық*. В роли чистого определения причастие на *-дық* встречается сравнительно редко, ср. туркм. *экilmедик* ер 'незасеянная земля', гаг. *сурулмедик* ер 'невспаханная земля'.

Определительные словосочетания на *-дық* зафиксированы уже в ранних памятниках древнетюркской письменности. Ср. Кюль-Тегин: *бардуկ јирдä ädgüг ol ärinç* 'и в странах, куда ты ходил, вот что было для тебя хорошего' [Малов 1951, 31, 39]; Тоньюокук: *jañduq jolta jämtä ölti kük* 'На пути преследования (многие) еще, возможно, умерли' [Там же, 62, 66]; Кутадгу билик: *Kiši kirmädük älkä kirsä qaly* 'Если человек явится в неизвестную ему страну (или: в страну, в которой он еще не был)' [Там же, 250, 275].

Возникновение определительных словосочетаний с причастием на *-дық* можно отнести к прайзыковому состоянию. Афф. *-дық* является результатом контаминации двух раннетюркских форм – *-ды* и *-к*. Их объединению способствовала и близость семантики. Исторически *-ды*, вероятно, имело перфектное значение. Такое же перфектное значение мог иметь и форматив *-к*. Не пытаясь определить значения составных элементов форматива *-дық*, В. Котвич вместе с тем указывает на то, что *dıq* образовалось от промежуточного варианта (т.е. *-ды*) путем присоединения суф. *-q-* [Котвич, 1962, 312].

Афф. *-дық/-тық* существовал уже в общетюркскую эпоху, о чем можно судить на основании наличия его в разных группах тюркских языков: тат. *калдык* 'остаток', ястык 'подушка', тур. *bildik* 'знакомый' и т.д.

Возможно, что уже в пратюркскую эпоху имена с афф. *-дық* имели причастное значение, а потому и была возможна сама модель словосочетания "причастие + существительное". Ср., например, тат. *ташландык* 'заброшенный'. В дальнейшем произошло зональное расслоение. В кыпчакских языках имена с афф. *-дық* не получили особого развития. В огузских языках в течение определенного периода они были довольно продуктивными, но потом также вышли из употребления.

В ранних памятниках древнетюркской письменности встречаются определительные словосочетания с причастиями, представляющие собой производные образования от отлагольного прилагательного (причастия на *-ык*). Мы имеем в виду причастия на *-к*, *-гу*, *-ма*, *-лы*, *-э/ы(a)лак*. Ср. *basunuyma jaγuу kälürir ärtim* 'повинующихся врагов я приводил'

[Малов 1951, 64, 69]; *Oza jaňa källigmä sūcīn aýyt* (т)ым 'Войско (врага), которое начало нас обходить и побеждать, я прогнал' [Малов 1959, 17, 21].

Из современных тюркских языков такого рода словосочетания сохранились в сибирских языках, ср. тув. *бышкылак кат* 'еще не поспевшие ягоды' [ТРСл 1955, 677], шор. *qasýur pärçätqan aq małdy uqqan čerge čäba četti* 'Угнанный белый скот и подданный народ и гнавшего (их) богатыря на том месте, где видел, догнал на том месте, где слышал, настиг' [Дыренкова 1940₁, 86–87], *паргылак күштар* 'перелетные птицы' [Дыренко-ва 1941, 274].

Такого рода определительные сочетания нельзя отнести к пражазыковому состоянию, поскольку редкое и непродуктивное их использование в современных тюркских языках и сохранение этих образований в сибирских языках в данном случае указывают на их зональный характер.

Зависимый член – причастие на *-мыши*. Ср. аз. *сынмыш ааң* 'сломанное дерево', тур. *tapıntıç bankası* 'известный работник банка', гаг. *саваштырымьыш чифчиләр* 'угнетавшиеся крестьяне'. Есть мнение, что афф. *-мыши* соответствует як. *-быт*: *бытput бурдук* 'созревший хлеб', *охтубут мас* 'упавшее дерево', *байбыт колхоз* 'разбогатевший колхоз' [Харитонов 1947, 225, 226].

Определительные словосочетания с причастием на *-мыши* типичны для огузской группы тюркских языков, поскольку они свойственны преимущественно тюркским языкам юго-западной группы. Определительные словосочетания с причастием на *-ган* обычно встречаются в кыпчакских языках. Их можно отнести к периоду тюркской общности, так как во многих современных тюркских языках сохранились значительные реликты их распространения в виде определительных словосочетаний с отглагольным прилагательным на *-ган*.

Этого, однако, нельзя сказать в отношении определительных словосочетаний с причастием на *-мыши*. Можно предполагать, что сама форма на *-мыши* безусловно существовала в тюркском пражазыке. Но была ли она распространена в определительных словосочетаниях, не представляется еще ясным. Во всяком случае, сохранившие ее реликты в языках Средней Азии и Поволжья указывают на ее существование в качестве словообразовательного аффикса отглагольных имен существительных. Ср. башк. *язмыш* 'судьба', тат. *тормыш* 'жизнь', узб. *турмуши* 'жизнь' и т.д.

Определительные словосочетания с зависимым членом – причастием на *-мыши* – зафиксированы в ранних тюркских памятниках [Батманов 1959, 92]. Ср. ол. *töřü tā jyuuyltus qamatı kiši lär adyn ty lar miqatdy lar* 'собравшийся в том судилище весь народ удивился и изумился' [Малов 1951, 157, 160].

Аффикс отглагольного имени *-мыши*, по-видимому, сложное образование и состоит из афф. *-ма(-ба)* + *-ыш*. Есть основания предполагать, что отглагольные имена с афф. *-ма(-ба)* и *-ыш* существовали уже в обще-туркскую эпоху. Ср. туркм. *алма* 'взятие, получение', кирг. *башталма* 'начинание' и аз. *доөүлүш* 'рождение', чув. *пёлтерёш* 'значение'.

Зависимый член – причастие на *-р/-ыр/-ар*, *-мас/-мäс*. Данная модель встречается в различных ареалах тюркских языков. Ср. узб. *oқар сув* 'проточная вода', як. *билэр кини* 'знающий человек', тат. *кайнар су* 'ки-

пяток', башк. *кайнар ныу* 'кипяченая вода и т.д. Она зафиксирована и в ранних памятниках древнетюркской письменности. Ср. *Калар* (или *калыр*) эшиш мой 'оставшийся друг', *йедер тон* 'боевая одежда' [Батманов 1959, 94], *Bilig bilməz kisi ol* 'себя алып, язду барып ўкүш кіши болтіг' 'И (вот) вы люди, не обладавшие (истиной) мудростью, послушавшись речи и подойдя вплотную, погибли (там) в большом количестве' [Малов 1951, 28, 35].

Возникновение определительных словосочетаний с причастием на -р можно возвести к периоду пратюркской общности, поскольку причастие на -р обнаруживается непосредственно или в реликтовом виде во всех тюркских языках. Можно предполагать, что уже в общетюркскую эпоху оно широко употреблялось как причастие наст. и буд. времени, а также как отлагательное имя со значением названия процесса, носителя процесса или результата, ср. аз. *калир* 'приход', узб. *букур* 'горбун'.

Некоторые причастия на -р, по-видимому, довольно рано превратились в прилагательные, оставив многочисленные реликты в современных тюркских языках, ср. тур. *akak* 'поток' (первоначально 'текущий'), аз. *jetər* 'достаточный', тат. *кайнар* 'горячий', чув. *хёсёр* 'тесный' (первоначально 'жмущий' < *хёс* 'жать') и т.д.

Почти во всех тюркских языках, за исключением якутского, причастия на -р в дальнейшем оказались непродуктивными. Они в большинстве случаев или заменялись инновациями, т.е. новыми причастиями наст. времени, или лексикализировались в форме прилагательных. Основная причина этого явления — в том, что еще в общетюркскую эпоху причастие легло в основу наст.-буд. времени, или аориста. Стремление устраниТЬ омонимию форм причастий с формами 3-го лица аориста (наст.-буд. времени на -р) в немалой мере способствовало замене причастий на -р другими причастиями, его конкурентами, например причастием на -аан, -аи, отлагательным именем на -чи, которое в ряде тюркских языков приобрело значение причастия наст. времени.

В ряде тюркских языков причастие на -ар принимает афф. -лык. Ср. башк. *eterlek aşı* 'достаточная еда'; ул. *эйтеп батырмаслек шат* (Эмири, 5) 'Это невыразимая радость'; каз. *Бізде сыйлесерлік нарселер болады* 'У нас будет, о чем поговорить' [РКСл 1954, 60]; тат. *Биредә аяк басарлык та урын юк* (Дәули 1959, 39) 'Здесь нет места, где бы можно было поставить ногу'.

Эта форма в тюркских языках имеет модальное значение возможности совершения действия, ср. тат. *басарлык урын* 'место, на которое можно поставить ногу'.

Зависимый член — причастие на -ачаң. Эта модель определительных словосочетаний распространена преимущественно в ареале южных тюркских языков и некоторых языках Средней Азии и Поволжья. Ср. тур. *Dayanacak halim kalmamıştı* (Nesin 1958, 6) 'Я не в состоянии устоять'; туркм. *Оның дердиңе яражак ери бармы?* 'Есть ли место, которое вылечило бы его болезнь?' (разг.).

По происхождению афф. -ачаң является вариантом афф. -чаң. Происхождение элемента -а неясно. Поскольку афф. -чаң обозначал возможность или способность к чему-либо, то на этой основе у него позднее развилось значение буд. времени. Формирование афф. -ачаң завершилось в огузской

зоне, откуда он распространился на некоторые северные языки. Изначально афф. -ағағ был показателем причастия буд. времени.

Зависимый член – причастие на (-у)чу/(-у)чи. Этот тип определительных словосочетаний охватывает довольно большую зону тюркских языков: аз. *бөгүжу бир исти* 'удушающая жара'; каз. *Жатақханада тұрушы студенттер күн сайын ертемен гимнастика жасайды* 'Студенты, живущие в общежитии, по утрам ежедневно занимаются гимнастикой'; кар. т. *Кетювчұ ол йолларба лиетувич көргөзя камчусуба йолчусуна* 'Литовец, который едет по тем дорогам, показывая (это) своему спутнику' [Мусаев 1964, 38], кбалк. *джазыуучу студент* 'пишущий студент'; ног. *Жашувды сөңгә калдырувиши бир колхоз да болмавга керек* 'Необходимо, чтобы не было ни одного колхоза, отстающего с севом' [НРСл. 1963, 532]; тур. *Yaşlıydi ama, hiç de gerici, tutucu bir insan degildi* (Nesin 1962, 32) 'Он был по-жизи, но он совсем не был отсталым, консервативным человеком'.

Афф. -чи/-чу с его различными вариантами имеет довольно широкое распространение во всех современных тюркских языках. Он был также распространен и в памятниках древнетюркской письменности. Это обстоятельство заставляет предполагать о его существовании уже в общетюркскую эпоху. Однако значение у него было другим. Первоначально он был аффиксом прилагательных, обозначавших склонность к чему-либо, ср. туркм. *адамчы* 'кусачий', тур. *ınatçı* 'упрямый', хак. *уйкучы* 'сонливый', шор. *уруучы* 'драчливый'. На этой основе у него возникло во многих тюркских языках значение причастия наст. времени, вследствие чего сильно увеличилась частотность употребления причастия на -чи + + имя существительное.

Зависимый член – причастие на (-а)туын/-а)дығын. Его фонетически трансформированным вариантом является, вероятно, и (-а)тын. Ср. каз. *келетін кісі* 'человек, который должен прийти' [СКЯ 1962, 323]; кар. т. *Йаланғач саръарадогон тэрлайлар* 'голые желтеющие степи' [Мусаев 1964, 307]; ккалп. *Бизге қатнасадығын адам керек* (Сейтиазаров, 10) 'Нам нужен человек участливый'; ног. *окыйтаган кыз* 'читающая девушка'; узб. *Сўзидан қайтмайдиган адам* (Рашидов 1958, 258) 'Человек, не отказывающийся от своих слов'; уйг. *коридиған кино* 'фильм, который стоит посмотреть' [Наджип, 1960, 91].

Вероятно, образования на *-туын*, *-дығын*, *-таған* представляют специфические причастные формы от вспомогательного глагола *тур-* 'стоять'. Ср. аналогичное причастное образование в татарском языке типа *ала торган* 'берущий'.

Рассмотренные выше словосочетания не могут быть отнесены к праязыковой плоскости, поскольку они имеют зональные ограничения.

Зависимый член – причастие на -асы. Фактически причастие на -асы является причастием буд. времени, ср. тат. *без баrasы юллар* 'пути, по которым мы пойдем'; башк. *киләһе йыл* 'будущий год' (букв. 'год, который наступит'); аз. *тиклиләс ев* [АГ 1960, 212] 'дом, который будет построен'; тур. *Çok şaşlası bir şey* (Nesin 1962, 12) 'Очень удивительная вещь'.

Наличие афф. *-асы* в разных группах тюркских языков позволяет отнести его существование уже в общетюркскую эпоху, когда он был более широко распространен. Позднее он, по-видимому, в ряде языков исчез.

В чувашском и в некоторых диалектах татарского языка афф. -асы служит для образования инфинитива, ср., например, чув. килес 'приходить', пулас 'быть' и т.д.

Зависимый член — причастие на *-малы*: аз. Ахумалы китаб [АГ 1960, 213] 'Книга, которая должна быть прочитана'; туркм. Столың үстине үемели затлар етерлик гетирилип гоюлыпды (Сарыханов 1961, 62) 'На стол принесли в изобилии кушания; чув. каймала сын 'человек, который должен ехать'. Первоначально адъективный афф. -лы передавал значение возможности, ср. тат. алынмалы 'съемный', т.е. 'такой, что его можно снять'. Затем на базе этого значения развилось значение долженствования.

В тюркских языках наблюдаются случаи перехода древних причастий в прилагательные. Сюда относятся прежде всего определительные сочетания с прилагательными на *-к/-қ / -ә* с их фонетическими вариантами *-ик/-ыг, -аг/-ок* и т.п. Эти прилагательные встречаются в тюркских языках различных ареалов. Ср. аз. боғұғ сәс 'сиплый голос', гаг. чүрүк алма 'гнилое яблоко', каз. тунық су 'прозрачная вода', тур. *buzuk* 'шарап' 'испорченное вино', узб. очиқ китоб 'раскрытая книга', ног. ширик алма 'гнилое яблоко' и т.д.

Определительные словосочетания с прилагательными на *-к/-қ* восходят к глубокой древности и вполне могут быть реконструированы в прайзыковое состояние. Находя универсальное употребление во всех тюркских языках, они зарегистрированы и в ранних памятниках древнетюркской письменности. И.А. Батманов указывает на образования с *-ә/-қ*, как непродуктивные уже в орхено-енисейский период: *ТырыРыГь* (= *тириг*) 'живой', *KTT* (-*катыг*) 'твёрдый, жесткий' [Батманов 1959, 69]. Последние свидетельствуют о том, что образования с *-ә/-қ* старше периода орхено-енисейских памятников.

Можно предполагать, что в эпоху тюркского прайзыка существовали отлагольные прилагательные на *-ық/-ик*. Их можно было бы назвать причастиями, но они существенно отличались от тех причастий, которые существуют в современных тюркских языках. Они не выражали ни времени, ни залогов и обозначали только какое-нибудь качество действия, чаще всего результативность. Эти древние отлагольные прилагательные оказались неустойчивыми — они превращались в существительные или прилагательные с пассивным значением типа ачық 'открытый', сынық 'сломанный' и т.д. Такого же происхождения прилагательные типа узб. ёзма 'написанный', тат. күшма 'сложенный', тур. *uartı* 'расколотый' и т.д., прилагательные на *-кан* или *-кын* типа аз. *чалышган* 'старателльный', тув. *ырхан* 'худой', тур. *döñüşken* 'драчливый', туркм. *ергин* 'расплавленный', аз. *касғын* 'острый' и т.д.

ИЗАФЕТ

Изафет в тюркских языках является частным случаем определительных словосочетаний. Этот тип отношений между двумя именами пронизывает всю структуру тюркских языков, являясь как бы ключом к пониманию многих синтаксических категорий. В тюркологических исследованиях изафету уделялось немало внимания, однако нельзя признать, что природа тюркского изафета достаточно раскрыта. Особенности этого типа синтаксических отношений кроются не только в его своеобразной природе, выходящей за рамки всех прочих атрибутивных отношений, но и в его нестандартном по-

ведении в отдельных тюркских языках. Изафет как особая полноправная синтаксическая категория легко объяснима, если принимать во внимание общие типологические черты тюркских языков.

Как и всякая определительная группа, изафет строится, подчиняясь ведущему закону агглютинативного строя тюркских языков — закону порядка слов "определение + определяемое".

Целый ряд существующих в тюркологической литературе определений сущности изафета обычно основывается на том или ином присущем ему свойстве, но не охватывает всей категории в целом. С.С. Майзель в своей книге, посвященной турецкому изафету, пишет, что "турецкий изафет представляет собой такое сочетание двух существительных, из которых одно, стоящее в родительном или неопределенном падеже, является определением и одновременно дополнением к другому своему определяемому и одновременно дополняемому" [1957, 13]. Если можно согласиться с этим положением, отражающим один функциональный признак изафетных сочетаний, то трудно полностью согласиться с другим положением С.С. Майзеля: "Изафет — показатель субстантивности членов, а не адъективности" [Там же, 17]. Как будет показано ниже, в 1-м типе изафета (тур. *demir yol* 'железная дорога') имеет место известная адъективизация. А.К. Боровков в статье "Природа турецкого изафета" усматривает его характерные особенности в том, что в сочетании существительных исторически дана и форма словообразования, форма образования новых понятий через посредство абстрагирования предметного свойства как существенного, определяющего новую природу уже известного в практике предмета. Ср. кбалк. *ağaq koyan* 'белка' (букв. 'дерево заяц'), *alma tereq* 'яблоня' (букв. 'яблоко дерево'), *bıçık teşiq* 'ноздря' ('нос дыра'). Таким образом, как замечает А.К. Боровков, сочетание существительных включает в себя момент словообразования [1935, 169, 170].

В ряде грамматик по тюркским языкам изафет понимается слишком широко. Под него подводятся обычно типы определительных словосочетаний. Ср. аз. *яхшы адам* 'хороший человек', узун *ип* 'длинная веревка', узаг *јол* 'далекий путь', кирг. *беш окуужу* 'пять учеников', тур. 17 *defter* '17 тетрадей'.

Для того чтобы четко отграничить изафет от обычных типов словосочетаний, необходимо определить его содержательную сторону. Изафет — это такая определительная группа, в которой определяемое, будучи всегда выраженным именем существительным, определяется с точки зрения его принадлежности к другому предмету или различных форм отношения к нему.

Традиционная грамматика обычно выделяет три типа изафета, на классификационном признаке выделения которых останавливаются излишне. Однако характер этих типов в плане их отношения к самой категории изафетных сочетаний весьма неоднороден. Классификация изафета может происходить в двух аспектах: 1) рассматривать изафет только с формальной стороны как сочетание двух существительных; этот аспект выдерживается во всех существующих до сих пор тюркологических работах; 2) учитывать и содержательную сторону, т.е. сочетать грамматический аспект с логическим.

1-й тип изафета. Примеры: тат. *агач өй* 'деревянный дом', таш күмер 'каменный уголь', башк. *аәс өй* 'деревянный дом', ком туба 'песчаный холм', аз. *әәж гашыг* 'деревянная ложка', дәмир гапы железная дверь', кирг. суу кир 'мокрое белье', 'жер май' 'керосин', узб. олтин соот 'золотые часы', шоий рўмол 'шелковый платок', кум. туз къап 'мешок с солью', гюлюш сагъат 'серебряные часы', туркм. йуң жорап 'шерстяные носки', йүпек көйнек 'шелковая рубашка', тур. *balçık yol* 'грязная дорога', *gütüş para* 'серебряные деньги', хак. күмүс самнах 'серебряная ложка', тас тұра 'каменный дом', тув. алдын шак 'золотые часы', даши бажың 'каменный дом', як. алтан солуур 'медный котел', тимер орон 'железная кровать', чув. чул җурт 'каменный дом', тимер аләк 'железная дверь', ног. алтын юзик 'золотое кольцо', тас коемир 'каменный уголь' и т.д.

1-й тип изафета имеет только терминологическое значение, поскольку первый его член может быть настолько адъективизирован, что фактически данный тип изафета представляет собой чисто адъективизированные слово-сочетания. Отсутствие грамматического оформления аффикса принадлежности у второго члена мотивировано. От существительного здесь отвлекается признак, который характеризует предмет не с его качественной стороны, а в отношении с другим предметом. Ср. аз. дәмир гапы 'железная дверь', аәж гашыг 'деревянная ложка'.

Адъективизированная природа первого члена изафетного сочетания 1-го типа доказывается и возможностью раздвижения его словом *бир*. Ср. аз. *гранит бир күтлә кими* (Ибраһимов 1966, 23) 'как гранитный массив' (по аналогии *яңышы бир адам*). Первый член в такого рода изафетных сочетаниях настолько адъективизировался, что о его именной природе можно говорить лишь в историческом плане.

Семантическое изменение произошло у имени существительного, выступающего в изафетных сочетаниях на правах нумеративного слова. Ср. кирг. *стакан суу* 'стакан воды', где первый член, выражая меру, приближается по своей семантике к числительному.

Адъективизированная природа определения, обозначающая состав, вещество, материал, ярко проявляется при его переносном значении. Ср. аз. *даш үрәк* 'каменное сердце', каз. алтын нүр 'золотой луч', тат. *Куркак син, куян йөрәк!* (Еники 39) 'Трус ты, заячье сердце!' и д.т.

Как известно, употребление 1-го типа изафета связано с определенными семантическими условиями. Для всех тюркских языков общим является то, что определение должно указывать на: 1) состав, вещество или материал, из которого сделано определяемое, ср. алт. *Кабай бүктөп, јазап јытлар*. Чар герезини бүргеп. Чуу јазап јытлар. Алтын тонду алынтар. Мөнүн тонду күлүктөр (Алтын-бизэ, 75) 'Изгибают, люльку делают. Из бывшей шкуры. Пеленки делают. В шубах золотых силачи. Молодцы в серебряных шубах' (Алтын-бизе, 17); кирг. болот калем 'стальное перо', ног. темир йол 'железная дорога' и т.д.; 2) меру, размер, форму и проч., ср. каз. *Отар-отар қойлар менен үйір-үйір жылқылар* (Сланов, 3) 'Отары овец и косяки лошадей', туркм. *Доклад учин сизе наче минут вагт герек?* (Гурбансаидов, 252) 'Вам для доклада нужно сколько минут времени?'; 3) профессию, специальность, официальные звания, титулы, ученую степень, принадлежность к определенному полу, положение, прозвище, собственные имена, топонимы и проч., ср. туркм. *Нәме, доктор гызы билен кайши эйдинми?*

'Почему ты поссорился с девушкией-доктором?', хак. *Хасхар тас таңынъ олыннанъ хойлар чазазыр инчелер* 'С каменистой горы Хосхар по долине спускаются в степь овцы' [ХРСл. 1953, 478], чув. *Наңта маттур* 'Красавица Настя' [Ашмарин 1903, 2], тюркские памятники: Кюль-Тегин: *Күл тігін кон јылқа жіті* / *јәгірмікә* учды 'Кюль-Тегин улетел (т.е. умер) в год овцы, в семнадцатый день' [Малов 1951, 33, 43] и т.д.

Целый ряд семасиологических условий употребления изафета I в разных тюркских языках дает неодинаковую картину.

Значения собственных имён, географических названий, а также и национальной принадлежности передаются по 1 и 2-му типам изафета. Ср. значение национальной принадлежности, которое на правах определения дает в большинстве тюркских языков 2-й тип изафета, а в кумыкском, тувинском и древнетюркских памятниках обычен 1-й тип изафета, ср. кум. *къумукъ тиль* 'кумыкский язык' [Дмитриев 1940, 181], кбалк. *ана литература* 'родная литература', тув. *тыва улус* 'тувинский народ' и т.д.; памятник в честь Тоньюокука: *Toqız oyuq budun ýzä qayan olurty* 'Над народом токуз-гузов воссед каган' [Малов 1951, 61, 65]; Кюль-Тегин: *Он ok будун ўмгäк кörpti* 'Народ "десяти стрел" подвергся притеснению' [Там же, 30, 38].

В некоторых современных тюркских языках встречаются такие изафетные сочетания, как аз. *рус машинист*, каз. *шет тіл* 'иностранный язык'. Употребление 1-го типа изафета в тех случаях, когда параллельно употребляется и 2-й тип, свидетельствует, в частности, о том, что процесс адъективизации сделал излишним употребление аффикса принадлежности как показателя принадлежности или соотнесенности предметов-субстантивов.

В кумыкском языке вообще очень слабо разграничиваются 1 и 2-й типы изафета. Сплошь и рядом в газетах одно и то же выражение встречается в двух вариантах. Ср. *сайлов участкалары* и *сайлав участкалар* 'избирательные участки'. Очень часто изафет I в кумыкском языке употребляется в таких случаях, где в других тюркских языках мог бы быть изафет II, ср. *юрг хозяйствво* 'сельское хозяйство', *къумукъ къызы* 'кумыкская девушка', *тав оъзен* 'горная река', *колхоз базар* 'колхозный базар', *ишичи гюч* 'рабочая сила' и т.д. По-видимому, в таком же положении находится и карачаево-балкарский язык, ср. *сабий сад* 'детский сад', *джер юй* 'земляника', *къабырга газет* 'стенная газета', *тау оъзен* 'горное ущелье'.

Кроме того, в целом ряде тюркских языков есть изафетные сочетания с настолько адъективизированным первым членом, что они приближаются к словосочетаниям. Ср. аз. *чәкмә тикән* 'сапожная лавка'; каз. *ай жарық* 'лунное освещение'; кум. *Мен шу адамны партизан отрядда сама гёrmедим-микен?* (Ягъияев, 9) 'Я разве сам не видел этого человека в партизанском отряде'; тат. *Берсе куршә авылда вайләнеп йөри* (Еники, 51) 'Один бродит в соседней деревне'; татары западной и юго-западной части БАССР: *кәчтерүүл каплач* (вм. литер. *кастрюль капкачы*) 'крышка кастрюли'; туба такта (вм. литер. *тубә тактасы*) 'потолочные доски'; *трамбай юл* (вм. литер. *трамвай юлы*) 'трамвайная линия' [Афлетунов 1961, 6]; тув. *куш ажыл* 'физический труд' [ТРСл. 1955, 44]; туркм. *мораль тербие* 'моральное воспитание'; уйг. (хамийское наречие) *адам тіл* 'человеческий язык' [Малов 1954, 112] и т.д.

Определения могут быть выражены целыми словосочетаниями. Ср. каз.

Сол жақ қабырғада, ескілеу ағаш керуектте Анна жатыр (Сейфуллин, 23) 'С левой стороны у стены на старой деревянной кровати спит Анна'; тат. Без Шамил белән уң як дозорда барабыз (Эпсэлэмов 1953, 120) 'Мы с Шамилем идем в дозор с правой стороны' (букв. 'правая сторона в дозоре').

1-й тип изафета встречается в тех случаях, когда по всем семантическим условиям должен быть употреблен 3-й тип. В основном эти случаи зарегистрированы в ранних памятниках древнетюркской письменности. Отчасти это можно объяснить и древностью 1-го типа изафета, техническим удобством выражать отношения между словами синтаксическими средствами в условиях, когда морфологические показатели еще недостаточно утвердились. Ср. Кюль-Тегин: *Ärip jiptä* 'В месте дорожной остановки' [Малов 1951, 28, 35]; Золотой блеск: *M(ä)n boşıq j(a)lyuq qä tätip, ol balıyq tyn ündüm* (чит. ўндүм) 'Получив приказ об освобождении, я вышел из этого города' [Там же, 157, 160]; Кутадгу билиг: *Qulyapaz öziön bi qatiqu il išin* 'Я не могу сам выполнить все дела народа' [Там же 242, 271] и т.д.

Сporadически такие факты употребления изафета I наблюдаются в отдельных современных тюркских языках: алт. *Мал қабырчы ла кой қабырчы Ак тайганын* 'крыина чыгып...' (Алтын-бизе, 18) 'Пастух коней и пастух овец, поднявшись на вершину белой горы...',; узб. *Кишлоқ томонда яца чанг кўринди* (Қахҳор, 9) 'В направлении деревни опять показалась пыль'.

Изафет I по семантическим условиям 3-го типа употребляется в тех случаях, когда входит в группу предиката. Предикат всегда предполагает категориальность, известную долю неопределенности. Существительное в подлежащем конкретнее существительного в предикате. Таким образом, свойство предиката как бы разрушает изафет. Это наблюдается на материале памятников древнетюркской письменности — Гадательная книжка: *Qara jol täpri tän* 'Я черное божество судеб' [Малов 1951, 83, 90].

По всей видимости, изафет I является наиболее древним типом изафета. С полным основанием можно предполагать, что изафет I в тюркском прайзыке был широко распространен. В пользу такого предположения могут быть приведены следующие аргументы.

В тюркских языках и в настоящее время встречаются тесно связанные комплексы слов, построенные по схеме 1-го типа изафета. В них- Способом связи слов является примыкание. Эти сочетания осознаются как сложные слова, выражающие одно понятие, ср. башк. *куян арба* 'таратайка' (букв. 'заяц арба'); *баш як* 'изголовье' (голова край'); *кайыш бау* 'ремень' (ремень веревка'); кбалк. *ağاد koyan* 'белка' (дерево заяц'); *alma tereq* 'яблоня' ('яблоко дерево'); *bıgım teşiq* 'нос дыра'; уйг. *таш йол* 'шоссе' (камень дорога'); тат. *карга борын* 'клещи' ('вороний клюв'), *башқала* 'столица' ('главный город'); ног. *atişabыс* 'скачки' ('бег лошадей'), *белбав* 'пояс'; кирг. *тамыр аял* 'любовница' ('корень жена'), *өмүр баян* 'биография' ('жизнь рассказ'); алт. *орус поэт* 'русский поэт', *алтай јон* 'алтайский народ'; кар. *бис бармак* 'большой палец'; кум. *базар гюн* 'базарный день', *къол сагъат* 'ручные часы': ккалп. *жылан жыл* 'год змеи' ('змея год'), *аниш ийт* 'охотничья собака' ('охотник собака'); кум. *базар гюн* 'базарный день' ('базар день'), *къол сагъат* 'ручные

часы' ('рука часы'); туркм. *ердемир лемех* ('земля железо'), *гунбатар* 'запад' ('солнце заход'); чув. *акатуй* 'праздник весеннего сева' ('плуг праздник') и т.д.

Позднее изафет I стал вытесняться изафетом II, вследствие чего произошло сильное сокращение сферы его употребления во всех тюркских языках. Он стал употребляться преимущественно в тех случаях, когда первый его член представлял название какого-либо вещества или материала. Значительную частотность 1-го типа изафета следует рассматривать как остаток прежнего состояния.

Коллокация двух имен существительных посредством простого примыкания создает благоприятные условия для адъективизации первого члена такого сочетания. В данном случае от имени существительного отвлекается признак и первый член сочетания получает значение относительного прилагательного, например тат. *таш өй* 'каменный дом' ('камень дом'). Такое явление нередко наблюдается и в других языках, ср. коми-зыр. *вöр туй* 'лесная дорога', удм. *ку сапег* 'кожаный сапог' и т.д.

2-й тип изафета. Отличительным признаком 2-го типа изафета в тюркских языках является наличие притяжательного аффикса 3-го лица у второго члена изафетной конструкции, ср. тур. *şörk uazari* 'турецкий писатель', *deniz yalisi* 'берег моря'; хак. *тағ пазы* 'вершина горы', чон *чарызы* 'народный суд'; кирг. *куш жолу* 'млечный путь', *август ортосу* 'середина августа'; чув. *Совет ёршиыве* 'Советская страна', *писатель араме* 'жена писателя', уйг. *уйгур халқы* 'уйгурский народ'; аз. *дәниз санили* 'берег моря', *әдәбијат дәрсү* 'урок литературы'; кбалк. *жаз башы* 'начало лета'; кум. *гъава флоту* 'воздушный флот'; тув. *дун ортузу* 'полночь', *өргө уңгуру* 'сусличья нора'; башк. *ял йорт* 'дом отдыха', *йылға башы* 'исток реки'; тат. *грек халкы* 'греческий народ', *каен урманы* 'березняк'; ног. *ис орны* 'рабочее место', *карлыгаш уясы* 'ласточкино гнездо'; кар. *ай йарыгзы* 'свет луны'; алт. *орман тавузъ* 'глухарь' (букв. 'лесная курица'); як. *тыа ыллыга* 'лесная тропа' и т.д.

Согласно традиционному в тюркологической литературе определению, первый член 2-го типа изафета выражает неопределенное родовое понятие. Наиболее точно это сформулировано у Н.К. Дмитриева. Башкирское определение-существительное по-русски воспринимается как относительное прилагательное. Только это прилагательное не обозначает вещество как материал, а указывает на то, к какому коллективу или к какой категории относится определяемое. Таким образом, *кала бাকсаны* есть такой сад, который типичен для всех городов вообще в противоположность, например, деревенскому саду [1948, 226]. Однако и это употребление требует некоторых уточнений. Употребление изафета II вызвано различными семантическими условиями. Представляется возможным выделить из них следующие.

1. Первый член изафета означает родовое категориальное понятие, которое точно не определено. Ср. тув. *Эжишкiler найыралы эртине дагны тургуз ар* 'Дружба людей гору сокровищ создает' (Тыва домак. 22, 29); тур. *Burnuma mis gibi kevar kokuları geldi* (Nesin 1962, 6) 'До моего носа до неслись прекрасные запахи шашлыка'; туркм. *Коммунистик захмат бригадасы диен ады этишмек гөр нэхили шатлык дөрөдйэр* (Маммадов, 6) 'Звание бригады коммунистического труда вызывает радостное (чувство)';

узб. Найманча азалдан косиблар маҳалласи (Мухтор, 5) 'Найманча – издавна квартал ремесленников'; тюркские памятники – енисейск. *äl töröşü* 'законы государства' [Малов 1952, 26]; Тоньюкук: *Budun boyzy toq ärti* 'Горло народа было сыто' [Малов 1951, 60, 61] и т.д.

2. Изафет II может вполне выражать конкретное, определенное соотношение предметов (совпадая по функции с изафетом III). Это может объясняться принципом экономии, ослаблением аффиксального режима, стремлением избежать плеоназма и др. Ср. аз. *O күн бизим учун набар күнү гәдәр аэзиз, илк көруш дәвигәсси гәдәр ширин иди* (Ибраһимов 1958, 16) 'Тот день был для нас приятен, как минута первого свидания'; ккалп. *Caat 11 де райком бюросына шақырылты* (Сейтназаров, 53) 'В одиннадцать часов его послали на бюро райкома'; тат. *Агач күләгәләри ул* (Әпсәләмов 1953, 99) 'Это тени деревьев'; тур. *Aradan iki üç gün geçince bütün geti halkı socuya gönü'l bağlamıştı* (Halikarnas, 42) 'Прошло только два-три дня с тех пор, и все люди на судне (букв. весь народ судна) привязался к ребенку'); узб. *Зангори кема капитани* 'Капитан голубого корабля'; тюркские памятники – енисейск. *яңыра тәгміш су тәні жәті бін отлан ärti* 'количество войска, выступившего против врага, было семь тысяч молодых людей' [Малов 1952, 49]; Гадательная книжка: *Täňri kүcіñä* 'По могущству неба' [Малов 1951, 49, 81] и т.д.

Помимо простых технических причин опущения род. падежа у первого члена изафетного сочетания во избежание плеоназма, есть и целый ряд других факторов, способствующих этому процессу.

Первый член изафета обычно выступает без аффикса род. падежа, если он входит в предикативную группу. Предикация в данном случае ослабляет, как бы разъедает определительные отношения – Гадательная книжка: *Kikik oylı tän* 'Я детеныш олена' [Малов 1951, 83, 89]; Памятник из Суджи (Монголия): *Män qutluy bay'a tarqan ögä biiřtuqy tän* 'Я огя-буорук (приказчик, приказный) счастливого бага-тархана' [Там же, 76, 97].

Изафет II употребляется и при указании на конкретное лицо – обладателя чего-либо, а именно в случае употребления в качестве первого члена имен собственных, географических названий, когда естественнее было бы иметь изафет III. Ср. аз. *Бура Илич бухтасыдыр* 'Здесь бухта Ильича' (Аз. гадыны); тат. *Май башы иде* (Еники, 91) 'Было начало мая'; чув. *Байкал хेरринче пулаçсем түрәнакан ялсем таçалса лараççé* (Уйап, 15) 'На берегу Байкала тянутся деревни, населенные рыбаками'; тюркские памятники – в честь Тоньюкука: *On oq qaçanu jaçutuz ärti* 'Каган (народа) "десяти стрел" был нашим врагом' [Малов 1951, 62, 66]; енисейск. *Байна Саңун оалы Kylүг Чур* 'Я сын байна Сангуга, именитый Чур (Колюг Чур)' [Малов 1952, 22, 23] и т.д.

Изафет II в большинстве тюркских языков передает один из видов русского приложения, а также встречается в названиях учреждений, должностей и т.д., употребляясь чаще в официальном языке и языке газет. Ср. башк. *Артка боролорга һәм буран баçылғансы Якты тау ауылында привал яңарға туры килер* (Әмири, 12) 'Повернуть назад и, до того как утихнет буран, сделать привал в деревне Якты-тау'; туркм. *Олар Челекен районнының Гарагал обасында отуряр-дылар* (Көрбабаев, 9) 'Они жили в деревне Гарагәл Челекенского района'; чув. *Улан Удэ Селенга шывă хेरринче ларатъ* (Уйап, 15) 'Улан-Уде стоит на реке Селенге'.

3. Связь между членами изафетного сочетания идет по линии объекта (объектных отношений). Ср. аз. *Катерла дәніз казинтисинә чыхырлар* (Аз. гадыны) 'Выехали катером на прогулку по морю'; каз. *Терезеден тау көрінісі көзге шалынатын* 'Из окна открывается вид на горы' [РКСл. 1954, 76].

4. Отношения между членами изафетного сочетания иногда понимаются очень широко. Ср. аз. *Мәхәммәд Һасан ами жетмәк тәдәрүкүндәдір* (МН, 14) 'Дядя Мамед Гасан собрался уходить'; тур. *Kendi kendine söylemek itiyadını ele aldı* (Sabahattin 1956, 60) 'Он приобрел привычку говорить сам с собой'. В русском языке такой изафет может соответствовать словам, взятым в кавычки. Н.К. Дмитриев такие отношения членов изафета называет редакционно-стилистическими [1948, 26]. Ср. аз. *Күрүлтулу вә гызыгын "ура" сәси этафта яйылыр* (Ибраимов 1958, 4) 'Звуки шумного и горячего "ура" распространяются вокруг'; башк. *յәк яуабы* 'ответ "нет"' [Дмитриев 1948, 226]; тур. *"Gidelim /" kelimesi çıktı* (Sabahattin 1956, 61) 'Обронилось слово "пошли"'; туркм. *Ондан соң болса "гыз гачды"* 'дien хабары обаның ичине яйратмакчы болуп (Сарыханов 1951, 30) 'Затем в деревне распространился слух о том, что девушка сбежала'. Как видно из приведенных выше иллюстраций, изафет II здесь стал только средством связи, сближаясь с иранским типом изафета.

5. Как и в иранских языках, изафет II может соединять с именем существительным адъективизировавшийся признак. Ср. аз. *Орду жаржаларинә калмишидір* (Сарыханов 1951, 30) 'Он вступил в ряды армии'; кбалк. *Иш къылыгъы билмеген, ит ыйлыгъы кёрюр* 'Тот, кто положение дела не знает, собачью часть увидит' [МБД 1962, 78]; туркм. *Партия йыгнагындан нәме учин горкярысың?* (Кербабаев, 149) 'Почему ты боишься партийного собрания?'; узб. *Балтабой район марказидан келяпти* (Шарипов, 5) 'Болтабой приезжает из районного центра'.

Адъективизированными по своей природе являются и изафетные сочетания, в которых первый член выражает родовую национальную принадлежность. Ср. аз. *Әраб дәрсини тәмам аләмәмиш...* (МН, 9) 'Не закончив урок арабского языка...'; каз. *авар тілі* 'аварский язык'; тат. *татар эшчеләре* 'татарские рабочие'; уйг. *Үйгүр халқы* 'уйгурский народ'; хак. *Хакас тілі* 'хакасский язык' и др.; памятник в честь Коль-Тегина: *Түрк өзүз бাগләрі будун әсідің!* '(О вы) тюркские (?) огузские беки и народ, слушайте! [Малов 1951, 30, 39].

Говоря об употреблении изафета II, следует учитывать его особенности по отдельным тюркским языкам. Так, например, в якутском языке изафет семантически довольно ограничен и выражает преимущественно отношение определяемого к определению по признаку принадлежности: *кини ата* 'площадь человека', *дыңа аана* 'дверь дома', *тыал тыана* 'шум ветра', и совершенно невозможны изафетные конструкции, встречающиеся в других тюркских языках. Ср. каз. *құс фермасы* 'птичья ферма', узб. *"Правда" газетаси* 'газета "Правда"', туркм. *Небит чүйшеси* 'бутылка из-под керосина' [Убрятова 1950, 54]. Объясняется это прежде всего тем, что в якутском языке нет род. падежа; в нем, как это показывает и семантика прямого дополнения в неоформленном падеже, категория определенности не играет такой роли, какую она играет во многих тюркских языках. В якутском языке определение всегда выражает конкретного обладателя,

буль то лицо или предмет: *кини аата* 'имя человека' (Там же, 40). Материал якутского языка подтверждает выводы К. Грёнбека о слабом развитии род. падежа в древних тюркских языках и о том, что эта категория стала надежной позднее в связи с развитием категории определенности.

Изафет как способ связи слов в предложении используется в якутском языке при сочетании определения и определяемого. Он является способом выражения подчинительных отношений в сложноподчиненном предложении. Ср. *Мин суруйбут киним* 'Мой написавший человек' – 'человек, которого (про которого) я написал'; *Кирисааннаах кишрбит сирдэрэ икки кини олороругар* 'Место, куда вошли Кирисаан и его спутник (букв.: кирисаанские)', было широким, так что довольно пригодным для того, чтобы сидеть двум человекам' [Убрятова 1950, 45, 46].

В кумыкском языке очень трудно провести смысловое разграничение между изафетами I и II. Для кумыкского языка изафет I является наиболее типичным. Изафет II употребляется, по-видимому, реже, и говорящий по-кумыкски охотнее склоняется к изафету I, который он воспринимает в том же значении, что и II [Дмитриев 1940, 181].

В чувашском языке, напротив, наиболее распространен изафет II. Ср. *чаваш чёлхи* 'чувашский язык', *вárман хуçалáхé* 'лесное хозяйство', *литература вечерé* (букв. 'литература вечер-её') 'литературный вечер', *чие варейнëй* 'вишневое варенье' [Дмитриев 1955, 122]. Он употребителен также в случае, если первый член выражает название материалов, из которых сделан определенный предмет: чув. *пилеш хулли* 'рябиновый прут', *вёрене вутти* 'кленовые дрова', *кантар çävë* 'конопляное масло' [Ашмарин 1903, 95]. По типу изафета II оформляются в чувашском и словосочетания, в которых первый член выражен названиями рек, озер, городов, собственными именами и проч.: *чаваш халáхé* 'народ чуваши' [Ашмарин 1903, 5].

Изафет II, по-видимому, уже существовал в раннем периоде общетюркской прайзыковой общности задолго до возникновения род. падежа. Об этом прежде всего свидетельствует якутский язык, в котором есть изафет II, но нет (точнее, имеются только зачатки) род. падежа, а также тотальная распространенность изафета II во всех тюркских языках.

Что касается первоначальных значений изафета II, то выражение принадлежности, по-видимому, было его первоначальным значением. Для доказательства этого положения можно привести следующие аргументы:

- 1) в структуре изафетного сочетания наличествует притяжательный аффикс 3-го лица;
- 2) в якутском языке изафет II выражает преимущественно отношение определяемого к определению по признаку принадлежности: *кини ата* 'лошадь человека', *кини дынэтэ* 'лошадь человека';
- 3) во всех тюркских языках имеются факты употребления изафета II для выражения вполне определенного соотношения предметов: чув. *атте лаши* 'лошадь отца' [Ашмарин 1903, 24]; показательны также случаи употребления изафета при указании на конкретное лицо – обладателя чего-либо: аз. *Илич бухтасы* 'бухта Ильича'; кбалк. *Хасан къызы* 'дочь Гасана'; каз. *Колчак эскері* 'армия Колчака'.

- 4) выражение отношений по признаку принадлежности сохранилось в особом разряде изафета, образованного по модели тат. *апам хаты* 'письмо моей старшей сестры'; ср. ранние тюркские памятники – Кюль-Тегин:

Бізің сү аты туруқ 'Коны нашего войска были тоши' [Малов 1951, 32, 41]; енисейск. Älim өзүрүнта 'В жизни моего государства' [Малов 1952, 26]; Гадательная книжка: *Tапут түсі тағы түкәтмәзкән* 'Добыча для моего тела совсем не истощится' [Малов 1951, 80, 85] и т.д.

Таким образом, выражение родовой категориальности не могло быть первичным значением у изафета II. Последнее значение развилось на базе основного значения, связанного с выражением принадлежности. Изафет II дает цепь семантических переносов. Как можно было заметить, значение родовой категориальности дало почву для сильной адъективизации. В сочетаниях типа *рус. кызы* изафет фактически стал только средством связи, но не показателем принадлежности. В кумыкском языке при адъективизации нет связующего средства (наподобие обычных определительных словосочетаний). В языках же типа татарского (ср. *татар теле* 'татарский язык') в виде пережитка сохраняется афф. *-е*. Наконец, расширяя семантические условия своего употребления, изафет приближается к средству простой связи. Такова эволюция семантического развития изафета II.

Что же касается структуры построения изафета II, то он, так же как изафет I, сопротивляется раздвижению. В случае распространения определяемого несколькими определениями определение, которое составляет с ним изафет, располагается в непосредственной близости от него. Ср. туркм. *Гарлы гыш гижеси* 'Снежная зимняя ночь'; узб. *Москвадан келган "25 мингчи" ишичи коммунист ёрдами билан 1930 йилда Равот қишлоғида биринчи бўлиб колхоз тузди* (Шарипов, 12) 'С помощью рабочих-коммунистов 25-тысячников, прибывших из Москвы, в 1930 г. в кишлаке Равот был создан первый колхоз'.

Появление 2-го типа изафета в тюркских языках может иметь различные причины. Прежде всего изафет II возник как средство преодоления недостатков изафета I. Изучение истории разных языков совершенно определенно свидетельствует о том, что простое соположение двух слов, основанных на примыкании, не обладает большой устойчивостью. Совершенно очевидно, что основой изафета II послужили притяжательные конструкции типа тат. *ат башы* 'голова лошади'. Наличие связующего формального элемента, притяжательного аффикса 3-го лица, делало конструкцию более устойчивой.

3-й тип изафета можно рассматривать как истинный изафет в том смысле, что он представляет собой сочетание двух существительных и оба члена сохраняют свои значения имен существительных. Конструкция образуется по определенной схеме. Первый член представляет форму род. падежа, второй имеет притяжательный аффикс 3-го лица. Примеры: кирг. *пилдин тулшүгү* 'хобот спона'; кум. *улькени юргеги* 'сердце страны'; кбалк. *сууну аягъы* 'устье реки'; алт. *улустын ортозы* 'середина деревни'; чув. *кашкәрсен турнаңе* 'жизнь волков'; тув. *караңтың каразы* 'зрачок глаза'; аз. *кәндлинин наяты* 'жизнь крестьянина'; тур. *fehrin kүү* 'окраина города'; тат. *океанның өлеше* 'часть океана'; каз. *Мараттың жұбасы* 'проект Марата'; башк. *Институттың дәйәм йыйлыши* 'общее собрание института'; уйг. *амбарниң бужиги* 'угол амбара'; узб. *ойнинг диаметри* 'диаметр луны'; туркм. *директорын буйругы* 'приказ директора'.

Поскольку в 3-м типе изафета определение указывает на индивидуальный предмет, то здесь и преобладают отношения принадлежности.

З-й тип изафета связан с развитием категории определенности, находящей свое формальное выражение в род. падеже. Поэтому он встречается во всех тюркских языках, где развит род. падеж (т.е. во всех, кроме якутского). Однако степень его распространенности в различных языках неодинакова. Для гагаузского языка З-й тип изафета имеет более ограниченное распространение. Частотность распространения изафета III в чувашском языке такая же, как изафета I. Вообще по сравнению с изафетом II изафет III встречается значительно реже. Однако общие закономерности его употребления выдерживаются во многих языках. Ср. алт. *Ол агаштын төзинде казандый теервек сүттү кёл* (Алтын-бизе, 19) 'У подножия тех деревьев круглое, как чаша, молочное озеро'; гаг. *Файтонун бир текерләй шансора күйунун кенарундайды* (Карабобан, 13) 'Одно колесо фаэтана уже было на краю ямы'; каз. *Капитализмнің күреуі және коммунизмнің женуі болмай қалмақ емес* 'Гибель капитализма и победа коммунизма неизбежны' [РКСл. 1954, 267]; кбалк. *Малчыланы тилеклерине көре жараышырылған концертни беріб баштайбыз* (Гуртуев, 3) 'Мы начинаем передавать концерт, устроенный по желанию животноводов'; тур. *Seyahat müddetini üç aya çikardı* 'Срок путешествия ты довела до трех месяцев'; туркм. *Атың өлүми – итиң байрамы* 'Смерть коня – праздник собаки' [ФСл. 1963, 37]; уйг. *Сөһбәт көңүллүк өтүн, ахырида омичиларниң чаң басқан, кундэ көйгөн қара чирайлирида үмүт үчкүнлири ойнигандәкмү болди* (Босаков, 32) 'Разговор шел оживленно, под конец на запыленных, загоревших на солнце черных лицах жнецов словно заиграли искры надежд'; чув. *халăхсен туслахĕ* 'дружба народов' [Дмитриев 1955, 124] и др.

Ср. тюркские памятники – Кюль-Тегин: *Олурыпан түрк будуның iñin tör(үс)iň тута бірміс iři бірміс* 'Сев (на царство), они поддерживали и устраивали племенной союз и установление тюркского народа' [Малов 1951, 28, 36]; Среднеазиатский тифсир: *Адаміләрнің jüräk läri* 'Сердца людей' [Боровков 1963, 144] и др.

Возникнув в связи с развитием род. падежа, служащего для более точного указания отношений принадлежности, изафет III в целом имеет гораздо более суженные рамки своего употребления, чем изафеты I и II. Отчасти это объясняется стремлением избежать плеоназма. Вместе с тем наблюдается и другая тенденция, грамматически вполне мотивированная. Все три типа изафета, образующие единую цепь в пределах одной грамматической категории, развивают в себе и общее в семантическом плане. Иногда изафет III может иметь значение неопределенной категориальности: каз. *жүректің демікпесі* 'сердечная астма' [РКСл. 1954, 30]; тур. *iñmin faydası* 'польза науки' и т.д.

При относительной условности употребления изафета III можно указать случаи, когда необходимость его употребления продиктована контекстуальными условиями:

1) определение в изафетном сочетании имеет свое определение-уточнитель; ср. аз. *Ленинград социлист ингилабынын бешийидир* (Ибраһимов 1958, 8) 'Ленинград является колыбелью социалистической революции'; туркм. *Иң улы яраң хем авусы гидер, эмма яман сезүң авусы гитmez* [ФСл. 1963, 15] 'Боль от самой большой раны пройдет, а боль от дурного слова не пройдет'; узб. *Колхозга улуу Октябринг илҳомчисы ва ташкилотчиси*

В.И. Лениннинг номи берилди (Шарипов, 18) 'Колхозу дали (присвоили) имя В.И. Ленина, вдохновителя и организатора Великого Октября';

2) определение в изафетном сочетании имеет конкретизирующее определение — указательное или притяжательное местоимение: туркм. Шол гүнүң агшамсы колхозың правление членлериңиң межлиси болды (Маммадов, 55) 'Вечером того дня было собрание членов правления колхоза'; хак. Пістінъ городтынъ кізілері 'Люди нашего города' [ХРСл. 1953, 479] и др.;

3) оформление по 3-му типу изафета выдерживается и в случае присутствия у определения аффикса принадлежности; ср. тур. Dahd^h kendisinin haberⁱ yoktuş (Sabahattin 1966, 15) 'Больше от него самого не было известий';

4) определение в изафетном сочетании имеет конкретизирующее определение — имя числительное; ср. каз. Төрт жігітің біреуі (Сейфуллин, 111) 'Один из четырех молодых людей';

5) оформление по 3-му типу изафета возможно в случае, если определение представляет собой собственное имя, географическое название, этоним; ср. узб. Саодатнинг чаройига яна чарой қўшилган (Шарипов, 6) 'К красоте Саодат прибавилась еще миловидность'; уйг. Күннинч иссиқиму, яки йенцила болуп өткән талашнин тәсиридинму, Мәхпирнин, чираи қизирип кетипту (Босақов, 28) 'От дневной ли жары или в результате только что происшедшего спора лицо Мехпир покраснело';

6) оформление по 3-му типу изафета возможно и в случае, если определяемое выражает часть целого. Ср. тат. Да, брат, хатын бу! — ди осталарның берсе (Еники, 47) 'Да, брат, это женщина!' — сказал один из мастеров'.

Род. падеж определения выражает родовую принадлежность, соответствующую родовому (генеративному) артиклю в индоевропейских языках; ср. нем. *Der Mensch ist was er issit* 'Человек есть то, что он ест'. В данном случае *der* обозначает целый род.

Семантика родового артикля имеет неустоявшийся характер, проявляясь в разных языках по-разному; ср. тув. Тенектиң сөзү аңыг, теректиң бүрүзу ажыг 'У глупца слова противны, у тополя листья горьки' (Тыва домак, 30, 31); туркм. Илиң сөзи — деңзиң сувы (толкуны) 'Молва людская, что волна морская'; Илиң чөрегине аңкарма 'На чужой каравай рот не разевай' [ФСл. 1963, 80].

Род. падеж определения сохраняется в изафетном сочетании в случае, если оно раздвинуто другими определениями, а не находится таким образом в непосредственной близости с господствующим членом. В тюркских языках существуют различные причины такого раздвижения. Не всегда действует только фактор выражения определенности. Причины могут заключаться в чисто семантической стороне изафетного сочетания. Передаваемые изафетом III отношения не составляют органической характеристики предмета. Это главным образом категориальные отношения. Немаловажное значение имеет и фактор структурной организованности изафетного сочетания. Чем больше разрыв между членами изафета, тем более требуется оформление в род. падеже. И, наконец, может действовать эмфатический фактор — стремление выделить первый член изафетного сочетания.

Изафет III может образовать так называемую трехчленную конструкцию, включающую три основных члена: "определение в род. падеже + определение (причастная форма) + определение с аффиксом принадлежности". Ср. каз. *Анда-санда тауықтың шақырған дауысы естіледі* (Сейфуллин, 23) 'Изредка слышался спор кудахтающих кур'; тат. *Май башы иде. Бөреләрнең ачыла башлаган чагы* (Еники, 91) 'Было начало мая, время, когда начинают распускаться почки'; тур. *Aklını ertediği şeylere burnunu sokma* (Sabahattin 1966, 33) 'Не суй свой нос в дела, которые не твоего ума'; узб. *Онанинг кечалари айтган алласи нақадар ширин* (Шарипов) 'Как приятна колыбельная песня, которую вечерами поет мать' и т.д.

Изафет III, пронизывая структуру как простого, так и сложного предложения, нередко образует последовательную цепочку, части которой могут быть однородными и неоднородными. В цепном изафете наблюдаются тенденции к техническому сокращению в оформлении род. падежа: аз. *Иран һәмкарлар иттифагы нұмайәндәләри* 'Представители иранского профессионального союза'; гаг. *Бир илач оту көкү* (Буджактан, 109) 'Корень целебной травы'; узб. *Звено аъзолари җаммаси* (Шарипов, 28) 'Все члены звена'.

3-й тип изафета последовательно сохраняется в конструкциях с *бар*, *йок*, *болган*, выражаяющих конкретную принадлежность. Ср. гаг. *О падишаһының да вармыш бир кызы, ады Софи* 'У этого царя была дочь по имени София'; кирг. *Досуңа сыйр айтпа, досуңдун досу бар* (погов.) 'Не раскрывай тайны другу своему: у твоего друга есть свой друг' [КРСл. 1965, 98]; туркм. *Оларың, арасында Оразың хас ыснышып достлашан адамлары да барды* (Мәммәдов, 6) 'Среди них у Озара были люди, с которыми он сблизился и сдружился'; тюркские памятники — Родословная туркмен: *Алиңң, бир жаш оғлы бар ёрді Кылыш Арслан атлык* 'У Али был годовалый сын по имени Кылыш Арслан' [Кононов 1958, 124].

Параллельно генитивным конструкциям 3-го типа изафета в тюркских языках развиваются конструкции с объектно-пространственными падежами:

с исх. падежом: аз. *Едди кирвәнкалик гәндләрдән бир калла* (МН, 67) 'Одна головка сахара на семь фунтов'; кбал. *Жашчыкъладан бири алай айтханды* 'Один из мальчиков так сказал' [МБД 1962, 66, 67]; узб. *Звено аъзоларидан энг кичкинаси сарви* (Шарипов, 28) 'Самая маленькая из членов звена'; Родословная туркмен: *іе бәк чораның оғланларындың бірісі* 'Один из сыновей Игбекчоры' [Кононов 1958, 133];

с местн. падежом: аз. (кедабек, говоры) *Сиздең еңде бир шей тата биләжилми јима?* (вм. *Сизин евинизде јемәјә бир шей тата биләкәйкми?*) 'Мы найдем что-нибудь у Вас покушать?' [Садыхов 1964, 26];

с дат. падежом: тув. *Эки кижээ эш хөй эки альтка ээ хөй* (посл.) 'У хорошего человека друзей много, у хорошего коня хозяев много' [ТРСл. 1955, 578]; уйг. (хамийское наречие) *Кызы йокка кызы болумен* 'У кого нет дочери, буду дочерьью' [Малов 1954, 78, 80]; Кюль-Тегин: *Табың каганка јағы болмыс* 'Стали врагом кагана народа табың' [Малов 1951, 29, 37]; Кутадгу билиг: *Jula ärdi xalqqa qarantü tïni* 'Он был светильник народа в темную ночь' [Малов 1951, 240, 269].

При построении изафета III возможны разного рода аномалии. Так, при оформлении первого члена в род. падеже второй член может не принять

аффикса принадлежности. Ср. алт. *Дъяс сёёктүй карындаш уктан каларда, олорды сойондор курчаган* 'Когда братья рода Дыас уснули, сосны их окружили' [Баскаков 1958, 82]; кбалк. *Барысы да олтуруб, бишген къунажин этии эки гёжеф bla келинни аллына юч юмюш этиб салгъандыла* 'Все уселись и сваренную тушу нетели разделили на три порции и поставили перед (преподнесли) двумя богатырями и снохой (двум богатырям и снохе)' [Филоненко 1940, 21, 23].

Эти аномалии встречаются не только в стиле разговорной речи, но и в стихотворном жанре: тат. *Бу авылның бер егет киткән урманга утынга* 'Парень из этой деревни поехал в лес за дровами' [Закиев 1963, 170].

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН – ГЛАГОЛ, ЗАВИСИМЫЙ – ИМЯ

Подчиненный элемент в знак своей зависимости от подчиняющегося слова принимает определенную грамматическую форму. В качестве способа выражения синтаксических отношений между словами используется управление. Последнее проявляется в том, что подчиненные глаголам имена принимают определенную падежную форму. Специфика глагольных словосочетаний заключается в том, что они, выражая действие с его объектом и обстоятельствами, в потенции могут быть и предложениями, тем более что глагол содержит в себе выраженный субъект действия. Ср. аз. бел *гөтүрун* букв. 'лопату принесите (вы)', т.е. каждое словосочетание – с формальной точки зрения предложение с опущенным подлежащим. А в определенных типах атрибутивных словосочетаний, как было показано выше, опускалось сказуемое. В этом плане можно констатировать существование известной симметрии – приближение к предложению по однотипным линиям.

Поэтому если считать, что глагольные словосочетания, как и именные, существуют на правах самостоятельной синтаксической единицы наряду с предложением, то нужно оговорить следующее. Словосочетание может выражать действие с его субъектом и обстоятельствами, но это действие взято в чисто статическом плане, не соотносимом с субъектом действия. А главное это то, что, говоря о словосочетании, нас интересует определенный комплекс слов, организованный по принципу: главный формирующий член и зависимый, подчиненный, находящийся в известных синтаксических отношениях. Но это общий принцип и для именных и для глагольных словосочетаний. Комплексы именных и глагольных словосочетаний неодинаковы (неоднородны). Если именные словосочетания подходят к грани предложений в отдельных случаях, при распространении обстоятельственными членами, то глагольные словосочетания больше тяготеют к предложениям по своей природе (так как глагол в своей потенции всегда предикат).

Вин. падеж в современных тюркских языках, как известно, выполняет две основные функции – он выражает объект глагольного действия и одновременно указывает на его определенность или неопределенность. Последняя функция обусловливает наличие двух форм вин. падежа – неопределенной и определенной. Если объект неопределенный, то в тюркских языках употребляется безаффиксальная форма вин. падежа, которая,

по существу, ничем не отличается от формы им. падежа. При определенном объекте действия употребляется форма, имеющая особый показатель вин. падежа.

Зависимый член – имя в вин. неопределенном падеже, ср. аз. *Бурада киши костյумлары* *вэ плащ тикирлэр* (Аз. гадыны) 'Здесь шьют мужские костюмы и плащи'; тат. *Жир сөрдем алга китмәдем, таш казыым – тамагым түймады* (Гази, 73) 'Землю пахал – вперед не ушел, камень копал – горло мое не насытилось'; тув. *Демпинг сааскан теве тудуп чир* 'Дружные сороки и верблюда одолевают' (Тыва домак., 18, 14); узб. *Ленин колхозидан фронтга ҳар куни йигитлар жўнаб турди* (Шарипов, 11) 'Из колхоза им. Ленина на фронт каждый день посыпали молодых людей'; чув. *Радио тárх Мускавран сёне хыпарсем, концертсем итлет-пер* (Уйап, 11) 'Слушаем по радио из Москвы новые известия, концерты'.

Зависимый член – имя в вин. определенном падеже. В отдельных зонах распространения тюркских языков аффикс вин. падежа имеет различную форму.

Показатель *-ы/-и/-у/-у*. Эта модель встречается в южных языках. Ср. аз. *Садыг да, сөз йох, башлады сөнбәти* (МН, 11) 'Начал беседу безусловно (именно) Садык'; гаг. *Те бу бакыры алтын парайлан булдум* (Буджактан, 151) 'Вот это ведро с золотом я нашел'; туркм. *Мен хем бир шейле гызы сөйсемдим* (Гурбансахедов, 226) 'И мне бы полюбить такую девушку'.

Вин. падеж с показателем *-ы/-и*, по-видимому, является наиболее древней формой. Наидревнейшим реликтом этого показателя является окончание вин. падежа *-ы/-и* у личных местоимений, повсеместно распространенных во всех тюркских языках. Ср. каз. *Мені масқара қылдың* (Сейфуллин, 25) 'Ты меня опозорил'; туркм. *Мен сени сөййәрдим* (Гурбансахедов, 217) 'Я тебя любил'; тюркские памятники – Кутадгу билиг: *Kördin anyu tän, täni körsün!* 'Посмотрю я его, а он пусть посмотрит меня' [Малов 1951, 254, 276].

В различных тюркских языках можно встретить окончание вин. падежа с буферным *-н*. Такое буферное *-н* обычно появляется в положении между гласными, ср. аз. *Бу баланы жөрурәм* 'Я вижу этого ребенка'; алт. *Kön арагыны ичпе* 'Араки много не пей' (Алтын-бизе, 87, 30); каз. аннаны ояты (Сейфуллин, 23) 'Он разбудил мать'; тат. *Ротаны тәзегез. Капитан сөйләшәчәк* (Эпсаламов 1953, 9) 'Выстраивайте роту. Капитан будет говорить'; тюркские памятники – Родословная туркмен: *ikki kíshini kütärmägäjläp* 'двух человек (на царство) пусть не поднимают' [Кононов 1958, 151]. Правда, в турецком языке в интервокальной позиции встречается буферный *-ј*, ср. *karçu aştıç* 'открыл дверь' и др.

Согласный *и* в окончании вин. падежа встречается после аффиксов принадлежности. Ср. аз. *Сизə бутун Азәрбайҹан халғынын саламыны жэтиришик* (Ибраһимов 1958, 4) 'Мы вам привезли привет от всего азербайджанского народа'; туркм. *Азашан ызыны танды* (Маммадов, 64) 'Заблудившийся нашел свой след (дорогу, откуда пришел)'; башк. *Йәлил саңыларын майлай* (Эмири, 5) 'Джалиль намазывает лыжи'; кирг. *Кыз башын көтөрдү, жигитти көрдү* (Жусупов, 15) 'Девушка подняла голову и увидела джигита'; хак. *Таңда iкінчізін идерім* (Бурнаков, 18) 'Завтра отправлю вторую'.

Происхождение буферного и не совсем ясно. В кыпчакских языках он мог возникнуть под влиянием распространенного в этих языках окончания вин. падежа -ны. В огузских языках буферное и трудно поддается объяснению.

Существует еще вариант окончания вин. определенного падежа — -ны/-ни, распространенный в кыпчакских языках. Ср. узб. *Сарви ўн олтинчи баҳорни ўтқазмоқда* (Шарипов, 28) 'Сарви проводит шестнадцатую весну'; каз. *Ол кітапты (<кітапны) алды* 'Он взял книгу'. Показатель -ны встречается и в тюркских памятниках относительно позднего периода — Огуз-наме: *Toğuz kүндүн соң, Огүз қағаны айыр аттї käldürdі* 'Через девять дней привел Огуз кагану коня' [Щербак 1959, 48]. Причина появления варианта окончания -ны/-ни достаточно хорошо известна. Оно возникло в результате переразложения основ личных местоимений с исходом на -и. В тюркском прайзыке его не было.

Зональный характер носит и модель глагольных сочетаний с вин. падежом на -ыг, встречающихся в большинстве тюркских памятников. Ср. памятники — Кюль-Тегин: *Tört buluңдакы будуның kop алмыс* 'Они покорили все народы, жившие по четырем углам' [Малов 1951, 36]; Тоньюкук: *Ärtis ügüzüг käcä kältimiz. Altun jysyу asa kältimiz* 'Через реку Иртыш мы пришли. Мы пришли, пройдя через Алтунскую чернь' [Там же, 63, 68]; Золотой блеск: *Bu ötig bitig ig oqyju tükätip* 'Закончив (читать) эту покаянную (?) грамоту' [Там же, 156, 160] и т.д.

Существует устоявшаяся точка зрения относительно происхождения окончания -ыг: падеж на -ыг представляет древнейшую форму вин. падежа в тюркских языках. Г.И. Рамstedt отождествлял его с монгольским вин. падежом -ыг [1957, 37]. По нашему мнению, окончание вин. падежа -ы могло возникнуть в результате отпадения конечного -и, которое до момента этого отпадения могло превратиться в -к, ср. тат. каты 'твёрдый' (<ката-к-<катья), сары 'жёлтый' (<сары-к-<сарь).

Судьба конечного -ыг могла быть довольно сложной, ср. отражение архетипа слова *сатыг* 'продажа' в различных тюркских языках: тат. *сату*, ккалп. *сатыв*, як. *аты:*. Конечное -ыг/-иэ' сохранилось в тувинском и хакасском языках. Однако в этих языках нет вин. падежа с окончанием -ыг/-иэ'. По-видимому, винительный на -ыг в отдельных тюркских языках возник позднее.

Зависимый член — имя в дат.-напр. падеже.

Дат.-напр. падеж с показателем -а/-иа (в интервокальной позиции). Эта модель выражает прежде всего локальную направленность действия, а также действие с косвенным объектом: аз. *Биз бурадаңсаймай отуруруг* (Ибраһимов 1958, 10) 'Мы здесь садимся на пароход'; тур. *Deliklerinden aʃaʃıya denize akyordu* (Halikarnas, 11) 'Из всех щелей стекала вниз вода'; тюркские памятники — Тоньюкук: *Anta ötri qayaپута ötünтüm* 'После этого я обратился с просьбой к кагану' [Малов 1951, 61]. Модель глагольных словосочетаний с дат.-напр. падежом на -а можно возвести к прайзыковому состоянию. И исходными, очевидно, были пространственные значения.

Дат.-напр. падеж с показателем -га. Эта модель свойственна кыпчакским языкам. Ср. кирг. *Аны медпунктка жеткириши* (Каимов, 138) 'Его доставили в медпункт'; тат. *Безне машиналарга утырттылар* (Дау-

ли 1962, 11) 'Нас посадили в машины'. Распространена в тюркских памятниках – Кюль-Тегин: *ilgärü Kadыркан јышка тәгі, кірү Тәмір капыңқа тәгі* контурмыс 'Вперед (т.е. на восток) вплоть до Кодырканской черни, назад (т.е. на запад) вплоть до Темиркапыга (до "Железных ворот") они расселили свой народ' [Малов 1951, 29, 36]; хорезмийские памятники XIV в.: *Ал киши бу алеулугені евгә келтурди* 'Тот человек принес этот клад домой' [Фазылов 1966, 50].

Вопрос о том, какой из двух вариантов окончаний дат.-напр. падежа возник раньше, не имеет в тюркологической литературе достаточно ясного ответа. А.М. Щербак высказал предположение, что *-а* в огузских языках восходит к *-əa* [1977, 37]. Однако есть гораздо более веские аргументы в пользу того, что вариант окончания *-а* возник значительно раньше варианта *-əa*.

На производный характер показателя *-га* указывают сохранившиеся даже в кыпчакских языках реликты дат.-напр. падежа, лишенного элемента *-к*. Ср. тат. *кулым* 'моей руке', *интәшемә* 'моему товарищу', *кызына* 'его дочери'. При склонении с притяжательными аффиксами 3-го лица после притяжательных аффиксов вставляется *-н*. Любопытно, что к нему непосредственно присоединяется вариант дат.-напр. падежа *-а*, но не *-га*. Если вариант *-ка* был первичным, то в этой позиции *-к* не могло утратиться, так как для такой утраты не было никаких фонетических условий.

Многие окончания напр. падежей, например окончание *-ча* (ср. тув. *кем-че* 'к реке', шор. *мойунче* 'по горло', тат. *урмангача* 'по направлению к лесу', др.-турк. *башра* 'в голову', *он-ра* 'вперед' и т.д.), неизменно содержат элемент *-а*, соединяемый с какими-то конкретизаторами основного значения.

Нам представляется, что В. Банг был единственным тюркологом, который напал на правильный след в попытках разрешения загадки происхождения дат.-напр. падежа на *-қа*. Он сопоставил элемент *-қ* с начальным согласным в афф. *-қы*, ср. *ташкы* 'внешний' (предположительно, падеж положения, покоя). Такой аффикс в тюркских языках действительно есть, ср. тат. *югары-ғы* 'верхний', *алда-ғы* 'передний', *тубән-ғе* 'нижний', *өс-ке* 'верхний', туркм. *уч-қы* 'райский, конечный', узб. *ич-ки* 'внутренний', каз. *ал-ғы* 'передний', ккалп. *дүз-ги* 'находящийся в поле', ног. *ии-ки* 'внутренний' и т.д. [Bang 1917, 52].

Следует также иметь в виду еще одно важное обстоятельство. В языках наблюдается тенденция к укреплению суффиксов, состоящих только из одного звука или одного слога. Это осуществляется обычно путем соединения этих формативов с так называемыми коаффиксами. Суффиксом ablativa в финском языке когда-то был афф. *-ta*, но в современном финском языке этот аффикс имеет форму *-sta*. В ненецком и финском языках мест. падеж имел когда-то суф. *-на*, но в современном ненецком языке он имеет форму *kana*, а в финском языке – форму *-ssa (< s-na)*. Коаффикс не должен обязательно совпадать по значению с основным суффиксом. Важно, чтобы он имел какое-нибудь локальное значение.

Не исключена возможность того, что и в некоторой части тюркских языков, в языках кыпчакских, также происходило соединение древнего показателя дат.-напр. падежа *-а* с коаффиксом *-к* (откуда окончание *-қа*). В этом

нет ничего невозможного. Вариант аффикса дат.-напр. падежа -ка, по-видимому, уже существовал в эпоху тюркского языка.

Для чувашского языка характерен показатель дат.-напр. падежа -на. Ср. чув. *Этир Киров хулине çутрёмёр* (Уйап, 6) 'Мы приехали в город Киров'. Очевидно, -н в притяжательном склонении использован в роли буферного средства.

Зависимый член — имя в местн. падеже. Аффикс местн. падежа -та-/да в раннем периоде развития тюркских языков имел два значения — значение местн. падежа и значение отложн. падежа, ср. др.-турк. *tağ-da* 'на горе' и *kəz-da* *ÿash* 'слезы из глаз'.

Значение отложн., или исх., падежа довольно хорошо представлено в памятниках древнетюркской письменности, где показатель -да употребляется для выражения исходного момента действия. Ср. Кюль-Тегин: *On ok oñylam tûrgis kañanta Makraç tamçaçy*, *Oñuz Bîlgä tamçaçy kältili* 'От народа десяти стрел и от сына моего кагана тюргешского пришли Макрач, хранитель печати, и хранитель печати Огуз-Бильге' [Малов 1951, 33, 64]; Тоньюкук: *Tûrk budun, qanun bolmajyn, Tabyaçda adyrylty, qanlanty* 'Тюркский народ, не будучи со своим ханом, отделился от государства Табгач; сделался народом, имеющим своего хана' [Там же, 61, 64]; Памятник из Суджи: *Uñur jirintä Jaylaqar qan ata kältim* 'Я, Яглакар-хан-ата, пришел из уйгурской земли (или из уйгурской земли, называемой Яглакар-хан; или ...из уйгурской земли, от Ягла-кар-хана)' [Там же, 76, 77]; Кутадгу-билиг (наманг.): *Taqy mändä jägräk sän ařyyil ača!* 'Ты же лучше меня скажи, (тоже) выбирая (слова)' [Там же, 251, 276] и т.д.

Отдельные случаи употребления местн. падежа в значении исх. сохраняются в диалектах тюркских языков, ср. тат. (нократский говор) *annda soñra* (вм. *anñan soñ*) 'после этого'.

После отделения исх. падежа на -дан словосочетание с падежом на -да стало выражать значение местонахождения. Ср. тур. *Bu da izin yollar Fransa-da bulunmuş* (Nesin 1962, 49) 'А он находился долгие годы во Франции'; туркм. *Olар Челекен районының Гарагөл обасында отуярдылар* 'Они жили в деревне Гарагөл Челекенского района'; хак. *Ansaqas tas turada çurtapça* 'Старичок живет в каменном доме' (Кербабаев, 9); чув. *Владивосток хули питех те илемлө вырәнта вырнаçna* (Уйап, 41) 'Город Владивосток расположился на очень красивом месте' и др.; тюркские памятники — енисейск.: *Алтун älгi käshig bälitmä* 'бантым' 'Пояс с пятьюдесятью золотыми пряжками я повязал на своей пояснице' [Малов 1951, 277]; Мухаббат-наме: *Kadaх jävrýldi oш bustan içindä uşu içgil* 'рахнï раихан içindä' 'Вот кубок опрокинулся в саду; пей, наслаждаясь, вино в райском источнике' [Щербак 1959, 132, 153].

Глагольные словосочетания с именем в местн. падеже, выражающие естественные пространственные отношения, единобразны во всех тюркских языках. Они отличаются единством грамматических формальных показателей и выражаемых ими значений. Таким образом, при единстве формальных показателей и передаваемых ими значений есть основания отнести модели глагольных словосочетаний с именем существительным в местн. падеже к праязыковому состоянию. Вместе с тем можно констатировать, что в отдельных тюркских языках у этой модели глаголь-

ных словосочетаний зафиксированы производные пространственные значения. Эти значения очень многообразны, поэтому их трудно возвести к прайзыковому состоянию, ср. алт. *Кинде* (*кийининде*) бир байда дъаткан 'После этого он жил у одного бая' [Баскаков 1958, 83].

Производными являются и значения принадлежности: алт. *Менде де ўч кыс бар* 'И у меня три дочери-невесты есть' (Алтын-бизе, 27). Временные значения развились на базе пространственных. В чувашском языке мести. падеж имеет также значение твор. падежа, например: *Ухтайкин санитарта ёсленө* 'Ухтайкин работал санитаром'.

Зависимый член – имя в исх. падеже. Эти словосочетания выражают прямые пространственные отношения, исходный момент действия. Как уже говорилось, в древности в тюркских языках не было специальной формы исх. падежа. Позднее, по-видимому, на поздней стадии тюркского прайзыка, появился специальный исх. падеж с показателем *-тан/-дан*.

Существуют различные гипотезы о происхождении этого окончания. Вероятнее всего, здесь к окончанию древнего локатива-аблатива *-та* присоединилось *-н*. Это *-н* было окончанием специального дат.-напр. падежа, от которого в современных тюркских языках сохранились только скучные реликты. В казахском, киргизском и каракалпакском языках встречаются у местоимений формы дат.-напр. падежа на *-ган*: *маған* 'мне', *саған* 'тебе', *оған* 'ему', *буған* 'этому'. Совершенно очевидно, что в данном случае к форме дат.-напр. падежа на *-га* прибавлен какой-то особый падежный форматив, имевший сходное значение. В ногайском языке есть послелог *табаған* 'по направлению к чему-л.' с тем же окончанием *-ған*. В татарском языке, наряду с послелогом *таба* 'к', существует его разновидность *табан* с тем же значением. Татарскому послелогу *табан* в казахском языке соответствует послелог *таман*, совершенно одинаковый по значению, ср. каз. *батысқа таман* 'к западу', узб. *мактабга томон* 'по направлению к школе'.

Реликты дат.-напр. падежа на *-н* имеются в тофаларском языке, ср. мен. *суё-ун чөрүмен* 'я иду к воде', *һәм-ун чөрүмен* 'я иду к реке' [Рассадин 1976, 134].

В современных тюркских языках исх. падеж выражает только одно значение – 'движение от чего-л. или из чего-л'. Примеры: аз. *Ленинграддан чыхмайырлар* (Ибраимов 1958, 9) 'Они не выезжают из Ленинграда'; туркм. *Әйүндөн чыкты* (Гурбансәхедов, 246) 'Он вышел из дома'; узб. *Болтабой район марказидан келяпти* (Шарипов, 5) 'Болтабай приезжает из районного центра'; хак. *Ибден сыгара хонды* 'Он выбежал из дома' (разг.).

Можно предполагать, что уже в позднем периоде общетюркской эпохи существовали глагольные словосочетания с зависимым именем в исх. падеже на *-дан*, поскольку ни один из современных тюркских языков не позволяет воссоздать глагольные словосочетания с исх. падежом на *-да*. Это значит, что древний локатив-аблатив уже изменил значение в позднюю общетюркскую эпоху.

У исх. падежа развиваются различные переносные и более абстрагированные значения. Ср. кирг. *Көсөл винодон баш тартты* (Каимов, 31) 'Кёсөл отказался от вина'; тув. *Ажылдан дескен, түрөгге дужер, Билигден дескен чазыгга дужер* 'От работы убежишь – в беду попадешь, от знания

убежишь – в ошибку впадешь' (Тыва домак., 32); тур. *Nihat riyadan iyuapçuoymış gibi* (Sabahattin 1956, 32) 'Нихат словно очнулся от сна'; туркм. *Алахекек ез дилинден өлер* 'Всякая сорока погибает от своего языка' [ФСл. 1963, 27]; узб. Эр хотин ишдан қайтишиди (Шарипов, 10) 'Муж и жена возвращались с работы' и т.д.

Развитие абстрагированных значений сопровождается выработкой определенной формульности в управлении. Так, например, глагол 'целовать' в тюркских языках управляет исх. падежом. Ср. аз. *Ушағын алнынан өтпү* (Ибраһимов 1958, 144) 'Он целовал ребенка в лоб'; тур. *yanakların-dan örtip* (Sabahattin 1956, 81) 'Он целовал (ее) в щеки'; узб. *Болтабой ... унинг ҳам юзларидан, кўзларидан ўпди* (Шарипов, 9) 'Болтабой ... поцеловал ее в лицо и глаза'.

Исх. падежом управляют в тюркских языках и глаголы, связанные с понятием 'бояться, остегаться чего-, кого-либо': каз. *Автомобильден сақтан!* 'Берегись автомобиля' [РКСл. 1954, 43]; кирг. *Каарман эч нер-седен қоркпойт* (Кангельдиев и др., 208) 'Храбрый ничего не боится'; тув. *Ооржу кижи коданчы ыттан коргар, Тоолчу кижи уйгуужу эштен коргар* 'Вор боится злой собаки, Сказочник – сонливых людей' (Тыва домақ., 38); туркм. *Үйрекен итден горкма сессиз итден горк* 'Не бойся собаки брехливой, а бойся собаки молчаливой' [ФСл. 1963, 81] и т.д. Это значение, по-видимому, очень древнее, так как оно связано с аналитическими представлениями древнего человека. 'Бояться' первоначально означало 'бояться злых духов, находящихся внутри врага, зверя' и т.д. Глагол 'бояться' управляет исх. падежом или конструкцией с предлогами 'из', 'от' во многих языках мира.

Глаголы, связанные с понятиями говорить о чем-л., думать о чем-л., узнавать о чем-л., спрашивать о чем-л. у кого-л. и т.д., также управляют исх. падежом: аз. *Дөйүшчүләр өз ишләриндән; арзу, истәк вә вазифаләр-индән данышырлар* (Ибраһимов 1957, 5) 'Бойцы разговаривают о своих делах, намерениях, желаниях, обязанностях'; каз. *Енді ханнан сөйлейік* (КЕ, 64) 'Теперь поговорим о хане'; туркм. *Илки эжесинден сорады* (Гурбансаходов, 230) 'Прежде всего он спросил у своей матери'; узб. *Мен сиздан сўрамоқчи эдим* (Муҳтор, 14) 'Я хотел у Вас спросить' и т.д.

Исх. падежом могут управлять и глаголы при неконкретном объекте, представляющем собою неопределенную часть целого. Ср. тув. *шайдан кут* 'налей чаю', хлебтен бер 'дай хлеба' [ТРСл. 1955, 644]. В этих случаях исх. падеж имеет значение партитива.

Глаголы движения нередко управляют исх. падежом, когда он приобретает значение пролатива, указывающего на место, по которому что-либо движется. Ср. узб. *кӯчадан кириб келди* 'проходил по улице'; чув. *Этип Байкал хёринче ларакан Слюдянка Танхой станцисенчен иртеттэр* (Уйап, 14) 'Мы проезжаем расположенные по берегу Байкала станции Слюдянка и Танхой'; Родословная туркмен: *Ушол ѡолдын барыб* 'Пройдя той дорогой' [Кононов 1958, 133].

Зависимый член – имя в форме партитива. Эти сочетания характерны для якутского языка. Ср. *Маста хыйт* 'Наколи дров'; Ууга баыны 'Ната-кайте воды'; *Көмөлөнөр кинитэ булун* 'Найди себе человека в помощь'; *Отто агала түпүөх хаалла* 'Надо было привести немного сена' [ГСЯЛЯ 1982, 134].

Глагольные словосочетания с именем в форме партитива — относительно поздние образования, поскольку в тюркском языке партитива не было. Подобные словосочетания отмечены также в тофаларском языке [Рассадин 1978, 32]. Партитив в якутском и тофаларском языках развился на базе древнего отложительно-местн. падежа.

Глагольные словосочетания с исчезнувшими в современных языках падежами.

Зависимый член — имя в форме инструктива (instrumentalis) на -ын. Эта модель была распространена в памятниках древнетюркской письменности. Ср. уйгурский памятник манихейского содержания V в.: *Birimči biz tudunčsuz ovutsuz soq jæk içün saqynčun söz in qylyncyn, j/ä)mä köz in körüp qolqaqyn äsidi tilin söz läp älgim sunup adaqyn jarup, ürkä üz üksüz ämgätir biz* 'Мы без удержу и без стыда ради жадных демонов мыслю, словами, поступками, еще: увидев глазами, услышав ушами, беседуя языком, щупая руками, ходя ногами, издавна и непрестанно мы утруждаем' [Малов 1951, 119–120, 124–125]; Кутадгу билиг (наманганс.) : *Tilägin nā ärsä, tilin, aï öžün!* 'Все, что ты желаешь, выскажи ты сам, своим языком!' [Там же, 251, 276]; Золотой блеск: *Oл öðün bu ýç tigín lap öz öz köñülläp iñtäki sakyнымыш сав ларын cözläshin, ötrü örü туруп ол арык iñtä takы iñkäru kíptiläp* 'В это время три царевича, побеседовав этими прочувственными в своем сердце словами, затем встали (со своих мест) и снова пошли внутрь бассейна того ручья' [Там же, 174, 180]; Гадательная книжка: *Altun qoruqsaqutun qulyçyn käsiapan, özüm jol(jul) intin başutun jol abintin* 'Когда золотое мое чрево порезали мечом, мое тело (лежало) снаружи у дороги' [Там же, 80, 86]; Среднеазиатский тифсир: *ımlädi anlar taba қашын közin* 'подавал ему знаки бровями и глазами' [Боровков 1963, 206]; юридические документы уйголов X–XIII вв.: *Män Bintun, ada-i-puŋ, äv-intin ünär-tä iš-in kүcин bütürü umadyn, ünmis ärmäz* 'Когда я, Бинтун, хотел выйти из родительского дома, то не мог справиться с (возлагаемой на меня) работой и не вышел' [Малов 1951, 202–203].

Модель глагольных словосочетаний с именем в инструктиве на -ын не встречается в современных тюркских языках. Можно говорить лишь об отдельных реликтах этого падежа. Реликтами инструктива являются образования типа тур. *kıçın* 'зимой', *uazın* 'летом', ккалп. *гүзин* 'осенью', шир. *күн-үн* 'днем', як. *сайын* 'летом', каз. *жасырын* 'тайком' и т.д.

Остатки инструктива сохранились в некоторых образованиях современного чувашского языка. Ср. Аллан пар та уран ут (посл.) 'Руками отдай, а ходи ногами'; күсән кур 'своими глазами видеть, воочию видеть'; тырран ил, уксан түле 'хлебом бери и плати деньгами' [МГЧЯ 1957, 27]. Остатки древнего инструктива В.В. Радлов усматривает в якутском показателе совмест. падежа -лыын, возникшего якобы из древнего инструм. падежа прилагательных на -лык/-лых с приращением афф. -ын (*аагалыын <аага + лык + ын* [Харитонов 1947, 113].

Древний инструктив в тюркских языках исчез. Не исключена возможность, что материалом для создания формы род. падежа служила форма инструктива на -ын/-ин. Такое использование может показаться на первый взгляд совершенно невероятным. На самом деле у значения принадлежности и значения совместности есть точки соприкосновения. Владение чем-либо предполагает определенную близость предмета и его обладателя.

Выражение 'У девушки есть кошка' в валлийском языке может быть выражено фразой 'Имеется кошка с девушкой'. Показатель род. падежа в мариийском языке формально совпадает с показателем древнего комитатива, ср. мар. ял-ын 'деревни' и йол-ын 'пешком' (букв. 'ногами').

Использование в тюркских языках формы инструктива, или орудийного падежа, на -ын в роли род. падежа является, по-видимому, главной причиной его исчезновения. Что касается конечного -и, препятствующего отождествлению аффикса род. падежа -ын/-ин, с аффиксом инструктива -ын/-ин, то он мог возникнуть нефонетическим путем.

Зависимый член – имя в напр. падеже на -ча. Данная модель довольно раннего происхождения и может быть отнесена к праязыковому состоянию. Она зарегистрирована в памятниках древнетюркской письменности. Ср. Золотой блеск: *ol balyq qarayča kigürüp, bir bök ičinä ildip* (чит. *iltip taydyn jüraq üzläntürdi lär*) 'Подведя меня к воротам того города и доставя внутрь темницы, меня заставили подняться куда-то к горновой стороне' [Малов 1951, 156, 159]. Ранние памятники тюркской письменности свидетельствуют также о том, что напр. падеж на -ча, помимо терминативного значения, имел также пролативное значение (движение по чему-либо). Ср. уйгурский памятник XIII в.: *antyn ötqi jolča jorutdy ol moyoş-laryy* 'Он проводил этих магов, проведя их другой дорогой' [Там же, 136, 137].

В татарском, башкирском, узбекском и уйгурском языках имеются крайне скучные остатки напр. падежа на -ча. Ср. тат. үлгәнчә яратам 'люблю до смерти'.

Иногда афф. -ча выступает в соединении с афф. -еа. Ср. тат. Стенагача сузу 'Дотянуть до стены' [Закиев 1963, 126]; узб. Қуюқ, зиёфатдан кейин бошланган ўйин-кулги, ҳангама қоқ ярим кечагача давом етди (Шарипов, 7) 'После обильного угощения начавшееся веселье, беседы продолжались (длительно) до полуночи; уйг. Баралмаймән, балунуп өй тутмиғча – дәп бешини чайқиди Гульсум (Техтеэмов, 7) 'Я не могу ехать, пока он не выделился и не обзавелся хозяйством, – сказала Гульсум и покачала головой'; Құдрат сәнәрдин та назирғича бүгдей ориді (Босақов, 10) 'Кудрет с утра до настоящего момента жал пшеницу'.

Сложный афф. -ча встречается в памятниках древнетюркской письменности. Ср. Родословная туркмен: *Ол вактдын та бу күнчача* 'С того времени и по сей день' [Кононов 1958, 132].

Старое пролативное значение афф. -ча сохранилось в современных тюркских языках в послелоге, означающем 'по'. Ср. тат. урман буйынча 'по лесу'.

Афф. -ча как показатель дат.-напр. падежа сохранился в тувинском, хакасском и шорском языках. Ср. тув. *Ол дуңмазынче көрген* 'Он смотрел на своего младшего брата' (разг.), кемче 'к реке', хөлче 'к озеру', хорайже 'в город', ыйашче 'на дерево'; хак. *Ол көзенегеске көгісче кірдім* 'Я в оконечко по грудь залез' [ХРСЛ. 1953, 647]; шор. Қойлар чолча парчалар 'Овцы идут по дороге (вдоль дороги)' [Дыренкова 1942, 64]; хак. тайгача 'по тайге' и т.д.

Падеж на -ча, по-видимому, был довольно широко распространен в общетюркскую эпоху, о чем свидетельствуют его реликты во всех группах современных тюркских языков. Первоначально он имел направительное значение, которое в настоящее время сохранилось в чистом виде только в

тувинском и отчасти хакасском языках. Наряду с направительным значением этот падеж имел также и терминативное значение, выражая движение до какого-нибудь предела. Ср. хак. *көгүсче* 'по грудь', тат. *улгәнчә* 'до смерти' и т.п.

Глагольные словосочетания с дат.-напр. на -ча для современных языков не характерны.

Словосочетания с эквативом на -ча. В тюркском прайзыке существовал особый падеж – экватив, выражающий сравнение. Этот падеж имел афф. -ча. Ср. Кюль-Тегин: *каның субча жүгүрті сөңүкүң таңча жатды* 'Твоя кровь бежала (там), как вода, твои кости лежали (т.е. нагромоздились там), как горы' [Малов 1951, 31, 39]; Памятник из Суджи: *oylanum ärdä marytupunça bol* 'Мой сын! По доблести (?) будь как мой учитель!' [Там же, 77].

Сравнительное значение показателя -ча сохранилось в целом ряде образований (преимущественно наречных) и в современных тюркских языках: тат. *Мин хәзәр хатыңызларны яңача сөйәм* 'Я сейчас женшин люблю по-новому' (разг.); туркм. *онларча километре яйраярды* (Кербабаев, 5) 'простирались на десятки километров'.

Многие тюркологи отождествляют экватив (по происхождению) с направительным на -ча [Щербак 1977, 61]. По-видимому, такое допущение неверно. Скорее всего, здесь два омонимичных аффикса разного происхождения. Древний напр. падеж на -ча выражал только направление. Афф. -ча, употребляемый при сравнении (ср. др.-турк. *jüz-čə* 'около ста', *tağ-ča* 'как гора'), имеет совсем другое происхождение. Генетически он связан с аффиксом прилагательных, обозначающих ослабленное качество типа аз. *узүн-ча* 'длинноватый', кирг. *aқ-ча* 'беловатый'. Значение сравнения как неполного уподобления могло развиться на базе значения ослабленного качества.

Словосочетания с дат. -напр. падежом на -ару/-ару. Этот падеж зафиксирован в ранних памятниках тюркских языков. Ср. Кюль-Тегин: *Мағы* (или *Амғы*) *Күрған (к)ышлат языңа обузбару сү ташықдымыз* Переизмовав в укреплении Магы (или Амги), весною мы вышли с войском против огузов' [Малов 1951, 33, 42]; Памятник в честь Тоньюкука: *Anča ögläsmis öñrä Türk qayanyaru sülälüm timis* 'Так они рассудили и сказали: да отправимся мы в поход на восток против тюркского кагана' [Там же, 62, 67]; Гадательная книжка: *Bağ är jonyuŋaru bartuň* 'Князь пошел к своему табуну коней' [Там же, 80, 86].

Падеж на -ару/-ару является вторичным образованием от -ру. Последний также зафиксирован в ранних памятниках тюркских языков. Ср. *üräk+rä ur* [Gabain 1950, 67] 'стреляй прямо в сердце', *äbitru* '(по направлению) к моему дому' [Рамстедт 1957, 44]. Реликты афф. -ру сохранились в ряде языков в наречных образованиях. Ср. тур. *iceri* 'внутрь', *dışarı* 'наружу', *ileri* 'вперед'. Следует заметить, что -ру представляет, так же как и -ры, аблautный вариант афф. -ra.

В уйгурском языке и в ранних памятниках этот показатель сохранился в формах дат.-напр. падежа личных местоимений. Ср. уйг. *arar* 'ему'; *tiqar* 'этому'; Махмуд Кашгарский: **بَكْ انكار ات بيردى** (МК I, 35) 'Бей дал ему яд'; Средне-азиатский тифсир: *Ол малың үшрін аңар бәрсүн* 'Десятину с того имущества пусть дают ему' [Боровков 1963, 220].

Этимологически афф. -ару/-ару, видимо, слагается из двух контамини-

ровавшихся элементов *-a/-ə* и *-ru*. Падеж на *-ra/-ru/-ri* является древним направительным падежом, сфера употребления которого сильно сократилась еще в период общетюркской общности. В современных языках от него сохранились только очень скучные реликты: *bäru* 'сюда' (<*bän* 'я'), *aru* 'туда' (<*an* 'тот', что'), уйг. *kirü* (<*kärü*) 'обратно, в обратном направлении; прочь', як. *kiäp* (то же); алт., тел. *jary, jar* 'к, по направлению к' (<*jan* 'сторона').

Словосочетания с комитативом на *-лыг*. Афф. *-лыг*, по-видимому, очень рано, еще в эпоху тюркского прайзыка, был использован как аффикс относительных прилагательных. Поэтому в тюркских языках глагольные словосочетания этого типа не сохранились.

Сочетания с именем, послелогами и служебными словами. В тюркских языках широко распространены глагольные словосочетания, в которых послелоги конкретизируют значение дат. -напр. падежа.

В памятниках древнетюркской письменности была распространена модель глагольных словосочетаний с именем в дат. -напр. падеже на *-га/-қа* + послелог *tägi*. Ср. Кюль-Тегин: *ilgäry Kadyrkan jyška tägi*, *kirü Tämür kapyşka tägi* контурмыс 'Вперед (т.е. на восток) вплоть до Кадырканской черни, назад (т.е. на запад) вплоть до Темир-Капыга (до Железных ворот) они расселили (свой народ)' [Малов 1951, 29, 36]; Среднеазиатский тифсир: *Ол waqtşa mäki hec ölüg суw ýzä jokqaru kälmas ärdi* 'До того времени никогда труп не появлялся на поверхности воды' [Боровков 1963, 245]; Мухаббет наме: *Kijamatka tœgï kalsun atïç dœb sœniç tankuñda boldum aïñnamän* 'Чтобы до судного дня сохранилось твое имя при тебе, я стал твоим сподвижником' [Щербак 1959, 148, 165].

Сочетания с именем в дат. падеже + послелог (*dogrı, чейин, кадэр, тапандай, карап, тарап* 'к'). Ср. аз. *Məni buuruǵa doğrı aparyr* (Аз. гадыны) 'Он меня ведет к скважине'; *Tehran düzünүн устундә учур* (Ибраһимов 1958, 24) 'Летит над тегеранской равниной'; кирг. *Прагага чейин бардым* (Жусупов, 36) 'Я дошел до Праги'; таг. *Файтон девирилмиши күйү ичиндө* (Карабан, 13) 'Фаэтон перевернулся (опрокинулся) в яму' и т.д.

Можно предполагать, что в общетюркскую эпоху послеложных конструкций было значительно меньше. Некоторые послелоги, возникшие на базе таких слов, как алт. 'низ', юст 'верх', ич 'внутренность', ара 'промежуток', ян 'сторона' и т.д., можно отнести к общетюркской эпохе. Если существовали послелоги, то существовали и послеложные конструкции. Вместе с тем много послелогов возникло уже в период изолированной жизни отдельных тюркских языков.

В тюркских языках существует значительное количество глагольных сочетаний с наречиями, имеющими формальные показатели. Однако изучение истории этих сочетаний связано с большими затруднениями, так как морфологические показатели наречий различных тюркских языков чаще всего не совпадают между собой.

ГЛАВА II

ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Простое предложение в языках любого типологического строя — агглютинативных, флексивных, аналитических — представляет собой неотъемлемый синтез двух ведущих составных величин: подлежащего и сказуемого, или субъекта и предиката. В тюркских языках субъект и предикат могут быть представлены в одном члене предложения (ср. алым 'я взял'), причем наличие предиката в предложении является обязательным. Предикативность является основным грамматическим условием для предложения.

Сравнительно-исторический анализ структуры простого предложения в тюркских языках ставит своей задачей не только выявление его древнейших типов и их отнесение к тюркской языковой общности, но и прослеживание тенденции его исторического движения, развития в ретроспективном плане. Поэтому, естественно, основным объектом сравнительно-исторического анализа являются те звенья простого предложения, которые обнаруживают известную подвижность своего развития. С точки зрения анализа строевых элементов простого предложения наименьший интерес для сравнительно-исторической грамматики представляют способы выражения подлежащего, которые должны по праву интересовать описательную грамматику. Область подлежащего оказалась исторически относительно устойчивой. Подлежащее во всех тюркских языках во все исторические периоды выражалось почти всеми разрядами имен, местоимений, а также другими частями речи в случае их субстантивации.

Совсем иную картину дает область сказуемого. Здесь, как будет показано ниже, наблюдаются исторические изменения за счет и развивающихся глагольных времен, и связочных средств. Грамматическое выражение сказуемого определяет тип предложения — именной или глагольный. Соотношение этих двух типов имеет очень важное значение для грамматики тюркских языков. Не случайно, что проблема генезиса структуры предложения многими исследователями-туркологами неразрывно связывалась с природой сказуемого. Ср. теории происхождения и развития структуры тюркского предложения, а тем самым и сказуемого.

Выявлению древнейших типов простого предложения в какой-то мере поможет предлагаемая классификация типов простого предложения в зависимости от способов грамматического выражения сказуемого-предиката.

ИМЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Вряд ли можно сомневаться в том, что в тюркском пражыке уже существовало именное предложение, т.е. предложение, содержащее в своем предикате имя. Такое предположение подтверждается прежде всего памятниками древнетюркской письменности, где именное предложение выступает как уже вполне сформировавшееся явление.

Именное предложение как объект сравнительно-исторической грамматики представляет интерес в плане проблемы существования связки. Современное состояние тюркских языков обнаруживает значительное разнообразие связочных средств, а в ряде случаев и их отсутствие. Возникает очень интересная историческая проблема: было ли это разнообразие способов выражения связи изначальным, или в тюркском пражыке существовал какой-то более однообразный способ ее выражения, и существующий в настоящее время разнобой представляет вторичное явление. В связи с этим нам представляется необходимым рассмотреть, какие типы связки существуют в современных тюркских языках.

В ряде современных тюркских языков именное сказуемое любого грамматического разряда может не иметь личного оформления: алт. *Мен алтай кижи* 'Я алтайец'; *Слер алтай улус* 'Вы алтайцы' [Дыренкова 1940, 237]. В башкирском языке, по наблюдениям Н.К. Дмитриева, аффикс 3-го лица почти всегда пропускается. По аналогии с 3-м лицом аффиксы сказуемости могут отсутствовать и в двух других лицах. В живой речи, как указывал Н.К. Дмитриев, этими аффиксами почти не пользуются. Лицо и число выражаются личным местоимением субъекта, постановка которого в данном случае обязательна. Ср. *Мин языусы* 'Я писатель'; *хин үкыусы* 'Ты ученик' [Дмитриев 1948, 53]. Таким образом, в современном башкирском языке, отмечает Н.К. Дмитриев, наблюдается тенденция передачи предикативных отношений чисто синтаксическим способом — сочетанием подлежащего и сказуемого, как, например, в русском языке. Однако, судя по данным фольклора, можно предполагать, что в более старом башкирском языке употребление аффиксов сказуемости было нормативным [Там же, 53, 54].

Во многих тюркских языках аффикса сказуемости нет во всех трех лицах: кар. *Мен тювюл кыз* 'Я не девочка'; *Сон айтырлар, ки биз карахылар* 'Потом скажут, что мы разбойники'; кар. т. *Билмядим ки, сен бунди шерец. — А сен перец* 'Я не знал, что ты такой жулик. — А ты пе-рец' [Мусаев 1964, 129]; туркм. *Бу мен, бу мен* [Курбанов и др. 1964, 21] 'Это я, это я'; *Хер кимиң өз дерди өзүнне ажы* 'Всякому свою обиду горька' [ФСл. 1963, 27]; уйг. (хамийск.) *Атлар(ы) урок, юллары узак* 'Лощади слабы, а дороги длинны' [Малов 1954, 16, 27]; наречия Синьцзяна: *јарның мен каläндепи* 'Я слуга у моей любимой' [Малов 1961, 36]; *Үзе немә дисе, ўзе пул* 'Если спросишь, что это? Это — деньги' [Малов 1961, 27]; *Сен такы гүдек бала өкән* 'Ты, оказывается, еще младенец' [Там же]; чув. *Чёлхепе энир пыл та су, каймал на пайр та чул* 'Наша речь — мед да масло; а нутро — лед да камень' [МГЧЯ 1957, 126].

Во всех языках может отсутствовать оформление 3-го лица именного сказуемого. В ряде языков аффикс сказуемости 3-го лица опускается независимо от стиля речи. Ср. каз. *Оның ойлауы тым академиялық* 'Его

рассуждения слишком академичны' [РКСл. 1954, 19]; кирг. *Кенен дүйнөдө жаз* (Жусупов, 14) 'В просторной вселенной лето'; ног. *Оның литературный стажы көтөре де аз* (Ленин йолы) 'Его литературный стаж совсем небольшой (маленький)'; тув. *А.С. Пушкин – улуг орус чогаалчы 'А.С. Пушкин – великий русский писатель'* [ТРСл. 1955, 715]; хак. *Пу хорымнарда албыга ас* 'В этих россыпях (камней) мало соболей' [ХРСл. 1953, 475]; чув. *Кёпер вәрәм, кёпер вәрәм, Эп туясар каçıрас չук, Ёмәр вәрәм, пүсәм җамräк, Эп юлташсар пурнияс չук* 'Длинен мост, длинен мост, Без палки не перейти мне. Долог век, сама я молода. Без мужа не прожить' [МГЧЯ 1957, 186]; як. *Кини саха 'Он якут'*; оро кыра 'Ребенок мал' [Харитонов 1947, 92].

Отсутствие личного оформления в 3-м лице возможно у именного сказуемого в падежном оформлении или в сопровождении служебных слов. Ср. кирг. *Жылар быйыл он секиз жаштын кырында* (Жунусов, 6) 'Жылар в этом году только что достигла восемнадцати лет'; тат. *Безнең полк окопта* (Юлтый, 93) 'Наш полк в окопах'; тув. *Бо ном башкынын*, 'Эта книга учителя' [ТРСл. 1955, 124]; туркм. *Тәзә ыйлың босагасында* (Гурбансаходов, 243) 'На пороге нового года' и т.п.

Отсутствие личного оформления у именного сказуемого зафиксировано уже в ранних памятниках тюркских языков. Ср. Тоньюкук: *Türk bilgä qaçan ilinä bititdim bän bilgä Toñiçiq* 'Я, мудрый Тоньюкук, приказал написать (это) для народа тюркского Бильгя-кагана' [Малов 1951, 64, 70]; Кутадгу билиг: *توکال قدرتلىغ بادشاه اغراق ارى* 'Он всемогущий царь' [Там же, 231]; Махмуд Кашгарский: *تفراق يیمى اىنك اغلاق* 'Житель огракский энергичен. Пища его барапина' [Там же, 309, 312].

Трудно сказать, чем вызвана эта закономерная тенденция разрушать сказуемостное личное окончание в 3-м лице – возможным ли влиянием иноязычной среды (гагаузский, караимский, татарский, чувашский) или какими-либо другими причинами. Однако в некоторых тюркских языках, например азербайджанском, опущение аффиксов сказуемости, имеющее место в разговорной речи, является жанрово-стилистическим средством, а не грамматической нормой языка: *Сән ага, мән ага, инәклари ким сага* [АГ 1959, 101] 'Ты господин, я господин, а кому коров подоить'.

Употребление аффиксов сказуемости в 3-м лице ед. числа нередко вызвано стилистическими требованиями. Сказуемое в таких случаях передает разнообразные оттенки – недостоверность действия, неуверенность говорящего в своих словах, смысловую важность высказывания и другие модальные оттенки. Ср. туркм. *Бу гавун ширин* 'Эта дыня сладкая (безусловно)' но: *Бу гавун шириндир* 'Эта дыня (пожалуй) сладкая' [Поце-луевский 1943, 157].

Стилистические случаи употребления афф. -дыр в определенном жанре языка лишний раз свидетельствуют о его неустойчивости. Ср. кумыкский язык, в котором наглядно употребление двух типов образований: *о ишичидир* и *о ишичи* 'он рабочий'. Тенденция утраты оформления 3-го лица в известной мере объясняется тем, что 3-е лицо вообще не имело особого аффикса сказуемости.

Имя + личные аффиксы 1-й категории. Аффиксы сказуемости генетически восходят к личным местоимениям. В тюркских язы-

ках они нередко используются в роли глагола-связки. Ср. кум. *Мен ерли партия къурумну вакилемен*. Сен халкъ сайлагъан ёлбашчысан (Ягыев 140) 'Я представитель местной партийной организации. Ты выбранный народом руководитель'.

В чувашском языке нет аффиксов сказуемости, они смешаны с аффиксами 2-й категории (т.е. принадлежности). В якутском языке в 1-м и 2-м лицах мн. числа форма сказуемости совпадает с формой принадлежности. Эти формы различаются лишь в контексте. Ср. *Биниги оғолорбут кэллиэр* 'Наши дети пришли' (принадл.) и *Биниги кыры оғолорбут* 'Мы маленькие дети' (сказуем.) [Харитонов 1947, 93].

Личные местоимения 1 и 2-го лица в качестве аффиксов сказуемости зарегистрированы во всех тюркских памятниках. Ср. Кюль-Тегин: *Өтүкән јыш олурсар бাংгүй il тута олуртасы сән*, түрк будун, ток. *Арык ok сән, ачсык, тосык, тосык öмәз сән; бир тодсар, ачсык öмәзсән* 'Когда ты остался в Отюкэнской черни, ты можешь жить, созиная свой вечный племенной союз, и ты, тюркский народ, сыт, когда же ты тощ и голоден, (но тем не менее) ты не понимаешь (состояния) сытости (т.е. истинных причин сытости), и, раз насытившись, ты не понимаешь состояния голода' [Малов 1951, 28, 35]; Среднеазиатский тифсир: *Män bir jaңluq män* 'Я есмь некое существо' [Боровков 1963, 221].

В отношении 3-го лица также существовала тенденция использовать в качестве аффикса сказуемости личное местоимение – тенденция, так последовательно реализованная в отношении первых двух лиц. Следы этого процесса сохранились в памятниках древнетюркских языков, а также в отдельных современных тюркских языках. Ср. башкирский язык, в котором в роли аффикса сказуемости 3-го лица при именах весьма часто употребляется личное местоимение *ул* 'он': *Хасэн языусы ул* 'Хасан – писатель' (букв. 'Хасан – писатель он'). Характерно, что в этом случае *ул* осознается как отдельное слово, а не аффикс; внешне это выражается в том, что слово *ул* сохраняет стабильность звукового состава, т.е. не подчиняется сингармонизму. Это же явление наблюдается и в татарском языке: *Дөресен эйткәнда, халык зур ул, көчле ул, дартле ул, моңлы ул, эдин ул, шагыйрь ул* 'Говоря правду, народ велик, силен, бодр, певуч, ученый, поэт' [Закиев 1963, 30].

Следы прежнего употребления местоимения 3-го лица *ол* сохраняются чаще в случаях эмфазы: алт. *Кандый айлу маатыр ол – көрүп, шиннеп келдер!* 'Что это за богатырь – съездите и посмотрите, разузнайте!' (Алтынбизе, 40); тат. *Яңалиф шәркәтә революция – ул* 'Новый алфавит – революция на Востоке'. В тувинском языке также можно встретить местоимение 3-го лица в качестве аффикса сказуемости: *Ол өөрөнүкчи ол* 'Он ученик'; *Ол ажылдан тур ол* 'Он работает'; *Мал хавуда чор ол* [Исхаков, Пальмбах 1961, 223] 'Скот пасется на пастбище'.

Памятники – Тонюкук: *Türk budun jämä bulyanč (ol,-timis), огузы jämä tarqanč ol, -timis* 'А тюркский народ (находится) в смятении, огузы же его, сказал он, находятся в рассеянии' [Малов 1951, 62, 67]; Кутадгу билик (наманганска): *tilägiň nā ol?* 'каковы у тебя желания (просьбы)?' [Там же 252, 276]; хорезмийские памятники XIV в.: *айығылым вактында сөз тәндүруст ол* 'В трезвом состоянии слова полезны' [Фазылов 1966, 38] и т.д.

Последовательное употребление личных местоимений в предикативной

роли, их зависимое положение по закону тюркского агглютинативного строя речи привело к дальнейшему их развитию, подчинению закону гармонии гласных, т.е. превращению в аффиксы, фонетическая вариантность которых зависела от состава гласных слова, к которому они присоединялись: гаг. *Сән күчүксүн, не йапажан орда?* (Буджакстан, 113) 'Ты маленький, что там будешь делать?'; ног. *Болаяк-болмаяк соъзлерге аз тынъ-ламага керексинъ* (Кенъ йоллар, 19) 'Ты должен меньше прислушиваться к пустяковым словам' и т.д.

Аффикс сказуемости 2-го лица мн. числа получил дальнейшее развитие, приобретая в ряде тюркских языков форму -сыныз/-сығызыз, где -ыз – показатель множественности. Ср. гаг. *Ииликчи адамсын сән Иванчу, ииликчи сенин гелинин дә, хализ адамсыныз* (Буджакстан, 113) 'Хороший ты человек, Иванчу, и хорошая твоя невеста, вы настоящие люди'.

В карачаево-балкарском языке наблюдается фонетическая трансформация личных местоимений 1 и 2-го лица ед. числа, выступающих в роли связки, – ма/-ме, са/-се: *Мен учителме* [Дмитриев 1962, 379] 'Я учитель'.

Особо выделяется модель именного сказуемого с аффиксами 1-го лица -ым/-им, -ум/-ум, -ам/-ам. Данный тип аффикса в его узком варианте обнаруживает совпадение с аффиксами принадлежности. Этимологическая общность аффиксов 1 и 2-й категорий, их связь с личными местоимениями отмечались в тюркологической литературе. Во всяком случае, этот тип аффикса сказуемости указывает на контаминацию в пределах одной парадигмы аффиксов сказуемости и принадлежности. Ср. аз. *Мэн колхозчујам* 'Я колхозник' (но *Сән колхозчусан* 'Ты колхозник'). Совпадение аффиксов сказуемости и принадлежности в 1 и 2-м лицах мн. числа наблюдается и в якутском языке. Ср. *Биниги оғорлорбут каллилэр* 'Наши дети пришли' (принадл.) и *Биниги кыра оғорлорбут* 'Мы маленькие дети' (сказуем.).

Применительно к 3-му лицу именного сказуемого в большинстве тюркских языков употребляется аффикс сказуемости -дыр/-ды, который этимологически восходит к глаголу *турмақ* 'стоять'. Такой же переход значения 'стоять' → 'быть' наблюдается в ряде языков других систем. Ср. фр. *être* 'быть', восходящее к лат. *stare* 'стоять'. Это второй тип выражения сказуемости в тюркских языках: аз. *Июл айынын сонлардыр* (Ибраимов 1958, 9) 'Был конец июля'; гаг. *Фольклор чок лазымлы шитир* (Буджакстан, 5) 'Фольклор – очень нужное дело'.

Из ранних памятников тюркских языков -дыр довольно часто встречается в памятнике *Codex Cumanicus: Menim xallal xatipumtdyr* [Grönbech 1942, 99] 'Она моя законная жена'; документы на половецком языке XVI в.: *Keldi орус лаврін јурко војт алына да кетхоялар алына да айт(т)и кі билар борчлу дур манга 4 см да hali hasta дыр ёбер билікінг да сор* 'Перед войтом Юрко и старшинами предстал русский Лаврин и сказал (что): Господа судьи, должен мне (Марех) 4 руб., но он сейчас больной' (ДП, 129, 289).

В памятниках тюркских языков сохранилась более полная форма афф. -дур/-тур – форма аориста -туур. Ср. ст. -узб. *Ташвайи бэйшатдуур* 'Мучения безграничны' [Щербак 1962, 202]; Золотой блеск: *Оғулум яңы болмыста Ѽгрүнчүм сәвінчім аз арті кініндә оғулуң жітірдүктә, пусусы амгәкі үкүс туур* 'При зачатии моего сына радости и довольства у меня

было мало, а впоследствии, при утрате сына, горя и печали о нем обнаруживается много' [Малов 1951, 178, 185].

Наблюдается тенденция превращения афф. -дыр в связку и его участие во всех других лицах, т.е. здесь происходит выравнивание всей парадигмы по аналогии. Ср. туркм. мен студентдирин 'я студент', сен студентдирсин, 'ты студент', ол студентдир 'он студент', биз студентдирис 'мы студенты', сиз студентдирсиңiz 'вы студенты', олар студентдирлер 'они студенты'; Шу ериң дүйнә зеси мен-д(i)р(i)н 'Настоящий хозяин этого ущелья — я' (Туркм. сказки 71, 119).

В языке желтых уйголов (сарыг-уйголов) имеется фонетический вариант -тро/-дро (<туру<турур), который также обобщается и прослеживается в предикативном употреблении по всем лицам: Мен малышы (дро) 'Я пастух' [Тенишев, Тодаева 1966, 18]; Сен оғул-тро 'Ты (есть) сын' [Малов 1957, 189].

Участие показателя -дыр как связки в других лицах наблюдается и в памятниках тюркских языков: ст. -узб. Йтіғурман 'Я твоя собака'; йабра'й айтті йабра'йтурман 'Джабраил сказал: Я Джабраил'; Көңүм күйадур 'Мое сердце сгорает' [Шербак 1962, 202]; Среднеазиатский тифсир: ja'nī ica ajtđ̄ 'растланиш турурман ол китабда мәндін илгәрү ібаріб турурді 'т.е. Иса сказал: я направлен для подтверждения того, что в той книге было ниспослано до меня' [Боровков 1963, 254]; хорезмийские памятники XIV в.: Мән Жабра'йл турур мән 'Я Джабраил' [Фазылов 1966, 62] и др.

Как показывает вышеупомянутый материал, категория сказуемости в плане наст. времени имеет довольно разнообразные способы своего выражения как в современных тюркских языках, так и в памятниках. Категория сказуемости в сфере прош. времени отличается большим единобразием. Во всех современных тюркских языках единым способом выражения категории сказуемости в сфере прош. времени является н е д о с т а т о ч н ы й г л а г о л ə-/i-, принимающий личные аффиксы 2-й категории (принадлежности): аз. Бир мартәбәли даши эвин пәңэрәләри тайбатай ачыг иди (Меңди 1953, 79) 'Окна одноэтажного каменного дома были настежь раскрыты'; каз. Ортанышы ұлдарының бірі еди (Сейфуллин, 119) 'Он был одним из его средних сыновей'; тат. Карт миңа килгәндә бөтенләй ябық иде (Кутуй, 67) 'Когда старик пришел ко мне, он был совсем тощий'; як. Былырының ағам председатель этэ 'В прошлом году отец мой был председателем' [Харитонов 1947, 219].

Наблюдается тенденция перехода недостаточного глагола эди в аффиксальный показатель сказуемости в прош. времени. Следы этого перехода можно заметить в тех случаях, когда эди меняет свой фонетический состав в зависимости от гласного состава предшествующего слова. Ср. уйгурские наречия Синьцзяна: Ігәрес ида ол бер пашаның, бер кізі бар іди 'В прежнее время у царя была одна дочь' [Малов 1961, 13, 16].

В отдельных тюркских языках эди последовательно трансформируется в афф. -ды, имеющий фонетические варианты в зависимости от степени действия закона гармонии гласных и согласных в соответствующих языках: гаг. Бу евдә хепси чүрүктү, бурукту, ерләр топрактылар (Карарабан, 33) 'В этом доме все было прогнившим, сморщенным (сжалвшимся), пол был земляной'; тур. Evin ... odalarını hepse karanlıktı (Sabahattin 1956, 40)

'Все комнаты в доме ... были во мраке'; туркм. Энәниң соңы сөзлериниң манысы Нурмырат учин дүшнүклиди (Гурбансаҳедов, 219) 'Значение последних слов матери было ясно для Мурата'; чув. Ку садсем вырәнәчे ёлек пасарччә 'На месте этих садов раньше был базар'.

В тюркских языках юго-западной группы, а также в якутском от недостаточного глагола *ä-/i-* могут быть образованы формы *имиши*, эбит, выражающие модальный оттенок неочевидности действия. Ср. тур. *Sen Moskovada imişsin!* 'Ты, оказывается, был в Москве!' [Кононов 1956, 392]; туркм. *Кадыман икиси гардаш имишлер* 'В старые годы оба (племени) были братьями' [Поцелуевский 1943, 42]; як. *Бу трактор сана эбит* 'Этот трактор, оказывается, новый'; *Эниги биргэдьиширгит дъахтар эбит* 'Ваш бригадир, оказывается, женщина' [Харитонов 1947, 219]. Подобно эди, *имиши* в отдельных случаях может превращаться в афф. -мыш: туркм. *Чары ағаның огулуның ады Дурдымыш* [ХЭТД 1960, 442] 'Имя сына Чарыага было Дурды'.

Из общетюркских памятников связка прош. времени эди встречается в памятнике разговорных кыпчакских языков и диалектов XII–XIV вв. – Codex Cumanicus: *Ol julduz neçik bir oylan bigev edi* 'Та звезда так была похожа на юношу' [Grönbech 1942, 90].

В преобладающем большинстве памятников тюркских языков распространена парадигма недостаточного глагола от основы *är/-эр-*. Ср. памятник в честь Кюль-Тегина: *Äcim kagan olurтукда, özim тардуш будун ўзә шад артим* 'Когда сидел на престоле мой дядя-каган, я сам был шадом над народом тардыш' [Малов 1951, 30, 39]; енисейск.: *Aтым Äl Туган тутук бан ганыры älimkäälchisi артим, алты баъ будунка баъг артим* 'Мое имя Эль Туган Тутук. Я был посланником (эльчи) у божественного моего государства. Я был князем (бег) шестисоставному народу' [Малов 1952, 11]; Кутадгу билг: *Jula ärdi xalqqa qaraqyu töni* 'Он был светильник народа в темную ночь' [Малов 1951, 240, 269]; Золотой блеск: *Kü tau atl(y)γ bir баъг balyq баъги арти* 'Был начальником города чиновник отдела чанг по имени Кю-Тай' [Малов 1951, 154, 157] и т.д.

В большинстве ранних тюркских памятников встречается и образование *ärmisiш*. Ср. памятник в честь Кюль-Тегина: *Cүчіг сабын јымшак ағын арып, ырак будуның анча* (чит. інчә) *јаңутыр ärmiš* 'Прельщая сладкой речью и раскошными драгоценностями, они столь (т.е. весьма) сильно привлекли к себе далеко (жившие) народы' [Малов 1951, 28, 34]; Гадательная книжка: *Mänilig баъг är ärmiš!* 'Веселый князь был героем' [Там же, 80, 85]; Кутадгу билг (наманганс.) : *Nä ärmiš tilägi, kim ärmiš özi!* 'Какие у него были желания, кто был он сам?' [Там же, 250, 275]; Золотой блеск: *törtünči bir kök tonluy atlyγ баъг ärmiš* 'Четвертый из них был начальником, на коне, одетый в голубую одежду' [Там же, 154, 157].

В памятниках имеют место отдельные случаи употребления связки *ärmisiш* применительно к наст. времени, т.е. в роли связки наст. времени. Ср. памятник в честь Тоньюкука: *Qayaŋu alp ärmiš, ačyisçusu bılgä ärmiš* 'Каган его – герой, а советник его – мудрый' [Малов 1951, 67].

Как свидетельствуют материалы современных языков и памятников, в тюркских языках существует развитая парадигма для связки прош. времени. Но есть ли парадигма для связки наст. времени? Старые памятники и живые диалекты тюркских языков сохраняют несколько форм не-

достаточного глагола *ä-/är-* в сфере не только прош., но и наст. времени: *ärür* 'он есть', *emes* 'не есть', *ärti* 'он был', *ärsär* 'если он будет', *ärkän* 'он был' (по свидетельству других), *ärti* 'он был и т.д. [Котвич 1962, 281]. Формы, относящиеся к VIII в., образовались от основы *är-*, а те, что встречаются в современных языках, — от более краткой основы — *-ä*. Эти последние известны в трех вариантах: *ä-*, *e-* и *i-*, которые различаются между собою степенью открытого гласного.

В. Котвич считает, что корнем рассматриваемого глагола связки является *ä-*, который в некоторых диалектах расщепился на варианты с узкими гласными: *e* и *i-*. Ставя вопрос о возможности реконструкции модели простого именного предложения со связкой наст. времени, допустимо предположить, что такая модель существовала в пратюркской общности, что существовала связка наст. времени с полной парадигмой и что ее этимологически более ранний вариант — *ä/e/u*. Но как связан с ним фонетический вариант *är/är-*? Последний вопрос довольно сложный, не получивший еще окончательного разрешения. Здесь можно допустить две гипотезы: 1) либо изначально существовали два недостаточных глагола — *ä-/ä-* и *är-/är-*; 2) либо, что, пожалуй, более вероятно, первоначальным был вариант *-ä*, а элемент *-r* — вторичного образования и является в данном случае показателем наст.-буд. времени. Вследствие переразложения основ позднее могла возникнуть новая основа вспомогательного глагола 'быть' — *är-/är-*. В некоторых более поздних тюркских языках элемент *-r* мог утратиться.

В пользу того обстоятельства, что элемент *-r* в форме *är-/är-* возник как показатель аориста, свидетельствует факт сохранения довольно распространенного в кыпчакских языках слова *ämäç* 'не есть, нет (не имеется, не то)', которое представляет собой нормальную отрицательную форму аориста от корня *ä-*; можно поэтому предположить, как заметил В. Котвич [1962], что существовала также утвердительная форма аориста — *är*. Ср. алт. *Бу туу бийик эмес* 'Эта гора не высока', *Ол кайчы эмес* 'Он не скизитель' [Дыренкова 1940, 240]; шор. *Колзас тынъ ырак эбес* 'Колзас (отсюда) недалеко' [Дыренкова 1941, 281].

Как уже отмечалось выше, связка *är-/är-* зарегистрирована в ранних памятниках тюркских языков. Парадигма ее в наст. времени могла иметь такой вид:

Ед. число	Мн. число
1 л. <i>erür men</i> (<i>erürǟm</i>)	<i>erür biz</i>
2 л. <i>erür sen</i>	<i>erür siz</i>
3 л. <i>erür</i>	<i>erürlär</i> [Eckmann 1966, 80]

В тех же памятниках зарегистрирована и отрицательная форма аориста — *ärmäç*. Ср. Золотой блеск: *Катың всір армәç му, кім мәнің, бу јўрәкім јарылып бөксілін бармадын?* 'Тяжелый жезл (вачир) не будет ли? Что с моим сердцем?' [Малов 1951, 179, 186]; хорезмские памятники XIV в.: *Йаш армазман* 'Я не ребенок' [Фазылов 1966, 43].

Современные тюркские языки сохранили производные образования от основы *e-/u-*, соотносимые с планом прош. и наст. времени — *eken*, *esa* и проч. [Eckmann 1966, 179, 180]: каз. *Oй, сен де қызық екенсің, сен де шақырып отыр* (Сералиев, 7) 'А ты, оказывается, забавный (интересный), тебя тоже пригласили'; кирг. *Акыры жалғыз экенсиз* (Садыкбеков, 354)

'В конце концов вы, оказывается, одинокий'; туркм. *Онда икимиз кәрдеш экеник – да* (Сарыханов 1951, 8) 'Тогда выходит, что мы с тобой коллеги'.

На основании всего вышеизложенного гипотетически возможно допустить существование в пратюркской общности связки наст. времени *ä/-e/-i/-*. Как для прош., так и для наст. времени можно установить две основы – *ä/-e-* и *är/-er-*; первая хронологически могла возникнуть раньше (поскольку само образование на -*r* вторично), но уже в пратюркской общности могли существовать обе основы. С течением времени связка наст. времени вытеснялась другими заменяющими ее элементами, т.е. она разрушалась под влиянием семантически однородных явлений. Подобный процесс известен языкам различного типологического строя. В немецком языке связка 'есть' имеет различные основы: *ich bin, du bist, er ist*, где *bin, bist* восходит к основе *bhū*, а *ist* – к основе глагола *es-* 'быть'. А происходит это вследствие влияния семантически однородных явлений. Могут конкурировать глаголы 'являться' и 'есть', 'становиться' и 'быть' и т.д.

Материал современных, а также древних тюркских языков свидетельствует о существовании значительного числа грамматических аналогов предикативной связке *ä-*, благодаря которым последняя и была постепенно вытеснена.

1. Личные местоимения, которые, подчиняясь действующему закону сингармонизма, претерпевая процесс фонетической трансформации, переходят в разряд аффиксов. Модель именного сказуемого с личными местоимениями, выражающими сказуемость, является очень древней и, очевидно, соотносимой с пратюркской общностью.

2. Связи *tur//турур*, использующиеся во всех лицах.

3. Притяжательные аффиксы, которые имплицитно содержали понятие связки. Ср. аз. *әкәр мал олса, мәним* (АХД, 32) 'Если есть имущество – мое'. Притяжательные аффиксы способствовали образованию конструкции с *бар*: *китабым бар* 'у меня есть книга'.

4. Слова *бар*, *йок*, выступающие с близкими к связке значениями. Ср. конструкции, выражающие факт наличия чего-либо где-либо, передающиеся во всех тюркских языках с помощью слов *бар//йок*. Ср. тув. *хуңда суг бар* 'в ведре есть вода'; туркм. *Анатолиниң аягында ловурдан дуран гара туфлиси барды* 'На ногах у Анатолия были блестящие черные туфли'; чув. *Вárманта темén иышши чечек те пур* 'В лесу есть разные цветы' [МГЧЯ 1957, 103] и т.д. Очевидно, более ранним следует признать значение обладания, непосредственно вытекающее из семантической природы слов *бар//йок*.

Но более распространены в тюркских языках конструкции с *бар*, в которых объект обладания стоит в род. падеже. Ср. кирг. *Досуңа сыр айтпа, досуңдун, досу бар* (погов.) 'Не раскрывай тайны другу своему: у твоего друга есть свой друг' [КРСл. 1965, 198]; тур. *Orada herkesin kendi işi var* 'Там у каждого есть свои дела; туркм. *Онуң уч яшыны долдуруп, яңы дөрдүне гиден сары гулпак гызҗагазы барды* (Сарыханов 1961, 7) 'У него была трехлетняя рыжеволосая девочка, которой только что пошел четвертый год'; чув. *Калтанан ури пур, çеленэн ури çук* 'У ящерицы есть ноги, а у змеи ног нет'.

Развивающиеся у слов *бар//йок* синонимичные связке функции способствовали тому, что в некоторых тюркских языках *бар* и *йок* образова-

ли с аффиксом сказуемости полную парадигму. Так, например, в караимском языке *бар* выступает на правах полноценной связки: *Мен бар-м (ен) карай, сен барс(ен) карай* 'Я есмь караим, ты (еси) караим' [Мусаев 1964, 310]. В тагаузском языке *вар* в роли связки используется применительно к первым двум лицам: *Ко гёrsүн падишаа бени, нижä варым* 'Пусть увидят меня падиша, какой я есмь'; *Бän о күйдän варым, нереси онт дурэр* 'Я из того села (являюсь), которое стоит на отшибе (в стороне)'; *Сän варсын ен ил екижи, Сän варсын ен ии бичижи* 'Ты являешься самым лучшим сиятелем, ты являешься самым лучшим жнецом' [Покровская 1964, 154].

5. Вспомогательный глагол *бол/ол*, у которого значение связки, синонимичное связке *ä/-e/-i-*, развилось как вторичное. Ср. туркм. *Хава, окалгана адам көп боляр* [Курбанов и др. 1964, 11] 'Да, в читальном зале много народу'; *Мининъ пабам югретчи полган* 'Мой отец был учителем' [ХРСЛ. 1953, 475]; чув. *Вäл кун сынесем никсанхинчен те шавлärax пулна* 'В этот день люди были шумливы как никогда' [МГЧЯ 1957, 102]; шор. *Ачам колхозта бригадир полча* 'Мой брат в колхозе бригадир' [Дыренкова 1941, 208]; як. *Мин ого буолбатахнын* 'Я не ребенок' [Харитонов 1947, 130].

Можно привести целый ряд иллюстраций на те случаи, когда глагол *ол/бол* сохраняет свое первичное значение состояния — 'быть, становиться'. Ср. аз. *нарадан газетчи олдум* (МН, 9) 'откуда я стал газетчиком'; гаг. *Дениз олэр кап-кара* (Буджактан, 130) 'Море становится абсолютно черным'; памятник в честь Кюль-Тегина: *Карлук будун ёрүр барур ärikli jaэы болты* 'Народ карлуков вследствие свободы и независимости стал нам врагом' [Малов 1951, 32, 41].

6. Связка *še/ší* (кит. *是*) 'есть, имеется' в саларском и дунсянском языках: *Altiyuli se ulli zamara 'ttera* 'Алтиюли — великая община' [Тенишев 1963, 43].

7. В тувинском языке для выражения предикативности используются имена *кижи* 'человек', *чуве* 'вещь, предмет' и некоторые другие, близкие к ним по исходному значению. Ср. *Черле ындыг шыңғызы кижи* 'Он всегда такой серьезный' (букв. 'И вообще такой серьезный человек'); *Ол бистиннеге хүннүц келир чuve* 'Он к нам ежедневно приходит' (букв. 'Он к нам ежедневно приходящий предмет') [Исхаков, Пальмбах 1961, 223].

Одним из доказательств неустойчивости связки наст. времени и ее вытеснения является наличие в отдельных тюркских языках и их памятниках контаминированных связочных средств:

par er 'есть' и *йоқ ер* 'не есть' [Малов 1957, 189]: *Атейның пары чак(?)* *кайда вар-ер?* 'Разве уже пришло время выдачи девушки в замужество?' [Там же, 190];

бар-туур — староузбекском языке: *Takî машрîk сарї бир шахар бар туур* 'На востоке есть один город' [Шербак 1962, 118];

jok + туур — Золотой блеск: *bu ämgäkim tin idı ozyum qutrulyum joq (turur)* 'То ведь у меня совсем нет избавления и спасения от этих моих страданий' [Малов 1951, 155, 159];

бар дыр — Codex Cumanicus: *Christusnun tanyqy bardyr* [Grönbeck 1942, 50] 'У Христоса есть знакомый'; *ol + turur* — Среднеазиатский тифсир: *Tïriklik bârgüçî ol туур ólum bârgüçî ol туур* 'Он, дающий жизнь, он, дающий смерть' [Боровков 1963, 245];

ол/бол + iкän в хамийском наречии уйгурского языка: *Хош ۋەرل болار*

ikān Gūlsha dýxan, järym ai 'Хорошим чужестранцем является Гульша-крестьянин, о милая' [Малов 1961, 21, 22];

кижи мен – в тувинском языке: *Ajylldaar kiji men* 'Я работаю' (букв. 'работающий человек я') [Исхаков, Пальмбах 1961, 223];

связка *ši* + аффикс сказуемости *-tyr/-ter*: *Altijuli še ulli žamara'ttéra* 'Алтиюли – великая община' [Тенишев 1963, 43].

Материал тюркского памятника *Codex Cumanicus* свидетельствует о параллельном (одновременном) употреблении в нем связи наст. времени *erür* и *turur*: *barča teŋrilik us erür, barča haqyl bilik turur* [Grönbech 1942, 89] 'Ваши мысли (отражают) божественный разум, все они – мудрость и знание'.

Более однотипны контаминированные связочные средства для прош. времени. Единичны факты с туур *ärdi*. Ср. древнетюркские памятники уйгурского письма: *oot jalyn birlä önpür kök qalyq – qa tāgi turur ärdi* 'огонь с пламенем – он был до голубого неба' [Малов 1951, 135, 137]. Наиболее распространенным является сочетание *бар иди < ärdi*. Ср. уйгурские наречия Синьцзяна: *Ол кызынынкі ўч жүз атмыш кізінікі бар ерді* 'У этой дочери было триста шестьдесят служанок' [Малов 1961, 13, 16]; хак. *Пістінъ мылтых пар полеан* 'У нас была винтовка' [ХРСЛ. 1953, 475]; памятник в честь Кюль-Тегина: *Ötükän jyshda jīg idī jok ärmic* '(Во время этих походов) в Отюкэнской черни не было хорошего (т.е. настоящего) владыки' [Малов 1951, 27, 34]; Среднеазиатский тefsир: *Märjäm anas niç togma ärkäk қабаші бар ärdi* 'У матери Марьям был родной брат' [Боровков 1963, 82].

ГЛАГОЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В пратюркской языковой общности наряду с моделью именного предложения существовала уже и модель глагольного предложения. Сравнительно-исторический анализ глагольного предложения в ретроспективном плане устанавливает, что все возможные исторические изменения могут быть связаны прежде всего с ведущим членом – глагольным сказуемым. Речь идет о том, что существующее многообразие временных форм глагола в современных языках не может быть целиком возведено в пратюркскую языковую общность.

В тюркских языках имеется довольно большое количество различных глагольных времен, предназначенных для выражения действий, относящихся к плану настоящего, прошедшего и будущего. Однако абсолютное большинство этих моделей, составляющее примерно 90% их общего количества, не обладает признаками, позволяющими отнести их возникновение к прайзыковой плоскости. Многие из них представлены далеко не во всех тюркских языках, имеют в большинстве случаев зональные ограничения. Все это свидетельствует о том, что они возникли в группах тюркских языков и даже в отдельных языках уже после того, как тюркский прайзык распался. Естественно, может возникнуть вопрос, какие глагольные времена составляли первичное ядро тюркской глагольной системы.

Таких времен было четыре: 1) настоящее-будущее с показателем *-a/-ы* типа каз. *бар-а-мын* 'я беру'; оно одновременно имело значение наст. и буд. времени; 2) настоящее-будущее время с показателем *-ap/-ыр* типа тат.

алырмын 'я беру' или 'я возьму'; как и предыдущее, оно имело значение наст. и буд. времени; особого будущего времени в тюркском прайзыке не было; 3) неопределенный имперфект типа алырдым 'я брал постоянно'; 4) прошедшее время с показателем -ды/-ты (-ди/-ти) типа алдым 'я взял'.

Все остальные модели времен возникли уже позднее распадения тюркского прайзыка.

1. Настоящее-будущее время на -а/-и. Структура сказуемого: основа + + а + личные окончания первой категории: каз. ал-а-мын 'я беру'.

Показатель -а этого времени представляет значимый аффикс. Еще П. Мелиоранский высказал предположение о том, что в тюркских языках могли и могут образовываться усилительные (интенсивные) и потенциальные основы глаголов путем присоединения к глагольному корню гласного: в некоторых диалектах узкого, в других – широкого. Образованные таким образом глагольные основы в разные времена и в разных диалектах могли употребляться в разных значениях для разных целей [Мелиоранский 1900, 60, 64]. Наличие параллельной пары суффиксов (с широким и узким гласным) как в тюркских, так и в монгольских языках дало основание В. Котвичу предполагать существование особой вторичной (видоизмененной) основы, которая обозначала процесс действия, действие длящееся, не доделанное до конца или повторяющееся, почему эту основу можно называть дуративной [Котвич 1962, 217].

Вероятнее всего, -а – это древний словообразовательный аффикс, обозначавший многократное или длительное действие. Остатки этого аффикса до сих пор сохраняются в некоторых глаголах, ср. узб. бурмоқ 'вертеть, крутить' и бур-а-моқ 'закручивать, завинчивать', уринмоқ 'делать попытки, прилагать усилия' и урн-а-моқ – те же значения в усиленной степени.

В современных тюркских языках этот тип наст. времени типичен для так называемых кыпчакских тюркских языков – татарского, башкирского, кумыкского, крымскотатарского и некоторых диалектов татар Сибири – отсюда мнение о его зональной ограниченности. Однако есть основание предполагать, что эта зональная ограниченность – явление более позднего времени. В древние времена наст. время с показателем -а имело более широкое распространение.

Если иметь в виду, что оптатив на -а в огузских языках развился на базе наст.-буд. времени с показателем -а, то можно считать, что это время некогда было представлено также и в огузских языках.

В тюркских языках представлено также наст.-буд. время с показателем -ы (аблаутная разновидность показателя -а). Ср. аз. диал. кэли 'он приходит', тур. диал. гели 'он приходит', кбалк. диал. кели 'он придет', чув. сырё 'он напишет' (< йазы 'он напишет'), тур. уазы-уор 'он пишет' и т.д. Однако большого распространения эта модель в тюркских языках не получила.

Настоящее-будущее время на -а может иметь наращение -т. Структура образования: корень глагола + а + т-овое наращение + личные окончания первой серии: ног. ал-а-ды 'он берет'.

Дистрибуция этой модели в тюркских языках довольно значительна. Она встречается в ногайском, узбекском, казахском, киргизском, караим-

ском, алтайском, чуымско-турецком, хакасском и некоторых диалектах азербайджанского языка. Однако существование ее в тюркском пражыке предполагать трудно, так как это время является совершенно очевидным производным от наст.-буд. времени на *-a*, которое возникло, конечно, раньше наст.-буд. времени с показателем *-at*.

Модель наст.-буд. времени с показателем *-a* имеет ряд производных.

1) Прошедшее длительное. Схема образования: корень глагола + *a* + формы прош. времени вспомогательного глагола 'быть': тат. *ала идем* 'я брал', *ала иде* 'он брал' и т.д. Распространение модели имеет зональное ограничение. Она типична для некоторых тюркских языков ногайского типа. Встречается в татарском, башкирском, карачаево-балкарском, кумыкском, крымско-татарском, ногайском. Зональная ограниченность указывает на более позднее происхождение этой формы.

2) Настоящее время, обозначающее постоянно совершающееся действие. Схема образования: корень глагола + *a* + *турган* (+ личные окончания первой серии): ног. *бар-а-таган-мен* 'я хожу постоянно'. Модель встречается также в уйгурском и диалектах сибирских татар. Модель позднего происхождения.

3) Прошедшее многократное. Схема образования: корень глагола + *a* + *турган* (разновидности: + формы прош. времени от вспомогательного глагола 'быть'): в тат. *бара торган идем* 'я ходил часто', ног. *баратаган идим* 'я ходил часто'. В казахском языке эта модель имеет особую схему: корень глагола + *a* + *тын* + личные окончания первой серии: *баратынмын* 'я ходил часто, обычно'. Модель позднего происхождения. В татарском языке встречается не часто.

4) Настоящее время данного момента. Схема образования: корень глагола + *a* + форма наст. времени вспомогательного глагола *йат* - 'лежать': ног. *бара йатырман* 'я иду в данный момент'; узб. *йоза йотирман* 'я пишу в данный момент'. Модель позднего образования.

2. Настоящее-будущее время на *-ap/-yr*. Схема образования: причастие на *-ap/-är*, *-ыр/-ip* + личные окончания первой серии: тат. *алырмын* 'я беру, я возьму'. В тюркском пражыке, а также в старых тюркских языках это время одновременно имело значения наст. и буд. времени. По этой причине некоторые, особенно западноевропейские, тюркологи называют его аористом, или неопределенным временем.

Позднее в тюркских языках наметилась очень сильная тенденция к созданию особых форм для наст. и буд. времени. В абсолютном большинстве тюркских языков за показателем *-ap/-yr* закрепилось значение буд. времени. Любопытная специализация этих показателей произошла в азербайджанском языке. Показатель *-ыр/-ip* в этом языке придает значение наст. времени, а показатель *-ap/-är* – значение буд. времени, ср. *јазыр* 'он пишет', но *јазар* 'он напишет'. Для выражения наст. времени во многих тюркских языках была использована модель с показателем *-a*, а также с показателем *-a* и г-овым наращением, ср. тат. *барам* 'я иду', каз. *жазамын* 'я пишу'. В отдельных языках возникли новые типы наст. времени. Прежнее аористное значение сохранилось разве только в турецком, но и в этом языке возникло наст. время, выражющее только это значение. Наст. время в якутском языке относится к смешенному типу.

3. Производным от формы на *-ap/-ыр* является неопределенный импер-

фект. Он образуется по схеме "основа наст. времени + формы прош. времени вспомогательного глагола 'быть'" (кар. алыр едим 'я брал') и распространен в узбекском, караимском, каракалпакском, якутском, уйгурском, карачаево-балкарском, турецком, туркменском, гагаузском языках.

Существование неопределенного имперфекта засвидетельствовано также в памятниках древнетюркской письменности, ср. орх. *at̄yīqa bayūr ärtimiz* [Tekin 1968, 34] 'Мы привязывали лошадей к деревьям'; чаг. *Мардана киши еди, оқны жашы атар еди* [Там же] 'Он был храбрым человеком, хорошо стрелял из лука'. Существовало это время и в староуйгурском языке.

Возникновение этого типа прош. времени уходит в глубокую древность. Без преувеличения можно утверждать, что это время уже сформировалось в эпоху тюркского прайзыка задолго до его распада. В пользу такого предположения могут быть приведены следующие аргументы: а) возникновение неопределенного имперфекта относится к такому периоду, когда существовало наст.-буд. время на *-ар/-ыр*, поскольку неопределенный имперфект строится на основе презентного значения этого времени. Следовательно, оно возникло задолго до разделения огузских и кыпчакских языков; б) появление этого времени привело к резкому снижению употребления многократных аффиксов, которые в тюркском прайзыке были довольно распространены.

Неопределенный имперфект когда-то существовал во всех тюркских языках. Однако в некоторых современных языках он отсутствует. К таким языкам относятся литературный татарский, башкирский, алтайский, казахский, шорский, тувинский, хакасский.

4. В серии прошедших времен наиболее древним является прош. время с показателем *-ды/-ты*, ср. тур. *aldım*, тат. алым и т.д. 'я взял'.

Нет никакого сомнения в том, что эта форма существовала уже в эпоху тюркского прайзыка. Прош. время на *-ды* оказалось необычайно устойчивым. Оно в настоящее время сохранилось во всех тюркских языках, кроме нижнечулымского диалекта чулымско-туркского языка. Его устойчивость может быть объяснена двумя его особенностями — необычайной семантической емкостью и видовой нейтральностью. Практически оно способно выражать значение не только обычного прошедшего, но и перфекта и плюскамперфекта западноевропейских языков. Оно передает действие незаконченное и действие, достигшее предела.

В современных тюркских языках имеется по меньшей мере пять типов перфектов — перфект на *-ган* (ср. тат. алганмын 'я взял'), перфект на *-ан* (туркм. *jазан* 'он написал'), перфект на *-нä* (чув. *сырнä* 'он написал'), перфект на *-мыш* (аз. *jазмышам* 'я написал'), перфект на *-ыл* (каз. алыптын 'я взял') и т.д. Все эти типы возникли в отдельных тюркских языках, когда тюркский прайзык уже распался. То же самое можно сказать о различных формах плюскамперфекта.

Из форм буд. времени наиболее древней является форма с показателем *-ар/-ыр* типа узб. *ёзарман* 'я буду писать'. Нет никакого сомнения в том, что она существовала уже в эпоху тюркского прайзыка.

К прайзыковой плоскости нельзя отнести буд. времени на *-ачак*, якутскую форму буд. времени на *-ыах* (ср. як. *аңыаым* 'я открою'), формы буд. времени *-гу* (ср. ст.-узб. *алгум* 'я возьму'), карачаево-балкарскую

форму на -лык (типа барлықма 'я схожу') и тофаларскую форму на -ғаи (ср. алғаймен 'я возьму') и т.д.

К числу более поздних по происхождению форм наст. времени относится карабаево-балкарская форма с показателем -чи/-чи, например: барывчума 'я ухожу постоянно', барывчуса 'ты уходишь постоянно' и т.д. Более позднего происхождения формы наст. времени, использующие форму местн. падежа типа аз. язмактајам 'я пишу'.

Все типы времен косвенных наклонений можно отнести к плоскости тюркского прайзыка. Относительную хронологию этих времен установить довольно трудно, так как все пять типов косвенных наклонений в одинаковой степени встречаются во всех тюркских языках.

То же самое можно сказать и о залоговых формах. Все три залога — страдательный, возвратный и взаимосовместный — уже существовали в тюркском прайзыке. Есть убедительные данные, свидетельствующие о том, что когда-то показатели залогов — залоговые аффиксы — были обычными аффиксами учащательного действия. В киргизском, казахском, каракалпакском и изредка башкирском языках используется в этих случаях отлагольное имя на -у (-ув), ср. кирг. жардам берилүүдө, 'помощь оказывается', каз. мұнай жаратылуда 'нефть используется' и т.д.

БЕЗЛИЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Существуют следующие общетюркские способы оформления безличных предложений¹.

1. Предикат стоит в 3-м лице мн. числа. Ср. кбалк. Алғын заманда голу этиңүю эдиле 'В прежнее время устраивали (делали) праздник "голу"' [МБД 1962, 45]; ног. Кеше аъдемди больницага алып келгенлер (Ленин йолы) 'Ночь. Одного человека привезли в больницу'; туркм. Он соң шо əәлана ат Гер -օғлы гойынтырлар 'Потом мальчику дали имя Гёр-оглы (сын могилы)' (Туркм. сказки, 115); чув. Колхозра тырпула машинানा вырса пустарацсé 'Хлеб в колхозе убирают машинами' [СГЧЯ 1957, 23] и т.д.

2. Предикат стоит в 3-м лице ед. числа. Ср. алт. Бактаным туруп, чалып туруп, Аа ла бажын ўзе соктырган 'Пока хвастался и боянил, голову ему-то отшибли' (Алтын-бизе, 36, 94); тур. Niç evde kaybedilen yûzük sokkata aranır mı (Nasreddin, 6) 'Разве ищут на улице кольцо, которое потеряно в доме?'; туркм. Ана шол мейданчаларда буравлайыш скважиналары гурулмалы (Мәммәдов, 61) 'Вон там, на тех площадках, нужно делать буровые скважины'; Памятники Монголии, Киргизии: Чыкан Тонъюкүк ат (л)ың бâрмîс 'Дали имя Чыхан Тонъюкүк' [Малов 1959, 27, 28]; Подарок истин: سنینک بارلیغینك غە تانوغلىق بىرور 'На твое бытие дают свидетельство' [Малов 1951, 317, 319]; Среднеазиатский тефсир: Ајруқ јеркâ ijdî hâm bulmadî 'Послали в другое место и также не нашли' [Боровков 1963, 45].

Н.К. Дмитриев полагает, что при сказуемом 3-го лица ед. числа раньше стояли пропускаемые ныне слова гиши 'человек', эр 'муж' [1940, 190—

¹ Данный структурный тип простого предложения представляет интерес для сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, поскольку анализ его помогает выявить тенденции исторического развития.

191]. Гипотеза эта спорна, однако из теории и практики тюркских языков известно, что замены этих слов местоимениями с широкой семантикой была возможна. Ср. бир гиши ѹокъ 'одного человека нет' ~ 'никого нет' – тот же семантический процесс, что и во фр. *ин* (< *homme*) или нем. *man* (Там же). Ср. пословицу: *Адам сойлер къадар гөрер* 'Человек видит лишь настолько, насколько говорит'. Ю. Немет переводит ее на немецкий: *Man kann nur über das sprechen* (там же).

Безличные предложения индоевропейских языков, обозначающие явления природы, в тюркских языках передаются личными предложениями с предикатом в форме 3-го лица ед. числа. Ср. рус. *Светает*, нем. *Es schneit* и т.д., башк. *Тундыра 'Морозит'* [Дмитриев 1948, 237], тат. *Яктыра башлабы 'Светает'* [Закиев 1963, 47].

Указывая на этот тип безличных предложений как преобладающий в кумыкском языке, Н.К. Дмитриев подчеркивает неравномерный характер распределения форм типа *айта* 'говорят' и типа *айталар* 'говорят' в различных тюркских языках. По мнению Н.К. Дмитриева, в кыпчакских языках (ногайском, казахском, киргизском и др.), так же как в кумыкском, форма 3-го лица мн. числа употреблялась крайне редко. В языках огузского типа (азербайджанском, южном диалекте крымско-татарского и др.) [Дмитриев 1940, 190] преобладает форма 3-го лица мн. числа. Однако модель безличного предложения с предикатом в 3-м лице ед. числа распространена повсеместно как в огузских, так и кыпчакских языках, и ее следует признать хронологически более ранней.

3. Для выражения сказуемого в обобщенно-личных предложениях во всех тюркских языках употребляется форма 3-го лица ед. числа страдательного залога. Ср. аз. *Бурада жәдәк бојлу гадына аз тәсадүф едилир* 'Здесь редко встречается женщина низкого роста'; ног. *Солье "Алибек" санаторийининъ корпусын салув бардырылады* (Ленин йолы) 'Сейчас построили корпус санатория "Алибек"'; тур. *Öğleden sonra yine kapı çalındı* (Nesin 1958₁, 28) 'После полудня в дверь опять постучали'.

Этот тип безличных предложений уже представлен в ранних памятниках. Ср. Кюль-Тегин: *Үзә көк тәңрі асра жағыз жір қылынтуқда, әкін ара кісі оғы қылынымыс* 'Когда было сотворено вверху небо и внизу темная (букв. 'бурая') земля, между ними обоими были сотворены (возникли) сыны человеческие (т.е. люди)' [Малов 1951, 28, 36]; Огуз-наме: *Ошибуйдүр-гүйкә бітілміш ѳрді* 'В этом послании было написано' [Шербак 1959, 33].

4. Предикат оформлен во 2-м лице ед. числа (этот тип характерен для жанра пословиц, поговорок). Ср. аз. *Едди дәғә өлч, бир дәғә бич* (Аталаr сезү, 11) 'Семь раз отмерь, один раз отрежь'; чув. *Паян тумалли ёсе ырана ан хъвар* 'То, что нужно (должно) сделать сегодня, не откладывай на завтра' [МГЧЯ 1957, 227] и т.д.

Есть основания отнести эту модель безличного предложения к раннему состоянию тюркского языка.

Согласование в лице и числе (при помощи категорий сказуемости и при- надлежности) в тюркских языках довольно последовательно. Есть основания полагать, что согласование в лице относится к ранней эпохе². Что

² Подробнее см.: Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, 156–206.

же касается согласования в числе, то оно проявляется не в полной мере и, очевидно, возникло исторически позже.

Согласование в числе ограничивается лишь сферой отношений между подлежащим и сказуемым. Между определением и определяемым согласование в числе обычно не проводится. Ср. шор. *аак палыктар* 'мелкие рыбы' [Дыренкова 1941, 273]; башк. *папиростың якшыны* 'самая лучшая из папирос' [ИСГТЯ 1956, 68]. Во всех тюркских языках при количественных числительных существительное ставится в ед. числе Ср. *беш китаб* 'пять книг'. То же наблюдается при прилагательных или местоимениях, выражающих идею количества: тат., башк. *куп кеше* 'много людей', туркм. *аз аял* 'мало женщин'.

Согласование в числе между подлежащим и сказуемым имеет много разновидностей:

1. При одушевленном подлежащем во мн. числе предикат стоит во мн. числе: шор. *Колхозчылар қыраа* (*~қырарга*) *пардылар* 'Колхозники отправились на пашню' [Дыренкова 1941, 263]; як. *Кинилэр сахатыйан хаалыгын нууччалар этилэр* 'Они были объякутившиеся русские' [Убрытова 1950, 106]; памятники – Кутадгу билиг: *Jayyylary ästip bojun ägdilär* 'А враги его, заслышиав о нем, склоняли выи (свои)' [Малов 1951, 272].

2. Подлежащее неодушевленное во мн. числе, предикат в ед. числе: кирг. *Булууттар суруулуттур* (Жусупов 1965, 30) 'Облака рассеялись'; туркм. *Асманда топбак-топбак ак булуулар эмеле гелип, гүндогара бакан сүйүшүп уграды* (Маммедов, 57) 'На небе образовались кучевые белые облака и двигались по направлению к востоку'. Данная модель часто встречается в старотюркских языках.

3. Подлежащее неодушевленное во мн. числе, предикат во мн. числе. Такое согласование имеет место уже в памятниках. Ср. Среднеазиатский тифсир, XII–XIII вв.: *Ол елің еwläri барқлар і түрлүгे түрлүгे болмашлар* 'Дома в этом городе стали совсем иные' [Боровков 1963, 319].

4. Подлежащее одушевленное во мн. числе, сказуемое – в ед. При этом категория подлежащего понимается как нечто целостное, однородное. Такую особенность содержат памятники и сохраняют все современные тюркские языки. Ср. аз. *һамы аналар истәр ки, оғлуна јахши тој еләсин* (Ибраһимов 1957, 20) 'Все матери хотят, чтобы их сыну устроить хорошую свадьбу'; гаг. *Ааләэр дәдү, ааләэр бабу, ааләэр комушулар, ани кайбелди, факир Пирку* (Буджактан, 114) 'Плачет старик, плачет старуха, плачут соседи, что пропал бедный Пирку'; тат. *Ярты юлны килгәндә, минем алда атлар сирәгәйде* (Юлтый, 27) 'Когда я проехал половину пути, находящаяся впереди меня группа лошадей (букв.: лошади) поредела', памятники – Кутадгу билиг (наманганс.) : *Avaýlar näčä qolsa, bärwäz özin* 'Преследующие ее сколько бы ни просили, она не дается им' [Малов 1951, 241, 269]; История пророков Рабгузия XIV в.: *Кафи pläp туýмасун* 'Неверные да не предведают' [Там же, 340].

5. Подлежащее одушевленное во мн. числе, предикат во мн. числе, при этом подчеркивается неоднородность действующих лиц и их действий. Ср. башк. *улар килделәр* 'они каждый в отдельности пришли', но *улар кильде* 'они все сразу, все как один пришли' [ИСГТЯ 1956, 71]; гаг. *Оннар... гидерләр падишаха* (Буджактан, 125) 'Они ... каждый в отдельности идут к падишаху'.

6. При однородных подлежащих, выражающих неодушевленные предметы, сказуемое стоит в ед. числе, Ср.аз. *Aшағыда Иран шәһәрләринә хас олан бағчалар, һәјәтләр әз өвләр кәзә чартыр* 'Внизу виднеются (букв.: виднеется) свойственные иранским городам дворы с садами и домами' [Будагова 1963, 90]; памятники из Суджи: *Küt sorıqut kün toý suqa batsuqa tägdi* 'Слухи и расспросы обо мне достигли до восхода и захода солнца' [Малов 1951, 76, 77].

При однородных одушевленных подлежащих предикат стоит также в ед. числе. Ср. гаг. *Bir вакыт вармыш бир хырсыз, да охырсыз којумыш не-тінә, гітсін, да چалсын ікі бегір* [Мошков 1904, 25] 'Однажды один вор с другим вором решили пойти и украсть две лошади'; туркм. *Б(и)р патшаң оглы, б(и)р шәзіриң оглы да җаша чөлө чыкан экени* 'Сын одного падишаха и сын везира выехали в степь на охоту' (Туркм. сказки, 84, 130, 131); Кутадгу билгі: *Böri qoč bilä suvlady ol ödün!* 'И в то время волк и овца ходили вместе на водопой' [Малов 1951, 272]; Родословная туркмен: *Атларымыз ва тәвәләріміз барчасы öldi* 'Все наши лошади и верблюды пали' [Кононов 1980, 137].

Мн. число предиката при однородных одушевленных членах указывает на дифференцированный характер их действия: алт. *Ақ талайдың жағазына Аныйыак, күртыйык зге бардылар* (Алтын-бизе, 73) 'На берег белой реки старик со старухой пошли' кбалк. *Къызы да, джаш да бир элни ичинде бол-гъандыла* 'А девушка и парень жили в одном ауле' [МБД 1962, 108].

7. При подлежащем, имеющем количественный определитель и оформленном ед. числом, предикат также стоит в ед. числе, указывая на недифференцированность подлежащего. Ср. ног. *Оылмесхан ман бирге дөврт аъдем куллых этеди* (Ленин йолы) 'Вместе с Олмесханом работало четыре человека'; чув. *Енир кайакан пәрахут չинче салтаксем (салтак)* пите нумай-тәе 'На том пароходе, на котором ехали мы, было очень много солдат' [Ашмарин 193, 51].

При таком же подлежащем предикат может быть оформлен мн. числом и указывать на дифференцированность действий. Ср. гаг. *Bir керә бу ўч кардаш лафланышлар гитмәә дўйнней қысмет арамаа* (Буджактан, 109) 'Однажды эти три брата уговорились пойти искать по свету счастье'.

В памятниках тюркских языков встречаются факты, когда подлежащее, имея количественный определитель, стоит во мн. числе, а предикат – в ед. Ср. Золотой блеск: *M(ä)n iglatükdä, an başlaju maça tört jöklärl jaçun kälti* 'Я только захврабал, прежде всего ко мне подошли четыре демона' [Малов 1951, 154, 157].

8. При собирательном подлежащем предикат обычно стоит в ед. числе. Ср. туркм. *Догры, китабын гадрыны хемме киши биләр* (Сарыханов 1951, 7) 'Верно, цену книги все люди знают'; памятники – Тоньююкук: *Ol sabyγ äsidip, on oq bögläre buduny qop kälti, jükünti* 'Успышав эти слова, начальники и народ десяти стрел – все пришли и подчинились' [Малов 1951, 63, 69].

Мн. число предиката указывает на дифференцированный характер собирательного множества, при этом к подлежащему может присоединяться афф. -лар. Ср. гаг. *Ачан бакэрлар* – хепси гаргалар койун олмушлар (Буджактан, 110) 'Когда посмотрели – все вороны стали овцами'; Родо-

словная туркмен: *Хан башлык барча халк айтдылар* 'Весь народ во главе с ханом сказал' [Кононов 1958, 124].

Согласование в числе иногда не зависит от семантических условий. Так, например, как правило, в казахском языке 3-е лицо мн. числа не оформляется специальным окончанием и совпадает с формой ед. числа. Ср. *Ол сатады* 'Он продаст' ('Он продаёт') – *Олар сатады* 'Они продадут' ('Они продают') [СКЯ 1962, 328].

В карачаево-балкарском языке при подлежащем 3-го лица мн. числа сказуемое согласуется с ним в числе факультативно: *Ала студентдиле* и *Ала студентгедиле* 'Они студенты' [Дмитриев 1962, 359]. То же и в киргизском языке: *Alar oquicicular* 'Они суть ученики'; *Alar оцииси* 'они ученики' [Батманов 1940₂, 11].

Кроме того, в некоторых тюркских языках известен особый способ выражения множественности при глаголах. Вместо специального аффикса числа ставится аффикс взаимного залога при ед. числе. Ср. кирг. *Алар дубалдын түбүнө аттарын байлаштырып коюп, паркка кишиши* (Каминов 31) 'Они, привязав под забором коней, вошли в парк'; уйг. *Колхозчилар униндин неминидү күткәндәк болышиду, үмүт көзлирини қадайды бу алдий башчиға* (Босаков, 31) 'Колхозники собрались, словно что-то от него ожидают, с надеждой устремляют они взор на этого простоватого начальника'.

Последовательное согласование в числе может быть объяснимо и требованиями стиля, определенного жанра речи. Ср. тат. *Язлар жигте, карлар эри башладылар, толыплылар толыпларын ташладылар* 'Весна пришла, снега начали таять, люди в шубах сбросили шубы' [Закиев 1963, 37].

В тюркологической литературе высказывалось предположение, что для тюркских языков первоначально было характерно не столько понятие множественности, сколько понятие собирательности [Котвич 1962, 336; Grönbech 1936, 57–60, 65–69], и что разные группы собирательных предметов обозначались особыми форматами; только афф. -лар имел характер множественности и выступал в роли общего форманта мн. числа, хотя и столь же редко, как и в монгольском языке. Не случайно, что во всех тюркских языках мн. число употребляется при необходимости различать подлежащие, действующие порознь, индивидуально, т.е., по справедливому замечанию Н.К. Дмитриева, основной стимул согласования подлежащего и сказуемого в числе связан с вопросом о дифференциации подлежащего. При дифференциации всегда имеется согласование в числе: башк. *һандуғастар һайрайҙар* 'соловьи поют' [Дмитриев 1948, 222].

Мысль об относительно позднем развитии мн. числа в алтайских языках разделяется Г.И. Рамstedтом, который тоже полагал, что там, где применяется оформленное мн. число, оно может быть также показателем качественных различий, подразделения на группы либо совокупности нескольких групп [Рамstedt 1957, 57]. Идея собирательности, нерасчлененного множества и послужила той почвой, на которой развилась впоследствии формально выраженная множественность. Не случайно, что если в тюркских языках подлежащее представляется однородной категорией, то сказуемое при нем, как было показано, всегда стоит в ед. числе. Ср. башк. *Улар килде* 'Они пришли все сразу, как один, не отличаясь друг от друга

в действии' [Дмитриев 1948, 231]. Формально выраженная множественность становится показателем дифференцированности предметов, а тем самым их определенности. Ср. тур. *Pencereler açıktılar* 'Определенные, заранее нам известные окна открыты' [Кононов 1956, 379].

Таким образом, согласование в числе в тюркских языках – категория историческая. Формально выраженное членимое множество возникло на базе собирательности. Собирательная множественность не требует согласования во мн. числе, так как содержит понятие некоторой единичности (ср. рус. *шумят братва*). Процесс исторического развития в данном случае заключается в перерождении собиральной множественности во множественность абстрактную. Этот процесс в разных тюркских языках имел свои особенности. Очевидно, некоторые вещественные имена существительные с собирательным значением долгое время сопротивлялись принятию показателя множественности (ср. тат. *кирпич бар* 'кирпичи есть'). Согласование глагольных форм в числе могли препятствовать факторы просодические – создание ритмически неудобных форм (*бара* и *баралар*).

Развитие категорий множественности на базе собирательности доказывает и само происхождение афф. *-лар* [см. Котвич 1962, 28–30; Кононов 1956, 72–73]. Нам представляется небезосновательной гипотеза В. Котвича, который сближает афф. *-лар* с аффиксом комитатива *-лан* и включает его в гнездо с этимологически родственными ему вариантами: афф. *လား* и *လာပါ* (со значением сходства) с аффиксом сравн. падежа *-тай*, *-дай* [Котвич 1962, 100–116]. Очевидно, и сам афф. *-лар* первоначально был показателем не множественности, а собирательности.

Анализируя модели тюркского простого предложения в их соотношении с конструкциями трансформации, можно заметить следующее.

1. Типы трансформ по способам их выражения (имеется в виду прежде всего формирующий их член – логический предикат) гораздо более многообразны, чем модели простого предложения (учитывается формирующий член – грамматический предикат). Последнее лишний раз указывает на то, что трансформы – явление хронологически относительно позднее.

2. Возникает вопрос – любая ли глагольная форма могла трансформироваться, предопределяя появление нового структурного типа? Процесс трансформации, как будет показано ниже, хронологически имел место на позднем этапе тюркского прайзыка, когда система глагольных форм была относительно развита. При трансформации избирается обычно та форма, синоним которой бытует в арсенале *verbum finitum*. Ср. афф. *-ды/-дыг*, *-ган*, *-мыш*, *-ыр*, *-ар* и т.д. Почти все глагольные формы первичного образования, имеющие себе синонимические пары в других грамматических сферах языка, легко трансформировались (об условиях трансформации см. главу III.). Не случайно, что система сложных временных форм вторичного образования не участвует в трансформации. Ср. наст. время на *-а* со вспомогательным элементами *йат-*, *тур-*, *отур-*, хронологически более позднего образования, не дающее трансформ. В сложных формах прош. времени трансформация тормозится связками прош. времени *иди*, *имиш*, не имеющими синонимичных именных образований.

3. Для процесса трансформации, очевидно, не безразлична и семантика трансформирующегося образования. Частотность употребления времен типа *continuous* в придаточных предложениях невысока. Этим отчасти объясняется слабое участие в трансформации глагольных форм типа *-макта*.

ГЛАВА III

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Одним из спорных вопросов научных описательных грамматик является вопрос о специфике сложноподчиненного предложения. При определении специфики придаточного предложения идет спор вокруг причастных и деепричастных оборотов [см.: Ширалиев 1958, 79]. По этому вопросу имеется несколько точек зрения.

В соответствии с первой точкой зрения, все без исключения причастные и деепричастные обороты являются придаточными предложениями на том основании, что в русском языке им соответствуют таковые. Лингвисты этого направления исходят из русского перевода (см. работы В.А.Гордлевского, А.К.Боровкова и др.). Такая точка зрения, основанная на чисто логическом подходе к природе тюркских придаточных предложений, имеет довольно давнюю традицию. Впервые в тюркологической литературе она была высказана Мирзой Казембеком [1839]. Составленная по образцу европейских грамматик, работа М.Казембека и в разделах, посвященных синтаксису, испытала на себе влияние господствующей тогда в общелингвистической литературе и впервые выдвинутой авторами русских грамматик XVIII–XIX вв. (Е.В.Барсов, А.Х.Востоков, Н.И.Греч и др.) теории, согласно которой причастные и деепричастные конструкции рассматривались как сокращенные придаточные предложения.

На такой позиции отождествления собственно придаточных предложений с причастными, деепричастными и отглагольно-именными оборотами стоит и большинство зарубежных тюркологов – А.Мауль, Ю.Немет, М.Хортен, Дж.Вайль, Г.Янский и др.

По мнению М.Ш.Ширалиева, отождествление причастных и деепричастных оборотов с придаточными предложениями происходит вследствие неразработанности вопросов синтаксиса тюркских языков. В тюркоязычных республиках еще не создано научного синтаксиса этих языков, не изучен глубоко фактический материал общенародного языка, а также недостаточно использованы материалы современной художественной литературы и прессы при разработке тех или иных вопросов синтаксиса национального языка; налицо также недоучет специфики отдельных тюркских языков и механическое перенесение на них традиционных схем, принятых в индоевропейских языках; принципы определения придаточных предложений основаны на переводах последних на русский язык и, наконец, недостаточно изучена специфика причастных и деепричастных оборотов как распространенных членов простого предложения [1958, 80, 81].

Отождествление оборотов с придаточными предложениями основывается на гипостазировании семантики и полном игнорировании роли грамматической формы. Конечно, встречаются в языке образования, равные

по значению (ср. *Человек, который вчера приехал из Казани, сообщил мне интересную новость* и *Приехавший вчера из Казани человек сообщил мне важную новость*). Однако здесь за тождественностью семантики скрываются совершенно разные роли самих процессуальных признаков. В придаточном предложении *который вчера приехал из Казани* процессуальный признак выделен из подлежащего и самостоятельно развернут, тогда как в причастной конструкции *приехавший вчера из Казани человек* процессуальный признак более слит с его носителем, превращен в атрибут последнего. Атрибут и его носитель не образуют предложения, поскольку у такого предложения отсутствует предикат. Поэтому совершенно неправильно отождествлять деепричастия и причастия с *verbum finitum*. В конструкциях без предиката, выраженного *verbum finitum*, нет полноты смысла, ср. *придя домой, сделав работу, бурлящий водопад*.

В дальнейшем сторонники этой точки зрения перестали ограничиваться только критерием возможности перевода и стали для оправдания своих взглядов приводить другие критерии. Так, по мнению Н.Т.Сауранбаева, в казахском языке зависимость подчиненного предложения от главного выражается формой сказуемого подчиненного предложения [1946, 109]. Отсюда делается вывод, что сказуемое придаточного предложения не обязательно должно быть выражено формами *verbum finitum*. Э.В.Севорян утверждает, что решение вопроса о том, признавать или не признавать данное словосочетание предложением, возможно лишь на базе общей теории предложения, а не сказуемого, и предполагает, что для признания данной связанной группы слов предложением в грамматическом плане не имеет решающего значения то, как выражено сказуемое [1961, 122].

Для определения сложного предложения предлагается комплекс признаков. Критериями сложного предложения в казахском языке могут быть следующие признаки: а) смысловая цельность компонентов, б) структурная самостоятельность компонентов (наличие главных членов в каждом компоненте); в) наличие определенного отношения между сочетающимися предложениями; г) связанность составных компонентов сложного предложения определенным способом [Сауранбаев 1948, 110, 111].

Известная работа французского тюрколога Ж.Дени ("Grammaire de la langue turque". Paris, 1921) послужила стимулом для появления нового направления. Ж.Дени впервые поднял вопрос о необходимости выделения причастных, деепричастных и глагольно-именных конструкций в особую синтаксическую категорию. Предшественники Дени обычно подобные образования оставляли без внимания, в лучшем случае называя их побочными определениями. Ж.Дени для определения подчинительных конструкций, которые формируются именной формой глагола — причастием, масдаром (т.е. неличной формой глагола), вводит термин "квазипредложение". Он подчеркивает, что если синтаксис французского языка является аналитическим, то синтаксис тюркских языков — синтетическим, вследствие той роли, которую здесь играют неличные формы [Deny 1921, 860].

Дальнейшее развитие эта идея получила в работе М.З.Закиева "Синтаксический строй татарского языка" (Казань, 1963), который выдвигает структурный принцип классификации сложноподчиненных предложений, опирающийся на характер связи придаточных предложений с главным. По этому принципу сложноподчиненные предложения разделяются на два основных

вида: синтетические и аналитические. Кроме того, выделяется неосновной, промежуточный вид сложноподчиненного предложения — аналитико-синтетический [Закиев 1963, 270].

Синтетическими сложноподчиненными предложениями М.З.Закиев называет предложения, в которых придаточные подчинены главному при помощи форм своего сказуемого. В тюркских языках, по его мнению, теория об обязательности *verbum finitum* для предложения вообще не применима, ибо в этих языках предложения со сказуемым в безличной форме являются обычными, закономерными. Придаточные в синтетических предложениях отличаются от причастных, деепричастных и других оборотов тем, что в них имеются некоторые признаки предикативности. Они имеют или потенциально могут иметь самостоятельное подлежащее, выраженное именем в осн. падеже. Например, в предложении *Без кылгач, жыелыш башланды* 'Собрание началось после того, как мы пришли' как придаточное, так и главное имеют самостоятельное подлежащее [Там же, 272, 273].

Сама идея о том, что в тюркских языках существуют специфические придаточные предложения, отличающиеся от придаточных предложений в индоевропейских языках, имеет довольно большое распространение. Эту точку зрения разделяют Г.Алпаров, А.П.Поцелуевский, Э.А.Грунина, К.Сартбаев, М.Б.Балакаев, Е.И.Убрайтова, Э.В.Севорян, Г.А.Абдурахманов, У.Б.Алиев, В.Н.Хангильдин и др. Некоторые тюркологи рассматривают синтетические сложноподчиненные предложения как сложноподчиненные предложения переходного типа.

Среди причастных и деепричастных оборотов Н.К.Дмитриев выделял такие, в которых при причастии или деепричастии имеется свое грамматически выраженное подлежащее, отличное от подлежащего остальной части фразы. Хотя такие обороты и не удовлетворяют одному из основных признаков придаточного (сказуемое в одной из форм, выражаяющих лицо), однако Н.К.Дмитриев склонен считать их тоже придаточными, хотя и переходного типа: в этом типе отсутствие сказуемого в форме, обозначающей лицо, как бы компенсируется отчетливо выраженным грамматическим и логическим подлежащим [1948, 247]. О потенциальных предложениях, имеющих самостоятельный субъект, отличный от субъекта главного суждения, говорит и А.П.Поцелуевский [1946].

Вслед за Ж.Дени, Н.К.Дмитриевым и А.П.Поцелуевским С.А.Соколов считает возможным выделить причастные, деепричастные, глагольно-именные конструкции со своим подлежащим в особую синтаксическую категорию, занимающую промежуточное положение. С одной стороны, их нельзя отождествлять с классическими формами придаточных предложений, в которых сказуемое выражено *verbum finitum*. С другой стороны, они принципиально отличаются от обычных причастных, деепричастных и других оборотов, не имеющих субъекта и выступающих в роли обычных членов предложения [Соколов 1966, 177, 148].

Однако, несмотря на то что в ряде исследований, построенных на материале различных тюркских языков, причастные, деепричастные глагольно-именные конструкции со своим подлежащим рассматриваются на правах придаточных предложений, в теории синтетических сложноподчиненных предложений далеко не все гладко.

Противоречив сам термин "синтетический", явно заимствованный из на-

звания "синтетические языки". Синтетический – значит, не пользующийся аналитическими средствами связи. Недаром Ж.Дени называет синтаксис французского языка аналитическим. Но в таком случае все синтетические сложноподчиненные предложения примыкают к главному способом простого примыкания. Для устранения этого противоречия придумывается новый тезис: средством связи в данном случае является сама форма сказуемого, ср. тат. *Без күлгәч, жыелыш башланы* 'Собрание началось, когда мы пришли'. Здесь средством связи придаточного предложения *Без күлгәч* является, оказывается, сама форма деепричастия *күлгәч*. Но это неверно. Деепричастие *күлгәч* здесь ничего не связывает, а только примыкает. Сторонники этой теории выдают логическую связь за языковую.

Термины "главное предложение" и "придаточное предложение" не случайны, так как они именуют собой явления одной и той же природы. Если мы абстрагируемся от средств, связывающих главное и придаточное предложение в русском языке, то получим в результате два простых предложения: *Когда учитель вошел в класс, ученики встали* – *Учитель вошел в класс. Ученики встали*.

Что является самым необходимым для предложения? Даже самое маленькое предложение, состоящее только из подлежащего и сказуемого, должно выражать логически вполне законченную мысль, например: *Ученик пришел*. Почему в данном случае мы достигли выражения законченной мысли? Всякое предложение есть не что иное, как раскрытие признака. В данном случае мы назвали предмет и раскрыли один из его признаков, его процессуальный признак. Личная форма глагола не только дает возможность назвать этот признак, но и определенным образом соотнести его с его носителем, поэтому наилучшим средством обеспечения выражения логически законченной мысли являются личные глагольные формы.

Сочетание им. падежа с деепричастиями не может дать логически законченного предложения. Представьте себе, что мы пришли в аудиторию и сказали: *Ученик сидя, Петров вставил*. Вероятнее всего, присутствовавшие в аудитории сочли бы такого рода сочетания бессмыслицей. Почему же сочетания *ученик сидя, Петров вставил* представляются нам бессмыслицей? Здесь нарушена естественная связь деепричастия с глаголом главного предложения. Деепричастие, будучи оторвано от глагола главного предложения, не обеспечивает выражения законченной мысли. Бессмыслица сразу же исчезает, когда эта естественная связь восстанавливается. Поэтому предложения *Ученик сидя ест* или *Ученик, встав, вышел из класса* уже не будут создавать впечатления незаконченности. Такова природа деепричастия в любом языке. Поэтому деепричастие никогда не может выступать в роли действительного сказуемого, и сочетание им. падежа имени с деепричастием вообще не способно образовать предложение. Некоторые тюркологи почему-то думают, что какая-то чудодейственная специфика башкирского, татарского, казахского и других тюркских языков способна превратить эти сочетания в придаточные предложения. На самом деле никакая специфика языка не способна изменить сущности деепричастия.

В своей "Грамматике башкирского языка" Н.К.Дмитриев для доказательства своих положений приводит следующий пример: *Кояш баткас, мин өйгэ жайттым* 'Когда солнце зашло, я вернулся домой' (букв. 'Солнце зайдя, я вернулся домой') [1948, 256]. Сочетание *кояш баткас*, взятое

само по себе, представляет такую же бессмыслицу, как русское сочетание *Иван встав*, так как и здесь не указана его связь с глаголом главного предложения.

Сторонники противоположной точки зрения считают, что ни при каких условиях причастные и деепричастные обороты не могут быть придаточными предложениями. По мнению одного из представителей этой точки зрения, М.Ш.Ширалиева, причастные и деепричастные обороты (на материале азербайджанского, а также других тюркских языков) не могут быть причислены к разряду придаточных предложений, так как у них нет необходимых данных, присущих предложению: во-первых, обороты не выражают законченную самостоятельную мысль, во-вторых, у них нет самого главного члена сообщения — сказуемого [1958, 81].

Н.П.Дыренкова называет синтетические придаточные предложения оборотами. Члены предложения, — замечает Н.П.Дыренкова, — могут состоять как из отдельных слов, так и из сочетания слов. Они могут представлять собою особые обороты, причастные и деепричастные. Эти сочетания находящихся между собою в определенной синтаксической зависимости слов служат дополнениями, определениями и т.п. по отношению к главному сказуемому. Такие сочетания из нескольких слов образуют сложные структуры подлежащего, определения и дополнения. Они могут быть названы развернутыми членами предложения, или оборотами. Так называемое сказуемое такого оборота, имея свое подлежащее и управляя зависимыми от него членами, одновременно зависит синтаксически и формально от того или другого члена главного, или основного, предложения, к которому относится. Развернутые члены предложения подчиняются тем же законам, что и простые члены, т.е. располагаются перед главным предложением, которое, как правило, заканчивает сложное предложение [Дыренкова 1940₁, 269].

Н.П.Дыренкова дает классификацию причастных оборотов: 1) развернутое причастие, 2) определительный оборот (развернутое определение), 3) развернутое дополнение, 4) развернутое дополнение в вин. падеже, 5) развернутое дополнение в местн. падеже, 6) развернутое дополнение в напр.-дат. падеже, 7) развернутое дополнение в исх. падеже, 8) развернутое дополнение — сравнение, 9) развернутое дополнение в неоформленном притяжательном падеже. Кроме того, выделяются деепричастные обороты, имеющие собственное подлежащее и не имеющие его [Там же, 270–281].

Взгляды сторонников этого направления вернее отражают истинное положение вещей.

Чем объяснить разногласия в определении сущности придаточного предложения в тюркских языках? Прежде всего они объясняются слабой разработанностью теории придаточного предложения. Каждый тюрколог определяет сущность придаточного предложения, исходя из личных представлений и установок, что ни в коем случае не может привести к сколько-нибудь однозначному решению этого вопроса. Прежде чем решать вопрос о характере придаточных предложений, необходимо выяснить, есть ли вообще в тюркских языках такие предложения, а если их нет, то почему. Другим существенным недостатком является отсутствие исторического подхода к данной проблеме.

ПРИМЫКАНИЕ КАК НАИБОЛЕЕ ДРЕВНИЙ СПОСОБ СВЯЗИ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Существует довольно широко распространенное мнение, будто бы первоначально не было никаких придаточных предложений. Человеческая речь состояла только из простых предложений, которые следовали друг за другом, образуя своеобразную цепочку, что графически можно было бы изобразить следующим образом:

Создается совершенно ложное и неправильное представление, будто бы каждое из этих предложений было совершенно самостоятельным и не имело никакой связи между собой.

В нормальной естественной человеческой речи наблюдаются два характерных случая. Отдельные предложения могут быть между собою логически совершенно не связанными, ср.: *Материки плывут и В Бразилии усиливается безработица*. Здесь нет никакого логического подчинения. Ни одно из событий не является следствием другого. Но могут быть и такие предложения, которые логически между собою связаны, в известной мере дополняют и поясняют друг друга, ср.: *Молния ударила в дерево. Дерево упало. В горах тает снег. Горные речки сильно разлились*. Здесь каждое второе высказывание является следствием другого. Подобная логическая связь существовала всегда. Могло не быть формально выраженных придаточных предложений, но логические придаточные предложения существовали в человеческой речи всегда, с момента ее появления. Эта логическая связь между логически связанными между собою предложениями и составляет то константное, что характеризует развитие синтаксического строя всех языков мира. Исторически менялись только выраженные формальными языками средствами способы выражения этой связи. На первых порах в качестве средства связи выступает простое примыкание, или коллокация. Контактная близость или расположение рядом двух логически связанных языковых единиц, безусловно, способ связи. Есть, например, языки, которые не имеют особой формы род. падежа, ср. манс. я вата 'берег реки' (букв. 'река берег'), хант. ики хоп 'лодка старика' (букв. 'старик лодка'). Не имеющие формальной связи слова в этих словосочетаниях связаны способом коллокации.

В дальнейшем несовершенный способ связи двух зависимых предложений, способ коллокации, уступает место другим способам, которые в различных языках могут быть различными.

Для тюрских языков во все периоды их исторического развития была характерна структура присоединенных простых предложений, отношения между которыми выражаются только их непосредственным примыканием друг к другу. Примыкание является наидревнейшим способом выражения синтаксических отношений; простое предложение может быть по праву отнесено в самый ранний период тюркской общности. Самый ранний этап в историческом развитии сложного предложения, очевидно, характеризовался абсолютным преобладанием простого предложения. Об этом свидетельствует материал как общетюркских памятников, так и памятников

отдельных тюркских языков, сохранивший структуру простых предложений, в рамках которых передавались не только сочинительные, но и подчинительные отношения. Ср. памятник в честь Кюль-Тегина: *Інім Kyl Tігін кәргәк болты, өзім сақынтым, көрүр көзім көрмәз тәг, білір білігім білмәз тәг болты, өзім сақынтым* 'Мой младший брат Кюль-Тегин скончался, я же заскорбел; зряче очи мои словно ослепли, вещий разум мой словно отупел; (а) сам я заскорбел' [Малов 1951, 33, 43]. Длинные цепные периоды легко обнаруживаются и в древних памятниках Монголии и Киргизии. Ср. онгинский памятник VII–VIII вв.: *Камук балыкка тәгдім, құнладым, алтым, сүсі кәлті* 'Я напал на многие города, делал набеги, захватил, его войско пришло' [Малов 1959, 9].

Модель цепных присоединительных предложений хорошо сохраняется в фольклорном жанре, ср. аз. *Бири вар имиш, бири јох имиш, құнларин бир қунөндә, белә дејирләр, бир вилајатда Дашикувар адында бир падишаң вар имиш* (АН, 32) 'Было то или не было, но, как говорят, в одном вилаете жил-был падиша по имени Дашикувар'; каз. *Ай журеді, жыл журеді талай елді талай жердіаралайды* (КЕ, 15) 'Идет месяц, идет год, он обходит множество народов и стран'; алт. диал. туба: *Пар бар (г)аннар, пар (г)ан- (н)ар бир тура тушта(г)ан* 'Они шли, шли (и) встретили дом' [Баскаков 1965, 30]; каз. *Бұрынды заманда бір патша бар екен, ол патшының бір жақсы уәзірі болынты* (КЕ, 159) 'В давние времена жил-был падиша, у того падишаха был хороший визирь'; узб. *Бор экан, йўқ экан, бир замонда бир киши бор экан. Бой ҳам камбагал ҳам эмас. Унинг ўғли бор экан, учови ҳам ўқиган, оку қорани таниған, юзлари ойдай, ўзлари тойдай, ёман билан юрмаган, ёмон жойда турмаган эканлар* (ҮЭ, 103) 'Было ли, не было ли, некогда был один человек. Ни богатый, ни бедный, у него было три сына, оказывается, все трое ученые, знающие грамоту, лица у них были, как луна, сами – как жеребчики, по-плохому не поступали, в плохих местах не жили' и т.д.

Зарегистрированный в ранних памятниках, а также в фольклорном жанре, архаический тип цепных присоединительных предложений устойчиво сохраняется в современных тюркских языках.

В рамках примыкания выражаются прежде всего сочинительные отношения, имеющие перечислительную интонацию. Так обычно передаются одновременно происходящие или последовательно следующие друг за другом действия: аз. *Садыг бир испичкә чәкди, Молла чубуғу алышдырыб Садыға деди* (МН, 3) 'Садык зажег спичку. Мулла зажег трубку и сказал Садыку'; *Таләсма жатарсан, кемә узундор* (Ибраимов 1966, 10) 'Не торопись, ляжешь, ночь длинная'; алт. *Агарып тань атты, көгөреп күн чыкты* 'Белая заря занялась, синея, солнце взошло' [Дыренкова 1940₁, 268]; ккалп. *Джәне бাখәр келди, джәне къұслар келди* 'И весна наступила, и птицы прилетели' [Баскаков 1952, 519]; кирг. *Күн өтту, ай өтту, кыш тушту* 'Прошли дни, прошли месяцы, наступила зима' [Мураталиев 1962, 6]; сал. *Tаұда kakasy kiči avune sіn iſina сағаzi. Kakasy öjіna kelzi, арасуна jaғаzi* 'В горах старший брат бросил в колодец младшего, вернулся домой и сказал отцу' [Тенишев 1964, 7]; тат. *Кәнә-тәне кар ява, жыл ылжыра, тұктатуыз буран үйний* 'Днем и ночью идет снег, воет ветер, непрестанно дует метель' [Закиев 1963, 347]; тув. *Заводтуң медээзи шағдала эдинкен болгаш ажылчыннар чана берген* 'Заводской гудок давно уже прогудел,

и рабочие пошли домой" [ТРСл. 1955, 719]; хак. *Чидіп, адын алтын столбаа палгаачыл*: *ізігін асчых, изен парцік; иркін алтап, минді тирцік, кіріп-кіліп, ух садағын суурып салсалды* (из сказки) 'Доехав, он привязал своего коня к золотому столбу; открыл дверь, поздоровался, перешагнув через порог, приветствовал всех, вошел (в дом) и, сняв с себя колчан, положил его (на землю)' [ХРСл. 1953, 477].

Путем примыкания простых предложений может быть передана пояснительная связь: *Ордан уч кун үтибди подшохнинг кенжә ўғли туши күрибди, тушида бир парча булут узилиб құйнига тушибди* (ҮЭ, 91) 'Между тем прошли три дня. Младший сын падишаха увидел сон, во сне кусочек облака, оторвавшись, упал к нему на грудь'.

В рамках примыкания двух простых предложений передаются противительные отношения: аз. *Козладым қәлмәди, ахтардым тапылмады* (Наббарлы 1949, 31) 'Я ждал, (а) он не пришел, я искал, (но) не нашелся'; каз. *Ақ қайың қалғыды, мен ояумын* (Сералиев, 19) 'Белая береза дремала, а я не спал'; узб. *Менинг учта құзим бор, ўғелим йўқдир* (ҮЭ, 108) 'У меня три дочери, а сына нет'; алт. сев. диал. *Тұжине дүйгүрген, неме тапай турды* 'Целый день она ходила, но ничего не выходила' [Баскаков 1965, 67]; гаг. *Чекмииш-ләр, чекмиишләр – чыкарамамышлар* (Танасоглу, 98) 'Тянули, тянули – не могли вытянуть'; туркм. *Окармен, ғөрермен барча келамы – манасыны сече билмен* 'Читаю я, просматриваю все слова, (а) смысла их разобрать не могу' [Поцелуевский 1943, 36]; тур. *En çok ben üzüldüm, annem bilakis temnundi* 'Больше всех расстраивалась я; мать моя, наоборот, была довольна' [Кононов 1956, 514]; Кутадгу билиг: *Orun bärdiň ашы, таң oldurmadym* 'Ты дал мне прежде всего место, но я не сидел на нем' [Малов 1951, 265, 284].

На связь двух примыкаемых сочиненных предложений могут указывать повторяющиеся во второй части существительные, местоимения, а также соотносительные слова, ср. Среднеазиатский тифсир: *Ашайк мінүб ол ўшайк қашаңді... Абдулла бурнін тутді* 'Сел на осла, а тот осел зачесался... Абдулла (же) зажал нос' [Боровков 1963, 206]; узб. *Хўжа Абдуллодек кўрна-маҳни жазога торткумиздир, бунга зарра шубҳа килмангиз* (Ойбек, 77) 'Мы должны привлечь к ответственности такого неблагодарного, как Ходжа Абдулла, в том ни капли не сомневайтесь'.

Роль связующего средства могут выполнять и аффиксы принадлежности во втором сочиненном предложении, ср. Кюль-Тегин: *Алтун, күмүш, ісіті, кугай бұңсыз анча бірір табғач будун сабы сүчіг ағысы юымшак ёрміс* 'У народа Табгач, дающего нам без ограничения столько золота, серебра, спирта (или зерна) и шелка, (всегда) была речь сладкая, а драгоценности мягкие (т.е. роскошные, изнеживающие)' [Малов 1951, 28, 34].

Противительное значение, значение противопоставленности двух действий нередко создается благодаря лексико-грамматическому параллелизму. Этот тип бессоюзных сложных предложений особенно характерен для фольклорного жанра: аз. *Алим олмаг асандыр, адам олмаг өзетин* (Атапар сезуу, 33) 'Ученым быть легко, (а) человеком трудно'; ккалп. *Аттың жақсысы жаўмыты, тонның жақсысы маўмыты* 'Лучшая из лошадей – йомудская, лучшая из шуб – суконная' [ККРСл. 1985, 865]; кирг. *Киши жаманы кирип чыккыча билинет, өз жаманы өлгөнчө билинбейт* (погов.) 'Чужая пакость сразу видна, а своя до смерти не видна' [КРСл. 1965, 134].

В рамках примыкаемых простых предложений могут быть переданы не только сочинительные, но и подчинительные отношения.

Наиболее часты случаи (как в памятниках, так и в современных тюркских языках), когда в рамках примыкаемых двух предложений передаются объектные отношения. Правда, иногда такой структурный тип является результатом эллипсиса. Ср. аз. *Сөз вермишәм, муаллим жәтирдәнәжәм!* (Ибраһимов 1966, 22) 'Я дал слово, что привезу учителя'; *Мән билирдим о динч отурмаямагдыр* (Чаббарлы, 44) 'Я знала, он не усидит спокойно'; гаг. *Хырыз гөрмүш, геләр бір адам ардына* [Мошков 1904, 25] 'Вор увидел, идет сзади человек'; тат. *Узең беләсәң ат кебек эшләдем мин* (Гази, 72) 'Сам знаешь, как лошадь, работал я'; туркм. *Горкарам, яр бизи чыкарап ятдан* 'Я боюсь, что возлюбленная забудет нас' [Поцелуевский 1943, 86]; хорезмский памятник XIV в.: *Көрармэн бір йәрли көкли арасында бир улуг таҳт урулмыш* 'Вижу, (что) между землей и небом был построен величественный трон' [Фазылов, 1966, 566].

В тюркских языках чужая речь нередко включается непосредственно после вводящего ее глагола речи путем простого к нему примыкания. Ср. аз. *Чох хәниш эдирам, мәним ихтиярыма верилмиш бу отағы бу дәгигә тәрк эдин* (Меңди 1954, 359) 'Я очень прошу, сию же минуту освободить эту комнату, отданную в мое распоряжение'.

Определительные отношения: аз. *Арвад вар, эв тикәр, арвад вар эв ыйхар* (Атапар сөзу, 32) 'Есть женщина, (которая) дом строит, есть женщина, (которая) дом разрушает'; Среднеазиатский тифсир XII–XIII вв.: *бір түн бәрді мің айдін, јерәк турур* 'дал одну ночь, (которая) лучше тысячи мещев' [Боровков 1963, 224].

Временное соотношение действий: тат. *Кояш урман артына яшеренде, мин авылга килдем* (Юлтый, 107) 'Солнце скрылось за лесом, я приехал в деревню'; *Караңғы төште, ут кабыздылар* (Фаттах 1967, 38) 'Наступила темнота, зажгли огонь'; древнетюркские памятники Киргизии XIII–XIV вв.: *Күштәнч алаймта унданы сы болды, түркчә јыл лу арүрјашының саны отуз сәкіз болур* 'Девушке Күштәнч случилась смерть – (когда) по-туркски был год Дракона, число возраста ее было 38' [Малов 1959, 76, 77].

Значение временного соотношения двух действий нередко достигается и лексическими средствами – использованием в первом предложении слов с временным значением. Ср. узб. *Тулки уйда ўзининг ва лайлакнинг болаларига қараб ўтираверибди, орадан беш кун ўтибди, олти кун ўтибди, лайлакдан дарак бўлмабди* (ЎЭ 40) 'Лиса в доме присматривала за своими детьми и за детьми аиста, между тем прошло пять дней, шесть дней прошло, не было известия от аиста'; аз. *Іај җаләр, онда биләр, яхшылдыр, я пис* (Ибраһимов 1966, 66) 'Придет лето, тогда узнает, хорошо или плохо'; гаг. *Олду ики гүн хем ики гәжә титирерим бурда* (Буджактан, 127) 'Вот уже два дня и две ночи как я здесь брожу'; Среднеазиатский тифсир: *jeti јыл турур біз тарліқ қатіелік іңіндә турурбіз* 'Уже семь лет мы живем в нужде и тягости' [Боровков 1963, 204].

Причинно-следственные отношения: каз. *Құнанбай бул жеріне дауласкан жоқ, түсінді* (Әуэзов, 167) 'Кунанбай не стал спорить по этому вопросу, он понял'; кирг. *Асан мектепке келбеди, ал сооруп калган* 'Асан в школу не пришел. Он заболел' [Сартбаев 1953, 16]; тув. *Чуу дээр боор, ооңуу шын!* 'Ничего не скажешь. Он прав' [ТРСл. 1955, 721].

условно-уступительные отношения: ног. *Айтарман – меннен көтөр* 'Скажу – от меня уйдут' [Баскаков 1940, 167].

Подчинительный характер отношений между двумя примыкаемыми предложениями может создаваться и лексико-структурными средствами: 1) использованием анафорических местоимений и слов, являющихся как бы заместителями союзной связи (наиболее архаичный способ); ср. Историю пророков Рабгузия:

اول يردا بير تورلوك خلق بار ايردى

اولا رىن مولى عزوجل قران ايچىنده موعتىكەت تىدى

'В этой стране проживал разный народ, который бог – он поченен и высок – в Коране назвал "мутфакат"' [Малов 1951, 325, 333]; 2) использованием соотносительных слов в первом предложении, которые могут предполагать опущенный союз во втором: аз. *Ак элә биләр, һамы амдыр* (Аталаң сөзү, 41) 'голодный так думает, (что) все голодны'; тат. *Яулыкны ул шундый матур итеп чиккән, ача карап торган кеше мәхәббәтнең кайнар сулышын тойган* (Дәули 1962, 50) 'Она так красиво расшивала платок, что человек, смотрящий на нее, чувствовал горячее дыхание любви'.

В процессе развития синтаксической структуры язык изыскивает и другие средства для передачи подчинительных значений. Для передачи атрибутивных отношений используются аффиксы принадлежности. Ср. Кутадгу билиг (наманганс.) : *Aði jaþþu áttu's till könlü tüz* 'Очень хорошо сказал тот, язык и сердце которого правильны' [Малов 1951, 251, 276].

Для создания значения направленности действия используются формы повелительного, желательного, условного наклонений: гаг. *Нечин сän брактын бени кöпеклär параласыннар* (Карабобан, 11) 'Зачем ты меня оставил, (чтобы) собаки растерзали (на растерзание собакам)'; памятники Монголии VII–VIII вв.: *Kärräk ärdi, sän ta тину uqsa sän* 'Нужно, чтобы и ты все это понял' [Малов 1959, 264].

Для выражения временного соотношения действий используются временные формы в соответствующем сочетании положительного и отрицательного аспектов: аз. *Налэ мәктәбдә дәрс гүртартмамышыды, район мәркәзиндән колхоза адам җалдийини Тәрланы хәбәр вердиләр* (Меңди 1954, 114) 'Еще не закончились в школе занятия, (как) Тарлану сообщили, что из районного центра приехал человек'; узб. *Kўп ўтмади, уерилар шаҳарга кириб келдилар* (ЎЭ, 196) 'Не прошло много времени, как воры вошли в город и проникли в сад, находящийся за дворцом' и т.д.

В фольклорном жанре всех тюркских языков, а также в памятниках, отражающих разговорную речь, сохранилось немало случаев, когда различные подчинительные отношения (временное соотношение действий, их обусловленный характер и т.п.) передаются средствами лексико-грамматического параллелизма: аз. *Адамын үзүнә баҳарлар, һалыны хәбәр аларлар* (Аталаң сөзү, 25) 'Когда смотрят человеку в лицо, узнают о его состоянии'; тув. *Ада өлүр, оглу артар, айт өлүр бағлаажы артар* 'Отец умрет – сын останется, конь падет – коновязь останется'.

Бессоюзная связь предложений, при которой сочинение и подчинение различаются менее четко, считается более архаичной. Правда, отсутствие союза может быть результатом, как уже отмечалось, опущения (эллипсиса) союза.

Мы разделяем общепринятое в истории лингвистической литературы

положение о том, что подчинение предложений (гипотаксис) развилось на основе сочинения (паратаксиса) предложений. Очень удачно это положение сформулировал Я.А. Спринчак применительно к материалу русского языка: "Исторический синтаксис сложного предложения исходит из гипотезы, что в древнейшую эпоху развития языка существовали первоначально только независимые простые предложения, а затем развивались сочетания предложений для выражения все усложняющейся мысли, причем раньше существовало объединение равноправных предикативных единиц-предложений, а затем на основе сочинения развивалось подчинение предложений" [1964, 7]. На примыкание, как основной способ связи, свойственный индоевропейскому синтаксису, неоднократно указывал А. Мейе. В.М. Жирмунский, характеризуя синтаксис немецкого языка в историческом освещении, отмечает, что "дифференциация и усложнение системы подчинения есть явление относительно позднее", и ссылается на материал крестьянских диалектов, которые сохранили более архаический тип синтаксических отношений: во многих случаях логические отношения между предложениями остаются невыраженными и наблюдается простое сопоставление предложений там, где мы ожидали бы встретить логическое и грамматическое подчинение или более сложную форму сочинения [1956, 66].

Подчинительные связи в тюркских языках выражаются преимущественно логически, располагая скучными средствами своего грамматического выражения (аффиксы принадлежности, соотносительное употребление временных форм, форм косвенных наклонений и т.д.). Однако поскольку в языке существует тенденция к грамматическому совершенствованию — к созданию для соответствующих значений специальных грамматических показателей, в тюркских языках появляется способ так называемой трансформации, т.е. преобразования самостоятельного предложения в подчинительное.

ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ

Каковы же доказательства того, что зависимые трансформы в тюркских языках представляли некогда самостоятельные предложения?

1. Наличие двух самостоятельных грамматически выраженных подлежащих (первоначально соединялись два самостоятельных простых предложения).

2. В историческом развитии сложного предложения в тюркских языках можно выделить период неполной трансформации, когда грамматическая целостность сказуемого сохраняется, но трансформируются вспомогательные средства, которые сообщают конструкции подчинительное значение.

1) Трансформируется вспомогательное средство — глагол *ол-/бол-*, которое, сообщая конструкции необходимое подчинительное значение, сохраняет грамматическую независимость сказуемого, именного и глагольного (с сохранением у последнего его временного значения); трансформант *ол-/бол-*, принимая именные свойства, может находиться с субъектом действия в изафетной атракции: ккалп. *Оның не айтпақшы болғанын Салай уста түсиніп* (Қайышбергенов, 93) 'Салай-уста задумался, — что же он намеревается сказать'; тур. *Başımı kaldırınca, önlükte senelerden beri aynı intizamla yanarı kandilimin sönmüş olduğunu gördüm* (Sabahattin 1966, 96) 'Как

только я поднял голову, я увидел, что лампа (светильник) моя, горевшая, как обычно в течение многих лет, погасла'; узб. *Бу ишнинг бутун даҳшати ўша иши қузда бодавлат бир хонадондан совчи келадиган бўлганда билинди* (Қаҳҳор) 'Весь ужас этого дела обнаружился тогда, когда в том же году осенью стали ходить (хаживать) сваты из одной богатой семьи'.

2) Трансформируются слова *бар*, *йок*: памятники Монголии и Киргизии – *Ол кан юк болтуқда қаңсаң әй жітміс ыңғынымыс* 'Затем, когда этого хана не стало, народ (наш) погиб, рассеялся и разбежался' [Малов 1959, 8, 9].

3) В большинстве тюркских языков широко используется вспомогательное слово *да-*, которое, трансформируясь, вносит различные подчинительные значения и предохраняет сказуемое от грамматических изменений:

трансформант *деген* вводит придаточные определительные предложения: каз. "Біреуге ор қазба өзің түсерсің" *деген мақал бар* (КЕ, 430) 'Не рой могилу другому, сам в нее попадешь – есть такая пословица'; узб. *Бизнинг русларда "Еши кучи танада, кекса кучи мияда"* *деган нақл бор* (Чашмалар, 101) 'У нас, русских, есть предание (изречение) – молодые силы в теле, старые силы в мозгу'; в южных тюркских языках эту функцию выполняет *діјен*: туркм. "Дүзгүн нызамы долы бергәй этмели" *діжен сөзлер бригада-ның баш шыгары болды* (Маммадов, 61) 'Слова "полностью соблюсти дисциплину" стали главным лозунгом бригады';

трансформант *деген* вводит объектные придаточные предложения: каз. "Күндестің құлі күндес" *дегенді сен білмейаққой* (Дүэзов, 163) 'Ты не знаешь разве, что у соперниц и зола в очагах соперничает'; узб. *Адолат опанинг "хаммамиз неварангиз баҳтини ўйлаймиз"* *деганлари ёдига келиб, күнгли оптоқ, тонга киби ёришиди* (Чашмалар, 30) 'Она вспомнила слова Адолат-опа: "Мы все думаем о счастье ваших внуков", – и сердце ее озарилось словно яркая утренняя заря';

трансформант *деген* вводит придаточные предложения обстоятельственные: уйг. *Рәһмити боваң түген, алтә ай болди дәғәндана, үруклар, йәңидин чәчәкләшкә башлиғандан түгүливедиң* (Босақов, 43) 'Спустя шесть месяцев после смерти своего деда, когда урюк заново зацвел, ты родился'.

4) Оформление прямой речи в тюркских языках свидетельствует о развитии сложного предложения на базе примыкания двух простых предложений; слово *деб/деп* нередко ставится как чисто формальный элемент, вместо кавычек, и сохраняет грамматическую целостность чужой речи в ее прямой передаче; ср. тат. *Кем бу?* – *дип уйланды Зина һам шикле кешенең немец офицеры формасында булуын күргәч, ирексез кесәсенә тыгылды* (Расих 1954, 73) 'Кто это? – подумала Зина и, увидев, что подозрительный человек был в форме немецкого офицера, невольно схватилась за карман'. Развитие служебной функции слова *деб* происходит одновременно с развитием в тюркских языках сложноподчиненного предложения. Абстрагируясь от конкретного своего значения глагола речи, *деп* уже как служебный элемент осуществляет подчинение, предохраняя включаемое предложение от грамматической трансформации. Так, прямая речь становится придаточным изъяснительным предложением: тув. *Кара-оол хурал болур деп чугаалаан* 'Кара-оол сказал, что будет собрание' [ТРСл. 1955, 720]; хак. *Сибічекненъ Сибуейек ам даа чон аразында чуржапчалар тиң чоох-тасчадырлар апсахтар* (ХЧН, 17) 'Старики рассказывают, что будто бы Сибичек и Сибдейек до сих пор где-то среди народа живут'.

На базе примыкаемой прямой речи с использованием служебного элемента *деп* во всех тюркских языках продуктивно развиваются придаточные предложения цели. В них особенно наглядно сохранение в придаточных всех грамматических форм самостоятельного предложения. Ср. шир. *Анъайып* – *деп*, тага шыктым 'Я поднялся на гору, чтобы поохотиться (говоря, да стану-ка я охотиться, я на гору поднялся)' [Дыренкова 1941, 302].

5) Трансформант – деепричастная форма на *-эли/-эли* от того же корневого глагола: тур. *Vapura girdi gireli bir kere bile karnı doymaşıdı* (Sabahattin 1966, 109) 'С тех пор, как он сел на пароход, он ни разу не был сыт'.

6) В примыкаемом логически зависимом предложении при сказуемом в одной из форм изъявительного наклонения употребляется отрицательная форма от того же глагола; ср. узб. *Oрадан икки ҳафта ўтар-ўтмас, отамнинг аҳволи жуда оғирлашди* (Чашмалар, 69) 'Не прошло и двух недель, как состояние отца сильно ухудшилось'; туркм. *Сәхелче вагт гечип – гечмәнкэ, деңzin, йүзүндө гериш – гериш толкунлар пейда болды* (Мәммәдов, 57) 'Не прошло и немного времени, как на море появились гребни волн'.

7) Трансформируется именное сказуемое. Слова *бар/йок*, субстантивируясь, принимают аффиксы принадлежности, падежные аффиксы вступают с субъектом действия в изафетные отношения:

бар/йок + (-лыг) + аффикс принадлежности + вин. падеж: кум. *Булар мени барымы билшіп гелмегини ачық зат* (Ягияев, 138) 'Ясное дело, что они не придут, зная, что я есть (присутствую)'; тат. *Аның кесәсендә акча барлыгын Ислам да бик яхши белә иде* (Фәттах 1966, 7) 'Ислам очень хорошо знал, что у него в кармане есть деньги'; чув. *Тарым шухаша путна Мишиша урамра мён пурри չуккine асăрхамасăр тенĕ пек, ерипен килнеле утрë* (Талвир 1954, 113) 'Погруженный в глубокие думы Миша медленно шел по направлению к своему дому, будто не замечал того, что происходит на улице';

бар/йок + (аффикс принадлежности) + дат.-напр. падеж: лоби. *Огул јокко, оғул болғолу, келдім қызы јокко, қызы болғолу келдім* 'У кого нет сына, я пришел быть сыном, а у кого нет дочери, я пришел быть дочерью' [Малов 1956, 27, 28];

бар/йок + местн. падеж: тув. *Хат чокта сиғен бажы шимчевес* 'Без ветра и травы не колышется' (Тыва домак., 44, 45); хак. *Адазы чохта оол настых, ічезі чохта хыч настых* [ХРСл. 1953, 146] 'Когда нет отца, сын – глава, когда нет матери, дочь – глава'.

Трансформант *бар/йок*, принимая показатель *-ган*, образует определяющую конструкцию: сал. *Саңа ара јоұттаған рәла* 'Ты ребенок, у которого нет отца' [Тенишев, 1964, 14].

Отношения между двумя примыкаемыми предложениями, одно из которых в качестве сказуемых имеет слова *бар/йок*, могут быть оформлены по 3-му типу изафета. Ср. башк. *Эше юктың аши юк, эше барзың аши бар* 'У того, у кого нет работы, нет и еды, у кого есть работа, есть и еда' [Дмитриев 1948, 255].

8) Трансформируется недостаточный глагол-связка *е-/и-* + *ган* + (аффикс принадлежности) + вин. падеж: каз. *Ертең тагы балық керек екенін білсе де, ауын басқа жерге аударып салуга асықты* (Нұрпеисов, 9) 'Хотя

знал, что завтра еще нужна рыба, он спешил поставить сетку в другое место'; кирг. *Врачтар оорунун сырьы эмнеде экенин ошондо гана билиши* (Каимов, 139) 'Врачи только тогда узнали, в чем секрет болезни'; чув. *Ача чухне манын җав сарт җине хәпарса ун леш енче мөн иккенне пёлес килемчэ* (Алендей, 11) 'В детстве мне хотелось, взбравшись на этот холм, узнать, что находится на другой стороне'.

Трансформант *с-/и- + -ган + -лыг +* (аффикс принадлежности) + вин. падеж.: *ккалы*. *Ол екенлигин билгемидим* 'Я не знаю, что это был он' [ККРСЛ. 1958, 188]; узб. *У эрининг ўқишига қарши эканлигини фаҳмлади* (Шукурев, 7) 'Она понимала, что ее муж против учебы'.

Трансформант *ä(p)- + -дук +* аффикс принадлежности + вин. падеж. Ср. Кутадгу билиг: *'اي تولدى اوزى دولت ايردوکين ايور'* (Глава) говорит о том, что Ай-Толды сам есть счастье' [Малов, 1951, 225, 229].

Трансформант *ä(p)- + -мыш +* аффикс принадлежности + вин. падеж. Ср. Среднеазиатский тифсир: *Märjäm билди ärcä ol färiştä ärmışını adämi ärmäsc köñli amruldi* 'Когда Марьям узнала, что то был, оказывается, ангел, не человек, (то) сердце ее успокоилось' [Боровков 1963, 51].

Трансформант *э-* в отрицательном аспекте: *эмас + -лыг +* аффикс принадлежности + вин. падеж: кирг. *Балдар аның сөзүнен сборго чогулганда кандай тартип таалым сакталса, саякката да ошондой тартип менен жүрүш керек экенин, отряддан уруксатсыз бир кадам жылыш мүмкүн эместикин угушту* (Назир, 25) 'Ребята услышали с его слов, что в походе надо соблюдать такую дисциплину, которую соблюдают во время сбора, что нельзя отходить от отряда ни на шаг'; узб. *Мирзо Едгорнинг шавкати мустаҳкам эмаслигини тасвирлади* (Ойбек, 91) 'Он дал понять, что слава Мирзы Едгоро непрочна'.

Трансформант *дейил + -лыг +* аффикс принадлежности + вин. падеж: туркм. *Йөне вели энтек обадан чыкып гитжек далдигими айтдым* [Сарыханов 1951, 10] 'Однако я сказал, что пока я не уезжаю из деревни'.

3. В истории развития сложного предложения имеются факты, когда на подчинительный характер одного из двух прымыкаемых предложений (как именных, так и глагольных) указывают служебные слова при сказуемом. Выступая как бы заместителями союзной связи, они сохраняют грамматическую самостоятельность сказуемого.

1) Именное предложение со сказуемым *бар/йок +* служебное слово:

бар/йок + учун; ср. памятник енисейск.: *Тонларым äр атым jok ўчүн jätü ашнукы ашым ташру ätilti* 'Мои лагери; так как не было (сначала) у меня геройского имени, то семь передовых моих дел были совершены в заграничных боях (вне)' [Малов 1952, 73, 74]; чув. *Представитель չук тирки съезд сүтсе явнä пэрремеш ыйтупа ял Совет председателë Шишкина тухса калаçрë* (Ухли 1956, 41) 'Так как представителя не было, по первому вопросу, обсуждавшемуся на съезде, выступила председатель Совета Шишкина':

бар/йок + сактарза: башк. *Гариф өйзэ юк сактарза ул Вахит менән кунак өйенә сыға* (Хайри, 53) 'Когда Гарифа нет дома, он с Вахитом переходит в дом гостя'.

2) Глагольное предложение + служебное слово:

verbum finitum + гиби: тур. *Ve ikimiz de esrarlı bir musikiye uyuymuşuz*

gibi ağır ağır sallamıyorduk (Sabahattin 1966, 105) 'И мы медленно раскачивались, словно мы засыпали под таинственную музыку';

verbum finitum + ичин: тур. *Bana acıyan kıracular iş bulabilmem için elbirlikle beni giydirip kuşandırmaga karar vermişler* (Nesin 1962, 40) 'Так как я не мог подыскать работу, жалеющие меня жильцы решили коллективно меня приодеть';

verbum finitum + ялы: туркм. *Багшы өзүнүң гызып барышына йүргегине ве дутарына сыйдырып билмәдик ялы, шейле бир бенди гаты сес билен айдып гойберди* (Сарыханов 1961, 13) 'По мере того как Багшы все больше и больше разгорался, он пронел громким голосом такую строфи, точно она не вмещалась ни в его дутар, ни в его сердце';

verbum finitum + тағ/дек: уйг. *Яш чоканиң گөзәл үзини ач көз жигитләрниң яман көзидин – йошуруң чүмпәрдиңдәк, бу асман گөзәллирини қара булут тосавалған* (Босақов, 34) 'Подобно тому как красивое лицо молодой замужней женщины скрывается от дурного взора (взгляда) жадных молодых людей, (так и) красоты этого неба были закрыты черной тучей'.

Процесс образования сложного предложения этого типа облегчается тем, что модель *verbum finitum* в сочетании со служебным словом существовала уже в рамках простого предложения (ср. тур. *Kızın dili tutulmuş gibiydi* (Cumh.) 'Словно язык у девушки был скован').

4. Наблюдаются факты грамматического перерождения связки, вспомогательного слова: при трансформации они, сохраняя независимость основного сказуемого, придают разнообразные подчинительные значения:

бар/йок + ёркән, икан: тат. *Интәшләрдә татулык юк икән аларның эше уңайга бармас* 'Когда в товарицах согласия нет, на лад их дело не пойдет' [Газизов 1952, 215]; памятники древнетюркской письменности: *jir t(ä)juj joγ* (чит. *joq*) *ärkän* 'Когда еще не было земли и неба' [Малов 1951, 118, 122];

verbum finitum + ärsär – памятники христианского содержания XIII в.: *Qaçan ol moyočlar Bidilx ut-qa tägdi-lär ärsär, ol jultuz täbrämädin ūk turdy* 'Лишь только те волхвы достигли Вифлиема, звезда эта не двигалась и остановилась' [Малов 1951, 134] ;

verbum finitum + болсо: алт. *Je, кудай берген болзо, Кудайга берү́ эт 'Ну, коль бог нам дал, сделай богу жертвоприношение'* (Алтын-бизе, 15) и т.д.

5. В примыкаемом логически зависимом предложении при сказуемом в одной из форм изъявительного наклонения употребляется вопросительная частица *мы/ми/му/му*, передающая отношения временной соотнесенности действий. Ср. узб. *Ғазабимдан Илҳомжоннинг кўлини қаттиқроқ қисдимми у ўиёлагудай бўлиб* (Чашмалар, 84) 'Когда я от возмущения крепко сжала руку Илҳомжон, она готова была расплакаться'; уйг. *Кабина ичи иссип кэттиму һамминин нәпәси, егерлишип, тени қизиди* (Төхтәмов, 42) 'Когда кабина прогрелась, дыхание у всех стало тяжелым, тела разогрелись'.

В дотрансформном состоянии способ примыкания поддерживался системой частиц, которые хронологически относились к довольно раннему периоду пражзыкового состояния. Частицы союзного порядка предохраняют сказуемое зависимого предложения от трансформации. Постпозиция частиц союзного порядка – явление не случайное в структуре тюркских

языков, а обусловленное прежде всего давлением своей системы (давление системы сказалось и в развитии в ряде тюркских языков постпозитивных союзов — ср., казалось бы, неестественное положение союза *ки*, составляющего с главным предложением в азербайджанском языке единую ритмико-сintагматическую единицу; в данном случае наглядна контаминация внешних и внутренних факторов в развитии синтаксической структуры, см. об этом подробнее в гл. IV). Ср. ккалп. *Үйдиң ишинде от сөнді де, ол қаранғы болғанын көрді* 'Он увидел, что стало темно, как только внутри дома погас огонь' [ККРСл. 1958, 866]; тат. (миш. диал.) *Халын алдырымады тәк әшләмәгидән* — лит. *Халыңан кilməsə* 'Если положение не позволяет, так не нужно было тебе и делать' [Шакирова 1949, 144].

Частица *да/де* соответствует частице *дак* в русском языке; ср. северные говоры (Архангельская область): *Иди, пошел дак.* В коми-зырянском языке ей соответствует частица *кö*: *Босът, босътин-кö* 'Возьми, взял дак'.

6. В прымыкаемом логически зависимом предложении сказуемое, сохраняя основные грамматические признаки глагола-предиката — времени, лица и числа, вместе с тем принимает падежные аффиксы, устанавливающие относительную связь с главным предложением. Таким образом, мы фиксируем намечающийся процесс трансформации. Это случаи так называемой конверсии, когда *verbum finitum* превращается в глагольное имя. Подобное явление хронологически более позднее. Оно предполагает развитую систему не только *verbum finitum*, но и отглагольных имен. Трансформация может затрагивать систему как настоящих, так и прошедших времен глагола.

Трансформация форм наст. времени Ср. туркм. *Хабар этмелими я да ёк?* (Маммадов, 67) 'Сообщать мне или нет': *Сениң бу этмәңдиң мен дәл, эмма өзүн билен биле шилейән әхли жораларың хем язгаряялар* (Там же, 78) '(А) то, что твой поступок не только я, но и все работающие с тобой твои подруги осуждают'; тур. ... *enıştem geldi, akşama misafirlige geleceklerini söyledi ve sana bildirmemi tembih etti* (Nasreddin, 15) '... приходил мой зять, сказал, что вечером они придут в гости, и рекомендовал мне не сообщать тебе'; каз. *Жалғыз-ақ* 'не қылайны?' жоқ қой (Әзизов, 174) 'Только не говорите "что смогу сделать?"'

Трансформация формы прош. категорического на -ды: аз. ...*сәнниң да калмәйин*. *лан шаһ қәлдисина дәнди ки, — деди, — нийә белә кешикдин?* (Меңди 1954, 8) '... а твой приезд прямо-таки превратился в приезд шаха, — сказал он, — почему ты так опоздал?'; кбалк. *Бир да хошкелдиге киши келмейди* 'И никто не идет приветствовать' [МБД 1962, 67]; кирг. *Тойдун болот-болдусу менен меймандын кели кеттиси кызык болгондой, чоң иштин да башталышы взунчө бир кызык* (Рашидов 1961, 18) 'Как начало и конец тоя и приход и уход гостей, так и начало больших дел по-своему интересно'; кум. *Магъя сююнчюю хош гелдингни берединг* (Акавов, 16) 'Ты мне сердечно ответил: добро пожаловать'.

В туркменском языке субстантивация личной формы на -ды возможна и без падежного оформления: *Ондан гөрдим билдим болмады* 'От него нет ни слуха, ни духа'.

Трансформация формы прош. времени на -ган: ккалп. *Кеште Төребай-дың өзи келмегенлерди анықлат шықты* (Қайыпбергенов, 28) 'Вечером стало совершенно очевидно, что сам Тёреый не пришел'; *Бизиң үйди оқça тутып, Жумагұлдың кемпирин атып кеткенлерге ким жууап береди?* (Там же,

29) 'Наш дом попал под обстрел; за то, что Джумагюль бросила старуху и уехала, кто отвечает?'; кум. *Бюгюн ахшам ондан къачып гелегенлени гёрдюм* (Ягыяев, 10) 'Сегодня вечером я видел, что они прибежали от него'; шор. *Пöрүбе кой пир шуланда чатканнарын кайданъ кöрдинъ* 'Где ты видел, чтобы волки и овцы жили в одном дворе' [Дыренкова 1941, 291].

Трансформация формы прош. времени на -мыш – Золотой блеск: *Nan* (*bu kişf*) *b(a)lgülüg utquraq tüsňä tägmiš lärin iti körtüküm joq ärti* 'Но я ясно не видел совсем, чтобы такие люди подвергались явному и естественному возмездию' [Малов 1951, 155, 158].

7. В тюркских языках можно привести немало примеров (на материале как древних, так и современных языков) на такие структурные построения, в которых наглядны соотношения между двумя логически зависимыми предложениями, основанные на примыкании. Довольно распространены сложные построения, где первое примыкаемое выступает на правах определения. Предложение имеет именное сказуемое. Такого рода конструкция – одно из оснований для возможной трансформации. Относительная связь между двумя предложениями может быть выражена аффиксом принадлежности 3-го лица ед. числа, которым оформлен субъект действия зависимого предложения: чув. *Пуртё сивё сын сивёрен хäраса пирён патне выртма килтё* 'Человек, у которого изба холодная, из боязни холода пришел ночевать к нам' [Ашмарин 1903, 386]; Кюль-Тегин: *Häńçylsyz будунка олурмадым, jırä aysız, ташра тонсыз jaбыз jaблак будунта ўзä олуртым* 'Я отнюдь не сел (на царство) над народом, у которого внутри не было пиши, а снаружи – одежды, (над народом) жалким и низким' [Малов 1951, 31, 39].

Начальным этапом процесса трансформации была адьюстация – простое присоединение, приспособление без грамматического изменения. Путь адьюстации прослеживается в отношении как именных, так и глагольных предложений. Относительная связь между двумя предложениями может быть выражена аффиксом принадлежности 3-го лица при субъекте действия зависимого предложения. О древности способа примыкания двух ранее самостоятельных предложений и развитии на их базе сложноподчиненного предложения свидетельствуют следующие синтаксические построения в тюркских языках.

1) Конструкции с *бар* и *йок*, которые ставятся перед главным в качестве логического определения в соответствии с законным порядком слов "определение + определяемое". Ср. каз. *Барлық Шыңғыс сыртындағы уши-қыйыры жоқ ен өлке, кең сала, мол жайлау, қуйқалы адыр, қалын таулардан жүргө ағылды* (Эуззов, 42) 'На огромной территории Шыңғыса, которой нет конца и края, на широких отрогах, обильных джайлау, черноземных возвышенностях и среди сплошных гор скопились аулы'; туркм. *Илде йок һұнари билсин* 'Пусть узнает такое ремесло, какого нет в народе' (Туркм. сказки, 56); *Хиди йүқ, гул назаримда, ҳиссиз гүзалларга үшаб кетади* (Чашмалар, 50) 'Цветы, у которых нет запаха, с моей точки зрения, похожи на бессердечных красавиц'; Кюль-Тегин: *Ол амты аның юқ түрк қаган Отүқан жыс олурсар итә буң юқ* 'Если в Отюкэнской черни сидит тот тюркский каган, у которого нет теперешней порчи, то в племенном союзе нет стеснения' [Малов 1951, 49].

2) Именные предложения (в том числе и со связочными средствами

туур или ол-/бол-). Ср. Кутадгу билиг (наманганс.) *Axır tägdi Alik turur onduqa* 'Наконец, достиг он лагеря, где обитал Элик' [Малов 1951, 249, 274]; кбалк. *Коб эхциси болған бир къошха зетхенди* 'Пришел к одному кошу, где много было коз' [МБД 1962, 26, 28, 29]. Именное предложение может примыкать и на правах изъяснительного: узб. *Қиз ўзида йўқ севиниб, югуриб янгасининг олдига чиқиб: Кўёвингиз гапирдилар, суюнчи беринг, суюнчи! дебди* (ЎЭ, 120) 'Обрадовавшись, (что) девушка нет у себя, она пошла к жене старшего брата и сказала: ваш зять говорил — дайте подарок за радостную весть!'

В рамках примыкающих друг к другу двух самостоятельных простых предложений, передающих подчинительные отношения, и кроются условия для возможной трансформации одного из сказуемых, причем характерно, что при выражении изъяснительных отношений логически подчиненное сказуемое сохраняет еще грамматическую самостоятельность, оно еще не управляемо сказуемым главной части. Такого рода сложные предложения наглядно хранят следы структурной самостоятельности объединенных предложений. Следы этого мы находим не только в памятниках, но и в современных живых тюркских языках: аз. *Пис ишләйир дедин* 'Ты сказал, (что) он плохо работает' (Ибраһимов 1966, 32); каз. *Кеші - рімі мейірімі жоқ екенин* *Көкше неше жерде көрді білмеймін* (Дүэзов, 171) 'Я не знаю, сколько раз (в скольких случаях) видел Кокше, что он злопамятный'; кирг. *Кермекаштан айрылдыңыз деймин* (Каймов, 151) 'Я скажу, (что) вы расстались с Кермекеш'; тур. *Vi gese çok eğlencəgiz səniyorum* (*Reşat* 1958₂, 36) 'Я думаю, что мы сегодня вечером очень повеселились'.

Грамматическое сказуемое, грамматически не изменяясь на началах адьюстации, при соблюдении твердого порядка слов "определение + определяемое" образует и определительную конструкцию. Ср. алт. *Койлор, койлор слер тъегейтик тегенен көрүп салды* 'Овцы, овцы, я видела колючку, которую вы могли бы съесть' [Баскаков 1965, 28]; Гадательная книжка: *Turuq at sămrıti jırın örän jügürü barmuš* 'Тощая лошадь, вспомнив о месте, где она добрела, быстро побежала (туда)' [Малов 1951, 81, 86].

3) Модальные оптативные предложения, приобретшие позднее значение придаточных условных предложений. Ср. тур. *Bir haftacık Istanbula gelse de jüzünü görsem* (*Reşat* 1958₂, 11) 'Поехать бы мне на неделю в Стамбул и посмотреть бы на нее'. В данном случае удобной почвой для развития придаточного условного явилась природа самой формы на *-са*, содержащей элемент *-с*, который всегда связан с проекцией в будущее время.

УСЛОВИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

При сравнении типов построения предложений в тюркских языках с типами построения предложений в языках другого строя, можно легко заметить, что простое предложение в тюркских языках является господствующим. Можно без всякого преувеличения сказать, что простое предложение в тюркских языках стремится включить в себя все потенциально возможные придаточные предложения, создать такие заменители придаточных предложений, структура которых не противоречила бы правилам построения главного предложения. Правда, в некоторых современных тюркских языках, в особенности турецком, азербайджанском и гагауз-

ком, эта тенденция в известной мере ослаблена, но она была определяющей в ранних тюркских языках и продолжает действовать в абсолютном большинстве современных.

Некоторые русские типы придаточных предложений во многих тюркских языках не встречаются. Это прежде всего относится к определительным придаточным предложениям типа *Человек, который много читал, много знает*; *Комната, в которую я вошел, была очень тесная*. Не типичны для тюркских языков дополнительные придаточные предложения типа *Я знаю, что у тебя нет денег*, придаточные обстоятельства времени, например: *Когда наступала осень, в школах начались занятия* и т.д.

Во многом эти особенности объясняются типичным для тюркских языков порядком слов — "определение + определяемое". С точки зрения логики русские определительные придаточные предложения являются определениями. В предложении *Человек, который много читал, много знает* придаточное предложение, который много читал логически представляет определение, характеризующее данного человека. По этой причине оно заменяется в тюркских языках причастным оборотом, ср. тат. *Күп укыган кеше күп бөлә* 'Человек, который много читал, много знает' (букв. 'Много читавший человек много знает'). В тюркских языках сильна тенденция создавать определения там, где только это возможно. Деепричастие в известной степени также можно назвать определением, поскольку оно определяет действие основного глагола, ср. предложение типа: *Сидя ест, или Придя домой, я победил, или Копая огород, я сломал заступ*. Главное действие здесь характеризуется способом или временем его совершения. Этим объясняется начальное положение всех деепричастных конструкций в тюркских языках.

Положение определений в начале предложений, естественно, оттесняло личную форму глагола на конец предложения. Это обстоятельство хорошо объясняет одно типичное для тюркских языков явление, которое состоит в следующем. В том случае, когда в предложении несколько глагольных сказуемых, только последнее оформляется в окончательном виде, а все другие, относящиеся к нему, имеют форму деепричастий. Ср. приводимый Н.П. Дыренковой пример из алтайского языка: *Айлына дъедип, аттанъ түжүп, аттынъ зерин алып, адын агыдып, ўйге кирди* 'Он доехал до дома, слез с коня, расседлал его, коня отпустил (и) в дом вошел' [1940, 267].

Учитывая эту особенность, можно легко объяснить невозможность образования во многих тюркских языках дополнительных придаточных предложений, вводимых союзом 'что', типа *Я знаю, что он работал на Урале*. Здесь можно было бы создать два самостоятельных, но логически связанных предложения (*Я знаю. Он работал на Урале*) или создать конструкцию, совершенно непреемлемую для тюркских языков: *Я он на Урале работал знаю*. Закономерная тенденция сохранять только конечную личную глагольную форму и заставляет устраниТЬ личную глагольную форму потенциально возможного придаточного предложения 'что он работал на Урале'. Последнее превращается в развернутое дополнение на базе отпричастного имени, в которое превращается личная глагольная форма потенциально возможного придаточного предложения, ср. тат. *Аның Уралда эшләгәнен беләм* 'Я знаю, что он работал на Урале' (букв. 'Я его на Урале работу в прошлом знаю').

Первостепенной задачей историка синтаксиста является выяснение того, как исторически могли возникнуть все эти особенности.

С полной уверенностью можно констатировать, что состояние предложе-
ния как в индоевропейских, так и в тюркских языках на ранних этапах раз-
вития типологически было одинаковым. Господствовало простое предло-
жение. Однако в процессе усложнения простого предложения индоевропей-
ские и тюркские языки пошли разными путями. В индоевропейских язы-
ках появились средства присоединения одного простого предложения к
другому. Обычно таким средством являются союзы. Ср. рус. *Я знаю, что*
мой брат вчера получил деньги.

В тюркских языках усложнение простого предложения выразилось в
том, что из двух предложений создавалось одно. Логически подчиненное
предложение при этом подвергалось трансформации, или преобразованию.
Результат этой трансформации, так называемая зависимая трансформа, уже
не представляла собой предложения. Из двух предложений, таким образом,
получалось одно.

СУЩНОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЕЕ ПРИЧИНЫ

Трансформация — это процесс, когда одно предложение, которое в индо-
европейских языках (потенциально) может быть придаточным предложе-
нием, включается в состав другого предложения, которое логически явля-
ется главным. Трансформация возникла в тех условиях, когда усложняю-
щаяся человеческая мысль требовала создания какого-то более сложного
средства выражения. Выбор конкретных путей выражения сложной мысли
зависит от специфики данного языка или группы языков.

В тюркских языках определяющим в этом отношении фактором явился
стабильный порядок слов: определение — определяемое. Поэтому 1) любое
определение выдвигается на первый план, 2) необычайно увеличивается
роль деепричастия, 3) в предложении становится терпимой только одна
форма — *verbum finitum*, 4) увеличивается роль развернутых дополнений,
5) фактически устраняются придаточные предложения.

В тюркских языках становятся закономерными следующие способы
трансформации.

1. Превращение личной глагольной формы потенциально возможного
придаточного предложения в *причастие* для создания семантических
аналогов определенных придаточных предложений. Ср. туркм. *Говачаларың япраклары дүшер ерде дүшмеди* (Байра-
мов 1981, 24) 'Листья хлопка не падали на то место, где они должны были
упасть'; аз. *О башына қалған сөн әнвалаты, ушаглыг илләрини, муздурулуг*
этдийи қунлари хатырлады (Меңди 1954, 49) 'Он вспомнил, пришедшие
ему в голову последние события, детские годы и дни, когда он батрачил';
башк. *Уның улы бәзән мәктәптә уқыған қарт базареа киткән* [Дмитриев
1948, 252] 'Старик, сын которого учится в нашей деревне, поехал на базар';
тур. *Tetkikat uaran tühendisler yolun yarım milyona çikacakına söylemişler*
(Sabahattin 1966, 310) 'Производившие разведку инженеры говорили, что
дорога обойдется в полмиллиона'; тат. *Икөнчө бригада серәчек жиргә*
килеп тә життеләр 'Пришли к участку, где должна была пахать вторая бри-
гада' [Закиев 1963, 288]; чув. *Эпē пынă кун Енисей өнчен лăпкă çыл ачаши-*
шан в  рс   таратч   (Лазарева 1977, 101) 'В день, когда я приехала, со стороны
Енисея ласково дул тихий ветер'; каз. *Мақсұт келіп кірген болменің*

ішінде бірнеше столдар тур екен (Сарғасқаев, 38) 'В комнате, в которую вошел Максут, стояло несколько столов'; ккалп. *Хожанияз жүрген соқ-пақтан ол журмеүге тырысады* (Қайыпбергенов, 15) 'Он старается идти по дороге, по которой шел Ходжанияз'; кбалк. Да, ол мен айтхан къұулла жарлықъда, хар кимге жалғыза бара айланғадыла 'Ну, те крепостные, о которых я упоминал, в бедности и нужде жили, бродили, нанимаясь к каждому в батраки' [МБД 1962, 54, 55]; кирг. Айқызы да, 'Кадыров да жүрөгүндө бүк болгон пикирдин баарын айтышты (Рашидов 1961, 23) 'Айқызы и Кадыров выложили друг другу всю тоску, которая накопилась у них в душе'; кум. Сен гетген гюндөн сонг штабда ишлер бираз бузукъ болғын зди (Ягыяев, 14) 'Со дня, когда ты ушел, дела в штабе стали хуже'; ног. Азрет баяғы дамалар олтырган столдың касыннан озып, рестораннан шағып йөзнеди (Кенъ йоллар, 12) 'Азрет прошел около стола, где недавно сидели дамы, и вышел из ресторана'.

2. Превращение личной глагольной формы потенциально возможного придаточного предложения в от причастное имя для создания грамматических аналогов дополнительных придаточных предложений. В этих случаях от причастное имя обычно употребляется в вин. падеже. Ср. тат. Сугышың беткәнен ул хәзэр генә аңлады (Казан утлары) 'Только сейчас он понял, что кончилась война'; чув. Атте аста туранинне анне пёлнё иккен (Лазарева 1960, 43) 'Мать, оказывается, знала, где проживает отец'; ккалп. Оннан кеин малақайымның бир құлағының тәбелесте жулынғанын билдім (Аймурзаев, 125) 'После этого я узнал, что в драке от моей шапки оторвалось одно ухо'; узб. Шимолий Америка аҳолиси "торнадо" яқинлашиб келаётганини унинг даҳшатли шовқинидан билади (Мўминов, 91) 'Жители Северной Америки определяют (букв.: узнают) приближение торнадо по его ужасному шуму'; аз. Бу анда Ҳанларын қөндердий тәбииатчылардан ба'зилари Тәрланын ким олдуеууну аңлайиб, йолдашларыны да чаярыдылар (Меһди 1954, 163) 'В это время некоторые из послов, посланных Ханларом, поняли, кто такой Тарлан,, и позвали товарищей'; нала мәктәбда дәрс гурттармамышды, район марказындән колхоза адам жалдийини Тәрлана хәбәр вердиләр (Там же, 114) 'В школе еще не закончился урок, (когда) Тарлану сообщили, что из районного центра пришел человек'.

От причастные имена в тюркских языках широко используются для выражения временного соотношения действий.

В различных языках мира используются в основном два способа выражения разновременности действий. Первый, по-видимому наиболее древний, способ заключается в использовании значений местных падежей отглагольных имен существительных. Так, например, в ненецком языке форма отложительного падежа отглагольных имен служит для выражения зависимого действия, предшествующего по времени главному действию, а также зависимого действия, явившегося причиной главного действия, например: ям сабраба'махад хадахартани е' 'оттого что землю копала, когти у меня болят' (букв. 'от копания земли когти у меня болят').

Типологическое сходство представляет оборот *ablativus absolutus* в латинском языке, например: *Alexandro mortuo, legatos Tuyut misimus* 'Когда умер Александр (букв.: от Александра умершего), мы отправили послов в Тир'. Сходна с латинским абсолютная конструкция с ablativom в финском

языке: *Veljen palattua työstä menemte elokuviin* 'После того как брат возвратился с работы, мы пошли в кино' (*veljen palattua* 'от возвращения брата').

Средством выражения соотношения действий могут быть также послелоги. Значение японского послелога *kara* 'от' равно значению ablativa, и он может употребляться для этих целей, например: *Korera no tegami wo taipurata de utte kara watashi no tokoro e motte kite kudasai* (разг.) 'После того как вы отпечатаете эти письма, принесите их мне.'

Другим способом выражения соотношения действий является создание придаточных предложений, вводимых союзами.

Тюркские языки явно предпочитают первый способ. Формы местных падежей отпричастных имен и сочетания их с послелогами широко употребляются для выражения временного соотношения действий, что позволяет им часто обходиться без придаточных предложений, вводимых союзами: каз. *Ел өлтіргенге күн суралышы ең* (дүэзов, 42) 'Когда убивали джигита (храбреца), добавлялся же он выкупа'; кирг. *Сизди күткөнумга уч жыл болду* (Каимов, 148) 'Три года, как я жду вас'; узб. *Қишлоғимга бормаганимга роса бир ярим йил бўлди* (Яшин, 24) 'С тех пор, как я ездил в мой кишлак, прошло как раз три года'; тат. *Яңыры яуганга килә алмадым* [Жалай 1947, 131] 'Я не мог прийти, потому что пошел дождь'.

Особенно часто употребляется форма местн. падежа отпричастного имени, которая фактически превратилась в деепричастие. Ср. башк. *Сөгөт телдәре тейешле вакытты күрһәткәс, сигнал ракетаңы атылды* (Харби повестэр, 13) 'Когда стрелки показали нужное время, была запущена ракета'.

На субъект действия могут указывать притяжательные аффиксы. Ср. кирг. *Биз ошууга келип кеткенибизде, караңы тушуп калган эле* 'Когда мы подъехали к перевалу, было уже темно'; хак. *Ол парганин тұра чабини чабыс* (Бурнаков, 17) 'После того как он уехал, дом закрылся'; тат. *Ул уқығаннан миңа бер зарар да юк* [Газизов 1952, 222] 'До того, что он учится, мне никакого дела нет'; каз. *Біз үйден шыққаннан ол әңгімасін тоқтатқан жоқ* [Сауранбаев 1946, 25] 'Когда мы вышли из дома, он не прекращал свой рассказ'.

В тюркских языках отпричастное имя может встречаться в форме ныне уже исчезнувшего напр. падежа на -ча. Ср. тат. *Патроннары бәткәнче Искәндәр атыша* (Эпсәләмов 1953, 116) 'Искандер отстреливался, пока не кончились патроны'; каз. *Осылайша күн батқанша бұтақтың үстінде отырдым* (Сарғасқаков, 43) 'Так я сидел в кустах, пока не зашло солнце'; тур. *Ben hazırlar gelmeyince balığa çakamat* (Nesin 1958₂, 26) 'Пока не наступит июнь, я не могу поехать за рыбой'.

В роли отпричастных имен в тюркских языках могут выступать все причастия, ср. аз. *Байрам Мәшәдібәйин Петербургдан мүнәндислик охудугуну эшилмишиди* (Меңди 1953, 31) 'Он слышал, что Байрам Мешедибей в Петербурге учился на инженера'; тур. *Ben bitti okudukta şafakaldım* 'Когда я прочитал это, сильно удивился' [Кононов 1956, 400].

Особо выделяются сочетания отпричастных имен со служебными словами, обозначающими место и время: тат. *Син килгән вакытта ул өйдә булмаған* 'Его не было дома в то время, когда ты пришел' [Каримова 1954, 15]; узб. *Пиёда аскарлар ҳужум бошлаган вақтда, кутилган ҳодиса рўй берди*

(Каҳхор) 'Когда пехота начала наступление, произошло событие, которое ожидали' [Кононов 1960, 397]; тат. *Фашизм булган урында улем қотылғысыз* (Дәули 1959, 60) 'Там, где есть фашизм, смерть неизбежна'; ног. *Биз келген шакта балалар ак төсеклерде, ак яювлар ябынып уйқулайтаган эдилер* (Ленин йолы) 'Когда мы пришли, дети спали на белых подушках, покрытые белыми одеялами'; чув. *Ана салтака ёсатн чухне те ѝакан-пекех кёркүннеччे* (Ухли 1956, 7) 'Когда его провожали в солдаты, была такая же, как сейчас, осень'.

Служебные слова, по существу, выполняют те же функции, что и послелоги, сочетания которых с отрицательными именами имеют широкое распространение. Ср. тат. *Без засадага ятқаннан соң юл буйлап ялғыз фин утеп китә* (Әпсаләмов 1953, 114) 'После того как мы залегли в засаде, на дороге показался одинокий финн'; чув. *Занягисем пётнё хыçсанах, ачасем выляма пүçләрәç* 'После окончания занятий дети начали играть' [Дмитриев 1955, 113]; ккалп. *Айшолпан өлгөннен кеин Камекбай бзинг районымызга барды* (Аймурзаев, 184) 'После того как умер Айшолпан, Камекбай отправился в наш район'; аз. *Затән бурада кимсәнин сиз дүшүндүйнүз кими, арвады йохдур* (Чаббарлы 1954, 66) 'В сущности, как вы и полагаете, здесь ни у кого нет жены'; *Аниаг ер олмадығына гөрө Лачыны орая гәбул этмәдиләр* (Меңди 1954, 14) 'Поскольку не было места, они туда не приняли Лачына'.

3. Превращение потенциально возможных придаточных предложений в деепричастные конструкции. Ср. аз. *һәкимлә Бәйим шәһәрә гайыдаркән, клубда қөстәрилән бәдии фильмн иккинжи сеансы гуртармышды* (Мепди 1954, 233) 'Когда Хаким с Бейимом вернулись из города, в клубе закончился второй сеанс демонстрировавшегося там художественного фильма'; *Лачын атасынын көнә досту Гарапетин зэвнә җәләндә, аила узвлари бәйүк емәк столунун дөврәсина йығышыбы чай ичирдиләр* (Там же. 34) 'Когда они пришли в дом старого друга отца Лачына Карапета, члены семьи, собравшись вокруг большого обеденного стола, пили чай'; ккалп. *Мария Михайловна мал фермасына келгели, они балалар-да, жасы улken-жасы кишилер-де жақсы корип қалеан еди* (Аймурзаев, 151) 'С тех пор как Мария Михайловна пришла на ферму, к ней стали хорошо относиться (ее полюбили) и дети, и подростки, и взрослые'; тур. *Tren kalkarken çosuk gibi hüngür hüngür ağlıyordu* 'Когда отходил поезд, он плакал навзрыд, как ребенок' [Кононов 1956, 485]; узб. *Машина чайқалиб кетиб, Темиржоннинг кўзлари очилди* (Абдуллахонов, 34) 'Когда машина качнулась, у Темиржона открылись глаза'; чув. *Самолет ѕертен уйралсан, эпё аялала тайга ҹинелле пахса штём те Енисей шывёпе пёр майлай курс тытрам* (Пазарева 1977, 108) 'Когда самолет отделился от земли, я посмотрела вниз на тайгу и взяла удобный курс по Енисею'.

При исследовании деепричастных оборотов в тюркских языках необходимо проводить строгое различие между простыми деепричастными оборотами, не имеющими собственного подлежащего, и причастными оборотами, имеющими собственное подлежащее, так называемыми абсолютными деепричастными оборотами.

Простые деепричастные обороты отличаются тем, что выражаемое деепричастием действие осуществляется тем же субъектом, что и действие главного предложения. Ср. алт. *Ол күлümзүринип бис дъаар*

көрди 'Улыбаясь, он глядел в нашу сторону' [Дыренкова 1940, 133]; як. Сылкattan куотан Тулаға тиийбитэ [Чернов 1982, 63] 'Убежав из ссылки, оказался в Туле'; узб. Шофер капотини очиб, мотор ичини қовлаштириди (Абдуллахонов, 268) 'Открыл капот, шофер осмотрел внутренность мотора'; ног. Батей шиберекти алтып, куванышы кетти 'Батей, взяв тряпочку, радостная ушла' [ГНЯ 1973, 254]; тур. Немen bir aksat deгitmenin öпündekei meydanlukta toplanur ahenk yapiyorduk (Sabahattin 1966, 61) 'Часто вечером, собравшись на площадке перед мельницей, мы устраивали пирушки'; чув. Пукан хысё çине таянса ларса, вал пите пыллакан анасларё (Эсхель, 84) 'Откинувшись на спинку стула, она сладко зевнула'; аз. Мән jaңда үидди ишләјиб, бир аз пул јығым (Сарабски, 27) 'Серьезно поработав летом, я скопил немного денег'; кбалк. Ибрахим, малланы да сюрюп, юйге келди (Гуртуев, 17) 'Согнав скот, Ибрагим пришел домой'; уйт. Улар чай ичип олтуруп, узақ сөзләши (Босақов, 10) 'Когда пили чай, они долго разговаривали'; кбалк. Къонакъ терезе жанына олтуруп, орамдан кәзюн алмай (Залиханов, 67) 'Гость, присев к окну, не открывал глаз от улицы'; кирг. Түйүнчөк кысын Курман алдыга журду (Садыкбеков, 102) 'Зажав узелок, Курман шел вперед'.

В предложениях этого типа никогда не было трансформации. Деепричастные обороты образовывались обычным путем.

Абсолютные деепричастные обороты возникают тогда, когда устранение потенциально возможного придаточного предложения до конца не доходит. Потенциально возможное придаточное предложение сохраняет подлежащее. Преобразуется только его глагол. Ст. тат. Сузыш беткäч, ял итäрбез 'Когда война кончится, мы отдохнем' (Әпсәләмов 1955, 111). Здесь два подлежащих — 'война' и 'мы'. Деепричастие беткäч относится к своему подлежащему — сузыш 'война'.

Во многих тюркских языках подобные абсолютные деепричастные обороты встречаются довольно часто: каз. Кабинет есігі ашылып, Виктордың тулағасы көрінді (Дайырбаев, 69) 'Когда открылась дверь, показалась фигура Виктора'; башк. Улар коро-нары утынды санага тейәп, бәйләп беткәндә буран якыны үк көсәгәйне инде (Хайри, 30) 'Когда они погрузили на сани сухие дрова и привязали их, буран значительно усилился'; ккалп. Мен келгендө урок башланган эди [Дмитриев 1962, 391] 'Когда я пришел, урок начался'; аз. Сәмәд ятмаға һазырлашанда, Куляз да ичәри җирди (Меңди 1954, 29) 'Когда Самед собирался лечь спать, вошел Гуляз'; кирг. Арадан он төрг күн өткөнде Саадат, уйленгөн учунтой берди (Сыдыкбеков, 180) 'Когда прошло четырнадцать дней, Саадат устроил пир по случаю женитьбы'; кум. Сен сүйлегенде мен гъеч сёз айтмадым (Ягияев, 114) 'Когда ты выступал, я ни слова не говорил'; кирг. Конторага житәрәк, аның күзенә бер сәэр күренеш чагылды (Хасанов, 53) 'Когда он пришел в контору, в глаза ему бросилось (его внимание привлекло) одно странное явление'; Егетләр чыгып киткәч, наҗәр үзенә урын таба алмады (Там же, 107) 'Когда парни ушли, Хаджар не могла себе найти места'; башк. Поезд Ырымбур вокзалана килеп туктаес та, каршилаусы халык ташың, тузанлы вагондарзың ишектәренә ташланды (Хәрби повестәр, 30) 'Когда поезд остановился на оренбургском вокзале, людской поток встречающих бросился к дверям запыленных вагонов'.

Как уже говорилось выше, основным признаком абсолютного деепри-

частного оборота является наличие собственного подлежащего, которое не входит в сферу главного предложения. Деепричастие в таком обороте не связано с подлежащим главного предложения, поскольку последнее не является производителем действия, выраженного деепричастием. Деепричастный оборот просто примыкает к главному предложению.

Абсолютные деепричастные обороты в тюркских языках являются главным средством устранения потенциально возможных сложноподчиненных придаточных предложений.

ЗАВИСИМЫЕ ТРАНСФОРМЫ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Прежде чем перейти к изложению раздела о зависимых трансформах в тюркских языках, считаем необходимым ознакомить читателя с приемами, приемами нами терминами и порядком изложения.

Потенциально возможное придаточное предложение – это предложение, которое в языках другого строя, например русском, могло бы соответствовать придаточным предложениям.

Потенциальное подлежащее – подлежащее потенциально возможного придаточного предложения.

Потенциальное сказуемое – сказуемое потенциально возможного придаточного предложения.

Зависимая трансформа – результат преобразования потенциально возможного придаточного предложения.

Трансформант – средство преобразования потенциально возможного придаточного предложения в зависимую трансформу.

При описании трансформы указывается трансформант и его дериваты – функции трансформанта и каждого его деривата. В конце описания дается история трансформанта.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ НА -ГАН

Причастие на -ган способно образовывать причастные конструкции, которые могут служить средством преобразования потенциально возможных определительных придаточных предложений. Ср. башк. *Хамза иәшәгән ауыл Иҗелдән бейек ярында инә* (Хайри, 61) 'Деревня, в которой жил Хамза, была на высоком берегу Волги'; тат. *Элбәттә, фашистлар аларны хөрмә үскән Испанияга туган илләренә тугел, төрмәгә алып баралар иде* (Дәүли 1959, 61) 'Конечно, фашисты их отправили не в Испанию, где растут финики, не на родину, а в тюрьму'; узб. *Алишер яшаган уйдан тантаналы рух ҳукм сурарды* (Ойбек, 29) 'В доме, в котором жил Алишер, царило торжественное настроение (дух)'; кум. *Калага келген Сатап партиядының Обкомы орынласкан уйдин экинши шарлагына көтерилди* (Абдуллаев, 14) 'Пришедший в город Сатап поднялся на второй этаж дома, где помещался обком партии'; каз. *Кайда барамыз? – деп сурады шофер. – Кісі өлтірген жерге, – деди Керехан* (Дайыраев, 215) 'Куда поедем? – спросил шофер. – На то место, где убит человек, – сказал Керейхан'; Родословная туркмен: *Атасы барған ѫркә барды* 'Он пошел в (то) место, куда ушел его отец' [Кононов 1958, 63].

Особо следует выделить случаи, когда сказуемое-трансформант выражен

формой *болған/булған*, которая, будучи лишена материального смыслового содержания, может рассматриваться как чисто внешняя форма связи между частями сложного целого. Ср. башк. *Балалары күп булған эсаларға пособие берелә* 'Матерям, у которых много детей, выдается пособие' [Дмитриев 1948, 247]; ног. *Баска адептлери болған адемлердинъ арасында туры* (Кен йоллар, 41) 'Он живет среди людей, у которых есть другие обычай'; узб. *Шодмонака раис бўлған колхоз* (Шарипов, 13) 'Колхоз, в котором председатель Шодмонака'.

Трансформация может затрагивать не только предикат, но и субъект действия, который в этом случае оформляется род. падежом. Ср. алт. *Бо ло менинг келген юлымла менинг јуртыма сен бар* 'По пути, которым я ехал, поезжай мы в мое стойбище' (Алтын-бизе, 37); каз. *Улжанның жай, салқын айтқан сезі бұған үрысқаннан да, урғаннан да жеңіл тиген жоқ* (Дүэзов, 48) 'Простое, холодное слово, сказанное Улжаном, было ему больнее (тяжелее), чем скора и избиение'.

При сказуемом-трансформанте на -ган указание на субъект действия может содержать определяемое. Таким путем образуется замкнутая трехчленная конструкция, члены которой могут находиться в изофетных отношениях. Ср. каз. *Онасы Кунанбайдың айтқан саламі екен* (Дүэзов, 27) 'Это оказался привет Кунанбая'; ккалп. *Теребайдың қладан алған биринши тапсырмасы мынау еди* (Қайыпбергенов, 14) 'Первое поручение, которое Тёребай получил из города, было вот таким'; кирг. *Сениң мага берген жардамынды билешет* (Каимов, 51) 'Они знают о помощи, которую ты мне оказал'; Родословная туркмен: *Бізniң айтқан сөзімізni bilcälär* 'Если бы они знали слово, которое мы сказали' [Кононов 1958, 162].

Реже в подобного рода трехчленных конструкциях субъект действия остается нетрансформированным, ср. ккалп. *Бизлер келген жылы ана тилимизде оқый ашылды* (Қайыпбергенов, 49) 'Год, в который мы вступили, открылся обучением на нашем родном языке'.

Указание на субъект действия, содержащееся при определяемом, делает излишним самостоятельное употребление субъекта действия в форме личных местоимений, ср. алт. *Парған дъолынъ ажык ползын* 'Пусть дорога, по которой ты идешь, будет открытой' [Баскаков 1958, 95]: Родословная туркмен: *бу олтурған тахтың улуғ атам Дүйлі Кајының турур* 'Этот трон, на котором ты сидишь, принадлежит моему деду Дуйлы Каю' [Кононов 1958, 134].

При сказуемом-трансформанте на -ган субъект действия может быть оформлен аффиксом принадлежности 3-го лица, который, осуществляя формальную связь с главной частью, соответствует русским относительным местоимениям. Ср. башк. *Уның улы бердзәң мәктәпта уқыған қарт базарға киткән* 'Старик, сын которого учится в нашей школе, поехал на базар' [Дмитриев 1948, 252]; каз. *Қатыны өлгөн кісігө кім қызын бермейді дейді* (Сейфуллин, 115) 'За мужчину, у которого умерла жена (ни) кто не отдаст дочь'; ккалп. *Тиси шыкъкъан балагъа жайнан берген тамакъ болмайды* 'Ребенку, у которого выросли зубы, не годится пережеванная пища' [Баскаков 1951, 21]; кбалк. *Атасы аурууб жатхан къызы базарға кеткенди* [Дмитриев 1962, 390] 'Девушка, отец которой заболел, поехала на базар'; кум. *Анасы яшына гоерсегтген китап* 'Книга, которую мать показала ребенку'; тат. *Әти салған йорт ул* (Фаттах 1966, 38) 'Это

дом, который построил отец'; уйг. *Sadir Axun bir eri olgən хотуни oldı* 'Садир Ахун взял жену, у которой умер муж' [Боровков 1935, 136]; алт. *Сен барғаң урак јөргө* 'В края далекие, куда едешь ты' (Алтын-бизе, 37); ккалп. *Ак етиңе джарсады йар джиберген шарқъанат* 'К твоему белому лицу (букв.: телу) подходит шаль, которую послал (тебе) милый' [Баскаков 1951, 24]; кирг. *Айкыз да Кыдыров да журегүндө бүк болгон пикирдиң баарын айтышты* (Рашидов 1961, 23) 'И Айкыз и Кадыров выложили друг другу всю тоску, которая накопилась у них в душе'; кбалк. *Да, ол мен айтхан къулла жарлылыкъда, хар кимге жалғыза бара айланғандыла* 'Ну, те крепостные, мною упомянутые, в бедности и нужде жили, бродили, нанимаясь каждому в батраки' [МБД 1961, 54, 55]; кум. *Шосагъат эшик ачылғъан якъдан абзарғъа ярыкъ да урунду* (Ягъияев, 7) 'Тотчас же со стороны, где открылась дверь, проник свет'; уйг. *Мирзалимбай, бизму шу сиз ейткан мәсъилиләр устида баш қатуриватимиз* (Босақов, 39) 'Мирзалимбай, мы ведь над вопросами, о которых вы говорите, голову ломаем'.

Встречаются отдельные случаи, когда трансформированный предикат на -ган, составляя с субъектом действия изафетное сочетание, сам принимает показатель действия у ющего лица, ср. каз. *Байтастың мінгені Күнанбайдың қаражал бурыл аты, дамелі бәйге аттың бірі еді* (Дуззов, 4) 'Темногривый чалый конь самого Кунанбая, на котором сидел Байтас, был одним из призовых скакунов'.

Сказуемое потенциально возможного придаточного предложения может быть устранено путем образования от причастия на -ган о т р и ч а с т н о го имени.

Отпричастное имя в вин. падеже обычно служит средством трансформации потенциально возможных дополнительных придаточных предложений. Ср. тат. *Ул ярасын учы белән бастырды һәм бармаклары арасыннан жылы кан акканын тойды* (Дпсаләмов 1953, 92) 'Он зажал рану ладонью и почувствовал, как из-под пальцев течет теплая кровь'; каз. *Сайлыққа атынты, ал кашан, кім бергенін айта алмайды* (Дайырбаев, 75) 'Получила в подарок, но когда, кто давал, сказать не может'; тув. *Чай эрткенин билбейн калдым* 'Я не заметил, как прошло лето' [ТРСЛ, 1955, 720]; хак. *Алтын ахчалыг абдыраны ту атыңылар алганын чох-чоос харындаңа сизин салды* (ХЧН, 54) 'Брат бедняка сразу догадался, что шкатулку с золотыми деньгами взяли эти стрелки'; шор. *Ай эрткенин пилбес полды, чыл эрткенин пилбес полды* 'Не замечал, что проходили месяцы, не замечал, что проходили годы' [Дыренкова 1941, 124]; кум. *Бу сёзлени Изав кюлемсиреп айтгъанни Хизри эс этмеди* 'Хизри не заметил, что Изав сказал эти слова, слегка улыбнувшись' [Джанмавов 1967, 226]; ног. *Сол күннинъ кешинде Рамазан Йогары якта кайда болганын, кимди көргөнин, не затлар эткенин, кайдай хабарлар эситкенин Ханийге айтты* (Абдулжалилов, 41) 'Вечером этого дня Рамазан сообщил Хание, где он был на Верхней стороне, кого видел, что делал, какие новости услышал'; Родословная туркмен: *Мән білгәнні сізләр білмәссізләр* 'Вы не знаете того, что знаю я' [Кононов 1958, 164].

В объектных конструкциях этого типа субъект действия тоже часто затрагивает трансформация. Ср. алт. *Ондо тегерик дыўстүү уулчактыңг отурганын көрүп алды* '(Он) увидел, что там сидел круглолицый маль-

чиң' [ОРСл. 1947, 303]; башк. *Батыр қыззың сыйкканин көтә башлай* 'Батыр начинает поджидать, когда девушка выйдет' [Дмитриев 1948, 262]; каз. *Жұмабайдың қалага бұжолы не жұмыспен барданын Абай дәлді білмейді* (Дүэзов, 6) 'Абай точно не знал, по какому делу Джумабай поехал в город в этот раз'; ккалп. *Ол тоқмарынын тайғен таймегенин билмейди* (Сейтназаров, 20) 'Он не понимал, достает или не достает (касается) его палка'; кирг. *Оң колум балтайып шишип кеткенин сезеп турал* 'Чувствуя, что моя правая рука сильно распухла' [КРСл. 1965, 105]; ног. *Разиат . . . ыр савувышылардың пешинде Айседин турганын көрди* (Кенъ йоллар, 17) 'Разиат . . . увидела, что перед дядяками стоит Айседин'; тат. *Хужалар минем уянганын курделәр дә, шундуқ өстәл янына чай әчарға чактырылар* (Фаттах 1967, 37) 'Хозяева увидели, что я проснулся, и позвали меня к столу пить чай'; хак. *Ол минінъ пабамнынъ Абаканзар килгенін пілді* 'Он узнал, что мой отец приехал в Абакан' [ХРСл. 1953, 476].

В некоторых языках — татарском, башкирском, казахском, узбекском и уйгурском — встречаются случаи употребления отпричастного имени на -ган, осложненного афф. -лық. Ср. тат. *Старшина үзенең алданғанлығын сезеп, комач кебек қызарды* (Эпсаләмов 1953, 33) 'Старшина, чувствуя, что ошибся, покраснел, как кумач'; башк. *Тәүзә пулеметтарзын қайны амбраузураларга қойғанлығын белергә қарәк ине* (Харби повестар, 21) 'Сначала нужно было выяснить, в какие амбразуры были поставлены пулеметы'.

Отпричастное имя в дат.-напр. падеже в ряде тюркских языков передает исходный момент действия. Ср. кирг. *Айымкан Токобайдың эшигине келгенине беш жыл болот, ал он тогузга чыкты* (Каймов, 28) 'Скоро пять лет, как Айымкан переступила порог Токтыбая, ей уже 19 лет'; ккалп. *Оң қабагымның тартқанына бир ай болып еди* (Қайынбергенов, 9) 'Уже месяц прошел, как мое правое веко дергается'; узб. *Қишлоғимга бормаганимга роса бир ярим йил бўлди* (Яшин, 24) 'С тех пор, как я не ездил в мой кишлак, прошло как раз полгода'.

Могут быть случаи, когда отпричастное имя в дат.-напр. падеже передает причину совершения действия. Ср. уйг. *Күп сіqqапоңа issiq boldi* 'Стало тепло, потому что взошло солнце' [Насилов 1940, 135]; тат. *Яңыр яуганга килә алмадым* [Жалай 1947, 131] 'Я не мог прийти, потому что пошел дождь'; тат. *Быел зур бураннар булмаганга кар тирэн түгел иде* (Эпсаләмов 1955, 157) 'Вследствие того что в этом году не было больших вьюг, снег был неглубок'.

Отпричастное имя в местн. падеже очень часто передает действие, предшествующее другому. Ср. алт. *Постоо ортаа тыткендө посто ардыл партыр* 'Когда достигли середины моста, мост рухнул и провалился'; каз. *Байтас пен Жұмбай тақай бергенде Абай да қаснна кеп калып еді* (Дүэзов, 10) 'Когда Байтас и Джумабай поровнялись, Абай их настиг'; кум. *Бригада гертме терекни тюбюне жыйылғанда гүон тощден авған зди* (Ягыяев, 177) 'Когда бригада собралась у подножия грушевого дерева, день уже клонился к полуночью'; тат. *Без блиндажга барып кергендә, капитан X. Муратов шундый листовкаларның берсен укый иде* (Кутуй, 190) 'Когда мы вошли в блиндаж, капитан Х. Муратов читал одну из этих листовок'.

Отпричастное имя в местн. падеже может выражать действие, протекавшее (в прошлом) параллельно с другим действием. Ср. кум. *Биз юртда яшайғанда*, хоншууларбыз бизге геле бола эди 'Когда мы жили в селении, соседи, бывало, захаживали к нам' [Джанмавов 1967, 218]; ктат. *Lakin, o bulunoğanda, nedendir, bytyn cinovnikler mul'ajit tura ediler* (EX, 28) 'Когда он присутствовал, то почему-то все чиновники смиренно стояли'; кум. *Сен сөйлегендө мен гъеч сөз айтмадым* (Ягыяев, 114) 'Когда ты выступал, я ни слова не говорил'; алт. *Дылыу салкын түшкенде, кар кайыла берет* 'Когда дует теплый ветер, снег тает' [Дыренкова 1940₁, 276]; тат. *Үкүтучы сөйләгәндә игътибар белән тыңтарга киәк* 'Когда говорит учитель, нужно слушать внимательно'; уйг. (наречия Синьцзяна) *Чирак бакин калаңанда, Камбей тунчсі сөзләп бирет* 'Когда гадают, смотря на светильник, то держит речь переводчик Камбей [Малов 1961, 13]; шор. *Kiži aγryubyşqanda qatnatčařar* 'Когда болеет человек, заставляют шамана кампать' [Дыренкова 1941, 330–331].

Действие может быть многократным: туркм. *Xer дем алганда, йуз ах урарсен* 'Всякий раз, как ты будешь делать вздох, ты станешь сто раз вдыхать' [Поцелуевский 1943, 71].

На почве значения наст.-буд. времени, передающего обычно повторяющееся многократное действие, у конструкции с отпричастным именем в местн. падеже развивается значение условия: ккалп. *Жылама, Жумагул, көз жасқа өли тирилгенде дуньяға адам сыймас еди* (Кайышбергенов, 13) 'Не плачь, Джумагуль. Если бы от слез мертвые оживали, то мир не вместил бы людей'; ктат. *Allanıň iradesi kelgende hepimiz ölermiz* (EX, 60) 'Если бы была божья воля, все бы мы умерли'; тат. *Яңа яхыи йорт булганды, Халима карышын та тормас иде, дип уйлады ул* (Фәттәх 1966, 40) 'Если бы был новый хороший дом, Халима не стала бы упорствовать, — подумал он'; тув. *Думчукка тулганды бызаа сужжу* 'Вода до носа дойдет, и теленок поплывет' (Тыва домак., 16, 47).

В кумыкском языке встречается отпричастное имя на -ган с афф. -окъ. Обычно передает временное соотношение двух действий, например: *Атасы ищден къайтгъандокъ Патимат огъар аш берлигеге айланышды* 'Как только отец (ее) вернулся с работы, Патимат стала подавать ему еду' [Джанмавов 1967, 18]. По всей видимости, здесь произошло соединение окончания местн. падежа -да с усиливательной частицей оқ. Формы местн. падежа отпричастного имени на -ган/-кан фактически превратились в деепричастия. При наличии собственного подлежащего они образуют абсолютные обороты. Ср. каз. *Ескен Алтаевты алып келгенде Керейхан Федотовтын кабинетінде отыр еди* (Дайырбаев, 225) 'Когда привели Аскена Алтаева, Керейхан сидел в комнате Федотова'; тат. *Кирилл уянганда яңырып тұктаган, давыл тынган иде* (Эпсаләмов 1953, 151) 'Когда Кирилл проснулся, дождь перестал, буря стихла'; башк. *Улар коронары утынды санаға тейел, байләп бөткәндэ буран якыны ук көсәкзине инде* (Хайри, 30) 'Когда они погрузили на сани сухие дрова и привязали их, буран уже значительно усилился'.

Отпричастное имя в исх. падеже обычно передает действие, происходящее раньше действия, выражаемого в главной части сложного целого. Ср. тат. *Без яңа өйгә күчкәннән икенче көненә Фазыл кайтып төште* 'На другой день после того, как мы переехали в новый дом, приехал Фа-

зыл' [Закиев 1963, 290]; хак. *Ол парганин тура чабии чабыс* (Бурнаков, 17) 'После того как он уехал, дом закрылся'.

Если указание на субъект действия содержится в отпричастном имени, то самостоятельно личным местоимением он может быть не выражен. Ср. узб. *Узимга келганимдан хурсанд бўлган ёш хирург ўзига хос табасум билан сўради* (Чашмалар, 53) 'После того как я пришел в себя, обращавшийся молодой хирург, как-то особо улыбаясь, спросил'.

Отпричастное имя в исх. падеже может передавать причину действия: кум. *Шу ердеги гъаваны аривлюгунден адам тыныш алып тоя билмей* 'От того что в этих местах хороший воздух, человек не может надышаться' [Джанмавов 1967, 222].

Отпричастное имя на *-ган* в исх. падеже может выражать сопоставление действий (сравнение). Ср. ккали. *Сейләйин дегенмен сейлемеген джакъсыракъ* 'Лучше молчать, когда хочешь говорить' [Баскаков 1952, 88].

Субъект действия может трансформироваться. В этом случае он выражается аффиксом принадлежности, ср. алт. *Дъаманнынъ колына бергенинъ дъакишинынъ дъольнина салганы артык* 'Чем отдать в руки худому (человеку), лучше положить на дорогу хорошего' (погов.) [Дыренкова 1941, 278].

Отпричастное имя на *-ган* соединялось также с окончаниями падежей, которые в настоящее время вышли из употребления. Показательным в этом отношении может служить соединение отпричастного имени на *-ган* с окончанием древнего терминатива *-ча*. Обычно эти формы обозначают предел, до которого совершается действие, ср. тат. *Танъатканчы мәмкин кадәр китарга кирәк иде* [Газизов 1960, 201] 'Пока не займется заря, нужно по возможности подальше уйти отсюда'; каз. *Біз Иркутскіден Алматыға барғанша ондағылар бірер анықтама әзірлеп койсын* (Дайырбаев, 247) 'Пока мы будем перелетать из Иркутска в Алма-Ату, пусть там наведут кое-какие справки'; башк. *Атайымдарзы озаткас, мин ылаузыар күзән югалғансы, улар китән якка қарап торзом* (Вәли 1953, 187) 'Проводив отца, я смотрел в сторону подвод, пока они не исчезли'; алт. *Слер бистиң айылга бүгүн келбegenче, бис кычырбасыбыс* 'Пока вы к нам сегодня не придетете, мы не начнем читать' [Дыренкова 1940₁, 27]; ккали. *Таз таранаман дегенеше той таркъайды* 'До тех пор, пока птичий успеет причесаться (как ему хочется), пир закончится' [Баскаков 1952, 472]; кирг. *Бурма кайнаган самоорду алып келип, дасторконду жайганча, Салык бутун суудан тарткан жок* (Каимов 1957, 8) 'Пока Бурма не принесла закипевший самовар и не расстелила скатерть, Салык не вынул ноги из воды'; кум. *Ревизия гельгенче, барыда затланы тартыпге салмагъа герек болады* 'Пока ревизия не приехала, нужно привести все в порядок' [Дмитриев 1940, 194]; ног. *Мен оғза баргъанша ол магъа келсин* 'Прежде чем я пойду к нему, пусть он ко мне придет' [Баскаков 1940, 126]; хак. *Танъатханча, узудым* 'Я спал до того, как занялась заря' [ХРСл. 1953, 434]; шор. *Эртен күн шыкканче, мен анда узугам* 'Я спал до утра, до той поры, пока не взошло солнце' [Дыренкова 1940₂, 287].

Древний терминатив отпричастного имени на *-ган* может передавать также сравнительные отношения, ср. башк. *Кол булып йөрөгәнсә улгәненъ якыны* 'Лучше умереть, чем быть рабом' [Дмитриев 1948, 257]; ног. *Ятып калганиша, атып кал* (посл.) 'Лучше выстрелить, чем лежать' [НРСл. 1963, 473].

Аффикс терминатива -ча мог также присоединяться к отпричастному имени на -ын. Окончание -ын представляет аблautный вариант окончания -ган. Круг передаваемых этой формой значений аналогичен кругу значений конструкций с -ганча. Ср. узб. *Опам келгунча, мен дарс таёргадым* (разг.) 'Я подготовил уроки до того, как пришла моя сестра'.

Отпричастное имя на -ган могло сочетаться с афф. -лы. По-видимому, это окончание древнего совместн. падежа, или комитатива, который некогда имел форму -лыг. Окончание -лы — поздний вариант этого окончания. Ср. кбалк. *Бу китап чықғанлы, мен аны көрмәгәнме* [КБК 1966, 223] 'С тех пор как появилась книга, я ее не видел'; кум. *Сағъа гъашыкъ болғанлы, къалмады къаным къашыкъ* 'С тех пор, как я влюбился в тебя, не осталось во мне и ложки крови' [Дмитриев 1940, 145].

Тюркским языкам кыпчакского типа известен фонетический вариант этого аффикса — *галы/кели/ғали/геле* без срединного *и*.

Аффикс отпричастного имени -ган может при сочетании с афф. -лы иметь усеченную форму -га. Эта форма широко распространена: алт. *Мен бу дьөргө дьеткели ўч дыыл болды* 'С тех пор, как я приехал сюда, прошло три года' [ОРСл. 1947, 302]; каз. *Сен кеткелі көп уақыт болды* (КЕ, 417) 'Много времени прошло с тех пор, как ты ушел'; лобн. *Ait болеолу беш күн болупто* 'Со времени праздника прошло пять дней' [Малов 1956, 99]; сал. *Kісіүұх kēmigili o'mys* 'Пока не пришла младшая жена, (беркут) сидел' [Тенишев 1963, 26]; тув. *Бичинкыс өөренип чоруткала, уш чыл четкен* 'Прошло три года с тех пор, как Бичин-кыс уехала учиться' [ТРСл. 1955, 682]; туркм. (човдурах. диал.) *Мен чекерми алгалы ики ай етти* 'С тех пор как он взял мое ведро, прошло два месяца' [Машков 1949, 87]; уйг. *Mən kalgili bəq jil boldi* 'Уже пять лет, как я приехал' [Боровков, 1935]; хак. *Пеер килгели iki чыл полпарды* 'С тех пор как я приехал сюда, прошло два года' [ХРСл. 1953, 434]; Среднеазиатский тифсир XII—XIII вв.: *дақжанус мәлік кечкәлі ікі ўңғыз артуқ болмуш турур* 'Со времени смерти царя Дақчынуса прошло свыше двух-трех сотен лет' [Боровков 1963, 60]; кбалк. *Лейля республиканы музыка училищесинде окбұғынлы бир жыл чакълы ётдю* (Гуртуев, 11) 'С тех пор как Лейла начала учиться в музыкальном училище, прошел один год'; кум. *Къыш гиргенли, бир де кар явмагъан* 'С тех пор как наступила зима, ни разу не выпал снег' [Джанмавов 1967, 15].

В тюркских языках кыпчакского типа широко распространены аналитические конструкции, представляющие соединение отпричастного имени на -ган с послелогами. Круг этих послелогов по отдельным тюркским языкам довольно многообразен. Для уяснения их роли в языке можно привести только наиболее распространенные конструкции.

Отпричастное имя на -ган в исх. падеже + послелог *бире* 'с тех пор как' передает временную последовательность двух действий, исходный момент совершения действия. Ср. алт. *Мен келгеннен бери эки дыыл болгон кийинде меге энем келди* 'После того как прошло два года, с тех пор как я приехал, ко мне приехала моя мать' [Дыренкова 1940, 280]; кирг. *Көсөл чоңайгандон бери Мамбеткул уй таричилктеринен бошоюп деп калди* (Каимов, 7) 'С тех пор как Кесёл подрос, Мамбеткул стал освобождаться от домашних забот'; узб. *Чеварасинин сурати келгандан бери кампир*

оромини йўқотди (Аҳмад, 44) 'С тех пор как появилось фото ее правнука, старуха потеряла покой'.

Указание на субъект действия может содержать в себе отпричастное имя на -ган. В этих случаях самостоятельное грамматическое выражение субъекта действия во фразе отсутствует, например: уйг. *Qaṣqa(r)ıxa kəlgi-nimdin beri on kun etti* 'С тех пор как я приехал в Кашгар, прошло десять дней' [Насилов 1963, 137]; шор. *Келгениненъ пеери ийглычи чыл пашталды* 'С тех пор как он сюда приехал (со времени прибытия), наступил (начался) второй год' [Дыренкова 1941, 124].

В башкирском, кумыкском, крымскотатарском и татарском языках конструкция с отпричастным именем на -ган встречается в сочетании с послелогом бирле 'с, со', который, очевидно, этимологически родствен послелогу бире < бире-ле. Ср. кум. *Мен шагъардан къайтгъандан берли ону зки керен гёргөймөн* 'С тех пор как я вернулся из города, (я) видел его два раза' [Джанмавов 1967, 177]; ктат. *bu gurulty dynja başlanıfandan berli ... tekrarlap tura* (EX, 31) 'Этот спор повторяется с тех пор ... как мир стоит'.

Отпричастное имя на -ган + послелог менән 'с', имеющий разные варианты в различных языках: берлән/бирлә/билән/менен/мулан/булан/мен/ман. Комитативное, инструментальное значение послелога менен явилось удобным для образования в сочетании с отпричастным именем на -ган условно-уступительных конструкций: каз. *Күн ыстық болғанмен су салқындау еді* (Саргаскаев, 40) 'Хотя день был жаркий, вода была прохладной'; ккалп. *Аты Атажан байдики менен келин елдики* (Қайынбергенов, 16) 'Хотя Аты Атаджан был из баев, невестка была из народа'; кирг. *Ал убакта анчалык бай болбогону менен колунан бирин-серин мал узулген эмес* (Каимов, 3) 'Хотя в то время он и не был настолько богат, кое-какой скот у него не переводился'; узб. *Ичакларимнинг гулдирағани билан ҳеч иши йўқ*, 'Хотя у меня и бурлит в животе (от голода), ему нет (до этого) никакого дела' [Кононов 1960, 385]; уйг. *Қанча килган билән, Дамолланин эрхисидә* (Босақов, 5) 'Сколько бы ни делали, все зависит от Димоллам'.

Отпричастное имя на -ган + послелог сайын 'по мере того как': алт. *Олор түүнин суудан чыгарган зайын көп балык алыш турды* 'Каждый раз, как он вытаскивал сеть, он оттуда доставал много рыбы' [Дыренкова 1940₁, 280]; ккалп. *Олар алға адым аткан сайын, қарсы соққан самалдыңг екпини күшіе берди* 'По мере того как они шли вперед, поток встречного ветра все усиливался' [Бердымуратов 1957, 104]⁶ кбалк. *Бир джаны ерге чыгъа барғынан сайын, элинчи джаны энишге тюше келе эди* 'По мере того как поднималась одна сторона, другая сторона опускалась' (разг.); кирг. *Аба ырайы күн өткөн сайын ысый берди* (Рашидов 1961, 7) 'По мере того как шли дни, погода становилась жаркой'; кум. *Гъар гоърген сайын икрам этемен* 'Всякий раз как я (его) вижу, я (ему) кланяюсь' [Дмитриев 1940, 155]; узб. *Офтоб ботишига яқинлашиб, девор топасидаги шуъла учган сайин, Бозорнинг андиша ва хәллоти кўпая борарди* 'По мере того как солнце приближалось к закату и лучи (его), скользящие по верху дувала, гасли, беспокойство и плохое настроение Базара возрастали' [Кононов 1960, 380]; тат. *Жэмгыять усешенец югарырак баскычына кутарела барган саён киләчәк турында уйлану белән бергә, кеше ата-бабаларынын уткәнә белән бергә, кеше ата-бабаларынны, уткәне*

белән да тирэнрек кызыксына башлый (Казан утлары) 'По мере того как общество поднимается на новую ступень, наряду с думами о будущем возникает глубокий интерес к прошлому'; башк. Яңы китап укыған һайын тормоштан ниндәй ҙа булна бер хикматен беләнең, беләнең генә тугел, уны тоянын (Вали 1953, 23) 'По мере того как читаешь книги, узнаешь какую-нибудь премудрость, и не только узнаешь, но и чувствуешь'.

Отпричастное имя на -сан + послелог соң 'после' передает временную последовательность двух действий. Довольно распространена в отдельных языках кыпчакского типа: каз. Керейхан орынан түрән соң басқалар да турды (Дайырбаев, 255) 'После того как Керейхан встал, другие также встали'; ккалп. Ол кеткен соң Жумагул ауыр ойга щумди (Қайыпбергенов, 114) 'После того как он ушел, Джумагуль погрузился в тяжелые думы'; ног. Мұнынъ атасы ман анасы оылғеннен соңъ, Камболат деген бир авыл байы оны оғызне бес ясындағы бало болып асыраға алған эди (Абдулжалилов, 13) 'После того как у него умерли отец и мать, один деревенский бай по имени Камболат взял его на воспитание, сделав его, пятилетнего, своим ребенком'; башк. Без һабантуйза осрашкандан һуң күп вакыт утте (Вали 1953, 214) 'С тех пор как мы встретились на сабантую, много прошло времени'; тат. Кич белән эшиләрен бетергәннән соң ... Тәэкирә ... тынычланы алмады (Хөсни, 27) 'Вечером, после окончания работы ... Тазкира ... не могла успокоиться'; кум. "Русча-къумукъча сәзлюк" чыкъғындан соң "Къумукъча русча сәзлюкни" уystынде ишь башланды 'После того как вышел русско-кумыкский словарь, началась работа над кумыкско-русским словарем' [КРСл. 1969, 8]; узб. У кетгандан сўнг болалар, – Очил, дастурхон – деб бакирган эшилар (ЎЭ, 87) 'После того как он ушел, дети закричали: Раскройся, скатерь'; кирг. Тигил киши бастыра берген соң батына албай мен да ээрчий бербедимби (Сыдыкбеков, 355) 'После того как тот человек тронулся, робя, я тоже тронулся за ним'; тув. Хурад дозулган соонда, концерт болган 'После того как закончилось собрание, состоялся концерт' [ТРСл. 1955, 720]; Родословная туркмен: Баһар болғандын соң піјада кăлăтуурмыз 'После того как стала весна, мы пошли пешком' [Кононов 1958, 155]; шор. Мен ۆлгемнен соонда адымны ۆлдүр 'После моей смерти моего коня убей' [Дыренко-ва 1940₂, 124].

В некоторых тюркских языках отпричастное имя на -сан + послелог соң может выражать также условно-уступительные и причинно-следственные отношения.

Отпричастное имя на -сан + послелог кейин 'после' (значение синонимично конструкции с отпричастным именем на -сан + соң.): каз. Керейхан бандиттік арекеттермен курс аппараты таратылғаннан кейін қылмести ашу бөліміне асты (Дайырбаев, 216) 'Керейхан после упразднения аппарата по борьбе с бандитизмом перешел в уголовный розыск'; ккалп. Өзлериниз белисиз, Женейтхан Жеңилгеннен кейин бираз тынышландық (Кайыпбергенов, 22) 'Вы сами знаете, после того как Джонейтхан был побежден, мы немного успокоились'; кирг. Сыланов райондуң берборуна жол ортосунан кайрылып келгенден кейин колхоздун председателин телефонго чакырды (Каимов, 103) 'После того как Сыланов вернулся с полдороги в районный центр, председателя колхоза вызывали к телефону'; узб. Мехмон кетгандан кейин Мажидиддин халтани аәдарди (Ойбек, 47)

'После того как гость ушел, Маждиддин вывернул мешок'; уйг. *Омичилар униңга йенин-йенин карат, өз жайлирига маңганидан кейин, Абдулла алқанлирига бир түкүрүп қойдидә, яңивашитин шыка кишиши* (Босаков, 30) 'После того как жнецы, оглядываясь на него, отправились на свои места, Абдулла поплевал на ладони и снова принялся за работу'.

Отпричастное имя на -ган + послелог учун 'для' (варианты: *уышын/юцион/ичин*) передает причинно-следственные отношения: кум. *Уланым авругъян учун гельмедим* 'Я не пришел, так как у меня заболел сын' [Дмитриев 1940₁, 155]; ккалп. *Мен онынг не сойлегенин еситбәзенүм уышын индамедим* 'Я молчал, так как не слышал, что он говорил' [Насыров 1953, 201]; алт. *Таманы оруп турган учун ол кожонъдободы* 'Он не пел, потому что у него болело горло' [Дыренкова 1940₁, 143]; узб. *Дам олиш куни бўлгани учун бу ерга бутун шахар кўчиб чиққанга ухшайди* (Чашмалар, 116) 'Так как был выходной день, то было похоже, что весь город сюда переселился'; уйг. *Пикириңизни йошурмай ейткىنىңиз учун рәхмәт* (Босаков, 52) 'Спасибо, что вы, не скрывая, изложили свою мысль'.

Отпричастное имя на -ган + аффикс принадлежности + учун может использоваться для передачи условно-уступительных отношений: ккалп. *Даўысы аз болса да қарақалпақ болганы уышын Хожанияз сайланатуёйн қусайды* (Қайыпбергенов, 10) 'Хотя голосов и мало, но похоже, что Ходжанияз мог быть выбран, поскольку он был каракалпак'; кум. (кайтакс. диал.) *Биз уйкъайтган учунна йашлар шоссагыят исси болмади* 'Хотя мы вернулись домой, дети не сразу согрелись' [Керимов 1953, 298].

В тувинском языке синтаксическая конструкция "отпричастное имя на -ган + ужурунда" соответствует рассмотренной конструкции -ган + учун, выражающей причинно-следственные отношения: тув. *Соок болган ужурунда, кидис идик кедип алдым* 'Я надел валенки, потому что было холодно' [Исхаков, Пальмбах 1961, 454].

Отпричастное имя на -ган может принимать окончание вторичного эквивалента — *-лай/-дай*. Настоящая конструкция передает характер, образ, манеру протекания действия, сравнительные отношения как по количеству, так и по качеству: алт. *Ал анъдагандый сен анъда* 'Охоться так же, как он охотится' [Дыренкова 1940, 279]; башк. *Ә катын заты, бер ни булмағандай, бер нөктәгә қарат ултырыуында дауам итте* (Гиләҗев, 8) 'А женщина, как будто ничего не случилось, продолжала сидеть, уставившись в одну точку'; каз. *Кунанбыйдың айтқанындаи он шақты ауыл бол көшіп келіп еди* (Дүзэзов, 177) 'Как сказал Кунанбай, приковчевало около десяти аулов'; кирг. *Ал иши сиздиң тушундурғенүүздейт аткарды* 'Он выполнил работу так, как вы ему объяснили' [Альпиев 1953, 108]; кум. *Терезебизни алдын-дагы терек бирев иш этип чайкъагъандай, тербене эди* 'Дерево, находящееся перед нашим окном, качалось так, как будто его кто-то специально тряс' [Джанмавов 1967, 269]; ног. *Андрейди көрмесе, ногай айткандаи Айшат-ка ишкени ас болмайтаган эди* (Кенъ йоллар, 43) 'Если бы она не увидела (встретила) Андрея, то, как говорят ногайцы, у Айшет не было бы пропитания'; тат. *Бу суз ача пычак белән кадагандай тәэсиритте* (Фаттәх, 48) 'Это слово произвело на него такое впечатление, будто ткнули ножом'.

Происхождение эфф. -дай трудно поддается объяснению. Н.П. Дыренко-ва называет подобный ему афф. -тыг/-ыг в шорском языке послелогом. Возможно, что первоначально это был действительно послелог, имеющий

значение 'подобно, как'. В современных языках афф. -дай <-даг может выражать сравнение: кум. *айдай* 'как луна', алт. *кардай* 'как снег' и т.д.

В карачаево-балкарском, кумыкском и ногайском языках встречается отпричастное имя на -ган с афф. -лай. Оно передает временное соотношение двух действий: кбалк. *Тане атханлай, Кёзбау эшикни ачыб* [МБД 1962, 124] 'Как только рассвело, Кёзбау открыла дверь'; кум. *Къизиллар гэл-гэллэй, даш битти* 'Как только пришли красные, кончилась война' [Керимов 1967, 294]; ног. *Оны көргөнлөй юргеги табетаган эди* (Кень йоллар, 43) 'Когда она его увидела, сердце ее сильно забилось'.

Афф. -лай, возможно, связан с аффиксом древнего комитатива -лыг/-лы. Может быть, он когда-то был отдельным послелогом.

‘ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЯ, ПРОИЗВОДНЫЕ ОТ ПРИЧАСТИЯ НА -ГАН’

В различных тюркских языках встречается немало форм причастий, производных от причастия на -ган.

Причастие на *a + турған* используется преимущественно для передачи атрибутивных отношений. Родословная туркмен: *Барчаның баратурған жүртүға кätді* 'Он отправился в страну, в которую пойдут все' [Кононов 1958, 162]; кирг. *Мархамат . . . жаш табиятчылар ийриминин жазда кыла турған иштери жөнүндө айтты* (Назир 1960, 17) 'Мархамат . . . рассказала о работе кружка юных натуралистов, которую он выполняет летом'; ккалп. *Бир куни экскурсиядан кайтсам азық-ауқатлар сататуғын магазиннен шыгып киятырған кемпирди кордим* (Аймурзаев, 52) 'Однажды, когда я возвращался с экскурсии, я увидел старика, выходящего из продовольственного магазина'.

Причастие на -тураған может также образовывать отпричастное имя, которое, будучи употреблено в вин. падеже, служит для преобразования дополнительных придаточных предложений, ср. ккалп. *Тамның мүйешинен жанга оте бергенимде, бес фашист солдаты менен бир офицердин кетип баратырғанын корип қалдым* (Аймурзаев, 41) 'Когда я зашел за угол дома, я увидел, как один офицер шел в сопровождении пяти фашистских солдат'; тат. *Әнә, Минжан да аның сокланып карап торғанын күрде ахрысы, авызын ерит Инсафка кычкырды* (Хасэнов, 177) 'Вот Минжан увидел, как тот с восхищением на него смотрит, не выдержал и закричал на Инсафа'.

В современных тюркских языках причастие на -тураған употребляется сравнительно редко.

Причастие на -атуған передает объектные отношения: ккалп. *Енди . . . кимнинг ақсақал болатұғынын көрдингиз-бе?* (Бекимбетов, 21) 'Ну . . . теперь ты видел, кто аксакал'.

Причастие на -атаган передает и атрибутивные, и объектные отношения: ног. *Сен айтатаган затлардың бари де чепуха, орыслар айтқандай . . .* (Кень йоллар, 20) 'Все, что ты говоришь, – чепуха, как говорят русские'; Сен, Аз-рет, не соyleйтаганынъды билip соyle (Там же, 13) 'Ты, Азрет, говори, зная, о чем говоришь'.

Причастие на -атан передает атрибутивные и объектные отношения: алт. сев. диал. *Тошко бара ла суу алатаң ойдыкка күргүгаарды сугуп ла ал-загар...* Идите на лед, опустите в прорубь, где воду берут, хвосты...' [Бас-

каков 1966, 68]; каз. Кешікпей мен де баланын аты Гарик екенин, шешісі Люба екеуі Шымкентте туратының білдім (Дайырбаев, 77) 'Вскоре я узнал, что мальчика зовут Гариком и что со своей мамой Любой они живут в Чимкенте'.

Причастие на -діеган может передавать атрибутивные отношения. Ср. узб. Зилзила натижасида рўй берадиган цунамиларнинг 85 проценти Тинч океан ҳавзасига тўғри келади (Мұминов, 39) 'Из (всех) цунами, возникающих в результате землетрясений, 85 процентов приходится на бассейн Тихого океана'; узб. Анорбибига ўхшаш тул хотингларниң киладиган ишилари хар кимга ҳам маълум (Кодирий 1959, 64) 'Всем известны дела, которые совершают вдовы, подобные Анор-биби'; хамийск. нареч. Бу йаға адамы-зат кāмайдыған яр. Это земля, куда люди не ходят' [Малов 1954, 80].

Субстантивированное образование на -діеганлиг используется для передачи объектных отношений: -діеганлиг + аффикс принадлежности + аффикс вин. падежа.

Причастие на -атын распространено в казахском языке. Может служить средством преобразования потенциально возможных определительных придаточных предложений: Каладан шығатын негізгі жолдар хабарланды (Дайырбаев, 277) 'Были перекрыты основные пути, ведущие из города'; Аға инспектор Ертай Керімбеков аудан орталығынан он бес-он сегіз шақырымдай туратын "Жаңалық" совхозына келгенде күн ұлы сәскеге таяған (Әлсәров, 88) 'Когда старший инспектор Ертай Керимбеков приехал в совхоз "Жаналық", отстоящий от районного центра примерно на пятнадцать—восемнадцать верст, время уж приближалось к полуночи'.

Причастие на -атын может образовывать отпричастное имя, которое в форме вин. падежа способно преобразовывать дополнительные потенциально возможные придаточные предложения: каз. Жарайды, қоя тур, сенің не айтатыныңды мен білем (Дайырбаев, 238) 'Ладно, молчи. Я знаю, что ты скажешь'; узб. Анварнинг бош мунишиликка ярамайдиганлигини, илмисиз, фазллизигини нега бунча исбот қилишга тишиди? (Кодирий 1959, 64) 'Зачем он так старался доказать неблагородство, необразованность и непригодность Анвара к должности главного писца?'.

Причастие на -а-ётган распространено в узбекском языке. В роли определения может преобразовывать потенциально возможные определительные придаточные предложения: Студентлар пахта тараётган пайкалга кирди (Шукuros, 34) 'Студенты пошли на участок поля, где убирается хлопок'; 1943 йилда ҳарбий учувчи Б. Фэррел Лох-Нес күли устидан 250 ярд баландликда учеб кетаётган вақтида афсонавий маҳлукни күрганлигини ўз бошлиқларига айтади (Мұминов, 28) 'В 1943 г. военный летчик Б. Фэррелл сообщил своему начальству, что, когда он пролетал над озером Лох-Нес на высоте 250 ярдов, он видел сказочное животное'.

Причастие на -а-ётган может образовать отпричастное имя, которое, будучи употреблено в вин. падеже, способно преобразовать потенциально возможные дополнительные придаточные предложения: Халокатнинг яккағоя-ягона гувоҳи шу аснода Филадельфия осмонаиды учеб кетаётган ДС-8 самолетнинг учувчиси эди. Учувчи кейинчалик Боинг-70 га яшин текканини, шундан кейин самолет ёниб ерга тушаётганини ўз күзи билан курганини айтаб берди (Мұминов, 84) 'Единственным свидетелем катастрофы был лётевший в это время в небе Филадельфии пилот самолёта ДС-8. Лётчик позд-

нее сообщил, что он видел собственными глазами, как в самолет Боинг-70 попала молния, и тот, накренившись, падал на землю'.

При выражении объектных отношений причастие на -а-ётган может при соединять афф. -лик, ср. Улар, чунончи зилзила, тошкын, денгиз пүртаналяри каби, табий оғат ар яқынлашиб келаётганлыгини бехато сезишалади (Мүминов, 35) 'Они безошибочно чувствуют приближение таких природных бедствий, как землетрясение, наводнение, шторм'.

От причастного имени на -а-ётган может выступать и в других падежах, например в дат., ср. Башқлар түдәси ширик объектдан қочиб кетаётганга ўшарди (Мүминов, 30) 'Было похоже, что стая рыб убегает от крупного предмета'.

Причастие на аган, употребляясь в роли определения, может преобразовывать потенциально возможные определительные придаточные предложения. Ср. кум. Сув ағъагъан ерлерде адамлар яшай, бавлар чечеклене ма-мукъ ойсе (Алексеев, Карцов 1968, 4) 'Там, где течет вода, живут люди, цветут сады, растет хлопок'; ног. Сен айтатаған затлардың бари де чепуха (Кень йоллар, 20) 'Все, что ты говоришь — чепуха'; чув. Ку поезд пёр утрав çинчен кусса килекен моряксен эшелонे пулна иккен (Аллендей, 28) 'Оказалось, что этот эшелон принадлежит морякам, которые переселились с острова'; Эпир пурәнакан ил [МГЧЯ 1957, 217] 'Деревня, в которой мы живем'.

Н.К. Дмитриев указывал, что причастие на -аған соотносится с планом наст. времени. Однако есть факты, свидетельствующие о его временной не-дифференцированности; ср. алт. Эрликке переген "эки кара ат (т)ы екелип пер", — дишт [Баскаков 1965, 58] 'Приведи и отдай те две вороные лошади, которые были даны Эрлику'.

Причастие на -аған может сочетаться с аффиксом древнего латива -лы. От причастного имени этого типа чаще передает действие, соотнесенное с плоскостью наст. времени.

* * *

Относительно происхождения причастий на -ган высказывались различные мнения. Так, например, В. Котвич сближал их с маньчжурскими причастиями прош. времени на -ка ~ -ко ~ -ке/-ха ~ -хо ~ -хе, а также с монгольскими аффиксами отлагательных имен на -үан, -с, -лүан ~ -лүа [1962, 289]. Более вероятное предположение высказал, по нашему мнению, Г. Рамstedt. Причастия прош. времени с афф. -н (после гласного -н, после согласного — соединительный гласный + н) он относит к древнейшим образованиям, которые представляют собой отлагательные прилагательные с более или менее сильно выраженным перфективным значением.

Прилагательное на -н как типологическое образование, относящееся к глагольной парадигме, перестало встречаться уже в древнетюркском языке; это, может быть, объясняется тем, что те же функции стало выполнять образование на -үан, иначе говоря, имя на -н от вторичной глагольной основы на -а [Рамstedt 1957, 91—92]. Основная заслуга Р. Рамстедта состоит в том, что он определил афф. -аң/-қан как сложный по своему составу.

В ранних тюркских памятниках рунического письма зависимые трансформы с формирующим членом на -ган не встречаются. Они зафиксированы в памятниках уйгурского и арабского письма (ср. уйгурский памятник

"Золотой блеск", памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности "Огуз-наме", "Мухаббат-наме"). Что касается причастного окончания *-ган/-қан*, то оно уже существовало в эпоху тюркского праязыка. Об этом свидетельствуют огузские языки, ср. тур. *čalıškan* 'работящий' (<*čalıš* 'работать'), *kurgan* 'крепость' (<*kur-* 'строить'). В кыпчакской языковой общности это причастие особенно активизировалось. В огузской языковой общности оно стало непродуктивным и почти вытеснено причастием на *-мыши*.

В основе причастного окончания *-ган* лежит причастное окончание *-ан*. Окончание *-ган* есть результат контаминаций двух причастных окончаний *-г* (<*-к*) и *-ан*.

В тюркском праязыке существовали причастия на *-ык*, оставившие следы в современных тюркских языках, ср. тур. *kırık* 'разбитый' (<*ku-* 'ломать'), узб. *бузуқ* 'разрушенный' (<*буз-* 'разрушать'), *кесик* 'обрезанный' (<*кес-* 'резать'), тат. *сөнүк* 'потухший' (<*сөн-* 'потухнуть'), аз. *солух* 'увядший' (<*сол-* 'увядать') и т.д.

Контаминация *-к* и *-ан* была вызвана, по-видимому, чисто лингвотехническими причинами. Причастие на *-ан* в тюркских языках было в известной мере полисемантично и недостаточно выразительно в лингвотехническом отношении. Контаминированный аффикс оказался более выразительным и в большей степени дифференцированным.

Причастие на *-ган* еще до образования трансформ широко употреблялось в рамках простого предложения. Ср. узб. *Asta-asta қадам босиб, бўш турган скамейкалардан бирига ўлтиридим* (Чашмалар, 54) 'Погуляв медленным шагом, я сел на одну из свободных скамеек'; *Болтабой уйга етганини ҳам билмай қолди* (Шарипов, 5) 'Болтабой не заметил, как дошел до дому'; тат. *Ашаганда алар бөтөнлөй диэрлек сөйләшмәделәр* (Фэттах, 29) 'Когда ели, они почти совершенно не разговаривали'; *Авыл уртасына барып житканче бер генә жан иясе дэ очратмадым* (Там же) 'До того (момента), как я дошел до середины деревни, я не встретил ни одной души'.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ НА *-АН*

В огузских языках существует причастие на *-ан*. Оно образует причастные конструкции, которые могут быть использованы как средство трансформации потенциально возможных определительных придаточных предложений.

В турецком и азербайджанском языках причастие на *-ан* может соотноситься с планом как наст., так и прош. времени. Ср. аз. *Пәришан иқиалли Мајанын инча белини гүмаглаýыб, о көстәрән тәрәфә баҳды* (Ибраһимов 1966, 56) 'Перишан обеими руками обняла тонкую талию Майи и посмотрела в сторону, которую она указывала'; *Сән истәйән шей дүканды йохдур* (МН, 11) 'Того, что ты хочешь, нет в магазине'; *Исмет бәй она көстәршилән јердә отурууб көзләмәјә башлады* (Абдуллазада, 11) 'Исметбей, сев на указанное ему место, начал ждать'; *Ашагы тәрәфдә отуран Владимири көрдүкә тәәжүүб етди* (Там же, 65) 'Увидев Владимира, сидящего в нижнем ряду, он удивился'; тур. *Başında renkli bir fener yanın sandal suların üstünde sürülüyör* 'Лодка, на носу которой горит цветной фонарик, скользит по воде' [Кононов 1956, 526]; *Manzara benim için değil, gelen ziyaya*

retciler için (Nesin 1962, 51) 'Этот пейзаж не для меня, а для приезжающих'; *Otopsi yapan doktor, bir mezhaba kasabi maharetile karnı tı yarlı* (Там же, 59) 'Производящий вскрытие доктор с словностью мясника на бойне распорол мне живот'.

Причастие на *-ан* в туркменском языке, в отличие от азербайджанского и турецкого, обычно соотносится с планом прошедшего времени: *Зәхметде бишишен адам* (Байрамов 1981, 60) 'Закалившийся в труде человек'; *Шол вагткы авусы ядына дүшен Нуржан бирденкә чигнине алини етирди* (Кербабаев, 11) 'Муржан, которому вспомнилась тогдашняя боль, вдруг провел по плечу'; *Обадан көмекчи эдип иберилen ики игидин энд iши Гаратай аганы канагатландырымады* (Худайназаров, 17) 'Работа, выполненная двумя парнями, присланными из деревни в качестве помощников, не удовлетворяла Каратай-агу'.

В туркменском языке образовалось особое окончание причастия наст. времени *-ян*. Ср. *Оба тарапдан сүйжулик билен чалынян саз гулагына гелди* (Байрамов 1981, 201) 'Со стороны деревни до слуха донеслась сладко играющая музыка'; *Русча геплән билмейэн адам комсомол болмалы дәлмидам?* (разг.) 'Должен ли быть комсомольцем человек, не знающий по-русски?'

Отпричастное имя, образованное от причастия на *-ан* (в туркм. также *-ян*), может служить средством трансформации потенциально возможных дополнительных придаточных предложений. Ср. туркм. *Огулбай бу сорага да жогап тайарламады. Ол партия гуруттайларының хачан боланыны революцияның еңиши этапларынын овренинди* (Байрамов 1981, 284) 'Огулбай ответа на этот вопрос не готовила. Она знала (букв.: выучила), когда были партийные съезды, победные этапы революции'; *Товшан... онун йигитлик дүйгүларының оянаныны агшам дуюпды* (Там же, 98) 'Вечером Товшан... почувствовала пробуждение его юношеских чувств'; *Акжагул нахили ялнышлык гойберенини шу вагт билип галды* (Там же, 165) 'Акджагул в это время поняла (узнала), какую ошибку она совершила'; *Эдим шу вагт душман тарапдан бир гызжагазын бизе тарап окдурсылып галиәнини ғөрүп галдык* (Байрамов 1963, 51) 'Как раз в это время мы увидели, как одна девочка с вражеской стороны устремилась в нашу сторону'.

Объектные конструкции с *-ан* распространены в языках огузского типа значительно меньше, чем атрибутивные, а по сравнению с объектными конструкциями с *-ган* в кыпчакских языках частотность аналогичного употребления отпричастного имени на *-ан* невелика. Чаще всего подобные конструкции встречаются в туркменском языке, который, как известно, по ряду своих особенностей представляет промежуточную ступень между огузскими и кыпчакскими языками. В объектных конструкциях трансформант может быть выражен и дат. падежом, что зависит от основного управляющего глагола. Ср. туркм. *Әзлеринин, көне юртда, гара өйде отураларынын кемсинийәрди* (Сарыханов 1951, 83) 'Они были недовольны тем, что сами живут в старых юртах, мрачных домах'; *Мария Антоновна Товшаның узадан суратына серетди* (Байрамов 1981, 28) 'Мария Антоновна посмотрела на фотокарточку, которую ей протянула Товшан'; *Товшан Байрамың, ятан отагына ғөз гездерди* (Там же, 94) 'Товшан посмотрела в комнату, где лежал Байрам'; *Бөйле батыргай сөзлери тапанына Товшаның өзи хем хайран галды* (Там же, 53) 'Товшан сама удивилась, что нашла такие смелые слова'.

Отпричастное имя на -ан может быть оформлено м е с т н. падежом. Ср. туркм. *Абадан эже бу сөзлери айданда, өз-өзүнден хошал болут, ачылан бәгүле денди* (Байрамов 1981, 47) 'Абадан, сказав эти слова, довольная сама собой, вернулась к распустившейся розе'; *Сонкы сөзлери айданында... сесиниң сандыраянызыны бизин хәммәмиз дүйдүк* (Худайназаров, 106) 'Когда он произносил последние слова, все мы почувствовали дрожь в его голосе'; аз. *Мән әсийәт әләрәм ки, мән өләндә мәни нә Кәрбеләг апарсыыллар, наңда мәнә әңсан версиялар* (МН, 11) 'Я завещаю, что когда я умру, то меня пусть в Кербелу не везут и поминки по мне не устраивают'; *Исмет бәй Ибраһим бәйин евиндән чыханда артыг көнә иди* (Абдуллазада, 131), 'Когда Исмет-бей выходил из дома Ибрагим-бая, был уже вечер'. В турецком языке форма на -анда встречается в диалектах.

Отпричастное имя на -ан может быть оформлено в исх. падеже. Ср. туркм. *Йүз тенци тулун боландан йүз достун* 'Чем иметь сто монет денег, пусть будет сто друзей' [Аннануров 1960, 7].

Отпричастное имя на -ан может принимать окончание ныне исчезнувшего напр. падежа на -ча. Такая конструкция обычно передает действие, служащее пределом для другого действия. Ср. туркм. *Бу гиже даң, атяңча шол ерде болдылар* 'В эту ночь они пробыли в том месте до тех пор, покуда занялся рассвет' [Поцелуевский 1943, 76].

В тюркских языках юго-западной группы встречается форма напр. падежа отпричастного имени на -ан – -ынча, -ичча. Очевидно, отпричастное имя на -ан имело какой-то аблакутированный вариант на -ын. Эта конструкция передает или действие, служащее пределом для другого действия, или действие, вслед за которым непосредственно происходит действие, выраженное сказуемым главной части. Ср. аз. *Мән тоғлуну кәсіб сојунча сән дә омағы гала* (Ибраһимов 1966, 83) 'Пока я буду резать барабашка, ты разожги костер'.

В диалектах азербайджанского языка встречается форма на -ынча в соединении с аффиксами принадлежности, а также форма на -ынчах. Ср. *Сөн калинчән биз ишимизи гутардұх* (Ибраһимов, 1966, 246) 'К тому времени как ты пришел, мы закончили свою работу'; *Нөвә чатынчах көздәдим* 'Я ждал до тех пор, пока моя очередь не подошла' [Исламов 1961, 21]. Эта же форма встречается в диалектах гагаузского, турецкого и туркменского языков: гаг. *Иринка лафыны битиринҗә измайлар долду аула* 'Как только Иринка кончила говорить, змеи наполнили двор' [Покровская 1961, 21]; тур. *Akşam olunca, avizesini alıp gidiyordu* (Nesin 1962, 4) 'Как только наступал вечер, он брал свою люстру и уходил'. В туркменском языке форма на -ынча встречается чаще с аффиксами принадлежности. Ср. *Сен институтдан гелийәнчән, мен гарашып отурҗакдырын* [Аннануров 1960, 147] 'Я буду сидеть и ждать до тех пор, пока не придешь из института'.

Употребление отпричастного имени на -ынча имеет широкий ареал распространения. Ср. алт. *Соокко тонъбойынча* (тонъбогончо), дыбы билбес луды 'Пока не померзнешь на морозе, не почувствуешь тепла' [Дыренкова 1940₁, 147]; кирг. *Сиздей селки табылмайынча* эч кимди сүйбейм жана үйленбейм (Каймов, 148) 'Пока не найдется такая возлюбленная, как вы, я никого не полюблю и не женюсь'; тур. *Ben haziran gelmeyince balığa çakamat* (Nesin 1958, 26) 'Пока не наступит июнь, я не могу поехать за рыбой'.

Сочетание формы отпричастного имени на -ынч с послелогом гәдәр также выражает действие, служащее пределом для другого действия: аз. Адамын көзүнә юху жединчайга гәдәр белә олур (Меңди 1954, 363) 'Так бывает, пока человек не заснет'.

Отпричастное имя на -ан + форматив -лы >-алы выражает исходный момент действия. Ср. аз. Чамалын көзүмдән ниһан олалы, истәрәм баҳмайым дүньяйә, Пәри! (Вагиф, 32) 'С тех пор как твоя красота скрыта от моего взора, мне не хочется смотреть на мир, Пери!'; тур. *Biz bu eve taşınalı iş ay bile olmadı* (Nesin 1958, 29) 'Не прошло еще даже трех месяцев, как мы переехали в этот дом'.

В туркменском языке к форманту -алы могут присоединяться аффиксы принадлежности: *Бу йыл гиделиң еди йылдыр* (разг.) 'В этом году семь лет со времени твоего ухода'.

Встречающийся в тувинском и хакасском языках трансформант с афф.-ала, очевидно, находится в этимологическом родстве с афф. -алы: тув. Ачам заводка ажылдаала, чээрби чыл ашкан 'Уже прошло более двадцати лет, как мой отец работает на заводе' [Исхаков, Пальмбах 1961, 63]; хак. Алтай шынгъя шагшала айгъыт парьдын алын кыъжыъ (из сказаний) [Доможаков 1948, 116] 'Лишь только взобрался на вершину Алтай-хребта, клич дал богатырь-человек'; ср. туркм. Өне геленлериден соң, Ленанын ягдайы хас-да эрбетгешди (Мәммәдов, 67) 'После того как они вернулись домой, состояние Лены еще больше ухудшилось'; Шейле болансонъ, Анатолий узаклы гиже чирим этмән, она гөзегчилек этмели болунды (Там же, 1960, 68) 'После того как это произошло, Анатолий должен был наблюдать за ней всю ночь напролет (не сомкнув глаз)'.

Употребляются также сочетания отпричастного имени на -ан с послелогами, обозначающими место и время: туркм. Аксулукден алматыны аландан соң Халлывада геплемесини гойды (Худайназаров, 73) 'Получив взятку от Аксюлюка, Халлыва прекратил разговор'; аз. Инди надисә олуб гүрттарандан сонра һәр шеј она аյдын жөрүнүрдү (Ибраһимов 1958, 44) 'Теперь, после того как инцидент был закончен, все ему показалось ясным'.

Сочетание отпричастного имени на -ан в дат.-напр. падеже с послелогом киби 'подобно' обычно выражает действие, служащее пределом для другого действия, или действие, вслед за которым непосредственно происходит другое действие, выраженное сказуемым главной части: аз. Трактор сүрунуб җалана кими күн кечәр ки (Ибраһимов 1958, 6) 'Пока притащут трактор, день весь пройдет'; Рустам киши чубуга түтүн долдурмаға башлајан кими Ярмаммәд кибрити чәкиб көзләјирди (там же, 121) 'Пока Рустам-киши наполнял трубку, Ярмаммәд зажег спичку и ждал'; О җалән кими, қалинлар сүкүтә далдылар (Меңди 1953, 18) 'Как только он вошел, молодые женщины замолчали'. Вместе с тем наблюдаются случаи, когда эта конструкция передает сравнительные отношения. Ср. аз. Мән дейән кими эләйин (Там же, 50) 'Поступай (делай), как я говорю'.

Отпричастное имя на -ан может сочетаться с послелогом үчин 'для'. Обычно это сочетание передает причинно-следственные отношения. Ср. туркм. Җәгеде аяк сесси эшидилмәни, ылайта-да ык тарапдан пейда боланы үчин, оператор онуң геленини дуймады (Кербабаев, 11) 'Так как на песке не были слышны шаги и так как он прибыл с подветренной стороны, оператор не почувствовал его появления'.

Отпричастное имя на -ан + послелог гәдәр/кадар обычно выражает действие, служащее пределом для другого действия. Ср. аз. *О кәлиб чыхана гәдәр телефонла әһвалаты рајкома хәбер вермиси* (Ибраһимов 1966, 30) 'До того как он приехал, о происшествии сообщили по телефону в райком'; тур. *Telefondan ses gelene kadar adam öhlür gider* (Nesin 1962, 10) 'Пока позвонит телефон, человек умрет'.

Отпричастные имена на -ан могут сочетаться со сложебными словами, обозначающими место, время, причину и т.д.: туркм. *Сиз аркамда дуран вагтыңызыда мен адам өнүндө баш эгеринми?* (Сарыханов 1961, 19) 'Когда вы стоите за моей спиной, разве я склоню голову перед кем-либо?' Отпричастное имя на -ан в сочетании со словом јер 'место, земля' передает значение места совершения действия: аз. *Ат олмаян ерда эшак да атдыр* (Аталарап сезуу, 36) 'Там, где нет лошади, и осел лошадь (за лошадь сойдет)'; туркм. *Гезим дүшди ярым дуран ерлере* 'Я окинула взором места, где была моя подруга'. Синонимом јер в азербайджанском языке может быть и слово тәрәф 'сторона' в служебном значении: *ej ванын түшүндөн күн чыхан тәрәф бахдыгда исә hej ран олду* (Ибраһимов 1966, 56) 'Когда же она с крыльца посмотрела туда (в сторону), где восходит солнце, она удивилась'.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ НА -НА

Причастия с показателем -на встречаются только в чувашском языке. Они могут трансформировать потенциально возможные определительные придаточные предложения: *Вал рельса сүтнё участка үтсесе, ىул ынчен сик-се тухассине астурә* (Талвир 1952, 45) 'Достигнув участка, где были разбросаны рельсы, он заметил, что паровоз сошел с рельс'; *Шәнерпуңенчи пухайва кёрсен, Павлуш чи малтан ёлек ҹак шкулта ёсленә Федоров учитеle асар-харә* (Осипов, 106) 'Когда Павлуша пришел на собрание в Шенерпүссе, он прежде всего заметил работающего в этой школе учителя Федорова'; *Вал чәрәннә килте икә хәрәрәм пәр ла турәнағе* (Лазарева 1960, 38) 'В доме, в котором она остановилась, живут две женщины'.

Отпричастное имя на -на в вин. падеже может сокращать потенциально возможные дополнительные придаточные предложения: *Ҫаканта эпә пәрремеш хут "катюша" пенине куртам* (Алендей, 40) 'Здесь я в первый раз увидел, как стреляет "катюшу"'; *Вал хайсене мәнишән мухтанине хәрсем пите лайәк әйланчәр* (Лазарева 1960, 63) 'Девушки очень хорошо поняли, за что он себя хвалил'; *Хай чугун ىул ынче ёсленине пәлтерчә вал* (Талвир 1954, 90) 'Она знала, что он работает на железной дороге'; *Саша вәсем мән ынчен калаңнине нимән тә әйланмарә* (Лазарева 1960, 53) 'Саша ничего не понял из того, что они говорили'.

Отпричастные имена в исх. падеже трансформируют придаточные предложения причины: *Пан Павлуш хваттерте пәчченех*. Зинаида Степановна аләри ачып чиркәве ирхи кәлле тухса кайрә. Те пәччен юлнәран, те ахалех вәл шухайша кайрә (Осипов, 90) 'Сегодня Павлуша в квартире один. Зинаида Степановна ушла с грудным ребенком в церковь к заутрене. Мысль о том, что он остался один (так как он остался один), неоднократно к ней возвращалась'.

Отпричастное имя на -на может принимать сложное падежное окончание -ранна (соединение окончания исх. падежа с окончанием твор. паде-

жа). Такая конструкция обычно передает исходный момент совершения действия: *Салмин хайне парторганизаци секретарыне сүйланнранна парткабинета җаван чухлә халәх пухәннине ас тумаст* (Ухли 1956, 38) 'Салмин не помнит, чтобы в парткабинете собиралось столько народу со времени его избрания секретарем'; *Ентә вәрçә пүсланнранна нәр уйах та иртсе пына* (Талвир 1952, 79) 'С тех пор как началась война, прошел месяц'.

Отпричастное имя на *-нä* в форме *местн. падежа* как средство сокращения потенциально возможных придаточных предложений в чувашском языке не употребительно, так как его в этой роли может заменять деепричастие на *-сан*.

В чувашском языке, как и в других тюркских языках, довольно употребительны сочетания отпричастного имени с *послелогами*. Сочетание причастий на *-нä* со словами, обозначающими время, трансформирует потенциально возможные придаточные предложения времени: *Иртне ფулсенче Атäl пәрә тапраннă вахатра җил-тавалла сиве сумар җаваканччә* (Осинов, 248) 'В прошлые годы, когда на Волге трогался лед, лил холодный дождик'; *Шурампуç җайләрә тухнă вахатра тирэн турा Иисус Христос ցурагать иккен* (Там же, 17) 'Когда вышла (появилась) утренняя звезда, родился наш бог Иисус Христос'; *Тепәр күнёнче пүрт умёнчи решеткене юсаса танă чух. Артур ցурчё тёлёнче сынсем пухәннине асархарә вайл* (Там же, 111) 'На другой день, поправляя решетчатую ограду перед домом, Артур заметил, что люди собрались около его дома'; *Тенюкова вайл юратнă. Унпа вайл Хусанти госпитальре ёçленч чухнек паллашнă* (Там же, 262) 'Он любил Тенюкову. С ней он познакомился, когда работал в казанском госпитале'.

Отпричастное имя на *-нä + послелог ғемен 'по мере того'* по модели своего образования и передаваемому значению соответствует общетюркской модели *-ган + сайын*: *Вахат иртнёғемен җав шухаш аспалларах та аспалларах пулса пыратъ* (Аллендей, 25) 'По мере того как проходило время, эта мысль становилась все мучительнее'; *Малалла утнайғемен траншея таранлана* [МГЧЯ 1957, 264] 'Чем дальше они идут, тем траншея становится глубже'.

Отпричастное имя на *-нä + послелог тирки 'из-за'* передает причинно-следственные отношения: *Вәрçә вахаттёнче ёçсем нумай пулнă тирки вайл нәр вахтлыха изобретени енёне ёслеймерә* (Талвир 1952, 119) 'Так как во время войны было много работы, он одно время не работал над изобретением'.

Отпричастное имя на *-нä + форматив -аччен/-иччен* по семантике и модели образования соответствует общетюркской модели с *-ганча, -ынча*. Ср. *Ёсе хайнхиччен йывәрччә мана* (Талвир 1952, 149) 'Пока я не привык к работе, мне было трудно'; *Убасников заводри ёре тытаниччен ялти тăвансем кайса килешччә* (Там же, 129) 'Убасников, прежде чем получить работу на заводе, советовался со своими родственниками в деревне'.

Отпричастное имя на *-нä + послелог хыçсан 'после'* передает временное соотношение действий: *Батă машиниста патарнă хыçсан Сергей чугун ფул управленине сүтнë* (Талвир 1952, 87) 'После того как похоронили старшего машиниста, Сергей пришел в управление железной дороги'.

Отпричастное имя на *-нä + послелог пек (ex) 'подобно'* передает образ действия, сравнение двух действий: *Театртан тухнă хайнасем, чынах та,*

Ягунов каланă пекех машина кëтсе тăраçсе (Талвир 1952, 114) 'Гости, вышедшие из театра, действительно, как говорил Ягунов, ожидали машины'; Хëр нимён те пулман пек ёнси çинелле аннă сарă çуç пайärкисене çүлелле ывăтнă май түрлекелесе илчё (Там же, 23) 'Девушка, как будто ничего не случилось, поправила локоны рыжих волос, сбившихся на затылке'.

* * *

Происхождение причастного афф. -ан представляет одну из трудных проблем исторической морфологии тюркских языков. Выше уже говорилось, что некоторые тюркологи считают афф. -ан результатом упрощения афф. -ean/-çan, в котором исчезло начальное e/ç. На первый взгляд эта гипотеза может показаться заманчивой, поскольку все образования на -ean и -an обнаруживают поразительную симметричность, в чем можно наглядно убедиться при следующем сопоставлении:

-ean	-an
-еаны	-аны
-еанда	-анда
-еандан	-андан
-еан + служебные элементы (бери, вакыт, заман, йер, себеб, учун и др.)	-ан + служебные элементы (бери, вакыт, заман, йер, сон (ra), киби, себеб, учун и др.)
-ганча	-анча
-ынча	-ынча/-ынча
-еанлы/-еалы	-анлы/-алы
-еанлыг/-еандыг	-анлыг/-андыг

Однако существенный недостаток этой гипотезы состоит в том, что исчезновение e/ç не подтверждается данными исторической фонетики тюркских языков. При наличии причастного афф. -ан в языках огузской группы существуют одновременно образования с афф. -ean/-çan или -ын/-çын: тур. *kurgan* 'крепость' (<*kur* 'строить'), *alırkan* 'привычный', аз. *dejüşkən* 'драчун, забияка' (<*dejüş-* 'драться'), *gudurğan* 'бешеный' (<*gudur-* 'взбеситься'), тур. *batkin* 'погрузившийся, погруженный' и т.д. Все это свидетельствует о том, что в огузских языках не было фонетического закона исчезновения ç или e после группы согласных, в силу которого первоначальные причастные формы типа *алган* 'взявшей' и *келген* 'пришедший' могли бы трансформироваться в *алан* и *келен*.

Хронологически причастие на -ан представляет более древнее образование по сравнению с причастием на -çan. Вероятнее всего, причастие на -ан в огузских языках прямо продолжает причастие на -an, существовавшее еще в общетюркскую эпоху. В огузских языках в рамках простого предложения широко применялись причастные и деепричастные обороты с формой на -ан и ее производными, что также наглядно доказывается конкретными примерами.

Причастные обороты с формирующим членом — причастием на -ан — имеют атрибутивное значение: аз. *Нәһајәт, узун бир отагдан ибарат олан кабинетә җәлдиләр* (Ибраһимов 1966, 37) 'Наконец они пришли в кабинет, состоящий из одной длинной комнаты'. Уже в рамках простого предложе-

ния форма на *-ан* обнаруживает недифференцированность во временном отношении.

В простом предложении форма на *-ан* встречается в сочетании с последлогами и служебными словами, ср. туркм. *Бу китабы гөрениңден соң, сен менден айрылысып билмерсин* (Сарыханов 1961, 11) 'После того как ты увидел эту книгу, ты не сможешь с ней расстаться'.

В алтайском языке *-ан* встречается как показатель деепричастной формы: *Саргайый болза, күн тыгарда, комналып болза, ёлёнъ чайкаларда, Канъ-Айак санан барган* [Баскаков 1958, 105] 'Когда, бросая желтые лучи, взошло солнце, травы, как волны, качались, Кан-Айак, задумавшись, ехал'. Эти причастные и деепричастные обороты и послужили в дальнейшем строительным материалом для образования зависимых трансформ с формирующим членом *-ан*. Общность исходных материалов привела к общности типов зависимых трансформ, характерных для языков огузской группы.

По сравнению с развитием зависимых трансформ с формирующим членом на *-ган/-кан*, характерных для кыпчакских языков, развитие зависимых трансформ с формирующим членом *-ан* в огузских языках имеет некоторые особенности.

В кыпчакских языках у причастия на *-кан/-ган* не оказалось конкурентов, которые могли бы сократить сферу его распространения. В огузских языках у причастия на *-ан* были довольно сильные конкуренты. Его значительно потеснило причастие на *-дык*, особенно в турецком языке, которое впоследствии само было несколько оттеснено новым причастным образованием на *-мыш*.

Отглагольные имена на *-ан*, *-кан* в глубокой древности, вероятно, существовали и в чувашском языке. Ср. такие слова, как *çelen* 'змей' и *хыткан* 'выносливый'. Отглагольное имя на *-кан/-ган* в его разновидности *-аган/-ақан* закрепилось в чувашском языке в причастии наст. времени: *пыракан* 'идущий', *ёслекен* 'работающий'. Древнетюркское причастие на *-н* отразилось в чувашском языке в форме на *-нă*, которая широко употребляется как отпричастное имя и как трансформант.

Причастие на *-ан* существовало и в якутском языке. Его реликтом, по всей видимости, является современное деепричастие на *-ан*. Ср. *көрөн олоробун* 'смотря сижу (сижу и смотрю)', *эрмен сылдьабын* 'пребываю в надежде (надеясь хожу)' [Харитонов 1947, 236]. Якутское деепричастие на *-ан* входит в состав трансформ. Однако в якутском языке, как и в языках огузской группы, получило распространение причастие на *-мыш* в его варианте *-быт* (<-быс). Ср. современные причастия *буснут бурдук* 'созревший хлеб', *охтубут мас* 'упавшее дерево' [Там же, 255].

В семье тюркских языков существуют языки со смешанными чертами. Так, например, в туркменском языке есть трансформы с формирующими членами на *-сан*, *-ан* и *-дык*. В саларском языке есть образования на *-ган* и *-мыш*. В чувашском языке существуют образования на *-аган*, встречающиеся в кумыкском и некоторых языках кыпчакской группы, но причастия на *-сан* и *-мыш* не оказались продуктивными.

Причастие на -дык, выступая в функции определения, может преобразовывать потенциально возможные определительные придаточные предложения. Ср. тур. *O strada doktorun çağırıldığı kapısı da gelmişti* (Nesin 1958, 42) 'Тем временем пришел швейцар, которого позвал доктор'; *Eve girdiği zaman, evin içinde bir matem halı vardı* [Кононов 1956, 105] 'Когда я вошел в дом, в доме был траур'; *Ve genç şair tam iki sene hiçbir insanın giremediği hudutsuz kum çöllerinde dolaştı* (Sabahattin 1956, 73) 'И молодой поэт целых два года бродил по безграничным песчаным пустыням, где не ступала нога ни одного человека'; *Mehmet dükkânını açtığı gün Settar efendi kontşuna güzelce bir ziyafet verdi* (TH, 39) 'В день, когда Мехмет открыл свой магазин, Саттар-эфенди устраивал (давал) своим знакомым хороший прием'; аз. *Қанды яхши алайыр ки, молланың яздығы дуа хәстайға көмәк әләмир* (Меңди 1954, 132) 'Крестьянин хорошо понимает, что молитва, написанная муллой, не помогает больному'; *Бу сөзләри Тәрлан чох диггәтли динләди әз гома арвадын қатирдий хөрәйи емәйәз башлады* (Там же, 134) 'Тарлан очень внимательно выслушал эти слова и начал есть обед, который принесла его старая жена'; *O, кәндәз чалышығы алты ил арзин-дә доюнна ятмамыш, доюнна истираһат алэмәмишди* (Там же, 141, 142) 'В течение шести лет, когда он работах в деревне, он вдоволь не спал и вдоволь не отдыхал'; *Салиға илә қерійә дарағызы гара сачларына даң дүйнүүш, сибәти азма гырышмышды* (там же, 153) 'В зачесанных назад волосах Салиги появилась прядь, лицо ее сморщилось'.

Отпричастное имя на -дык в в и н. п а д е ж е может служить средством преобразования потенциально возможных дополнительных придаточных предложений. Ср. аз. *Йэгин о мәним Петербургдан гайытдығымы билмир* (Меңди, 1953, 32) 'Вероятно, он не знает, что я вернулся из Петербурга'; *Бай Рјабовун нарада оттурдугуну сорушуб бербаши онун янына јолланды* (Абдуллазаде, 32) 'Он спросил, где сидит господин Рябов, и тотчас же направился в его сторону'; *Берлиндәкі пансионат саһибесинин қөндердији әвабыда фрау Ван Тиедеманын даңа онун янында јашамадығыны, буна қөрә дә истәдијим мә'лumatы верэ билмәјәчәјини билдири* (Сабаннаддин, 193) 'В ответе, посланном хозяином пансионата в Берлине, сообщалось, что фрау Ван Тиедеман у него не проживает и поэтому он не сможет дать требуемых сведений; гаг. *Anam benim сöледишими аннамады* [Бабоглу 1962, 61] 'Мать не поняла того, что я сказал'; тур. *Akdenizin purul purul ıqlıdadığını görüyordarlardı* (Halikarnas, 295) 'Они видели, что Средиземное море ослепительно сверкало'; *Ne demek istedigini pekâlâ anladım* [Кононов 1956, 11] 'Я прекрасно понял, что он хотел мне сказать'.

Отпричастное имя на -дык в форме дат. п а д е ж а передает временные отношения действий, а также объектные и причинно-следственные отношения. Ср. аз. *Сөнин намуслу әз сәдагәтли адам олдугуна шұбна жохдур* (Ибраһимов 1966, 562) 'Нет сомнения в том, что ты порядочный и верный человек'; тур. *Bir ғосиғи olmadığına yanardı* (Halikarnas, 41) 'Он переживал, что у него не было ребенка'; Кюль-Тегин: *Män özim қаζан олуртуқыма (jip сају)* бармыш будун öлү jıtý jadaşын jalaçын jана kältili 'Когда я сел на царство, бродивший народ, ослабевая и погибая, пеш и наг пришел (к нам) обратно' [Малов 1951, 40].

Отпричастное имя на -дык в м е с т н . п а д е ж е фактически является деепричастием. Ср. аз. Автобус Мерсинә чатдыгда шәһәрә ахшам дүшүрдү (Абдуллааде, 24) 'Когда автобус прибыл в Мерсин, на город спустился вечер'; Отағына кирдикдә ае сачлы, алли-алтының јашларында бир кишинин чарпајыда узаныб газет охудуену көрдү (Абдуллааде, 39) 'Когда она вошла в комнату, то увидела, что седовласый человек пятидесяти или шестидесяти лет, развалившись на кровати, читал газету'; Мұғәнни гадын сәһиәжә чыхдыгда уегулту јенидән башлады (Абдуллааде, 205) 'Когда певица выходила на сцену, снова поднялся гул'; тур. *Tren geldikte biz onı gördük* (разг.) 'Когда подошел поезд, мы его увидели'.

Форма м е с т н . падежа отпричастного имени на -дык в настоящее время характерна для тюркских языков огузского типа. В прошлом она имела больший ареал распространения. Так, например, она встречается в исторических памятниках татарского языка: Эмир Тимер Болгарны харап қылдыкта, Болгарда Бикчурा хан иде 'В то время, когда эмир Тимур разгромил Булгари, там ханом был Бикчур' [Закиев 1963, 287]. В некоторых говорах татарского языка, например нократском, вместо конструкции *без барганда* 'когда мы шли' встречается конструкция *без бардыкта* [Жаләй 1952, 36]. Эту конструкцию можно встретить в древнеуйгурском языке: Қалты йаруқ тәңри Мани Бурхан қалтукта динтар болты 'Как только пришел светлый божественный Мани Бурхан, он стал священнослужителем' [Насилов 1963, 107]. Она зарегистрирована и в ранних тюркских памятниках. Ср. Кюль-Тегин: *Каңым қаған учдуқда інім Kyl тігін jі tі jašda қалты* 'По смерти моего отца — кагана — мой младший брат Кюль-Тегин остался семи (?) (лет от роду)' [Малов 1951, 31, 40]; Золотой блеск: *M(ä)n ol bäg niň öziä tägdükä, qojuпунтын bir kägdä bitig ündürüp, тата оғыды* 'Когда я приблизился к начальнику, то он, вынув из-за пазухи некую грамоту, прочитал (ее) мне' [Там же, 154, 158].

Как свидетельствуют некоторые косвенные данные, отлагольное имя на -дык уже существовало в общетюркскую эпоху. Реликты его имеются почти во всех тюркских языках: тат. *калдык* 'остаток', *ястык* 'подушка', тур. *bildik* 'знакомый' (<*bil-* 'знать'). Эти реликты встречаются и в ранних тюркских памятниках, например: *umduq* 'надежда' (<*um-* 'надеяться'), *adirtik* 'различие' (<*adir-* 'отделять'), *barduq* 'хождение' (<*bar-* 'ходить') [Севорян 1966₁, 23].

Аф. -дык, по всей видимости, сложный. Подобное мнение уже высказывалось в специальной литературе. В. Котвич устанавливал два ряда аффиксов: -*t*, -*ta*, -*taq* и -*t*, -*di*, -*d़i*q [1962, 23]. Эта гипотеза довольно близка к истине, так как в общетюркскую эпоху действительно существовало отлагольное имя с афф. -ды, например: тур. *dövdü* 'обух' (топора) (<*döv-* 'быть'), *burdu* 'бурав, сверло' (<*bur-* 'сверлить'). Подобные образования встречаются и в ранних тюркских памятниках, ср. *oğdi* 'хвала, похвала' (<*og-* 'хвалить'), *toṇdi* 'вращение, обращение' (<*toṇdu* 'отворачиваться'), *ödilirdü* 'избранное' и т.д. [Севорян 1966₁, 238]. Более часто афф. -ды встречается в составе сложного афф. -ынты/-ынды, например: аз. *ахынты* 'течение', туркм. *кесинди* 'отрезок', тат. *казынды* 'раскопки', узб. *ташланди* 'отбросы', каз. *асыранды* 'приемыш', кирг. *чачынды* 'разбросанный' и т.д. [Там же, 289—292]. Причина слияния афф. -ды с афф. -к неясна.

Отглагольное имя на -дык в общетюркскую эпоху было индифферентно во временном и залоговом отношении. В дальнейшем в кыпчакских языках оно становится совершенно непродуктивным и отступает на задний план. В настоящее время от него сохранились лишь реликтовые образования типа тат. *калдык* 'остаток' и т.д.

В огузских языках, наоборот, это отглагольное имя стало в определенный период очень продуктивным. Оно употреблялось не только как отглагольное имя, но и как причастие, правда еще не дифференцированное во временном и, по-видимому, в залоговом отношении. Приводимые ниже примеры из огузских языков свидетельствуют о том, что оно широко употреблялось в рамках простого предложения: тур. *Artık üç köyde satılmış arazi kalmadı* (ТН, 48) 'Больше уж в трех деревнях не осталось непроданных земель'; туркм. *Битмедин ёвшаның дүйбинде дөгмадык товшан ятыр* 'Под невыросшей полынью лежит неродившийся заяц' [ФСл. 1963, 58]; Қутадгу билик (наманг.) : *Kişi kirmädük älkä kirsä qaly . . .* 'Если человек явится в неизвестную ему страну . . . (в страну, в которой он еще не был)' [Малов 1951, 250, 275].

В рамках простого предложения -дык формирует объектные конструкции, принимая соответствующие падежные аффиксы: тур. *Otu nasıl sevdigi-mi anlattım* (Sabahattin 1966, 63) 'Я рассказал, как я люблю ее'. Оформляясь аффиксами пространственных падежей, -дык образует обстоятельственные конструкции со значением времени, причинно-следственных отношений и т.д.: аз. *Әләскәрин ше'rләрини охумагла мәшгүл олдуғундан, артыг атасына баҳмарды* (Ибраһимов 1966, 7) 'Поскольку она читала стихи Алескера, она уже не смотрела на отца'; -дык формирует обстоятельственные конструкции в сочетании с послелогами, служебными словами, но круг использования их в рамках простого предложения, правда, более ограничен, чем в трансформах. Ср. -дык + (афф. принадлежности) + (афф. падежа) + послелоги: аз. *Елә он ил бундан габаг билмәди јин кими јенә да билмәдин* (Ибраһимов 1966, 74) 'Как десять лет тому назад ты не узнал, так и опять не узнал'; Кюль-Тегин: *Бізің жаңлуқын* (читают и жаңылдуқын) 'учён кафанды велти' 'Так как . . . провинился перед нами, то (сам) каган умер (т.е. убит)' [Малов 1951, 30, 38].

В памятнике Кюль-Тегину формы на -дык иногда используются в качестве деепричастия без падежного оформления и сочетания с послелогами (очевидно, хронологически это более ранние конструкции): *Јағы болып, ітінү жаратуну умадук жана ічікміс* 'Став врагом и не будучи в состоянии (что-либо) сделать для себя и создать, он (туркский народ) опять подчинился государству Табгач' [Малов 1951, 29, 37].

Производные от -дык, -дыча встречаются в рамках простого предложения, передавая аналогичные значения: туркм. *Янын гелдигиче тозоны көпөлгүй* 'Чем ближе он подходит к крепости, тем больше пускает пыли' (Туркм. сказки, 122).

Таким образом, уже в рамках простого предложения наличествовал материал для образования трансформ с формирующим членом на -дык. В более позднюю эпоху отглагольное имя на -дык в некоторых сферах употребления вытеснялось причастием на -мыш-/миш. Причастие на -мыш было более удобно, поскольку оно имело значение прош. времени.

В современных огузских языках распространение трансформ с форми-

рующим членом на -дык не отличается равномерностью. Наибольшая частотность их употребления в турецком, реже они используются в гагаузском и азербайджанском, еще более редко в туркменском, где они встречаются главным образом в отрицательном аспекте.

ТРАНСФОРМАНТ – ОТГЛАГОЛЬНОЕ ИМЯ НА -ЫШ

Отглагольное имя на -ыш в вин. падеже образует объектные конструкции: кирг. *Менин окууга алынынышымды алар менден да көп тилешти* (Каймов, 51) 'Они больше меня хотели, чтобы я был принят на учебу'.

Отглагольное имя на -ыш в дат. падеже образует конструкцию, передающую временное соотношение действий. Ср. тат. *Син кайтышка, мин да барып житәрмән мунчага* 'Пока ты идешь, я успею дойти до бани' [Закиев 1963, 288].

Имя на -ыш в дат. падеже + послелог *гөрә* образует в туркменском языке конструкцию, передающую сравнение: *Мең эшидишиме гөрә, Шириниң нирә ве киме гиденлигини диңе бир сиз билүәрсисиңiz* (Сарыханов 1951, 33) 'Как я слышал, куда пошла Ширин, за кого – только вы знаете'.

Отглагольное имя на -ыш в дат. падеже + послелог *қарамай* образует синтаксическую конструкцию, имеющую уступительное значение, ср. узб. *Уст-боши кир, увада бўлишига қарамай, чироили хушфебъл, ёқимтой йигит эди* 'Несмотря на то что он был в старой рваной одежде, он был красивым, веселым приятным парнем' [УРСл. 1959, 604].

Отглагольное имя на -ыш в дат. падеже + послелог *қараганда* образует синтаксическую конструкцию, передающую сравнение: узб. *Эшитишимизга қараганда, – деди қўлни ўйнатиб Шахидбек . . .* (Кодирий 1959, 36) 'Как мы слышали, – сказал Шахидбек, играя рукой'.

В современных тюркских языках имя на -ыш как трансформант малоактивно и, вероятно, никогда не обладало особой активностью. Оно оттеснено более активными трансформантами.

Отглагольное имя на -ыш уже существовало в эпоху тюркского праязыка.

ТРАНСФОРМАНТ – ОТГЛАГОЛЬНОЕ ИМЯ НА -МА

Отглагольное имя на -ма в вин. падеже обычно передает объектные отношения и может быть использовано для преобразования потенциально возможного дополнительного придаточного предложения. Ср. аз. *Онлар Солмазын ўох олмасыны таләб эдирләр* (Чаббарлы 1954, 13) 'Они требовали, чтобы Солмаз счезла'; тур. *Ben de bunlارın bahtiyar olmalarını çok isterdim* (TH, 41) 'И я бы хотел, чтобы они были счастливы'.

Отглагольное имя на -ма может быть употреблено и в исх. падеже. Ср. аз. *Садығын қалмасындан хәбәр тутан ушаглар да бир-биринин ардынча онун габагына йүйүрүшдүләр* (Меһди 1954, 8) 'А дети, узнавшие, что приедет Садыг, побежали к нему навстречу наперегонки'.

Отглагольное имя на -ма, сочетаясь с послелогом *ичин* 'для, за', передает причинно-следственные отношения: тур. *Biz buraya yabanci bir baltanın girmemesi için hep birden karşı koymuk* (Sabahattin 1966, 113) 'Мы категорически воспротивились, чтобы сюда проник посторонний топор'.

Отглагольное имя на -ма существовало уже в тюркском праязыке. Как трансформант оно малоактивно.

ТРАНСФОРМАНТ – ОТПРИЧАСТНОЕ ИМЯ НА -МАҚ

Отпричастное имя на -мақ, принимая показатель вин. или дат. падежа, формирует объектные конструкции: кум. *Иш бу ёрукъда болмакъны гъали болмайлы билмегенбиз* 'Мы до сих пор не знали, что дело находится в таком состоянии' [Джанмавов 1967, 113]; аз. *Сөз йох, мәним адымын газетчи олмаевна баис йолдашым олуббур* (МН, 12) 'Несомненно, что причиной того, что меня стали называть газетчиком, был мой товарищ'.

Отпричастное имя на -мақ в исх. падеже выражает причинно-следственные отношения: аз. *Мән гысганмагдан, о гысаныр* (Ибраимов 1966, 131) 'Оттого, что я ревную, он ревнует'; чаще эта форма употребляется с показателем -са, передавая сравнительные отношения: аз. *Аннаг сәни онун, мискин бир гулун кобуд бағрында көрмәкәнса, иланлар гойнунда қөрмәйи даға сох истардым* (Иабарлы 1954, 37) 'Однако, чем видеть тебя в грубых объятиях жалкого раба, я бы больше хотел видеть тебя в объятиях змей'; тур. *Bu günleri görmektense Melâhatin ölüsunü görmeyi tercih ettiğini iləve ediyordu* 'Она прибавила, что предпочитает видеть труп Меляхат, чем (вновь) переживать эти дни' [Кононов 1960, 469].

Трансформант на -мақ + афф. -ла/-ле передает причинно-следственные отношения: аз. *Мән бир сөз демәклә сән нә үчүн күсдүн?* (АХД, 12) 'Оттого что я слово сказал, ты обиделся?'. Эта форма часто выступает с послелогом *берабер*, формируя зависимую трансформу со значением уступительности действия: тур. *Dükkânın işi sene gitmekle beraber Mehmedin sevgilisi otu çok zengin bir insan ve yaratıp tühüm iş adamlarından biri olacak sanyordu* (ТН, 41) 'Несмотря на то что (хотя) дела в магазине шли плохо, возлюбленная Мамеда считала его очень богатым человеком и одним из значительных деятелей будущего'.

В кумыкском языке распространено субстантивированное образование на -мақлық, которое, принимая аффикс исх. падежа, формирует конструкцию, выражающую причину совершения действия: *Машинибиз бузулуп къалмакълыкъдан учь гюнюбюз негъяк гетди* [Джанмавов 1967, 199] 'Из-за того что наша машина неожиданно испортилась, мы потеряли впустую три дня'; *Тиши аврумакълыкъдан ашап болмай* [Там же, 272] 'Он не может есть из-за того, что у него болит зуб'.

Причастное имя на -мақ существовало уже в тюркском праязыке. Ср. аз. *гаймак* 'сливки', тур. *utek* 'еда', каз. *баттак* 'топь', кирг. *кысмак* 'стеснение' и т.д. Афф. -мақ составлен из двух аффиксов — -ма и -к. До образования трансформ причастное имя на -мақ уже употреблялось в рамках простого предложения. Как трансформант оно малоактивно.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ НА -МЫШ

Причастие на -мыш может быть средством трансформации потенциально возможных определительных придаточных предложений, ср. аз. *Файтонда отурмуш кәңч һәким Шерифзадә исә бу ал маһнныларыны бир лайла кими динләйирди* (Меңди 1954, 78) 'А сидевший в фээтоне молодой врач Шерифзаде слушал эти народные песни как приятные колыбельные'; *Калмыкларын Дон саһилләриндә көчмүш ниссәси казаклара чеврилдиләр* (АСЕ, 223) 'Часть калмыков, переселившаяся на берега Дона, превратилась в

казаков'; *Байрам илан вурмуши адамлар кими ериндэн сырчады* (Меңди 1953, 81) 'Байрам, как человек, укушенный змеей, вскочил с места'; тур. *Doğduğu günden beri hiç uyananın insanları bulunduğu, çatır uygur evlerde yaşayan Urfa köylerinde de dolaştım* (Sabahattin 1966, 90) 'Я бродил по деревням Урфы, дома в которых представляли собой скопище грязи, люди в которых с самого рождения совсем не улыбались и в жизни не носили обуви на ногах'.

В якутском языке причастию на -мыш соответствует причастие на -быт (-пыт/-мыт): *Батманов приемной хоңугар ыңғыр таабыт үлэхниттэрэз күүтэн олороллор* (Ажаев, 44) 'В приемной Батманова сидели вызванные им сотрудники'; *Төгүрүк суутказа биш да поезд ааспаттаца, оттон сүүс сүүрбэ километраах сиргэ, линияны бысталлаабыт уонна муосталары сиң иэртээбит улахан партизанская этэрээти кытта сэрии буола туара* (Островский, 49) 'За сутки не прошел ни один поезд, а в ста двадцати километрах шел бой с крупным партизанским отрядом, перерезавшим линию и взорвавшим мосты'.

Атрибутивное использование причастия на -мыш в рамках простого предложения было особенно распространено в памятниках. Кюль-Тегин: *Täŋri täg täŋridä болмыш түрк бىлгә каңан бу юдкә олуртыйм* 'Небоподобный, неборожденный (на небе, из неба возникший) тюркский каган, я нынче сел на (царство)'; Среднеазиатский тефсир: *Қатілді аңар ўнміш от јердін* 'Смешались с ней растения, выросшие из земли' [Боровков 1963, 205].

Причастие на -мыш способно образовать отпричастное имя, форма вин. падежа от которого может быть использована при трансформации потенциально возможных дополнительных придаточных предложений: Золотой блеск: *qan aqmysyn körti* 'Он увидел течение крови' [Малов 1951, 193]; Кутадгу билик (наманган): *Järindin bu ilkä. nägün kälmiši, Aju birdi barça özi bilmisi* (по венской и каирской рукописям – *kälmisin, bilmisin*) 'Для чего он пришел из своей земли в эту страну, он рассказал ему все, что знал сам' [Там же, 250, 275].

Отпричастное имя на -мыши в дат. падеже может передавать объектные и причинно-следственные отношения; ср. Золотой блеск: *M(ä)n tirilmis kä siz lär nägülük ança käd qačar siz lär* 'Почему это вы так быстро испугались, что я ожил' [Малов 1951, 154, 157].

Отпричастное имя на -мыши в местн. падеже передает временное соотношение действий; ср. Золотой блеск: *Огулум яңы болмыста ёгрүнчүм сәвінчім аз äрті* 'При зачатии моего сына радости и довольства у меня не было' [Малов 1951, 178, 185]. Особенно эта конструкция распространена в якутском. Ср. Артем чоҕу харбаары үөһө тахсыбытыгар, часобуой очко уорбаалы санаабыта (Островский, 52) 'Когда Артем полез наверх грести уголь, часовой не обратил на это особого внимания'; Павел кочегарка аанын астыбытыгар, оноххо номную кэлэн туар Данило-кочегар кынырыбыттын эргишинэ (Там же, 61) 'Когда Павел открыл дверь в кочегарку, возвившийся уже у топки Данила-кочегар сердито обернулся'.

Отпричастное имя на -мыши в исх. падеже передает также временное соотношение действий: аз. *Бу оғлан жалмашибдән ики күн габаг гојуну раһат ела јиб, чобан-чолуг јатмышды* (Ибраһимов 1966, 559) 'За два дня до того, как приехал этот парень, успокоив овец, все пастухи улег-

лись'; яз. Станкевич ыалдан хаалбытыттан станция бүгүн үлэллэбэтэ (Островский, 53) 'Станция сегодня не работала, потому что заболел Станкевич'.

В якутском языке отпричастное имя на -быт в срав. падеже передает компаративные отношения: *Лэгизэнтэй атыынгт Уйбаан Сэмэнэбис соһий-бутунаағар ордук соһийбута* 'По сравнению с тем, как измучился Иван Семенович, купец Иннокентий больше измучился' [Убрятова 1976, 119].

В пределах простого предложения форма на -мыш встречается и в сочетании со служебными словами, передавая обстоятельственные значения.

Отпричастное имя на -мыш + послелог билен 'с': туркм. *Ол бизи вининь бу этмиши билен иле-туне чыкар ялы этмеди, ханым* (Сарыханов 1951, 32) 'Хан мой, он нас поставил в такое положение, что мы не можем людям на глаза показаться'.

Отпричастное имя на -мыш + послелог кими 'подобно': аз. *Пәришан һәр шеј олмамыш кими бир ан әввәлкіндән дә шад һәрәктәлә Мајанын голундан тутду* (Ибраһимов 1966, 55) 'Перишен, словно ничего не произошло мгновение тому назад, радостно схватила Маю за руку'.

Отпричастное имя на -мыш + послелог гиби 'подобно': тур. *Senelerden beri insan eli dokunmatıq gibi duran çürümeğe yüz tutmuş tahtalara yaslandım* (Sabahattin 1966, 90) 'Я прислонился к стоящим доскам, начинающим уже гнить, словно много лет к ним никто не прикасался'.

Отпричастное имя на -мыш + послелог мәңизлик 'подобно': хорезмские памятники XIV в.: *Тақы ол вақтын алларқа мәним сұннатим үзә сабур қылмақ айаларынқа йанаң көз қысымы мәңизлик күчәй болгай теди* 'Тогда им придерживаться моих законов (правил) будет трудно, подобно тому как держать на ладонях горящий уголь' [Фазылов 1966, 34].

Отпричастное имя на -мыш может также сочетаться со служебными словами, имеющими временное значение, — вахт, заман и т.д., при этом передается также временное соотношение действий. Ср. аз. *Гадаған олунмуш вахтда шәһәрин жүнләріндә үчүн тутулмушлар* (разг.) 'Так как по улицам города ходили тогда, когда запрещалось, их задерживали'.

Трансформант, представленный причастием на -мыши и его производными, имеет функциональные ограничения. Это объясняется тем, что в азербайджанском и турецком языках довольно сильную конкуренцию ему создает причастие на -дық.

Аффикс причастия -мыши, по-видимому, является сложным образованием. Он возник в результате контаминации двух аффиксов — -ма и -ыш. Есть основания предполагать, что отлагольные имена с афф. -ма и -ыш существовали уже в общетюркскую эпоху. Отлагольное имя на -ма: аз. *анлама* 'понимание', туркм. *алма* 'взятие, получение', тур. *atturma* 'надбавка', кирг. *башталма* 'начинание', узб. *аралашма* 'примесь, смесь', чув. *выртма* 'жнитво' и т.д. [Севорян 1966₁, 127–135]. Отлагольное имя на -ыш: аз. *дөгулуш* 'рождение', туркм. *багышланыш* 'посвящение', узб. *айланыш* 'кружение', тув. *челиш* 'рысь' (бег лошади), чuv. *пәлтәреш* 'значение'. [Там же, 144, 145]. Отлагольное имя на -мыши образовалось также в общетюркскую эпоху, доказательством чего является наличие его в огузской и кыпчакской группах. Ср. аз. *дурмуш* 'быт, бытие, жизнь', тат. *тормыш* 'жизнь', чuv. *пусламаш* 'начало', каз. *қылымыс* 'преступление', кирг. *болмуш* 'бытие' и т.д.

В глубокой древности афф. -мыш, по-видимому, имел чисто словообразовательное значение и был совершенно индифферентен к значению времени. Э.В. Севоргян отмечает, что более старое состояние сохранилось в тех языках, где глагольное имя на -мыш не получило развития, — в кыпчакских, в которых встречается название процесса, например в башкирском, а также в чувашском [1966, 350—352]. Историческая судьба этого имени в разных группах тюркских языков была различной. В кыпчакских языках оно, по-видимому, довольно рано стало непродуктивным. В современных кыпчакских языках встречаются только его отдельные реликты типа тат. *тормыш* 'жизнь', кирг. *болмуши* 'бытие' и т.д. В огузских языках, в особенности в турецком и азербайджанском, продуктивность его усилилась. В ряде случаев имя на -мыш приобрело чисто глагольное значение перфективности и оформилось как причастие прош. времени.

В огузских и якутском языках отглагольное имя на -мыш в разных значениях довольно широко употреблялось в рамках простого предложения.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ НА -АЧАҚ

Подобно другим причастиям, это причастие в атрибутивной функции может быть средством трансформации потенциально возможных определительных придаточных предложений. Ср. тур. *Salon dolmuştu, işne atacak yer yoktu* (Sabahattin 1966, 133) 'Салон был полон. Негде иголке упасть'; *Nihayet, Despihanı Atınaya gideceği gün geldi* (разг.) 'Наконец наступил день, когда Деспина должна была приехать в Афины'; кум. *Мен сатажак ат* 'Лошадь, которую я продам' [Дмитриев 1940, 159]; тат. *Безнең қарнамнар баражак шәһәр ерак түгел иде инде* (Расих 1954, 76) 'Город, куда должны были прийти наши герои, был уже недалеко'.

В форме вин. падежа отпричастное имя на -ачақ, может быть средством преобразования потенциально возможных дополнительных придаточных предложений: башк. *Барыбер йоклай алмаясактарын аңлат, шынырт қына һөйләшеп киттеләр* (Хәрби повесттәр, 9) 'Понимая, что все равно они не могут заснуть, говорили шепотом'; кум. *Сановсуз көп душманлагъа къаршы янгыз ябушмагъа оъзюню гючю чатмажагъын гюржю халкъ англаган* (Алексеев, Карцов, 64) 'Грузинский народ понимал, что у него не хватит сил в одиночку сражаться с врагами'; туркм. *Онсоң ол өз этҗегини өзи билер* (Сарыханов 1961, 10) 'Затем он поймет, что будет делать'; аз. *Районун мәс'улият дашијаңаңыны сојләди* (Ибраһимов 1966, 5) 'Он сказал, что район понесет ответственность'.

Отпричастное имя на -ачақ может вступать в дат. падеже и имеет значение дополнения: башк. *Виждан тыныслығы миңә әвнәя малдарын алыштырысагына мин ышанам* 'Я верю, что спокойствие совести заменит мне мирские дела' [Дмитриев 1948, 265]; кум. *Оланы баражагъына инанма* 'Не верь тому, что они пойдут' [Дмитриев 1940, 159]; тур. *Başkası yüz vereceğine siz yirmi verin* (Nesin 1962, 43) 'Пока другой (покупатель) даст сто (рублей), вы двадцать давайте'.

Отпричастное имя на -ачақ в исх. падеже передает объектные отношения (исх. падеж продиктован условиями управления основного глагола), а также временное соотношение действий: аз. *Рустәм она җалән ил даһа*

чох мәңсүл көтүрәчәкләриндән, һәјатын яхшилашыагындан үмидлә долу жаңаңакдән данышырды (Ибраһимов 1966, 9) 'Рустам говорил ей, что в будущем году снимут еще больший урожай, о том, что жизнь улучшается, — (говорил) полный надежды'; тат. Даа сән кападыжаанан гөзүнү даалжек сенин зангиннин нижә куру күл боранда (Буджактан, 130) 'Ты еще гляди свои не закроешь, он развеет твое богатство, как сухой пепел в бурю'.

Отпричастное имя на -ачақ может сочетаться с послелогами и служебными элементами, обозначающими время, место: тур. *Jahňız konaga taşınasağından bir gece evvel Vasaf Bey biiyik bir cesaret gösterdi* 'Только за одну ночь до того, как мы переселились в особняк, Васаф-бей проявил большую храбрость' [Кононов 1960, 449]; *Yalnız kendi düşünebilecegi gibi düşünmek istiyordu* (Sabahattin 1966, 73) 'Он хотел думать, как мог думать только сам'; кум. *Биз баражакъ заманда къар явар* 'Когда мы пойдем, пойдет дождь' [Дмитриев 1940, 160]; тат. *Икенче бригада сөрәчәк жирга килен тә життеләр* 'Пришли к участку, где должна была пахать вторая бригада' [Закиев 1963, 288].

В азербайджанском языке причастие на -ачақ может иметь значение деепричастия: *Əhməd icəri xırımkən dərət tərəfbdən onu bürüdülər* (Иаббарлы 1954, 27) 'Как только Ахмед вошел, его окружили с четырех сторон'. Такое же явление наблюдается и в туркменском языке.

В основе вышеописанных трансформ лежит причастие буд. времени на -ачаे, распространенное в современных огузских и некоторых кыпчакских тюркских языках. Трудно категорически утверждать наличие этого причастия в общетюркскую эпоху, поскольку зональная ограниченность его очевидна. Оно встречается главным образом в языках южного ареала — узбекском, уйгурском, ногайском, кумыкском и каракалпакском. В литературном татарском языке оно существует, но некоторым диалектам этого языка оно не свойственно. Нет буд. времени на -ачақ в казахском и киргизском языках. Не обнаруживается также его следов в чувашском языке.

Причастие на -ачақ первоначально, по-видимому, означало действие с известным оттенком возможности, ср. аз. *janačaq* 'топливо' (т.е. 'то, что вообще может гореть'), *jatačaq* 'постель' (т.е. 'то, на что можно лечь') и т.д. Позднее на этой основе в некоторых тюркских языках возникло особое причастие буд. времени на -ачак/-ечек, ср. тур. *verecek* 'тот, кто даст'.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ НА -АЯҚ

Причастие буд. времени на -аяқ встречается только в ногайском языке. Употребляясь в атрибутивной функции, оно может преобразовывать потенциально возможные определительные придаточные предложения: *Ол бай барыйакъ йерине барды* 'Бай приехал на то место, куда должен был поехать' [Баскаков 1940, 148].

Отпричастное имя на -аяқ в вин. падеже может преобразовывать потенциально возможные дополнительные придаточные предложения: *Ол заман не зат алиягъын ойланды* 'В то время он думал о том, какую вещь он должен взять' [Баскаков 1940, 149]; *Бариси де сораягын сорап, айтаягын*

айтып кутылганы сонъ, Сатай колхоз курав деген вопросы голосование ге салды (Абдулжалилов, 101) 'Когда все, что нужно спросить, было спрошено, и все, что нужно сказать, было сказано, Сатай поставил на голосование вопрос об организации колхоза'.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ НА -ЫАХ

Причастие буд. времени на -ых (-иэх/-уох/-үөх) встречается только в якутском языке. Оно имеет те же функции, что и причастие на -ач. Причастие на -ых может выступать в атрибутивной функции: *Оттон ат подковун токурутуюх кыахтах, хормуоскаңыт суунэ улахан тарбахтара клавиша устун бэрт көртөрүктүк сыйдьаллара* (Островский, 151) 'Но огромные пальцы гармониста, могущие согнуть подкову, плохо двигались по клавишам'.

Отпричастное имя на -ых в вин. падеже преобразует потенциально возможные дополнительные придаточные предложения: *Уолоттар, бацар, ыраата үөрэниэхтэрэ, ол да үрдүнен ханна үөрэниэхтерин кинилер бейэлээрэ билбэттэр* (Островский, 104) 'Мальчишки, возможно, дальше будут учиться, но они сами не знают, где будут учиться (букв.: свое учение в будущем)'; *Өскө бэйэтин үлүгүэрин туңунаң биллэрдэгингэ, иккизэннэрин изэдэтиэгин Алексей өйдөөбүтэ* (Полевой, 92) 'Алексей понял также, как страшно потрясет он их обоих, сообщив о своей катастрофе'.

Отпричастное имя на -ых может сочетаться с послелогами. Ср. *ОНТОН ЕЛЕРГҮӨХТЭРИН ИННИНЭ ТУРМЭЭГЭ АГАЛТААБЫТТАРА* (Островский, 184) 'А перед казнью (букв.: перед будущими их казнями) перегнали в тюрьму'.

Вопрос о происхождении деепричастия буд. времени на -ых вызывает затруднение.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ НА -Р

Причастие на -р служит средством трансформации потенциально возможных определительных предложений. Ср. каз. *Милиция барап жолда ол айналған қызыржықтан, өзин кінәсіз құрбандық етін көретпек болды* (Дайырбаев, 67) 'По дороге в милицию (букв.: на дороге, идущей в милицию) он все куражился, изображал из себя невинную жертву'; тат. *Кышкар мәдрәсасенде зек космогония дә утегзән, соңғы вакытта гына аны укытып кеше калмаган иде* (Казан утлары) 'В кышкарском медресе раньше проходили космогонию, но в последнее время не осталось человека, который мог бы ее преподавать'; башк. *Ололар үззәрен, нисектер, үчайыныз тойзолар. Бигерәк тә Мостафа эйттер нуз таба алмай интекте* (Хәрби повесттәр, 59) 'Очень неудобно чувствовали себя взрослые. Особенно мучился Мустафа, не в состоянии найти того слова, которое нужно сказать'; кум. *Акырын көшип қайда эсे де күн батар бетке бир якка бараган эдилер* (Абдулжалилов, 10) 'Медленно перемещаясь, (тучи) направлялись туда, куда заходит солнце'; туркм. *Бу гун мана кувват берер гүнидир* 'Сегодня у меня трудный день' [Поцелуевский 1943, 58]; як. *Тыаца барап суолга киирде* (Островский, 37) 'Выбрался на дорогу, идущую к лесу'; тув.

Хын унер чүкче көрдүм 'Я смотрел на тот край, где восходит солнце' [ТРСл. 1955, 720].

Отпричастное имя на -р в вин. падеже обычно употребляется для преобразования потенциально возможных дополнительных придаточных предложений: башк. Юк, һинең килеренде белдем бит (Хайри, 78) 'Нет, я ведь знала, что ты придешь'; Родословная туркмен: Mäniç tarıxni jaşşy bilürimni işitibetururlar 'Они прослышили, что я хорошо знаю историю (о моем хорошем знании истории)' [Кононов 1958, 166]. Особенno эта конструкция распространена в якутском языке: Ким биэрэрин эпнэтэхтэрэ (Островский, 114) 'Кто передает, не сказали'; Лизаны эмиэ доптуруустабыттара. Кини конвоир этэрин эппитэ, ол гынан барап конвоирга туспут уолу билэрин кистээн кэбиситэ (Там же, 100) 'Лизу тоже допрашивали. Она рассказала то же, что и конвоир, но скрыла, что знает нападавшего'.

Отпричастное имя на -р в дат. падеже передает временное соотношение действий: кбалк. Ахмет элге жетерге къяр жаууб тебреди 'К тому времени, когда Ахмет стал подъезжать к селению, пошел снег' [Алиев 1959, 64]; тув. Кара-Булага (Хан Буудай) хан кээргэ, оозу хэвээр чыткан 'Когда (Хан-Буудай) прискакал в Кара-Була, тот по-прежнему лежал' [Исхаков, Пальмбах 1961, 334].

Отпричастное имя на -р, принимая аффиксы принадлежности, передает объектные отношения: туркм. Ол, яшлар агшамының ахыр боларының сабырысызлык билен гарашырды (Маммадов 1960, 79) 'Она с нетерпением ждала окончания вечера'.

Отпричастное имя на -р в мести. падеже передает временное соотношение двух действий, происходящих обычно параллельно: алт. Тағар јуук болордо ныаан улустын кёкси сааган (Алтын-бизе, 15) 'Когда приблизился рассвет, стариков что-то встревожило'; туба-кижи Кайран эрим кирип келерде Ай тийгендий дылт эти 'Когда вошел мой дорогой муж, стало светло, как луной озарило' [Баскаков 1966, 65]; кирг. Улакты жуп шыйрактан аларда, көр кашка ат ойт берип кетти 'Как только он хотел схватить козленка за ногу, Карий шарахнулся в сторону' [Мураталиев 1962, 16]; тув. Чайс чаарда, хөл кыдыынга чораан бис 'Мы были у озера, когда шел дождь' [ТРСл. 1955, 676]; хамийск. нареч. Atesinі гөргө көйүрда чоң огулы етіптор 'После смерти отца, когда его клали в могилу, старший сын сказал' [Малов 1954, 67]; шир. Yǒ-pa ýstarda, ininge yǒ sugubýza perip, anaq äqsyn pektebəze parçatar 'Когда дымят, в берлогу (его) дым пустил, (после) вход начинают запирать' [Дыренкова 1940, 274, 275]; юридические документы уйголов X–XIII вв.: Män Bintuñ adaň-puň äv-intin ünär-tä is-in kүc̄in bütüři ütadyn, üttmis ärmäz 'Когда я, Бинтунг, хотел выйти из родительского дома, то не мог (как следует) справиться (с возлагаемой на меня работой) и не вышел' [Малов 1951, 202, 203]; Среднеазиатский тифсир: Дарја іңіндә ўқүш малліq базірән jүrірдә kämisi tälindі 'Когда в море плыли купцы со многими товарами, корабль их получил пробоину' [Боровков 1963, 220].

Реже конструкция с -арда выражает предшествующее действие, ср. кирг. Кыз өвлүнөрдө-кызматтан кийин эшиктин алдынан жолуешшалы – деди (Каймов, 147) 'Он сказал: – перед тем как девушка отойдет, встретимся у дверей'. На почве временного соотношения параллельных действий развивается условное значение: тув. Шугум чазаарда шыгаар, Шуугаар бетинде

боданыр (Тыва домак., 34, 35) 'Линейку стругаешь — проверь, говорить начинаешь — подумай'.

Отпричастное имя на *-r* в исх. падеже передает временную последовательность действий: узб. *Kўп ўтмасдан, нарироқда эшик ғижирлади ва чолнинг овози эшитилди* (Ойбек, 26) 'Не прошло много времени, как поблизости заскрипела дверь и послышался голос старика'.

Отпричастное имя на *-r* может соединяться с послелогами: *гibi* 'подобно' — передается сравнение действий: тур. *Bilseniz reis bey, üzerimize garipli bir hayvana bakar gibi merakla dikilen yüzlerce göze baktmak ne zor şey* (Sabahattin 1966, 137) 'Знаете ли Вы, господин председатель, как это трудно, (когда) на Вас пристально смотрят с (опаской и) любопытством сотни глаз, как смотрят на какое-то дикое животное';

билек, менен 'с' — передается действие, за которым непосредственно следует действие, выраженное сказуемым главной части: тув. *Чөр чырыры билек, тараа шелүнчө чоруп каннар* 'Они пошли на засеянное поле, как только рассвело' [РТСл. 1955, 720]; *Даң адып кээри-биле, күштар ырлажы бээр* 'Как только занимается заря, птицы начинают петь' [Исхаков, Пальмбах 1961, 310]; кирг. *Каякта жүрөсүн өзүн!* — *деди ал кана болуп Кудрет кирери менен* (Назир 1960, 17) 'Где ты ходишь? — сказал он расстроенно, как только вошел Кудрет';

алдында 'перед' — передается действие, предшествующее другому действию: каз. *Мен самолетке отырап алдында:* *бул жолы тым алысқа кетіп барамыз, шамасы ешкім қарсы ала қоймас деп ойлат едім* (Даирбаев, 245) 'Перед посадкой на самолет я еще подумал: ну, забираемся так далеко, что нас здесь никто не встретит'.

Отпричастное имя на *-r + служебное слово күн* передает временное соотношение действий: Родословная туркмен: *Bäkläp авдын kälür kün xar öldi* 'В тот день, когда беки вернулись с охоты, хан умер' [Кононов 1958, 166]; ккалп. *Олар машинага минер уактында Камекбай ауданглап жуырын барып кабинканы ашты* (Аймурзаев, 149) 'Когда они влезали в машину, Камекбай подбежал и неуклюже открыл кабину'.

Базой трансформ с формирующим членом *-r* послужило древнее причастие на *-r* (*-ap/-er, -yr/-ir*), которое сохранилось в отдельных тюркских языках: аз. *janar* 'горящий, горючий' (< *jan-* 'гореть'), *jarap* 'угодный, пригодный' (< *jara-* 'быть подходящим'), тур. *geçer* 'имеющий хороший сбыт, ходячий' (< *geç-* 'ходить'), тат. *kainar* 'горячий' (< *kaina-* 'кипеть'), чув. *хăсăр* 'тесный, давящий' (< *хăс-* 'жать'), алт. *учар* *куш* 'птицы, которым присуще летать, которые будут летать, которые летают'. Это древнее причастие (< отлагольное прилагательное) имело скорее не временное, а модальное значение. Оно выражало свойство или состояние, присущее предмету вообще. Часто его значение имело модальную окраску возможности что-либо сделать. В тюркском прайзыке *учар қуш* означало не 'летящая в данный момент птица', а скорее 'птица, способная летать'. В тюркском прайзыке оно, по-прежнему, уже имело две довольно отчетливо очерченных сферы значений: выступало как причастие и как отпричастное имя, возникшее в результате субстантивации причастия. Такие отпричастные имена встречаются во всех группах современных тюркских языков, ср. аз. *бахар* 'вид', *хәлир* 'доход', тур. *gelir* 'доход', *gider* 'расход', тат. *килер* 'доход' и т.д.

Можно с полным основанием предполагать, что причастие на -р и образованное от него отпричастное имя широко употреблялись в рамках простого предложения еще в общетюркскую эпоху, что отражается и в более поздних тюркских языках; ср., например, причастие на -ар/-маз в определительной функции в гагаузском языке: *Бу сергендә бүјүн дуардылар дишил терә кокар йорганныр, ама кызын жет-ени, хайаза кокар чиззели* (Карарабан, 33) 'На этой полке лежали не пахнущие потом одеяла, а приданое девушки, свежее, пахнущее морозом'.

Отпричастное имя на -р употребляется в косвенных падежах; ср. кирг. *Арага токтоо кылбастан, жалғызың жетип калыптыр* (фольк.) 'Не останавливаясь в пути, прибыл твой единственный (сын)' [КРСл. 1965, 744]; тур. *Ayu gurultmadan derisi satılmaz* 'Пока медведя не убьют, шкуры его не продают' [Кононов 1956, 484]; узб. *Йўлдошларининг илтимосларига ўжарларча қулоқ солмасдан, шу ерда айрилди-да бозор гирдаби ичидагойиб бўлди* (Ойбек, 15) 'Упрямо не прислушиваясь к просьбам своих товарищей, он там расстался и скрылся в водовороте базара'.

В рамках простого предложения отпричастное имя на -р употребляется в сочетании с послелогами, ср. аз. *hamысы тоja кедир кими јахши кејинмиши* (Ибраһимов 1966, 115) 'Все, словно шли на свадьбу, хорошо оделись'. Относить образование трансформ с формирующим членом на -р к эпохе общетюркской языковой общности нет достаточных оснований. Они возникли позже в связи с развитием повествовательных и письменных жанров речи. Тем не менее в эпоху их возникновения причастие на -р было довольно употребительно. В современных тюркских языках сфера употребления этого причастия значительно сократилась, и ни в одном тюркском языке, кроме якутского, оно уже не выступает как закономерное причастие наст. времени, поскольку это значение стало выражаться новыми причастиями. Ср. чув. *пыракан* 'идущий', тат. *баручы* или *бара торган* 'идущий' вм. *барыр* и т.д.

ТРАНСФОРМАНТ – ОТГЛАГОЛЬНОЕ ИМЯ НА -У

Преобразующая роль трансформанта на -у в тюркских языках в известной степени ограничена. Этот трансформант не выступает в определительной функции и не может преобразовать потенциально возможные придаточные определительные предложения.

Отлагольное имя, образующее в форме вин. падежа объектные конструкции, может служить средством преобразования потенциально возможных дополнительных придаточных предложений. Ср. тат. *Федоров баракка якынлашканда ике немецның бер тоткынны кайнавын күреп калды* (Расих 1954, 75) 'Когда Федоров приблизился к бараку, он увидел, что двое немцев бьют пленного'; Ул тау башында бары тик берничә генә кеше атышын белә иде (Әпсаләмов 1955, 93) 'Он видел (знал), как на вершине горы перестреливаются несколько человек'; башк. *Бабай, тине Ғәли, – һин үзендең ни всен гел урманда йәшәүенде эйт элэ* (Хайри, 61) 'Дед, – сказал Гали, – расскажи, почему ты все время живешь в лесу'; тат. *Эйдәгез, хәзер Якут өлкәсө һәм Приморье да ниләр баруын карыйк але* (Казан углары) 'А сейчас давай посмотрим, что происходит в Якутской области и в Приморье'.

Отглагольное имя на -у в дат-напр. падеже может выражать временное соотношение действий: тат. *Моны күрүгә Гөлзифаның адымнары узенинэң узе акрынайды* (Техфатуллин 1979, 41) 'Когда Гельзифа это увидела, ее шаги сами по себе стали замедляться'; *Машина кинэт күзгалуга капитан чайкалып кузов эченә авып төштө* (Казан утлары) 'Когда машина тронулась, капитан, покачнувшись, свалился в кузов'; *Яктыра башлауга, буран басылда көн дә жылытыр жибәрде* (Гали, 143) 'Когда начало светить, буран стих, и день стал теплее'; *Шул команданы шиетүгә, чана башына утырган солдат атыңын тартып жибәрде. Ат ялқау гына урыныннан күзгалды* (Там же, 158, 159) 'Когда сидевший на передке саней солдат услышал команду, он дернул лошадь, и та лениво сдвинулась с места'.

Отглагольное имя на -у легко сочетается с послелогами и другими служебными словами.

Отглагольное имя на -у + послелог мен//белән 'с': каз. *Бала шалдың айтуымен журіл келе жатса, таудың үңгірінен бір қоян қошады* (КЕ, 84) 'Когда мальчикшел, следуя указаниям старика, перед ним из норы в горе выбежал заяц'; тат. *Бездә су бик азайды, яңғыр булмаулык белән* 'У нас очень мало стало воды, так как не было дождей' [Закиев 1963, 296]; Узен өрак булу белән, син китмисең минем йөрәктән 'Ты не уходишь из моего сердца, хотя и далек от меня' [Там же, 287].

Отглагольное имя на -у в дат. падеже + служебное слово караганда 'судя по': каз. *Шешесінің айтуына караганда ол арада мыжырайған уш-төрт үй лас кеше* (Сарғаскаев, 16) 'Судя по словам матери, в тех местах есть три-четыре разваленных лачужки да грязная улица'.

Отглагольное имя на -у + служебное слово сәбәп(ле) 'по причине' передает причинно-следственные отношения. Ср. тат. *Вактында яңғыр булмау сәбәпле, сабаннар да уңмадылар* (Гази, 16) 'Ввиду того что вовремя не было дождей, яровые не уродились'.

ТРАНСФОРМАНТ – ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ НА -АСЫ

Причастие буд. времени на -асы распространено во многих тюркских языках. Оно может выражать атрибутивные отношения и преобразовывать потенциально возможные определительные придаточные предложения. Ср. тат. *Без барасы юлларның ике чите ғәлчәчәк* 'Пути, по которым нам предстоит идти, по обеим сторонам устланы цветами' [Закиев 1963, 288]. Однако в атрибутивной роли это причастие в татарском языке употребляется довольно редко.

Причастию на -асы в чувашском языке соответствует причастие на -ас. В атрибутивной роли оно, по-видимому, никогда не употребляется, за исключением скучных реликтов типа *килес çул* 'будущий год', *пулас вăхăт* 'будущее время' и т. д.

В чувашском языке отпричастное имя на -ас в вин. падеже обычно образует объектные конструкции: *Афишәсем Островский пьесисине лартасси синчен пېлтереççé* 'Афиша извещает о (предстоящей) постановке пьес Островского' [МГЧЯ 1957, 237]; *Хăсан паraphут килессине пېлме йывăрчче* (Осипов, 97) 'Трудно узнать, когда придет из Казани пароход'; *Юлташсем! Пиллекмëш çул вăрçă тыратъ, вăл чăрăннassi таллă мархакалаça*

пуçлар Федотов... (Там же, 108) 'Товарищи! Война идет пятый год. Кончается она или нет... – начал говорить Федотов'.

Причастие на *-ас* + показатель оруд. падежа *-ла* образует конструкцию, выражающую действие, совершающееся параллельно или предшествующее действию главного предложения: *Хёвел анаста çанаçу пуçланче* 'При закате солнца начался бой' [МГЧЯ 1957, 225].

Отпричастное имя на *-ас* + послелог *умён* 'перед' образует конструкцию, выражающую предшествующее действие, ср. *Пáрахут килес умён пристань çине халах нумай пуçтарынче* (Алендей, 26) 'Перед самым приходом парохода на пристани скопилось много народа'.

Причастие на *-ас* не является активным трансформантом.

Элемент *с* имеет футуральное или дезидеративное значение и, по-видимому, родствен афф.-с дезидеративных глаголов, ср. чагатайск. *kälig-sä* 'хотеть прийти'. Этот же элемент встречается в некоторых оптативных формах, ср. тур. *olsun* 'да будет', а также в афф. *-мас* (отрицательная форма 3-го лица наст.-буд. времени). Возможно, что причастие буд. времени на *-асы* было более широко распространено в общетюркскую эпоху. В современных тюркских языках зона его распространения ограничена.

Отпричастное имя на *-асы* встречается в рамках простого предложения, ср. чув. *сывáрас килет* 'мне хочется спать', тат. *сéйлэн тэ горасы юк инде* 'говорить уже не о чем'.

ТРАНСФОРМАНТ–ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА *-ЫБ*

Широко распространенное в тюркских языках деепричастие на *-ыб* используется для преобразования потенциально возможных придаточных предложений. В преобладающем большинстве случаев конструкция с причастием на *-ыб* выражает действие, предшествующее главному, ср. тат. *Карлар зреп, агачлар бөреләнде* (Расих 1955, 61) 'Когда снег растаял, на деревьях набухли почки'; шор. *Паштапкы кар чыгып (чаан) соок пола перди* 'Выпал первый снег, стало холодно' [Дыренкова 1941, 287]; алт. *Дыас келип кар кайылды* 'Когда пришла весна, снег растаял' [Дыренкова 1940₁, 133]; каз. *Күн батып, ел орынга отырды* (разг.) 'Солнце зашло, люди сели на место'; кирг. *Мугалим келип, сабак башталды* 'Когда приехал учитель, начался урок' [Сартбаев 1953, 8]; туркм. *Гыш гечип, яз экиши кампаниясы башланды* 'Когда прошла зима, началась весенняя посевная кампания' [Аннануров 1956, 140]; узб. *Яйловни қоронгилик босиб, одамлар ҳаво ўрнига тупроқ ютишган* (Чашмалар, 66) 'Когда летовку окутала темнота, люди заглатывали землю вместо воздуха'.

Деепричастие на *-ыб* может передавать действия, происходящие параллельно с действием главного предложения. Ср. аз. *Айы мешәдән күсуб, мешәнин хәбәри йох* (Аталаф сөзү, 27) 'Когда медведь на лес обижается, у леса нет об этом сведений'; кум. *Мен ишимни артына чыгъя туруп, эшик ачылды* 'Когда я заканчивал работу, открылась дверь' [Джанмавов 1967, 460]. Временной план зависимой трансформы с *-ыб* определяется сказуемым главного предложения. Это может быть не только план наст., прош., но и буд. времени. У рассматриваемой конструкции в отдельных тюркских языках и их памятниках встречаются и другие оттенки временного соотношения двух действий: исходный момент совершения действия,

действие, совершившееся незадолго до действия главного предложения, предел, до которого совершается другое действие, причинно-следственные отношения и т. д.

Деепричастие на -ыб может принимать падежные окончания, а также сочетаться с послелогами.

В древнеуйгурском памятнике Огуз-наме встречается зависимая трансформа с деепричастием на -ыб + окончание исх. падежа, передающая причину совершения действия: *Муз тағларда көб соғык болубдан ол бөг қағардан сарунміш ёрді, ал ак ёрді* 'Из-за сильного холода в ледяных горах тот бек покрылся снегом, стал белым-белым' [Шербак 1959, 48]; ср. также туркм. *Ишан гойман сон, ахыры айтмалы болярлар* 'Так как Ишан (от них) не отставал, то они в конце оказываются вынужденными сказать' [Поцелевский 1943, 84].

Существование деепричастия на -ыб с полным правом можно отнести к эпохе тюркского прайзыка. Оно широко употребляется в рамках простого предложения, ср. аз. *Чөрәйиндан кәсіб, көй соғанла бәрабер Аслана узатды* (Меңди 1953, 59) 'Отрезав хлеб, он протянул Аслану (его) вместе с зеленью и луком'; хак. *Тайғадан иніл, ибзөр парыбысты* 'Спустившись из тайги, пошел по направлению к дому' [Дыренкова 1948, 79].

ТРАНСФОРМАНТ – ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА -А

Это деепричастие передает временное соотношение действий: кум. *Таңг ата чыкъым* (разг.) 'Я вышел, когда занималась заря'; причинно-следственное отношение: кум. *Тарыкълы заманда янгур болмай, ашлықълар къолдан чыкъды* 'Урожай погиб, потому что в нужное время не было дождя'.

Отрицательная форма деепричастия на -май чаще передает действие, которое не успевает осуществиться до наступления действия, выраженного в главной части: каз. *Бір жыл өтпей, анасы кусадан қайтыс болды* (Нурпеисов, 22) 'Не прошло и года, как мать его умерла от тоски'; ккалл. *Қасқыр жити тартып есикти аша сала, кемпирге умтылып, ұз-демей кемпирди жутып жиберди* 'Волк потянул веревку, распахнул двери, бросился на старуху, и не успела та ахнуть, как он проглотил ее' [ККРСЛ. 1958, 865]; узб. *Зум ўтмай, у юигит олдидо пайдо бўлди* (Аҳмад, 4) 'Не прошло мгновения, он появился перед тем молодым человеком'.

В некоторых тюркских языках (кумыкский, киргизский) названная конструкция выражает действие, служащее пределом для другого действия. Ср. кирг. *Алар келбей, көче албайбыз* 'Пока они не придут, мы не сможем перекочевать' [Мураталиев 1962, 16]; кум. *Гъали, сагъат сегиз битмей, къарангы болмай* 'Сейчас до тех пор, пока не будет восьми часов (если не будет восьми часов), не наступает темнота' [Джанмавов 1967, 107].

ТРАНСФОРМАНТ – ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА -АРАҚ

Конструкция встречается довольно редко, главным образом в турецком: *Gözlerim yaşarak ve sesim titriyerek ayrılmamızın imkânsızlığını anlatıyorum* 'Глаза мои увлажнялись слезами, голос мой дрожал, я говорил о невозможности нашей разлуки' [Кононов 1956, 477].

В чувашском языке трансформант на *-рах* принимает показатель оруд. падежа *-ла* (-*рахна*) и образует конструкцию, выражающую параллельное с главным действие: *Кайт ўсерехне вăл сăвăсем çырма пикеннĕ* (Артемьев, 23) 'Он, когда чуть подрос, стремился писать стихи'.

ТРАНСФОРМАНТ – ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА *-сан*

Деепричастие на *-сан* распространено в чувашском языке. Употребляется для выражения временного соотношения действий: *Тревога сассине шлтсен, вăл политехнически институт подвалне кĕрсе ларнă* (Талвир 1952, 192) 'Когда он услышал сигнал тревоги, он вошел в подвал политехнического института'; *Перрон çине тухсан, Валентина Саванти тĕл пулчĕ* (Там же, 33) 'Когда Валентина вышла на перрон, она встретила Савантея'.

Деепричастие на *-сан* может образовывать абсолютные деепричастные обороты: *Пăрахут куçран çухалсанах эпĕ хама çав тери кичем пулса кайни-не сисрём* (Лазарева 1977, 127) 'Когда пароход скрылся из виду (букв.: из глаз), я почувствовала такую грусть'; *Пуху пëтсен, Асанов, райком секретарне ёсатма тесе, клуб алăкĕ умне тухрë* (Эсхель, 18) 'Когда собрание окончилось, Асанов вышел за дверь провожать председателя'.

ТРАНСФОРМАНТ – ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА *-гач*

В кыпчакских языках довольно большое распространение имеет деепричастие на *-гач*, способное образовывать абсолютные деепричастные обороты: тат. *Язын жир кипкăч та, авыл мăктăбендĕ укулар тукталды* (Гали 1956, 222) 'Когда весной земля подсохла, занятия в школе приостановились'; узб. *Кун кўтарилиб колгач, Заргар бир чойнақ чой олиб кирди* (Раким 1962, 120) 'Когда поднялось солнце, Заргар принес чайник с чаем'; башк. *Сәгәт телдәре тейешле вакытты күрнәткес, сигнал ракетаны атылды* (Хәрби повестар, 13) 'Когда стрелки часов показали нужное время, была выпущена ракета'; *Мин мактаптан сыккас, кар яуа башланы* 'Как только я вышел из школы, повалил снег' [Дмитриев 1948, 248].

Вопрос о происхождении показателя деепричастия *-гач* до сих пор в достаточной степени не выяснен.

ТРАНСФОРМАНТ – ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА *-кен*

В тюркских языках как кыпчакского, так и огузского ареала распространены зависимые трансформы с формирующим членом – деепричастием на *-кен*: аз. *Шәрәфоглу влумчул һалда һарби хастеханада јатыркән дејүшдән көз ачмајан Рустам ону унуда билмирди* (Ибраһимов 1966, 96) 'Шарифоглу, лежащего при смерти в военном госпитале, не приходящего в себя после боя, Рустам не мог забыть'; аз. *Садыг киши кэнд мактабинин янындан кечәркән мүәллим она яхынлашды* (Мehди 1954, 52) 'Когда Садыг-киши проходил мимо школы, к нему подошел учитель'; гаг. *Ölä bakarkan dенизä, ишидилер былыын сеси* (Буджактан, 130) 'Пока смотрел он на море, послышался плеск рыбы'; тур. *Oda kapısını anahtarla açmağa uğraşırken içinde sevince benziyen bir şey, sabırsızlık ve hurs vardı* (Sabahattin 1966, 102) 'Когда я ключом открывал комнатную дверь, во мне было (тво-

рилось) что-то похожее на радость, нетерпение, возбуждение'; *Durakta tramvay beklerken bir kadın yanındaki kadına beni gösterip* (Nesin 1962, 17) 'Когда мы ждали трамвай на остановке, одна женщина показала на меня соседней женщине'; туркм. *Мен курса геліәркәм* (*геліән вагтымда*), окувлар яңжа башланярды (разг.) 'Когда я ехал на курсы, занятия только начинались'; узб. *Мактабидан озод бўлиб югуриб келаркан, дарров бағрига босар, сут патирнон ва ширинликлар барада* (Ойбек, 32) 'Когда он прибегал, освободившись после школы, она тут же заключала его в объятия и давала молоко, лепешки и сладости'.

По мнению ряда тюркологов, деепричастие на -кен восходит к *i-ken* <*i + ken*, где *i < ir ~er* основа глагола 'быть' [Кононов 1956, 484–485].

ТРАНСФОРМАНТ – ДЕЕПРИЧАСТИЕ НА -ЫН

В якутском языке существует деепричастие на -ын, которое, подобно деепричастию на -ып в других тюркских языках, способно трансформировать потенциально возможные придаточные обстоятельственные предложения: *Оттон советский былаас кэлэн, мишигин қыныл армеецтар харайбыттара* (Островский, 153) 'Потом советская власть пришла, меня красноармейцы подобрали'.

При создании трансформ тюркские языки широко пользовались приемами создания простого предложения. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что до возникновения трансформ все трансформанты уже находились в составе простого предложения, ср. тат. *Капкадан чыгуга, Тимербай атларны полный ход жибәрде* (Гали 1956, 236) 'Выехав за ворота, Тимербай пустил лошадей на полный ход'; Анына килгэндэ, Жамали узенец яртылаш балчык астында күмелеп ятканын күрде (Там же, 126) 'Придя в себя, Джамали увидел, что он до половины увяз в грязи'; Тац этәчләре кычкыра башлагач, Зояга кереп кунган Казан ямщиклары кузгалып чыга башладылар (Там же, 213) 'Когда утренние петухи начали петь, начевавшие у Зои казанские ямщики тронулись'.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЩНОСТИ ЗАВИСИМЫХ ТРАНСФОРМ

Необходимо теперь дать более или менее определенный ответ на извечно спорный вопрос. Действительно ли трансформы, т. е. причастные и деепричастные конструкции, являются придаточными предложениями? Если нет, то как их называть в практике школьного преподавания.

Мы считаем, что эти конструкции не являются придаточными предложениями. Это трансформы. Однако термин "трансформы" многозначен и неудобен на практике. Лучше всего их называть причастными и деепричастными заменителями придаточных предложений.

Некоторые тюркологи, как отечественные, так и зарубежные, стремились во что бы то ни стало выявить здесь специфику, присущую только тюркским языкам. Так возникла теория о наличии в тюркских языках придаточных предложений особого рода – так называемых синтетических придаточных предложений. На самом деле никакой особой специфики здесь нет. Причастные и деепричастные конструкции широко употребля-

ются в самых различных языках мира. Что касается абсолютных оборотов, то они существовали в греческом, латинском, церковнославянском и даже существуют в некоторых современных языках. Сам термин "абсолютный оборот" существует в языкоznании по меньшей мере две сотни лет, и приходится удивляться, почему тюркологи не обращали на него никакого внимания.

УСЛОВНЫЙ ПЕРИОД В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

КОНСТРУКЦИЯ С ПОКАЗАТЕЛЕМ -СА

Составные компоненты условного периода представляют собой любопытный реликт того древнего состояния, когда два простых предложения соединяются в одно сложное посредством примыкания. Таким образом, условный период не противоречит основной схеме развития тюркского сложного предложения на базе слияния исторически самостоятельных простых предложений.

Однако особенность условного периода состоит в том, что показатель условного наклонения -са логически превратился в связующее подчинительное средство при бессоюзном способе соединения двух предложений. Условное значение формы на -са в условном периоде создается и поддерживается относительным употреблением временных форм в обеих частях этого периода, в котором прослеживаются определенные закономерности. Правда, эти закономерности не строги, как, например, в латинском языке.

Очевидно, под влиянием синтаксиса классических языков (греческого и латинского) многие авторы тюркских грамматик выделяют три типа условного периода: предположительный случай, реальный случай и нереальный случай [Кононов 1960, 527–531]. Нашей точке зрения больше отвечает схема Н.К. Дмитриева, который полагал, что разделение всех придаточных предложений на реальный и иреальный типы является вполне объективным и правильным для башкирского синтаксиса [1948, 268]. С логической точки зрения, всякое допущение (предположение, возможность) фактически выражает несуществующее и несуществовавшее действие и, таким образом, по своей природе является иреальным.

Реальный случай. Всякий условный период слагается из двух частей, конкретно говоря, – из главного и придаточного предложений. Придаточное предложение выполняет здесь чисто техническую функцию. В нем обычно формулируется условие; и поскольку все сводится только к формулировке самого условия, то придаточное предложение как в реальном случае, так и в иреальном содержит форму на -са.

Реальный случай условного периода отличается от нереального тем, что возможность осуществления действия при данном условии рассматривается как вполне осуществимая, т. е. реальная. Ср. узб. *Планни бажарсак, ёмон бўлмас* (Фулом, 32) 'Если мы выполним план, плохо не будет'. Указание на реальность или нереальность условия содержится в главном предложении.

При реальном условии имеет место следующее распределение временных форм.

1. В придаточном предложении – условная форма наст. времени, в глав-

ном — форма наст., наст.-буд. времени. Ср. аз. *һәрә бир сап версә чылтага* *кәйнәк олар* (Аталар сөзу) 'Если каждый нитку даст, голому рубаха будет'; алт. *Малды әйакшы азыразанъ кирелтезин көп аларынъ* 'Если будешь хорошо кормить скот, получишь много дохода (прибыли)' [Дыренкова 1940₁, 257]; башк. *Кыш җаты булна, мин Өфәлә җалам* 'Если зима будет суровая, то я останусь в Уфе' [Дмитриев 1948, 245]; гаг. *Сән бизә гелсәй,* *биз икимиз уроклары ўренериз* (Бабоглу, 64) 'Если ты к нам придешь, мы вдвоем будем учить уроки'; каз. *Еңбек етсең ерінбей, тояды, қарның тіленбей?* 'Если будешь упорно трудиться, то твое желание будет всегда удовлетворено' [Сауранбаев 1946, 26]; кирг. *Эртең сабак болбосо, биз экскурсияга барабыз* 'Если завтра не будет занятый, мы пойдем на экскурсию' [Альпиев 1953, 108]; кум. *Мен оылувърмен, сен шо атны мага сатмансангъ* 'Я умру, если ты не продашь мне этой лошади' [Дмитриев 1940, 198]; тат. *Сорый белсәң, табалар, итен дә табалар, маен дә, шикәрән дә* (Феттах 1966, 76) 'Если сумеешь попросить, найдут. И мясо найдут, и масло, и сахар'; тув. *Күзээр болзунза, чугаалар мен* 'Если ты хочешь, расскажу' [ТРСл. 1955, 719]; тур. *Ja şimdi kalksam, gitsem, onu bıraksam... böyle hasta tek başına ne yapar?* 'А если я сейчас встану, уйду, оставлю его... такой больной, что он один будет делать?' [Кононов 1956, 527]; туркм. *Эркек оглан болса ашык ойнар, гыйз болса ашык ойнар* 'Если он мальчик, он будет играть в бабки, если же девочка, — в куклы' (Туркм. сказки, 115); узб. *Сизни бир кун кўрмасам, ўзимни қаерга қўйшини билмайман* (Чашмалар, 44) 'Если я тебя не увижу один день, то я не знаю, куда себя девать'; уйг. *Asmandin tyssa sintas kəbryktin tyssa sınar* 'Если упадет с неба, (то) не сломается, если упадет с моста, то сломается' [Боровков 1935, 165]; хак. *Танъда пулуттыя күн полза піс сомарға парбаспыс, аяс күн полза, парабыс* 'Если завтра будет облачный день, то мы не пойдем купаться, а если будет ясный день, то пойдем' [ХРСл. 1953, 453]; шор. *Ас ползам, алтон чыл поларым, көп ползам, четтон чыл поларым* 'Если мало пробуду, шестьдесят лет пробуду, если много пробуду, семьдесят лет пробуду' [Дыренкова 1940₂, 299]; Кутадгу билит: *Basitçy tälim bolsa, bığ ätgämäz* 'Если будет много помощников, то начальник не будет мучиться' [Малов 1951, 271].

2. В придаточном условном — условная форма наст. времени, а в главном — форма буд. времени. Ср. аз. *Биз ону ичкидән аյыра билсәк, о би-зим сәһнәмизиң улдузу оланак* (Наббарлы 1954, 32) 'Если нам удастся сделать так, чтобы он расстался с пьянством, он станет звездой нашей сцены'; гаг. *Хер бу iş олурса vereçəm* 'Если это удастся, то я отдаю (дочь)' [Мошков 1904, 2].

3. В придаточном условном — условная форма наст. времени, а в главном — форма повелительного наклонения. Ср. аз. *Абыр истәсән чох демә, Сағылғ истәсән — чох емә* (Аталар сөзу, 18) 'Если хочешь иметь репутацию — много не говори, если хочешь здоровья, много не ешь'; алт. *Дыир алдынанг Эрлик чыкса, мени ундумбай болушка кычыр* 'Если из-под земли выйдет Эрлик, не забудь меня, кричи на помошь' [ОРСл. 1947, 302]; гаг. *Анан бабан соруса каколарда дейсәнä* (разг.) 'Если спросят твою мать с отцом, скажи: у старших сестер (быши)'; кум. *Сен къызардашынга бара бусанг шогъар шу кагъызы да бере гел хари* 'Если ты идешь к своей сестре, пожалуйста, отдай ей и это письмо' (букв. 'отдав, приходи') [Джан-

мавов 1967, 100]; шор. *Парайын тезе, парзын* 'Если хочет идти, пусть идет' [Дыренкова 1940₂, 309]; Кутадгу билиг: *Qaraqy joryq azsa söktä apu* 'Если слепой сбьется с пути, не бранни его' [Малов 1951, 250].

Ирреальный случай условного периода обычно показывает, что действие, зависящее от определенных условий, фактически не осуществлялось. Характер условия, как и в реальном случае, выражается той же формой на -са. В главном предложении показателем нереальности служит так называемая сослагательная форма. По своему происхождению – это будущее в прошедшем, ср. тат. *барыр идем* 'я пошел бы', *алыр идем* 'я взял бы' и т.д. Поскольку эта форма выражает только намерение и фактически не показывает, действительно ли осуществлялось предполагаемое действие, то в нереальном условном периоде эта форма получила значение фактического отсутствия действия. Ср. тат. *Адрессын белсам, хат язар идем* 'Если бы я знал адрес (его, ее), то написал бы письмо' (разг.). (Фактически письмо не было написано, так как говорящий не знал адреса); каз. *Жаман болса, осыған бір нәрсе айттар еди* (КЕ, 419) 'Если бы он был плохим, то не сказал бы ничего на это'; ккалп. *Ханымгүлден ош алсам, армансыз болар едим* (Қайыпбергенов, 10) 'Если бы он не сорвал зло на Ханымгюль, то достиг бы заветной мечты'; ктат. *Ja siz menim jerimde olsanız ne jápar ediniz* (ЕХ, 22) 'Да, если бы вы были на моем месте, что бы вы делали?'

В главном предложении может быть форма прош. времени условного наклонения: баш. *Вакытым булға ине мин һиңә күптән килер инем* 'Если бы у меня было время, я бы давно пришел к тебе' [Дмитриев 1948, 268]; тув. *Келбезинде, хорадар ийик мен* 'Я бы рассердился, если бы ты не пришел' [ТРСл. 1955, 705].

Однако употребление так называемой сослагательной формы в ирреальном условном периоде не является абсолютным правилом. Турецкий и туркменский языки часто используют в ее значении так называемое будущее в прошедшем. Ср. тур. *Pervin kolumna girmeseydi düşecektim* 'Если бы Первин не взяла меня под руку, я упала бы' [Кононов 1956, 530]; туркм. *Eger мен јетишмедин болсамды, онда ол молла Галчыны чейнечекди* 'Если бы я не успел, тогда она (собака) загрызла бы муллу Кылчы' [ГТЯ 1970, 296].

КОНСТРУКЦИЯ С ПОКАЗАТЕЛЕМ -САР

В ранних памятниках рунического письма, а затем в памятниках уйгурского письма, гораздо реже – арабского письма встречается форма на -sar, которая, как и форма на -са, образует условный период. В условном периоде, образованном с участием -sar, наблюдается то же соотношение употребления временных форм.

Реальный случай. В придаточном предложении употребляется форма наст.-буд. времени.

1. Сказуемое главного предложения стоит в форме наст. времени на -тачы, -р. Ср. памятники Монголии XII–XIII в.: (*Tyr*) *к бу(дун)...и бу кағаныңда бу бәгләріг дә жәріңдә субыңда адырылмасар түрк будун өзүң әдәү көртәчі-сән* 'Если ты, тюркский народ, не отделяешься от своего кагана, от своих беков, от своей родины... ты будешь жить счастливо' [Малов 1959, 19, 24]; др.-уйг. *Тиргүдсэр тэнри тиргүдүр, алурсэр тэнри өлүрүр* – *тиддимиз эрсэр* 'Если бы мы сказали – если бог (кого) (захочет)

оживит, он оживит; если бог (кого) умертвит, он умертвит' [Насилов 1963, 111].

2. Сказуемое главного предложения может быть выражено именем с возможной связкой наст. времени. Золотой блеск: *ač ädgü lärim, m(ä)n ðz üt taňlasar m(ä)n, bu ätgäkim tin idi ogypt qutrułgypt joq turur* 'О мои дорогие! Если я надоедаю вам своими вопросами, то ведь у меня совсем нет избавления и спасения от этих моих страданий' [Малов 1951, 155, 159].

3. В главном предложении может присутствовать связочное образование *ärmtis*, вносящее модальные оттенки. Ср. памятник в честь Тоньюкука: *jincäjöyan bolsar, ïrgülüç alp ärmtis* 'Если слабое сделается крепким, то то, что может разорвать крепкое, это будет герой' [Малов 1951, 62, 66].

4. В главном предложении сказуемое стоит в форме буд. времени на -эй. Ср. др.-уйг. *Бироқ эшидмадин ол йолча барсарсэн, улуг биң түшгэйсэн* 'Если ты не послушаешь и пойдешь тем путем, упадешь (непременно) в большую яму' [Насилов 1963, 114].

И реальный случай. Нереальные действия, выражаемые условным периодом, соотносятся с планом прош. времени. Однако сказуемое придаточного условного, выраженное формой на -сар, не имеет формальных показателей прош. времени. Ср. рунический памятник хану Могиляну: *Män iniligü бунча башилају казынмасар, türk будун öltäči ärti, jok болтачы ärti* 'Если бы я не приобретал с большим усердием (желанием), то народ тюркский мог бы умереть и совсем уничтожиться' [Малов 1959, 17]; др.-уйг. *Улуг күчүг қутлуғ Бодиствлар эрмэсэр, бу йиркэ нең тэгмэгэй эрти* 'Если бы не было великого, сильного священного Будды, то он никогда не коснулся бы этой земли' [Насилов 1963, 116].

КОНСТРУКЦИЯ С ПОКАЗАТЕЛЕМ -САН

Распространена в чувашском языке.

Реальный случай: *Фарăсене çутатсан, тăшман сисме пултарать* (Алендей, 34) 'Если зажечь фары, неприятель может заметить'; *Салтакла салтак тĕл пулсан, сăмах мĕн, сăмах мĕн çинчен пурланасси паллах: мĕнле часре, аçта, миçе çул хушии салтак пăтти çини çинчен калаçaççé* (Ухли 1956, 4) 'Если солдат с солдатом встретится, известно о чем будет разговор: будут говорить о том, кто в какой части служил, где и сколько лет'.

Ирреальный случай: *Эпё вăхăтра института вĕренме кĕнĕ пулсан, халĕ ёнтĕ вĕренсе тухăç пулăттам* 'Если бы я вовремя поступил в институт, теперь уже окончил бы' [МГЧЯ 1957, 207].

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФОРМ УСЛОВНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Относительно происхождения показателя условного наклонения -са высказывалось много различных предположений. Заслуживает внимания попытка связать его с архаичным показателем желательного наклонения, или оптатива. Действительно, в тюркских языках можно найти такие примеры, ср. аз. *Москваја кëтсам, ону кëрсам!* 'Поехать бы мне в Москву, повидать бы ее' [Гаджиева, 1973, 329]; тат. Эх, шул тойгаларны китап итеп язсалар иде 'Эх, об этих чувствах написали бы книги' [Там же]; кирг. *Жаңы жаңы тоогороду тапсам* 'Эх! Найти бы мне новые горы' [Муралиев 1962, 17].

Всякое условие предполагает действие, проецированное в план будущего. Казалось бы, для его выражения лучше всего могла подойти форма будущего времени. Реальный случай фактически выражает предположение, которому говорящий приписывает только большую степень вероятности. Для всякого предположения форма оптатива на -са была бы более логична и естественна.

В основе формы оптатива на -са́р лежит форма оптатива на -са, осложненная показателем наст.-буд. времени -р. Форма возникла позже, поскольку она имела известные зональные ограничения.

В основе чувашского оптатива на -сан, вероятно, лежит показатель оптатива на -сын (тат. ал-сын 'пусть он возьмет'). Здесь только другая форма аблautа (-сан вм. -сын). Оптатив на -сын, вероятно, существовал уже в эпоху тюркского прайзыка, но в чувашском языке утвердилась его форма с аблautом *a*.

В тюркских языках существует омонимичный формант -са, выражающий временные отношения, ср. башк. *Карт өйенә килсә, бер нәмә лә қалмаган* 'Когда старик вернулся домой, там ничего не осталось' [Дмитриев 1948, 269]; тат. *Пульсын санарга дип кульна сузылсам, бармакларым юеш бернәрсәгә тиде* (Кутуй, 65) 'Когда я протянула руку, чтобы проверить пульс, мои руки наткнулись на что-то жидкое'; узб. *Мен қатта бўлсам, шофер буламан* (Чашмалар, 80) 'Когда вырасту, буду шофером'. Можно предполагать, что показатель -са в этих случаях является показателем деепричастия, который генетически не связан с показателем условного наклонения. Деепричастие на -са широко распространено в чувашском языке, где оно выражает действие, предшествующее и одновременно протекающее. В других случаях сфера его употребления сильно сократилась, поскольку с ним конкурирует деепричастие на -ып.

ГЛАВА IV

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОЮЗНОГО ТИПА

Самый ранний этап в историческом развитии сложного предложения, очевидно, характеризовался абсолютным преобладанием простого предложения, примыкание является наидревнейшим способом выражения синтаксических отношений. Об этом свидетельствует материал как обще-туркских памятников, так и памятников отдельных тюркских языков, сохранивших структуру нанизанных простых предложений, в рамках которых передавались не только сочинительные, но и подчинительные отношения (см. об этом выше). В дальнейшем средства одного логического паратаксиса и гипотаксиса стали недостаточны. Видоизменение в языковом состоянии шло по двум линиям.

1. Соединение двух исторически самостоятельных предложений в одно путем выражения одного из сказуемых неличной глагольной формой. Процесс этот поддерживался давлением системы — агглютинативной структурой тюркских языков.

2. Соединение простых предложений в сложные с помощью союзов и союзных слов, что напоминает сочинение и подчинение в индоевропейских языках. В строе тюркских языков были заложены условия для развития союзных предложений, но вместе с тем союзный способ подчинения не стал ведущим во всех тюркских языках. В чем здесь причина? Прежде всего бессоюзные предложения были сильным конкурентом союзного способа подчинения. Анализ бессоюзных сочетаний показывает, какую значительную роль в их формировании играют структурные признаки, легко заменяющие союзы: лексическая обусловленность между членами в частях бессоюзного целого, морфологическое оформление сказуемых и проч. Ср. аз. *Бир ата дөггүз оғлу бәсләр, дөггүз оғлу бир атаны бәсләйә билмәз* (Атлар сөзу, 42) 'Один отец кормит девять сыновей, (а) девять сыновей не могут прокормить одного отца'.

Значительную конкуренцию при развитии союзного подчинения представляла такая синтаксическая категория, как зависимые трансформы. Если развитие зависимых трансформ, как уже отмечалось, отвечало особенностям строя тюркских языков, то почему все же в тюркских языках возникли союзы и языки не обошлись одними зависимыми трансформами (абсолютными оборотами)?

Внимательный анализ семантических отношений, передаваемых как зависимыми трансформами, так и союзовыми предложениями, дает возможность предполагать, что синтаксическим основанием для развития союзных предложений были противительные значения — условные, следственные и др. Немаловажную роль играл характер временного соотношения действий. В случае необходимости показать резкое противопоставление

временных планов, контрастность выбиралась по мере возможности союзные предложения. Значение противительности, противопоставления хорошую выражали частицы, которые и легли в основу многих союзных образований. Так, например, в башкирском литературном языке для связи придаточных предложений образа действия принят союз *ки*: *Шул тиклем моңло итеп уйнап ебәрә ки, һар бер ауырыу дәртләнеп науыга башлай* 'Он начинает так печально и грустить, что каждый больной оживляется и начинает выздоравливать' [Дмитриев 1948, 271].

Союз *ки* в определительных конструкциях, как правило, употребляется при конкретизации определяемого, при сообщении дополнительных его свойств и различных характеристик: аз. *Инди сәнә елә бир су верим ки, дүнҗада һеч бир пәhlәваның қуны сәнә чатмасын* (АН, 20) 'Дам-ка я тебе сейчас такую воду, что никакая богатырская сила в мире тебя не одолеет'. Союз *ки* очень распространен в объектных конструкциях. Он удобен для сохранения высказывания в его прямой передаче, выполняя роль ковычек: аз. *Уч жүнәвәл дејир ки, ана, Балыја мушавирајә жәдирәм механизаторларын мушавириәсінә* (Ибраһимов 1966, 55) 'Три дня назад он говорит, (что) мама, я еду на совещание в Баку, на совещание механизаторов'.

Самые разнообразные нюансы соотнесенности двух действий передаются при помощи соотносительных слов в главной части, которые в отношении оттенков передаваемых подчинительных значений иногда имеют преимущество перед зависимыми трансформами (абсолютными оборотами). Ср. уyg. *У өз адамлариниң арасыда сөзлигәндә шундақ чапсан сөзләттики униң алдида олтиргән адамниң үзлириза түкүрүкләр чечирап туратты* (Босақов, 40) 'Когда он говорил среди своих людей, он говорил так быстро, что брызги долетали до лиц сидящих перед ним людей'.

Таким образом, на развитие способов подчинения – трансформации и союзного – оказало влияние, с одной стороны, система, с другой стороны, семантика. Давление системы создавало зависимые обороты-трансформы, а специфическая семантика контрастности, противопоставления требовала развития союзного способа, для которого в недрах самих тюркских языков имелись условия в виде развитой системы постпозитивных усиленительных частиц. Последние в своем развитии и устремились в ту брешь, которая трудно заполнялась способом трансформации (сложноподчиненные предложения с контрастным противопоставлением), и здесь они либо превратились в союзы (*ки, да*), либо вошли в состав сложных союзных образований типа: *аммаки, егерки, чунки, егерде* и др.

Оба способа подчинения (как трансформация, так и союзный способ) постоянно сталкивались друг с другом, что находило выражение в многочисленных случаях их гибридизации: сочетание союза (союзного слова) и зависимой трансформы (абсолютного оборота), постпозитивной частицы и зависимой трансформы и т.д. (см. гл V).

Давление системы сказалось именно в постпозитивном характере частицы – союза *ки*. Всякое придаточное предложение на правах зависимого определения (в широком смысле) стремится уложиться в рамки главного. Эта тенденция проявилась и при создании придаточных союзного типа. Ср. союз *ки*, который примыкая к главному, составляет с ним единую ритмико-сintаксическую единицу: аз. *Юхуда көрүрәм ки, сарин бир*

булаг башындаям (Меңди 1954, 364) 'Я вижу во сне, что (нахожусь) у прохладного источника'.

Таким образом, союзный способ подчинения развивался в тюркских языках параллельно развитию зависимых трансформ. Оба способа не противоречили друг другу, для их развития известные условия были заложены в самой внутренней структуре тюркских языков.

Тюркские языки располагают известным количеством сочинительных и подчинительных союзов и союзных слов, характеристика которых предлагается в алфавитном порядке¹.

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

ә/ә 'ә'. Сопровождается интонацией противопоставления. Устанавливает между предложениями противительно-уступительные отношения. Ср. алт. *Ол экинчи ўчинчи, төргинчи канғза танғыны тартты, а кааның билезине кайкал болуп турғаны билдирибейт, кандай болгон андый ла отурғылады* 'Он выкурил вторую, третью, четвертую трубку табаку, но не расколдовал семью хана — какой она была (застывшей в неподвижности), такой и осталась' [ОРСл 1947, 302]; сев. диал. *Тъелбеген ўйгъо гирген, а Пашипрак ўйтке киревен* 'Людоед входил в дом, а Пашипрак выходил в отверстие' [Баскаков 1965, 27]; башк. *Ауыл тузып бөткән, ә ул өй һалдыра* (Гиләҗев, 21) 'Деревня разорилась, а он дом строит'; кирг. *Уч күндән кийн атасы йүнө кайкты, а уулу заставада кызмат қылууга калды* 'Через три дня отец вернулся домой, а сын остался служить на заставе' [Скирдов 1962, 12]; кирг. *Мария да анча эмес, а тигил бозалдеген Акия Чарғын бай-кушту оттон алып, суга салып жатат* 'Мария сидела спокойно, а неугомонная Акия всячески издевалась над бедным Чарғыном' [Мураталиев 1962, 6]; ног. *Запискадың оғызи энди йокты да, а соыз ол документ түвүл, оны делога тигип сала коймасынъ* (Кень Йолар, 20) 'Ведь самой записи теперь нет, а слово — не документ, не пришьешь в дело'; тат. *Ике тау арасында бик зур бер алан, ә шул алан уртасында утыра икән, ди бик матур итеп эшләнгән бер йорт* (ТХӘ, 2) 'Между двух гор одна большая поляна, а посреди этой поляны стоит, оказывается, очень хорошо сделанный дом'; Иртәгә сукала чыгарга кирак, ә син анда... кайдадыр типтереп йөрүсөц (Фаттах 1966, 43) 'Завтра нужно на пахату выходить, а ты здесь... где-то шатаешься (пьянствуешь)'; тув. *Үгү дүненэ эки көөр, а хүндүс балай көөр* 'Филипп ночью видит хорошо, а днем плохо' [Исхаков, Пальмбах 1961, 451]; чув. *Энәр сире шотсар кётрёмәр, ә эсәр кильме шотламан та* 'Мы вас очень ждали, а вы не подумали даже приехать' [Канюкова 1965, 103].

айса 'а'. Имеет противительно-разделительное значение. Распространен в алтайском, крымскотатарском языках. Ср. алт. *Айса келерим, айса келбезим* 'Может быть, приду, а может быть, не приду' [ОРСл 1947, 302].

ал. Имеет противительное значение. Распространен в казахском, карақалпакском. Ср. каз. *Қали, Илья, Гриша, Евгений, Қасым сендер маңдай алды екпіндістідер, ал барактарыңда мәдәниетсіздік ластық болып жатыр*

¹ В данном разделе союзы и союзные слова демонстрируются в рамках как сложного, так и простого предложения, а в отдельных случаях и словосочетаний. Последнее преследует цель показать неравный удельный вес различных их функций.

'Кали, Илья, Гриша, Евгений, вы первые ударники, а бараки ваши в грязи' [СКЯ 1962, 609]; *Сән танымадың жігітім, ал мен таныдым* 'Ты не узнал меня, джигит, а я знаю тебя' [Там же, 409]; ккалп. *Ол авқатланды, ал онан кейин дем алув ушын джатты* 'Он поел, а затем лег отдохнуть' [Баскаков 1952, 520]; *Мамыт джазады, ал Сапар китап оқыйды* 'Мамут пишет, что Сапар читает книгу' [Там же, 520].

алай, алайба. Имеет разделительное значение, встречается в хакасском языке: *Сулар пірееде пасха сүә кире ахчалар алайба көлге кире ахчалар, алайба талайда кире ахчалар* 'Реки впадают (текут) в другие реки, или в озеро, или в море' [Дыренкова 1948, 122].

В карачаево-балкарском языке он встречается в сочетании со словом *болғъанлыкъъ*, имеет противительно-уступительное значение: *Биченликле быйыл иги эдиле, алай болғъанлыкъъ заманында бичен чалынмады да малла биченсиз къалдыла* 'Сенокосные угодья в этом году были хорошие, но вовремя сеном не запаслись, и скот остался без кормов' [Алиев 1959, 71].

В казахском языке встречается этимологически родственный вариант *алайда*: *Бир қалада тұрған соң әрине, көруім де мүмкін, алайда күнде талай адамды көресің...* оның бәрін жадыңда сақтай бермейсің гой

'Живем в одном городе, возможно, и видел где... но ведь всех не запомнишь' [СКЯ 1962, 407].

аман + усиливательная частица *да*. Имеет противительное значение: ног. *Столынызга шакырып алғаныныз ушин сав болынъыз, бек разыман, аман да сөле мен олтырмага болмайман* (Кень йолар, 10) 'Спасибо вам за то, что вы приглашаете к столу, я очень признателен, но я не могу сесть'.

амма. Имеет противительно-уступительное значение. Распространен в большинстве современных тюркских языков, особенно в языках со старой письменной традицией: аз. *Мән иннимәрәм, амма Гараша жазығың қалсın* (Ибраһимов 1966, 58) 'Я не обижаюсь, а (вот) Гараша жаль'; *Қөрдүк амма тапышимадыг, айрылдыг* (Вагиф, 9) 'Мы встречались, но не познакомились и расстались'; гаг. *Варды әлә бир кыз, ама йөвнү олду, сабаа онун дүүнү* (Буджакстан, 110) 'Была одна такая девушка, но она сосватана, завтра ее свадьба'; ктат. *Baharda jaxşy, ata kyzde jaxşy dygyldir* [Кая 1928, 82] 'Весной хорошо, а осенью не хорошо'; кум. *Хайрулла утдурса китаплар ала турар, амма менчи медальон алажакъман* 'Если Хайрулла проиграет, пусть он себе покупает книги, а я куплю медальон' [Джанмавов 1967, 209]; ног. *Ол сөззин Марием буғын әрженлікте баслаяк болып эди, ама Азреттинъ қайғылы сыпантын көрүп, сойлемеге болмады* (Кень йоллар, 6) 'Тот разговор Марием должна была начать сегодня утром, но (увидав) из-за состояния опечаленного Азрета он не состоялся'; тат. *Кен саен диярлек уқытучылар килде, шулай ук тиргәделәр, угетләделәр, амма малайларга бер нарса да тәэсир итмәде* (Фаттах 1966, 89) 'Почти ежедневно приходили учителя, также ругались, уговаривали, но на мальчиков ничего не действовало'; тур. *Evet, gözleri yabancı degildi, ata ne tünasebet* (Sabahattin 1966, 138) 'Да, глаза у нее не были чужими, но почему! (в какой связи)'; туркм. *Моллаев измедин бир затлар айтмакчы болды, эмма Дурдыев оңа май бермеди* (Маммедов, 63) 'Моллаев что-то хотел сказать, но Дурдыев ему не дал сказать'; узб. *Командирлар, боевой йигитлар бор, аммо яроғ, ўқдори ўйқ* (Яшин, 23) 'Командиры, боевые молодые люди имеются, но оружия,

пуль (и) пороха нет'; *Юрагим талпинади, аммо киришга журъат қиломайман* (Чашмалар, 7) 'Сердце мое трепещет, но я не осмеливаюсь (решаюсь) войти'; уйг. *Патимә хәт ىازмиди, амма Самат унинг шүинатти* 'Фатима не писала писем, но Самет был уверен в ней' [Наджип 1960, 124]; Родословная туркмен: *Бізңің ічіміздә оғуз намә көб туур, амма hіch жаңысы jok* 'У нас много есть Огуз-наме, но нет ни одного хорошего (списка)' [Кононов 1958, 169].

В некоторых тюркских языках союз *амма* встречается в сочетании с сочинительным союзом *ва*. Ср. кум. (кайтакск. диал.) *Тайхана йахши зат, ваамма тәрәзәни йада эшкни ачып къоймаса, уй тутунан толуп къала* 'Камин – хорошая вещь, но, если не оставлять открытым окно или дверь, комната наполняется дымом' [Керимов 1953, 289].

В диалектах турецкого языка, а также в азербайджанском языке *амма* может сопровождаться усиливательной частицей *ки*: *bir çadır var, ammaki heş bu cadırın gapusunda heç erkek yok* (Caferoğlu, 63) 'Есть один шатер, но у входа в него ни одного мужчины'.

В лобнорском языке, а также уйгурском наречии Синьцзяна, хамийском наречии, встречается союзное образование *емесе* (*ämicä*) с противительно-условным значением. Очевидно, составным элементом этого союза является афф. *-са*. Ср. лоб. *Мен байп шо тұлқыну тутуп көла!* *деді*, *емесе саңа неме lazım десе маңа* 'Я пойду и ту лису приведу, если так, то тебе (для того), что необходимо мне' [Малов 1956, 107]; хамийск. нареч.: *Ämäcä менің бұлым jok қызыл ма jok* 'Если так, у меня нет ни сына, ни дочери' [Малов 1954, 78, 80].

ананъ. соединительный союз. Распространен в хакасском языке: *Чыл тохтан парган, ананъ нанъмыр чабысхан* 'Ветер перестал, и затем пошел дождь' [ХРСл. 1953, 477].

аннаг. Имеет противительное значение: аз. *Лачын мәни чох истәjip, аннаг каши ки сығырчы олмаяйды* (Меҳди 1954, 21) 'Лачын меня очень любит, но если бы он не был пастухом'; чув. *Сахал мар тумхахсем те чәрмавсем те тәл пулчәс турнаç çулә çинче анчахта – хәвәрат пәләтәр пирән халәхшән сәнәймен ыйväрләхсем չук* 'Многие невзгоды и препятствия встречались на его жизненном пути, но, сами знаете, для нашего народа нет трудностей' [МГЧЯ 1957, 327]; Среднеазиатский тифсир: *Бу jaqı туурур сәңä тақى сәнің джубгуткән анчақ чи қармасун сизләрні учмақдән* 'Это враг тебе и жене твоей, иначе он не вывел бы вас из рая' [Боровков 1963, 54].

ара ... ара 'то ... то' выражает чередование действий. Кутадгу билиг: *Ara kürmädük täg...ara körsä, ävrür jana tärk jüzin* 'То как бы не замечает ... Иногда, как только увидит, то быстро опять поворачивает свое лицо' [Малов 1951, 241, 269]. В якутском языке ему соответствует сочинительный союз *арыт ... арыт* 'иногда ... иногда, то ... то': *Арыт аттаан, арыт бөкчөйөн, арыт туран эрэ сырсабыт* 'То ползая, то согнувшись, то выпрямившись, бежит' [Убрытова 1950, 230].

атту. Имеет противительное значение: чув. (верховой диал.) *Айланмалларах кала, атту пәр сামахне ите айланмали չօկ* 'Отчетлинее говори, а то ни одного слова нельзя понять' [Канюкова 1965, 104].

ба ... ба 'то ... то'. Разделительный союз, употребление ограничено гауясским языком: *Дышарда ба каар йаарды, ба йаамура ööpärди* [Бабоглу 111]

1962, 55] 'На улице то снег шел, то дождь'; *Лүзгәр ба есәрди, ба дуар-ды* [Там же, 45] 'Ветер то дул, то стихал'.

база 'и, еще, опять, тоже'. Соединительный союз. Употребляется в тувинском языке: *Хат хадаан, база чаъс чагган* 'Подул ветер, и пошел дождь' [Исхаков, Пальмбах 1961, 451]; в хакасском языке: *Ағас аразында кізілер суулааннар, паза адай јргені истілген* 'В лесу шумели люди и слышался лай собак' [ХРСл. 1953, 477].

баъзан ... баъзан 'то ... то'. Разделительный союз;ср. узб. *Баъзан келади, баъзан келмайди* 'То проходит, то не проходит' [Кононов 1960, 329].

балки. Имеет противительное значение: ккалп. *Сиз келбетсиз гъана емес балки сулуу болгъансыз* 'Вы не только не некрасивы, но вы прекрасны' [Баскаков 1952, 520]; тат. *Балки син барырсың, балки ул узе килер* (разг.) 'Может, ты ждешь, может, он сам приедет' [Закиев 1963, 353]; узб. *Борингиз, газалининг тоти бўлмас, балки, ҳалвосининг тотли бўлиши да гумоним йўқ* (Ойбек, 11) 'Ну ладно, не бывает сладостей от его газелей (стихов), а в том, что халва сладкая – у меня нет сомнения'.

бile/билen, ile/ле/ли, менен/мен. Соединительный союз; чаще соединяет однородные члены: ккалп. *Айел келин къазаннан тавукъты шыгъарса басы менен жөрёги жокъ* 'Когда жена пришла и вытащила курицу из котла, то головы ее и сердца (уже) не было' [Баскаков 1952, 519]; кирг. *Осмонбек менен Жапар тышка чыкты* 'Осмонбек и Джапар вышли наружу' [Скирдов 1962, 11]; туркм. *Ораз билен Дурды туркменче ve русча билийерлер* 'Ораз и Дурды знают и по-туркменски и по-русски' [Дмитриев 1962, 401]; ног. *Атасы ман анасы оъзлери араларында болган соъз акында оға бар зат та айтпадылар* (Абдулжалилов, 38) 'Отец с матерью ничего не сказали ему о разговоре, состоявшемся между ними'.

Настоящий союз довольно раннего происхождения. Его синоним по функции *ва* возник значительно позже (см. об этом ниже, с. 000). Ср. тюркский памятник Деде Коркуд, в котором встречаются обе синонимичные конструкции: *Ata ile oğul; yar ve yoldaş* [Ergin 1963, 470] 'Отец и сын; возлюбленная и друг'.

Соединительный союз *лы* встречаем довольно рано в тюркских памятниках. Ср. памятник уйгурского письма манихейского содержания V в. *t(ä)yili jälki nädä ötrü söñüsmis (söñüsmiš)*, *j(a)yuqly q(a)yaly-q(a)ly* *qatylmuis* 'Почему затем стали во враждебные отношения боги и демоны, как и соединились свет и тьма' [Малов 1951, 118, 122]; памятник уйгурского письма буддийского содержания: *Бу савыş ilik bärli катучлы ácítin ачыq-лары ämgäk läri ýzä умадын, улыстылар сыqtastылар* 'Эти слова правитель-князь и жена его услышали, и из-за возбуждения и тяжелого впечатления они ничего не могли (делать), а только плакали и стонали?' [Там же, 178, 186]; Кутадгу билиг: *بىرلىك كوكلى ييراتغان قموغ تىنلىق لارقا روزى بىرگان* 'Он создал небо и землю и дал всем живым пропитание' [Там же, 231, 234].

бир ... бир 'то ... то'. Разделительный союз: каз. *Косқа бір кірдім, бір шықтым* 'Я то заходил в шалаш, то выходил' [СКЯ 1962, 410]; чув. *Якур пуса уçса нेp хёрлесе, пеp шуралса* 'Выходит Егор, опустив голову: то краснеет, то бледнеет' [МГЧЯ 1957, 328].

В некоторых тюркских языках *бир* может сопровождаться усиливительным *да*. Ср. кирг. *Ал бирде келсе, бирде келбейт* 'Он то приходит, то не

приходит' [Скирдов 1962, 13]; хак. *Аал аразында пірееде адайларның ўргені истіл-парча пірееде петух тапсааны истіл парча* 'В улусе то слышится лай собак, то крик петуха' [ХРСл. 1953, 477].

бірерде ... бірерде 'то ... то'. Разделительный союз. Ср. ног. *Межит, касларының бириккен ерике тыртықлар пыйши, бірерде кабакларын туье, бірерде кабакларын ашып, ойлы тырайлы болып басын шайкай зди* (Абдулжалилов, 12) 'Меджид, наморщив складки между сросшимися бровями, то закрывал веки, то открывал (их), с задумчивым видом качал головой'.

бірден ... бірден 'то ... то', Разделительный союз. Ср. туркм. *Ат бірден дүряр, бірден хем гидиберіэр* 'Лошадь то остановится, то пойдет дальше' [Дмитриев 1962, 403].

біресе ... біресе 'то ... то'. Разделительный союз. Ср. каз. *Біресе ызасы, біресе құлқісі келеді* 'Он то злился, то смеялся' [СКЯ 1962, 410].

бироқ 'но'. Противительный союз. Ср. каз. *Қосылғым келеді, бірақ тіл жетпейді* (Серәлиев, 6) 'Хочется объясниться, но (однако) не хватит смелости'; ккалп. *Ашуу маған күш келтирди, бирак мен оннан жөнгилетүг ынлыгымды узамай ақ сездим* 'Гнев придал мне силы, но скоро я почувствовал, что буду побежден' [ККРСл. 1965, 865]; кирг. *Мехри унчуккан жок, бирок Айкызың ысмын оозго алганды аның оңу кумсарын кетти* (Рашидов, 1961, 18) 'Мехри молчал, но, когда произнесли имя Айкыз, его лицо побледнело от злости'; узб. *Кариб овунтирмоқчи булдим, бироқ шафқатсизлик билан чидадим* (Чашмалар, 16) 'Я намеревался зайти и утешить, но безжалостно остановил себя'.

В киргизском языке встречается сложное союзное образование с бирок (бирок ошентсе да), имеющее противительное значение: *Шаардан эрте зле чыктык, бирок ошентсе да үйгө кеч жеттик* 'Из города мы выехали рано, но все же домой прибыли поздно' [Скирдов 1962, 12].

болгаш 'и'. Соединительный союз. Распространение ограничено тувинским языком. Соединяет преимущественно однородные члены. *Хүн чырыдар болгаш чылыдар* 'Солнце светит и греет' [Исхаков, Пальмбах 1961, 450].

болса 'а, что касается'. Имеет противительное значение. Распространен в ряде тюркских языков, преимущественно кыпчакского типа: алт. (сев. диал.) *Түнү ле отураг болзо, бир де неме түшпес* 'Просидели они всю ночь, но ничего им (с неба) не упало' [Баскаков 1965, 68]; ккалп. *Ол къалағъа кетип еди бул болса мäгер Мамыт шығып 'Он в город уехал, а это, вероятно, Мамыт'* [Баскаков 1952, 520]; кирг. *Эми, Маке, айыптуулугунуузду сегениңиз ырас болсо. Салыктың алдына сиз жыгылыныз*? (Каймов, 94) 'Теперь Маке, если вы действительно почувствовали свою вину, то встаньте перед Салыком на колени (то признайтесь в этом перед Салыком)'; туркм. *Атасы газет оқаярды, оглы болса эртирки гүне дерслерини тайынлаярды* 'Отец читал газету, а сын готовил уроки к завтрашнему дню' [Дмитриев 1962, 405]; узб. *Бир томондан ўқимаганлик бўлса, иккинчи томондан ўзингиз биласиз* (Қаҳҳор, 82) 'Если с одной стороны – необразованность, а что с другой стороны – сами знаете'.

В кураминских говорах имеется фонетический вариант *боса*: *Раис боса шу ишини қымас зди* 'Что же касается председателя, то он бы этого не сделал' [Решетов 1952, 599].

Противительный союз *болса* встречается в тюркских памятниках с преобладанием кыпчакских элементов. Ср. в Истории пророков Рабузия: هر بیل دا نعمت تیلاسا تورت طرفدین ایل لارکیلیب اوز باغلاری تیکى ایچىكى كىرىپ تورلوك نعمت لارين بىيغىپ قىش بولسا ايولارىكى كىلىور اييردىلار

'Каждый год, если кто будет искать всяких (благ), то (вот) даже народы приходили из четырех сторон (Земли) и, войдя как бы в свои сады, собирали (из них) разные блага, и зимой (народ) возвращался в свои дома' [Малов 1951, 325, 333].

Союзное образование *болмаса* распространено в башкирском, казахском, киргизском языках. Ср. башк. *Кызыл, haуa бик haуыл булды.* *Булмаһа, мунса яғырға ярар ине* 'Дочка, погода очень холодная стала. А не то хорошо бы истопить баню' [Дмитриев 1948, 269]; каз. *Анај баланың әлім інен әүрешіліктे болып мен де мезгілінде ойламай қалыптын, болмаса ірген алысырак салар едім* 'Смерть сына помешала мне позаботиться об этом раньше, иначе мы откочевали бы от них подальше' [СКЯ 1962, 408]; кирг. *Кет, болбосо, айдал чыгарышат* 'Уходи, не то прогонят' [Скирдов 1962, 12].

В татарском языке союзное образование *булмаса* имеет разделительное значение: *Син киләсөнме, булмаса мин барымы* 'Ты придешь, или мне идти' [Каримова 1954, 9].

В карачаево-балкарском языке союз *басса да*, включающий в свой состав частицу *да*, имеет противительно-уступительное значение: *Аны къартлыкъ басса да, ол алкъын джаши кибикди* (разг.) 'Хотя его одолела старость, но он еще выглядит молодым'.

Союз *болса/болмаса* дал целый ряд сложных образований: *чок болза//йо/йоки болмәсә//бомәсә*; имеет разделительное значение. Встречается в тувинском языке и шахризябском говоре узбекского языка. Ср. тув. *Бөгүн хойларны Анейбан чок болза Чаймаа кадарап* 'Сегодня будет пасти овец Анейбан или Чаймаа' [Исхаков, Пальмбах 1961, 453].

Шулай булса да, алай булса да. Имеет противительно-уступительное значение. Распространен в татарском языке: *Балыкка йөрү минем кечкәнәдән гадәткә кергән эшэм шулай булса да бу юлы мин анда бармаска карар бирдем* 'Рыболовство – с детства моя привычная работа, но все же я на тот раз решил не идти туда' [Закиев 1963, 316].

В якутском языке сочинительному союзу *болса* соответствует образование *буоллагына* и сложный союз *буолан баран*, имеющий противительно-уступительное значение. Ср. *Кинилэр бәйэлэрэ иккиз буолан бараннар, салала биш этэ* 'Хотя они сами были вдвое, ружье у них одно было' [Убяровова 1976, 339].

ва 'и' – соединительный союз, распространен в подавляющем большинстве тюркских языков. Наряду с другими союзами, заимствованными из арабского и персидского (*ләкин, әмма, балки*), распространялся в период IX– XI вв. Для синтаксиса языка ранних тюркских памятников характерно употребление начинательно-присоединительного союза *ва* в цепном ряду предложений. Ср. ранний памятник османской письменности эпохи царствования султана Мюрада I (1359–1388):

و بو يردى كه هدياى ثمىن و اجناس تحف نفييس حزانه دن چتارب
ترتىب اتلرى و عقلا و اكا بىردى بىر نجى بو خطبيه نام زد
بويردى و انوك صتبىنده ارسال قلدى

[Смирнов 1903] 'Поп приказал, чтобы достали и дали из сокровищницы различных сортов ценные, удивительные и прекрасные подарки, и поручил речь одному из умных и значительных людей, и он в речи к нам допустил невнимательность'; Памятник Калила и Димна (турецкий перевод иранского оригинала): *Va ham kim ögütçilər sözün dinläməz işä vä bularuq qaty sözidən inžinärsə anıq işlərinүн äqybäti vä sony paşımänlük olur vä dölim hasrat içindä qalur* [Zajaczkowski 1934, 34] 'И при этом кто не прислушивается к словам наставников и обижается на их суровые слова, тот раскается в конечном результате своих дел и в конце концов много потеряет'. Присоединительный союз *вэ* встречается в произведениях Алишера Навои: *Ve okusalar her lafızlariga yüz ayb tapulgay ve her terkiplerige jüz itiraz varid bolgay* (TEA) 'И когда будут читать, в каждом слове найдут сотни недостатков и на каждое выражение встретится сотня выражений', в среднеазиатском переводе Корана (XIV–XV вв.): *wä Манат тедўкі тақї бир* бут турур 'И есть еще идол, именуемый Манат' [Боровков 1963, 5].

Начальный присоединительный союз и повторение одинаковых сочинительных союзов – явление, часто встречаемое в языках различного строя. Ср. язык древнерусской письменности: Негодовахуть его людие и въздаша людие вѣсть къ Изяславу Мъстиславицю въ Переяславли и приде свои и биша са и поможе богъ Изяславу и съде Изяславъ на столѣ и Игоря самого яша в пятый день по побоиши и порубища и [цит. по: Спринчак 1964, 24].

Присоединительный союз *вә* как средство последовательного присоединения друг к другу нескольких предложений не свойствен современному строю тюркских языков. В современных тюркских языках союз *вә*, выступая в роли соединительного, реже – противительного союза, соединяет обычно не более двух-трех предложений. Ср. аз. Гараш анкаг Мајанын ахырының сөзүнү ешида билди вә буна әсасан онларын данышызыň һаггында тәгриби бир тәсәввүр *hasıl etdi* (Ибраһимов 1966, 71) 'Гараш смог услышать только последние слова Майи, и поэтому об их разговоре он получил приблизительное представление'; тур. *Dışarıda furtuna gittikçe artıyor ve rüzgâr ıslak kamçısını kerpiç duvarlarda gerdiriyordu* (Sabahattin 1966, 65) 'Снаружи постепенно усиливалась буря, и ветер мокрыми плетьями прохаживался по кирпичным стенам'; туркм. Башлык йыгнагы япык дийип ыглан этиди ве хеммелер гапа тарап йүзлендилер 'Председатель объявил заседание закрытым, и все направились к дверям' [Дмитриев 1962, 405]; узб. *Bu подшохнинг саройи эди ва дарвоза ёнида беклар, катта мансабдорлар қоролли сипоҳилар ҳарвақтадагидан қўпроқ кўринди* (Ойбек, 72) 'Это был дворец падишаха, и возле ворот количество беков, даже чиновников и вооруженных солдат показалось больше обычного' и т.д.

В памятниках союз *вә* встречается в сочетании с союзом *лекин*. Это сложное образование имеет противительное значение. Ср. Среднезиатский тифсир XII–XIII вв.: *jaw лақ яхшиї һұкм күлміш wä лекін мән оңін түрлүг һүкм құлғајман ікәгүнкә яхшиї кәлгәj теб* 'Он очень хорошо решил, но я другого рода решения сделаю, чтобы обоим было подходящим' [Боровков

1963, 247]; хорезмские памятники XIV в.: *Кечибдур Хатим-и Тайи вә лікін та абаң аты халайиқыңыц талиндәдүр кәрәм бирлән болуб машхұр* 'ушел Хатим-и Тай (умер Хатим-и Тай), но навечно в народе его имя прославлено добродетелью' [Фазылов 1966, 14].

вели (велин) – союз с противительно-уступительным значением 'но, однако, хотя'. Ограничен в своем распространении (крымскотатарский, туркменский, тюркские памятники). Ср. Бабур-наме: *Zemani kılmadım sindin feragat, veli bardur sanda mindin feragat* (ТЭА 186–187) 'Я никогда не отказывался от тебя, но ты можешь от меня отказаться'.

гә ... гә, го ... го – разделительный союз 'то ... то'. Соединяет как однородные члены, так и предложения. Ср. ккалп. *Бала йакъыллашып барса, гә кюлюшоп, гә йығълашып отурған ахвалны көрди* 'Когда мальчик приблизился, то увидел, что они находятся в (тяжелом) положении и то смеются, то плачут' [Баскаков 1952, 521]. Встречается в шахризябском говоре узбекского языка: *Гъа бў гэлди. гъа о гэлди* 'И этот приходил, и тот приходил' [Керимов 1953, 12].

каһ ... каһ, каһ ... каһ гоҳ ... гоҳ 'то ... то'. Имеет разделительное значение. Ср. аз. *Ганәд чалыб каһ енирди, каһ галхырды көјә* (АН, 37) 'Играя, Ганад то спускался, то поднимался на небеса'; узб. *Гоҳ оловга қарайди, гоҳ бурқиган, идишларда вишиллаган мoddаларни темир асбоб блан қавладиди, гоҳ уларни қўшади-да бир чеккага олиб қўяди* (Ойбек, 61) 'То на огонь смотрит, то помешивает железной ложкой кипящую, бурлящую массу в сосудах, то ее смешивает и отставляет в сторону'; Родословная туркмен: *Аз уулуглар анга кошулуб каһ алты жәті туб болурлар ёрди каһ ўч төргт туб болурлар ёрди* 'Малочисленные уруги к нему присоединились, иногда (их) собирались шесть—семь, а иногда (их) собирались три—четыре' [Кононов 1958, 169].

Гей ... гей, имеет разделительное значение 'либо ... либо'. Может употребляться в сочетании с усиливательным *да* Ср. ккалп. *Гей де джеткизе алмайман, гей де асырып джиберемен* 'А я либо не могу добротить, либо переброшу' [ККРСЛ. 1958, 521]; лоб. *Тушу гай келүгай келмес* 'Сон его иногда исполняется, а иногда же нет' [Малов, 1956, 99].

да/де, та/те/ла²:

1) соединительное значение 'и'. Ср. башк. *Эмир йыуынып-қырынып алдыла, өф-башын алмаштырып, урамда сыйырга әзерләнде* (Гиләжев, 18) 'Амир помылся и побрился и, сменив одежду, приготовился выйти на улицу'; кбалк. *Кюн батды, кече да аны ызындан кёб сакълатмай, жетди* 'Солнце закатилось, и ночь, не заставляя себя долго ждать, наступила' (Алиев, 64); кирг. *Кумганга ысык суу алдырып ары-бери колун жууп, даарат алды да, Гүлсунду керду* (Сыдыкбеков 1955, 301) 'Попросив кувшин с горячей водой, он небрежно вымыл руки, он совершил омовение, и он увидел Гульсун'; ног. *Ол бир шетте оъзине бир стол излеп тапты да сога янасып олтырды* (Кень йоллар, 10) 'Он отыскал себе в стороне стол, подошел и сел'; тат. *Ул сикереп торды да, сары тышлы бер китап кутәреп килде* (Гази, 22) 'Он вскочил и взял книгу с желтым корешком';

² В настоящем разделе предлагаются только его явно союзные функции. О других его значениях см. раздел "Происхождение союзов".

туркм. Аман депәниң устүнден ашак инди-де, янып-сөнүп дуран ышыклара тарап уграды (Маммедов 1960, 59) 'Аман спустился вниз с холма и направился к мерцающим огням'; узб. Набижон уларга яқинлаши-да, хаяжон билан сўради (Чашмалар, 87) 'Набижон подошла к ним и спросила взволнованно'; уйг. У қандақту му қарапга қалди-да, алдираш өйигэ янди (Босақов, 41) 'Она пришла к какому-то важному решению и торопливо вернулась домой'; хак. Ыъжык ачыла туышкан, пажа қаймал-да көржугъян 'Дверь открылась, и кто-то заглянул' [Доможаков 1948, 113]; чув. Эпэ Иринана шаннă, халё те шанатан (Алендей, 32) 'Я верил Ирине и сейчас верю'; Codex Cumanicus: *Urdym da jyxdym 'ich schlug und verfehlte, das Ziel'* [Grönbech 1942, 41] 'Я ударил и промазал';

2) противительное значение 'а'. Ср. аз. Бир кун арвад хөрәк биширирди, киши да евдә отурмушду (АН, 20) 'Однажды жена готовила еду, а муж сидел дома'; ккалп. Ермолай ... қойды дарыхал соя баслады-да, келиншек отын жинады 'Ермолай ... тотчас начал резать баана, а молодая женщина собрала хворост' [Бердымуратов 1957, 113]; Цегем малицыла бирер кок кийизден къошлары барды, да анда уа бир цубур шок туталла сюрющую сайын 'У чегемских скотоводов есть по одному футляру из голубого войлока, а в этих футлярах (а в них) они держат на каждого пастуха по одной короткой винтовке' [МБД 1962, 31, 35]; ног. Балла бир аз ойланып алды-да, артынсыра сорады (Абдулжалилов, 16) 'Ребенок немного подумал, а затем спросил'; тур. Adam, koca parmağı sokup sokup çikaryor da, kumaşta delik melik kalmıyor (Nesin 1962, 43) 'Человек огромными пальцами мнет, растягивает, а в материю никаких дырок'; туркм. Сен сесини чыхарма-да йөр 'Ты ничего не говори, а только иди' (Туркм. сказки, 119); документы на половецком языке XVI в.: Вартерес келди сучсуз аյырмага на ані да уруп яралады да коп түрлү јаман созлап айт 'Вартерес подошел, чтобы разнять (их), а он его ударил и поранил, кричал, ругался и много наговорил дурных слов всем нам' (ДП, 128–129);

3) подчинительное значение, временное соотношение действий: ккалп. Хайал есикти ашты да Кербогъа ююнё кирди 'Как только жена открыла дверь, он сразу же вошел в дом' [Баскаков 1951, 41]; кирг. Мугалим келди да, сабак башталды 'Пришел учитель, и начался урок (как только пришел учитель, начался урок)' [Сартбаев 1953, 19]; в диалектах татарского языка встречается двойное употребление да: Яшь чакта да, картайгач та да шулай инде ул (Жаләй 1947, 57) 'И когда молодым был и когда состарился, все таким же был';

4) подчинительное значение, причинно-следственный характер: ккалп. Юйню ичинде солуу къыйын болду да мен эшикче чыкъым 'В комнате стало дышать трудно, и я вышел на улицу' [Алиев 1959, 64]; ккалп. Сувгъа баттым, да кеттим 'Я погрузился в воду и сразу же затонул' [Баскаков 1952, 517]; кирг. Колхозчулар жакши иштеди да, эгиндиң тушиму мол болду 'Колхозники хорошо поработали, и урожай зерна был обильным' [Скирдов 1962, 10]; тат. Яңғыр яуды да, килә алмадым 'Так как пошел дождь, я не мог прийти' [Жаләй 1947, 131]; тур. Nası oluyordu da bu kısa boylu tıknaz adamın hayatı turki tıpkisine benimkine benziyordu (Nesin 1962, 12) 'Как это произошло, что у этого небольшого роста, плотного человека жизнь точь-в-точь была похожа на мою';

5) подчинительное значение, условно-уступительный характер отноше-

ний: каз. *Онда бар да мұнда кел* (КЕ, 161) 'Раз там есть, принеси сюда'; *ккали*. *Басы бар да, шашы джокъ*; *Кёзю бар да, къаши джокъ* 'Хотя у него голова есть, волос нет, глаза есть, а бровей нет' [Баскаков 1951, 49] (ср. 'И видит око, да зуб неймет'); як. *Көрсүпүү кэнниттән бы эс чаас устата кэпсэттибит да, оссө да туюх эрэ дюоңуннаах* 'эттэлэ илек курдук 'Хотя после встречи в течение пяти часов разговаривали мы, ничего значительного еще не было сказано' [Убрытова 1976, 276–277].

да – славянский союз. Ср. гаг. *Бән еллешәрдим сениннән, гәстерәрдим сана, нижә сән бана гәстерерсин, да олмады вакыдым коуламаа көтеклери* – жувап етмиши фыкара кафадыр (Карабочан, 12) 'Я поздоровался с тобой, оказал тебе честь, как и ты мне оказываешь, но у меня не было времени отогнать собак, – отвечал бедный товарищ'. Очевидно, того же происхождения начально-присоединительный *да* в карачаево-балкарском языке: *Да биза не хапар айтайкъ* 'Ну, мы-то какую историю расскажем' [МБД 1962, 54–55]; *Да андан болгъанма ац* 'И поэтому я стал голодным' [Там же, 38–40].

дағы, такы:

1) противительное значение 'а, но, однако': кирг. *Бул эчтеке эмес, дагынкысы дагы бар* 'Это еще ничего, а вот дальше-то; это цветочки, а ягодки впереди' [КРСл. 1965, 180]; туркм. *Китаб алдыым дагы наем алжак-дың* 'Я купил книгу, а что ты еще хотел купить' [Мухаммедова 1948, 5]; Золотой блеск: *Тастын бір антаң сағ туурup: тігініг тілән такы булмаз* 'Снаружи вот такая молва ходит: царевича ищут, но еще не нашли' [Малов 1951, 177, 185]; хорезмские памятники XIV в.: *Қағырларны мұмиләр өлтүрдиләр тақы қалғаныны асир қылдылар* 'Правоверные убили неверных, а оставшихся (в живых) взяли в плен' [Фазылов 1966, 73]; Огуз-наме: *Бу алтун ja күн токушідан да күн батышіча тә(к)ан ёрді тақі* 'бу ўч күміш ok түн жаңаққа кәтә турурәрді' 'Этот золотой лук простирался со стороны восхода солнца в сторону захода, а три серебряные стрелы были обращены в сторону ночи' [Шербак 1959, 57]; Родословная туркмен: *Қобыллар дад-үаділ қылды тақы атасы кәткән жолқа түшүб кәтді* 'Много лет творил он милость и правосудие, а (затем) вступил на дорогу, по которой ушел его отец' [Конюнов 1958, 104, 169];

2) значение соединительного союза: Золотой блеск: *Ынчып оларның арасынта ағлады, тақы M(a)ғасті тігін ол барсың турукын, әмгәкін толғакын тітірү көрүн, тәгрә (тәкәр?) тәксініп көзін іді андыран кітәрү ума тын, јр кіч тітірү көрү туруп отрү кодуп öңі јорып бартылар* 'Так среди них он скорбел (и плакал), а затем Магастви-царевич, внимательно смотря на голод, худобу, мучения и страдания той тигрицы, хотя и кругом не будучи в состоянии совершенно отвести свои взоры (от этих обстоятельств), постоянно и внимательно созерцая все это, затем оставил (это), и все они (братья) пошли иной дорогой' [Малов 1951, 175, 181]; Среднеазиатский тифсир: *Мүһәммәд атасі jігіт арқан өлді ол тақі jігіт арқан өлгәй терләр* 'Отец Мухаммеда умер, когда был молодым, и сам он умрет молодым, – говорили они' [Боровков 1963, 244]; хорезмские памятники XIV в.: *Бақар хатун йузи сарығ болмыш тақы аруқ болмыш ҳич тәнинде эт қалмамыш* 'Смотрит: лицо женщины пожелтело, и она похудела, на теле никакого мяса не осталось' [Фазылов 1966, 69]; 'Огуз-наме: *Тойдан соң Оғуз қаған бәгләрә, ёл күнләрә յарлік бәрді тақі дәді кім мән сәнәргә болдум*

каан 'После той Огуз-кагаан для беков и народа издал приказ и говорил: я стал вашим каганом' [Щербак 1959, 32].

Соединяя простые предложения, выражающие повторные явления, даызы/тагы в памятниках нередко выполняет начально-присоединительную функцию. Ср. уйгурский памятник буддийского содержания: *Taky j (ä) ma bu ätöz ärsär, alты kyrk týrplýg aryaçsyzlaryny tolusuv ýz äk kärkүj tág bكسىز jaپىسىز камаң куртларның коңузларның тиркىنى گانның жىرىنىң ornakы, сىقىرۇn tamырын јörgälmiш* 'И еще: что же касается этого тела, то оно подобно находящемуся в воде водяному островку, наполненному тридцатью шестью различными нечистотами' [Малов 1951, 175, 182]; Codex Cumanicus: *dayy ۋىھىتلىرى any tuttular dayy bayladylar dayy jaڭاق(y)ma bojuna urdyilar* [Grönbech 1942, 81] 'И неверные его схватили и связали и были по щекам и шее' и др.

В ногайском языке союз таы нередко сопровождается усиливательным да: *Азрет биразга көвзин ари ясырып алды да, сон тагы да алынып китти* (Кень йоллар, 19) 'Азрет несколько (скрывал) прятал свой взор, а затем взял и ушел'. Э.К. Пекарский связывает тюркс. тагы с як. дағаны 'также, тоже' и 'хотя, но (однако)': *Кирисаан итингэн уәрәз дағаны, дыксиниз дағаны* 'Кирисаан от этого и радовался и тревожился' [Убрытова 1950, 226].

десе. Противительно-уступительное значение 'а, но, что касается': алт. *јетен јети талалу, Алтын сегис булунду Алтын öргөөзи тур јаткан Öргөөнүк ичинде дезе Алтын Туулай эмегени отурган* 'Семидесятисемистённая, шестидесятивосьминогольная его золотая юрма стояла. В золотой юрте Алтын-Туулай, его жена, сидела' (Алтын-бизе, 72, 14); *Биз дезе ўренеп божодыбыс, олор дезе ўренеп баштагалак* 'Мы кончили учиться, а они еще не начинали' [Дыренкова 1940₂, 296]; кирг. *Силерди шитет десе, алма кагып сайран куруп жеп жүрөт турбайсыңарбы, акмактар* (Жунусов, 9) 'О вас думали, что вы будете работать, а вы, глупцы, оказывается, трясете яблоки да едите, наслаждаясь'; хак. *Пылтыревы чылда пис пүедайны орай кис-салгабыс пүүлгі чылда, тізенъ ирте кис-салгабыс* 'В прошлом году мы пшеницу поздно сажали, нынче же (а нынче) рано сажали' [Дыренкова 1948, 121]; шор. *Мен сени кыйыргам, сен тезе ўн пербединъ* 'Я тебе кричал, но ты не откликнулся' [Дыренкова, 1941, 284].

Союз десе может иметь и подчинительное значение: временное соотношение действий и другие обстоятельственные значения (сравнение и проч.): алт. (сев. диал.) *Айу-анъданып ийейин-дезе, кайаданъ ажа ла, ол төмөн күлүрт ле баарды* 'Только медведь хотел повернуться с боку на бок, как, сорвавшись со скалы, рухнул с нее вниз' [Баскаков 1965, 67]; каз. *Басалқа, басу айтады десе о неси?* (Дүэзов, 181) 'Вместо того чтобы говорить о примирении и успокоении, чего он добивается?'; ккалп. *Кишкентай баласы, уйлендирейн десе җеш қайыл болмайды* 'Когда он хотел женить своего младшего сына, но (тот) не дал согласия' [Бердымуратов 1957, 113].

Параллельно с десе встречается и производное от него десем с противительным значением: каз. *Балам-ау, қаладан молдалық экеледі десем нағашына қайтқанбысың, немепе?* (Дүэзов, 14) 'Сынок мой, я думала и ты из города возвратился муллой, а ты, мне кажется, пошел по пути своих дядей'; ккалп. *Къудукъ тан сув ишнейин десем тас болуп къалтып къалыпты төңкилесем ойылмады* 'Хотел было я попить воды из колодца, но он застыл как камень, когда стал пробовать ногой – не продалбливался' [Баскаков

1951, 23]; кирг. *Сага ушундаи учурда учут барайын десем канатым жоқ* (Каймов, 102) 'Хотел бы в такой момент полететь к тебе, да крыльев у меня нет'.

эйтпесе. Противительное значение: каз. *Жамандық ойлап келеді олар, эйтпесе соңша қантап, соңша неге қатты жауып келеді* 'Недобрая мысль гонит их сюда, а то они не ехали бы так бешено' [СКЯ 1962, 408].

Эйтпегенде. Противительное значение: каз. *Тек бала аман қалды, эйтпегенде құса болып өлуі анық еді* 'Хорошо, что он выздоровел, иначе она умерла бы от горя' [СКЯ 1962, 408].

ели. Противительное значение 'а'. Встречается преимущественно в кара-калпакском языке: *Ели аттынъ юстюнён Тарпабасар тюскен жоқ екен* 'А только Тарпабасар, оказывается, не упал с лошади' [Баскаков 1952, 521].

В татарском языке встречается союзное слово *але . . . але* 'то . . . то', указывающее на то, что явления, передаваемые компонентами сложносочиненного предложения, чередуются между собой: *Кайчагында тормыш менәничек үзгәрә: зле күзгә тәртсәң күренмәслек караңғы, але яңадан кояш елмая* 'Иногда вот как меняется жизнь: то темно так, хоть глаз выколи, то снова улыбается солнце' [Закиев 1963, 353]. Наряду с этим встречается и союзное слово *алла . . . алла*, выражающее сомнение в реальности действия. Ср. тат. *Элла плен таште, алла мескен бөтенләй харап булды* (Кутуй 1947, 109) 'Или в плен попал, или погиб бедняга'; алде: каз. *Ой басты ма, ат соқты ма, алде вәзінің мінезіме, әйтепеүір ашылған жоқ* 'Не то его угнетали думы, не то он устал от верховой езды, не такой у него характер – он не вступал в разговор' [СКЯ 1962, 409].

ийикпе /ийикпе азы. Разделительное значение 'или': тув. *Бөгүн агаар экидир, хаванны ийикпе хайыраканы ужурар боор бис* 'Сегодня погода хорошая (букв.: воздух хороший), кабана или медведя, вероятно, убьем (букв.: повалим)' [Исхаков, Пальмбах 1961, 453].

итиэнэ. Распространен в якутском языке, имеет соединительное значение 'и' (Э.К. Пекарский возводит к ити кэнэ). Соединяет однородные члены: *Нъукулай Дъөгүөрәбис итиэнэ Нъуукка үйбанып иккизн олох-маска тиэрэ туспүттэр, кэпсэта олороллор* 'Нюкулай Дёгёребис и Нюкка Уйбанов на стулья откинулись, разговаривая, сидят' [Убрятова 1950, 227].

иллā (араб.). Противительное значение 'а, но'. Встречается в хорезмийских памятниках XIV в.: *Хамр ичмәк тақы улуң یالوқلارдың туурү иллā мағәр аның зарапы өзүмүзгә туурү* 'Пить вино не только большой грех, но и вред для нас самих' [Фазылов 1966, 415].

исе. Противительное значение 'а, но': аз. *О сизин һар фикринизи билир, мәним исә фикирләримин жәдән биринчи билмир* (Ибраһимов 1966, 131) 'Он знает все ваши мысли, а что до меня, то он не знает и сотой доли моих мыслей'; тат. *Мансур йөгереп китте, мин исә агач астында калдым.* 'Мансур побежал, я же остался под деревом' (Газизов 1952, 194).

В гагаузском языке, очевидно, этимологически с ним родственно образование *са*: *Бän bekledim, bekledim клубта кардашым са гелмеди* (Бабо-глу, 45) 'Я ждал-ждал в клубе, а приятель не пришел'.

йа. Разделительное значение 'или': аз. *Бир күндә билирсан машины неча дәфә стансија ja қеедиб гаýдыр, ja билмирсан* (Ибраһимов 1966, 6) 'Ты знаешь, сколько раз в день машина ездит на станцию и обратно, или не знаешь?'; кирг. *Сен аларга ок жыгач заказ кылаар злен же даярын сатып*

алар злең 'Ты бы ось заказал или почтовую купил' [Скирдов 1962, 12]; тат. *Бу тавыш я хатын кыз тавышы, я берәр малай тавышы иде* (Расих 1954, 70) 'Этот голос был голосом женщины или голосом мальчика'; хак. че имеет противительное значение: *Мин көп кізі көргем, че мындағ сіліг хысты көрбеем* 'Много я видел людей, но такой красивой девушки не видел' [ХРСл. 1953, 477].

йа . . . йа имеет разделительное значение: гаг. *Йа калкын хепсими兹 гиделим, йа гидежек саде достум Пети.* (Бабоглу, 55) 'Или вставайте, все пойдем, или пойдет мой друг Пети'; ккалп. *Йа ол къудалай алмады, йа мен къудалай алмадым* 'Или он не мог сосватать/угостить как сват, или я не мог сосватать' [Баскаков 1952, 521]; тат. *Я катка башы алып ташлана, я икенче урыннан юл салалар* 'Или убирают перекладину ворот, или прокладывают дорогу по другому месту' [Закиев 1963, 352]; тур. *Ya öldüyse, diyordu, ya yetişemediysem* (Sabahattin 1966, 80) 'Мне бы или умереть, или выжить, говоривал он'; туркм. *Гаракчымын, я сейитмин . . . ?* 'Разбойник ли ты, сейид ли ты . . . ?' [Поцелуевский 1943, 87]; узб. *Ё мен борай, ё сен кел* 'Или я пойду, или ты приди' [Кононов 1960, 329]; чув. *Е сивё, е вёри, е хёвель пытанса тарадь, е ытлашып вёри хёртет* 'То холодно, то жарко, то солнце спрячется, то светит слишком ярко' [МГЧЯ 1957, 325];

йада, йа . . . йада (где да – усиливательный элемент). Разделительное значение 'или . . . или же': аз. *Я өләжәйәм, я да башымы жәтурууб ғачаңагам* (Меңди 1954, 56) 'Или умру, или же уйду куда глаза глядят'; кум (кайтак. диал.) *Сэн бэр йада бу бәрсүн* 'Ты дай, или пусть этот дает' [Керимов 1953, 12]; ног. *Боларма яде болмаспа* (Абдулжалилов, 34) 'Возможно или невозможно'; туркм. *Ол геплесе, я-да шу отурышындан биразажык гозган-са аглажауы* (Сарыханов 1961, 8) 'Если бы заговорил он, или с того своего места немного сдвинулся, он бы заплакал'. *Йа* употребляется с усиливательным ки – *йаки* 'или же'. Ср. ккалп. *Йа (йаки)* ол къудалай алмады, *йа* мен къудалай алмадым 'Или он не мог сосватать/угостить, как сват' [ККРСл. 1958, 521]; тат. *Авылда өйләрнең күбесе бикле, яки буш торалар* (Юлтый, 107) 'Большинство домов в деревне заперты или пустые'; узб. *Ё подиоҳ бирон ерга чиқади, ёки элчи келиши кутиласи* (Ойбек, 15) 'Или падишах куда-нибудь выезжает, или же ожидается приезд посла'; уйг. *Мەھманханида адамлار олтараңда, алл яки балиларниң бесип кириши бу өйдә өсла адат әмәс* (Босақов, 34) 'Когда люди сидели в его гостиной, входить туда женщинам или детям было не в обычай в этом доме'.

В азербайджанском языке разделительный союз *йа* встречается в сочетании с усиливательными элементами да и ки – *йа да ки*: *Йәгин әнвалаты билән олуб, я да ки, әзәд иша башы гарышыбы* (Меңди 1954, 21) 'Вероятно, он знал о происшествии или же был дома увлечен работой'.

В узбекском языке союз *йа* можно встретить в сочетании с *бўлмаса*: *йа бўлмаса* 'или же'. Ср. *Набижонга шундай туюлдимикан ё бўлмаса намознинг ўзи шундака узоқ ўқиладими, хуллас Комил ятанинг бу сафарги намози жуда чўзилиб кетди* (Чашмалар, 87) 'Показалось ли так Набижон, или же сам намаз так долго совершается, короче, намаз Камил-аты на этот раз сильно затянулся'.

йама, ўәмә. Соединительное значение 'и'. Встречается уже в ранних памятниках тюркской письменности. Ср. памятник в честь Кюль-Тегина: *Бил(г)ә каған ёрміс, алп каған ёрміс, бујурукы јамә билгә ёрміс ёрінч, алп*

ärmic äriñc, bđrläpi jämä будуны jämä түз ärmic' Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы, и их правители и народ были прямые (т.е. верны кагану)' [Малов 1951, 29, 36]; памятник уйгурского письма христианского содержания XIII в.: *Näçükïn bulsar siz-lär, jana janur k(ä)lip tana išitdürünlär mn j(jä)mä baryp jükün äjil anar tip tidi* 'В каком положении (все это) вы найдете, то, вернувшись опять обратно, меня осведомите, я тоже пойду поклониться ему, — сказал он' [Там же, 134, 136].

В начальной позиции союз *jämä* имеет присоединительную функцию. Ср. памятник уйгурского письма манихейского содержания V в.: *j(i)ämä jümki vusanti alqys č(a)ysap(y)t nomča töričä tutu. imad(y)m(y)z ärsär* 'И не могли выполнять по закону и правилам причастия, вусанти, благословения и обеты' [Там же, 120, 125]. Э.К. Пекарский сопоставляет этот союз с як. эмиз: *Мин эмиз аныыр айахтаахтын, мин эмиз питэр кэрэгттэрдээхтин* 'И я — имеющий едящий рот, и я имею воспитываемых членов семьи' [Убрайтова 1976, 328—348].

В Среднеазиатском тифсире XII—XIII вв. встречается сложное образование *ab jämä*, имеющее не столько соединительное, сколько разделительное значение. Ср. *Körkmaçıl jetmäködön ab jämä ڦارك bolmaködön* 'Не бойся преследования и также (не бойся) утонуть' [Боровков 1963, 35].

В каракалпакском языке имеется образование *йа маса*: *Ертен мен ямаса театрга бараман, ямаса журип кетемен* 'Завтра я или пойду в театр, или уеду' [ККРСЛ. 1958, 763].

В татарском языке можно встретить производный от *йа* союз *яисә* с разделительным значением 'или': *Кошлардан чыпчак яисә сыерчыклар гына чырылдашканап үтіләр, яисә ала карга ачы тавыш белән каркылдан кычкыра* 'Из птиц только воробьи и скворцы летают с чириканьем, или зычным голосом прокаркает ворона'.

йана 'и, а': каз. *Оразбайды ел ішінде де қостайтындар бар, олар және көп* 'И в ауле есть люди, которые поддерживают Орызбая, и их много' [СКЯ 1962, 402]; ккалп. *Джәне бәхәр келди, джәне къуслар келди* 'И весна наступила, и птицы прилетели' [Баскаков 1952, 519]; кирг. *Эртен менен токай жактан катуу күрүлдөгөн мөтордүн үнү чыкты жана немецтиң танкадары көрүүдү* 'Утром со стороны леса послышался сильный шум моторов и показались немецкие танки' [Скирдов 1962, 10]; Среднеазиатский тифсир: *Mängä огул қајудин болур мәнім кішім құртқа туур җана мән ауунча мән сәксән յашшік* 'Откуда у меня может быть сын, моя жена старуха, лишенная возможности родить, а я старик восьмидесяти лет' [Боровков 1963, 37]; История пророков Рабгузия XIV в.: *تَأْنِيْغُومْ اُوشْوْ تَيْوَهْ تُورُورْ يِنَا بُو اِيْتْ تُورُورْ* 'Мои свидетели — вот этот самый верблюд и эта собака' [Малов 1951, 326, 334].

йани. Пояснительный союз: тат. *Быел бик күп хәрби хәзметкерләр демобилизоватылыштың ителделәр, яғыни хәкүматебез, тынычлық политикасын эзлекле рәвешта тормышка ашырып, аларны тыныч хәзметкә кайтарды* 'Нынче было демобилизовано много военнослужащих, то есть наше правительство, последовательно проводя в жизнь миролюбивую политику, возвратило их для мирного труда' [Закиев 1963, 326]; туркм. *Гадым гүррунчилер шейле гүррун эдийайлер, ягны өтөн заманларда Туран велаетинде Насыр атлы бир патыша болуптыр* 'Древние повествователи так рассказывают, что в прошедшие времена в Туранской стране был один падишах по имени Насыр' [Поце-

луевский 1943, 79]; Среднеазиатский тифсир: *індүрдүк тымурні бар анда қателік жәні қате* күштің ўчун душман бірлә тоқушмақга 'Послали мы железо, есть в нем крепость, т.е. большая сила для сражения с врагами' [Боровков 1963, 204].

В туркменском языке встречается сложное союзное образование *йөне велин* 'однако', где первый компонент, вероятно, связан с *йани*, а второй выполняет усилительно-выделительную функцию: *Хемише саз чалды, йөне велин башгалара өйкунуп дал, езүнден тәзе-тәзе хеңлер дөредип чалды* (Сарыханов 1961, 6) 'Он всегда наигрывал мелодию, однако не подражал другим, а играл, создавая сам новые и новые мелодии'.

йахуд. Разделительное значение. Ср. тур. *Belki haberi yoktu, dedim, yaňıt işi çözüştür* (Sabahattin 1966, 137) 'Я сказал, может быть, он не знал, или у него что-нибудь случилось'.

йокса. Разделительное и противительное значение: аз. *Aj kiши јемеја на назырлајым, тоғлуну кәсәнәксан, joqsa тојуг-мұна чығыртмасы дұзалдим?* (Ибраһимов 1966, 83) 'Послушай, дружище, что бы мне приготовить поесть? — Ты зарежешь барабашка, или же я приготовил бы чыгыртму из цыплят'; ктат. *Ne tysynesiñiz köcсeк olasınъzть, joqsa qalaçaq olasınъzть* (ЕХ, 20) 'Что вы думаете, переедете или же останетесь?'; тат. *Сиңа, кая булса да китеп, кәсеп эзләргә тиеш була, югыйсә сезнең семьягыз алла нинди чуалчыкларга очрасысыр* 'Тебе нужно уехать куда-нибудь и искать работу, иначе ваша семья встретится с разными неурядицами' [Закиев 1963, 324]; тур. *Kendimi tutamayы ben de ağlamağa başladım, artuk öbürlerinden ağlama duygusu bana da mi bulası, yoksa Bekir Hocanın va'zi mi çok dokundu biletiyorum* (Nesin 1962, 24) 'Я не смог сдержаться и тоже заплакал (начал плакать), то ли передались и мне слезы других, то ли и меня проняла проповедь Бекир Ходжи — я не могу понять'.

В казахском языке встречается союз *жәқ алде* с разделительным значением 'или': *Ол осыдан соң үзлү мен қымсынудан ба, жәқ алде әбішкे барын түгел айтқызып тыңдал алмақ па, әйтесуір, көпкө шеін өзі жауап айтпады* '(Магрифа) Ни проронила ни слова, она или стеснялась, или хотела выслушать Абиша до конца' [СКЯ 1962, 409].

лекин (араб.). Противительное значение 'но, однако': аз. *Озуну онун устуна атыб ғұмаламағ истәди, лакин тез үнисларинә сабиб олду* (Ибраһимов 1966, 35) 'Он хотел броситься и обнять его, однако тут же сдержал свои чувства'; ктат. *Bala duva duva sözlerini solqun-solqun tekrarlädi, lâkin anasız bu sözlerge bütün саптып qojd* [Самойлович 1916] 'Ребенок вяло повторял молитвенные слова, но мать вкладывала в них всю свою душу'; тат. *Ул узенең бик нық хаталанғанлығын курде, ләкин аның алемоңа ńич тәышанасы килмәде* (Феттах 1967, 166) 'Он заметил, что сильно ошибся, но в это ему пока не хотелось верить'; узб. *Балабаларнинг сухбат ва мунозараларига дикқат блан қулоқ солади, лекин бу соҳани ўзи учун бегона хисоблайди* (Ойбек, 8) 'Он слушал с вниманием беседы и диспуты студентов, однако эту область он считал для себя чужой'; уйг. *назирланда, лекин немишикудук төгмида* (Босақов, 46) 'Он приготовился, но почему-то не пришел (в гости)'; хорезмийский памятник XIV в.: *Эй тоқ көзунгә арга этмаги көрүнмас хуш, лайкин мәним алтымда иззәтли мұкаррамадур* 'О сырый, ячменный хлеб тебе не нравится, но мною (он) любим и почитаем' [Фазылов 1966, 65].

В старых тюркских памятниках встречается сложное союзное образование *ва лекин* 'но, однако': Среднеазиатский тифсир XII–XIII вв.: *Фірғавнійк көnlі jоқ ѫрді аяларқа йбару барқұта wà лекін қібтілар қозмадылар* 'Арксіз қыліб чіқардилар' 'у фараона не было желания идти по их следам, но кобыты не оставили (его) и вынудили выступить' [Боровков 1963, 82]; Кутадгу билгі: *Mipit joq, va läkin kisilär ajur* 'У меня нет недостатков, но, однако, люди говорят (о них)' [Малов 1951, 267; 286].

ма . . . мә – соединительный союз: лоб. *Сек ма тәдде;* міш ма тәдде 'И собака насытилась, и кошка насытилась' [Малов 1956, 26].

Ср. *ма* в чисто усилительном значении: лоб. *Сем-ма, мем-ма* 'И ты, и я'; *Тейт ме көннің кеін* 'После же четырех дней' [Там же, 140, 145]. Ср. еще каз. *ба*, передающий временное соотношение действий: *Толқыған көңіл асерімен өзімді билей алмай қалдым ба, қаттырақ, үрт жіберіппін* (Сералиев, 31) 'Когда я не мог совладать с собой из-за Толкыгана, я быстро ударил'.

мәгэр – противительное значение: тат. *Байбичәнәц жәнны әрнуле иде, мәгәр, кабаттан суз күзгатып, авыруны борчыйсы килмәде* 'У госпожи ныло сердце, но она не захотела тревожить больного, заговорив об этом' [Закиев 1963, 354].

не . . . не³ 'ни . . . ни; не . . . не': гаг. *Не суук олэр, не гүнеш чыкэр* (Ба-боглу, 55) 'И не холодно, и солнце не выходит'; ккалп. *Не китабы джокъ, не дәйтери джокъ* 'Нет у него ни книг, ни тетрадей' [ККРСЛ, 1958, 521]; кбалк. *Не мен келирме не сен келирсе; не Осман келир, не Иса письмо жазар* [Дмитриев 1962, 389] 'Ни я не приду, ни ты не придешь, ни Осман не придет, ни Иса письма не напишет'; тат. *Ни бригадир кайтып житмәде, ни председатель килем чыкмый* 'Ни бригадир не пришел, ни председатель не появляется' [Закиев 1963, 351]; узб. *На ўқимади, на ёзмади* 'И не читал, и не писал' [Кононов 1960, 329]; туркм. *Горкыдан яна ол не елуди, , не де диди* 'Он опять ни жив, ни мертв от страха' [Дмитриев 1962, 403]; туркм. *Не тенде кувват бар, не ичде жан бар* 'И ни в теле силы нет, и ни в самом души нет' (Махтумкули, 76); чув. *Ҫумәр ни ҫәви, ни ҫуми йәсласа тәрать* 'Дождь идет, и не идет, так себе моросит' [МГЧЯ 1957, 326].

Союз *не* может сопровождаться усилительным *да*: аз. *Инди иса нә гутуну қөрүр нә да тутунун ижини hucc едирди* (Ибраһимов 1966, 4) 'А сейчас он ни коробки не видел, и ни запаха табака не чувствовал'; тур. *Ne kitap alıyollar, ne de aldırış ediyorlar* (Nesin 1962, 35) 'И не покупают книги, и не обращают внимания'.

но (слав.) – противительный союз: тат. *Ул жирдә, билгеле, икмәк усми, но аның урынына баткакта тимер мәғьдине бар* 'Там, конечно, не растет хлеб, но зато в болоте есть железная руда' [Закиев 1963, 354]; чув. *Ашиш ѣна сামах калашибан полч, но вайл итлемерьте* 'Отец хотел ему что-то сказать, но он и не слушал (разг.).

онда да – противительный союз: каз. *Комсомол жұмасын басқаратын казак жігіті Ералын алденені аңартқысы келгендей, онда да алыстан орап каліп*: *Оқыған қашанда жақсы гой!* – дейді 'Молодой казах Ералын,

³ Следует разграничивать *не . . . не* персидского происхождения и *не . . . не* – заимствование из русского (ср. гагаузский, татарский языки).

руководивший комсомольской работой, как будто хотел подсказать что-то, но только намекнул: Учиться всегда хорошо' [СКЯ 1962, 408].

онтон/оттон – противительный союз: як. *Салайаачыллар унгуллаллар, уларыйаллар, оттон кини куруутун хайғанар эрэ* 'Руководители его снимаются, сменяются, а он постоянно лишь хвалится' [Убрятова 1976, 282].

онтука – противительный союз: як. *Дабыйт инигэр төпө да күттеннар, онтукатын кимиэх да биллэрэ илигэ* 'Давид хотя внутренне и испугался, но про то свое – нехорошее – никому еще не дал узнать' [Там же, 404].

сонда да – противительный союз: каз. *Екі мың метр білктікен парашютсіз түсінти сонда да тірі қалған* 'Он упал без парашюта с высоты две тысячи метров, но все равно остался жив' [СКЯ 1962, 407].

тек – противительный союз: кум. *Сыйыр алмагъа деп гелген здим базаргъа, тек мен ушатагъан зат ёкъ эди* 'Я пришел на базар, чтобы купить корову, но не было такой, которая бы понравилась мне' [Джанмавов 1967, 267].

факат – противительный союз: аз. *Билмирам, мәни өлдүр фәзат мән ону жөрүнис үрәйим дейүнүр* (Чаббарлы 1954, 37) 'Я не знаю, убейте меня, но у меня при виде его содрагается сердце'; тат. *Бик каты салкын жил без кәби чәнчеп – чәнчеп ала, факат ярлылық барчасына сабыр итә* 'Сильный пронзительный ветер покалывает будто шилом, только бедность все терпит' [Закиев 1963, 355]; тур. *Çocuk konyuttı, fakat yürütümetištı* (TH, 20) 'Ребенок говорил, но не ходил'; *Kasabadaki esfendiler ona akrun tiamelesi, fakat o davarlardan bizimle beraber koynı uğrular, düğünlerde bizimle beraber çalğı çalardı* (Sabahattin 1966, 61) 'Местные эфенди относились к нему по-товарищески, однако он воровал с нами стада овец и играл с нами на свадьбах'; уйг. *Төхөн чигич ойлар торига чирмишип, шунча чушунуксиз хүпийә сирниң тегиг истәлмәй вә бәлгүлүк бир ойгыму келалмай, пәкәт егер һәсрәт биләнла ойигә янән еди* (Босаков, 21) 'Техан, запутавшись в сетях сложных размышлений, так и не могла добраться до корней непонятных тайн и секретов и, не придя к какому-то определенному решению, (однако) с тяжелой думой вернулась домой'.

үйү – соединительный союз, может иметь и противительное значение: узб. *Ҳозиргина яшнаб турган осмонни булат үради-ю, шатир-шутир қилиб ёмегир құя бошлади* (Аҳмәд, 37) 'До сих пор сиявшее небо затянули (заполонили) облака, и с шумом полил дождь'. Ср. также ташкент. гов. (узб.) *дәптар у қолам* 'тетрадь и карандаш'; *кордъ йу, танъмәдъ* 'он его видел, но не узнал' [ҮДМ 1957, 227].

ха . . . ха 'ни . . . ни': аз. *ха бурда, ха орда јарпағы тута билмәди* (АН, 17) 'Ни тут, ни там не смогла поймать лист'. Союз *ха* может передавать и подчинительное значение: *ха дејирәм, она тә'сир еләмір* 'Сколько ни говорю, на него не действует' [АРЛ 1965, 373].

хем/хем . . . хем (возможно и сочетание с усиливательным *да*). Имеет соединительное значение: аз. *Она һам жазығы жалып, һам ақығы тутурду* (Ибраһимов 1966, 121) 'Ему и жалко, и сердится он'; тат. *Онун файтону енийди хем бейгирлери یалап-йалап едәрди* (Карабобан, 13) 'Фаэтон у него был новый, и лошади были довольны и блестели'; *Хем гидерхем дә бакэр гагаузларын фасыл ىاز рубаларына* (Там же, 6) 'И ходит, и смотрит на причудливые местные одежды гагаузов'; ккалп. *Ол азан турды хам пахъта терди* 'Он утром встал и собирал хлопок' [Баскаков 1952, 518]; ног. *Билета-*

ган затым да йок эм бир шуьшли болган ерим де йок (Кенъ йоллар, 19) 'У меня нет вещи, которую я бы знал, и нет у меня места, где бы я проинился'; тат. Шуңа күшүлгансыман жыл ухылдан күя, һам яңыр үзенец тамчыларын ачу белән тәрәзәгә китереп бәрә 'Будто присоединяясь к нему, зовывает ветер, и дождь с яростью швыряет свои капли в окошко' [Закиев 1963, 350].

В узбекском языке этот союз соединяет преимущественно однородные члены: Ҳам олма, ҳам ноқ; ҳам беҳи пишиди 'И яблоки, и груши, и айва поспели' [Кононов 1960, 328]. В ташкентском говоре он употребляется только попарно (повторяется вместе с каждым однородным членом) и имеет формы йам (после гласного), ҳам: отә йам, она йам 'и отец, и мать', қовун эм, тарвуз эм 'и дыня, и арбуз', көгөз ҳам, қалэм ҳам 'и бумага, и карандаш'.

В памятнике Мухаббат-наме встречается сложное союзное образование вәлә ҳәм 'но, однако': Ҳорәзмі ішкің отіғә jaқілді вәлә ҳәм јәр јүзіндә аті қалді 'Хорезми сожжен огнем твоей любви, однако на земле осталось его имя' [Щербак 1959, 140, 159].

çапах та 'но': чув. Тайшмансем курәнмацчё, çапах та вәсем сывах иккен-не этип пәлеттәр 'Враги не показываются, но все же мы знаем, что они где-то близко' [МГЧЯ 1957, 327].

шулай ук 'а также': тат. Сорауларга урын юк, шиккә урын юк, шулай ук хәзәргә але вәгъдаларга әә урын юк 'Нет места вопросам, нет места подозрениям, также нечего еще и обещать' [Закиев 1963, 352].

ынчанмыже 'но, несмотря на это': тув. Соок турган, ынчанмыже эштүп турган бис 'Было холодно, но (несмотря на это) мы купались' [Исхаков, Пальмбах 1961, 452].

ынчалза 'но': тув. Ажыл доозулган, ынчалза чок ховуда шимээн намдааан 'Работа кончилась, но в поле все еще не прекращался шум' [Там же].

ынчалза-даа 'но, однако': тув. Хүн арай-ла үнгелек, ынчалза-даа хамнаарактар ырлап эгелей бергенин 'Солнце еще не взошло, но жаворонки (уже) начали петь' [Там же].

ПОДЧИНТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

ангысы//ангылары. Вводит придаточные определительные предложения. Ср. гаг. Бöлә бир илк йаз гүнү гидерәк диздäк чамур ичиндä, почтар гетирди бу сокакта йашайан Калжыба Васиä киат оолундан ангысы шансора алты ай айлыктайды да пек ширек йазарды киат (Карабобан, 86) 'Одним таким весенним днем, идя по колено в грязи, почтальон принес Калжыба Васе, проживающему на этой улице, письма от сына, который уже шесть месяцев был на переподготовке и очень редко писал письма': Бир дäдүнүн кызы вармыш, ангысы дүннен ен гөзелиймиши (Буджактан, 139) 'У одного старика была дочь, которая была самая красивая в мире'.

В главном предложении союз имеет соотносительное слово: Бүйк йардым гагауз фольклору вар насыл версин о инсаннара да, ангылары истеер йазамаа бишегагаузлар ичин (Буджактан, 5) 'Большую помошь гагаузский фольклор оказывает тем людям, которые хотят что-нибудь написать о гагаузах'.

андай ким. Вводит придаточные предложения причины. Среднеазиатский

тефсир: *Aj тақі күн жәті қат көкә нур бәрүр андақ кім нур бәрүр жәрдә жүзі анларің көкләр таба турур арқаларі жәрләр таба турур* 'Месяц и солнце дают свет семи слоям неба, так как дающая свет поверхность их обращена к небесам, а задняя сторона – к земле' [Боровков 1963, 59].

аніңдәг кім. Вводит придаточные предложения сравнения. Ср. Муххабат-наме: *Чәчәк жапракларі жәргә түшүптур аніңдәг кім ақіллар кән ічіндә* 'Лепестки цветов опали на землю, подобно агатам в копях' [Шербак 1959, 132, 153].

антағынын ўчүн. Вводит придаточные предложения с причинно-следственным значением. Встречается в ранних тюркских памятниках. Ср. Кюль-Тегин: *Арык ok сән, ачсык, тосык әмәссан, бір тодсар ачсык әмәссан; антағызын ўчүн ігідміш қағанызын сабын алматын, жир сају бардың* 'Когда же ты тощ и голоден (но тем не менее), ты не понимаешь (состояния) сътости (т.е. истинных причин сътости) ... Вследствие того что ты таков (т.е. нерасчетлив, недальновиден), ты, не принимая (т.е. не слушаясь) поднявшего (тебя) ни твоего хана, ни слова его, (стал) бродить по всем странам' [Малов 1951, 28, 35].

ани. Распространение ограничено гагаузским языком.

1. Вводит определительные придаточные предложения. В главном предложении могут присутствовать соотносительные слова, конкретизирующие семантику союза *ани*: *Бу бакыры алтын парайлан ғұтүреим о адами, ани еви сатты бана* (Буджакстан, 151) 'Это медное ведро с золотыми деньгами я отнесу тому человеку, который продал дом'; *Ама истерим олсун әлә бир кыз, ани олсын урәә әлә, нижә беним* (Там же, 110) 'Но я хочу, чтобы была такая девушка, чтобы сердце у нее было как бы мое'. Связь с соотносительным словом главной части предложения может дополнять аффикс принадлежности 3-го лица⁴: *о anı каръыз hıc гүлтәзтіш brakajor karъызъ* 'Тот, жена которого никогда не смеялась, бросает ее' [Дмитриев 1962, 266]. Союз *ани* встречается в гагаузском языке в сочетании с усилительными *ки*: *Биз гелдик, ани ки, сайлер, нестә, сизин ушаан адыны койалым базим ушаа* (Карачобан, 89) 'Мы пришли, чтобы, так сказать, имя вашего ребенка дать нашему ребенку'; *Шинди хазырланэр хепси ләзымындар аники башлакны классар ўренсиннар ана дилиндә* (Буджакстан, 4) 'Сейчас подготавливают все необходимое, чтобы в начальных классах обучались на родном языке'.

2. Вводит дополнительные придаточные предложения: *Коркэрым бân ани сени кайбеджәм* 'Я боюсь, что тебя потеряю'; *Дәду санэр ани о сакланды йамурдан* (Буджакстан, 113–114) 'Старик подумал, что он спрятался от дождя'; *Ajъ gere:r anнarъ anı съктышlar* 'Медведь видит, что они вышли' (досл. 'медведь видит их, что вышли') [Дмитриев 1962, 265].

3. Вводит придаточные сказуемостные: *Ишләр бола, ани зор дўзмай* (Бабоглу, 62) 'Дела таковы, что трудно поправить'.

4. Вводит придаточные предложения образа действия. В главном предложении им соответствуют соотносительные слова: *Кыз әлә ғәзләмши, ани онун гиби хич бүтүн дүннедә йокмуш* (Буджакстан, 125) 'Девушка была так красива, что не было в мире ей равной'; *Оннар әлә кывракмыш хем*

⁴ Такое структурное построение наблюдается в сложноподчиненных предложениях с союзами *ки*, *кім* и др.

гөздлмиш, ани йок нижә сөлемәй (Там же, 128) 'Они так выделаны и красивы, что нечего сказать'.

5. Вводит придаточные предложения причины. В главном предложении союз *ани* конкретизируют соотносительные слова: *Кирана севмәзмиш бобасыны онун очин, ани о пек фенаймыши* (Буджактан, 133) 'Кирана не любила своего отца, потому что он был очень плохой' и т.д.

Параллельно с *ани* иногда встречается и *hani*, что дает основания считать их этимологически близкими. Ср. *bilirdi hani опип ишә olmajor* 'Он знал, что у него не будет детей' [Дмитриев 1939, 18].

анткени. Вводит придаточные предложения причины: кирг. *Бул – Айдай учун күтүлбөгөн кубаныч болду анткени – балким мени чакырбай коёр бекен деп чочуй турган* (Каимов, 51) 'Это явилось для Айдай неожиданной радостью, так как она боялась, что институт не вызовет ее на учебу'.

анча ки (в усилительном значении). Вводит придаточные предложения времени. Встречается в ранних тюркских памятниках: уйгурский памятник буддийского содержания: *Анта öтрүj ilik баg катуны анчакы а дөсүрәмәкі сäpilin сачы басы јатылып iki ilizi ўзә кокүз ін тоқыју, клты балык су- вынтын адрылып ...* 'Затем госпожа (жена) правителя-князя, когда обморочное состояние ее несколько прекратилось, распустив волосы на голове и ударя своими двумя руками в грудь, катаясь по земле, подобно рыбе, вынутой из воды . . .' [Малов 1951, 179]; документы на половецком языке XVI в.; *Keldi хачко донче оғлу ѹурко војтунг алына да кетхоялар ал(ы)на да жадат ет(t)i тора біз кетхоялар отложіт ет(t)их бу гундан 2 нафтага анча кі тургајлар 2 сторона да торага жебердіх 2 кіші задыкні атаны да нурсес взнікні сумрутка да англат(t)ых хан кундан 2 нафтасына* 'Перед войтом Юрко и старшинами предстал Хачко-Донче-оглу и попросил (устроить) суд. Мы, старшины, отложили суд с сегодняшнего дня на 2 недели, когда перед судом представят обе стороны. И к Сумруту послали 2 людей – Задика Атана и Нурсеса Возницу – и наказали объяснить ему (это) : через две недели от среды' (ДП, 129, 238).

анчақ/анчуқ. В сочетании с формой повелительного наклонения 2–3-го лица вводит придаточные предложения цели. Среднеазиатский тифсир: *їрнатыл сәнің таба хурма жағачайди анчуқ түшсүн сәнің ўзә жаш хурма ешүлміш* 'Потряси к себе пальму, чтобы упали к тебе свежие зрелые финики' [Боровков 1963, 54, 55]; *Ewdim сәнің таба анчақ сәwінчліг болғыл* 'Поспешил я к тебе, чтобы ты был доволен' [Там же, 54]; *Табуттің кәмішкіл тәңіз іңіндә анчақ кәшшүр ані тәңіз бучқақта* 'Длинный ящик кинь в море, чтобы море выбросило его на берег' [Там же, 54].

анчда. В сочетании с усиливающим его *ким* вводит придаточные предложения места. Среднеазиатский тифсир: *Ajdî nä körärsän анчда кім сі- ғіндіміз ол қорум ташға кім мән уніттім балікні* 'Сказал, что видишь ты там, где мы останавливались, на том скалистом камне (на котором) я забыл рыбу [Боровков 1963, 215].

аның учун в сочетании с усиливающим его *ким* вводит придаточные предложения причины. Ср. Среднеазиатский тифсир: *wä қушалуқ haқi ўчүн анд жад қәлді анің, ўчүн кім jaј қіш олвақтін күн юқару ағар* 'и поклялся во имя утра, потому что летом и зимой в это время солнце восходит вверх' [Боровков 1963, 219]; *Сағрақлар болур қулубсіз анің ўчүн кім тутмак*

һаджәт болмаз 'Будут чаши без ручек, потому что держать (их) не будет нужды' [Там же, 217].

болай – союзное слово. Вводит придаточные предложения цели. Употребляется чаще в сочетании с формой повелительного наклонения в придаточном предложении. Распространено в гагаузском языке: *Мити чок чалышты болай ону да алсыннар выставкайа* (Бабоглу, 58) 'Мити много работал, чтобы и его взяли на выставку'.

куя. Вводит придаточные предложения сравнения: аз. *Эв саниби эдиг рәфигмиз бир нөө тәшвишадыр вә о отага сохулур, бу отага сохулур, күя бир шей ахтарыр* (МН, 361) 'Хозяин дома – наш друг – находится в каком-то беспокойстве и снует (бегает) то в одну комнату, то в другую, словно ищет что-то'; тат. (встречается в основном в письменном литературном языке): *Урныннан кузгала алмый, гүя аны нидер тота* 'Не может сдвинуться с места, будто его кто-то держит' [Закиев 1963, 322]; узб. *Бектемирга ногоҳ ҳаво фавқулодда ёқимли, роҳатбахш, секин туюлди, гүё ҳуни дим, сассиқ ўрадан тортиб олдилар* 'Воздух вдруг показался Бектемиру чрезвычайно приятным, услаждающим, тихим, как будто его самого вытащили из душной, зловонной ямы' [Кононов 1960, 330].

дейә/дийе/тейу – служебное слово.

1. Вводит придаточные определительные предложения: тур. *Gazetelerde işçi temiz arıyor diye ilanları olan adreslere uğramaya başladım* (Nesin 1962, 41) 'Я началходить по адресам, указанным в газетах и объявлениях о том, что требуются рабочие и служащие'.

2. Вводит придаточные дополнительные предложения: тур. *gizli işler yaptığınız sanır diye korktum* (Там же, 67) 'Я испугался, что он думает, что мы занимаемся тайными делами'; *O gün akşamda kadar bir yerlerden üç beş kuruş gelir diye bekledim, gelmedi* (Nesin 1958, 34) 'В тот день до вечера я ждал, что из одного места придут (мне) три–пять курушей, (но) не пришли'; *Ama ne olur ne olmaz, takşiden inerken daha çok ister diye korkumdan şöföre sordum* (Nesin 1962, 19) 'Однако на всякий случай, выходя из такси, из страха, что он потребует еще больше (денег), я спросил шофера'.

Служебное слово дейә в современных тюркских языках иногда придает одновременно и модальный оттенок недостоверности действия: гаг. *Кары хән bek lärmış onu želetek deji* 'Жена все поджидала, что он придет мол' [Мошков 1904]; тур. *Kara Jübəş da, etrafa "Hürşit öldü" diye bir haber saldı* (сказка) 'А Кара Юзбаш, говорят, пустил слух по округе: Хуршид умер' [Кононов 1956, 541]; туркм. *Ол урушда болым диән болуп ғүррүн эйәр* 'Он рассказывает, будто был на войне' [Аннануров 1956, 102].

3. Вводит придаточные предложения причины: тур. *Mezun olacağız diye son günlerde de biraz şımartmış olacağız* (Nesin 1962, 55) 'В последние дни мы немного побалуемся, потому что будем кончать школу'; *Bu gün ders yoktur tekitebe gitmedi* 'Он не пошел сегодня в школу под тем предлогом, что нет занятий' [ГРСЛ. 1931, 247].

4. Вводит придаточные предложения цели. Сказуемое придаточного стоит в форме повелительно-желательного наклонения: тур. *Kardeş, haberin olsun diye söyleyorum* (ТН, 18) 'Брат, я говорю тебе, чтобы ты знал'; *Ağzım kokmasın diye raki değil de o akşamlık votka içiyorum* (Nesin 1962, 23) 'Чтобы у меня не пахло изо рта, я ведь пью не раки, а ту вечернюю водку'; ст.-тур.

شەمە مەل قىنەه اىيىسە وىرۇب نەفسكى قورتار كۈزلىجە شەھىسىن آزاد اىيلسون دىيو يىاوه سوپىلدى

[Смирнов 1903] 'Теперь, после этого, где бы ни были вещи, бери (их) и спасайся, он сказал врагу, чтобы шах тебя совсем освободил'.

5. Выполняет присоединительную функцию: тур. *Ne olur ne olmaz diye sermayemint hepsi birden yaturmak istemiyordum* (Nesin 1962, 6) 'На всякий случай я не захотел вложить в дело сразу все мое состояние'; Среднеазиатский тифсир: *Көнәрәжміз... гәрләріндін анлар јәйә білсүнләр төјү* 'Мы поднимаем... из могил их, дабы знали о том' [Боровков 1963, 213]; *Салманнї ىلәрү мәңзіл јерінә їділар булар барінча ашын сүнін раст құлдағ төјү* 'Салмана послали на остановку вперед, чтобы до их прихода он подготовил еду и питье' [Там же, 254].

дейин. Выполняет те же функции, что и союз *дей* в каракалпакском языке. Ср. вводимые им изъяснительные (дополнительные) придаточные: *Мен бала тұvdым дейин сени бесикке бәләп тастайын* 'Я скажу, что родила ребенка, а тебя запеленаю и положу в люльку' [Баскаков 1951, 89].

дейни. Вводит изъяснительные (дополнительные) придаточные предложения в гагаузском языке: *Ама ки билсин некадар феналык йапәжәк дейни, о хербир феналынын аардына какармыш казаа биräп енсер* (Карабаш, 10) 'Однако, чтобы знать, сколько он делает зла, он всякий раз после совершения зла вбивал гвоздь в кол'.

В придаточных предложениях цели, вводимых *дейни*, сказуемое стоит в форме повелительно-желательного наклонения: *Гелмиши версин гаргайа бир сомун екмек, баармасын дейни, утандырмасын ону инсанын јүзүндә* (Буджакстан, 118) 'Он пришел, чтобы дать вороне пшеничного хлеба, чтобы она не кричала и не стыдила его перед людьми'; *Бу имекләр конулмуш софрайа, ки инилсин дейни* (Карабаш, 34) 'Эти угождения были поставлены на стол, чтобы быть съеденными'.

дии. Вводит придаточные изъяснительные предложения в якутском языке: *Хамнаабат буолбут кылыггар кэлэн, үөһээттэн аллара көрөн турбура, – ылыахха дуу, ылымыахха дуу?* – дии санаабыта 'Подойдя к переставшему шевелиться зверю, сверху вниз глядя, стоял – брат ли, не брат ли? – думал' [Убрытова 1976, кн. 2, 245–247].

тijin. Встречается в ранних тюркских памятниках.

1. Вводит придаточные дополнительные предложения: Кюль-Тегин: *Јорыјур, тijin, күй аسىдін, балықдақы таңықмыс, таңдақы інміс, тірпілін јәтміс* 'Я слышав весть о том, что он бродит вне (т.е. за пределами тогдашнего местожительства тюрок), жители городов поднялись в горы, а жители гор спустились и, собравшись, составили (отряд в семьдесят мужей)' [Малов 1951, 29, 87]; памятник в честь Тоньюкука: *kälürtim ök (?) Türk budunu Ötükän järkä, bän özüt bilgä Toňuquq Ötükän järig gonmys, tajin, äsidip, bärjäki budun, quryjagy, jyrgagy, önpäki budun kältili* 'Услышав, что я привел тюркский народ в землю Отюкэн и что я сам, мудрый Тоньюкук, избрал местом жительства землю Отюкэн, пришли (к нам) южные народы, западные, северные и восточные народы' [Там же, 62, 66].

2. Вводит придаточные предложения цели. Сказуемое стоит в форме повелительно-желательного наклонения: Кюль-Тегин: *Түрк будун аты күсі юк бол (мазун тijin, өзімін ол тәңрі)* 'каган олуртды арینч 'Небо, дарующее

(ханам) государства, посадило меня самого, надо думать, каганом, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа' [Там же, 31, 39].

деп/дейиб/теб. Широко распространен в преобладающем большинстве тюркских языков, вводит разнообразные типы придаточных предложений.

1. Определительные: кум. *Душман бугюн оъзюню 5-чи полку ва бир эскадрону булан бизге атака этмеге сюе деп хабар бар* 'Имеется сообщение, что сегодня враг со своим 5-м полком и одним эскадроном хочет атаковать нас' [Джанмавов 1967, 316]; Одар тангала къайта деп хабар бар 'Имеется известие, что они возвращаются' [Там же, 273];

2. Дополнительные: аз. *Рустам киши – Нә гара хәбәр арваддыр!* – дејиб дүшунду (Ибраһимов 1966, 5) 'Рустам-киши подумал: – Что за женщина – плохая вестница!'; алт. (сев. диал.) *Түлкенек таппас курсак таптым деп кайадан түже ле сүгүнит, семис айунынъ эди дыуузынанъ талдан ажанын алды* 'Лиса, радуясь тому, что нашла редкую пищу, спустилась со скалы и, радуясь, наелась всего, чего хотела (букв.: на выбор), – и сала, и мяса жирного медведя' [Баскаков 1965, 67]; каз. *Сонысынан тағы жасқанын, Қодарды қыйнамайын деп қойған-ды* (дүэзов, 32) 'Испугавшись и этого, он пришел к решению не пытать Кодара'; ккалп. *Күтилмегенде бундай қайы болады деп ким ойлауы мүмкін* (Қайыпбергенов, 56) 'Кто может думать, что неожиданно бывает такое горе'; – кбалк. *Алар от тамызмай здиле къоркъельдан, гяуурла кёрюрге деп* 'Они (Маммееевы) огонь не разводили из боязни, что гяуры увидят' [МБД 1962, 40, 42]; кирг. *Салык аны ат жөнүндө айтып жаткан экен деп ойлоду* (Каимов, 51) 'Салык подумал, что он говорит о лошади'; кум. *Огъар дослары көымек этер деп умут эте* 'Он надеется, что ему помогут друзья' (букв. 'Друзья помогут – говоря, надеется') [Дмитриев 1940, 195]; ног. *Мен фермага барып, ога кеште уйыге кайт деп айткан эдим* (Кень йоллар, 5) 'Я пошел на ферму и сказал, что он вернется домой вечером'; тат. *Син кайта (сың) дип шатландым* 'Обрадовался тому, что ты придешь' [Каримов 1954, 11]; туркм. Эй, яранлар, амридем гочди дийит аглармен 'О, друзья, я плачу о том, что моя жизнь уже частично прошла' [Поцелуевский, 1943, 80]; узб. *Улар тўлатдан мустаҳкам, олтиндан тиниқ, мусафбо, мангу севгидан ҳам аълорқ нарса бор деп ўйлайдилар* (Чашмалар, 88) 'Они думают, что есть вещи еще лучше любви, чистой, вечной, которая крепче стали, ярче золота'; уйг. *Өзлири әнкелип барди, яздуруп қойдум дәп, ялеандин мени алдигининчу!* (Тохтамов, 37) 'Как же ты меня так обманул, что они сами принесли, а я подписан!'; Родословная туркмен: *Філан чөлнің авы көб ёрміш таб ішітдім* 'Я слышал, что в такой-то пустыне богатая охота' [Кононов 1958, 174].

Вводя придаточные дополнительные предложения, деб может передавать прямую речь: Ср. алт. *Кемени бери, кечерзин деп, ашыяк кыйгырды* 'Старик крикнул, чтобы сюда переправили лодку' [Дыренкова 1940₁, 293]; кум. *Мунда бизде йол будкада иш бар, сени огъар салсын деп дистанцияны начальникinden тилермен* 'Здесь у нас есть работа в дорожной будке: я попрошу начальника дистанции, чтобы он назначил тебя в нее' [Дмитриев 1940, 195]; узб. *Қолғанларининг умрини берсин, деб шукур қилдим* (Ахмад, 47) 'Я пожелал – пусть продлиться жизнь всех оставшихся'.

Так же как и дей, деб может вносить и модальный оттенок недостоверности действия: каз. *Сені боран айдан кетті ме деп, біз қорқып едік* 'Мы очень беспокоились, думая, что тебя буран занес куда-то' [Сауранбаев

1946, 25]; кирг. *Кепкен бай мени кантээр эжен деп текебер айтты го* (Сыдыкбеков, 16) 'Видно, зазнавшийся бай, испытывая меня, сказал надменно'; кум. *Ол юртлагъа гельди яман бир хабар, ону уьстульне гульчул душман геле деп* 'В те аулы пришла дурная весть, мол, на них идет сильный враг' [Дмитриев 1940, 195]; туркм. *Бу оглён эркек оглондогёны, айал оглёндогёны билели дийип, маслаңат эзилтирлер* 'Они стали держать совет: — Узнаем, кто этот ребенок: мальчик или девочка' [Дмитриев 1954, 115]; узб. *Кампир шаҳарда нима қиласи, деб қўни-қўшишлар ҳайрон бўлишиди* (Аҳмад, 94) 'Соседи удивились, думая, что это старуха делает в городе'; *Мусиқидан хабарсизликни шоир учун зўр нуксон деб ҳисоблар эмиши* (Ойбек, 20) 'Оказывается, что неосведомленность в музыке — большой недостаток для поэта'.

3. Придаточные, выражающие временное соотношение с действием главного: уйг. *Мәстүрихиндәм аришыңта бир аз яхши болуп, ой ишига арилишишман даң мошу куни йәнә узулуп қалған еди* (Тохтамов, 19) 'Мастурихандем в какое-то время почувствовала себя немного лучше, подумала было приняться за домашние дела, как в этот самый день снова почувствовала недомогание'.

4. Придаточные предложения причины: алт. *Бошь дьюк деп келбеди* 'Не пришел, потому что не был свободен' [Дыренкова 1940₂, 295]; ккалп. *Суы жок деп — жерден тунгыме, асы жок деп — ерден тунгыме* (посл.) 'Не отворачивайся от земли, потому что она не имеет воды, не отворачивайся от храбреца, потому что он беден' [Бердымуратов 1957, 123]; кум. *Гечигип къалырман деп*, *поездни алдына сагъат алтыда чыкъғъан эдим* 'Я вышел к поезду в шесть часов утра, потому что боялся опоздать' [Джанмавов 1967, 266]; ног. *Сувукъ боран келеди деп Джылай — сыйкътай олрыры (р) (йел)* 'Из-за приближающейся метели сидит и плачет (ветер в трубе)' [Баскаков 1940, 188]; узб. *Концерт бўлади деб, кутиб ўтиридик* 'Мы остались ждать, так как предполагался концерт' [Кононов 1960, 332]; Родословная туркмен: *АҶын учун ол оғлан ағач ічіндә тоғды табатын қыпчак којдылар* 'Имя ему дали Кыпчак потому, что тот ребенок родился в (дупле) дерева' [Кононов 1958, 173].

5. Придаточные предложения цели. Сказуемое часто стоит в форме повелительно-желательного наклонения (сохраняется грамматическая форма прямой речи): алт. *Кемени бери, кечирзин деп, апышык кыйғырды* 'Старик крикнул, чтобы сюда переправили лодку' [Дыренкова, 1940₂, 293]; каз. *Әддей танытпайын деп, бет-аузын таңып алыпты* (Дүэзов, 5) 'Он завязал лицо и рот специально, чтобы не узнавали'; ккалп. *Адасып кетпесин деп, ет жағып едик* 'Мы зажгли огонь, чтобы он не заблудился' [Бердымуратов 1957, 113]; кирг. *Ал коштошоюн деп келди* 'Он пришел, чтобы проститься' (Сартбаев, 32); кум. *Иыртылгъан ерин анасы гёрюп ийбермесин деп, Иса ари бурулду* 'Иса повернулся в другую сторону, чтобы мать вдруг не заметила порванного места' [Джанмавов 1967, 213]; тат. *Алмагачка яулык зәдем, сандугачлар күнсүн дип* 'На яблоню навесил плаочек, чтобы присели соловьи' [Каримова 1954, 16]; тат. зап.-сиб. *Парттель алып пиртем, күчле булсын тип* 'Я купил ему портфель, чтобы его порадовать' (Тумашева 1956, 170); узб. *Богингда етилган райхонни жазмани сўраяпти, бир яхши иш бўлсин деб келдим* (Чашмалар, 24) 'Он оживленно спрашивает о созревшей в вашем саду базилике, я ведь пришел, чтобы со-

деять доброе дело'; уйг. *Iskəndər padışah* (patşa) төңүзкүк doloj animni xalg bilip qalmisun dəp beşini cuşuroj an sərtərəşləmi eltyrdi 'Царь Александр (Македонский), чтобы народ не узнал, что он рогат, убил цирюльников, бивших его голову' [Боровков 1935, 156]; Среднеазиатский тefsir: *Оқлінің джадуларда жадулук ёгрәңсүн теб қобміш әрді* 'Сына своего он отдал, чтобы он научился волшебству от кудесников' [Боровков 1963, 241].

6. Придаточные сравнительные предложения: кум. *Акъсакъ къаргъа алдын учар деп, алданокъ ағъач тёкдюрюп қъойма сама да сюймеймисиз?* 'Подобно тому как хромая ворона первая улетает, не хотите ли и вы заранее запастись дровами?' [Джанмавов 1967, 315].

7. Устанавливает связь между предложениями, напоминающую сочинение: ср. шир. *Ырак черде алтын таш, келе перзень, кара таш – тен, сös кеби пар* 'Есть пословица: далеко камень лежит – золотым кажется, ближе подойдешь – черный камень (найдешь)' [Дыренкова 1940₁, 302]; *Кая пажынанъ ўәжү тен, угу уни уеула перди, пазок "пиип, пиип", тен, пабылган сыгыр чörча* 'С вершины скалы слышен был голос филина "угук", и еще свистела летяга "пиип, пиип"' [Там же, 303].

дээш. Вводит в тувинском языке придаточные предложения цели: *Колхозчулар тараа чаагай болзун дээш, бүгү хемчеглерни хереглеп турап* 'Колхозники применяют все меры, чтобы был хороший урожай' [ТРСл. 1955, 719]; *Орээл ишти чылыг болзун дээш, суугуну одап каан* 'Растопи печь, чтобы в комнате было тепло' [Там же, 720]. Сказуемое стоит в форме повелительно-желательного наклонения.

тесе. В чувашском языке вводит придаточные предложения цели: *Хаçат журналсене вăхăтра вулас тесе, энир читальна яланах çüretпér* 'Чтобы вовремя читать газеты и журналы, мы аккуратно посещаем читальню' [РЧСл. 1951, 894].

мёншён тесен. Вводит в чувашском языке придаточные причины: *Халличчен çак аппаратта ўёркелле усă курни пулман, мёншён тесен цех администрацийе ѹна хака туман* (Талвир 1952, 134) 'До настоящего времени этим аппаратом систематически нельзя было пользоваться, потому что цеховая администрация его недооценивала'; *Чул шывра путать мёншён тесен вăл шывран йывăр* 'Камень тонет в воде, потому что он тяжелее воды' [РЧСл. 1951, 894].

егер/эгер/әжэр/кэр. Вводит придаточные предложения условия: аз. (бакин. диал.): *Әжэр çäb вэрдүн, вәраң екәм апарасан пуллари*: Эҗэр билмедин, алачеңәм пуллари сәннән [Ширазиев 1957, 163] 'Если ты ответишь, то я дам деньги, чтобы ты отнес их, если не сможешь, то я заберу у тебя деньги'; туркм. Эгер пир сен, эгер яш, кылма сырый халка паш 'Если ты стар и если ты молод (все равно), не разбалтывай своей тайны людям' [Поцелуевский 1943, 80]; Среднеазиатский тefsir: *Агär сизлärкä күчäjlíkni қýлур* 'Если причинит вам вред...' [Боровков 1963, 190]; *Агär әлдүрүш сäläp jari bärмägäjläp анларқа* 'Если они станут воевать, не окажут им помощи, не помогут' [Там же, 98].

В главном предложении могут стоять соотносительные слова: аз. (бакин. диал.): Эҗэр назыррамаса, онда боýнын вурдурачагам [Ширазиев 1957, 153] 'Если он не готов, то я дам ему по шее'.

В азербайджанском, турецком, туркменском языках и их памятниках

встречается производный от *егер* союз *егерчи/герчи/герче*, вводящий придаточные уступительные предложения. Ср. كُلْزَار جَمَالِنْكَ كَتْدَى قَارَشَمَدَنْ مَنْمَن 'Хотя твой розоподобный лик скрылся от моего взора...' (Хатай 1966, 96); тур. *Gerçi bu ona bir yaranın içinde partakla oynuyormuş gibi bir ıstırap veriyordu, fakat mademki elinde olan bir tek imkân buyudu* (Sabahattin 1966, 109) 'Хотя он доставлял ему мучения (причинял страдания), словно пальцами перебирая по его ране, но пока это была единственная возможность в его руках'; туркм. *Герче ишим намаздыр, көңглим перишандыр* 'Хотя я занят молитвой, но сердце мое смущено' [Поцелуевский 1943, 86];

ейткени⁵. Вводит придаточные предложения причины. Распространен в каракалпакском, киргизском: ккалп. *Күнлөр ашалды, ёйткени бাখär болду* 'Дни стали долгими (букв.: открылись), так как наступила весна' [Баскаков 1952, 522]. В казахском ему соответствует *үйткені*.

елә ки. Вводит придаточные предложения времени, соответствующие рус. *в то время как, когда*. Придаточные предшествуют главному: аз. *Бали елә ки, Тахир ила Зөһра ева гајыттылар, һатам Султан гызыны гуллугуна чалырыб деди* (АХД, 7) 'Когда Тахир и Зохра вернулись домой, Хатем Султан вызвал к себе дочь и сказал'; Эла ки, *наши Рза ва өврәти алдулар, Мәһаммәд һәсан ами галды башсыз-параҳсыз* (МН, 13) 'Когда Хаджи Рза и его жена умерли, дядя Магомет Гасан остался без всякого присмотра'.

зира. Вводит придаточные предложения причины: аз. *Бу иша Аслан на гәдәр үракдән мүэzzәб олдуса да бир шей эдә биләди зира о Фәрнады да чох истәйирди* (Наббарлы 1949, 23) 'Сколько бы Аслан в душе не страдал, он ничего не смог сделать, потому что он очень любил Фархада'; тег. *Сән гел, ал бизим сандыры, зерә бән ташыйамәэрым оны* (Карашибан, 7) 'Ты приди, возьми наш сундук, потому что я его не понесу'; тур. *Hasibi sokaja atmak kolay değil, zira iş zamanı fabrika ıstasız, adamsız kalacaktı* 'Не легко было вышвырнуть на улицу Хасиба, так как фабрика осталась бы в рабочее время без мастера, без (нужного) человека' [Кононов 1956, 547].

инди ки. Вводит придаточные предложения, выражающие выполненное условие, соответствует рус. *раз...:* аз. *Инди ки, оғлұна үрәінін жаңыр, дур өзүн кәтир* (Ибраһимов 1966, 51) 'Раз ты жалеешь своего сына, то иди и сама принеси'; *Инди ки, белә олду, мән алими жујуб әқиқидим қәнара* (Там же, 20) 'Раз так произошло, я умываю руки и ухожу в сторону'.

В хорезмийских памятниках XIV в. встречается этимологически родственное союзное образование *емди ким*: *Айттылар емди ким җимайтаты көлкәсина қирдиң дағы нимәти шүкринә и' тираф қатүрдүн нечүк йақын бармассән* 'Они сказали: раз ты вступил под сень его покровительства и считаешь себя обязанным благодарить его за благодеяние, то почему же не подойдешь к нему ближе' [Фазылов 1966, 170].

ити курдугу. Вводит придаточные предложения времени. Распространен в якутском языке: *Ити курдугу, истээт, ол курдугу анаараат, ийэ сир шитиэхтэрэ ныргийбитинэн, Аан дайды аймахтара саарбытынан бардылар* 'Как только услыхали этакое (букв.: словно такое), как только увидели такое, зашумели воспитанники матери-земли, заговорили племена мира' [Убрытова 1976, 300].

⁵ Ср. союз *анткени* в киргизском языке.

ити + послелог бары. Вводит придаточные предложения причины. Распространен также в якутском языке: *Ити барыта Едлин мөлтөүүттэн ухаата* 'Все то затянулось из-за слабости Едлина' [Убрытова 1976, 294].

јана кім. Вводит придаточные предложения образа действия. Среднеазиатский тефсир: *јана кім ағаздіміз ілкі турут мақда јандурғајміз ані* 'Как начали мы при первом творении, так вернем его в прежнее состояние' [Боровков 1963, 37].

кайда – союзное слово 'где', вводит придаточные предложения места. Ср. тув. *Кайда хөй кат барыл, ынаар бараалыңар* 'Пойдемте туда, где много ягод' [ТРСл. 1955, 720]. В главном предложении возможно соотносительное слово *шунда*: тат. *Кайда берлек, шунда көч* 'Где единство, там сила' (посл.) [Каримова 1954, 17].

кайдан 'откуда'. Ср. ног. *Кайдан билдинъ: айт!* (Кень йоллар, 19) 'Говори, откуда ты узнал'. В главном предложении ему соответствует слово *андоқ*: язык томск. тат. *Кайданг мин келдим, андоқ парам* 'Откуда я пришел, туда и пойду' [Дульзон 1956, 361].

кајуда кім. Среднеазиатский тефсир: *Құртулмағайлар жалғанчілар қајуда кім кәлсәләр* 'Не избавятся обманщики (кудесники), куда бы они не пришли' [Боровков 1963, 195].

кайсы – союзное слово 'который', вводит придаточные определительные предложения: тат. *Ул-кеше, кайсысын гасырлар тудырды, минутлар утөрде* 'Он человек, которого родили века и умертвили минуты' [Каримова 1954, 14]; мишар, диал. *Әнэ тәгә кәшә килдә касын мин сәна көрсәткән* 'Вот тот человек пришел, которого я тебе показывал' [Шакирова 1949, 145].

В главном предложении союзному слову соответствуют:

шондый: Эшэл, изрнэ *шондый кәшилэр били-идә, касылары бик бай* 'Раньше владели землей такие люди, которые были очень богаты' [Там же, 144];

шул: тат. *Кайсы колхоз беренчелекне ала, шул колхозны мактап язу ғадәтте бар* 'Есть привычка хвалить тот колхоз, который завоевывает первенство' [Закиев 1963, 318–319]; *Кайсы ил башлыгы ала, шул башлап жиберергә тиеш* 'Какая страна может начинать, та и должна начать' [Там же];

ошол жер: кирг. *Партия мөни кайсы жерге жумшаса, ошол жерде туруп жоону атамын* 'Куда пошлет меня партия, там и буду я быть врагов' [Скирдов 1962, 24].

Сложные образования с *қайсы*: тат. (мишар. диал.) *Касый кәм наසәл өрийгэн кәшә/нэн ийрә* әзәйәп киткән 'У кого размножался род, у того земля уменьшалась (т.е. у того земли становилось меньше)' [Шакирова 1949, 144]; тат. (сред. диал.) *Илтәшам килде, кайсы ки Маскәүдән кайткан* [Жаләй 1952, 224] 'Пришел мой товарищ, который вернулся из Москвы'; уйг. *Sodiga(r), qa(j)siki өзмелини qizmet satidu* 'Купец, который свой товар дорого продает' [Насилов 1940, 27].

В азербайджанском языке в качестве союзного слова используется вопросительное местоимение *hansı*, в главном с ним часто соотносится указательное местоимение *o*: *O да бахыр шәстинә hansı шәртлә экин экибләр, o шартла да беләчәкләр* 'И то зависит от договоренности: на каком условии поселяли, на том же условии и поделят' [Абдуллаев 1963, 87].

В половецких документах XVI в. союзное слово *хајсі(nıñg)* сопровождается усиливательным *ки*: *Ол джуңут хајсінің кі хылычны алып еді лынчі-цадан шыломовіч јакуб ол кендінің орнуна хојду давікар хала пісарын хајсі кі ол хылычны шацоват етій р 10 хзыл фіда* 'А тот еврей, у которого он взял саблю, — Якуб Ш(ы)ломович из Ленчицы, который оценивает ту саблю в 10 золотых фли' [ДП, 129, 237].

қанда — союзное слово 'где'. Вводит придаточные предложения места: уйг. *Савутжан кирип калғанда*, оттура бойлуқ, чирайи ядаң Гулсум сэkkиз айлик қизини қанда олтирип емитиватти, у орнидин дэрру турди (Тохтамов, 3) 'Когда входила Савутджан, среднего роста, с исхудавшим лицом, Гюльсюм, где бы ни сидела и ни кормила свою восьмимесячную дочь, немедленно вставала с места'.

қанда ким: Среднеазиатский тифсир: *Тутуң ол хатунларнің қанда кім сақын болсаңız* 'Содержите тех женщин там, где вы (сами) жительствуете' [Боровков 1963, 198].

қандай. Вводит придаточные предложения времени. В главном часто с ним соотносится слово *ошондой*: кирг. *Алар қандай келди, ошондой жөнө-өбүз керек* 'Как только они прибудут, так и мы отправимся' [Мураталиев 1962, 18]. В уйгурском языке аналогичные придаточные предложения может вводить союзное слово *қандақ*: *Күн қандақ ечилиди, без йолға чикимиз* 'Как только прояснится погода, мы отправимся в путь' [УРСл. 1961, 235].

қанча. Вводит уступительные придаточные предложения в узбекском языке: *Лекин қанча орзиқиб кутмайин, дадажоним қайтмади* (Чашмалар, 83) 'Но сколько я ни ждала, папочка мой не вернулся'.

канчаар. Вводит придаточные предложения образа действия в тувинском языке. В главном ему соответствует слово *ынчаар*: *Номда канчаар бижээндир, ынчаар билип ал* 'Запомни так, как написано в книге' [ТРСл. 1955, 720].

қачан/қачон — союзное слово 'когда'. Вводит придаточные предложения времени. В главном возможны соотносительные слова: алт. (сев. диал.) *Не ыйлабас, қачан тогус бөрү сок дыңызыс уйумды, сок дыңызыс адымды, дышып барады* 'Почему бы мне не плакать, когда девять волков сожрали мою единственную корову и лошадь' [Баскаков 1965, 69]; тат. (мишар. диал.) *Қачан акцанны китәрәк сән, шөндә эпэй алый китәрәсәң* 'Когда деньги твои принесешь, тогда, хлеб получив, уйдешь' [Шакирова 1949, 39]; узб. *Қачон шу шаҳарга келмайин, дарҳол касалхонага сим қоқиб, Саид Гафуровични суришираман* (Чашмалар, 56) 'Когда бы я ни приехал в тот город, я тут же звоню по телефону в больницу и спрашиваю Саида Гафуровича'; ст.-осм. *Qaçan vara bindän saña bi biti, şükr qıl Täňriyä* [PhTF 1959, 180] 'Когда тебе от меня дойдет это послание, поблагодари всевышшего'; туркм. *Эй яранлар, мерт үйгитден мерт дорэр, Қачан турды, намарт оғлы мерт олды?* 'О возлюбленные, от храброго рождается храбрый, и когда уже родился от трусливого, стал ли храбрым?' (Махтумкули, 86); Мухаббат-наме: *Қачан кіләті көзүмні жакту ол ai әрүр Ѯзі қуаштәг аламараї?* 'Когда та луна осветит мои глаза и когда лик ее будет украшать мир подобно солнцу?' [Щербак 1959, 135, 156]; Codex Cumanicus: *Qaçan frische ol sözni ajtta, ançaq körüntädi* [Grönbech 1942, 37] 'Когда ангел произнес это слово, он уже больше ничего не видел'; Среднеазиатский тифсир: *Біз қачан олар біз топрақ боларбіз* 'Мы, когда умрем, (и) станем прахом' [Боровков 1963, 76].

В азербайджанском языке, особенно в муганских говорах и бакинском диалекте, встречается союзное слово *ħачан*: муган. *Ова ħачан кетсен, мә ðә де* 'Когда пойдешь на охоту, и мне скажи' [ГМГ 1955, 161]. В бакинском диалекте встречается и союзное слово *ħачах*: *гыздырмакаләду, о вах сәрпәсайы данышаду* [Ширалиев 1957, 151] 'Когда поднимается жар, тогда и разговаривают невпопад (сбивчиво)'.

качан ким (har качан kím): тат. (мишар. диал.) *Вот бәр йылдан соң качан кәм киләдәр иниспәктәр, иниспәктәр киләп сөранша, ни сәбәплә бала-лар йөрәми* 'Вот через год, когда приезжает инспектор, инспектор, придя, спрашивает, почему дети не ходят' [Шакирова 1949, 139]; Мухаббат-наме: *Качан кім шахсән әмгінә раҳм ёт ағәр султан әсәң мәсқінә раҳм ёт* 'Если ты шах, будь милосерден к мученику. Если султан, будь милосерден к бедному' [Щербак 1959, 141, 160]; Среднеазиатский тифсир: *Ajdı körükі ўрүң қачан кім құлді әрсә от* 'Сказал: раздувай меха, пока не сделается огонь' [Боровков 1963, 186].

В гагаузском языке общетюркскому *қачан* соответствует этимологически родственное *ачан*: *Даа гүн дуумамыш ачан фистан шансора хазырмыш* (Буджактан 128) 'Солнце еще не взошло, когда платье было уже готово'; *Нечин, ачан сувату верди сана шарап, сән бирдән хызландын фылжана?* (Карабобан, 5) 'Почему, когда сват дал тебе вино, ты вдруг бросил стакан?'; *Ачан көпекләр исля параламышлар зенгини копармышлар онун балдарларыны, зенгин сормуш фыкара кафадарына* (Там же, 12) 'Когда собаки хорошенъко покусали богатого, похватали его за икры ног, богатый спросил у бедного товарища'.

В азербайджанском языке союзное слово *ħачан* может сопровождаться усиленительным *ки*: *ħачан ки кэндинин кин-бигини башлајыр, һеч каси евда тапа билмәзсән* 'Когда начинается страдная пора, у крестьянина никого не найдешь дома' [Абдуллаев 1963, 96]. В Среднеазиатском тифсире XII–XIII в. союзное слово *качан* нередко сопровождается усиленительным *ким*: *Ajdı körükі ўрүң қачан кім құлді әрсә от* 'Сказал: раздувай меха, пока не сделается огонь' [Боровков 1963, 186].

В чувашском языке придаточные предложения места может вводить союзное слово *кäçтан*, которому в главном соответствует *унтган* 'откуда ... оттуда': *Ҫип käçтан Ҫинче, унтган таталдăть, тесе* 'Нитка рвется на тонком месте' [Ашмарин 1903, 403] (букв. 'Нитка откуда тонкая, оттуда рвется, говорят').

ки – союз, вводящий самые разнообразные типы придаточных предложений. Дает довольно устойчивую синтаксическую конструкцию со значительным ареалом своего распространения⁶. Вводит следующие предложения.

1. Придаточные предложения-подлежащие: аз. *Тәсадуфи дејилди ки,*

⁶ Конструкции с союзом *ки* встречаются в тюркских памятниках, в которых преобладают элементы языков восточных и западных тюркских племен. Союз *ки* зарегистрирован в памятнике "Деде Коркуд", в котором значительно количество южнотюркских элементов, памятнике X в. "Золотой блеск", материалах чагатайского языка. Мы фиксируем его употребление в азербайджанском, гагаузском, турецком, крымскотатарском, туркменском языках. В татарском языке *ки* употребляется, по наблюдениям М. Закиева, в XV–XVII вв. Массовое его бытование намечается с памятниками XVI в. [см. Закиев 1963, 323].

адына бир ләләш дә әлавә едәрәк Кәләнтар ләләш чагырырдылар (Ибраһимов 1966, 26) 'Было не случайно, что к его имени добавляли ләләш (льстец) и звали его Келентер-лелеш'; Яхши ки, бу фикир башыма жәлиб (разг.) 'Хорошо, что эта мысль пришла мне в голову'; гаг. Бу бетерә ләзым ки ўредижиләр, журналистлар, ғазыжылар систематик тутунсуннар топламаа бизим гагауз халқымызын о камыл поэтик зенгинниклерини (Буджакстан, 8) 'Поэтому необходимо, чтобы педагоги, журналисты, писатели систематически собирали лучшие поэтические произведения нашего гагаузского народа'; тат. Шул вакытта минем исемә төште ки, минем сурэтләр төшергән бер кечкенәрәк китабым бар иде 'Тогда я вспомнил, что у меня была маленькая книга с рисунками' [Закиев, 1963, 323]; тур. *Belli ki onun bütün çocuğluğu bilməz tükəntəz bir hasretle geçmiş* (Sabahattin 1966, 61) 'Известно, что все его детство прошло в нескончаемой тоске'; узб. Бироқ, афсуски, болалигимда қылинганд операциянинг таъсири билан беш йиллик турмушимиз ёлгизликда ўтди (Чашмалар, 88) 'Однако жаль, что из-за операции, сделанной мне в детстве, пять лет нашей жизни прошли в одиночестве'.

2. Придаточные предложения сказуемостные: аз. *Биринчи нәсиҳатим будур ки, озундан бүйүк адамын сөзүнә баҳ, на десә гулаг ас* (разг.) 'Первый мой совет таков, чтобы ты слушался людей старше себя, слушал бы, что бы они ни сказали'; *Кәләнтар јолдаш, мәним истәјим одур ки, муаллим версин* (Ибраһимов, 1966, 32) 'Товарищ Келентер, моя просьба о том, чтобы дали учителя'; гаг. *Атеш әлә, ки йок нижә бакмаа* [Бабоглу 1962, 62] 'Огонь такой, что ничего не видно'; туркм. *Одың гүйжи шейледи (ки)* хатда *Москва тарандаки диварлары яда пешкелерепе элини дегирмекде* кынды 'Сила огня была такова, что трудно было прикладывать руку к стена姆 или окнам со стороны Москвы' [Аннануров 1956, 124]; узб. *Сиздан илтимосим шуки, мендан сўнг ҳам уларни зиёхор хафа қилманг* (Чашмалар, 88) 'У меня к вам просьба такая, чтобы вы и после меня ни в коем случае их не огорчали' и т.д.

Сказуемое может стоять в форме повелительно-желательного накло-
нения: аз. *Фаҳрәдин кимдир ки, бу сүбрәйә э́тинасыз баҳсын!!* (Ордуба-
ды, 17) 'Кто такой Фахраддин, чтобы без внимания относиться к этому
столу?'; *Гәрарым бу олуб ки, сабақдан бағчада ишиләїсән* (Ибраһимов
1966, 12) 'Мое решение было таким, чтобы ты поработала завтра в саду'.

3. Придаточные определительные; характеризуются относительно сво-
бодным оформлением сказуемых главной и придаточной частей: аз. *Адам вар ки, адамларын нахышыдыр; адам вар ки, һејван ондан жаҳышыдыр* (Ата-
лар сөзу, 7) 'Бывает человек, что краса людей, (а) бывает человек, что
скотина лучше него'; *Ертәси күн ҳалг јуҳудан ојананда баҳыб қорурлар*
ки, падшашын евинин габагында бир ев тикилиб ки, падшашын евиндән
мин дәфә артыг (АН, 62) 'На следующий день, когда народ пробудился ото
сна, то посмотрел и увидел, что перед домом падишаха выстроен дом, ко-
торый в тысячу раз больше дома падишаха'; гаг. *Чыкты поэтлар хем ғазы-*
жылар, ғылыми мет едерләр гагаузларын енидән дуумасыны, оннарын
бүйүк истедиини ки олмаа файдалы севимни Ватынамыза (Буджакстан, 4)
'Появились поэты и писатели, которые прославляют возрождение гагау-
зов, их великие желания, которые идут на пользу нашей любимой Родине';
тат. *Дөньяда күп кешеләр бар ки, үткен вә ғакыллы кешеләрдән куркын,*

уз тирэлэрэндэ кубрэк ахмакларны йөртэлэр 'Есть на свете много людей, которые, боясь умных и проницательных людей, окружают себя дураками' [Закиев 1963, 311]; узб. *Ҳар тошларки, одамнинг ваҳми келади* (Аҳмад, 54) 'Каждый такой камень, который приводит в ужас человека'; тур. *Ben bir yolcuuyut ki, develerimin yaninda sallanan tulumlar içinde bir damla su kalmadı* 'Я путник, у которого в бурдюках, что качаются на боках моих верблюдов, не осталось ни капли воды' [Кононов 1956, 545]; памятник турецкого языка:

جانه نيه بش جانى چو خدر كە روان ايترم عشقم بن (Burhanettin)

جانوم بنوم اولدر كە جانانه تاریخ صولاق زاده بو دیارده

قیتاق دینلىن بر قبیله واردە كە يکرمى بىك قدر كلىرلر

[Смирнов 1903] 'В той стране было племя, называемое кайтаками, которых около 20 тысяч'; туркм. *Vagt bolap ki, bир ел дүшер сериме* (Махтумкули, 18) 'Бывает время, когда ветер становится прохладным'.

Подлежащее придаточного определительного предложения может быть снабжено аффиксами принадлежности, конкретизирующими подчинительный характер отношений: аз. *Taһirin bир гардашлыгы варды ки, ады Ханлархан иди* (АХД, 7) 'У Тахира был брат, которого звали Ханлархан'. В современном азербайджанском языке такие придаточные определительные образуют с главным изафетную конструкцию: *hər кəsin ki, bəgə vər, urayındə dəgə vər* (посл.) (Аталар сезу, 57) 'У каждого, у кого есть сад, есть на сердце груз'.

Повторение определяемого служит для его логического выделения: *Bир вәзиғәјә ki, hər tini буруланда bир адам тә ѹин едилачах, аглы олан о вәзиғәјә кетмаз!* 'На такую должность, на которую при каждом повороте будет назначаться новый человек, здравомыслящий не пойдет' [Абдуллаев 1963, 83].

Характерно, что союз *ki* в определительных предложениях, как правило, употребляется при конкретизации определяемого, при сообщении дополнительных его свойств и различных характеристик: аз. *Амма о шеј ki, тақиә мәнә аидdir, мән биларам* (Ибраһимов 1966, 12) 'Однако то, что относится именно ко мне, я знаю'; *Инди сәнә елә бир су верим ki, дунҗада hеч бир пәнләвәнин жүчү сәнә чатмасын* (АН, 20) 'Теперь я тебе дам такую воду, что никакая богатырская сила в мире не одолеет тебя'; ктат. *Allaoğa şukur, menit xəzmetim ejle xəzmet ki, işke bartaq kerek olmaj* (EX, 18) 'Слава богу, моя служба такая служба, что на работу ходить не нужно'; тур. *Ve öyle şeyler çalyordu ki adaşın, onlar anlatmağa bizim kullandığımız kelimelein takatı yoktur* (Sabahattin 1966, 65) 'И он играл такие произведения, что, о мой тезка, невозможно на словах рассказать о них'; туркм. *Шейле тупан болды ки, гөйэ хазрат Нухын тупаны дек, кеп адамлар деряның ичинде ва якасында халәк болдылар* 'Такая сделалась буря, что, как будто при Ноевом потопе, много людей в реке и на ее берегу погибло' [Поцелуевский 1943, 79]; узб. *Шундай кунлар бўлганки, Алишер майда харжлари учун ҳам тангасиз қолган* (Ойбек, 21) 'Бывали такие дни, что Алишер оставался дома без копейки на мелкие расходы'; *Бу қандай одам эканки, ўз мулкини, ўзининг мулқини ўртага солади!* (Каҳҳор, 11) 'Что это за человек, который свое имущество, собственное добро раздал!'; Золотой блеск:

Oqysar, m(ä)n ol bitig içintä ol kün ki bi ziñ aš ta ölürguči – ud, qojun toŋuz başlap tynl(y)γ lar nyň sav y turur 'После прочтения (я увидел), что в грамоте заключалась жалоба (букв.: слова) животных, (убитых) в тот день (нашего свадебного пира), начиная с быков, овец и свиней, и что я их убийца' [Малов 1951, 154, 158].

Придаточное определительное образует с главным изафетную конструкцию: аз *Сөз йох, о кэсин ки, бу эңвалатдан хәбәри йохдур, мәним сөзүмә инанмаячаг* (МН, 12) 'Безусловно, тот, кто не осведомлен об этом событии, не поверит моим словам'; *Кимин ки, аглы вар, бир гајдада јашар* (Ибраһимов 1966, 11) 'Тот, у кого есть ум, живет согласно правилу (определенному порядку)'.

В тюркских языках, помимо самостоятельного употребления местоимений, в главном предложении распространено анафорическое употребление местоимений в придаточной части. Анафорические местоимения, сопровождая союз *ки* и принимая любое падежное оформление, служат грамматической конкретизации высказываемого, уточняют семантику союза *ки*: аз. *Нәјә лазымдыр о вәзиға ки, она чатан инсанлығыны итирәмәк?* (Ибраһимов 1966, 45) 'Зачем нужна такая должность, достигая которую, человек теряет человечность?'; *Нәјә лазымдыр о һәјат тәүрүбәси ки, онун баһасы инсаны һәмишә ҹаван сахлајан дүзлүјү ва хош хәјаллары итирмәк һесабына баша каләмек?* (Там же) 'К чему жизненный опыт, если будет утрачена прямota южного человека, его добрые мечтания'; *Сонра ҝалиб чыхыб о јерә ки, орада јапышыблар јахасындан* (Там же, 11) 'Затем он попал в такое место, где его схватили за шиворот'; ктат. *O, ejle bir ev ki, anda her şej xüsüsında laqırdb ola* (ЕХ, 17) 'Это такой дом, в котором по каждому поводу (о каждой вещи) бываю споры'; узб. *Биз шул тойғаданмизки, улар илм учун чекилган ҳарқандай машаққат ва маҳрумиятни ҳаётнинг улуғ ни'мати деб билурлар* (Ойбек, 60) 'Мы из такой породы, представители которой всякого рода трудности и лишения ради науки признают за великое благо жизни'.

4. Придаточные предложения дополнительные: аз. *Юхуда ҝерурәм ки, сарын бир булаг башындаям* (Мәнди 1954, 364) 'Вижу я во сне, что нахожусь у прохладного источника'; *Дејирдиләр ки, эң валлы адамдыр* (Ибраһимов 1966, 29) 'Говорили, что он состоятельный человек'; *Бил ки, бутун дүнья сөнин оламаг* (Мәңсати, 37) 'Знай, что весь мир будет твой'; гаг. *Gördü ki jenilecek* 'Он увидел, что он будет побежден' [Дмитриев 1939, 18]; тат. *Мин ышанам ки, сез, Миннұлла агай, ачу сакламассыз* 'Я верю, что вы, дядя Миннұлла, не будете таить злобы' [Закиев 1963, 323]; тур. *Sanırdum ki, kılınneti çalarken havayı cigerlerinden değil, doğrudan doğruya yüreğinden veriyorum* 'Я думал, что, когда он играл на кларнете, звуки исходили не из легких, а прямо из самого сердца'; *Korkuyorum ki vakit az kaldı* (Sabahattin 1966, 88) 'Я боюсь, что осталось мало времени'; узб. *Мен билдимки, сиз келган әдингиз* 'Я знал, что вы уже приехали'; уйг. *Bizgə malym ki Sin-Çan Hindistan bolan soda әlaqisini giliđu* 'Нам известно, что Синьцзян с Индией ведет торговлю' [Насилов 1940, 141]; Родословная туркмен: *Сувның jakасында көрдүм лі бір шақал бір кыргавулны алды* 'На берегу реки я увидел, что шакал поймал фазана' [Кононов 1958, 172].

При сказуемом в главном предложении, выраженному глаголом желания или внутреннего состояния, сказуемое придаточного дополнительного мо-

жет стоять в формах косвенных наклонений (повелительного, желательного); ср. аз. *Ахы ким истәмәз ки, дошундә орден парласын?* (Ибраһимов 1966, 11) 'Ведь кто не хочет, чтобы у него на груди орден сверкал?'; *Хошуна қалир ки, онунла һасаблашынлар* (Там же, 29) 'Ему нравится, что они с ним рассчитываются'; *Падшәһ әмр верди ки, ат җалсин* (АН, 26) 'Падишах приказал, чтобы явился конь'; гаг. *О дува едәрки, ки Олак истири чыкармасын файтону күйудан да гидәмәсин пласа касабасына* (Карабован, 13) 'Он молился, чтобы Олак Петри не мог вытащить фаэтон из ямы и не поехал в предместье'; Евин саабиси истәрди, ки дүүн олсун исла' (Там же, 34) 'Хозяин дома хотел, чтобы свадьба была хорошей'; Ленин истиди ки, хепси, ким ишилеер, йашасыннар ии (Танасоглу, 102) 'Ленин хотел, чтобы все, кто работает, хорошо жили'; тат. *Ләкин күңелем сизәдер ки, мин бу эшкә ярамыйм* 'Но мое сердце чувствует — я не гожусь для этого' [Каримова 1954, 13]; тур. *Isterdi ki giyinsin, kuşansın, yesin, içsin* 'Она хотела, чтобы он одевался, ел, пил' [Кононов 1956, 545]; Деде Коркуд: *diledi ki oğlan helük құла-у-иди* (Ergin 1963, 482) 'Он пожелал, чтобы парня убили'.

Придаточные дополнительные предложения могут раскрывать содержание соотносительных слов, являющихся дополнением в главном предложении: аз *Мән ону деірәм ки, нијә бу башдан Маја башынын үрәйини хофла долдурурсан* (Ибраһимов 1966, 66) 'Я говорю о том, почему ты с самого начала вселяешь страх в сердце Майи-баджи'; тур. *Size şunu hatırlatmak zorundayım ki, Lady Byron, bal gibi kari-kocayız artık* (Cumhuriyet 1967, 3 Aralıkk) 'Мне трудно вам напоминать о том, что мы больше не супруги медового периода (месяца)'; узб. Алишер, буни яхши биламизки, болалик йилларда икки тилда бадиалар ишод килиб, "Зиллисонайн" лақаби блан шуҳрат топдилар (Ойбек, 19) 'Мы хорошо знаем, что в детские годы Алишер создавал художественные произведения на двух языках и прославился под именем Двуязычный'; уйг. Щуни билиңки, Рەханбуви, сизка охшаш мүәллима, комсомолкига ишәнмәсса асасимизму, һәккимизму йок (Босақов, 51) 'Реханбуви, ты знай о том, что к учительнице, подобной вам, комсомолке, у нас нет оснований проявлять недоверие'; документы на половецком языке XVI в.: *Анынг учун урдум кі сун манга мунунг кібік сөзләр айт(т)інг* 'Только за то ударил, что ты мне подобные слова сказал' (ДП 1967, 130, 239).

В придаточных дополнительных предложениях, вводимых союзом *ки*, глагол речи (или другого лексико-семантического разряда) может элиминироваться. Ср. аз. *Бир дәғә қалир атамын јанына ки, бәс, Молла Заман, башына дөнүм, көмәк ела* 'Однажды приходит к моему отцу, (говорит), мол, Молла Заман, родненский, помоги' [Абдуллаев 1963, 89]; тур. *Jerli Kars ağızı: Gözünü açdı ki ǵəndi evünde yatahta yatur* (Caferoğlu, 162) 'Открыл глаза и (видит), что лежит он в постели в своем доме'.

Придаточные дополнительные предложения могут представлять собой прямое высказывание, в морфологическом отношении свободное от высказывания, заключенного в авторской речи. Такие случаи довольно многочисленны в старых памятниках (ср. материалы азербайджанского, турецкого языков), а также в современных языках, образуя устойчивую синтаксическую модель (ки выполняет роль кавычек). Ср. аз. *Уч қун зөзөл деір ки, ана, Бакыја мушавирајә җедирам, механизаторларын мушавиреминә* (Ибраһимов 1966, 55) 'Три дня назад он

говорит: — Мама, я еду на совещание в Баку, на совещание механизаторов'; бакин. диал. Зинданда да бир нечэ нафэр адам уннан хәбәр алыллар ки, сәнүн на тәхсурун вар ки, сәни дә кәтириб салыблар бу зиндана? [Ширалиев 1957, 147] 'Несколько человек в тюрьме его спрашивают: — "Какая у тебя вина, что тебя посадили в эту тюрьму?"; сальян. диал. Сәңә димишәм ки, аәыллы ол! 'Я тебе говорил: — Будь благоразумен!' [Рамазанов 1955, 258]; гаг. да она ёелмій бір жүйдемішкі: "байн гідеім да долашајым сүреклемі" [Мошков 1904, 54] 'И пришел он к нему однажды и сказал: — Я пойду попасу свои стада"'; кирг. Мында туруп хатын айтат ки, менин эримдин тарбиясы ушундай '(Тогда) женщина говорит: — Воспитание моего мужа таково' [Сартбаев 1953, 37]; тур Molla Nesredin deyir ki: hoş geldin (Caferoglu, 130) 'Молла Насреддин говорит: — Добро пожаловать'; Dényir ki: Seniç evin uñusut '(Там же, 4). 'Он говорит: — Твой дом пусть разрушается'; узб. Вазир айтдики, сиз бу мевани емай туринг 'Визирь сказал: — Не еште этих плодов' (Кононов 1960, 330); уйг. Saïdillə Axun qazınıq ooʃloq a ajittiki, man sizga bir misre seznidəjtem 'Сандулла Ахун сказал сыну судьи: — Я загадаю тебе загадку' [Боровков 1935, 191]; ср. также памятники азербайджанской письменности XVI в.: خطاب کلدى که تى رتوقراق سیورسن يا او زونك و تونك

فرزندلارى تى رتوقراق سیورسن يا او زونك و تونك دیدى تى او زومدن چوقراق سیورم

(Шүһ әданама) 'Спросили: — Ты его любишь или себя, и любишь ты больше его детей или своих? Ибрагим сказал: — Его я люблю больше себя'; دیدى خبر ویرهيم سزه که خال و خاله جهتندن کیمدر اشرف (Физули, 1924) 'Он сказал: — Сообщу вам, кто он со стороны дяди и тети'; турецкий памятник: اوغلان انى قرق وزيرلرک حکایتلرى کورىجىك بشىلدى که اى اوستاد بىر نىسنه كوردم [Смирнов 1903] 'Увидев его, парень начал (что): — О мастер, я кое-что видел'; документы на половецком языке XVI в.: Кейди іван слуцкалы пан ѹурко војтунг алына да гїле ет(t)i попко-оғлунунг устіна кі борчлу дур манга 70 ch ол айт(m)їкі пане војте борчлу едім јохса толадым да таныхым да бар да зволітца болдулар 'Перед паном-войтом Юрко предстал Иван из Слуцка и заявил на Попко-оглу (что): — Пан-войт, я был должен, но заплатил их и имею свидетеля' (ДП, 123, 231).

5. Придаточные предложения цели. Сказуемое стоит обычно в форме повелительного или желательного наклонения; в структурном отношении придаточное предложение оформлено в виде прямой речи. Ср. аз. бир калызыз вердиләр элімә ки, жәдим Большой Морской күчәдә 13 номралы һокумат анбарындан бу шейләри алым апарым (Сөз йох пулсуз): ики шкаф ... ики курсу... (МН, 284) 'Дали мне на руки бумагу, чтобы я пошел и на Большой Морской улице, дом № 13, из государственного склада взял эти вещи (безусловно, без денег): два шкафа ... два кресла ...'; бакин. диал. Құннәрин бир құну шәрдән чыхыб жәдәтди ки, өзүнә бир парча өрәк газансун [Ширалиев 1957, 152] 'Однажды он вышел из города и отправился, чтобы заработать кусок хлеба'; гаг. Олак Петри доорулмушту иласа касабысына, ки орада соксун боклаа Михун Гании да елә алсын онун исла, берекетли топрааны (Карабан, 13) 'Олак Петри направляя-

ся в предместье, чтобы подстроить неприятность Михун Гани и забрать у него хорошую, урожайную землю'; тур. *Vapur Çanakkale durmadı ki, cī kayut* 'Пароход в Дарданеллах не остановился, чтобы мне можно было сойти (на берег)' [Кононов 1956, 545].

6. Придаточные предложения времени, вводимые союзом *ки* и передающие действие, во время которого происходит действие главного предложения. Ср. аз. (муган. гов.) *Биз ушае идиқ ки душдук Лэнкорана* [ГМГ 1955, 160] 'Мы были детьями, когда попали в Ленкорань'; بو سوزده ايديلار كە ساروان باشى كلىدى (Шүнгиданама) 'Они говорили об этом, когда пришел Сарван-баши'.

Придаточные предложения времени, вводимые союзом *ки*, уточняют и раскрывают временное содержание главных предложений: аз. *O, ики күн иди ки, көнің әдісінде дүкәнчы бир достуун эвиндә яшайып* (Меңди 1954, 67) 'Прошло уже два дня, как он, старый лавочник, живет в доме одного своего друга'; *Бу неча күндүр ки, сандэн айрыым* (Вагиф, 17) 'Вот уже несколько дней, как я разлучен с тобой'; узб. *Бугун қырқ күндирикки, ҳали ҳам қызга бир оғиз гап айтганим ийк* (УЭ, 121) 'Сегодня уже около сорока дней, как я не промолвил ни слова девушки'.

В главном предложении возможны соотносительные слова с временным значением: ср. аз. *Мәнә о ваҳт газетчи дедилар ки, мән Садығ шла мусаһиблик башладым* (МН, 10) 'Меня тогда называли газетчиком, когда я начал вводить компанию с Садыком'; *Бу о заман иди ки, Рэсул атасы Эһмадин гырхыны верирди* (АХД, 52) 'Это было тогда, когда отец Расула проводил сорочины у Ахмета'; тур. *Sen o vaku dünyada degildin ki, babanı yaşıtı bilesin* (Nasreddin 12) 'Тебя еще тогда не было на свете, чтобы тебе знать возраст твоего отца'.

Союз *ки* может сопровождаться и анафорическими местоимениями, конкретизирующими его содержание: тат. *Башка халыкта ничектер, бедза бер ел утми ки, анда бер-бер терле яңа көй чыкмасын* 'Не знаю, как у других народов, но у нас не проходит и года, как появляется новая песня' [Закиев 1963, 323].

7. Придаточные предложения (слабо представленные в памятниках), подчинение которых главному осуществляется при помощи союза *ки* и отрицательной формы глагола главного предложения. Ср. аз. *Он дағига кечмәмишди ки; балача ушаг бир бейүк шуша долусу гырмызы сиркәни жетириб гойду столун үстэ* (МН, 361) 'Не прошло и десяти минут, как маленький ребенок принес полную большую бутылку красного уксуса и поставил на стол'; *Бир аз кечмәди ки, бир чобан чыхды* (АН, 37) 'Прошло немного времени, как пастух вошел'; *нала ичәри жирмамишди ки, Ханы Зөһрәнин сезләрини она чатдыр-ды* (АХД, 10) 'Он еще не вошел, а она уже о словах Ханы Зёхты донесла ему'; тур. *Daha iki satır yaztattıktan ki, başka bir kişi arkadaşlığı geldi* (Nesin 1962, 47) 'Я еще и двух строк не написал, как пришел другой мой ссыльный товарищ'.

В такого типа сложном предложении могут использоваться и лексические средства (например, слово *бирадән*)⁷, которые вместе с союзом *ки*

⁷ По-видимому, использование структурно-лексических соответствий для выражения временного соотношения действий происходит иногда под воздействием других языков. Данный структурный тип мог развиться под влиянием европейских языков.

выражают подчинительный характер отношений. Ср. аз. Шамил нә исә демәк истәйирди ки, бирдән Левин корунду 'Шамиль хотел что-то сказать, как вдруг показался Левин'; тур. *Artık nasıl candan ciğerden bağıtçı ol ki, salonda birden ses kesildi* (Nesin 1962, 8) 'Наконец, я так закричал в сердцах, что в зале голоса прекратились'.

8. Придаточные предложения образа действия. Одним из грамматических средств, указывающих на отдельные разновидности этого типа придаточных предложений (образ действия, мера и степень действия, сравнение действия и др.), являются соотносительные слова в главном предложении. Ср. аз. *Rüstəm ilk müvəffəq olğatdən o gədər sevinmisi, əzunə o gədər arxağı olmuşdu* ки, Сәкинәнин дедикләрини баша дүшмүрдү (Ибраһимов 1966, 11) 'Рустам после первой удачи так обрадовался, так самоуспокоился, что не понял, что говорила Сакине'; Кечәл фалагга-чубугуј нан Тахирин ајагына о гəдər вурду ки, ајагыны алты габыгдан чыхды (АХД, 8) 'Плешивый по ноге Тахира так ударил палькой-плеткой, что с подошвы ног у того слезла кожа'; гаг. *Biz düsseltilik yolu ölä, ki (ani) gecən maşınalarp sərəmsəsindir* [Бабоглу 1962, 63] 'Мы построили дорогу так, чтобы проходящие машины не ломались'; ктат. **کوبىك قاشقىرا اوپىلە بىر ئېياشت ويردى كە توپىلەرى هوایا اوچماغا با شلادى** 'Собака так угостила волка, что шерсть его начала летать в воздухе' [Самойлович 1916]; тат. *Тагы да аны һар вакыт башка балалыр белән уйнаганда сынарга кирәк, ләkin шул рәвешчә ки, ул синең караганыңны сизмәсен* 'Еще ее нужно испытать, когда она играет с другими детьми, но таким образом, чтобы она не заметила, что за ней следят' [Закиев 1963, 315]; *Бу вакытта Лайлэ шул кадәр матур иде ки, аң бетен кешенең исе китә иде* 'В это время Лайля была так прекрасна, что все люди удивлялись ее красоте' [Там же, 314]; тур. *Ve bu iskelet bize o kadar yakındır ki, ondan korkmak için ancak bir insan kadar kör ve düşüncесiz olmalıdır* (Sabahattin 1966, 93) 'И тот скелет нам настолько привычен, что бояться его может только темный, безрассудный человек'; *Artık ne kadar şaşutmuşum ki elimdeki avizeyi karuma gösterip, – Hiç merak etme, dedim* (Nesin 1962, 12) 'Наконец, я настолько растерялся, что, указав жене моей на люстру в моих руках, сказал: – Не обращай внимания'; туркм. *Уч гүнде ол гадар лешгер жем болды ки, хасаба гарени саны тогсан ики мүңе етди* 'В три дня собралось столько войска, что численность попавших достигла девяноста двух тысяч' [Поцелуевский 1943, 79]; узб. *У эстрада қўшиқларини шу қадар дилбарона айтдики, унинг санъатига маҳлиё бўлиб ўзимни шу қичик уйда эмас кенг концерт залида утиргандек ҳис этдим* (Чашмалар, 12) 'Она так пленительно пела эстрадные песни, что я, будучи очарованным ее искусством, чувствовал себя (так), будто я сижу не в том маленьком доме, а в просторном концертном зале'; *У ҳатто шу даража дангаса эканки, кунга чиқиб ўтиришини ҳам хушиламас экан* (ҮЭ, 23) 'Впрочем, он до такой степени, оказывается, ленив, что не любит сидеть под солнцем (на солнцепеке)'; *Шунчалик тез кетдимки ҳеч ким олдимга ута олмади* (Чашмалар, 119) 'Я так быстро пошел вперед, что никто не мог меня обогнать'; уйг. *У ез адәмلىриنىң арисида сөзлигэндэ шундаң чапсан созлаттики, униң аллида олтарған адәмниң узлирига түкүрүккәр чечиреп туратти* (Босаков, 40) 'Когда от говорил среди своих людей, он говорил так быстро, что до

лиц сидящих перед ним людей долетали брызги'; *Мошу тапта Манап униңең шу қадәр жиркеничлик көрүндики, һәттә униң узигә қаригидәк тақити қалмиди* (Там же, 54) 'В это мгновение Манап ему показался настолько отвратительным, что у него даже не было сил посмотреть ему в лицо'; *Қейнанисиниң аланида аңаң билән ейтқан бу сезилири Гулсүмни шунчилек титиригитивәттики, у есәңгирәп қалди* (Тохтамов, 5) 'Эти слова, сказанные свекровью с особой интонацией, так потрясли Гюльсюм, что у нее помутился рассудок'.

9. Придаточные предложения причины, следствия и цели: аз. *Фермаја нә верирсән ки, нә истајәсән!* (Ибраһимов 1966, 5) 'Что ты даешь ферме, чтобы что-то для себя требовать'; *Мәним әзизим, нә олуб ки, белә аглаја-аглаја охујурсан?* (АХД, 71) 'Мой дорогой, что случилось, что ты так причитаешь?'; *Бәрадәрим, Әрәбистанда черәк олмаз ки, черәйә бир ад гоялар* (МН, 9) 'Братец, ведь у арабов нет чурека, чтобы давать ему название'. Тип придаточного предложения причины определяется соотносительным словом в главном предложении. Ср. аз. *Мән Бакыны она җера севирам ки, бурада ушаглыгымдан јашајырам* (разг.) 'Я люблю Баку потому, что с детства живу здесь'.

10. Придаточные предложения условные и уступительные: аз. *Бура ки қалдин һәр шеји баңармалысан* 'Раз пришла ты сюда, (то) все должна уметь (делать)' [Абдуллаев 1963, 118]; *Өзүму елдүрәрам ки, ону јаман иша гојмарам* 'Хоть убью себя, а не допущу его до дурного дела' [Там же, 124]; тат. (диал.)⁸ *Йырак качтың ки, әзләмим* 'Если спряталась очень далеко, не буду искать'; *Йел булмады ки, бик йылы* 'Если ветра нет, очень тепло' [Закиев 1963, 323]; тур. *Fakat ne уараут ki azat edecek ne köletem var ne de cariyem* 'Но что я поделаю, если у меня нет ни раба, ни невольницы, которых можно было бы освободить' [Кононов 1956, 546]; узб. *Hима қўлсинки, ёнида юора чакча ўйқ* (Ойбек, 22) 'Что ему делать, если у него нет денег'.

11. Придаточные предложения места, в которых союз *ки* обычно предполагает в главном соотносительное слово *ерда*. Ср. аз. *О јерда ки, бејүјә нермат олмады, орда иш җетмәз* 'Где нет уважения к старшему, там дело не пойдет (на лад)' [Абдуллаев 1963, 99].

12. *ки* выполняет чисто присоединительную роль: аз. *Арвад, елә елема ки, җедим Теллини җәтиrim, тоj тәдарукуну тапшырым она* (Ибраһимов 1966, 21) 'Жена, так не делай, а то я пойду приведу Телли и поручу ему организацию свадьбы'; узб. *Хурасонда бир давр яратмоқ лозимки, – деди Навоий шавқланиб, – ўзга халқлар ибрат олабилсинглар* (Ойбек, 38) 'В Хорасане нужно создать такую обстановку, – сказал Навои с воодушевлением, – которая послужила бы примером для других народов'; документы на половецком языке XVI в.: *Keldi демjan pan јурко војтунг алына харт ромашко тугал-беј саркis tameachi царуг һарбет алына да ет(t)i кенди еріна моңынан iурко војтну да запісні да берді јурконунг холуна кi хачан хоңғең-оғлу ағон kelса на біттіргај pan војт јурко заic бiла нечік запiста туруп тур созсуз бу дур* 'Перед паном-войтом Юрко, хартом Ромашко, Тугал-беем, Саркисом Тамгаджзи, Царугом (и) Харбетом предстал Демьян и уполномочил вместо себя пана-войта Юрко и передал в руки

⁸ В говоре Нуракт-Киетим среднего диалекта [см. Бурганова 1953].

Юрко записку. Когда придет Агоп Хоцтег-оглу, то пан-войт Юрко непременно поступит с той бумагой так, как в ней сказано' (ДП, 132, 241).

Как мы видели, *ки* дает довольно устойчивую синтаксическую конструкцию, не ограничиваясь ареалом тюркских языков юго-западной группы. Чем дальше в глубь истории, тем шире круг его распространения. Конструкции с *ки* встречаются в тюркских памятниках, в которых преобладают элементы языков восточных и западных тюркских племен.

Прежде всего союз *ки* — одно из стандартных средств введения придаточных предложений во всех дошедших до нас памятниках азербайджанского языка (начиная с XIV в.). Эти же конструкции зарегистрированы и в памятниках турецкого языка (например, памятник XIV в. Бурханеддина). Союз *ки* является одним из основных средств введения придаточных предложений в языке астрабадской рукописи "Диван Махтум-кули"⁹. Конструкции с союзом *ки* встречаются в тюркском памятнике "Деде Коркуд", в котором имеется значительное количество южнотюркских элементов. Вместе с тем конструкции с *ки* можно обнаружить в памятнике уйгурского письма "Золотой блеск", чагатайском языке, среднеазиатском памятнике XV в. "Бабур-наме". Преимущественно с XVI в. конструкции с *ки* появляются в памятниках татарского языка — документах на половецком языке XVI в.

Если обратиться к современному состоянию тюркских языков, то можно заметить, что наиболее активно союз *ки* образует различные виды придаточных предложений в азербайджанском и турецком языках, в гораздо меньшей степени он распространен в туркменском, татарском, крымскотатарском, узбекском, уйгурском языках. В гагаузском он активно вытесняется синонимичным ему союзом *ани*. В башкирском языке его употребительность стилистически ограничивается отдельными видами придаточных предложений (преимущественно придаточными следствия).

В целом в тюркских языках отдельные виды придаточных предложений, вводимых союзом *ки*, развиваются неравномерно. Наибольшее развитие получают определительные, дополнительные, особенно придаточные предложения образа действия, т. е. те виды, которые, используя союз и развитую систему соотносительных слов, конкретнее передают нюансы подчинительных значений. Этим объясняется, в частности, то, что продуктивным становится тип придаточных предложений времени с уточняющим значением (ср. аз. *Он ики илdir ки, бир дәфә дә мә* 'зунийэт алыб курорта жетмәшишәм (разг.) 'Вот уже двенадцать лет, как я ни разу не брал отпуск и не ездил на курорт'.

В кумыкском языке встречается союз *ге* в аналогичной союзу *ки* синтаксической функции. Возможно, что оба союза находятся в этимологическом родстве. Ср. кум. *Ол недир ге юздуър бармагъы* 'Что это такое,

⁹ Ср. азербайджанский памятник: **کورديكە يوسف يعقوبىلە و داع** **ایتمکەد در** (Физули 1924) 'Она увидела, что Юсуф прощается с Якубом'; турецкий памятник: **تاریخ صولاق زاده بو دیارده قیتاق دنیلن بر** **قبیله واردر کە یکرمى بىن قدر گلیرلر** (Смирнов 1903) 'В этой стране было племя, называемое кайтаками, которых было около 20 тысяч'; чагатайск. *Ол ki түйзүтти tapar irtis qanlı* [РНТФ 1959, 156] 'Где тот, кто разгадал бы мои мысли?' и т.д.

что у него 100 пальцев? (загадка) [Дмитриев 1940, 193]; *Ол недир ге къянгъа ошар* 'Что это такое, что (само) похоже на кровь' [Там же]. В уйгурском языке (хотанском наречии) *ки* соответствует *ке*: *Хер ки i, ке шу гәдішнің терісіні тонуаң адамға, мен қызылні коілан бірәмән* 'Человеку, который угадает кожу бубна, я выдам свою дочь' [Малов 1954, 14, 17]. В диалектах азербайджанского языка можно встретить союз *ку/ку*, который, очевидно, также общего происхождения с *ки*. Ср. кировобад. *Ирбанымын гызыны үч күндү кү, аддандырышмышыл* [АД 1964, 23] 'Уже три дня, как мы обручили дочь Ирбахыма'. В диалектах турецкого языка встречается союз *ci*. Возможно, что это один из развивающихся фонетических вариантов союза *ки*. Ср. *Erzerum vildyeti ağızı: Ahıl dedi ci: Bülmir ci bi daş ne daş* (Safetoglu, 183) 'Ахил сказал, что он не знает, что это за камень'.

ким — союзное слово, восходит к относительно-вопросительному местоимению. По своей универсальности его можно сравнить с союзом *ки*, который вводит аналогичные конструкции. Структура построения придаточных предложений с *ким* та же, что и придаточных предложений с союзом *ки*.

1. Придаточные предложения — подлежащие: аз. ¹⁰ *Ким жедир, десин язым* (разг.) 'Кто идет, пусть скажет, я запишу'; гаг. *Ким ишилти, башкасына да сөлейжек* [Бабоглу 1962, 61] 'Кто слышал, (тот) и другим расскажет'. Сказуемое придаточного-подлежащего может стоять в форме повелительного, желательного наклонений в том случае, когда сказуемое главного предложения выражено модальными словами 'необходимо, должно' и др. Ср. памятник азербайджанского языка XV в.: (Шұнаданама) *ایمدى لازم اولدى کیم سنى آنکا يیتورايم* 'Сейчас стало необходимым, чтобы я тебя к нему доставил'.

Довольно часто в главном предложении присутствуют соотносительные слова, конкретизирующие содержание придаточного. Сказуемое в нем может быть в форме условного наклонения: кирг. *Кимде-ким Мырзабек Манаптын мүлкүнен тийсе, ал эч сураксыз бийсиз элэ Мырзабектен жаза алат* 'Кто тронет имущество Манапа Мырзабека, тот без суда и следствия понесет наказание' (из сказки) [Скирдов 1962, 24]; кум. (кайтак. диал.) *Ким ишиласа, ша ашар* 'Кто будет работать, тот и будет есть' [Керимов 1953, 13]; ст.-тат. *Кем яманлыг кыйлса, ул табкай жэза* 'Кто совершил преступление, тот найдет кару' [Закиев 1963, 316]; средн. диал. *Кем эшли, шул ашый* [Жәләй 1952, 224] 'Кто работает, тот ест'; тув. *Кым ажыл кылбайн-дыр, ол чем чивес* 'Кто не работает, тот не ест' [ТРСл. 1955, 719]; Кым күзей-диr, ол чугаалазын 'Пусть скажет тот, кто хочет' [Там же, 720]; чув. *Кам ёфлемест, вәл չимест* 'Кто не работает, тот не ест' [Дмитриев 1955, 112]; *Кам шыратып, вәл тупатып, төсөө* (Талвири 1952, 123) 'Кто ищет, тот найдет, говорят'; шир. *Кем канче иштепча, ол анчок алча* 'Кто сколько работает, тот столько и получает' [Дыренкова 1941, 301]; *Кем көп кыырча, ол көп пилча* 'Кто много читает, тот много знает' [Там же].

2. Придаточные предложения-сказуемые. В главном обычно присут-

¹⁰ В азербайджанском языке *ким* нередко сопровождается усиливительным *ки*; ср. сальянск. диал. *Ким ки накым гулаң асмады, о һаммәшә налош олар* 'Кто не послушался врача, тот всегда будет больным' [Рамазанов 1955, 285]; бакин. диал. *Ким ки, йүхудан тех дуру, о саламэт олу* [Ширалиев 1957, 149] 'Кто рано встает, тот бывает здоров'.

ствуют соотносительные слова: аз. *Кеј мының кымдәдир, мәним истәклим одур* 'У кого голубая бисерина, тот милый мой' [Абдуллаев 1963, 79]; *Хәялымда будур ким, болмушам аләмдә бир хилгәт* (Физули 1944, 37) 'Я мечтаю о том, чтобы найти в мире создание'; гаг. *Биз оннарыз, кими бүктүләр, ама қырамадылар* [Бабоглу 1962, 62] 'Мы те, кого они согнули, но не сломили'; туркм. *Ол недир ким төрт янында йузи бар?* *Ол недир ким сынасында гөзи бар?* (Махтумкули) 'Что это, что с четырех сторон у него лицо? Что это, что на груди глаза есть?'; Среднеазиатский тифсир: *Біз ол міз кім мірас алурміз* 'Мы те, которые получают наследство' [Боровков 1963, 100]; *Анлар кім болурлар уш тімаһлар ічиндә авірлан-мішләдін* 'Они (те), которые будут из чтиемых в райских садах' [Там же, 38]; Памятник Калила и Димми: *Maşlahat bēdūr kīm biz qātumúz arslānuṇ qatupū varadūm* [Zajęczkowski 1934, 38] 'Совет таков, чтобы мы все отправились ко льву'; Мухаббат-наме: *Анің кім ал ъңіндә мәң жаратті' бојі* 'бірлә сачінің тәңі жаратті' 'Он тот, кто создал на алои щеке родинку. Тот, кто во всю длину тела вырастил волосы' [Щербак 1959, 128]; *Бүгүн мің жан билә кім кім көңүліні сәңқа бәрмәс тәніндә жан јок аі жан!* 'Сегодня тот, кто с тысячью душ сердце тебе не отдаст, в теле не имеет души, о милая!' [Там же, 137, 158].

3. Придаточные предложения определительные: (Хатаи 1966, 65)

حسن رخسارنک کیم اولدی جا و دل حیران انکا کیم یوقدر بکا درمان بلورسن دوشمش بر درده "Красотой личика твоего, что стало душой, восхищено сердце"; (Физули, 1924) 'Ты знаешь, что я попал в такую беду, от которой нет спасения'; кум. *Адам бар ким адамлана нахшыдыр, адам бар ким гъайван ондан яхшыдыр* 'Бывает такой человек, который – украшение людей, (а) бывает и такой человек, что скотина лучше его' (посл.) [Дмитриев 1940, 192]; Среднеазиатский тифсир: *Шәрәфі улуа кім бір жәтім адлу жіндікүй булур* 'Велика слава того, кто найдет сиротой именуемый жемчуг' [Боровков 1963, 39]; История пророков Рабгузия XIV в.: **قومونكا بو فا حشه ايش لا رنى کیم قیلورسیز عالمدا هیچ کیم موندا غ قیلما دی** 'Таких развратных дел, какие вы творите, в мире никто не делал' [Малов 1951, 327, 335].

В главном предложении возможны соотносительные слова: узб. *Форси аш'орда "Фоний" туркий аш'орда "Навоий" тахаллус қўллаган бу бола сўз денигизидан шундай дурри-гавҳарлар сочдиким, энг нодир қаламлар тажжубда қолди* (Ойбек, 19) 'Этот ребенок, который носит псевдоним "Навоий" в произведениях на тюркском языке и "Фоний" – на персидском языке, из моря слов добыл такие жемчуга и драгоценности, что самые утонченные поэты пребывали в удивлении'; Хибатул Хакаик XII–XIII вв.: *Ол ўркім улувесіндегі мән-мән дәді* 'Кто возвеличивает себя – выпячивает себя' [Махмудов 1964, 26]; Среднеазиатский тифсир: *Ол жа кім алкіндә ѡрді ол жа бірлә абу джәйліні жішір жішра урді* 'Тот лук, который был у него в руках, тем луком он ударял Абу Джахля снова и снова' [Боровков 1963, 155]; Огуз-наме: *У(ру) шаудун соң Өғуз қағаннұң үйрігігә нұйқапләрін әй үйнігә андағ үлүг барғы түшті кім жүйләмәккә күйдүрмәккә ат, қағатір, үд азлік болді* 'После битвы войску огуз-кагана, его нукеру и народу досталась такая большая добыча, что для погрузки и перевозки ее

мало было лошадей, мулов и быков' [Щербак 1959, 51–52]; *Ошбу кім аеізумә бәкмас туур болса чамат чакіб өзіріг чекіб душман тутармән* 'А кто не подчинится, того, излив гнев, собрав войско, недругом посчитаю' [Там же, 34]; Мухаббат-наме: *Саламімнің тәгір ол ҳушліқаңа кім урад чәхрасі мің та'на аїға* 'Приветствуй от меня ту красавицу, лицо которой делает тысячи упреков луне' [Там же, 135, 155]; *Ошул күн кім сәні халік жаратті сәні ділбәр мәні әшик жаратті* 'В тот день, когда творец создал тебя, он сделал тебя возлюбленной, а меня влюбленным' [Там же, 139, 159].

ким может сопровождаться анафорическими местоимениями, принимающими падежные аффиксы и конкретизирующими его значение: турецкий памятник XIV в.: *Ol bir ulu kuştur kim ana Simurg derler* [Тагама 1943, 1963] 'Он огромная птица, которую называют Симургом'; Среднеазиатский тифсир: *Bir kашм қатіндін өтді кім булар құлұшүрләр әрді* 'Проходили они мимо одной группы людей, которые смеялись' [Боровков 1963, 188]; *Мунда тәбл wa нај ерўр кім ані уарлар ҹаларлар* 'Здесь барабаны и флейты, в которые они бьют и играют' [Там же, 227]; Мухаббат-наме: *Зәхі кадір кім ол бір қатра судін Мұхаббат гәвхәрінгә қайн жаратті* 'О всемогущий (Аллах), который из капли жидкости создал чрево для жемчужины любви' [Щербак 1959, 130, 151]; *Харабат бір lá масійда јәрім бар кім ош мән рінду-у хәм ҳуши парсаман* 'У меня есть место и в кабаке и в мечети, где я и беспутен и благочестив' [Там же, 148, 165].

Конкретизация подчинительных отношений, уточнение семантики ким достигается и употреблением аффиксов принадлежности при подлежащем придаточного определительного предложения. Ср. Среднеазиатский тифсир: *Қарнақлар кім ѿмчак і бітәр боләж* 'Девушки с полными грудями' [Боровков 1963, 77].

4. Придаточные предложения дополнительные: аз. *Хейли ҹагдан сонра билдим ким, қөзәл инсан имиши* (Вагиф, 183) 'Много времени спустя я узнал, что он был прекрасный человек'; узб. *Малум бўлдиким, сиз жаноб бу хусусда биз блан хафикрсиз?* (Ойбек, 92) 'Стало известно, что вы, ваше превосходительство, в этом случае являетесь нам единомышленником'; *Ўзлим, худога минг қатла шукурким, баҳтимга оёққа туриб қолдинг* (Чашмалар, 69) 'Сын мой, тысячу раз я благодарен богу – к моему счастью, ты встал на ноги'; Дербент-наме: *کافرلر کوردیلر کیم* Тиуры увили, что мусульмане собрались в одном месте'; туркм. *Ким билер ким нейлэрсен* (Махтумкули, 231) 'Кто знает, что тебе делать'; уйгурский памятник христианского содержания: *Öz jük-lärin ačty-lar, ärtüidin ačı-yyun ötündi-lär, kim kälürmiš ärdildär* 'Они открыли свои вышки и очень умоляли (о принятии) своих даров, которые они принесли' [Малов 1951, 134, 136]; Деде Коркуд: *Gördiler kim ol yigit Kim baş kesüpdür kan dörüpdür* [Ергин 1963, 482] 'Они увидели, что парень, у которого отрезана голова, истекает кровью'; Среднеазиатский тифсир: *Фәріштә қіңурур кім фалан оғлінің таразусі аәжір кәлді* 'Закричит ангел, что весы сына такого-то оказались тяжелы' [Боровков 1963, 141, 206]; хорезмские памятники XIV в.: *Кэтурди намэ ким ош ай тутулды, йети иклім таҳты хали болды* 'Принесли весть, что произошло затмение луны, трон семи сфер остался без шаха' [Фазылов 1966, 33]; Огуз-наме: *көрді кім өзірінің тапуқларіда көк түйүкілгүй көк җаллуғ бәждүк бір әркәк бөрі йүрүгүйдә туур* 'И увидел, что пе-

ред войском движется огромный сивогривый, сивовласый волк' [Шербак 1959, 38].

В главном предложении возможны соотносительные слова: тат. *Кемгэ зйтсәң, шул барыр* 'Кому скажешь, тот и пойдет' [Закиев 1963, 318]; узб. *Фақат бу можародан бизга кераклик нуқта шундаким, натижада Маъдалихон шикаст топди* (Кодирий 1959, 11) 'Но для нее в этом происшествии важно то, что в результате этого события Мадалихон погибла'; шор. *Кемнинъ мылтык, аанъ – оқ түк небе* 'Чье ружье, того и пушнина' (погов.) [Дыренкова 1941, 301]; Кутадгу билиг: **ئانى كىم تىلادى قىلدى** 'Все, что он желал, сделал' [Малов 1951, 231, 234]; Среднеазиатский тefsир: *Агәр білсә әрдім жауқ му турур ані кім waða құлурсіз* 'Если бы я знал, близко ли то, что вы обещаете' [Боровков 1963, 101]; *Нечүн аյтур әрдіңіз ані кім қілмаз әрміштіңіз* 'Почему говорили вы то, что не делали' [Там же, 229].

Сказуемое придаточного дополнительного, вводимого союзным словом *ким*, может стоять в форме повелительного, желательного наклонения, соответствующая часто русским конструкциям с союзом *чтобы*. Ср. азербайджанский памятник XVI в.: **سن ئنلاره سویله کیم تووق ایتسون لاو** (Шүнэданамэ) 'Ты скажи им, чтобы они остановились'; турецкий перевод памятника "Калила и Димна": *İmdi yaraklangı kim varasın* (ТЭА, 18) 'Вооружайся сейчас, чтобы отправиться в путь'.

ким, как и *ки*, может вводить придаточные дополнительные предложения, представляющие собой прямое высказывание: Ср. Среднеазиатский тefsир: *Азарнің көңліні күзәтді кім оғлуні жауқсіз құнамаш болмаін* 'Успокойли сердце Азара, что не будут сына его мучить безвинно' [Боровков 1963, 188]; Огуз-наме: *Ошбу білдүргөлүктә бітіл міш әрді кім мән үізүрнің қағані боламән, кім јәрнің төрт булуңынү қағані болсам көрәк турур* 'В этом послании было написано: Я уйгурский каган, которому суждено быть правителем четырех частей света' [Шербак 1959, 33].

5. Придаточные предложения цели. Сказуемое обычно стоит в форме повелительного, желательного наклонений, соответствующая русским конструкциям с союзом *чтобы*: турецкий памятник "Ашик Паша": **با ب اولده اشتاون داستان كيم بلاس معنى كنج بى كمان** [Смирнов 1903] 'В первой главе слушай 10 дестанов, чтобы знать тебе'; памятник XV в.: *Gitme bundan kim helâk olmayasın* (Тагама, 43) 'Не уходи отсюда, чтобы не умереть (погибнуть)'; турецкий перевод памятника "Калила и Димна": *İmdi yaraklangı kim varasın* (ТЭА, 27) 'Вооружайся сейчас, чтобы отправиться в путь'; Среднеазиатский тefsир: *Тақұ емғанлайміш сөзіні әткүр қілдім болса кім мәңд шукр қілғај* 'И затрудненную речь их я сделал ясной, дабы они благодарили меня' [Боровков 1963, 251]; *Қілдіміз жер ічинде аәр бағымыш тағларнің кім жақшасун анларні* 'Мы устроили в земле прочные крепкие горы, чтобы не поколебали их' [Там же, 37]; хорезмские памятники XIV в.: *Йарап ким сабрдын қавурчақ етсәм* 'Стоит (годится), чтобы из терпения я сделал куклу' [Фазылов 1966, 174]; *Ишарат қылды шах бавурчықа ким, кәтур хан сал ким емди аш йегелім* 'Шах дал знак главному кухмейстеру расставить столы, чтобы мы начали пир' [Фазылов 1966, 176].

6. Придаточные предложения времени. Структура построения этого

типа придаточных аналогична придаточным времени с *ки*. Они обычно уточняют и раскрывают содержание главных предложений, уже имеющих временное обозначение. Ср. хорезмские памятники XIV в.: Алтын уч йашында эрди ким пайгамбар дүниадын наңл кылды 'Было пророку шестьдесят три года, когда он отправился из (этого) мира' [Фазылов 1966, 47]; **يَتَى بُوزْ أَوْنْ اِبْرَدِي يَلْغَهْ كِيمْ بَتِيلْدِي** **بُوكْتَابْ** Шел семьсот десятый год, как была написана эта книга [Малов 1951, 331, 339]; Мухаббат-наме: Түн акшам кім көрүнді барада ай Мұхаммад Ҳоја-бәзг дәвіәт хумаји бујурді ўргя шабірван урулді қадақ кәлтүройлар мајліс курулді Ночью, когда показался месяц байрама, Мухаммед Ходжабек, владыка государства, приказал, и были поставлены юрты и шатры, принесены кубки и устроен меджлис' [Щербак 1959, 129, 151].

7. Придаточные предложения образа действия. В главном обычно стоит соотносительное слово. Ср. азербайджанский памятник XIV в.: **قَا شَلْرَكْ** **شَوِيلَهْ مَعْتَدَلْدَرْ كِيمْ اِمْتَدَالْ اِيرْمَزْ** (Несими № V-124) 'Твои брови настолько (так) соразмерны, что равной им стройности нет'; Деде Коркуд: *Öz kılıç-yile eñsesine eyle çaldı kim başı top kibi yire düşdi* (Ergin 1963, 23) 'Он так ударил своим мечом ему по затылку, что его голова покатилась на землю, как мяч'; Среднеазиатский тифсир: *Анда jawuқ kālədī anča kím iki jaʃ қошуру тутсаја тақi jaқынрақ* 'Тогда он подошел близко, настолько, чтобы вместе держать два лука (на расстояние двух луков) или еще ближе' [Боровков 1963, 215].

8. Придаточные предложения, передающие причинно-следственный характер отношений: Среднеазиатский тифсир: *Waj қателік бізкә кім bіz ардіміз күч құлғанлар* 'О наказание нам, ибо мы были жестокими' [Боровков 1963, 100]; *Абақындақi* 'на'ліңні сучуләй кім сән бу арқы артылмай орунда сән кім анық аті' това турур 'Сними обувь с ног своих, ибо ты (находишься) на этом священном месте, название которого Това' [Там же, 29, 57]; хорезмские памятники XIV в.: *Эй қарындаш аның бекин шуқр мәңә вәжіб буур ким анбийәй мірәсын таптум* 'О брат, мне надлежит возблагодарить господа, так как я обрел наследие пророков' [Фазылов 1966, 53].

Придаточные предложения могут предшествовать главному предложению: Мухаббат-наме: *Kim асру бэвафа Әрүр замана јэхан қалмас кішігә јавідана* 'Так как судьба очень вероломна, мир не останется человеку навечно' [Щербак 1959, 133, 154]; *Kim ујмақтур сәнің базмің бінасі* 'хәмішід ҳүш әрүр ғаннат хаваси' 'Так как место твоего пиршества – рай, всегда будет приятным воздухом рая' [Там же, 132, 153].

9. Придаточные предложения условия и места (встречаются редко): Среднеазиатский тифсир: *Ajdı nă körärsän ančda kím сіңіндіміз ол* корум таша кім мән уніттім балікні 'Сказал, что видишь ты там, где мы останавливались, на том скалистом камне (на котором) я забыл рыбу' [Боровков 1963, 215]; памятник турецкого языка: **بِنْ نِيجَهْ جَانْ وَبِرْ** **أَوْلَ دَلْبَرْهْ كَمْ خَدَائِ بَنَدَهْ بَرُورْ جَانْ وَبِرْ** (Burhanettin) 'Как мне не отдать душу той красавице, если (раз) бог дает рабу любящую душу'.

Рассмотрев типы придаточных предложений, вводимых союзным словом *ким*, можно прийти к выводу, что структура их построения совпадает со структурой построения предложений, вводимых союзом *ки*. Для конкретизации подчинительных значений используются те же средства – развитая

система соотносительных слов и анафорических местоимений. Этим можно объяснить, почему отдельные виды придаточных предложений, вводимых *ким*, были с течением времени вытеснены аналогичными конструкциями с союзом *ки*.

Союзы *ки* и *ким*, как будет показано в специальном разделе (см. ниже), различны по своему происхождению, но в условиях общности семантики она выработали много одинаковых функций и участвуют во многих синонимичных конструкциях (аз. *айлэ ки* и *эйлэ ким*). Как показывают наблюдения, конструкции с *ким* были значительно распространены в тюркских памятниках, преимущественно в тех, где преобладали элементы кыпчакских языков. Ср. Хибатул-Хакаик XII–XIII вв., Среднеазиатский тифсир XII–XIII вв., История пророков Рабгузия, Огуз-наме, Мухаббат-наме, Бабур-наме, хорезмские памятники XIV в. и др. Что касается современных тюркских языков, то в них получили развитие главным образом придаточные предложения, вводимые союзным словом *ким*. Ср. тат. *Кем эши, шул ашый* 'Кто работает, тот ест' – этот тип придаточных подлежащих прослеживается и в азербайджанском, гагаузском, кумыкском, тувинском, туркменском, узбекском, чувашском, широком языках. Другие же типы придаточных предложений, вводимых *ким*, распространенные в памятниках, в современных языках имеют куда более ограниченное употребление.

кин. Структура придаточных предложений, вводимых этим союзом, та же, что и у тех, которые вводятся союзами *ким* и *ки*. Распространен в диалектах. Ср. придаточные дополнительные: аз. (диал.) *Онда бил кин, мәни өлдүрдүләр* [Ширалиев 1962, 319] 'Тогда знай, что меня они убили'.

В главном предложении возможны соотносительные слова. Ср. придаточные предложения меры и степени: *Муннар о гәдәр ол жедиллар кин, ахирда һамин јорууллар* [Там же, 329] 'Они столько идут по дороге, что, наконец, устали'.

Придаточные предложения цели, сказуемое которых может оформляться повелительным, желательным наклонением, соответствуют русским конструкциям с союзом *чтобы*. Ср. *Өзуңа бир балән гајырер кин, гуш ону жермасын* [АД 1964, 69] 'Он делает знак, чтобы птица его не увидела'.

мадам ки. Вводит придаточные предложения, передающие выполненное условие: аз. *Мадам ки аксәријәт бу иша разыдыр, демали, һамин эксәријәт бу иши җөрмәјә көмәк едәңгәкдир* 'Раз большинство согласно (с этим), значит, то же самое большинство поможет выполнить эту работу' [Абдуллаев 1963, 117]; тур. *Zibidi, maddem ki paran yok, ne diye beni sa-bahtanberi ığraştıruyorsun?* (Nesin 1962, 44) 'Ничтожный, раз у тебя нет денег, для чего ты меня с самого утра утруждешь?'; *Maddem ki insanı ağızı var, uyesek* (Там же, 63) 'Поскольку у человека есть рот, он (и) будет есть'; узб. *Модомики халойиқ қўлга тош олибдир, унинг кўнглида дарди бордир* (Ойбек, 77) 'Поскольку народ взял в руки камень, то и на душе у него тяжело'.

нә – союзное слово (местоименного происхождения); вводит следующие предложения.

1. Придаточные дополнительные: аз. *Сандән на җизләдим, урајимдән кечир* (Ибраһимов 1966, 11) 'Что скрыл от тебя, от сердца моего ускользает'; тат. *Бакалым, не о йазар, чоктан каблетмедим ондан киат* (Карабочан, 87) 'Посмотрим, что он пишет, давно не получал от него письма'; тур.

Sahiden anlamıyorum ne demek istiyorsun (Sabahattin 1966, 102) 'Я поистине не понимаю, что ты хочешь сказать'. Сказуемое в этих придаточных может стоять в форме повелительного, желательного наклонений: аз. *Дајә шадлызындан билмәди нә гајырсын* (АХД, 30) 'Няня от радости не знала, что ей делать'; гаг. *Кенди да башлады дўшўнмай, не йаздырысын* (Карабабан, 87) 'А сам начал думать, чтобы написать'. В главном предложении возможны соотносительные слова: каз. *Ал, ішінде не жатыр, оны білмейді* (Дузэзов, 24) 'Что он думает про себя, этого никто не знает'; тат. (томск. диал) *Мин ниня айттым, аны иштәрим* 'Я что сказал, то и сделаю' [Дульзон 1956, 366].

2. Придаточные определительные: гаг. *jykletmiш paralarъ hepsini ne җатышjevin dolajanъnda* 'Они погрузили все деньги, которые были около дома' [Дмитриев 1962, 266].

на вахт ки. Вводит придаточные предложения времени: аз. *На вахт ки, сәнә дидим, онда язарсан* 'Когда я скажу тебе, тогда напишешь' [Рамазанов 1955, 286].

не заман, не замандан. Вводят придаточные предложения времени: гаг. *Незаман хем ким ону казмыши, ташламыш, – кимсей билмеер* (Буджактан, 150) 'Когда кто его выкопал и обложил камнем – никто не знает'; Алтыйыл олэр незамандан о бу колхозу кулланэр (Там же, 23) 'Шесть лет с тех пор, как он работает в этом колхозе'.

на ки. Вводит придаточные условные: аз. *Кәрәк шәһәрда на ки тәзә дөгүлан ушаг вар, на мысынын бојну гурула* (АН, 35) 'Нужно казнить (обезглавить) всех, сколько их есть в городе, новорожденных'; на ки/ким вводит придаточные дополнительные: тат. *Нә ки телдин чыктый, ул башка килер* 'Что говорится языком, то войдет в голову' [Закиев 1963, 316]; Среднеазиатский тифсири: *Кім мән өзүрдім сәні ашытқыл на' кім waһi кәлтүрүрмән* 'Я избрал тебя, слушай, что я открою' [Боровков 1963, 243]; хорезмские памятники XIV в.: *Бу қызларның бири үугруб қайытты, не ким андын ешитса айытты* 'Одна из этих девушек вернулась бегом и все, что от него услышала, рассказала' [Фазылов 1966, 37].

не ючон десенг. Вводит придаточные предложения причины. Ср. кбалк. *Сохтала бүгюн дерсге нечиғиб келдиле, не ючон десенг, кёпюрню суу алгъан эди* 'Ученики сегодня пришли в школу с опозданием, так как мост унесло водой' [Алиев 1959, 78].

ненинг учун дезе. Вводит также придаточные причины. Ср. алт. *Мен школдо болбодым, ненинг учун дезе, бажым оорыд* 'Я не был в школе, так как у меня болела голова' [ОРСЛ. 1947, 302].

ни тиклем. Вводит придаточные предложения условно-уступительные, соответствует русск. сколько бы ни. Сказуемое оформлено повелительным, желательным наклонением: башк. *Ул ни тиклем генә тырышмаын, бары бер бәзže еңә алманы* 'Сколько бы он ни старался, он все равно не мог нас победить' [Дмитриев 1948, 270].

ни хәтле... шул хәтле. Вводит в татарском языке придаточные меры и степени: *Болында улыән ни хәтле, анда кеше шул хәтле* 'Сколько трав на лугу, столько и народу там' [Закиев 1963, 318].

нега, нәгу. Вводят придаточные условно-уступительные, соответствуют рус. как бы ни, какой бы ни. Ср. юридические документы уйгур X–XIII вв.: *Nägü is-kä oγγylartän, anyndynbäri nägü :t-a timisi joq ärti* 'К какой

работе я устремлялся (я все выполнял), в результате чего нет никакого спора' [Малов 1951, 203].

нега ки. Вводит придаточные предложения причины: узб. *Пулини ол, сенга ярашади, негаки камбаңалсан* 'Бери деньги, тебе (они) пригодятся, ибо ты беден' [Кононов 1960, 268].

неге тюгюл. Вводит придаточные предложения причины в кумыкском языке: *Мен тюнегюн авруп, агъам гетип болмады и Агъам гетип болмады, неге тюгюл, мен тюнегюн азрудум* 'Мой старший брат не смог уехать, потому что я вчера болел' [Джанмавов 1967, 249].

не ге десец. Вводит придаточные предложения причины: *ккалп. Мен бугин келе алмайман, неге десец бар жумысым бар* 'Я сегодня не приду, так как я занят' [ККРСЛ. 1958, 866]; *Мен кеше окъувъга бара алмадым неге десенъ авырып къалдым* 'Я вчера не мог пойти на учебу, так как был болен' [Там же, 522]; ног. *Жыйылгъа бар (а) алмадым неге десенъ авырып къалдым* 'На собрание пойти не мог, потому что заболел' (разг.).

на гэдэр. Вводит придаточные предложения:

а) времени: аз. *Истәјирсән лап кет молтана кәтири, амма ону да бил ки, на гэдэр мән варам, бу евә Телли-Мелли ајавы дәјмајәжәк!* (Ибраһимов 1966, 21) 'Если хочешь, иди приводи хоть огнепоклонника, но знай то, что, пока я существую, в этот дом не заглянут никакие Телли-Мелли';

б) условные: аз. *Нә гэдэр вурнухурдулар, бир эфәл тапмырдылар ки, алдатсынлар* (АХД, 52) 'Как они ни сутились (хлопотали), а не нашли глупца (чтобы обмануть)'; нахичеван. диал. *Бы аѓах на гэдэр сез дејир, Шаббас күлмур* [АД 1964, 25] 'Сколько ни говорит этот подлец, а Шаббас не смеется'.

Некадар сопровождается усиленительным *да*: гаг. *Некадар да зор диилди евелләр гагаузлара, оннар бир керә бүлә кестирмедиляр түркүлерини, масалларыны, жүмбүшлерини, дургунмады оннарын фольклору* (Буджактан, 8) 'Как ни было трудно раньше гагаузам, они никогда не прекращали сочинять тюркю, сказки, остроты (юмор), не прекращался их фольклор'.

В главном предложении употребляются соотносительный сочинительный союз *ама*, слова *ölä, о кадар*: гаг. *Некадар да зорлуклар, зеет чекмеди гагаузлар, ама кенди артистик йаратыжыларыны корудулар нижә гөзүнү* (Буджактан, 8) 'Сколько ни испытали гагаузы бед, трудностей, но свои артистические творения сохранили, как свои глаза'; *Топланэр ölä чок балык, некадар йапрак даада вар, некадар да от чайырга вар* (Там же, 130) 'Собирается столько много рыбы, сколько листвьев в лесу, сколько травы на лугу'; *Некадар верирсән, окадар алажам* (Карабобан, 87) 'Сколько дашь, столько и возьму'.

Нә гэдэр может сопровождаться усиленительным *ки/ким*. Хорезмские памятники XIV в.: *Нә қадар ким лутф билән алдаб сөзләдиләр файда қылмады* 'Сколько бы его ни обманывали ласковыми словами, было бесполезно' [Фазылов 1966, 43].

не гъурлум... сол гъурлум. Вводит придаточные предложения меры и степени, соотв. русск. *насколько... настолько*: *ккалп. Не гъурлум окъусанъ, сол гъурлум билиминъ хәм сананъ артады* 'Насколько поучился, настолько у тебя знаний и мудрости прибавилось' [Баскаков 1952, 523].

найза — союзное слово, вводит придаточные предложения дополнитель-

ные: аз. Ахунд сорушурду нэйэ Садыга лаглағы дейирлар (МН, 8) 'Ахунд спрашивал, почему Садыка называют балагуром'.

нәнда – союзное слово, вводит придаточные предложения места. В главном возможны соотносительные слова: гаг. Мемлекет башка бән билмәдимдир, нәнда бәлә бол инсан йашар [Бабоглу 1962, 59] 'Я не знаю другой (такой) страны, где (бы) человек жил в таком изобилии'; Заводу курдуар орада, нәнда вар чок көмүр [Там же, 68] 'Строят завод там, где есть много угля'.

нердә. Вводит:

а) придаточные предложения места: гаг. Орда шинди да' вар бир бүүк хем ўсек таш дирек, нердә демир буквайлан йазылы ким киминнән дүүшмүш, хем ангы йылда бу женк олмуш (Буджактан, 150) 'Там и сейчас есть один большой и высокий каменный столб (стойка), где железными буквами написано, кто от кого пал и в каком году была эта война';

б) придаточные дополнительные предложения: гаг. Олак Петри чыкардыктан сора силди куру отлан чамурлу еллерини, кошту бейгири пинди файтона да хызын йорттурду бейгири, таман пласайя дору, нередән пек коркарды Михун (Карабобан, 14) 'После того как Олак Петри вытащил, он вытер сухой травой грязные свои руки, запряг лошадь, сел в фаэтон и быстро погнал лошадь по направлению к плацу, чего больше всего боялся Михун'.

натәк ким. Вводит:

а) придаточные предложения времени: Среднеазиатский тифсир: Бас натәк ким билдүрді аңа айт (т)ү ким хабар бәрді сәңә мун' 'Итак, когда он осведомил ее (об этом), она сказала' [Боровков 1963, 101, 102]; хорезмские памятники XIV в.: Нетәк ким башлады соз ол тили қанд, оқуб Фарҳад айды йуз мин аҳсанд 'Когда начала говорить та сладкоголосая (Ширин), Фарҳад провозгласил сто тысяч благодарностей' [Фазылов 1966, 113];

б) придаточные предложения причины – Мухаббат-наме: Күйәр көңл ўм сўбаниң улашиндён нёдәг ким күйса ҳўрманлар юашиндён 'Сгорает мое сердце из-за увлечения молодости так, как сгорают хырманы от молний' [Щербак 1959, 139, 159].

в) придаточные предложения сравнения – Кутадгу билиг: Nätäg kim orunsuz tobyq tuflynur, Anuq täg ma davlat özütm tätzkinür 'Подобно тому как если кто без места, то колени (его) просверливаются (натуждаются от голого пола)' [Малов 1951, 265, 285].

нижа. Вводит:

а) придаточные предложения условно-уступительные, соответствует рус. сколько ни... – Подарок истин (X–XII вв.): نیجا بیر بار اردی سیغیش ما ز اری 'Сколько ни есть земли, не вмещаются мужи ее!' [Малов 1951, 317, 319];

б) придаточные предложения образа действия; в главном возможны соотносительные слова: аз. Нэнә ман дејирәм, елә дә олмалыдыр 'Как я говорю, так и должно быть' [Абдуллаев 1963, 111]; гаг. О севинәрди бу киада ёлә, нижә севинәр йашамакта аз севинмиш адам (Карабобан, 86) 'Он радовался этому письму так, как радуется мало радовавшийся в жизни человек'; Да нижә гидәрди о сокаан орта ериндән дизәдәк тоз ичиндә, ёлә

дай дурду йол ўстүндә да емин етти... (Там же, 6) 'И как шел он по улице по колено в пыли, так и остановился на дороге и заверил...'.

нээ сопровождается усилительным ки : аз. Неч ки, падшаш газы данышды, о бирләри да ела данышшанда одунчу арвады деди (АН, 18) Подобно тому как царская дочь говорила, а также и другие говорили, жена дровосека сказала...'.

В хорезмских памятниках XIV в. союзное слово *неч*, сопровождающееся усилительным *ким*, вводит придаточное условное и соответствует рус. сколько ни... : Ол қабуены йети қувватлыг ким арсләг нечаким қувватлыг қылдылар йариндин тәбрәту билмәдилар 'К тем дверям некие (люди), обладающие семью силами, приложили большие усилия, но не смогли сдвинуть с места' [Фазылов 1966, 519].

нечик, нечук. Вводят:

а) придаточные дополнительные – Среднеазиатский тифсир: білжірмән кім сәнүңда көңүліңдә нечүк турур 'Я знаю, что у тебя, что в сердце твоем' [Боровков 1963, 229];

б) придаточные предложения образа действия – История пророков Рабгузия XIV в.: ملک ایدی نیچوک تا نو غلوق بپرور کورا یین بیرسون : 'Царь сказал: – Как они дадут свидетельство, посмотрю-ка я, пусть дадут (его)!' [Малов 1951, 326, 334];

в) придаточные условные: тат. Ничек кенә авыр булмасын, үз дигәнем-не эшләрмен 'Как бы ни было трудно, сделаю свое' [Каримов 1954, 17]; Капиталистлар ничек кенә алдамасыннар аларга империалистик сугышының чын максатларын яшеру мөмкін түгел 'Как ни лгут капиталисты, но им не удастся скрыть истинных целей империалистической войны' [Газизов 1952, 216]; документы на половецком языке XVI в.: Нечік тутунуптур кі манга башха ув хојгај на хојсун 'И раз он обязался мне, что поставит (для себя) другой дом, так пусть ставит, господа суды' (ДП, 124, 232).

В том же памятнике *нечік* кі вводят придаточные предложения причины: Keldi коста melko војтнунг алын(a) да кетхояларның да гіле ет(r)i насунунг устіна онаснің борчундан утру нечік кіјук дур 'Перед войтом Мелько и старшинами предстал Коста и заявил на Хасу по поводу Охасова долга, потому что он (Хасу) (его) поручитель' (Там же, 132).

о вахт ки, о вахтта ки. Вводят придаточные предложения времени: аз. (муган. гов.) О вахт ки паммыг жетишди, жығыб нормасын долдуур [ГМГ 1955, 161] 'Когда хлопок поспел, он выполняет норму сбора'; уйт. U vaxitta ki sən bizgə kelisən, biz ejə bolsaq, kirək kitapni oqır berisən 'Когда ты к нам придешь, тогда, если мы будем дома, почитаешь нужную книгу' [Насилов 1940, 141].

ол вақт ким, ол вақтда ким. Вводят синонимичные придаточные предложения времени – Среднеазиатский тифсир: Ол waқтда кім Муса жаляшач қајін атасі шу'aib жаляшач қізіні қолуб 'В то время, когда пророк Муса у своего тестя, пророка Шаиба, просил (сватал) дочь его' [Боровков 1963, 194].

пулин те, пулсан та. Вводят в чувашском языке придаточные уступительные: Ҫанталәк кәркүнне енне ҫуланнă пулсан та (пулин те), хәвел ашийн пăхса ачашлат 'Хотя уже наступала осень, но солнце не переставало слегка припекать' [МГЧЯ 1957, 329]; Ҫер тეттәм пулин те, ял курднать-ха 'Хоть ночью и темно, а деревня видна' [РЧСЛ 1951, 894].

рас (рус.). Вводит в татарском языке придаточные предложения со значением выполненного условия: *Рас ул сиңа ошый, тектерергә кирәк 'Раз тебе нравится, нужно сшить'* [Закиев 1963, 321].

ојерда ки – союзное речеание. Вводит придаточные предложения места: аз. *Ојерда ки, оелан даныша билир, нија гыз данышмасын?!* (Ибраһимов 1966, 53) 'Там, где молодой человек может разговаривать, почему девушке не разговаривать?!"

ол сәбәбдән ким – союзное речеание. Вводит придаточные предложения причины: хорезмийские памятники XIV в.: *Йылан чубан аяқына уур захм ол сәбәбдән ким башыны йанчмасын теб таш билән нәгәх уруб мүхкәм 'Змеякусает ногу пастуха по той причине, чтобы он не размозжил ей голову вдруг сильным ударом камня'* [Фазылов 1966, 34].

өйтпесен¹¹ вводит в каракалпакском языке придаточные предложения причины: *Сениң үйде калғаның жақсы болар, өйтпесец өзиң кишкенесец жойылып кетерсөң 'Лучше будет тебе остаться дома, так как ты маленький, пропадешь еще'* [ККРСл. 1965, 866].

санки. Вводит придаточные предложения сравнения: аз. *Бу қун сәһәрдән Рустам кишинин иши дүз қатирмирди, санки юлуның үстүндән гара пишик адламыш, я да габағына довшан чыхмышды!* (Ибраһимов 1966, 5) 'Сегодня с (самого) утра не ладились дела у Рустама-киши, словно черная кошка дорогу ему перебежала, или заяц навстречу попался'; гаг. *Гелсән бизә, санки не олур?* [Бабоглу 1962, 64] 'Если придешь к нам, будто что будет?'; кум. (кайтакс. диал.) *Умар коп сойләй, санки бари затни билаған болуп горума сүйә 'Умар много говорит, как будто он хочет показаться всем знающим (человеком)'* [Керимов 1953, 297].

сана син, сансын. Вводит придаточные предложения сравнения: аз.

محلس اهلى ايچنده دوترا لدە اياڭ

صانسىن بىر سۈمىغىرىكە اوستە يَا بىر بىر جىراڭ

'Когда участники пира пьют вино, то в руках они держат чаши. Будто свечи светятся над озаряющим светильником' (Хэтаи 1966, 74); гаг. *Он-нарда кызларлан чожуклар бирибиринә лар атэрлар, сансын азарлашىрлар, йода шакалашибилар* (Буджактан, 11) (У них девушки с парнями переговариваются, словно ругаются или шутят').

себеби. Вводит придаточные предложения причины: каз. *Біраздан кейін іздегенімә қуанганым да жоқ, себебі көп жерде жүру мүмкін емес 'Я уже не рад, что пошел искать, потому что кругом была непроходимая грязь'* [СКЯ 1962, 411]; ккалп. *Брак қарасатуғын қауендери болмау себепли, коп қорлық корди 'Но он испытывал (терпел) издевательства, так как у него не было покровителя'* [Бердымуратов 1957, 123]; Мен келмедим себеби кесел едим 'Я не пришел, потому что был болен' [Баскаков 1952, 521]; кир. *Мени полктун чачтарашчысы дарылады себеби сепилде андан башка дөгдүр жок зле 'Меня лечил полковой цирюльник, ибо в крепости другого лекаря не было'* [Скирдов 1962, 14].

та. Вводит:

а) придаточные предложения времени: аз.

تا كورمشم ديدارىنى

¹¹ Ср. с сочинительным союзом *әйтпесе*, очевидно близким ему этимологически.

مشتا ق دیدار اولمشم (Несими) 'С тех пор как я увидел ее лицо, я стал мечтать видеть (букв.: жаждать) (этот) облик';

تا باده خوشکوار وار ای ساقى

تا واردور النده اختیار ای ساقى

بردور ایله کیم دوری دولانمش دوران

نه باده قویار نه باده سار ای ساقى

(Хатай 1966, 86) 'Пока есть чудесное вино, о виночерпий, Пока есть сила в твоей руке, о виночерпий, Обойди один круг, ибо наш век, обойдя свой круг, Не оставит ни вина, ни подносящего вино, о виночерпий'; памятник турецкого языка XVI в. *Kitab Bahriye: Gemiler ta kale önde varılar, kenara arkırlı olup yatarlar* [Тагата 1943, 1963, 42] 'Когда суда прибывают к крепости, онигибают берег и бросают якорь'; туркм. *Тә жан бардыр бу тенде, Арзымендим бар сенде* 'Пока душа есть в этом теле, мое желание с тобой' (Махтумкули, 88); Среднеазиатский тefsир: *Ani takı' tutdigi 'azab қılıdı' ta ol zahidni körtärdi* 'Его также схватили и мучили, пока он не показал на отшельника' [Боровков 1963, 129, 186]; Мухаббат-наме: *Cöñä ta boldum aň ýan aşinamän ýafaq älkiňda asru mubtalamän* 'За это время, пока я знаком с тобой, о мидая, в объятиях твоих притеснений я испытываю большие огорчения' [Щербак 1959, 164]; сказуемое придаточного предложения стоит в форме повелительного, желательного наклонений;

б) придаточные предложения цели: аз. **بزه دختت وير تا انكا مدد ايليا** (Шүнданама)

'Дайте нам разрешение, чтобы ему помочь' (в современном азербайджанском языке придаточные цели с *та* не встречаются); *Bir cheshmə kərək onumda pür-ab (сулу), ta ola ləbim onuna sırab* (= додающим сусузлугдан гуртара) (Хатай 1946) 'Мне нужно (иметь) перед собой полноводный источник, чтобы мои губы избавились от жажды'; турецкий памятник:

امدى اى شاه بو حكايچون كتوردم تا شاه بله 'О шах, я этот рассказ привела для того, чтобы шах знал...' [Смирнов 1903]; Среднеазиатский тefsир: *Täbl uraplaradı' ta ähl mäddinäkä habar jetärdi kälürlärde* 'Били в барабан, чтобы весть (о приходе каравана) достигла населения Медины и (чтобы) приходили' [Боровков 1963, 152]; Родословная туркмен: *Däjtururman ta olarnıç köñli mändin razı bolsun* 'Я скажу (так), чтобы сердца их были довольны мною' [Кононов 1958, 145].

В главном предложении возможны соотносительные слова — Какила и Димна: *Bi masalı anıncıñ gätürdüüm, tā biläsin* [Zajaczkowski 1934, 8] 'Эту басню я для того привел, чтобы ты знал'.

ta ki. Вводит:

а) придаточные предложения времени: аз. *Otağı açıyb, icharı daхıllı oldu, uzugojlu ýykhlyyb, aгlamaga bашлады, ta ki, aхшам oldu* (АХД, 10) 'Открыв дверь, она вошла, бросилась ничком и начала плакать и плакала, пока не настал вечер'; Мухаббат-наме: *Хусуннı'ta ki' naida kılđı ҳalik ҳusun biplä wafa bolmas muvaфik* 'До тех пор, пока творец создает красоту, красота не будет в согласии с верностью' [Щербак 1959, 146, 164];

б) придаточные предложения цели; сказуемое стоит в форме повели-

тельного, желательного наклонений: аз. *Тен буну дара чэкин, таки, җезум ҝөрмәсин!* (АХД, 14) 'Скорее повесьте его, чтобы не видеть мне (его)'; тур. *Açık söylüyorum tâki, herkes anlasın* 'Я говорю ясно, чтобы было понятно всем' [Кононов 1956, 547]; узб. *Мен дўстимга ўз китобларимни бердим, токи у имтиҳонга яхшилаб тайёрлансан* 'Я дал моему другу свои кни- ги, чтобы он получше подготовился к экзаменам' [Кононов 1960, 269]; турецкий памятник:

بیوردیکە طولاينە او دون یغىب او دا ورهلى
تاکە بۇ ئالم قاضىلىرى جىلمىسى يانەلى

'Он приказал, чтобы вокруг наложили дров и разожгли огонь для того, чтобы все эти жестокие судьи сгорели' [Смирнов 1903];

в) придаточные предложения следствия: аз. *Tâhir Mîrzâ үз гојду јары олан дијара тарәф, та ки, калиб Ҳатам. Султанын вилајетинэ чыхды* (АХД, 28) 'Тахир Мирза направился в страну, где была его возлюбленная, так что (в результате чего) и подошел к вилаету Хатем Султана'.

В уйгурском памятнике "Золотой блеск" встречается сложный союз *tä kin: Až qylu tükätmiš tä kin on kün ärtmäz knä, ötrü ol bâg bâlinđäk aýyr iglädi* 'Не прошло еще после пира и десяти дней, как затем этот начальник сильно захворал параличом' [Малов 1951, 154, 157].

так что (рус.). Вводит придаточные предложения следствия: тат. *Алар-ның һаркайсы уналтыны узган инде, так что устав буенча, кызлардан мини- мум тиеш* 'Каждой из них уже за шестнадцать, так что по уставу девушки должны выполнять минимум' [Закиев 1963, 321].

төлээдэ (*толээзинде*) – послелог 'за, для, ради'. Распространен в тувинском языке (ср. монг. *толоо* в тех же значениях); заменяет подчинительные союзы 'потому что, так как, ибо, чтобы' [см. Исхаков, Пальмбах 1961, 454]: *Часпас төлээдэ эки шыгар херек* 'Чтобы не промахнуться, надо хорошо целиться' [Там же]; *Чылыг болган төлээде, тон кеттейн унуп болур* 'Можно выходить, не надевая пальто, потому что тепло' [Там же].

тылкы. Распространен в гагаузском языке, вводит сравнительные предложения: *Ойнээр о да – тылкы бобасы ойнээр* [Бабоглу 1962, 63] 'А он играет, словно играет его отец'.

hara – союзное слово. Вводит придаточные предложения места. В главном – соотносительные слова: аз. *hara исдиңсан, ora қел* 'Куда хочешь, туда и иди' [Рамазанов 1955, 286].

һарда вводит придаточные предложения места: аз. *Абыр һарда, чөрәк орда* (Атапар сөзу, 18) 'Где достоинство (честь), так и хлеб'; *һарда* сопро- вождается усиливальным *ки*: аз. (бак. диал.) *һарда ки отурмышдун, ораны ахтар* [Шираглиев 1957, 151] 'Где он сидел, там и ищи'.

һардан... ораја 'откуда... туда': *һарадан ғалмисән, ораја гајит* (МН, 23) 'Откуда пришел, туда и возвращайся'.

һала ки. Вводит придаточное предложение со значением выполненного условия: аз. *һала ки, гошулдун она, юлда бир мәгам тапыб өлдүрарсан* (АН, 41) 'Раз уж связался с ним, то найдешь по дороге удобный момент и убьешь'.

һарчэнд (перс.). Вводит придаточные предложения уступительные: аз. *Биз һарчэнд дөгрүдан да аж идик, анъаг сиркәнин гәлмәйинә чох бөйүк*

һәвәслә даяндыг (МН, 361) 'Мы были очень голодны и нетерпеливо поджидали хотя бы уксуса (на столе)'.

çаваппа вара, çаваппа. Распространен в чувашском языке. Вводит придаточные предложения следствия: *Пирән патра шартлама сивәсем пулчәс, çаваппа вара вырынѣ – вырынѣ улмуссисем хәрчәс* 'У нас стояли сильные морозы, так что местами яблони повымерзли' [РЧСл. 1951, 894].

чеже...ынча. Распространен в тувинском языке. Вводит придаточные предложения меры и степени: *Сенде чеже ном барыл, менде база ынча бар* 'Сколько у тебя имеется книг, столько же есть и у меня' [ТРСл. 1955, 720].

чу, чу. Вводит:

а) придаточные предложения, передающие временное, обусловленное соотношение действий: аз. *Жәтирди чу баебан хәбәри, дер...* (Хатаи 1946) 'Когда садовник принес известие, он сказал...'; встречается он и в памятниках турецкого языка, а также в произведениях Алишера Навои (в современных тюркских языках он не получил распространения) – турецкий памятник: **گوزى مىت اولورىسە نە عجب در چو كۈزلا لارم دوکر اشىك مدا مى** (Burhanettin) 'Если его глаза бывают опьяняющими, что (в этом) удивительного?' (когда/раз) мои глаза изливают вино любви;

б) придаточные предложения причины: аз. *Вердим чу Сабайа неча пәнди (=насыт), дур инди – дедим – сезүм туканды* (Хатаи 1946) 'Так как я дал Себайэ столько советов, то я сказал: – Теперь постой, речь моя иссякла'; узб. *Лабинг фикри бағримни кон қилдило, Чу қон қилди, кўздин равон қилдило* 'Мысль о твоих устах сделала мое сердце кровавым, Так как оно стало кровным, то (кровь) сочилась и из глаз' [Муталибов 1955, 47];

(в) придаточные предложения сравнения: аз. *Һар иша чу иттифаг хоштур, агана пәрдү будаг хоштур* (Хатаи 1946) 'Подобно тому как в каждом деле приятно согласие (союз), на дереве приятны райские ветки'.

чун – тот же круг значений, что и у чу. Встречается преимущественно в памятниках, отражающих южнотюркские языки. Вводит следующие предложения.

1. Придаточные предложения времени: аз. *زیارتدىن قاپىتدى و شاغلارى نوكقا روشوسىنىه واردىلار* (Шүнәданама) 'Но когда человек возвращался с паломничества, его дети шли ему навстречу'; Чун етди мәнә, салам гылдым, өз дәрди дилим тамам галдым, нә баҳды салама, нә кәлама (Хатаи 1946) 'Когда она подошла ко мне, я поздоровался, заговорил о своем горе, но она не обратила внимания ни на приветствие, ни на слова';

چون سنتك يوزنكا با خدم قوتلو اولدى ما همز

نە عجب صورت يار اتمش صنعلە اللەمز

(Хатаи 1966, 97) 'Когда я взглянул на твое лицо, то наш месяц стал счастливым, Какое изумительное лицо сотворил так искусно наш бог'; Дербент-наме: *چون اخشم اولدى بىرىرىندىن تېرىلوب يېلىو بېرىنەدە قۇندىلىرى* 'Когда наступил вечер, они расстались и расположились каждый на своем месте'; Лейли и Меджнун: *چون آته اوينە دوندى لىلى*

ا فغا نه ا ولوب حمیشہ میله
تاریخ نعیما چون 'Когда отец возвращался домой, Лейли
постоянно плакала'; памятник турецкого языка:
شاھ حیله کر محاصره و هجوم ایله حصار و اهل قلعه‌یی تظییق
ایلدى کلن بر بو جعمکه ظفر بولمیوب عجز مقا منه واردی

'Когда коварный шах осадой и атаками оказал нажим на крепость и ее жителей, он, однако, не добился победы; обессиленный он отправился на свое место' [Смирнов 1903].

Гораздо реже чун встречается в Среднеазиатском тефсире: Чун намаз бىرلә машәул болмақ душшаррақ ерўр 'Когда он приступал к намазу, становилось труднее ему' [Боровков 1963, 118].

2. Придаточные предложения причины: аз. **امّا چون آدم ها بیلی** (Шүһәданамә) 'Но так как человек не видел Хабили, то, найдя его, он возблагодарил бога'; **التفات اتمه مونكا چون كل فرقات منه در** (Хәтая 1966, 73) 'Не проявляй к этому благоволения, ибо весь фуркан у меня'; Kelile ve Dimne (XIV в.): *Gün bu söz ağızlara düştü ve kathi canavarlar iştitti* [Tarama 1943; 1963, I, 9] 'Поскольку эти слова попали на уста, то и все звери услышали'; туркм. Чун мени рысва кылыпдар, ышкы екана уградым, Етмиш ики шәхер иле мүң бир дүкана уградым (Махтумкули) 'Так как меня обесчестили, я ушел к любви, я ходил по семидесяти городам и тысячам лавок'.

В современных тюркских языках союз чун также употребляется. Однако круг его значений значительно сузился. Он вводит придаточные предложения причины. Ср. Чун ман Загатала шәнәрини биринчи дәғә қөрдүй-үм идим, онунчун да кенлүмдән кечирди ки, *Ohan oğlan мана бәләдчи ола* (МН, 43) 'Так как город Загаталы я посещал впервые, мне захотелось, чтобы парень Охан был моим проводником'.

Союз чун сохраняется в диалектах азербайджанского и турецкого языка. Ср., например, муганские говоры: *Балыг јіммәрам, чун емамишам* 'Я не ем рыбу, потому что и не ел (прежде)' [ГМГ 1955]; тур. (кастамун. диал.) *Bütün zaptyele һұrsuzu meydana құkarma چون edrafa dağitdim* [Caferoğlu 1942, 43] 'С помощью начальства не обнаруживай вора, потому что я разогнал всех вокруг'.

3. Придаточные предложения условные: **چون منى سونك ايلن بىلە كورمىيە جوشە گلوب غىبدىن ا غلا ما گە دوشىجىدور** (Шүһәданамә) '(Когда) если он меня с тобой не увидит, то он развлечется и от гнева (злобы) станет плакать'; **چون خطابى يو ساھنک وصفىنى دايم سوپىلرم صدق ايلن بىل با غلرم دفترلە ديوان منهدر** (Хәтая 1966, 52) 'Раз я — Хатаи, то вечно славословлю падишаха, искренне уповаю; ведь диван с тетрадью у меня'; Чун мунжа җәрәклисан мана сән, ничун варасан дахи она сән (Хәтая 1946) 'Если ты так нужна мне, почему же ты стремишься к нему?'.

Чунки. Вводит придаточные предложения причины. Распространен во многих тюркских языках: аз. *Бали, артыгъеч бир заман сөйләмайәмәксән, чунки о сабаһ өләмәкдир* (Чаббарлы 1954, 38) 'Да, большие никогда ты не будешь разговаривать, потому что он завтра умрет'; башк. *Aшап алдым, сенки бик асыккайным* 'Я поел, так как сильно проголодался' [Дмитриев

1948, 247]; Баксава һыу һипмәнем, сөнки кисә ямәyr яуган ине 'Я не поливал огород, потому что вчера шел дождь' [Там же]; гаг. Ал бу чичеклери сана, чүнкү ёлай биненесин [Бабоглу 1962, 58] 'Возьми себе эти цветы, потому что тебе они (так) нравятся'; Ени костюм диктирди, чүнкү Москвайга гидежек [Балоглу 1962, 64] 'Он сшил новый костюм, потому что поедет в Москву'; ктат. باشتا ساز قوشلارى اوجوب كىتدىلەر جونكە سازلىق مەيدانلارى بولما غە باشلا مىش ايدى 'Сказала, (что) улетели болотные птицы, так как камышевые плавни начали уже замерзать' [Самойлович 1916]; тат. Кила алмадым, чөнки яңыр булды [Желей 1947, 131] 'Я не пришел, потому что был дождь'; Без очрашмадык, чөнки ул бозгэ килмәде 'Мы не встретились, потому что он к нам не пришел' [Каримова 1954, 17]; тур. O gelirse bana yardım olmaz, çünki kendisi yardımına tıhtaç ... diyordu 'Если она и придет, мне от нее помоши не будет, потому что она сама нуждается в моей помощи ... говорила она' [Кононов 1956, 546]; туркм. Бу жайлара гелен болсам хем, ене гит-жекдирин, чунки мен хем сенин ялы бир перизада ашыкдырын 'Хотя и я пришел в эти места, но я снова уйду, так как я, подобно тебе, влюблена в одну пери' [Поцелуевский 1943, 80]; узб. Мен шундай қилишга мажбур эдим, чунки мен учун чол-кампирнинг кўнглига озор етказишингиз мумкин эди (Чашмалар, 88) 'Я вынужден был так поступить, потому что из-за меня вы могли обидеть сердце старухи'; уйг. Sin Çanlı icki xitaj belən soda əlaqisi u qadə(r) kən, ətəs suňki jol ziraq həm jamat 'Торговая связь Синьцзяна с внутренним Китаем настолько не является широкой, что (сүнки) путь далек и плох' [Насилов 1940, 141].

Встречаются случаи, когда придаточные предложения, вводимые союзом чунки, могут предшествовать главному предложению. Передаваемое придаточным предложением значение носит причинно-обусловленный характер: аз. Чунки елә олду, онда мән дә Исфahanана кедим (АХД, 297) 'Раз уж так произошло, я еду в Исфаган'; узб. Чунки уруши охирлаб, қишилогимизга фронтдан деярли ҳар куни одам қайтар, мен эса, ойимни – менинг дадам қачон келадилар, соенинб кетдим, деб қўймас эдим (Чашмалар, 82) 'Поскольку война закончилась и в наш кишлак почти каждый день возвращались с фронта люди, то я не отставала от мамы, спрашивая, когда же приедет мой папа'; شعـد چونـکـه ! ولـدونـكـ صـدقـ اـيلـه (Шүнәданама) 'Раз ты весел, (то) будь (и) верным'; туркм. Чунки гелдин бу яланчы җахана, Аягың гарамай бакдың асмана (Махтумкули) 'Так как ты пришел в этот лживый мир, Ты не гляди под ноги, а посмотри на небо'; документы на половецком языке XVI в.: кетхоялар айт(t)ilar чунки нема bila jox na керак казнja терпіт еткајсен да озга справаларны нон-грага (сонграга) заховат ет(t)im 'Старшины сказали: так как (у тебя) ничего нет, то тебя следует наказать. А другие дела я (войт) отложил' (ДП, 124, 232).

В памятниках азербайджанского языка, а также в хорезмийских памятниках XIV в. встречается синонимичное сложное союзное образование чун ким. Ср. хорезмийские памятники XIV в.: Йуз көз обүшмәк не файда ол дәм, чүн ким алар айрылыб йана емши гәм 'Что пользы в это время цепляться, если они, разлучившись, снова тоскуют' [Фазылов 1966, 39]; чүгө дээрge//чүгө дизе. Вводит придаточные предложения причины. Распространен в тувинском языке: Сээц – биле кады чоруп шыдавас-тыр

мен, чүгэ дээргэ ажылым доозулбан 'Я не могу с тобой поехать, потому что работа не закончена' [ТРСл. 1955, 719]; Келбес мен, чүгэ дээргэ чайым чок 'Не приду, потому что мне некогда' [Исхаков, Пальмбах 1961, 453].

Эрзэри. Вводит в якутском языке придаточные уступительные предложения. По форме – деепричастие на аары от глагола эр- 'быть чем-нибудь занятым', но употребляется только как союз. Может принимать аффиксы сказуемости именного сказуемого. Ср. Оччо өвлөр-доох эрээригин сааппаккын даааны! 'Столько детей имеющая хотя + ты, а не стыдишься даже!' [Убрытова 1976, 331].

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОЮЗОВ

Сложные предложения союзного типа возникли в тюркских языках не случайно. Но их возникновение нельзя объяснить только влиянием структур контактирующих с ними языков других систем (русский, арабский, иранские языки). В недрах структуры тюркских языков были заложены условия для развития союзного сложного предложения. Исходным материалом для развития сложного предложения в тюркских языках, как и в индоевропейских, было простое предложение, и первоначальный путь развития сложного предложения этих языков был одинаков – сцеплялись простые предложения, которые господствовали на наивревнейшей ступени синтаксического развития. На почве же тюркских языков самостоятельно зародились две синтаксические тенденции: 1) трансформация, которая не могла охватить все разнообразные виды сложного предложения и 2) союзный способ, известным внутренним импульсом к развитию которого явилась союзная функция усиливательных частиц. Способ примыкания поддерживался системой частиц, которые хронологически относимы к довольно раннему периоду тюркской общности. Материал современных тюркских языков, их диалектов и памятников является доказательством того, какой значительный удельный вес в синтаксической структуре занимают частицы.

Постпозитивная частица, присоединяясь к имени, глаголу – к любой части речи, имеет усиливительно-выделительное значение и, таким образом, используется в случаях эмфазы. Широк круг таких исконно тюркских частиц, употребление которых особенно характерно для стиля живой разговорной речи. Приведем наиболее характерные из них.

Частица *a*: узб. Шуни айтинг-*a*! (Яшин, 7) 'Скажи-ка это!'; уйг. (памятник христианского содержания XIII в.) *äç toyoč-lar-a, siz-lär üç türlüg saqynč üzä kirtinqiz-lär* 'О маги, вы вошли (ко мне) с тремя различными мыслями' [Малов 1951, 135, 137].

Частица *ak* – широко распространена в казахском языке: *Bizdi асырайман деп-ак жаңыңды жалдап болдың гой!* (Нурпейсов, 7) 'Ты всю душу вымотал себе, чтобы прокормить нас'; *Мен ертерек-ак билдім-ау* (Ақтанов, 10) 'Я же заранее знал'; *Содан кейін-ак мойын бұруға мұршасы болмады* (Там же, 13) 'После этого он был занят по горло'; чув. *Тен, чанах та таерән-хә?* (Лазарева 1960, 32) 'Может быть, он действительно вернется?'. В салырском диалекте туркменского языка эта частица имеет фонетические варианты *akъ, -ekъ* [Атаджанов 1959, 15].

Нам представляется, что этимологически *akъ/ekъ/ah* родственна и древнетюркская частица *ökköq*. Ср. памятник в честь Тоньюкука: *tüp idymaty*,

küntüz olurmaty qanyň genyt tökti, qara tärüm jügür̄ti, isig küçig birtim oq 'Не спал ночью и днем, не имея покоя, проливая красную кровь и заставляя бежать свой грязный (черный) пот, я давал работу и силу (т.е. работал)' [Малов 1951, 71, 72]; *Anta kisrä täñri bılıg bärük üçün özüm ök qayyan qysdym* 'Затем: Так как небо даровало мне знание, то (несмотря на малые способности хана) сам я захотел (его в качестве) хана (захотел его ханом)' [Там же, 61, 65]; Махмуд Кашигарский: *bargul ok* 'пойти бы тебе' (МК I, 37); Кутадгу билиг (намаган.): *Kiši sözlär ök, kör, kišinïç sözi* 'Смотри, говорит человек слова людей' [Малов 1951, 252, 276]; уйгурский памятник христианского содержания XIII в.: *t(ä)yri oýly j(ä)ymä t(ä)n ök, äurülm(ä)n. Nık qan j(ä)mä t(ä)n äürüm(ä)n* 'Я и сын бога, я и царь' [Там же, 135, 137]; юридические документы уйгуров X–XIII вв.: *Kidin jyraq sučusy ökän ök adyrar* 'Сторона на западе граничит тоже с рекой' [Там же, 210]; Среднеазиатский тифсир: *Ataci ajdi'malik özini ozi ök* түрүтді 'Отец его сказал: Царь создал сам себя же' [Боровков 1963, 243, 244]; История пророков Рабгузия XIV в.: *اولار اوزلارى اوق قىچنلىقى* 'Они сами тогда убегут' [Малов 1951, 325, 333].

Частица *ок* встречается и в некоторых современных тюркских языках. Ср. кум *оъзлерокъ да* 'они и сами', *оъзюмокъ да* 'я и сам' [Джанмавов 1967, 187]. Н.К. Дмитриев, касаясь происхождения афф.-*окъ*, полагал, что он "с некоторой долей вероятия восходит к семантическильному слову *окъ/укъ* 'стрела' и 'далее, 'миг и момент'" [1948, 130]. Нам представляется более справедливой точка зрения Ю.Д. Джанмавова, который связывает ее с усиительной частицей [1967, 187].

Частица *ау*: каз. *Балакы алып, бізді баққан екен-ау!* (Дуазов, 5) 'Взяв ребенка, он следил за нашими выходками! (поведением)'.

Частица *го/гу/ку*: кирг. *Мен жокмун го, Мархамат эже?* 'Ведь меня, кажется, нет, Мархамат эже?' (Назир 1960, 16); Редактор-го – редактор, сен эмне жакшылат караган жоксун? 'Редактор-то редактором, а ты почему хорошенько не посмотрел?' [КРСл, 1965, 177]; южн. диал. *Мен өткөздүм ку* 'Да ведь сдал, я же сдал' [Там же]; узб. *Ердам бериш бурчимиз-ку, хотиржам бўлинг, ая!* (Чашмалар, 9) 'Помогать же наш долг, так что будьте спокойны'; – Э, э, *акилай берасан-да, Сафар!* – деди бўйок, – биз нима деялмиз-ку, сен нима деялсан!' (Қодирий 1959, 60) 'По-умному даешь ведь, Сафар, – сказал зобатый. – Ведь что мы говорим, а что ты говоришь'.

Частица *ма, ба*: алт. *Сен кичүү болбайзынг ма!* 'Ведь ты еще мал!' (Алтынбизе, 39, 97); уйг. *Инқилаптин кейинки жиллардыму униң байливи учила зэрбәйлемей, биричккى болишиңа башлиди* (Босаков, 38) 'Даже в годы после революции его богатства, не испытав значительного ущерба, стали удваиваться'; Кутадгу билиг (намаган.): *Jana ma ajatty: tiläginprä ol?* 'И еще спросил: каковы у тебя желания (просьбы)?' [Малов 1951, 252, 276]; юридические документы уйгуров X–XIII вв. *Ol bitig-ni t-a bâgim-kâ birtim* 'Я то письмо моему начальнику дал' [Малов 1951, 202, 203]; Среднеазиатский тифсир: *бәрің тіләнчіләркә нечә ма тіләнчі аліндә ікі* қоли' алтун болса 'Подавай нищим, хотя бы у нищего руки были полны золота' [Боровков 1963, 220]; хорезмийские памятники XIV в.: *Мэним аслым ерүр андын ма машхұр* 'Мой род более знаменит, чем его' [Фазылов 1966, 74].

Частица чи: кум. *Айтдым чы сагъа* 'Я ведь сказал тебе' (Ягыяев, 12); Ата-бабаларыбыздан къалгъан ер бу чу (Акавов, 18) 'Это ведь место, оставшееся от наших дедов'; узб. (ташк. гов.) *Эдамчъ – эдим жуда и чъдомлай* 'Человек-то очень выносливое живое существо'; Укам-чъ укам кэнътан болъ 'Мой же младший брат стал капитаном' [ҮДМ 1957, 227].

На базе усилительно-выделительной функции при однородных именах и глаголах у частиц развивается соединительное союзное значение: кирг. *Мын-дай го, тигиндай го деп, ой жорууга туши* 'И то предполагать и это предполагать, теряться в догадках' [КРСл. 1965, 177]; Памятник в честь Тоньюкука: *isig kүcиг bәrtim ök, bәn özүт izin jәlmäg jәtä yt(t)-ут oq* 'Я отдавал народу (свои) работу и силу, и я же сам направлял длинные (дальние) военные набеги' [Малов 1951, 64, 69].

Эмфаза дает почву для развития и союзного значения противопоставленности действий. Ср. кирг. *Мен го барам, сен этине кыласың*? 'Я-то пойду, а вот ты что будешь делать?'; узб. *Мен яхишилик қилиб сени ўлимдан қутқардим-қу, сенга яхишилик қылган одамни чақасанми?* (ҮЭ, 38) 'Я ведь сделал добро и спас тебя от смерти, а ты жалишь человека, который тебе сделал добро?'; юридические документы уйгуров X–XIII вв.: *M(а)н Solda Jim-ä tükäl birdim* 'А я же, Солда, сполна уплатил' [Малов 1951, 210]; *Tigut taşy baslap Qydač taşy-larqa känänsär-man, Tigut taşy m-a taqy öz-gä kisi-lär, m-a julup alajyn bos qulajyn tisär* 'И вот, когда я совещаюсь, начиная с князя Тигуя, с китайскими князьями, князь Тигуй, а также и другие люди говорят: – Мы выхлопочем и возьмем тебя и сделаем свободным' [Там же, 202, 203].

На почве эмфазы может развиваться и временное соотношение двух действий. Ср. каз. *Толқыган көңіл әсерімен езімді билей алмай қалдым ба қаттырақ урып жіберіппін* (Сералиев, 31) 'Когда я не смог совладать с собой из-за Толкыгана, я быстро ударил'.

Таким образом, на базе усилительно-выделительной функции у частиц развиваются не только значения соединительных союзов, но и значения противопоставленности двух действий, их обусловленного характера, временного соотношения, т.е. не только сочинительные, но и подчинительные отношения.

Ниже будет показано, что целый ряд тюркских сочинительных и подчинительных союзов ведет свое происхождение от усилительных частиц.

да, да¹². Являет собой яркий пример развития союзной функции на базе усилительной функции частицы *да*. В процессе образования этого постпозитивного союза можно условно выделить три этапа: 1) постпозитивная частица, присоединяясь к глаголу или имени, сохраняет усилительное значение, не имея еще союзного значения; 2) развивается союзное значение при сохранении еще усилительного значения; 3) союзное значение, совершенствуясь в своих разнообразных оттенках, становится ведущим.

Проиллюстрируем эти условно выделенные этапы развития *да*, показав, как важно дифференцировать различные случаи его употребления, что обычно не делается в грамматиках по тюркским языкам.

¹² В существующих грамматиках по тюркским языкам обычно указывается, что это соединительный союз 'и, также, тоже' [см. Кононов 1960, 328]. Этимологически его обычно связывают с тюркским энклитическим афф. -да [см. Дмитриев 1962, 264].

1. Да имеет усиливательное значение в постпозиции к имени. Ср. гаг. *Бән дә сени браамам зорунда* (Буджактан, 127) 'И я тебя не оставлю в беде'; кирг. *Законду биз да билебиз* (Каимов, 7) 'И закон мы знаем'; *Oxo! Журчу, Маке, андай болсо, биз да барып учурашалы!* (Там же, 94) 'Охо! Идем-ка, Маке, если так, то и мы сходим и поприветствуем'; тат. *Нишшегенемне үзем да белмим* (Фаттах 1967, 93) 'И сама не знаю, что я делала'; тур. *Hoca da, geri kalan eşyalar sırtlayarak hırsızın peşine düştü* (Nasreddin, 6) 'А ходжа взвалил на спину оставшиеся вещи, пошел следом за вором'; чув. *Унтан вара хёрсем те клуба пухънаң-да* (Талвир 1952, 5) 'Потом и девушки в клубе собираются'.

Усилильная функция *да* прослеживается и в постпозитивном употреблении при глаголе: каз. *Кім болушы еді, анаңнан тұган қыздын баласы жиеншар болады да* (Сералиев, 35) 'Кто он тебе должен быть, если он сын твоей сестры, он и есть племянник'; *Маган үксасса тапал қара болды да* (Там же, 36) 'Если похож на меня, то он должен быть черным и коренастым'; кбалк. *Да, сора аны бла къалғъанды: зуубына уа зууаб этген адам ол эди да* 'Тот и был человек (человеком), который мог ответить на вопрос (царя)' [МБД 1962, 51, 53]; кирг. *Бағыбыз зненин курсагында байланған да* (Сыдыкбеков, 6) 'Наше счастье было уже заложено во чреве матери'; ног. *Мен сага ят адем туылманта* (Кень йоллар, 19) 'Я ведь тебе не посторонний человек'; тур. *Fakat galiba bundan biraz korkuyordum da* (Sabahattin 1966, 104) 'Однако, очевидно, и я немного побаивался этого'; туркм. *Диймек, участокда хичхили үйтгешклик болмандыр-да?* (Маммедов, 59) 'Значит, на участке не было никаких изменений?'; узб. *Аттанс, путёвкани шу ёққа олмабсиз-да* (Ахмад, 17) 'Как жаль, ты ведь не получишь путевку в те края'; *Шу иш кўп ёмон бўлди-да, Дильбар!* (Яшин, 5) 'То дело стало ведь очень плохим, Дильбар!'; уйг. *Оқалмай калдимда!* (Босақов, 9) 'Остался ведь я необученным!'

2. При усиливительно-выделительном значении *у да* развиваются и союзные значения.

1) Значение сочинительного союза '*и*' развивается в случае эмфазы при однородных именах. Ср. гаг. *Гагарин да, Титов да – совет космонавтлары* [Бабоглу 1962, 45] 'И Гагарин, и Титов – советские космонавты'; каз. *Абай да, Жұмабай да, қызығын тыңдасты* (Дуазов, 7) 'И Абай, и Жумабай слушали с интересом'; кбалк. *Мен да жырладым Осман да жырлады 'И я пел, и Осман пел'* [Дмитриев 1962, 388]; хак. *Пистінъ чазыларда пугдай даа, арыс таа, көче дее чахсы әсчे* 'На наших полях хорошо растут и пшеница, и рожь, и ячмень' [ХРСЛ. 1953, 48]; тат. *Якындағы промтовар кибете да, ашхана да ябык иде* (Фаттах 1966, 8) 'И промтоварная лавка, и столовая, находящиеся поблизости, были закрыты'.

То же значение сочинительного союза наблюдается у *да* в постпозиции при однородных глаголах. Частица-союз *да*, усиливая, подчеркивая, выделяя, а затем уже и связывая один из однородных членов, в частности сказуемое, тем самым предохраняет его от трансформации в деепричастие. Нарушается обычная структура слитного предложения, состоящего из однородных сказуемых, из которых обычно лишь последнее – *verbum finitum*, а остальные – деепричастия на -ыб.

При частице-союзе *да* оба члена – однородные сказуемые – часто сохраняют оформление *verbum finitum*. Очевидно, что частица-союз *да*, подчерки-

вая, выделяя однородные действия, одновременно указывает на их самостоятельный характер, предохраняя от трансформации. Отсюда еще раз напрашивается вывод о том, что трансформации обычно подвергнуты логически зависимые члены, зависимые предложения. Ср. каз. *Баладан қорық-қанына Жұмабай уяды да, ыза болды* (Дуэзов, 5) 'Жумабай устылся за свой страх перед мальчишкой, и его взяла досада'; *Кемпір-шалға аң мен құстың етін қақтап үйл береді де, Тестік жолға шығады* (КЕ, 5) 'Тостык обеспечивает старика со старухой мясом дичи и зверей и отправляется в путь'; узб. *Менинг жойим юқорида зди. Уни тинчтиб, чамадончамны полка-га иргитдим-да, ўзим ҳам бир сакраб чиқиб олдим* (Ахид, 142) 'Мое место было наверху. Успокоив ее, я забросил свой чемоданчик на полку, а сам, подпрыгнув, взобрался (на полку)'; *Саид индамай, ёнимга ұлтириди-да, қўлимдаги гулни олиб, ҳадлади, меҳр билан тикилиб, томоша қилди* (Чашмалар, 55) 'Саид молча сел рядом со мной и, взяв у меня из рук цветы, понюхал и стал их с любовью разглядывать'; уйг. *Шуни ейттида достыга энди қаримай, колхоз идариси тәрапқа жугригандәк илдам меңип катти* (Босақов, 19) 'Он сказал это и теперь, не глядя на друга, быстро, словно бегом, пошел в сторону колхозного правления'.

Переход частицы *да* в союз осуществлялся постепенно. Некоторое время частица *да* не могла нарушить своего положения в конце слова — это выражалось в том, что она, приобретая новые качества, продолжала прымывать к концу предложения. Этим и объясняется сохранение случаев трансформированного однородного сказуемого при связующем *да*, занимающего позицию в конце предложения: аз. *Отурууб, узаглашан бајаты сэсинэ гулаг асараг күлүмседи дэ* (Ибраһимов 1966, 8) 'Он сидел и прислушивался к звукам далекой песни и улыбался'. Ср. еще лобн. *Gyl Семгә де басып бағлан алды де* 'Дива он поборол и связал Дива' [Малов 1956, 31] и т.д.

Двойная связь наглядно проявляется, когда частица-союз *да* одновременно связана с обеими частями сложносочиненного предложения: а именно, выполняя новую функцию присоединения последующего предложения, *да* одновременно тяготеет к составным частям первого предложения, подчеркивая те или иные его члены. Ср. туркм. *Бирден шемал турды-да агачларың башлары ыранмага башлады* 'Вдруг поднялся ветер, и стали колыхаться верхушки деревьев' [Аннануров 1956, 73]; узб. *Афанди ҳечнарса демади-да, ҳаммомга кириб кетди* 'Афанди ничего не сказал и вошел в баню' [Кононов 1960, 328].

2) Значение противительного союза 'а, но': каз. *Коян бір жердің үнгіріне барып кіреді, бала да кіріп кетеді* (КЕ, 184) 'Заяц прячется в норе, а за ним лезет туда мальчик'; *Келетін ойым жоқ еді, тұлқі әкелді де* (Там же) 'Я не хотел идти сюда, но меня привела лиса'; *Мен орасан тентек едім де, ол жуас еді* (Қайсенов, 17) 'Я был большим шалуном, а он был тихим' и т.д.

3) Значение подчинительных союзов 'что, так что', вводящих придаточные предложения подлежащие и цели: тур. *Öyleyse, nasıl oluyor da, kendimiz de akullı oldığınız halde içerdeki akullı arkadaşlarınızın dışarı bırakmayıorsunuz* (Nesin 1958, 5) 'В таком случае, как же (это), если вы сами в разуме (не сумевшие), то почему же вы ваших товарищей, разумных, не выпускаете наружу'; *Nasıl oldu da sen bu yollara düştün be kızın?* (Sabahattin 1966, 105)

'Как же случилось, что ты встала на этот путь, а, моя девочка?'; *Oldu olacak, şu kiziyu kızartıp yiyeşim de, hayvan olup gitmesin* (Nasreddin, 27) 'Будь что будет, зажарим и съедим этого ягненка, чтобы животное не пропадало'.

3. Союзное значение у частицы *да* становится главным, и при этом интенсивно развиваются многообразные оттенки этого значения в том числе и подчинительные.

1). Значение соединительного союза '*и*': каз. *Ол менімен сегізінші класқа дейін консерваторияға тусуге үәделесіп журді де бір күні са拜най бұзылды* (Сералиев, 6) 'ОН до восьмого класса обнадеживал меня, что мы вместе поступим в консерваторию, и в один (прекрасный) день все лопнуло, как мыльный пузырь'; *Қарақоңыр аспан көкшіл тартып, кең алқап та, қалын агаштар да ашық сауле құшагына енді* (Сарасаев, 7) 'Темнокоричневое небо чуть просветлело, и широкие луга и густые деревья вошли в объятия яркого солнечного луча'; кбалк. *Бир къая эшикни ачхант да, ичине кийргенди, сора къая эшикни этгент да, ицинде бекленингендиле да къалғанда* [МБД 1962, 47] 'Открыв (открыл) в одну скалу дверь, ввел (их) внутрь. Затем вход закрыл, и они оказались внутри запертыми'; узб. *Бор экан да йўқ экан, бир дангаса бор экан* (ЎЭ, 23) 'Есть ли, нет ли, но жил-был некий лентяй'.

Да соединяет действия разновременного плана: узб. *Ҳамишира отамга "шу ерда туринг" ишорасини қылиб чиқиб кетган-да, зум ўтмай хонага касалхона хирургини етаклад келар экан, отамга тушинтирған* (Чашмалар, 63) 'Сестра, сделав знак моему отцу "стойте там", вышла, и не прошло и мгновения, она привела под руку в комнату больничного хирурга и объяснила моему отцу'.

2) Значение противительного союза '*а, но*': кбалк. *Сора о кече ала зукълаб болғанда*, ол'a барғанды да, аладан ючеуленни кесгенди 'И в эту ночь князья (они) спали, а он пошел и трех из них зарезал' [МБД 1962, 65, 66].

3) Значение временных, условно-уступительных союзов: кбал. *Тेरтюсю да кюрешгендиле да, къая эшикни ачалмагъандыла* 'Рсе четверо (сколько они ни) старались, дверь открыть не могли' [МБД 1962, 47, 48]; тур. *İş var da biz mi şarttuoruz* (Nesin 1958, 19) 'Когда (если) есть работа, разве мы не делаем'; аз. *Кими бәјәнисән де, о адама да никан қасдирәк* (АН, 64) 'Кто тебе (если) нравится, за того человека и выдадим замуж'; алт. *Оны бис ого/оо) айтканыбыс та, ол бистинъ сөзизбисти укпайт* 'Хотя мы и говорили ему, он наших слов не слушает' [Дыренкова 1940₂, 290].

Да в сочетании с аффиксом условного наклонения *-са* во всех тюркских языках образует уступительные конструкции.

4) Сочетание сказуемого придаточного предложения + *да* с формой повелительного, желательного наклонений главного сказуемого образует целевые конструкции: тур. *Biz şey yap da, biraz başın dinlensin* (Nasreddin, 9) 'Что-нибудь сделай, чтобы у меня голова отдохнула'.

дағы/таки: Проходит тот же путь от усилительно-выделительной частицы до союза.

1. *дағы* – средство эмфазы: кирг. *Бир саат дағы бошко кетпесин* 'Даже и один час не должен быть потерян' [РКСл. 1965, 180]; кум. *Не этейик дағы* (Ягъияев, 14) 'Что же нам делать'; *Оъз алдыма быр зат этеге меним энди правом да йоктагы?* (Кенъ йоллар, 20) 'Что же у меня теперь и права

нет что-нибудь себе сделать?'; Меним оны кайдын билгенимнинъ сол кадер уйкен манеси бартагы? (Там же, 19) 'Разве то, откуда я это знаю, уж столь важно'; туркм. *Огул-гыз жанына ягыдыр язы, Ягысыз дунайэни на-дерсиз дагы?* (послов.) 'Сын и дочь твоей душе враги – враги, но на что же тебе мир без врага? [Мухаммедова 1948, 23]; хорезмские памятники XIV в.: *Мэн тақы аллар арасында болайын сөзләрini тыңлаб аллағайын* 'Буду-ка я среди них, послушаю и пойму их слова' [Фазылов 1966, 59]; Среднеазиатский тифсир: *Күрағышлар айтдýлар біз тақи сәнің бірлә істайұз қанча кім сән барсаң бірлә барауз* 'Курейшиты сказали: – И мы также будем искать с тобой – куда (если) ты пойдешь, и мы пойдем вместе' [Боровков 1963, 198]; Огуз-наме: *Оғуз қаған тақи турді* 'Остановился и Огуз-каган' [Шербак 1959, 50].

2. дағы в функции сочинительного союза 'и, а': ног. *Азрет биразга көзинари ясырып алды да, сонъ тагы да алынып кетти* (Кень йоллар, 19) 'Азрет некоторое время скрывал свой взгляд, а затем взял и ушел'; Огуз-наме: *Öшә ўстүндә тоң тақи муз бар турур* 'На ней (на горе) – стужа и лед' [Шербак 1959, 81].

ки. По многообразию передаваемых сочинительных и подчинительных значений вряд ли какой -нибудь из вышеназванных союзов выдержит конкуренцию с этим союзом, тоже своим происхождением связанным с усилительно-выделительной частицей. Вместе с тем история союза *ки* гораздо сложнее. Мы уже упоминали об усилительно-выделительных частицах *го*, *ку*, *ок*, *öк*, в основе которых, очевидно, лежит этимологически единая частица, связанная с элементом *-к/-к*. С ней, вероятно, в родстве и союз *ки*. Но почему союзная функция в достаточной степени не развилась у фонетических вариантов *го*, *ку* и т.д.? На этот вопрос можно ответить, учитывая внешние факторы развития языка.

Прежде всего проанализируем развитие союза *ки* на почве самих тюркских языков. Материал отдельных языков, не только огузских, но и кыпчакских, обнаруживает довольно широкое распространение в них усилительно-выделительной частицы *ки*. Ср. аз. *Сән ки дуня жермуш адамсан* (Ибраимов 1966, 96) 'Ты ведь человек, повидавший мир'; *Мәни шанид жатирмамисан ки* (Там же, 57) 'Ты же меня не взял в свидетели'; Ай гыз, на олуб, нейэ тәләсирсан, бизи гован йохдур *ки*? (Менди 1954, 17) 'Дочка, что случилось, почему ты торопишься, нас ведь не выгоняют?'; тур. *Olıp bızden farkı, bizim ondan farkunuz nedir ki?* (Sabahattin 1966, 93) 'Чем же он от нас отличается, а мы от него?; узб. Унинг эгнида яшнаб турган никоҳ либослари ўзиға бирим ярашибдики (Аҳмад, 60) 'Пышные брачные одежды на ней были ей к лицу'; уйг. нареч. Синьцзяна: *Байдін кітіптікі, алтынкі ада кітіптікі. Лоп кітіптікі* 'Отсюда отправился, в шестой месяц (года) отправился, отправился на Лоб-нор' (кашгарское наречие) [Малов 1961, 42]; документы на половецком языке XVI в.: *Билар кетхоялар ундастылар hri-цкону да заміріт et(t) ilap күн ац ац-инга анча кі хојај hriцко башха ув на-дыр болгај кі сп. хачка кіргај увна башха hriцко тутунду кі хојај һадыр ув кі сп. хачка кіргај увна язылды* 'Старшины призвали Грицко и помирили (их с тем), чтобы до дня Богородицы Грицко поставил другой дом, чтобы дом был готов и чтобы до праздника святого креста Грицко переселился в него. Грицко обязался, что поставит дом и к празднику святого креста уйдет в свой дом' (ДП, 124, 232).

Наблюдаются случаи одновременного употребления синонимичных усиливательных частиц *да* и *ки*: аз. *Бу даш җойәрән дейил, о да ки, пул учун калмәз* (Аталарап созу, 230) 'Этот камень без синевы, он ведь не пойдет за деньги'; Адам да ки, Сәкина иди (Ибраһимов 1966, 45) '(И вот) таким человеком была Секине'.

На базе усиливально-выделительной функции у *ки* развивается значение противопоставления, следы которого можно наблюдать в следующих примерах: аз. *Сән ки сағламсан, ээзиим, хәстай даңман чатар* (Низами, 33) 'Ты ведь здоров, дорогой, а лекарство берет больного'; памятник XI–XII вв.: *Мән ки чөлә битән бир отам* (Mənkiyi, 33) 'А я ведь трава, растущая в степи'. В нижеследующих примерах противительное значение выражено более ярко: аз. *Арвад ела еламә ки, җедим Теллини қатирим, тој тәдарукуну тапшырым она* (Ибраһимов 1966, 21) 'Жена, ты так не делай, а то я пойду приведу Телли и поручу ему организацию свадьбы'; туркм. *Зәхре жан шах-и жаҳандыр, мен-ки шахың бир гулы* 'Зехре-джан – царица мира, а я раб (этой царицы)' [Поцелуевский 1943, 87]; узб. *Нима қилисн ки, ёнида қора чақа йўқ* (Ойбек, 22) 'Что ему делать, если у него нет денег'; *سکا دینکیز کم تام ھاندەدور کە منوم طاقتوم موندن راتوق قالمیوب دور* (Шұңғананама) 'Скажите мне, где мой отец, (а то) у меня больше нет сил'.

Возраст тюркского *ки* значителен. В тех тюркских языках, в которых встречается этот союз, встречается и этимологически более ранний вариант усиливально-выделительной частицы *ки*. В одном из ранних памятников уйгурского письма – "Золотом блеске" – уже прослеживается усиливально-выделительная частица *ки*. С.Е. Малов дает ее в указателе грамматических форм с пометой "сослагательная" [1951, 191]: *Ät özin tidti ärkimü* 'Не пожертвовал ли он свое тело?; *Nä al altaq qylsarmın, tikiläjü tirig öz bolyai ärtim arki?* 'Какой бы хитрый способ мне употребить, чтобы случилось так, чтобы остаться снова живым?'; *Qatın iqqa frlyqady tu ärki?* 'Не соизволила ли (не соизволит ли) услышать это госпожа?'; *Bilgäli ujurlar ärki* '(Тогда) смогли бы понять'; *Bu na sav arki?!* 'Что это могла бы быть за речь!?' [Малов 1951, 191].

Приведенные выше иллюстрации свидетельствуют о возможном у *ки* противительно-сослагательном значении, которое и явилось почвой для развития условно-уступительных отношений: аз. *Өзүму өлдүрәрам ки, ону жаман ишә гојмарам* 'Хоть убью себя, а не допущу его до дурного дела' [Абдуллаев 1963, 124]; *Бура ки, җәлдин, һәр шеј и баһармалысан* '(Раз) уж пришла ты сюда, (то) все должна уметь (делать)' [Там же, 118]; тат. (гов. Нукрат-Кистим ср. диал.) *Йырак качтың ки, эзләмим* 'Если ты спряталася очень далеко, не буду искать'; *Йел булмады ки, бик үйлы* 'Если ветра нет, очень тепло' [Закиев 1963, 323]; тур. *Fakat ne yaparım ki asz edecek ne kölem var ne de cariyem* 'Но что я поделаю, если у меня нет ни раба, ни невольницы, которых можно было бы освободить' [Кононов 1956, 546]; *Haydi dayak ne ise, hepimiz zaten onunla biyüdük. Fakat günah değil mi ki bu zavallı çocukların mahvedilsin* 'Побои – ладно, все мы, по сути, с ними выросли, но разве не грех, если бы эти несчастные дети были уничтожены' [Там же].

Не случайно, что в фольклорном жанре мы встречаем условную форму *са* в сочетании с усиливательной частицей *ки*. Такая конструкция передает ус-

ловно-временные отношения: аз. *Хәбәр алса ки, ат нә рәңкәдәй?* Дејәрсән ки, ае атды (АН, 38) 'Если (когда) он спросит, какого цвета была лошадь, ты скажешь, что лошадь была белая; узб. *Бўри пичоқни олиб келса ки, хўроз иўқ эмиш* (ЎЭ, 36) 'Когда волк принес нож, то петуха не оказалось'.

Тюркская усилительно-выделительная частица *ки* с развившимся у нее противительно-условным значением могла встретиться с иранским союзом *ки* и расширить свою семантику. Этим мы и объясняем, почему такое широкое развитие получил именно *ки*, а не его родственные варианты *ге*, *ку* и др. Ответ мы находим, учитывая внешние факторы развития тюркских языков. Ряд тюркских языков в течение столетий испытывал сильное персидское влияние. Примером тому может служить азербайджанский язык, который созданного в начале XVI в., во времена Сефевидов, привлекал к себе значительное внимание иранских ученых. Сами сефевидские шахи пользовались не только государственным персидским языком, но и азербайджанским. Лучшие классики азербайджанской литературы Несими, Физули, Хатаи и другие писали параллельно на азербайджанском и персидском языках.

Азербайджанский литературный язык находился в тесном взаимодействии с персидским языком. Это взаимодействие было двусторонним. Поэтому, анализируя типы подчинительной связи в азербайджанских памятниках, можно констатировать ряд общих для персидского и азербайджанского (особенно староазербайджанского) союзов. Ярким примером тому является союз *ки*. Вот почему союз *ки* получил такое широкое развитие в южных тюркских языках (азербайджанском, турецком), вводя, как мы видим, самые разнообразные типы придаточных предложений. И напротив, получил слабое развитие в кыпчакском ареале тюркских языков, хотя почва для его развития была и там, но не было внешнего импульса для такого распространения. Вследствие этого в южных тюркских языках была хорошо усвоена индоевропейская структура союзной связи с хорошо развитой системой соотносительных слов и анафористических местоимений.

Если мы обратимся к материалу персидского языка, то нетрудно заметить аналогичную тюркской структуру построения отдельных типов придаточных предложений, вводимых союзом *ки*. Ср. придаточные предложения причины, вводимые союзом *ки*: **بیش از این در این موضوع سؤال نکنید که نخواهیم گفت** 'Больше этого меня по этому делу не спрашивайте, потому что я не скажу' [Арендс 1941, 107]. Придаточное предложение следствия: **ابو القاسم قایم مقام... در صدارت خود روى** 'Следствие: Абуль Касим Каймакам... в своем положении ...' [Арендс 1941, 108].

'Абуль Касим Каймакам ... в бытность первым министром обходился (с людьми) заносчиво и с подозрительностью, так что шах и прочие на него обиделись' [Там же, 108].

В персидском языке, по аналогии с тюркскими, *ки* нередко вводит косвенную речь в ее прямой передаче. Ср. **بشنما خبرداد که کجا خواهیم رفت؟** 'Он вас известил куда он пойдет?' (букв. 'он вас известил, что куда я пойду?') [Там же].

В персидском языке мы найдем и аналогичную структуру придаточных предложений с союзом *ки* и анафорическим местоимением. Ср. **دخترى که**

تازه اورا بشوهر داده بودند
недавно выдали замуж' [Там же, 100].

'Девица, которую (букв.: что ее)

Процесс перехода тюркской частицы *ки* в союз, его контаминация с иранским *ки* имеет свою историю и осуществился не сразу. В тюркских языках наблюдаются случаи, когда *ки* хранит и древнее значение частицы, и приобретенное союзное значение. Ср. аз. *Мән ки*, белә, ганмышам, белә дә кермушәм (Ибраһимов 1966, 51–52) 'Я, который как понял, так и выполнил'; тур. *Bizim daireye evrak gelmez ki, kaydededelim* (Nesin 1958₁, 19) 'В наше учреждение (ведь) не поступают бумаги, чтобы нам регистрировать (их)'; узб. *Бирам экин бўлди-ки, ҳавасингиз келади* 'Ну и урожай получился, любо-дорого смотреть' [УРСл. 1959, 74]; документы на половецком языке XVI в.: *біз кетхоялар буну ішітіп вырозуміт ет(т)іх да ованесні алај сучлу ет(т)іх нечік кенділарын кі ол 120 талерні б қіші хар (харт) 120 малым еткаjлар арапаларына* 'Мы, старшины, выслушали это и, обсудив, обвинили как Ованеса, так и их самих. А эти 120 талеров (убытка) шесть человек (должны) поделить между собой' (ДП, 131, 237); *Ол джуңут хајсінінг кі хылычны алып еді лынчіцадан шыломовіч жакуб ол кендінінг орнуна хојду давікар хала пісарын хајсі кі ол хылычны шацоват етій р 10 хзыл філі да* 'А тот еврей, у которого он взял саблю. — Якуб Ш(ы)ломович из Ленчицы, который оценивает ту саблю в 10 золотых фли' [Там же, 129, 131, 237, 240]. В данном примере *ки*, играя усилительно-выделительную роль при относительном местоимении *хајсінінг*, *хајсі*, одновременно может иметь и подчинительное значение.

Вышеизложенное подводит нас к выводу о том, что союзный способ выражения подчинения (особенно распространенный в индоевропейских языках) не является для тюркских языков абсолютно привнесенным извне. Для развития союзного способа подчинения условия были заложены в самой структуре тюркских языков — в недрах простого предложения, как одной из наиболее ранних синтаксических единиц, — в развитой системе различного рода частиц. Поэтому, в частности, и трудно полностью согласиться с предположением о чисто иранском происхождении союза *ки* [см. Грунин 1951; Кононов 1956, 544]. В тюркологической литературе иногда делались попытки разграничить тюркское и иранское *ки*. Так, например, Э.А. Грунина считает, что союз *ки*, по-видимому, является омонимичной формой двух союзов, персидского *ки* и узбекского *ки*, развившегося из вопросительного местоимения *ким* [1961, 155]. Остается бесспорным фактом, что, встретившись с иранским *ки*, тюркское *ки* значительно расширило свой семантический круг. Рассматривая самые разнообразные типы придаточных предложений, вводимых союзом *ки*, трудно провести четкую границу, где кончается "türkское" и начинается "иранское" *ки*.

* * *

Путь развития союзов на базе частиц известен языкам различного типологического строя. Ср. русскую диалектную частицу *дак*: *Садись, пришел дак (=Садись, раз пришел)* и др.

Не случайно, что в татарский язык сейчас проникают подобного рода кальки из русского — структура тюркских языков не противоречит такого рода конструкциям: *Бармысың тык, ялынмыйым* 'Не пойдешь, не буду кланяться' [Закиев 1963, 321].

В тюркских языках нередко встречаются сложные союзные образования, этимологически представляющие собой усилительно-выделительные частицы. Ср. *йада* 'или' (азербайджанский, гагаузский, ногайский, туркменский), *йа да ки* 'или же' (азербайджанский), *йама, йämä* 'и' (ранние тюркские памятники: Кюль-Тегин, памятник манихейского содержания V в., памятник уйгурского письма христианского содержания XIII в.), *йаки* 'или же' (каракалпакский, татарский, узбекский, уйгурский).

Помимо развитой системы усилительно-выделительных частиц, тюркские языки располагали и другими источниками для развития союзной связи. Довольно продуктивным средством связи, корнями уходящими в далекое прошлое, были местоименные и наречные слова в их относительном использовании. И этот способ не противоречил структуре тюркских языков. Если при примыкании ранее самостоятельных простых предложений одно из них начиналось местоименным наречным словом, то последнее приобретало союзные функции. Этот способ в силу своего удобства получил широкое распространение. Ср. выше рассмотренные союзные слова, такие, как *ал* (казахский, каракалпакский), *ани* (гагаузский), *анчак, анчук* (Среднеазиатский тифсир и др.), *қайда* (татарский, томские татары, тувинский, Среднеазиатский тифсир и др.), *қайсы* (средний диалект; мишарский диалект татарского, киргизский), *һансы* (азербайджанский), *қанда* (уйгурский), *қандай, қандақ* (киргизский, узбекский, уйгурский), *қанча* (узбекский), *қачан* (алтайский, татарский, староосманский, узбекский, памятники туркменского языка, Мухаббат-наме, Кодекс Куманикус, среднеазиатский Коран XIV–XV в.), *һачан* (азербайджанский), *ким* (общетюркское), *на* (большинство тюркских языков), *нега* (Кутадгу Билиг, юридические документы уйголов X–XIII вв. и др.), *на ғәдәр* (азербайджанский, гагаузский и др.), *найә* (азербайджанский), *нәндә* (гагаузский), *нердә* (гагаузский) *нечик, нечук* (татарский, Среднеазиатский тифсир, Кодекс Куманикус, История пророков Рабгузия и др.), *һара* (азербайджанский) и т.д., которые вводят разнообразные типы придаточных предложений. Процесс трансформации этих местоименных и наречных слов в союзы на почве примыкания двух простых предложений может сопровождаться их морфологизацией. Ср. такие союзные образования, как *ананъ* (хакасский), *ангысы* (гагаузский), *антагызын үчүн* (памятник в честь Кюль-Тегина), *онтон, оттон, онтука* (якутский) и т.д.

Местоименные и наречные слова в союзной функции в целях эмфазы принимают усилительно-выделительные частицы. Ср. *ани ки* (гагаузский), *анча ки* (уйгурские памятники буддийского содержания, половецкие документы), *еләки* (азербайджанский), *нега ки* (узбекский), *на да* (азербайджанский, турецкий и др.), *не қадар да* (гагаузский) *на ки* (азербайджанский, татарский, Среднеазиатский тифсир, хорезмийские памятники XIV в.), *нечә ки, һәлә ки* (азербайджанский), *шулай ук* (татарский) и др.

В тех же языках в целях эмфазы при союзных словах используется и местоимение *ким*. Ср. *андae кіm, анчда ким, аның учун ким, қанда ким, қачан ким, на ғәдәр ким, на ким, нätäk ким*.

Одним из источников развития союзной связи являются слова с временным значением, подвергающиеся лексической изоляции. Ср. *ара...* *ара* 'то... то' (Кутадгу билиг), *арыт...* *арыт* 'то...то' (якутский), *себеби* 'так как' (казахский, каракалпакский, киргизский). Слова с временным зна-

чением, а также различные части речи в союзной функции часто в целях эмфазы сопровождаются усилительно-выделительными частицами. Ср. *бир дә* (азербайджанский, киргизский, хакасский), *инди ки* (азербайджанский), *на вахт ки* (азербайджанский, гагаузский), *о вахт(та) + ки/ким* (азербайджанский, уйгурский, Среднеазиатский тифсир XII–XIII вв.), *о јердә ки* (азербайджанский), *ол сәбәбдан ким* (хорезмийские памятники XIV в.), *онда да, сонда да* (казахский). Лексическая изоляция сопровождается и морфологической изоляцией. Ср. *йогса* 'а то, же' (азербайджанский, крымскотатарский, турецкий), *жоқәлде* 'или' (казахский), *бидән...* *бидән* 'то...то' (туркменский), *бірсө...* *бірсө* 'то...то' (казахский и др.).

В тюркских языках значителен пласт союзных слов, представляющих собой морфологически изолированные глагольные образования. Морфологическому перерождению легко поддаются условные формы от различных глагольных корней. Ср. союзы *десе* 'а что касается' (алтайский, киргизский, хакасский, шорский, подчинительные значения: алтайский, казахский, каракалпакский), *тесе* 'чтобы' (чувашский), *десем* 'а' (казахский, каракалпакский, киргизский), *эйтпесе* 'а, но' (казахский), *болса* 'а, но' (ареал кыпчакских языков), *болмаса* 'а не то' (кипчакские языки), *буоллагына* 'а' (якутский), *айса* 'а, но' (алтайский, крымскотатарский). Последний, возможно, представляет собой омертвевшую форму условного наклонения от глагола *и-*. Вероятно, состоявшимся процессом фонетической трансформации можно объяснить такие сочинительные союзы, как *гаг. оса, са, тув. азы, шор. эбезе, як. эбэтэр*, которые, вероятно, находятся в этимологическом родстве с образованием *исе*.

Морфологически изолированные образования, связанные с формой условного наклонения, получили союзную функцию на почве эмфазы. Ср. аз. *мэн исэ...* 'а, я...' и др. Нередки случаи, когда *исе* выполняет роль усилительно-выделительной частицы: аз. *Нара исэ узаглара баҳырды* (Ибраимов 1966, 586) 'Он смотрел куда-то вдаль'.

В качестве союзов используются и другие морфологические изолированные глагольные формы. Ср. *гаг. болай* 'чтобы', *тув. болгаш* 'и', широко бытующие во многих тюркских языках *дейә* *дийә*, *тейу*, *дейин*, *дени*, *тийин*, *деб*, *дейиб*, *теб*, вводящие, как мы видели, различные типы придаточных предложений. Слово *дейә* уже в самом раннем периоде развития тюркских языков имело тенденцию к грамматикализации, выполняя чисто служебную функцию. Как мы видели, оно служит одним из основных средств выражения подчинительных значений при передаче прямой чужой речи¹³. Из других изолированных глагольных форм можно назвать *ейткени*¹⁴ 'так как' (киргизский, каракалпакский), каз. *үйткем*, аз. *санасин*, *гаг. сансын* 'словно' (от *san-mak* 'думать, полагать' [Кононов 1956, 354]).

Для союзной связи в тюркских языках используются послелоги

¹³ Причины употребления его в служебной роли справедливо объяснены А.Н. Кононовым: "Процессу грамматикализации слова *таб* способствовало его постоянное местонахождение на грани двух предложений...", а также и "то, что процесс прямой передачи чужой речи заключает (логически и формально) в себе все необходимое для развития сложноподчиненного предложения" [1958, 173].

¹⁴ Н. А. Баскаков возводит его к изолированной глагольной форме *олай еткени* (букв. 'так сделано им') [1952, 522].

били, билен, менен, мен, ле, ли 'и'. Соединительная функция у них развилась довольно рано. Не случайно, что они широко распространены в древнетюркских памятниках. Впоследствии в современных тюркских языках конкурировать с ним стал арабский союз *ва*.

В тюркских языках, как мы видели, можно встретить и союзные предложения, представляющие собой морфологически изолированные образования. Ср. як. *ити курдук* (временное значение), *ити бары* (причинное значение), *кбалк.* не *ючон десенг* (причинное значение), алт. *ненинг учун дезе* (причинное значение), башк. *ни тиклем* (уступительное значение), кум. *неге тюгюл* (причинное значение), тат. *ни хэтле* (значение меры и степени), тув. *чок болза* (противительное значение), чуге *дээрэг/чуге дизе* (причинное значение), кирг. *бирок ошенте да* (противительное значение) и др. Отсутствие единства в союзных речениях в тюркских языках указывает на то, что этот способ связи развился относительно поздно.

Известный пласт в синтаксической структуре тюркских языков составляют иноязычные союзы, заимствование которых имеет культурно-исторические основания. Мы уже упоминали о взаимодействии тюркских языков с персидским, следствием чего явилась общность сочинительных союзов *балки* 'но' (каракалпакский, татарский, узбекский), *гә... гә* 'то...то' (каракалпакский, кумыкский), *гөх... гөх* (*kah... kah*) 'то... то' (азербайджанский, узбекский, Родословная туркмен), *гей... гей* 'либо... либо' (каракалпакский, лобнорский), *хем... хем* 'и... и' (азербайджанский, гагаузский, каракалпакский, ногайский, татарский), а также подчинительных: *зира* 'потому что' (азербайджанский, гагаузский, турецкий), *куја* 'будто, словно' (азербайджанский, татарский, туркменский, узбекский), *та* — временное значение (памятники азербайджанского, турецкого, туркменского языков, Среднеазиатский тифсир, Родословная туркмен), *чу*, *чу* — временное, причинное и сравнительное значения (азербайджанский, памятники азербайджанского, турецкого, узбекского языков), *чүн* — временное, причинное, условное значения (памятники азербайджанского, турецкого, туркменского языков, Среднеазиатский тифсир).

Ряд особенностей синтаксиса тюркских языков был бы непонятен без учета тюрко-арабских взаимоотношений. У тюркоязычных народов, входящих в свое время в состав Халифата, формирование литературных языков не обошлось без участия арабского языка. Следы влияния арабского языка наглядно прослеживаются в памятниках азербайджанского, турецкого, узбекского языков. Так, например, в памятниках азербайджанского языка наблюдается использование начального соединительного союза *вэ*, роль которого в памятниках значительно шире, чем в современном азербайджанском языке. Эта структурная особенность до сих пор сохранилась в арабском языке:

و لم تعرف أسباب زيارة سموه المغاجا و قد
كثرت بشأنها االشاعات

И были неизвестны причины внезапного посещения его высочеством и умножились сообщения относительно их' [Семенов 1941, 120].

Во многие тюркские языки прочно вошли и следующие сочинительные союзы: *амма*, *эмма* — противительно-уступительное значение (азербайджанский, гагаузский, крымскотатарский, кумыкский, ногайский, татарский, турецкий, туркменский, узбекский, уйгурский, Родословная туркмен), *баъзан* ... *баъзан* 'то... то' (узбекский), *бирок* 'но' (казахский, кара-

калпакский, киргизский, узбекский), *ва* 'и, а' (значительный ареал распространения в огузских и кыпчакских языках), *вели* 'а, но' (туркменский, Бабур-наме), *шлла* 'а, но' (хорезмийские памятники XIV в.), *лекин* 'а, но' (азербайджанский, крымскотатарский, турецкий, узбекский, уйгурский, хорезмийские памятники XIV в.), *тылкы* 'словно' (гагаузский), *факат* 'а, но' (азербайджанский, татарский, турецкий, уйгурский) и т.д.

Наблюдаются и сложные арабские союзы: *амма ва* 'а, и' (кумыкский), *ва лекин* 'но, однако' (Среднеазиатский тифсир XII–XIII вв., Кутадгу билиг) и др.

Арабо-персидские союзы на почве тюркских языков могут подвергаться процессу морфологического изменения. Ср. лоб. *емесе/әмисә*, имеющий условно-противительное значение. Довольно часто иноязычные союзы в целях эмфазы принимают тюркские усилительно-выделительные частицы. Ср. *аман да* 'а, но' (ногайский), *амма ки* 'а, но' (диалекты азербайджанского, турецкого языков), *мадам ки* 'поскольку' (азербайджанский, турецкий, узбекский), *тә кип* – временные, причинно-следственные значения (азербайджанский, турецкий, узбекский и их памятники, Мухаббат-наме, Золотой блеск), *хем ... хем де* 'и... и' (гагаузский), *чунки* – причинно-следственные, условные значения (азербайджанский, башкирский, гагаузский, крымскотатарский, турецкий, туркменский, узбекский, уйгурский, половецкие документы и др.), *чунким* (хорезмийские памятники XIV в. и др.).

Те арабо-персидские союзы, которые довольно прочно вошли в синтаксическую структуру тюркских языков, на почве последних получают вторичную функцию усилительных частиц, являя собой результат взаимоотношения внешних и внутренних факторов развития языка. В этом отношении очень показательно употребление сочинительного союза *вели/велин* в туркменском языке. Он может использоваться в противительном значении (аналогично он используется и в арабском языке): *Улы геплемәйин велин, шу ерде ишләт башлалым бәри, мени ярамазчылыгын гырасында горен дәл болсаныз герек* (Мамедов, 79) 'Не буду я говорить высокомерно, но мне кажется, с тех пор как я работаю в том месте, вы меня не должны видеть за дурным делом'. В постпозиции к глаголу *у велин* параллельно с его усилительно-выделительной функцией развиваются подчинительные значения: союз передает временное соотношение действий: *Анатолий билен Лена икиси гараңкы көчәнин бурчундан өврүлдилер велин яңкы ыздан гелийэн адам хем оларың гандалы билен өңе ылгады* (Там же, 66) 'Только Анатолий с Леной свернули за угол темной улицы, как тут же идущий следом человек сбоку забежал вперед'; *Адамлар гелип-тир шели, ол оғлон гачып гөрөйдүрдү* 'Когда люди пришли, тот мальчик, спасаясь, ушел в могилу' (Туркм. сказки, 67, 115).

Однако все же основной функцией союза *вели* в туркменском языке является усилительно-выделительная функция: *Болмаса, гүррун эдейин, ёгсам-а шу гуне ченли дулдегшир отуран гоңышларымызыда айдан дәлдирис вели* (Сарыханов 1951, 12) 'Не то поговорим, вообще-то до сегодняшнего дня мы ведь не говорили даже самым близким соседям.'

Встречается *вели* в туркменском языке и в постпозиции к имени; в этом случае по своей выделительной функции он синонимичен исе, болса: *Губа дүйәнин вели ...* (Сарыханов 1951, 15) 'Что же касается темной верблюди-

цы...'; *Мен вели ынандым* (Там же, 14) 'А я-то поверил'. На правах усилительно-выделительной частицы *вели* (*велин*) участвует в сложных союзных образованиях: Ср. туркм. *йоне велин* 'однако'.

Усилительно-выделительная функция наблюдается у союза *ва* в карачаево-балкарском языке: *Лейля уа, узун этеклери жерге жетген, омакъ акъ жыйрыкъны да кийиб, сценагъа чыгъады* (Гуртуев, 8) 'А Лейла надела белое платье, подол которого спадал до земли, и вышла на сцену'; у союза *хам* в узбекском и туркменском языках: узб. *Бир неча йилдан буён илмлардан күнгли совиб, дарсларга күпинча қатнашмайди ҳам* (Ойбек, 5) 'За несколько лет он остыл к наукам и часто даже не посещал занятия'; туркм. *Шоның себәбини – hem сброва* 'Спроси о причине этого' (Туркм. сказки, 69, 116). В функции усилительно-выделительной частицы *хам* употребляется при форме условного наклонения: узб. *Бошингга қилич келса ҳамки...* (Яшин, 13) 'Хотя и меч упадет на твою голову...'. В памятнике Мухабат-наме этот союз на правах усилителя входит в сложное союзное образование *välş хäm* 'но, однако'. В настоящее время арабо-персидские элементы не развиваются в тюркских языках, а сокращаются. Выходит из употребления целый ряд арабо-персидских союзов: перс. *чу*, чун, ар. *allazī* (*allatī*), *illa* и др. Тюркские языки стараются освободиться от чуждых их структуре особенностей, навеянных арабо-персидской традицией. Значительно сокращается использование начального соединительного арабского союза *вэ*, выходит из употребления арабское указательное местоимение *ан* в его соотносительном использовании с *ки*¹⁵. Сокращается начальная позиция союзов, вводящих придаточные предложения (ср. союз чунки, который в памятниках вводит придаточные предложения, находящиеся в препозиции к главному). Суживается круг значений арабо-персидских союзов (ср. союзы *та*, чунки и др.); они вытесняются тюркскими грамматическими аналогами, которые в процессе развития литературных языков всё более активизируются.

Тюркские языки народов СССР развиваются в тесном взаимодействии с русским языком. Особенно сильно влияние в тех ареалах тюркских языков, в которых отмечается наибольшее контактирование их с русским языком. Ср. заимствование русских союзов: *а* – в татарском языке, *атту* – в чувашском, *да* – в гагаузском и карачаево-балкарском, *но* – в татарском и чувашском языках, *так что* – в татарском, *такки* – в чувашском языке и т.д. Заимствуются и русские частицы. Так, например, в верховом диалекте чувашского языка частица *уш* (уж) употребляется для усиления, выделения того слова, члена предложения, после которого она ставится, для обозначения уступки прежнему решению; при этом она выступает в сочетании с усилительной частицей *-ах* (-ех): *Кайах уш, эп тытса чарийас сок сана* 'Иди уж, я не в состоянии удержать тебя' [Канюкова 1965, 104].

В синтаксической структуре тюркских языков существуют тюркско-монгольские параллели. Например, соединительный союз *база* 'и' связывается с монг. *бас*, употребляемым в значениях 'еще, также, опять' [Исхаков, Пальмбах 1961, 451]. Однако решить вопрос о первоисточнике во многих таких параллелях пока трудно. Сложная проблема тюрко-монгольских языковых отношений требует особого рассмотрения.

¹⁵ Ср. памятники азербайджанского языка, в частности произведения Насими, в которых *ан* часто используется.

ГЛАВА V

ГИБРИДИЗАЦИЯ КАК СВОЕОБРАЗНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ ПОДЧИНТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В развитии синтаксической структуры тюркских языков наблюдаются факты, когда оба пути развития подчинительных отношений — трансформация и союзный способ — скрещиваются, давая разнообразные смешанные типы построений. Рассмотрим конкретные синтаксические модели возможных контаминаций подчинительных средств.

У словные союзы употребляются в сочетании с показателем -са, образуя замкнутую синтаксическую единицу. Формируемый таким двойным средством подчинения условный период выражает те же два типа значений: реальной и ирреальной условности. Соотношение временых форм то же, что и в условном периоде, образованном только показателем -са.

Реальный случай. В придаточном — форма наст. времени условного наклонения, реже — условной модальности, в главном — форма наст., буд. времени, повелительного наклонения.

егер ... -са — ккалп. *Егер пахъта терюв нормасын ёз выгында орынламасанъ, колхоз планын орунлав дым авыр болады* 'Если ты не выполнишь своевременно норму сбора хлопка, то тогда будет очень трудно выполнить план колхоза' [ККРСл. 1958, 866]; кирг. *Эгер душман колунан олсом, мени коммунист деп атагыла* 'Если погибну от руки врага, считайте меня коммунистом' [Скирдов 1962, 15]; ног. *Эгер биз планда законнынъ күйши бар дап айтатаган болсак, ол баирисине де тиеди* (Ленен йолы) 'Если мы станем говорить о силе закона в плане, то это будет всех касаться'; тат. *Эгер тракторлар бүген аръякка чыгып китсалар, ул албэттә алардан, калмачак* 'Если тракторы сегодня не выйдут на тот берег, он, конечно, не отстанет от них' [Закиев 1963, 297]; туркм. *Эгер сени Алтын сеййан болса, ол сени хер ерде-де геруп билер* 'Если Алтын тебя любит, то она сумеет повидать тебя в любом месте' [Ходжаев 1958, 6]; Среднеазиатский тифсир: *Агър тессәй антар абгүлүк амрулъај анїн бірлә* 'Если с ним и бывает доброе (благополучие), они спокойны с ним' [Боровков 1963, 51].

егер де ... -са — каз. *Егерде алтынды егіп шыгарал алмасаң не қылайын* (КЕ, 383) 'Что я могу поделать, если ты не можешь вырастить золото'; ккалп. *Егерде сен акыллы болсаң мене сениң тилегениңди орынлайман* 'Если ты будешь умным, я исполню все, что ты захочешь' [ККПСл. 1958, 866]; кирг. *Эгерде адамдар жөнүндө ойлосоң бактылуу болосуң* (Жусупов, 16) 'Если будешь думать о людях, будешь счастлив'.

бир звес ... -са — тув. *Бир звес билген болзумза, ынчанмас ийик мен* 'Если бы я знал, я бы так не поступил' [Исхаков, Пальмбах 1961, 543].

калы ... -са — встречается в ранних памятниках арабского письма. Кутадгу билиг: *Qaly ىزپاڭىز قىتقا qادۇن كۈرە!* 'Если же будешь противиться счастью, то борись с нуждой' [Малов 1951, 267, 286].

невада . . . -са – уйг. *Nevada işimiz tajjar bo (I)sa, biz boş vaxtimizni obdan etkuyuzmiz* 'Если наша работа будет готова, мы свободное время хорошо проведем' [Насилов 1940, 142].

ескете . . . -тар – як. *Өскетүн барыны бары толорор буоллаххына биз-* ризм 'Если все станешь исполнять, дам' [Убрытова 1976, 210].

härkəh . . . -са – аз. *härkəh sən məni ezunla ațarsan . . . mən də bашгала-* рына бахыб *ejrənərəm* 'Ежели ты меня возьмешь с собой . . . я тоже на-
учусь, смотря на других' [Абдуллаев 1963, 116].

Ирреальный случай. В придаточном – наст., прош. время условного наклонения, реже – условная модальность, в главном – чаще имперфект.

eger . . . -са – тур. *Eğer rüyasında görmiş olsayıdı buna katıyen inanmadı* 'Если бы (даже) она во сне увидела, решительно не поверила бы этому' [Кононов 1956, 531]; уйг. *Əğər uyuk pişqan bolsa edi bao cila(r) uni baza(r)ça əkkeliip satqan bolatti* 'Если бы урюк уже поспел, садовники уже привезли бы его на базар и продавали бы' [Насилов 1940, 145]; Среднеазиатский теф-
сир: *Əğər abıñ härcä қılса Musa қorқىńı ärdi* 'Если бы сделал что-нибудь
другое, Муса испугался бы' [Боровков 1963, 214]; История проро-
ков Рабгузия **اکر بىر كىشى مىلسما ن بولسە ايردى هم ھلاك** بولىغا يىرىدىلار
'Если бы был и один даже мусульманин, то погибели не было бы, но, кроме единственного Лота, никакого другого в той стране, кто был бы мусульманин, нет' [Малов 1951, 328, 337]; Родословная турк-
мен: *Agar sən mұslıman bolсаң ärdi cıñı ärdim* 'Если бы та стала мусульман-
кой, я взял бы тебя (в жены)' [Кононов 1958, 150]; Мухаббат-наме: *Əğər miň jıl tırılıç Xatım-i tai cıñın atıň žashıtkaň jörläp önkäi* 'Если бы тысячу лет
прожил Хатым-тай, услышав твое имя, поцеловал бы землю' [Шербак
1959, 131, 152].

eger de . . . -са – каз. *Егерде ол сендерге ақыл таппаса, сендер өлетін едіңдер* (КЕ, 420) 'Если бы он вам не подсказал эту мысль, вы бы умерли';
ккалп. *Егер де менде ыхътыйар болса кетер едим* 'Если бы была моя воля,
ушел бы' [Баскаков 1952, 523].

Общетюркскую модель, довольно последовательно прослеживаемую как в памятниках, так и во всех современных тюрских языках, дают конструкции, включающие аффикс условия в сочетании с союзами и союз-
ными речениями неусловного происхождения.

Во многих случаях -са употребляется для выражения значения со слага-
тельности, модальности: *ne kadar kim . . . ise* сколько бы ни
было', *nerde . . . ise* 'где бы ни было', *ne kadar . . . olsa* 'как ни . . .' и проч.

кайда . . . -са – соответствует русскому союзному речению где бы ни . . .,
если где . . ., т.е. форматив -са вносит значение условности: алт. *Бу кайчи атишыяк кайда-да кайлаза, онынъ кайын угарга улус коп дъулат* 'Где бы
этот сказитель старик ни рассказывал сказку, слушать его сказку много
народу собирается' [Дыренкова 1940₂]; башк. *hин мине атма, кайза*
булнаң да, миң hинъ ярзам итермен 'Ты в меня не стреляй: где бы ты ни
был, я буду тебе помощником' [Дмитриев 1948, 270]; Кутадгу билинг
(наманганды): *Bilik qaida bolsa, biliglig salyr!* 'Если есть где знание, (так только
там), где (его выявляет знающий)' [Малов 1951, 247, 274]; Подарок истин:
عسل قيدا بولسا بىلا ئرى سى 'Если где есть мед, то только там,
где и пчела!' [Там же, 318, 320].

häp kaýda . . . -са – Среднеазиатский тефсир: *Ajdıń barıçlar . . . häp қаýda*

хуррам хошрақ жер болса мәнің жүйін шаһристан атіңлар теді 'Сказал он: отплывайтесь... где бы ни оказалось веселое, приятное место, постройте для меня укрепленный город' [Боровков 1963, 194].

кају... -са — Мухаббат-наме: Булутлар filдäg көкрай jyрjylär kaјu jyргä бууурса су уурулар 'Облака идут и гремят, как слоны, и, куда прикажет (Аллах), льют воду' [Шербак 1959, 128].

қаерга... -са — узб. Қаерга борсам, шу ерга етиб борасан 'Куда бы я ни пошел, туда и ты тащишься' [Кононов 1960, 417].

hara... -са — аз. Məшədi bəjħara ja ketsə idi, oрада, xалғын диггəтини озұна налб етəрди 'Мешеди-бек куда бы нишел, (всюду) (досл.: там) привлекал к себе внимание народа' [Абдуллаев 1963, 100].

канда... -са — Среднеазиатский тефсир: Қанда бір заіф бәндәй бар јрсә ани алуб азад қілур ёрді 'Где оказывался несчастный раб, он брал (выкупал) его и освобождал' [Боровков 1963, 198].

қанча... -са — кирг. Ал канча төрдеп — курган, чарчап — чаалығын келсөңиз да төңгедей жерге күн өткөзбөгөн саадалардын, кара жыгачтардын түбүнде алма еруктөрдү, гүлдөрдү бир сыйра араласаңыз жаңының жыргап, кенүлүкүз сергйт (Назир, 11) 'Сколько бы вы ни обливались потом, как бы ни изнемогали, вы пройдетесь под сенью карагачей, которые не пропускают света ни на пядь земли, по саду, среди цветов, и душа ваша насладится, вы освежитесь'; Среднеазиатский тефсир: Қанча барса мән аллар бірләй барајін 'Если отправляются, и я пойду с ними' [Боровков 1963, 198].

қанчалық... -са — кирг. Канчалық айтсам, укпады (фольк). 'Сколько я ни говорил, он не слушал' [КРСл. 1965, 341].

качан (да)... -са — Среднеазиатский тефсир: Қачан алсалар... тамамölчү бірләй алсалар 'Когда берут, брали бы все мерой' [Боровков 1963, 246]; уйг. (хамийск. нареч.) Maňa түлкө душмаллік қылді, мән му түлкөні качанда воса, гёшні jіmасам, мән бөрә бомаң қала! 'Лиса сделала мне зло, как бы то ни было, не буду я волком, если не поем мяса лисы' [Малов 1954, 70, 71].

ким... -са — аз. (бак. диал.) Ким истәсә қалсун [Ширилиев 1957, 149] 'Если хочет, пусть приходит'; кум. (кайтак. диал.) Ким ишласа ша ашар 'Кто будет работать, тот и будет есть' (посл.) [Керимов 1953, 293]; тур. Bi fermandı: Kim bu çociğı bulup getirirse ona yüz lira ihsan edeceğim diyortiš (сказка) 'В этом указе уже он говорит: — Кто найдет и приведет этого ребенка, тому я пожалую сто лир' [Кононов 1956, 532]; туркм. Ким коп яшан болса, ол көни горендир 'Кто много жил, тот много видел'; Ким ис-лесе, гой геплесин 'Кто хочет, пусть выскажет'; узб. Ким Шоҳимарданга борган бўлса, у билади ки, у ер қандай чиройли 'Кто ездил в Шохимардан, тот значает, какое это прелестное место' [Кононов 1960, 193].

(не) эмне... -са, ни... -са — кирг. Эмне эксөң, ошоту аласың 'Что посещаешь, то и пожнешь' [Сартбаев 1953, 36]; тат. Ул ни күшса, шуны эшли 'Что он прикажет, что и делает' [Закиев 1963, 319]; тур. Ben ne dersem sen onu yap, demtiş 'Что бы я ни сказал, ты то и делай, — сказал он' [Кононов 1956, 532].

на гәдәр... -са — аз. Қәнди на гәдәр чалышырдыса, пулу ала билмирди (Аталаар сезү, 229) 'Сколько крестьянин ни старался, он не мог получить деньги'; гаг. Насреддин вакыларын дериннишиндән етиши бизд, дә бүйүн

да оунады гүлдүрер бизи, некадар да қаҳырлы олсак (Буджактан, 14) 'Насреддин пришел к нам с давних пор, и сегодня его имя нас (забавляет) смешит, как бы ни было нам грустно'; ног. *Не къадыр окъуса да бир затты болмайды* 'Сколько бы он ни учился, никакого толка не будет' [Баскаков 1940, 128]; тур. *Nekadar bağırsan boş demiş* (сказка) 'Сколько бы ты ни кричал, (все) напрасно, — сказал он' [Кононов 1956, 532].

ни тиклем . . . -са/-ха — башк. Ул ни тиклем тырышна ла, бер нәмә лә ала алманы 'Как бы он ни старался, он не мог ничего получить' [Дмитриев 1948, 270].

намэ . . . -са — туркм. Намэ буюрсан эдерин 'Что бы ты ни приказал, сделала' [Поцелуевский 1943, 74].

нәдә . . . -са — уйг. (хамийск. нареч.) Нәдә воса барла болғай olmegəj јарым мінең 'Где бы она ни была, пусть будет, что будет, только чтобы не умерла она — моя подруга' [Малов 1954, 28].

нереүе . . . -са — тур. *Bahir Vecdi, Şaduman nereye giderse gölge gibi takip ediyordu* 'Куда бы Шадуман ни пошла, Бахир Веджи, как тень, следовал за нею' [Кононов 1956, 532].

нечә . . . -са, нимә . . . -са — Кутадгу билиг (наманган.) : *Avaytlar nâdä qolsa, bärmtäz özin* 'Преследующие (ее) сколько бы ни просили, она не дается (им)'; Подарок истин: *أرى ما سنيجه يوسا قان بيرلاقان* 'Кровь кровью не очищается, сколько бы ни мыл' [Малов 1951, 241, 269, 317, 320]; Среднеазиатский тифсир: *Нечә қаші душман болса мақнұр болғай* 'Как бы ни был силен враг, будет побежден' [Боровков 1963, 220]; хорезмийские памятники XIV в.: *Айылдық вакытда ол ай пәйқәр елин бермаз неча йалбарса кизлар* 'В трезвом состоянии та луноликая не даст руку, сколько бы ни просили, прячет' [Фазылов, 1966, 38]; История пророков Рабгузия: *عَلَمَهُ نَعْمَتُ أَيْرَسَا يَلْغُوزِ مُؤْتَفَكَاتِ دَا اِنْجَا نَعْمَتُ أَيْرَدِي* 'Ничеңе نعمت اйрса يلغوز مؤتفکات دا انجا نعمت ايردى' '(А раньше) во (всем) мире, сколько ни было благосостояния, то было оно только единственно в стране Мутфакат' [Малов 1951, 325, 333]; Мухаббатнаме: *Нәчә ҳішмәттү султан болса болсун аїтман мал ўчүн мәдхү-у санамән* 'Каким бы ни был величественным султан, пусть будет, я не буду хвалить и славить из-за богатства' [Шербак 1959, 148, 165].

нисек . . . -са — башк. Нисек кенә ултырнаевың за, бары бер музыкантлық-ка ярамайныевың 'А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь' [Дмитриев 1948, 270].

чун . . . -са —

مجلس اهلى چون شراب ایچسە دوتار الدە ایاغ

ماناسان بىر سىدر كىم اوستە روسىندر چراڭ . . .

(Хатай 1966, 74) 'Если участники пира пьют вино, то в руках они держат чаши, Будто свечи горят над озаряющим светильником'.

Часто показатель -са, употребляясь в сочетании с союзными речениями, не вносит никаких модальных оттенков условности, согласительности. Ведущую и решающую семантическую нагрузку несет союзное средство.

кайдан . . . -са — кирг. Шамал кайдан болсо, жаан да ошол жактан болот 'Откуда ветер, оттуда и дождь' [Сартбаев 1953, 37].

къайдан ... -са — ккалп. Алдынъгъы арба къайдан джюрсә, Сонъгъы арба соннан джюрёди 'Куда пойдет передняя телега, туда (за ней) пойдет и последняя телега' [Баскаков 1951, 31].

қаекқа ... -са — узб. Катта кема қаекқа юрса, кичик кема хам шу ёққа юради 'Куда большой корабль направляется, туда и маленький (корабль) идет' [Кононов 1960, 413, 418].

қаерда ... -са — узб. Лекин сиз мени қаерда кўрсангиз ейсиз (ЎЭ, 12) 'Однако где вы меня увидите, (там и) еще'.

қанда (кім) ... -са — Среднеазиатский тефсир: Тутуғ ол хатунларні қанда кім сақін болсаң із 'Содержите тех женщин там, где вы (сами) жительствуете' [Боровков 1963, 198]; Қанда бір здіб бәндә бар ўрса ані алуб азад қілур ёрді 'Где оказывался несчастный раб, он брал (выкупал) его и освобождал' [Там же].

Ведущая роль союза, им определяющаяся семантика конструкции на глядны в следующих сочетаниях союзных речений с -са, имеющих значение образа, характера протекания действия:

қандай ... -са — кирг. Аюну қандай жеңген болсон, жоону да ошондой жеңе көр 'Как победил ты медведя, так победи и врага' [Скирдов 1962, 118].

қанча (ла) ... -са — алт. Кыранынъ тобрагын канча-ла дъакышы шитегежин, бистинъ ажыбыс анча-ла көп болов 'Насколько хорошо обработаем почву, пашни, так же много будет у нас хлеба' [Дыренкова 1940₂, 291]; узб. Махмуд етти тилло нақдина ни... олиб қанча шодланган бўлса, ўшанчалик ҳам тушди (Қодирий 1959, 51) 'Сколь Махмуд обрадовался, взявши семь золотых, столько же он испытал беспокойства'; кирг. Биз канчалык кечик-песек, иш ошончолук жакши болот 'Чем меньше мы запоздаем, тем (дело) будет лучше' [КРСл, 1965, 341].

наче ... -са — туркм. Колхоз наче улалса, гүйжумиз хем шонча артык болар 'Насколько колхоз укрепится, настолько и увеличится наша сила' [Ходжаев 1958, 12]; Кутадгу билиг: Näčä är bäßüsä, baş aγryγ bädür, Näčä baş bädü sä, bädük böök kädür 'Насколько возвышается муж, настолько увеличивается болезнь головы (у него), Насколько увеличивается голова, настолько надевает он большую шапку' [Малов 1951, 244, 271].

ничек ... -са — тат. Кигэн киемничек түзса, яшь гомер дә шулай уза 'Молодость проходит так быстро, как изнашивается одежда' [Закиев 1963, 298]; Среднеазиатский тефсир: Ол қадар тітрашқайлар кім жел асіб яғачлар жарықті начук тітраса 'До такой степени будут трястись, как трясутся листья деревьев, когда подует ветер' [Боровков 1963, 84].

нахили ... -са — туркм. Сиз маңа нахили маслахат эден болсаңыз, мен шоның ялы этдим 'Я поступил так, как вы мне посоветовали' [Аннануров 1956, 127].

Качан (ким) ... -са — широко употребляющееся временное союзное слово. Участие -са в этой конструкции, очевидно, не случайно. Здесь проявляется его способность иметь временное значение, в чем сказывается его деепричастная природа. Среднеазиатский тефсир: Қачан көрсәләр бәзіргәнніја такж ойнні ѹйгүрүшүрлар анік таба 'Как только завидят купца (торг) или же забаву, бегут туда' [Боровков 1963, 95]; хорезмские памятники XIV в.: Қачан уйансалар ануқ болайын 'Когда проснутся, буду я готовым' [Фазылов 1966, 47]; документы на половецком языке XVI в.: Ҳачан опе-

кунлар кейсалар на олас си. хојај стол устіна нағт 100 фли неміш несебі фли 'Когда опекуны придут, то должен Охас представить деньги – 100 фл. по 30 грошей каждый по немецкому расчету' (ДП, 132, 241); Моңыр ет(т)и кенди јері на хала пісарын мәловскі ні хачан келса андруш ол чахта даві еткај 'И он уполномочил городского писаря начать судебное дело, когда придет Андруш' [Там же 129, 237]; Мухаббат-наме: Качан кім ікі сағ тұрса бајавлан сәнің өзкәрләрің көкәр чу арслан 'Когда же становятся в ряды твои воины, они издают громовой клич, словно львы' [Щербак 1959, 131, 152].

В ранних памятниках тюркских языков встречается сочетание союзного слова *качан* (*ким*) со связкой *ерсә/ирсә*, выполняющей функцию подчинительного средства. Ср. хорезмийские памятники XIV в.: *Пайгәмбар айды қачан ким аның әвәзы қулақымеа кирди ерсә жумлә анадмларым титрэйү башлады* 'Пророк сказал: – Как только его голос достигает (букв.: входит) моих ушей, все тело мое начинает дрожать' [Фазылов 1966, 55]; памятники татарского языка: *Качан кем қырык тән тамам булды ирсә, табиб янә калде* (БТӘ, 232) 'Когда прошло сорок дней, врач снова пришел'; *Качан кем зиндан капуғына йиттеләр ирсә, баҳарлар* [Там же, 230] 'Когда дошли до ворот тюрьмы, видят...'.

Форма на -са может передавать значение оптативности. Придаточные предложения, введенные такими конструкциями, стоят после главных со сказуемыми, выраженными глаголами желания, чувственного восприятия. Среднеазиатский тифсир: *Аjdılар iбімі зә қарқарміз кім асіз тіллік болсалар бізің үзә* 'Они сказали: – О владыка наш, мы боимся, что он будет нагло говорить нам' [Боровков 1963, 202]; *тіләді кім әлмасалар* 'Просил, чтобы они не умерли' [Там же, 244]; *унамадәллар кім қонуқ тутсалар оларні* 'Они не согласились, чтобы принять их в гости' [Там же, 212]; Мухаббат-наме: *Tilärmän кім jүзүңгә сағда кілсам вісалің нәмәтінің шүкірін аісам* 'Хочу поклониться твоему миру и поблагодарить за дар встречи с тобой' [Щербак 1959, 142].

На почве оптативного значения -са образуются целевые конструкции и. Хорезмские памятники: *Йаш әрмәзмән ким алдансам сәңә мән* 'Я не ребенок, чтобы обмануться тобой' [Фазылов 1966, 43]; Среднеазиатский тифсир: *Анда жаңуқ қайді анча кім ікі яј қошуру тутса ja такі яқінрақ* 'Тогда он подошел близко, настолько, чтобы вместе держать два лука (на расстояние двух луков) или еще ближе' [Боровков 1963, 215]; *Öртәрләр тонларінің башларінә та мәні көрмаса* 'Накрывают головы халатами, чтобы не видеть меня' [Там же, 248] и т.д.

Аналогично показателю -са участвует в подчинительных конструкциях гибридного характера и афф. -са. Гибридные конструкции с -са оказались неперспективны в своем развитии. Ареал их распространения, как и самой формы -са, ограничился в основном памятниками рунического и уйгурского письма.

У словные и неусловные союзы + -са. Конструкции имеют условное значение.

абам бірўк ... -са – Золотой блеск: *Абам бірўк бу атозүмін тітсәрм(а)н, ѿтру үлејүсүз сансыз мун kataklaryң картың базіг jірінің каның ігіг, ағрыбың коркынчың айман чың барчаны тітміш ыдаламыш болур м(а)н* 'Если я то свое тело погублю (развею), то затем без числа и меры этим окажусь

погубившим и отстранившим от себя все: и горести, и печали, и раны, и желваки, кровь и иное, болезни и недомогания, страх и опасения' [Малов 1951, 175, 182].

биrok ... -sar – др.-уйг. Бирок эшидмедин ол йолча барсарсан, улуг ойқа түшгэйсэн 'Если ты не послушаешь и пойдешь тем путем, упадешь (непременно) в большую яму' [Насилов 1963, 114].

качан ... -sar – уйгурский памятник буддийского содержания: Качан бодистенің атозін бошы бірміс jır орунка тәгділәр ärsär, юнта отруй бодистының сүңкүлләр, ынару бәрү анта мунта сачылын жатмысын көрүп... 'Когда они достигли той земли и места, где бодисатва пожертвовал своим телом, и после того, как они увидели разбросанные, лежащие в разных местах, там и сям, обглоданные кости бодисатвы' [Малов 1951, 178, 186].

нача ... + связочное образование ärsär – памятник уйгурского письма манихейского содержания V в.: Nācā äksütümüz k(ä)rgät(i)m(i)z ärsär, kün saju ai saju sui jaz uq qylur biz j(a)ruq t(a)nyri lärkä nom qutuqa aryy dintar lar qa suida jaz uqda bosunu ötünür biz 'И сколь (много) мы проявляли недостатков; каждый день и каждый месяц мы совершаляем грехи по отношению к светлым богам, к достоинству писания и святым священнослужителям' [Малов 1951, 120, 125]; уйгурский памятник христианского содержания XIII в.: manin, ilim içintä nacä iki jaš-da-a altyn oylan qu-a-lar lar ärsär, barçany ölüruñ-lär tip j(a)rlydady 'Идите и, сколько в моем государстве есть мальчиков от двух лет и ниже (т.е. меньше), всех их убивайте' [Там же, 136, 138].

В подобного рода конструкциях показатель -sar, как и -sa, может не иметь условного значения. Как и у -sa, у -sar обнаруживается его деепричастная природа. Ведущую семантическую нагрузку несет союзное слово, речение.

качан ... + связанное средство ärsär – уйгурский памятник христианского содержания XIII в.: Qaçan ol moyoč-lar Bidilx ut-qa tägdi-lär ärsär, ol jultuz räbrämädin šük turdy 'Лишь только те волхвы достигли Вифлиема, звезда эта не двигалась и остановилась' [Малов, 134, 136].

nätäg ... ärsär – юридические документы уйгур X–XIII вв.: Kiçigi-(a)m-tä bitig už-ik nom boqşut ögränmis üçün nätäg ärsär 'По причине обучения в малом возрасте письму и чтению священного писания, я (теперь) подумал: как бы то ни было' [Там же, 202, 208].

нäčä...-sar – юридические документы уйгур X–XIII вв.: Bu jirkä näčä igitur badsar, ikägi tän öndürüp, taryr biz 'Сколько засевается на этой земле, мы вдвоем, в равных долях представив, будем обрабатывать (землю)' [Там же, 216, 217].

нäčük...ärsär – уйгурский памятник христианского содержания XII в.: Ynçyp ol moyoč-lar näčük Uryslym-tyn önpär bardy-lar ärsär, ol jultuz j(a)mä olar-ny birlä baryr ärdi 'Так вот, как только волхвы вышли из Иерусалима и пошли, та звезда тоже пошла с ними' [Там же, 134, 136].

Тот же тип структурного построения обнаруживает и чувашский показатель -сан, также участвующий в гибридных конструкциях: хутъ тe...-сан – хутъ тe мен каласан тa, эпэ Хéветюса качча илместéн 'Что бы ни говорили, а я на Феодосье не женюсь' [МГЧЯ 1957, 329].

К числу гибридных общетюркских конструкций относится широко распространенная модель союзных образований в сочетании с трансформантами. Ведущая семантическая роль в этих конструкциях принадлежит союзовым образованиям.

неге + трансформант -атын + (вин. падеж); формирует объектные подчинительные конструкции: каз. *Неге қалатынын жесіне де айтпайды* (Дузлов, 96) 'Он не сказал даже бабушке, почему он останется'.

не + -атаган + (вин. падеж); формирует подчинительные конструкции: ног. *Ама оның не болатаганын аңылар уышын, эмбрион дегенін незат экенин билмеге керек* (Кень йоллар, 27) 'Чтобы понять, что он такое, нужно знать, что называют эмбрионом'.

қачан + -ачаг + (аффикс принадлежности) + (вин. падеж): башк. *Минең қасан қайтасагымды бөләнегезме?* 'Знаете ли вы, когда я вернусь?' [Дмитриев 1948, 245].

nerede, nası + -açak + (аффикс принадлежности) + (вин. падеж): тур. *Ve ben bütün korkuma rağmen, nerede ve nası biteceğimi bilmemişim bu merdi-veni kırıla kırıla çıkışıyorum* (Sabahattin 1966, 91) 'И я, не взирая на весь мой страх, весь согнувшись, поднимался по этой лестнице, которая, я не знал, где и как кончится (которой не было конца)'.

не (зат) + амаг + (аффикс принадлежности) + вин. падеж: ног. *Азрет оға не айтаяғын билмеди* (Кень йоллар, 20) 'Азрет не знал, что ему сказать'; *Ол заман не зат алайғын ойланды* 'Тогда он подумал, что бы такое купить' [Баскаков 1940, 148].

нә ваҳт + амаг + (аффикс принадлежности) + (вин. падеж): аз. *Тәнкә қалмиш әү шийәси, ғонағын нә ваҳт җедәнәйини сорушмага утандырыды* (Аталарап сөзу, 247) 'Хозяин дома извелся, но постеснялся спросить, когда уйдет гость'.

наме... + -амаг + (аффикс принадлежности) + (вин. падеж): туркм. *Сен мең наме дийжегими эшит* (Сарыханов 1951, 82) 'Ты послушай, что я скажу'; *Инди мен наме этчегими билмэн әглән гелийн* 'Теперь я не знаю, что мне делать — иду и плачу' [Дмитриев 1954, 87, 134].

нинди + амаг (аффикс принадлежности) + (вин. падеж): сиб. тат. *Нинди ат алычагын (алырын) белмәгән* 'Он не знал, какую лошадь будет покупать' [Ахатов 1963, 175].

нечик + -амаг + (аффикс принадлежности) + вин. падеж: кум. *Мен, уянгъанлы, тангала экскурсияны нечик оytгережекни гъакъында ойлашаман* 'Я, с тех пор как проснулся, думаю о том, как провести экскурсию завтра' [Джанмавов 1967, 257].

hara + -амаг + (аффикс принадлежности) + вин. падеж: аз. *Онлар көрәнекләри ишләри кимин hara я кедәmәйини вә haralara адам топлаячагыны данышырлармыш* (Шаббарлы 1954, 43) 'Они говорили о том, какие дела они осуществили, о том, кто куда поедет и где народ соберется'.

нәтәк... + ғу + (аффикс принадлежности) + вин. падеж: Среднеазиатский тифсир: *Сән jігрәк білүрсән мән оғланларым арасында нәтәк құлбумні* 'Ты лучше знаешь, что мне делать среди моих сыновей' [Боровков 1963, 56].

Союзные слова + трансформант -ан + (аффикс принадлежности) + вин. падеж. Формируют объектные конструкции.

кайгадар + -ган: ног. Айсе книгасын окыйды, а Муса июнь айында сыйырлардан кайвадар сүйт савылганын санайды (Кенъ йоллар, 26) 'Айсе читает книгу, а Муса считает, сколько надоили от коров молока в июне месяце'.

қайда + -ган: ног. Кайда(n) барганын, кайзаман келеегин ол мага айтып юрмейди [Абдулжалилов 1959, 32] 'Когда он пошел, когда он придет – он мне не говорил (докладывал)'; кбалк. Да, Бызынгы алғын къайдан келгенин не билейим 'Ну, Безенги раньше откуда пришел, не знаю' [МБД 1962, 54, 55].

къалай... + -ган: кбалк. Мени кёнчегим къалай болғанын кёрмеймис? 'Ты не видишь, какие стали мои брюки?' [Жарихин 1941, 133].

қандай... + -ган + (аффикс принадлежности) + вин. падеж: каз. Оның қандай себептен қалып қрыйғанын сайтан білсін (Актанов, 10–11) 'Черт знает, по какой причине он отстал'; кирг. Батма ак тамга қандай жетип барганын сезген жок (Жусупов, 10) 'Батма не почувствовала, как она подошла к белой избе'; узб. Шундагина бу ерга қандай келиб қолганимни ўйладим (Аҳмәд, 13) 'Только (в это время) тогда я подумал, как я здесь оказался'.

ким (косвенные падежи) + -ган: алт. (сев. диал.) Акча дьогына кем бергенин көрдинъ? 'Кого ты видел, чтобы без денег давал?' [Баскаков 1966, 72].

ким + трансформированная связка экенни: кум. Гъали билдим ол адам ким экенни (Ягыяев, 12) 'Сейчас я понял, кто тот человек'.

не... -ган: кум. Газетни охумайгъан адам дюнъяда не болагъанны, бизин яшавубуз нечик оъсегенни, къалгъан уълкелердеги халқълар нечик яшайгъанны билмей 'Человек, который не читает газет, не знает, что происходит в мире, как развивается наша жизнь, как живут народы других стран' [Джанмавов 1967, 180].

не заман + -ган: Жыйынны не заман башланагъанын билмей къайтын къалмагъа тюшюдю 'Пришлось вернуться, не узнав, когда начинается собрание' [Там же, 282].

ни турыда + -ган: тат. Бик арыдыңмы? – диде Мансур – Нарсә? – диде нарун, аңын ни турыда сораганын анлат житмичә (Фаттәх 1966, 85) 'Очень устал? – спросил Мансур. – Что? – сказал Харун, не понимая, о чем он спрашивает'.

неге + -ган: каз. Жұмабайдың неге ашууланғанын ұғып тұр (Дүэзов, 5) 'Он понимал, почему Жумабай сердит'; кум. Гелинни ата-анасы бизин неге къабул этмегенни шо ғон билдик (Ягыяев, 147) 'В тот день мы узнали, почему нас не приняли родители невесты'.

нек + -ган: кбалк. Да, ол экиси темирни, сууну, кырдыкны да нек салғынларын билигиз сиз 'Ну, оба они железо, воду, траву зачем клади – узнаете вы' [МБД 1962, 52].

нима + -ган: узб. Анвар у нима дейтганини тушунмади (Аҳмәд, 7) 'Анвар не понял, что он говорил'; Жапак шошилганича доктор айганини қилас экан, аёлнинг пешанасидаги тернинг совуклигини күриб, шу киска вақт ичиде докторнинг юрагидан нималар кечганини тушинган (Чашмалар, 65) 'Жапак, растерявшись, делал то, что говорил доктор; увидев холодный пот на лбу женщины, он понял, что происходило в сердце доктора за то короткое время'; уйг. Немә болгинини аңқиралмай кэтигэ кирдим қара (Босаков, 15) 'Не разобрав, в чем дело, я вмешался в разговор'.

нече + -сан: кирг. Ал саат нече болгонун билбейт 'Он не знает, который час' [Альпиев 1953, 107] : Родословная туркмен: Нäчä јыл öткäni i джäзм äтä bilmajmäz 'Мы не можем решить, сколько лет прошло (с тех пор)' [Кононов 1958, 144].

нечик... + -сан: кум. Сорамайлы, ишни нечик болғанын айтмағын болмайман 'До тех пор, пока не спрошу, не могу сказать, как было дело' [Джанмавов 1967, 259] и т.д.

Союзные слова + трансформант -сан + (аффикс принадлежности) + дат. падеж формируют объектные конструкции: ккалп. Жумагул ол кисиниң не ушын бүгін науқасдана қалғанына тусынбеди (Қайыпбергенов, 7) 'Джумагюл не догадалась, почему тот человек заболел'.

Союзные слова + трансформант -сан + (аффикс принадлежности) + местн. падеж формируют обстоятельственные конструкции (времени, условия и др.).

агар, әгер, егер... + -сан: башк. Эгәр клуб ителгэн иске мәссетте иçкә алмаганда, ауыл бетөнләй үзгәрмәгән кеүек (Гиләжев, 19) 'Если не принимать во внимание старую мечеть, в которой создали клуб, деревня будто и не менялась'; каз. Егер сол кезде топтың алдыңғы жағынан біреудің өктем даусы шықпағанда, Олжай шатақ шығаратын еді 'Если бы в это время впереди не раздался повелительный голос, Олжай поднял бы скандал' [СКЯ 1962, 412]; узб. Агар ҳамишира чиқиб беморларни кечки овкатга таклиф қылманида, биз яна анча вақтгача сухбат курган бўлар эдик (Чашмалар, 56) 'Если бы не пришла сестра и не пригласила бы больных на ужин, мы бы еще беседовали до позднего времени'; Агар мен кетмаганимда сизга бу баҳт қаёқда эди 'Если бы я не уехал, то где бы Вам было это счастье! (т.е. то и не было бы Вам счастья)'.

качан... + -сан: алт. (Качан) мен бичигенимде, ол менен дъанымда отурган 'Когда я писал, он сидел рядом со мной' [Дыренкова 1940₂, 271]; кирг. И.В. Мичурин качан ата мекендиң бакъачығылыкты кайра куруу болюнча өзүнүн жумушун баштаганда, ал өзүнүн алдына эки милдет коёт 'Когда И.В. Мичурин начал свою работу по преобразованию отечественного садоводства, он поставил перед собой две задачи' [Сартбаев 1953, 31]; добн. Качан башига күн түшкенде шу түкні отка салын, мен хазыр болуимен 'Когда у тебя будут трудные обстоятельства, то этот пух положи в огонь, и я тотчас явлюсь' [Малов 1956, 30].

Союзные слова + трансформант -сан + (аффикс принадлежности) + исх. падеж. Формируют объектные конструкции.

ним + -сан: узб. Отамни яйловга олиб келишганда мен хушимга келган, нима ҳодиса бўлганидан беҳбар ётар эдим (Чашмалар, 68) 'Когда моего отца привезли на джайлау, я пришел в себя и лежал, не зная, что происходило'.

Союзные слова + трансформант -сан + падежные формативы или служебные слова.

елә + -сан + заман. Формируют конструкции, передающие временное соотношение действий: аз. Елә Tahir ичәри кирән заман қозларинин јашыны төкә-төкә олды [АХД 1961, 30] 'Как только Тахир вошел, она стала обливаться слезами'.

нәме + -сан + (аффикс принадлежности) + вин. падеж. Формируют объектные конструкции: туркм. Управляющиниң нәме диймекчи боляны Аман

үчүн ончаклы айдың даңди (Мәммедов, 61) 'Что хотел сказать управляющий, для Амана не очень было ясно'.

нирә + ан + (аффикс принадлежности) + вин. падеж. Формируют объектные конструкции: түркм. *Оның ким билен гиденини ве нирә гиденини сиз билмэли дийди* (Сарыханов 1951, 35) 'Она сказала, что вы должны знать, с кем она уехала и куда уехала'.

нәхили + -ан + (аффикс принадлежности) + вин. падеж. Формируют объектные конструкции: түркм. *Шол ерде болан бир гижәмин нәхили геченини билмәдим* (Сарыханов 1951, 13) 'Я не почувствовал, как прошла (там ночь)'.

кам + -ан/-екен. Формируют в чувашском языке определительные конструкции: *Кам пёлен* (или *кам пёлекен*) ын вулăт 'Кто умеет, тот читает' [Ашмарин 1903, 401]¹.

Союзные слова + -нä/-нë. Формируют в чувашском языке объектные, реже – обстоятельственные конструкции.

аста + -нä/-нë: *Малашине ёнтë тилле шанмän ана ёcta курна,* унта пëтерëп 'С этого времени я уже не буду доверять лисице, и лишь только где ее увижу, тут же и прикончу' [Ашмарин 1903, 403].

мён + -нä/-нë: *Ванюш сäмах мён пирки пынине аван ўнланчë* (Ухли, 13) 'Ванюша хорошо понял, о чем идет речь'; *Пирвайхи ихвисë уйăх хушишче Виктор ёлëкрах мён вëреннине аса юлчë* (Талвир 1952, 97) 'В течение двух – пяти месяцев Виктор восстановил все, что он учил раньше'.

мëншëн + -нä/-нë: *Этë мëншëн кунта ларнине хëр аванах сисет* (Алендей, 14) 'Девушка хорошо знает, почему я здесь стою'.

Союзные слова + -ганлыг/-гандык + (аффикс принадлежности) + вин. падеж или служебные слова. Формируют объектные конструкции.

қандайча + -ганлыг: кирг. Чал өзүнүн жыйырма беш жашка кайдайча чыккандыгын, энсегөн күлгүн курагын көз алдына келтирди (Жусупов, 14) 'Старик представлял себе, как он достиг двадцати лет, – поры желаний, расцвета'.

қандай + -ганлыг: узб. Унинг қандай халок булғанлигини сөн ҳам билиб қўйгин (Чашмалар, 83) 'И ты знай, как он погиб'.

қандак, қачан + -ганлыг: уйг. Параң жэриянида буларниң отлуқ яш қоллири бир-бىرسигэ қачан вә қандак қолтукучишип қолғанлигини өзли-риму сазмэнту! (Босаков, 10) 'Они сами и не заметили, как во время разговора сплелись их горячие молодые руки'.

къайдан + -гъанлыгъын гъакъында: кум. Янтыкъ булан Къибит йимиклердеги эсгиликни къалдыкъулдулары къайдан болагъанлыгъын гъакъында политкружокда охугъанларындан излен тапмагъа гъаракат эте ве шулай ойлаша туруп, индыргъа бағъын гетди 'Он направился к тому, размышляя о том, откуда берутся пережитки старого в сознании таких, как Янтик и Кибит, и стараясь найти ответ в знаниях, полученных в политкружке' [Джанмавов 1967, 97].

нема үчүн + -ганлыг + (аффикс принадлежности): уйг. Озиниң немә үчүн нойлида турғанлиги ядиға келип, тәшиши билэн неминидү күтти (Босаков, 10).

¹ Н.И. Ашмарин находит здесь смешение двух конструкций древней и новой: относительное местоимение (кам, мён) сохраняется, а глагол определительного предложения превращается в причастие [Ашмарин 1903, 401].

кров, 36) 'Вспоминал, зачем он стоял во дворе и с беспокойством что-то ожидал'.

Союзные слова + *-андыг* (аффикс принадлежности) + вин. падеж также формируют объектные конструкции: туркм. *Итем кимиң чөрек берівнди-гина билігэр* 'И собака помнит, кто ее кормит' [ФСл. 1963, 51].

Союзные слова + *-гандай/-гандек* формируют в узбекском языке обстоятельственные конструкции (причины, сравнения)

гүё + *-гандай*: узб. *Ихтиёрсиз чўри қўрқанидан, яқинроқ келиб, гўё бирон юмуш кутгандай, чўккашию ўтири* (Ойбек, 44) 'Поскольку служанка (рабыня) невольно испугалась, она подошла поближе и как бы в ожидании какого-то поручения присела на корточки'; Гўё узок замон қўришиш гандай, ҳол-аҳвол сўрашди (Там же, 15) 'Словно долгое время не виделись, расспрашивали о житье-бытье'.

чунки + *-гандек*: узб. Чунки башара нонга чумоли ёпиши гандек соқолмурт билан тўлиб мўйчинакка сўз берарлик бўлмади (Кодирий 1959, 64) 'Так как физиономия вся обросла растительностью, как муравьями лепешка, пинцет был бессилен'.

Союзные слова + *-анча, -анча, -гунча, -ғынча . . . , -ынча* и др. формируют обстоятельственные конструкции времени.

тә . . . + *-анча*: туркм. *Ол шейле тилирленип, олара тә даң атаянча саз чалып бермәге азуни боюн эдин геліарди* (Сарыханов 1961, 7) 'Так думая, он пел, уговаривая себя играть им до самого рассвета'.

та . . . + *-гунча*: узб. Узокдан буни кўриб турган овчи то югуриб келгунча тулки қочиб кетибди (ЎЭ, 36) 'Пока добежал охотник, который видел это издали, лисица уже убежала'; То очиқ майдонга чиқиб олгунимча бошим айланниб, кўзим тиниб кетди (Аҳмад, 11) 'До того как я вышла к открытому месту, голова у меня кружилась, а в глазах потемнело'; Родословная туркмен: *Та Джаныбак хан ölgўнчай Абулханда олтурдылар* 'Они жили на Балканах вплоть до смерти Джаныбек-хана' [Кононов 1958, 168–169].

ҷүн + *-ғынча*: хорезмские памятники XIV в.: бир пийада неча йурууб кеткай ҷүн тәвәләр арыб сөкал болды, семиз аруқ болуб тулэнгинчә, көн аруқлар түшуб йатыб өлди 'Пешеход может идти даже до тех пор, пока верблюды устанут, пока толстый станет тощим, тощие (уже) упали и умерли' [Фазылов 1966, 69].

ки . . . + *-уучи*: Золотой блеск – *Oqysar, m(ä)n ol bitig ičinta ol küm ki biz iñ as ta ölürküči*, – *ud, qojup, tonuz bašlap tynl(y)ylar nyuŋ sav y turur* После прочтения (я увидел), что в грамоте заключалась жалоба (букв.; слова) животных (убитых) в тот день нашего (свадебного) пира, начиная с быков, овец и свиней, и что я их убийца' [Малов 1951, 154, 158].

та + *-ынча*: аз та өлүнкә эл көтүрмәнам сәндән (Вагиф, 45) 'Пока я не умру, я не прекращу любовной связи с тобой'; тат. Таа зенгин гиринжә аул ичинә, көпекләр сармышлар ону да пайсыныш лар дартмаа онун мешинерини (Карабован, 11) 'Как только он вошел в аул, собаки окружили его и принялись дергать за его кожаные штаны'; тур. *iá kapdar karaatışsuya kadar orada bekliyordum* 'Я ждал там вплоть до тех пор, пока не были закрыты двери' [Кононов 1956, 482]; туркм. Тә еңимден адам чыкяңча, хич киме айтмарын 'Пока мне кто-нибудь не повстречается, никому не скажу' [Потапьевский 1943, 81].

песик + *-инса*: уйг. Көзни укиңга қанча тиккәнсири, бирәр дәһшәтлик

налар жүрәккә қониду (Тохтамов, 33) 'По мере того как он смотрел на него, сердце его наполняли ужасные чувства'.

качан + -сац тат. (миш. диал.) Качан кәм Казан алынгац Иван Грозный Касим ханныңын Шахам-га айрыб бәрәгән 'Когда Казать была взята, Иван Грозный Касимовское ханство Шахалию, отделив, дал' [Шакирова 1949, 141–142].

Союзные слова в сочетании с трансформантом -дыг + (аффикс принадлежности) + вин. падеж формируют объектные конструкции.

ани + -дыг: гаг. *O-da tanıdb ozaman dni o David oldunu* 'А он тотчас понял, что это и есть Давид' [Дмитриев 1962, 266].

ким + -дыг: аз. Ким олдуеумузу биләрсән (Мәһди 1954, 78) 'Ты знаешь, кто мы такие'; тур. *Kimin yattığını göremiyordum* (Sabahattin 1966, 93) 'Я не мог видеть, кто лежит'.

не + -дыг: гаг. *O o saat gitmisi bobasyna söləmää ne ýapтыны* (Карабаш, 10) 'Тогда он пошел к своему отцу сказать, что ему делать'; тур. *Ne ʃetek istedigini anlamayıarak yüzüne baktı* (Sabahattin 1966, 94) 'Не поняв, что он хотел сказать, я посмотрел на него (ему в лицо)'; *Hoca bir gece yatarken, sokakta bir gürültü işitti ve hemen ne olduğunu anlamaya meraklınlığı* (Nasreddin, 21) 'Однажды ночью, когда Ходжа лежал, он услышал на улице шум и тут же захотел узнать, что произошло'; *Herkes müfettişlerden neler çektiğine, müfettişlerin neler uaptığına dair hikâyeler anlatıyor* (Nesin 1962, 21) 'Каждый рассказывает разное о том, что он вынес от ревизоров'.

на үчүн + -дыг: аз. *Na үчүн бураја қалдикләрини данышды* (АХД, 45) 'Он говорил, почему они сюда пришли'.

нейи + -дыг: тур. *Cocuk bu bakışları neyi ifade ettiğini bilmiyordu* (Halikarnas, 41) 'Ребенок не знал, что означали эти взгляды'.

нечин + -дыг: гаг. *савашарды аннатмаа Шулай нечин гелдини* (Карабаш, 89) 'старался объяснить Шулай, почему он пришел' и т.д.

Союзные слова в сочетании с трансформантом -дыг + место. падеж формируют обстоятельственные конструкции (времени) – Золотой блеск: *Qaçan bu (tört jæk lär mini bir) äv qabyuγ uta (iltidükülä), ötrü ol kök tonlyuγ bág at tuq qody tüssüp, mini oqydy* 'Когда эти четыре демона привели меня к воротам одного дома, тогда тот начальник (из них) в голубой одежде, сойдя с коня, призвал меня' [Малов 1951, 154, 157]; *Qaçan anta tägdükta ärklig qan puyq qatur qatuγ qayıt u alymtuγ laryu... ayyur töru...* 'Когда ты туда явишься, истцы (твоей жизни) у Эрклик, хана сурового и тяжелого, наказания будут просить...' [Там же, 155, 159].

Союзные слова в сочетании с трансформантом -дыг + служебные слова формируют обстоятельственные конструкции (образа действия).

андас кім + -дүкі/кәбі: Среднеазиатский тифсир: *Күлгәj андаңкім кағірлар буларға күлдүкі кәбі* 'Засмеются так же, как неверные смеялись над ними' [Боровков 1963, 188].

Союзные слова в сочетании с трансформантом -дикча образуют обстоятельственные конструкции меры и степени и др.

качан + -дикча: тур. *Kaçan deliler hakkında yeni haberler alındıkça dinleyicilere bildirilecektir* (Nesin 1962, 3) 'По мере того как о сумасшедших будут поступать новые сведения, они будут сообщаться нашим слушателям'.

Союзные слова в сочетании с трансформантом -мыш + (аффикс принадлежности) + вин. падеж формируют объектные конструкции.

ким + -мыш: Среднеазиатский тифсир: *Джәбра'іл білді кім мәрjам қорқ мишінгү* 'Джебраил узнал, что Марьям испугалась' [Боровков 1963, 100].
неким + -мыш – Подарок Истин:

اکر بىلسا کاشقار تىلىن ھركىشى

بىلور اول ادیب نىنك نىكىم آيمىش

'Если кто знает кашгарский язык, то он будет знать все, что сказано этим поэтом!' [Малов 1951, 193, 321].

Союзные слова в сочетании с трансформантом -р + (аффикс принадлежности) + вин. падеж формируют объектные конструкции.

қая + -р: тат. *Барасың, барасың қырмыска кебек, ташбака кебек...* қая барың ҹыгарынны үзен ә белмисең (Фаттах 1966, 73) 'Идешь, идешь как муравей, как жаба... куда выйдешь, сам не знаешь'.

қайда + -р: каз. *Осындай істерден сырт қалған және қайда барары малім емес* (Әзизов, 76) 'Оставилсь вне таких дел, он и не знал, куда податься (было неизвестно, куда он пойдет)'; хорезмские памятники XIV в.: *Киши қайда өләрин билс болмас, ҳақықат йәрыйдын айрылса болмас* 'Нельзя знать, где умрет человек, невозможно расстаться с истинным другом' [Фазылов 1966, 39].

не + -р: ккалп. *Оқыу қыйын бола ма екен? – деди Сейтжаның қызы Гүлжан басқа не сорарын билмей* (Қайытбергенов, 41) 'Разве учеба бывает трудной, – сказала она, – дочь Сейттана не знает, о чем другом спросит Гульджан'; кирг. *Башкалар не дәэрин билбеймин* (Садыкбеков, 6) 'Другие что скажут – не знаю'; Родословная туркмен: *Нә қылуруңы сән жаҳы білүрсән* 'Ты прекрасно знаешь, что ты должен сделать' [Кононов 1958, 166].

нә waqt + -р: Среднеазиатский тифсир: *Білмән кім қіїjamат нә wqkt болурні* 'Я не знаю, когда настанет день судный' [Боровков 1963, 101].

ним + -р: узб. *Ҳайратдан аерайиб қолган Жатақ нима қиласини билмай турганида доктор кулимсираган ҳолда унга қараб, илтимос қилган* (Чашмалар, 65) 'Когда растерявшийся от удивления Жапак стоял, не зная, что ему делать, доктор, глядя на него, улыбаясь, обратился с просьбой'; уйг. *Немә қиласини билмастин, ейигиму йетип кэлди* (Төхтэмов, 35–36) 'Не зная, что ему делать, он добрался домой'.

нäçýk + -р: Родословная туркмен: *Кимәні начýк ясарын көрсәтді* 'Он показал, как ему построить судно' [Кононов 1958, 140].

Союзные слова в сочетании с трансформантом -р + местои. падеж формируют обстоятельственные конструкции.

қачан + -р: алт. (южн. диал.) *Качан Боколу келерде, бай айткан...* 'Когда к нему пришел Боколу, бай сказал...' [Баскаков 1958, 83].

Союзные слова в сочетании с трансформантом -ыб образуют обстоятельственные конструкции (времени).

анча қынча + -уп – Золотой блеск: *Анча қынча бодіств тігін нің улуұты ічі сі jip табрәмісін көрүп, інісің ынча тін тіді* 'Как только самый старший брат царевича бодисатвы увидел землетрясение, то сказал своему младшему брату так' [Малов 1951, 176, 183].

қачан + -уп: алт. (сев. диал.) *Дъуван қачан кижи сагышы кирин эр пойы полуп иаза ла парты* 'Когда Иван возмужал (букв.: когда вошел в ум взрослого человека) и стал мужчиной, он также поехал' [Баскаров 1965, 37].

тә + -ып: туркм. *Узак гыш гижелеринде тә даң атып, жұхан ягтылянча ол саз чаларды* (Сарыханов 1961, 6) 'Длинными зимними ночами он играл, пока не рассветет (не посветлеет, наступит день)'.

Союзные слова в сочетании с трансформантом -ыш + (аффикс принадлежности) + вин. падеж формируют объектные конструкции.

қандақ + -иши: уйг. *Лекин сөзини қандақ башлашни билмайды* (Босақов, 31), 'Он, однако, не знал, как начать разговор'.

нима + -иш: узб. *Нима дейшишимни билмай дудукландим* (Аҳмад, 16) 'Я заикался, не понимая, что говорю'; *Анвар нима дейышни билмай ушаниб холди* (Там же, 8) 'Анвар задумался, не зная, что ему сказать'; уйг. *Манап болса, немә дейшишини билмәй қызирип-татирин, йәргә қарап турмақта еди* (Босақов, 13), 'Я, Манап, не зная, что мне говорить, краснея, бледнея, стоял, потупя взор'.

Союзы, союзные слова в сочетании со служебным элементом *дейә/дуи* формируют объектные конструкции.

anı + deji: гаг. *Karlısy o sat appatıştı anı o saldat deji* 'Женщина сразу догадалась, что это был солдат' [Дмитриев 1939, 18].

ки/ким + дейә, дейиб – настоящая конструкция распространена в памятниках южных и среднеазиатских языков. Огуз-наме: *Огуз қаған j(i)gитнің сөзүн j(a)кші көрді сәвінді күлді takı aittі kім мәнгә көб алтун јумшабсан балуқні jakші саклабсан дәб дәді* 'Понравились слова юноши, обрадовался он, засмеялся и говорил: – Много золота приспал ты мне, город хорошо сохранил' [Щербак 1959, 43–44].

* * *

К числу гибридных конструкций, выражающих подчинительный характер отношений, относятся сочетания показателя условного наклонения -са с частицами. Гибридизация в данном случае является особым приемом; направленным на синтаксическое усовершенствование языковой структуры. Настоящие конструкции представляют стандартизованную модель во всех тюркских языках для выражения уступительности, реже – других подчинительных значений.

-са + -ақ – передает временное соотношение с действием главного предложения: каз. *Жағалау қаймақтанып, кілегейлене бастаса-ақ арқадан шыққан қатты жел алсіз мұзды бет ашыққа айдан, қуын кетіп түреан* (Нұрпейісов, 8) 'Как только у берегов начинает замерзать вода, ветер с севера гонит лед'; Сары тайлақ женге түсे бастаса-ақ, Жалмурат кеп түйенің ішінен сары іңгенді іздейді (Там же, 62) 'Как только рыжий жеребенок привыкнет, Жалмурат тут же отыщет его среди множества верблюдов'.

-са + велин – передает условный характер отношений: туркм. *Инди салыңда бир зат болайса велин, мен жогапкәр дәл* (Маммедов, 66) 'Если уж что-нибудь случится с твоим правым виском, я не отвечаю'.

-са + да: аз. *Рустэм киши Мајанын еңтиjalты бахыларны hiss етсә да, фикир вермірди* (Ибраһимов 1966, 66) 'Хотя Рустам-киши и чувствовал настороженные взгляды Майи, он не обратил внимания'; гаг. *Качсан да*

иетишмейжан етишсән да алмыйжан 'Хоть и бежишь — не догонишь, хоть и догонышь — не отберешь (ребенка)' [Покровская 1964, 218]; каз. Абайдан жасы үлкендеу болса да, ол құрбыша ашна еді (Дүэзов, 15) 'Хотя он был немного старше Абая, но он все равно чувствовал себя его ровесником и поэтому откровенничал'; Кейде кешігін қалсам да столдың, басына қарай аяқдай берегін болым (Ақтюнов, 7) 'Хотя я иногда опаздывал, я привык приходить к началу застолья'; ккалп. Ер ёлсе де, къаде ёлмес 'Хотя герой и умирает, его обычаи не умирают' [ККРСл. 1958, 866]; кирг. Акмат берилген тапшырманы жакши түшүне албай калса да, күп деп дөтерди алды (Назир, 25) 'Акмат хотя и не мог хорошо понять заданное упражнение, охотно взял тетрадь'; кум. О къатын башлап сойлемей къалса да, сонгъ айта 'Та женщина, хотя сперва и не отвечала, но под конец говорит' [Дмитриев 1940, 200]; ног. Ел джатса да, ели мен джатпас (малдынъ муййузы) 'Хотя весь народ и лежит, он с народом не ложится (рога скота)' [Баскаков 1940, 188]; Ҳәзәр инде дарсам да, берәүне дә туры китерә алмам, бушка гына йери булыр (Хөсни, 53) 'Хоть и сейчас пойду, никого не смогу привести, пустое хождение получится'; тув. Байлад ядараза-даа, ямбыырган салбас 'Богачи, хотя обедняют, своей похвальбы роскошью не оставят' [Исхаков, Пальмбах 1961, 403]; тур. Uçsan da kuş değilsin 'Хоть ты и летаешь, а все-таки не птица' [Кононов 1956, 534]; туркм. Эҗегыз ятса-да, гөзүнө хич укы гелмейэрди 'Хотя Эдже-гыз легла спать, она никак не могла заснуть' [Ходжаев, 9]; шор. Кайчи кижи корукса даа, ныбакты ужына төёнче аппараган 'Сказитель, хотя и испугался, сказку до конца рассказал' [Дыренкова 1941, 300].

В чувашском языке уступительная конструкция образуется сочетанием показателя -са или -сан с частицей та/те. Ср.: Ара... уйăх ёслесе те ёсе ўер-келлë в  ренсе пўлмаф  (Талвир 1952, 25) 'Да... хотя я и работал месяц, не смог как следует научиться работать'; Й  п чиксе те ку   курмасть 'Хоть иголкой выколи, глаза ничего не видят' [МГЧЯ 1957, 247]; Сум  р ўёпетсен те, х  вел тип  тет, тессе 'Если дождь и мочит, солнце сушит' [Там же 251]; П  лмесен те, йурла 'Хотя и не умеешь (теперь), а пой' [Ашмарин 1923, 126].

Фонетической разновидностью частицы да является вариант ла: башк. Карттың улы бал  кай булна ла акы eter 'Сын у старика хоть и мал, да ум у него острый' [Дмитриев 1948, 270].

Возникнув на почве логической акцентуации, частица да/ла довольно свободно перемещается, тяготея занять место непосредственно после слова, которое ею выделяется: аз.(муган.) Лотқа қв  нна д   олса, эмма яхчи үзирди [ГМГ 1955, 164] 'Хотя лодка и была старой, но она хорошо плавала'; алт. ырак-та болзо, келерим 'Хотя и далеко, (все равно) приду' [Дыренкова 1940₂, 290]; тув. М  эн келиримни билб  зен-даа болза, манап турган 'Он ждал, хотя не знал, что я приду' [ТРСл. 1955, 721].

-со + деле: кирг. Ушунусу болсо деле сулуу корунет, деди ал (Жусупов, 15) 'Хотя бы и так, но она кажется красивой, — сказал он'.

-са + дагы: кирг. Келсе дагы 'Хотя бы он и пришел' [КРСл. 1965, 180].

-са + ку: узб. Орадан йигирма кун ўтса-ку болага исм қўймасар, деб отаонани айлаш оғир (Қофирий 1959, 40) 'Если даже и через 20 дней после рождения ребенка не дадут имя, трудно обвинять (в этом) родителей'.

-са + ма: уйг. Омида 7-8 адэм ишл  ватқан болсуму, уларниң, һ  р кай-

сиси пәкәт ез ой-пикирлири биләнла бәнт (Босақов, 24) 'Во время жатвы работали семь — восемь человек, и каждый из них был занят только своими мыслями (думами)'.

-са + *hem/хам*: туркм. *Өлдүрсөн hem, мен сениң диен (и)ни эди-бүлжек таллирин* 'Если даже и убьешь, все равно я не могу сделать то, о чем ты говоришь' (Туркм. сказки, 131); узб. *Бу гаплар менга маъкул келмаса ҳам, уни тинглашга мажбур бўлардим* (Чашмалар, 118) 'Хотя мне этот разговор и был не по душе, я вынужден был его слушать'; Султонмурад подшоҳ блан Алишер Навоий орасида эски дўстликни эшишган бўлса ҳам, тез кунда бундай юқори вазифага кутарилишини хаёл қилмаган эди (Ойбек, 28) 'Хотя он и слышал о старой дружбе падишаха Султанмурада и Алишера Навои, но не представлял, что последний так повысится в должности за короткий период'.

-са + частицы ҳам и ки: узб. *Самсоқ ота сиздан бемаслаҳ ат бўлса ҳамки, ўғлингиз ўрмонни колхозга раис қилиб сайладик* (Яшин, 129) 'Самсоқ-ота, хотя и не посоветовались с вами, вашего сына мы выбрали председателем колхоза "Урмон"'; Бедармон бўлсан ҳамки, тўпиқидан насти олиб ташланган ўнг сёғимга қалин пахта, латта-чутта ўраб, оддий тол ёёчидан қилиб беришган қўлтиқ таёққа тиранни юрабошлидим (Чашмалар, 68) 'Хотя я был еще слаб, но начал ходить, опираясь на костьль, сделанный из обыкновенной ивы, толстый (слой) ваты на правой ноге, сломанной ниже щиколотки, был обмотан тряпьем'.

-са + чи, чу — конструкция чаще имеет оптативное значение: кум. *Къолайланып, къыргъа чыгъып болағъан болсам чы, бир де ялкъамажакъ эдим* 'Если бы я, поправившись, смог выходить из дома, то нисколько не скучал бы' [Джанмавов 1967, 251]; узб. *Миннатдорчилик билан икки бўзни узатдим; асти олса-чи* (Қодирий 1959, 61) 'Я с благодарностью послал два куска бязи; пусть же будет подкладкой'.

-са + у/ю: узб. *Хизматимга ўнча одамлар тайёр турса-ю, дунёдан фарзандсиз ўтсам, мен хафа бўлмай ким хафа бўлоин?* (ЎЭ, 114) 'К моим услугам ведь столько людей, но если я уйду из мира бездетным, то кто будет горевать?'

При анализе конструкций "трансформант + частица союзного порядка" трудно бывает определить синтаксическую функцию частиц — эмфатическая или союзная.

-а/-май + да/-ла — а) имеет усиливательное значение: кум. *Гъали екген атларыбыз чы жари, сен гъайдамай да, чаба* 'Лошади же, которых мы запрягли сейчас, скачут, хотя ты и не погоняешь их' [Джанмавов 1967, 264]; Булар чы, сен чакъырмай да, гележек 'Эти придут, хотя ты и не будешь их приглашать' [Там же]; ног. *Азрет уйге бек каранъа болмай да келмеге болаяк эди* (Кень юллар, 3) 'Азрет должен был прийти домой, хотя не было еще очень темно'; б) передает временное соотношение двух действий: уйг. *Йерим saat өтмайла, Алимжанларниң дәрвазиси алдиға жүк машиниси келип токтиди* (Тохтамов, 41) 'Не прошло и получаса, как к окну Алимджана подъехала и остановилась грузовая машина'; Адилниң калгинига бир аз вақит өтмайла, өйга холум-хошнилар киришкә башлиған еди (Там же, 21) 'Прошло еще совсем немного времени после приезда Адила, когда в дом начали входить соседи'.

-а/-май + ақ — выражает временное соотношение двух действий: ккалп.

Ардан бир хәнте өткөрмей – ақ ол Тәңірберген келгенин еситти (Қайыпбергенов, 29) 'Не прошло с тех пор и недели, как он услышал, что приехал Тениберген'.

-еан + (аффикс принадлежности) + бірлә + őк – памятник уйгурского письма: öelənү биrlä őк öтрү ilälärin öryü көтүрүп, улыју сыңтају, ынча тін тасқурдылар 'Когда они только что пришли в чувство, то, руки свои воздев вверх, плакали и рыдали и так читали стихи' [Малов 1951, 178, 186].

-гандай-гандан + ақ – выражает временное соотношение двух действий: ккалп. Мешиттинг сыртқы қапысынан кигеннен-ақ бакырысын օкын отырған балалардың ғауырлысы еситилди 'Как только (он) вошел через наружную дверь мечети, послышались голоса ребят, читающих хором' [Насыров 1953, 186].

-рансай + ақ – имеет обстоятельственное значение образа действия: каз. Құғынышы ойлағандай-ақ шоқпарды жәндеп сұыртпады (Әзазов, 5) 'Как и думали, преследователь не дал возможности вытащить чокпар (дубину)'.

-еан + (аффикс принадлежности) + вин. падеж + да – имеет объективное значение: ккалп. Ол Төребайдың бир ай аўылда болмаганын да билмейтуғын еди (Қайыпбергенов, 19) 'Он не знал, что Тёребай уже месяц не находится в ауле'; кбалк. Билгендиле ётхенин да 'Узнали, что перешел' [МБД 1962, 39, 40]; кум. Юртгъа къайтмай, сен армиядан гелгеннин де англамадым 'Пока я не вернулся в село, я даже не слышал, что ты приехал из армии' [Джанмавов 1967, 258].

-ғанда + да/ла – имеет обстоятельственные значения времени, условия: башк. Мин урманда йөргөнда ла, ағас башында йоқлағанда ла, һин минең күңелемдән китмәнең 'Когда я бродил по лесу и когда спал на дереве, ты не выходила из моего сердца' [Дмитриев 1948, 263]; тат. Хат берничэ тапкыр уқылды. Грийда утырганда да осбашын алмыштырганда да, Хаятның кузләре гел хатта иделәр (Кутуй, 163) 'Письмо прочитывалось несколько раз. Когда Хаят сидела в гриме или переодевалась, ее глаза всегда смотрели в письмо' (бук.в 'были в письме'); каз. Қызы болеанда да Құрлайға арналеанына қуанамын (Серәлиев, 15) 'Если будет девочка, я буду рад, что она предназначена Курлаю'.

-ған + служебное слово чаң + (местн. падеж) + да/ла – выражает временное соотношение действий: уйг. Пәкәт шу иш аяқлашқан чаедила йеник дам елип, пүт-қоллирини арамхуда сунун үхлайдиған (Босаков, 43) 'Однако, когда то дело закончилось, он, вздохнув, расслабил руки и ноги и заснул'; Рәис йолбашчилиғидики қириқ адәм пәкәт таң чолтини көрүнүп, кәң далалар сузулушика башлиеандила, йезиға қайтти (Тохтамов, 34) 'Как только показалась утренняя звезда и начали проясняться (обозначились) широкие дали, сорок человек под руководством председателя вернулись в свою деревню'.

-ғанда + деле – передает временное соотношение действий: кирг. Баары бир, атасы үйде болгондо деле таң азанда короз кыйкырар замат ишке кетип, тун жарымында араң кайтат (Назир, 9) 'Все равно и тогда, когда его отец был дома, он шел на работу рано, на рассвете, как только прокричит петух, и возвращался в полночь'.

-ғанда + ки – передает временное соотношение действий: уйг. Қершилик

нөрмитини билмингәндикى, немә қиласы, энди, апа (Тохтамов, 7) 'Что теперь поделаешь, мама, когда не знают уважения к старости'.

-ғанда + ҳам – имеет уступительное значение: узб. Ҳар қандай бўлганда ҳам кўкламни қўлдан бермаслигимиз керак (Қаҳҳор, 14) 'Что бы ни было, весну не надо упускать'.

-ғандай + эле – имеет значение обстоятельства образа действия: кирг. Демек башкалардын көңүлуне келгендей эле, Таши-Булакты табыш кийин ზოң көп болчудай сыйкташып турган ага да (Назир, 33) 'Значит, ему, как и другим, казалось, что Таш-Булаки станет впоследствии предметом большого разговора'; Айтканыңдай эле болсун (разг.) 'Уж пусть будет так, как ты сказал'.

В кумыкском языке этой конструкции синонимична конструкция, обра- зованная сочетанием трансформанта -ғандай с частицей сув: Ҳатири къалгъандайсув сорашибы 'Он поздоровался (так), как если бы был немного обижен' [Джанмавов 1967, 43].

-ғанлы + чы – выражает исходный момент совершения действия: кум. Къэр явлъанлы чы көп заман бола 'Много времени прошло с тех пор, как пошел снег' [Там же].

-ғанча/-ғанша/-ғынча/-ғунча + да – выражает временное соотношение действий: каз. Қөлгө жеткенше де, судя бөшкеге толтырганша да, оралып қайтқанша да Шолпанның екікөзі артында болды 'Все время, до тех пор, пока не дошла до озера, пока не наполнила бочку, пока не вернулась домой, Шолпан смотрела назад' [Мусаев 1956, 109].

-ғаң + да/та – выражает временное соотношение действий: башк. Тубәгә килеп еткәстә ауыл куренде (Гилажев, 7) 'Когда он подошел к холму, показались деревья'; тат. Галимулла килеп туктагач та, она мәсьалане аңлатып бирделәр (Фәттах 1966, 59) 'Когда Галимулла остановился, ему объяснили задачу'; Хаят Мансурова бүген уйнаячак образы турында уйла- нып утырганда, театр директоры килеп керде (Кутуй, 159) 'Когда Хаят Мансурова сидела и думала над тем, как она сегодня будет играть, вошел директор театра'.

-ан(-лығ) + аффикс принадлежности + вин. падеж + да – имеет объектное значение: туркм. Бәлки, оның китабыны элинден чыкарасы гелмейэн-лиги – де шуның учиндир? (Сарыханов 1951, 10) 'Может быть, поэтому он и не хочет свою книгу выпускать из рук'.

-анда + да – выражает временное соотношение действий: аз. Сөзү дејәнда дә бах беләмә ачыг дејәсән (Ибраһимов 1966, 81) 'Когда говоришь, смотри, будь откровенным'.

-нә, -нә + вин. падеж + частица та/те – имеет объектное значение: чув. Хайнे епле майна госпитале çтернине те астуман вәл (Талвир 1952, 95) 'Он не помнил, как его доставили в госпиталь'.

-нә, -нә + исх. падеж + частица ах, или та – выражает временное соотношение действий: чув. Колхоз пулланнәрранных вәл паҳча չимәң еңепе еслет [МГЧЯ 1957, 266] 'С того времени как организовали колхоз, он занимается огородничеством',

иччен + ах, та – выражает временное соотношение действий: чув. Ҫав ҹупа пәччене пәравус килет, Микка ѿна иртсе кайичченек пәхса тәче (Талвир 1952, 43) 'По этому пути шел один паровоз, Микка его заметил еще до того, как он прошел'; Микка шурәмнус шурәлсі киличчен те ыйăх

килнине түймарә (Там же, 7) 'Микка не мог заснуть до тех пор, пока не занялась заря'.

-дыг (аффикс принадлежности) + вин. падеж + да – имеет объектное значение: тур. Büyüdükçe ormanın, bizim için daha başka şeyler olduğunu da anladık (Sabahattin 1966, 112) 'По мере того как мы взрослели, мы поняли, что в лесу для нас есть еще и другое (другие вещи)'.

-мадан + да – выражает временное соотношение действий: тур. Sen söylemeden de ben bülümuyor tiyut sanki? (Там же, 105) 'Как будто я не понимаю, пока ты не скажешь'.

-р + служебное слово + эле – выражает временное соотношение действий: кирг. Келер замат эле ... 'Как только он пришел ...' [КРСл. 1965, 287].

-р/-мас + исх. падеж + да/ла – конструкция выражает временное соотношение действий: Ой ичи бесиң турулуп болмастина, гүгүм чүшти 'Прежде чем она убрала в доме, наступили сумерки'.

-са, -сен + ах/ex – выражает временное соотношение действий: чув. Atte вилсесенех, пире тăратса аçý вилсе кайрë. Терëс! 'Как только тятя умер, нас разбудили и сказали: – Отец умер!' [Ашмарин 1923, 30].

-ып + ла – выражает временное соотношение действий: уйг. Шириң сенбат үстидики чай ичилip болмай турупلا, Шириңхан тамақقا тутуши қылди (Тохтамов, 21) 'Еще даже чай не был выпит за приятной беседой, как Шириңхан принялась готовиться к еде'.

-ып + ма – выражает временное соотношение действий: уйг. Колхозда йүз бериватқан чигич ва сирлиқ надислар, болупу мошу төрт-баш құндин бери Қудраттин неч бир хәвәр алалмаслиги, яш муәллима Рәннаниң қалбига егер алым вә дәрт болуп ямашмақта еди (Босақов, 41) 'Вот особенно в эти последние пять дней, когда произошли в колхозе запутанные, таинственные события и от Кудрета не было никаких известий, на сердце молодой учительницы Рейхан было особенно тяжело и больно'.

В тюркских языках встречаются гибридные конструкции, представляющие собой сочетание трансформанта -тан (+ падежные аффиксы) в сочетании с двумя частицами.

-тан + вин. падеж + дагъы + да – имеет объектное значение: кум. Бираз алдын оzziong gérion турасан уй бегилгенни дагъы да гирме сюесен 'Недавно ты сам видел, что комната закрыта, а еще хочешь войти (в нее)' [Джанмавов 1967, 208].

-танча/-ынча + окъ + да – выражает временное соотношение действий: кум. Танг къатгъынчокъ да, тошген эдик биз ёлгъа 'Мы тронулись в путь задолго до рассвета' [Там же, 43]; Нина школадан къайтгъанчокъ да, тат-лиликлер биширилип тұра 'Сладости пеклись задолго до возвращения Нины из школы' [Там же, 134].

-ып + окъ + да – выражает временное соотношение действий: кум. Хайрулла ягъына ювукъ барғъанда, ат токъабокъ да къалды 'Когда Хайрулла поближе подошел к лощади, она совсем остановилась' [Там же, 73].

* * *

В тюркских языках как огузского, так и капчакского типа распространены гибридные конструкции, представляющие собой сочетание трансформанта с условной формой вспомогательных связочных глаголов *e-/u-*, *ол-/бол-*.

-анда/-эндэ + исә – выражает временное соотношение действий: аз. Сәслэр кәсиләндә исә һамы фикрә кетмиши (Ибраһимов 1966, 91) 'Когда голоса прекратились, все задумались'; Һава гаралараг ахшам дүшәндә исә Рустам киши евә даһа хош үзлә гәйтды (Там же, 65) 'Когда же стемнело и наступил вечер, Рустам-киши возвратился домой с более приветливым лицом'.

-еан + болса – имеет уступительное значение: уйг. Мениңдин откән болса, мән намақул, Мөхпир, хана болнигин, – дәп Манап иккى қолини алға созуп, Мөхпирниң алдига маңди (Босақов, 28) 'Хотя это прошло мимо меня, я не согласен, Мехпир, ты не обижайся, – говоря так, Манан, протянув обе руки, направился к Мехпиру'.

* * *

Гибридные конструкции могут представлять собой сочетание трансформанта, частицы и служебного элемента деп. Ср. кирг. Больницадан доктурлар аны толук каран чыккандан кийин, анын ашқадэны, бузулганын, бирок кеселдин азыркы шартында мынчалык шайманы кетней турган эле деп, ездерүнчө тан, калышты (Каимов, 138) 'В больнице врачи после тщательного осмотра определили, что у него поврежден желудок, они были удивлены тем, как он бодро держится, несмотря на свое состояние'.

* * *

Гибридные конструкции могут представлять сочетание союза, союзного слова, трансформанта и частицы.

не + -асак + (аффикс принадлежности) + вин. падеж + да – конструкция имеет объектное значение: тур. Evde уараңын да bildiğim yok уа (Nesin 1962, 43) 'Я ведь не знал, что буду делать дома'.

қайды/қайдан + -сан + (аффикс принадлежности) + вин. падеж + да – имеет объектное значение: кум. Ата-анама къайды барагъанымны да айтмай гелгенмен 'Я пришел, не сказав родителям даже, куда я ходил' [Джанмавов 1967, 280–281]; ног. Уьшинин айтаяк болсак ол сөYLE оьзининъ қайды, не уьшин барагатаганын да, барган еринде незат айтага керек экенин де анъламайтаган эди (Кень йоллар, 23) 'Если сказать правду, то он так и не понимал, куда и зачем он идет, и что он должен говорить там, куда он идет'; ккалп. Усы ерик агашиның қайдан пайда болганын да балмекши болып ойланады, хөш есине тусире алмайды (Кайыпбергенов, 85) 'Он задумался, гадая, откуда же появилось это абрикосовое дерево, но ничего не мог вспомнить'.

қандак + -сан + (аффикс принадлежности) + вин. падеж + ма – объектная конструкция: уйг. Рەھаниң ez ийениә қандак калгиниму сәзмиди (Босақов, 17) 'Он не заметил даже, как подошла к нему Рехан'.

қачан + -сан (аффикс принадлежности) + вин. падеж + да – объектная конструкция: кум. Экзаменлени къачан башланагъанын да билип, гелмеге, тарыкъ эдинг 'Ты, зная когда начинаются экзамены, должен был приехать' [Джанмавов 1967, 289].

ким + -сан + (аффикс принадлежности) + вин. падеж + чы – объектная конструкция: кум. Түзю ким башлагъаны чы эсимде ёкъ (Ягъияев, 138) 'По правде, я забыл, кто же начал'.

не + -сан + (аффикс принадлежности) + вин., дат. падеж + да – объектная

конструкция: каз. Жексен аулында көргенін де, жолшыбай не болғанын да тегіс айтып болып ... (Дүзэзов, 47) 'Он, рассказав все, что увидел в ауле Жексен, и повидав то, что было в пути ...; Бірақ, не болғанда да Кенжебекті кіналауга дәтім бармайды (Сералиев, 31) 'Однако чтобы ни произошло, а у меня не хватит смелости обвинить Кенжебека'; ног. Мени коркыстып, сонъында оъзининъ не дегенин де мага эттирип турачк болады (Кень йоллар, 20) 'Меня пугаешь, а что потом сам скажешь мне, посмотрим'.

не ерде + -сан + (аффикс принадлежности) + чи – объектная конструкция: кум. Не ерде гәргенин чи эсине гелтирип болмады (Ягыяев, 8) 'Он не мог вспомнить, где же он видел'.

* * *

Гибридные конструкции, представляющие собой сочетание союза, союзного слова, формы условного наклонения на -са и частицы.

эгерде + -са + -эле – конструкция имеет условное значение: кирг. Эгерде чакырылса эле қонкурсттан коркуучу эмес (Каимов, 51) 'Если бы она была вызвана, то она не побоялась бы конкурса'.

гарчи + эса + да – имеет уступительное значение: узб. Гарчи Алишер жабноблари блан фақирнинг орасида муносабат ва робита унчалик барпо бўлмаган эсада... (Ойбек, 12) 'Хотя между господином Алишером и бедняком с трудом устанавливались отношения и связи...'.

қайды/қайдан + -са + да – уступительное значение: каз. Қайды журсе де, қайды барса да уйықтаса-ақ болғанытусінде езіне казылып жаткан көрді көреді (КЕ, 372) 'Куда бы он ни ходил, что бы он ни делал, как только он заснет, ему снилась его могила'; ног. Аяғынъа қайдай болса да бир шарык болсан, не керек эди (Абдулжалилов, 13) 'Нужно было бы, чтобы на твоих ногах были хоть какие-нибудь чувяки'.

қанча + -са + -ма – уступительное значение: уйг. У қанча ейтсамму унумиди 'Сколько я ни говорил ему, он не соглашается' [УРСл. 1961, 235]; каз. Қанша ынтық болып тұрсам да онымен үшырасқым келмейді (Сералиев, 15) 'Сколько ни большое у меня желанье, а с ней не случается встретиться'; ккалп. Сейгіжан оны қаншама жек көрсө де үйине келең адам болғаны үшын кет деп айта алмады (Кайыпбергенов, 16) 'Сейгіжан как ни презирал (ненавидел) его, но, поскольку в доме был приезжий человек (посторонний), не мог ему сказать – уходи'.

қашки + -са + чу – уступительное значение: уйг. Қашки, өйниң дардила болсичу, – у еңір дәм елип тохтап қалды (Тохтамов, 7) 'Хотя это было из-за домашней беды, она тяжело вздохнула и приостановилась'.

ким, не, нечакъы, нечик, ни тиклем и др. + -са + да/ла – уступительное значение: ног. Сол барған адамды ким болса да пешке тыкъ 'А ты пришедшего человека, кто бы он ни был, сунь в печку' [Баскаков 1940, 149].

не + эсенг + да: кбалк. Не жаш эсенг да, сёйюнг кибик чартлагызын 'Какой молодец ты ни есть, сгинь, подобно слову своему' [МБД 1962, 68].

нечакъы + -са + да; кум. Нечакъы бек къулакъ яйып тынгласа да гъеч эшиитилеген тавуш ёкъ (Ягыяев, 6) 'Как сильно ни напрягает он слух, но не слышит ни звука'.

нечик + болса + да: кум. Нечик болса да, иш къыдырмагъа герек 'Как бы там ни было, а надо искать работу' [Дмитриев 1940, 200].

ни тиклем + *ha* + (-са) + *ла*: башк. Ул ни тиклем тырышна *ла*, бер нәмә лә ала алманы 'Как бы он ни старался, он не мог ничего получить' [Дмитриев 1948, 270].

ниреде + болсам + *да*: туркм. Мен ниреде болсам *да*, йурегим сениң янында (Кербабаев, 71) 'Где бы я ни находился, сердце мое с тобой'.

харчанд + -са + ҳам – конструкция имеет уступительное значение: узб. Бутабой ҳарчанд ўзини босишга тиришиша ҳам бўлмади (Қаҳҳор, 75) 'Хотя Бутабой старался себя успокоить, но это не удалось'.

* * *

Как было показано, в тюркских языках существуют самые разнообразные типы сочетаний различных способов подчинительной связи. Однако гибридизация не является простым механическим сочетанием соединительных средств, оно гораздо сложнее. Анализ гибридных конструкций показывает, что различен сам характер отношений между формирующими эти конструкции подчинительными средствами. Прежде всего действительно возможны случаи механического соединения существующих в тюркских языках разных способов образования сложноподчиненного предложения. Сочетание двух средств может быть основано на эмфазе. Ср. роль усиливательных частиц при трансформантах: кирг. Келер замат эле 'Как только он пришел' [КРСл, 1965, 287]; кум. Ким ольтюргенни чи билмеймен (Акавов, 21) 'Я не знаю, кого же убили'; тат. Дошман оборонасы езелгәч тә, Катуков, танкистлары алга ыргылдылар (Кутуй, 193) 'Когда обороны неприятеля (вражеская обороона) была прорвана, танкисты Катукова устремились вперед' (здесь подчеркивается момент совершения действия).

В своем месте уже говорилось, что трансформация как способ выражения подчинительных отношений имеет известные ограничения. Союзный способ явился результатом стремления преодолеть недостаточность одного способа трансформации. Гибридизация в целом ряде случаев выступает как способ усовершенствования синтаксической связи. Частица, употребляемая в сочетании с трансформантом, на почве эмфазы может приобретать и союзные функции, внося новые дополнительные значения. Ср. сочетание -ғын + эм; -ған + да и др.: кбалк. Бу гәче къарацай-лы къошда къалғын эм, къозу сойғын эдиле да, сах зауун зетли да, от этерге къоймады 'В эту ночь я остановился на карачаевском коше, резали ягненка, но пошел (настиг) ливень и не дал возможности развести огонь' [МБД 1962, 40]; ног. Сен айткан да болсын (Абдулжалилов, 36) 'Пусть будет, как ты и говоришь'.

Нередко благодаря сочетанию разных способов возникает новое значение. Ср. май + ақ; каз. Қун түске жетмей-ақ Бақанаң бойы қайнап, шызып кетті (Дүэзов, 194) 'Хотя солнце еще не достигло зенита (не наступил полдень), в Баканасе была сильная жара'.

В гибридных конструкциях нередко раскрывается потенциальная возможность составных компонентов. Ср. Среднеазиатский тифсир: Өртәрләр тонларин башларинда та мәні көрмәсә 'Накрывают головы халатами, чтобы не видеть меня' [Боровков 1963, 248].

При гибридном способе образования подчинительных конструкций ведущая семантическая роль может принадлежать союзным словам. Так, например, в объектных гибридных конструкциях союзные слова, речения,

выступающие на правах члена предложения, являются необходимыми семантическими уточнителями различных обстоятельственных значений. Если другие типы гибридных конструкций являются спорадическими, то объектные конструкции стали нормой языка. Их естественный характер наглядно проявляется в случаях, когда союзное слово входит в состав замкнутой изафетной конструкции, имеющей объектное значение. Ср. аз. *Онун нарая кетдийини дәрһал анлады* (Меңди 1954, 57) 'Он сразу понял, куда он ушел'; тур. *Kendisine annemin nereye gittiğini sordum* (Halikarna 44) 'Я спросил себя, куда ушла моя мать'; О *zaman bu kadını hangi ölümde türdügünүүл анын ашып калыпсыз* (Sabahattin 1966, 94) 'Тогда ты поймешь, какую женщину унесла смерть'.

Ставя вопрос об образовании гибридных подчинительных конструкций следует принимать во внимание тот факт, что возможности их возникновения были заложены еще в рамках простого предложения. Уже здесь у частиц развивается функция, сближающая их с союзами.

-гана, -гандан + частица ақ: каз. *Мақсұттың қаладан келгенін естігенде-ак* Ақан жақтырмада еді (Саргаскаев, 54) 'Как только он услышал о приезде Максута из города, Акан проявил недовольство'; *Базаны бір көргеннен-ак* байгі куренің бұл еңдердің жылқысынан тусі болек екінін аңғарғанды' (Там же, 20) 'Как только он посмотрел на байга этого, он сразу узнал, что он (байга) конь не здешней породы'; Сыртқы үпүлкен ақшыл үйге Абайлар кіре бергенде-ак, *Байдөліның бір кәрсеге қатты ашуланып, айғайлап жатқан үні естілді* (Дуэзов, 168) 'Как только Абай и его спутники переступили порог большой белой юрты, они услыхали разъяренный голос на что-то рассердившегося Байдалы'.

-дан + (аффикс принадлежности) + (падежные формативы) + частица да: тат. *Курғанда да әйтми, белгендә да сейләми* 'Не скажет, если даже увидит, не говорит, если даже знает' [Закиев 1963, 164]; каз. *Мұның күземдік ерте алғаны да осы кеші – қон есебі болды* (Дуэзов, 61) 'Рассчитывая на новые кочевья, он рано снялся с летовки и переехал на осенне пастбище'.

-ғъанлы + частица чы: кум. *Бугюн шиден къайтғъанлы чы чыкъмағаъынман бир ерге де* 'С тех пор как сегодня вернулся с работы, я не выходил никуда' [Джанмавов 1967, 281];

-анда + частица ки: аз. *Сəнин учун дејəндə ки, сəнин, җорушунә җалмышам* (Ибраһимов 1966, 73) 'Раз говорил я за тебя, то и пришел с тобою повидаться'.

-р/-мас (дан) + частица оқ: узб. *Тугонбек васиқани ўқимасданоқ буклаб киссасиса солдида кулиб ...* (Ойбек, 49) 'Тугонбек, даже не прочтя документы, сложил их, положил в карман и, улыбаясь ...';

-ып + частица öк – памятник древнетюркской письменности: Аны кörjüöк дәлдэләрін ол сөңүк ўзә кәмісін öгсірәп тынсырап қамылтыла 'Как только они увидели это, то тела свои они бросили на те кости (брата своего), обезумев и беспокоясь' [Малов 1951, 184] и т.д.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что гибридизация выступает в тюркских языках как своеобразный способ усовершенствования синтаксической связи. А это дает основания рассматривать гибридизацию как третий путь образования и развития синтаксической структуры сложного предложения. Эта прогрессивная синтаксическая тенденция являясь хронологически относительно поздним явлением, чаще наблюдается в современных тюркских языках, нежели памятниках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительно-исторический анализ синтаксической структуры тюркских языков позволяет сделать следующие выводы.

Наиболее эффективным способом изучения истории синтаксических единиц является изучение их истории в тесной связи с исторической морфологией. Только история морфологических опор синтаксических единиц в состоянии показать, как и в каком направлении изменялись синтаксические единицы.

Синтаксическая реконструкция устанавливает существование моделей определительных и глагольных словосочетаний в общетюркской общности. Именные словосочетания с зависимым членом, снабженным словообразовательными элементами, обнаруживают меньшую устойчивость по сравнению с глагольными словосочетаниями с управляемым членом, оформленным словоизменительными показателями.

Из определительных словосочетаний продуктивны типы: "числительное + существительное", "местоимение + существительное" — модели, которые в своем конкретном выражении не имеют формальных показателей. Что касается конкретных моделей, представляющих собой "зависимый член с формальным показателем + существительное", то они получили неравномерное развитие как в хронологическом отношении, так и по отдельным тюркским языкам. Значительную продуктивность получают словосочетания типа "прилагательное с афф. -лы + имя существительное". Вместе с тем хронологически более ранней является модель "прилагательное с афф. -лыг + существительное", которая и соотносится с общетюркским состоянием. Некоторые конкретные модели определительных словосочетаний чем ближе к современному состоянию, тем значительнее суживают круг своего употребления или становятся непродуктивными. Особенно это относится к определительным сочетаниям, содержащим прилагательные, обозначающие склонность к чему-либо, а также неполноту признака.

Сокращается употребление определительных словосочетаний с прилагательными на -ган. Значительно шире был круг употребления определительных словосочетаний с относительным прилагательным на -к/-г, которые соотносятся с общетюркским состоянием. В общетюркскую эпоху существовали определительные словосочетания с причастием на -дык. В дальнейшем, в процессе зонального расслоения, эти словосочетания не получили развития в кыпчакских языках. В огузских языках в течение определенного периода они были более продуктивны. Со временем сокращается употребительность определительных словосочетаний с причастием на -асы. Существовавшая еще в пратюркской общности форма на -мыши легла в основу определительных словосочетаний в огузской группе. В ареале

сибирских языков получила развитие модель определительных словосочетаний с причастиями вторичного образования на -*гу*, -*ма*, -*глы*, -*галак*. Зонально ограничены и определительные словосочетания с инфинитивом на -*рга*.

Модель определительных словосочетаний с зависимым членом-причастием в ходе своего исторического развития может видоизменять передаваемое ею значение. Так, например, определительные словосочетания с причастием на -учу первоначально были сравнительно редки, их употребление ограничивалось случаями, когда имя на -чи обозначало свойство или склонность к чему-либо. После же появления у причастий значения настоящего времени частотность такого типа словосочетаний увеличилась. Целый же ряд определительных словосочетаний с зависимым членом-причастием, например на -учы, -тачы, зарегистрированных в ранних общетюркских памятниках, не получил развития в современных тюркских языках.

Почти во всех тюркских языках определительные словосочетания с причастием на -*р* в дальнейшем оказались непродуктивными. Они в большинстве случаев или заменились инновациями, т.е. новыми причастиями наст. времени, или лексикализировались в форме прилагательных. Основная причина этого явления состоит в том, что еще в общетюркскую эпоху причастие легло в основу наст.-буд. времени – аориста. Стремление устранить омонимию форм причастий с формами 3-го лица аориста в немалой мере способствовало замене причастия на -*р* другими причастиями. Следует также отметить, что у причастия на -*р* были конкуренты – причастия на -*ган*, -*ан*, отлагольное имя на -чи, которое в ряде тюркских языков приобрело значение причастия наст. времени, и другие подобные образования.

В некоторых языках у определительных словосочетаний типа "притяжательное местоимение + существительное" наблюдается тенденция к замене аффикса принадлежности формой род. падежа. Модель типа *минен ат* могла существовать на поздних этапах пратюркской общности, возникнув в связи с развитием падежа. Кроме того, в некоторых языках наблюдаются случаи опущения аффикса принадлежности особенно в 1-м лице, у определяемого имени. Ср. гаг. *бизим мемлекет* 'наша страна', чув. *пирен ял* 'наша деревня'. Появление такого рода модели может быть объяснено не только стремлением избежать плеоназма, но и усечением аффикса принадлежности под влиянием контактирующего языка, например русского.

Относительно поздно возникли определительные словосочетания типа "указательное местоимение вторичного образования (*быллай*, *ошол*, *манаву* и др.) + существительное". Пратюркскому состоянию были известны определительные словосочетания с зависимым членом – указательным местоимением первичного образования (*бу*, *шу*, *о*).

Конструкции, организованные по 1-му типу изафета, хронологически относятся к наиболее раннему периоду пратюркской общности, на что указывает не только значительная употребительность и предпочтение его в тех случаях, когда ему соответствует в ряде тюркских языков 2-й и 3-й тип изафета, но и сам способ примыкания как наиболее удобный и древний вид связи слов. Идущий процесс адъективизации сделал излишним употребление аффикса принадлежности.

Существующий уже в раннем периоде пратюркской общности 2-й тип изафета в процессе своего развития расширил семантику от наиболее

архаичного значения принадлежности к значению родовой категориальности, а затем к средству простой связи. Конструкции, организованные по 3-му типу изафета и основанные на генитивных отношениях, появились, очевидно, позже 1-го и 2-го типа изафета и относятся, вероятно, к наиболее позднему периоду пратюрской общности.

Реконструкция распространенных определительных словосочетаний ограничивается восстановлением только абстрактной модели. Их развитие связано с формированием литературной письменной и устной речи.

Модель глагольных словосочетаний с управляемым именем в падежном оформлении оказалась довольно устойчивой. Опираясь на данные исторической морфологии, можно установить определенную хронологию в развитии падежных оформленителей. Если глагольные словосочетания с именем в вин. на -ын можно отнести к раннему пратюрскому состоянию, то глагольные словосочетания с именем в вин. на -ыг появились позднее. Афф. -ын параллельно нес функцию инструктива и вин. падежа, а потому, во избежание грамматической омонимии, вероятно, и возник показатель -ыг. В дальнейшем, в процессе развития отдельных тюркских языков, глагольные словосочетания с именем на -ыг оказались непродуктивными и вышли из употребления. Глагольные словосочетания с именем в инструктиве на -ын также не дошли до наших дней, сохранившись в отдельных реликтовых образованиях. Исчезновению этих конструкций в известной мере способствовало развитие грамматических аналогов; ср. послеложные конструкции с биле, менен и др., а в чувашском языке — творительный на -на. В некоторых тюркских языках инструктив -ын лег в основу новых падежных образований, ср. комитатив -лыни, -тыны и др. в якутском языке. Можно также предположить, что он лег в основу тюркского род. падежа. Глагольные словосочетания с именем в вин. на -ы, соотносимые с ранним пратюрским состоянием, оказались устойчивы; они продуктивны и в современных тюркских языках.

Устойчивой оказалась и модель глагольных словосочетаний с именем в дат. падеже на -а, соотносимая с довольно ранним периодом пратюрской общности. Модель глагольных словосочетаний с именем в дат. падеже на -га развила и продуктивно используется в кыпчакских языках. Глагольные словосочетания с именем в местн. падеже устойчиво сохраняются во всех тюркских языках. Очевидно, уже в пратюрскую эпоху произошло превращение древнего отложительного падежа в местный. Глагольные же словосочетания с именем в исх. падеже можно отнести к сравнительно позднему периоду пратюрской общности. В более раннюю пратюрскую эпоху существовала модель глагольных словосочетаний с именем в исх. падеже на -ын, которое впоследствии было вытеснено формой на -дан.

Глагольные словосочетания с именем в падежном оформлении на -ра/-ру, зарегистрированные в общетюркских памятниках, исчезли довольно рано. В современных тюркских языках сохранились лишь отдельные реликтовые образования, преимущественно в наречных формах. Модель глагольных словосочетаний с именем на -ча существовала уже в пратюрской общности. Однако она оказалась неустойчивой. В современных тюркских языках сохранились только отдельные реликты этого падежа типа тат. *урмангача* 'по направлению к лесу'.

Развитие глагольных словосочетаний с именем и послелогом связано

преимущественно с периодом изолированной жизни отдельных тюркских языков.

Модель глагольных словосочетаний с причастиями и масдарами не получила широкого развития в тюркских языках. Об относительной продуктивности можно говорить применительно к глагольным словосочетаниям с деепричастием на -ыб. Это происходит прежде всего потому, что обстоятельственная характеристика действия передается местоименно-наречными словами в сочетании со служебными словами, удобными для уточнения характера действия. Во-вторых, для деепричастий, глагольных имен характерна известная самостоятельность в предложении, что находит отражение в выделении их в самостоятельные интонационно-смысловые отрезки, в обособлении их от глагола-сказуемого. Последнее ведет к синтаксическому переразложению — к созданию качественно иной синтаксической единицы: деепричастного, глагольно-именного оборота.

Историческое изменение определительных и глагольных сочетаний в тюркских языках имеет свою специфику. Оно идет по линии явного сокращения первоначального многообразия. Продуктивными остаются лишь немногие типы словосочетаний. Остальные становятся непродуктивными, прилагательные часто субстантивируются, одни формативы могут заменяться другими, но сам тип словосочетания, его модель, сохраняется.

* * *

Модель простого именного предложения со связкой в наст. времени в пратюркскую эпоху гипотетически существовала в своей полной парадигме. Можно восстановить две основы наст. времени — *a/-e-* и *ap/-er-*; первая могла возникнуть раньше, поскольку образование на -р вторично. Однако уже в пратюркскую эпоху могли существовать обе основы. С течением времени связка наст. времени вытеснилась грамматическими аналогами — разрушилась под влиянием семантически однородных явлений. Широко используются личные местоимения, которые, подчиняясь действующему закону сингармонизма, претерпевали процесс фонетической трансформации, переходя в разряд аффиксов. Модель именного сказуемого с личными местоимениями, выражающими сказуемость, является очень древней и, очевидно, относится к пратюркской общности. Наличие связки *-тур//туур*, использование формы 3-го лица во всех лицах немало способствовали разрушению и вытеснению связки наст. времени. Современные тюркские языки дают картину значительного разнобоя в способах выражения связки наст. времени. В тувинском языке для выражения предикативности используются имена *күжү* 'человек', *куве* 'вещь, предмет'. В ряде тюркских языков (гагаузском, караимском и др.) развиваются функции связки у слов *бар//йок*; используется и вспомогательный глагол *ол/бол*. Непрочность связки в тюркских языках проявлялась и в наблюдающейся тенденции к разрушению сказуемостных окончаний.

Сравнительно-исторический анализ глагольного предложения в ретроспективном плане устанавливает, что все возможные исторические изменения были связаны прежде всего с ведущим членом — глагольным сказуемым. Наиболее ранний период тюркской общности характеризовался относительно ограниченным числом общих форм: форма повелительного наклонения на -ды, -р, совпадающая с основой глагола, форма желательного

наклонения с ее большим гнездом форм: *-a*, *-ай*, *-гай*. Позже, вероятно, возникла форма на *-ган*, закрепившаяся за большим кыпчакским ареалом, и форма на *-мыш* — за огузским ареалом. После распада пратюркской общности, в период самостоятельной жизни отдельных тюркских языков, развивались временные формы, имеющие большие или меньшие ареалы распространения, — ср. форму наст. времени с показателем *-ат*, типичную для тюркских языков Сибири. Скрещение огузского и кыпчакского ареалов привело к созданию парадигм, наблюдавшихся в тюркских языках Средней Азии. Множество вспомогательных глаголов — конструктивных элементов, участвующих в образовании форм наст. времени, — результат относительно позднего развития. В процессе исторического развития наибольшему изменению подверглись слабые звенья глагольной системы, представленные или полисемантическими формами, как, например, аорист на *-р*, или формами, способными давать различные семантические дериваты, как, например, оптатив на *-к-г*, *-гай*, будущее на *-асы*. Форма прош. времени на *-ды* представляет сильное звено в системе. Она сохранилась во всех современных тюркских языках. Наряду с исчезновением старых форм и появлением новых обновление структур глагольного предложения произошло за счет появления новых значений у прежних форм.

Интересно, что в истории тюркских языков такие синтаксические единицы, как предложения, изменились более интенсивно по сравнению с именными и глагольными словосочетаниями.

* * *

В историческом развитии сложного предложения выделяются (условно) три этапа: 1) абсолютное преобладание простого предложения, 2) появление следов зависимых трансформ, разнообразных переходных конструкций, грамматически не устоявшихся, 3) оформление зависимых трансформ, исходным импульсом развития которых является объединение двух предложений по способу примыкания в самом раннем периоде исторического развития. Процесс трансформации, хронологически совпадающий с процессом развития сложного предложения, связан с развитием письменной речи.

Любопытно, что при всем многообразии тюркских языков, удаленных нередко друг от друга на значительные расстояния, способ сокращения потенциально возможных придаточных предложений один и тот же: для сокращения потенциально возможных определительных предложений применяются причастные определительные словосочетания. В качестве средства сокращения других типов предложений обычно выступают косвенные падежи от причастных имен, а также сочетания от причастных имен с постпозитивами.

* * *

Параллельно развитию зависимых трансформ складывались и сложные предложения союзного типа, возникшие не случайно. Появление сложного предложения союзного типа в тюркских языках нельзя объяснить только влиянием структур контактирующих с ними языков иных систем (русского, арабского, иранских). Как мы пытались показать, в недрах структуры тюркских языков уже были заложены условия для развития союзного сложного предложения. Путь развития сложного предложения первоначаль-

но был одинаков — сцеплялись простые предложения, господствующие в синтаксическом строе наидревнейшей эпохи. На собственно тюркской почве самостоятельно зародились две синтаксические тенденции: 1) трансформация, которая не могла охватить все разнообразные виды сложного предложения, и 2) союзный способ, известным внутренним импульсом к развитию которого явилась союзная функция усилительных частиц. Способ примыкания поддерживался системой частиц, хронологически относимых к довольно раннему периоду тюркской общности. Уже в рамках простого предложения у частиц развивается функция, сближающая их с союзами. Поэтому синтаксис тюркских языков нельзя назвать типологически единым. Это скорее своеобразное сочетание разных синтаксических типов.

Арабо-персидские союзы в тюркских языках не имеют перспектив в своем развитии — с течением времени они выходят из употребления (ср. перс. *či*, *čin*, ар. *allazt*, *illā* и др.), суживается круг их значений (*ta*, *čunki*). Они вытесняются тюркскими грамматическими аналогами, а также русскими союзами.

В развитии синтаксической структуры тюркских языков наблюдаются факты, когда оба пути развития подчинительных отношений, а именно трансформация и союзный способ скрещиваются, давая разнообразные смешанные типы построений. Гибридизация рассматривается нами как своеобразный третий путь развития синтаксической структуры сложного предложения в тюркских языках. Если союзный способ явился результатом стремления языка преодолеть недостаточность одного способа — трансформации, то гибридизация в целом ряде случаев выступает как способ усовершенствования синтаксической связи.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев А.З. Сложноподчиненное предложение в современном азербайджанском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1963.
- Абдуллаев А.З. К эволюции синтаксического строя тюркских языков. – Учен. зап. Азерб. гос. ун-та. Сер. яз. и лит., 1967, № 1.
- Абдурахманов Г.А. К истории развития сложных предложений. – Материалы XVI науч. конф. Ташкент, 1967.
- АГ – Азәрбайжан дилинин грамматикасы. Бакы, 1960. I нисса; Бакы, 1959, II нисса.
- Агаев А.Г. Говор Джалилабадского района азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1975.
- Агманов Е. Именно-атрибутивное словосочетание в языке памятников древнетюркской письменности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1964.
- АД – Азәрбайжан дилинин диалектология лүгәти. Бакы, 1964.
- Акбаев Ш.Х. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1963.
- Акмамедов М. Карадашлинский диалект туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1975.
- Алиев У.Б. Вопросы сложного предложения в русском и тюркских языках. Нальчик, 1959, ч. II.
- Алмазова А.В. Самоучитель неенецкого языка. Л., 1961.
- Альпьев Н.А. К вопросу о сопоставительной характеристике некоторых особенностей грамматического строя русского и киргизского языков. Фрунзе, 1953.
- Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959.
- Аннануров А. Вопросы синтаксиса в плане перевода с русского на туркменский. Ашхабад, 1956.
- Аннануров А. Синтаксические особенности туркменских пословиц и поговорок: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1960.
- Аннануров А., Бердыев Р., Дурдыев Н., Шамурадов К. Эрсаринский диалект туркменского языка. Ашхабад, 1972.
- Антаев А.М. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960.
- Арендс А. Синтаксис персидского языка. М.; Л. 1941.
- АРЛ – Азәрбайжанча-русча лүгәт. Бакы, 1965.
- Асланов А.М. Взаимоотношения азербайджанского и цахурского языков на материале закатальско-кахских говоров: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1965.
- Асланов А.М. Иберийско-кавказский субстрат в закатальских говорах азербайджанского языка. – В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1966.
- Атаджанов М. Салырский диалект туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1959.
- Атамедов Н. Манышский говор анауского диалекта туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1965.
- Афиятунов А.Ш. Языковые особенности татар западной и юго-западной части БАССР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1961.
- Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963.
- Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Казань, 1903, ч. 1.
- Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Симбирск, 1923, ч. 2.
- Дзамов В. Галля-аралский говор Самаркандской области: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1954.
- Бабоглу Н. Гагауз диши VII–VIII класслар ичин. Кишинев, 1962.
- Багыев Х. Оламский диалект туркменского языка. Ашхабад, 1965.

- Базарова Д.Х.* Семантика наименований частей тела и их производных в тюркских языках. М., 1967.
- Байжолов А.* Языковые особенности казахов Кустанайской области. Алма-Ата, 1964.
- Байтугаева Г.И.* Выступление на совещании. – В кн.: Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958.
- Балакаев М.Б.* Активизация субъекта в казахском языке. – Изв. АН КазССР. Сер. лингв. Алма-Ата, 1948, вып. 5.
- Балакаев М.Б.* Основные типы словосочетаний в казахском языке. Алма-Ата, 1957.
- Баландин А.Н.* Самоучитель мансиjsкого языка. Л., 1960.
- Баскаков Н.А.* Ногайский язык и его диалекты. М.; Л., 1940.
- Баскаков Н.А.* Об особенностях говора северо-кавказских туркменов (трухменов). – В кн.: Языки Северного Кавказа и Дагестана. М.; Л., 1949.
- Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. М., 1951, I; 1952, II.
- Баскаков Н.А.* Структура простого предложения в тюркских языках. – Тр. Ин-та языка и лит. Фрунзе, 1956, вып. VI.
- Баскаков Н.А.* Алтайский язык. М., 1958.
- Баскаков Н.А.* Предложения с развернутыми членами в каракалпакском языке. – В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков: Синтаксис. М., 1961, т. III.
- Баскаков Н.А.* Диалект черноземных татар (туба-кижи). М., 1965, 1966.
- Баскаков Н.А.* Диалект кумандиццев (куманды-кижи). М., 1972.
- Батманов И.А.* Северные диалекты киргизского языка. Фрунзе, 1938, вып. I.
- Батманов И.А.* Грамматика киргизского языка. Фрунзе, 1940, вып. III.
- Батманов И.А.* Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке. Фрунзе, 1940.
- Батманов И.А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959.
- Батманов И.А.* Следы говоров в языке орхено-енисейской письменности. – В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964.
- Батманов И.А.* Источники формирования тюркских языков южной Сибири и Средней Азии. – В кн.: Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. Фрунзе, 1966.
- Бекимбетов А.* Гурес. Некис; Самарканд, 1961.
- Бердымуратов К.* Придаточные предложения в каракалпакском языке и их структура. – Учен. зап. каракалп. пед. ин-та. Нукус, 1957.
- Бехбудов С.М.* Зангеланский говор азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1966.
- Болатов Ж.* Восточная группа говоров казахского языка и ее отношение к литературному языку. Алма-Ата, 1970.
- Борибаев А.* Языковые особенности урдинских казахов. Алма-Ата, 1966.
- Боровков А.К.* Природа турецкого изафета. – В кн.: Акад. Н.Я. Марру. Л., 1935.
- Боровков А.К.* Лексика Среднеазиатского тифсира XI–XIII вв. М., 1963.
- Будагова З.И.* Простое предложение в современном азербайджанском языке. Баку, 1963.
- Бурганова Н.Б.* Языковые особенности каринских и глазовских татар: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1953.
- Велиев З.М.* Азербайджанские говоры Басаргечарского района Армянской ССР. Ереван, 1955.
- Велиев А.Г.* Переходные говоры азербайджанского языка: Автореф. дис. ... док-ра филол. наук. Баку, 1975.
- Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958.
- Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1958, т. 1; 1966, т. 4.
- Гаджиева Н.З.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.
- Газизов Р.С.* Опыт сопоставительного освещения грамматических особенностей русского и татарского языков. Казань, 1952.
- Газизов Р.С.* Татарский язык. Казань, 1960.
- Гамзаев Т.Б.* Ордубадский диалект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1960.
- ГБЯ – Грамматика бурятского языка. М., 1962.

- ГМГ — Говоры муганской группы азербайджанского языка. Баку, 1955.
- ГНЯ — Грамматика ногайского языка. Черкесск, 1973.
- ГРЯ — Грамматика русского языка. М.; Л., 1960, т. II, ч. 1.
- ГСЯЛЯ — Грамматика современного якутского литературного языка. М., 1982.
- ГТЯ — Грамматика туркменского языка. Ашхабад, 1970.
- Грунина Т.И.* Предложения с *ki* в турецком языке. — Учебно-методический бюллетень. М., 1951, № 2.
- Грунина Э.А.* Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке. — В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1961, III. Синтаксис.
- Гудиашвили Е.* Фонетические особенности турецкой речи Ризе и Трапезунда. — В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1963.
- Гукасян В.Л.* Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков: Автореф. дис. ... док-ра филол. наук. Баку, 1973.
- Гулямов Х.* Джиззакский говор узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1954.
- Гулямов Я.Г.* Грамматика ташкенского говора. Ташкент, 1968.
- Джакубов И.* Типы простого предложения современного киргизского языка. Алмат-Ата, 1951.
- Джангидзе В.Т.* Дманийский говор казахского диалекта азербайджанского языка. Баку, 1965.
- Джанмавов Ю.Д.* Деепричастия в кумыкском литературном языке. М., 1967.
- Джапаров А.* Грамматическая структура словосочетания в современном киргизском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.
- Джафарзаде М.П.* Говоры имитлинского района азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1969.
- Джафарали А.* Казахский диалект азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1962.
- Джафаров И.Г.* Говоры Таузского района: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
- Джураев Б.* Шахризябский говор узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1959.
- Дмитриев Н.К.* Гагаузские этюды. — Учен. зап. ЛГУ. Сер филол. наук, 1939, вып. 1, № 20.
- Дмитриев Н.К.* Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940.
- Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.
- Дмитриев Н.К.* Материалы по истории кумыкского языка. — В кн.: Языки Северного Кавказа и Дагестана. М.; Л., 1949.
- Дмитриев Н.К.* Грамматическая терминология в учебниках родного языка. М., 1955.
- Дмитриев Н.К.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.
- Дмитриев Н.К.* Детали простого предложения. — В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков: Синтаксис. М., 1961, III.
- Дмитриев Н.К.* Стой тюркских языков. М., 1962.
- Дмитриева Л.В.* Язык барабинских татар. Л., 1981.
- Доможаков Н.Г.* Описания кызыльского диалекта хакасского языка. Абакан, 1948.
- Дульзон А.Г.* Диалекты татар-аборигенов Томи. — Учен. зап. Томск. гос. пед. ин-та, 1956, т. XV.
- Дурдымурадов Н.* Диалект алили туркменского языка. Ашхабад, 1950.
- Дыренкова Н.П.* Грамматика ойратского языка. М.; Л., 1940.
- Дыренкова Н.П.* Шорский фольклор. М.; Л., 1940.
- Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка. М.; Л., 1941.
- Дыренкова Н.П.* Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948.
- Жарихин А.Д., Байрамкулов У.Ш., Чанкаев А.К.* Учебник по изучению карачаевского языка. Микоян-Шахар, 1941.
- Жирмунский В.М.* Немецкая диалектология. М.; Л., 1956.
- Жалэй Л.* Татар диалектология. Казан, 1947.
- Жалэй Л.* Татар теленең урта диалекты буенча. Казан, 1952.
- Закиев М.* Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963.
- Ибрагимов Б.М.* Говоры района Маразы. Баку, 1949.

- Исламов М.И. Нура диалекти. Бакы, 1961.
- ИСГТЯ – Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955, I: 1956, III.
- Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. М., 1961.
- Ишбулатов Н.Х. Говор деревни Казмашево Абзелиловского района Башкирской АССР. М., 1955.
- Казембек М.А. Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839.
- Кайдаров А.Т. Развитие современного уйгурского литературного языка. Алма-Ата, 1969.
- Калмыкова С.А. Акногайский диалект ногайского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965.
- Канюкова А.С. Чувашская диалектология. Чебоксары, 1965.
- Каримова А.М. Придаточные предложения в татарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1954.
- Кая П.С. Руководство для обучения крымско-татарскому языку по новому алфавиту. Симферополь, 1928.
- КБГ – Къараҷай-балкар тилин грамматикасы. Нальчик, 1966.
- Керимов И.А. Кайтакский диалект кумыкского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953.
- Керимов И.А. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1967.
- دیوان کشوری A-250
8408
- Кишвери – Рукописный фонд АН АзССР. Инв. №
- ККРСЛ. – Каракалпакско-русский словарь. М., 1958.
- Кондратьев В.Г. Материалы к характеристике деепричастий и формы на -дук в языке памятников рунической письменности. – Учен. зап. ЛГУ. Сер. вост. наук, 1961, вып. 12, № 305.
- Кондратьев В.Г. Конструкция изафета и прямое дополнение в языке памятников тюркской рунической письменности. – Учен. зап. ЛГУ. Сер. вост. наук, 1962, вып. 16, № 306.
- Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого языка. М.; Л., 1956.
- Кононов А.Н. Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-гази хана Хивинского. М.; Л., 1958.
- Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.
- Кононов А.Н. Тюркологические этюды: Ист. филол. исслед. М., 1967.
- Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л., 1980.
- Кордабаев Т.Р. Синтаксис казахского языка на материале XVI–XX веков. Алма-Ата, 1967.
- Корелов И.А. Язык триалетских урумов и его специфические особенности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1970.
- Котевич В.В. Исследования по алтайским языкам. М., 1962.
- КРСЛ – Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954; Киргизско-русский словарь. М., 1965; Кумыкско-русский словарь. М., 1969.
- Курбанов А.А., Хидиров М.Н., Мурадов А., Гасanova М.Г., Рахманов С.М. Туркменский язык. Ашхабад, 1964, ч. 1.
- Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.
- Мавьев Н. Диалект Арабачи туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1975.
- Майзель С.С. Изафет в турецком языке. М.; Л., 1957.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951.
- Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952.
- Малов С.Е. Уйгурский язык: Хамийское наречие. М.; Л., 1954.
- Малов С.Е. Лобнорский язык. Фрунзе, 1956.
- Малов С.Е. Язык желтых уйголов. Алма-Ата, 1957.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.
- Малов С.Е. Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961.

- Махмудов К.* Фонетические и морфологические особенности языка Хабатул Хакаик: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1964.
- МБД* — Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик, 1962.
- МГЧЯ* — Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957.
- Машков Х.А.* Човдурский диалект туркменского языка: Автореф: дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1949.
- Мелиоранский П.М.* Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.
- Менглиева Г.* Сакарский диалект туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1964.
- Менглиева Г.* Некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности сакарского диалекта туркменского языка. — В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1966, т. 4.
- Мингулова Р.* Особенности чистопольского говора татарского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1963.
- Мирзэзадэ һ.* Азэрбајҹан дилинин морфологиясы. Бакы, 1962.
- Мирсағатов Т.* Кыркский говор узбекского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1954.
- Мошков В.* Наречия бессарабских гагаузов. — В кн.: Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. СПб., 1904, ч. X.
- МТД* — Материалы татарской диалектологии. Казань, 1955.
- Мукамбаев Ж.* Джергетальский говор киргизского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1955.
- Мураталиев М.* Придаточные предложения времени в киргизском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1962.
- Мусаев К.* О глаголно-именных конструкциях в современном казахском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1956.
- Мусаев К.М.* Грамматика караимского языка. М., 1964.
- Муталибов С.* Категория глагола в письменных памятниках XI в. Ташкент, 1955.
- Мухаммедова З.Б.* Язык Астрabadской рукописи Дивана Махтумкули: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1948.
- Наджип Э.Н.* Современный уйгурский язык. М., 1960.
- Наджип Э.Н.* Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Етилта XIV в.: Автореф. дис. ... док-ра филол. наук. М., 1965.
- Накисбеков О.* Языковые особенности казахов Чуйской долины: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1963.
- Нартыев Н.* Сарыкский диалект туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1960.
- Насилов В.М.* Грамматика уйгурского языка. М., 1940.
- Насилов В.М.* Язык орхонеенесейских памятников. М., 1960.
- Насилов В.М.* Древнеуйгурский язык. М., 1963.
- Насыров Д.С.* Причастие и его синтаксические функции в каракалпакском языке. М., 1953.
- Нахичеванская группа диалектов и говоров азербайджанского языка. Баку, 1962.
- НРСл. — Ногайско-русский словарь. М., 1963.
- ОРСл. — Ойратско-русский словарь. М., 1947.
- Омарбеков С.* Мангышлакский говор казахского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1960.
- Орудбаева Б.О.* Формы прошедшего времени в киргизском языке. Фрунзе, 1955.
- Павлов И.П.* Деепричастия в чувашском языке и их синтаксические функции. М., 1953.
- Пашаев Г.М.* Фонетика керкукского диалекта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1969.
- Покровская Л.А.* Грамматика гагаузского языка. М., 1964.
- Поливанов Е.Д.* Введение в языкознание. Л., 1928.
- Поливанов Е.Д.* Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент, 1933.
- Поцелуевский А.П.* Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943.

- Поцелуевский А.П.* Проблемы стадионально-сравнительной грамматики тюркских языков. – Изв. Туркм. филиала АН СССР, 1946 № 3/4.
- Поцелуевский А.П.* Диалекты туркменского языка: Избранные труды. Ашхабад, 1975.
- Поцелуевский Е.А.* Тюркский трехчлен. М., 1967.
- Рагимов М.Ш.* Формы выражения настоящих и будущих времен в письменных памятниках азербайджанского языка XIV–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1957.
- Рагимов М.Ш.* История формирования наклонений глагола в азербайджанском языке. Баку, 1965.
- Рамазанов К.Т.* Сальянский диалект азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1955.
- Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
- Рассадин В.И.* Некоторые особенности морфологии тофаларского языка. – В кн.: *Turcologica*. К 70-летию акад. А.Н. Кононова. Л., 1976.
- Рассадин В.И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.
- Решетов В.В.* Кураминские говоры Ташкентской области: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1952.
- Решетов В.В.* Изучение узбекских народных говоров: Материалы по узбекской диалектологии. Ташкент, 1957.
- Рифтин А.* О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке. – В кн.: *Советское языкознание*. Л., 1937, т. 3.
- РКСл.* – Русско-казахский словарь. М., 1954.
- Русская Ю.Н.* Самоучитель хантыйского языка. Л., 1961.
- Рустамов Р.А.* Кубинский диалект. Баку, 1961.
- Рустамов Р.А.* Глагол в диалектах и говорах азербайджанского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Баку, 1964.
- Рустамов Р.А.* Азербайжан диалият вə шивәләринде фе'л. Бакы, 1965.
- РЧСл.* – Русско-чувашийский словарь. М., 1951.
- Садыхов Б.П.* Кадебекские говоры азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1964.
- Садыхов Б.П.* О некоторых кыргызских элементах в айрумском говоре азербайджанского языка. – В кн.: *Вопросы диалектологии тюркских языков*. Баку, 1966.
- Самойлович А.Н.* Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Пг., 1916.
- Санжеев Г.Д.* Грамматика бурятского языка. М., 1941.
- Сапарова Г.* Диалект хасарли туркменского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1970.
- Сартбаев К.* Основные вопросы синтаксиса сложного предложения в современном киргизском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1953.
- Сауранбаев Н.Т.* Основные средства связи сложного предложения. – Изв. АН КазССР. Сер. филол. наук, 1946, № 39.
- Сауранбаев Н.Т.* Еще раз о сложном предложении. – Изв. АН КазССР. Сер. лингв. Алма-Ата, 1948.
- Севортиян Э.В.* Об историческом положении категории переходности и непереходности в тюркских языках. – ВЯ, 1958, № 2.
- Севортиян Э.В.* О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках. – В кн.: *Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков: Синтаксис*. М., 1961, т. III.
- Севортиян Э.В.* Аффиксы глагольного словообразования в азербайджанском языке. М., 1962.
- Севортиян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966₁.
- Севортиян Э.В.* Крымско-татарский язык. – В кн.: *Языки народов СССР*. М., 1966₂, т. II.
- Семенов Д.В.* Синтаксис современного арабского литературного языка. М.; Л., 1941.
- Серебренников Б.А.* Система времен татарского глагола. Казань, 1963.
- Скирдов В.Д.* Русские слова, союзные слова и их соответствия в киргизском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1962.
- СКЯ – Современный казахский язык*. Алма-Ата, 1962.

- Соколов С.А. Типология сложных синтаксических структур. – В кн.: Вопросы тюркской филологии. М., 1966.
- Спринчак Я.А. Очерки русского исторического синтаксиса. Киев, 1964, II.
- СТЛЯ – Современный татарский литературный язык. Алма-Ата, 1969.
- Тенишев Э.Р. Саларский язык. М., 1963.
- Тенишев Э.Р. Саларские тексты. М., 1964.
- Тенишев Э.Р. Говор урумов села Прасковеевки. – СТ, 1973, № 1.
- Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык желтых уйгуротов. М., 1966.
- Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951.
- ТРСл. – Турецко-русский словарь /Под ред. В.А. Гордлевского. М., 1931; Тувинско-русский словарь /Под ред. А.А. Пальмбаха. М., 1955.
- Тумаева Д.Г. Татарские диалекты Западной Сибири. М., 1952.
- Тумаева Д.Г. Язык татар Западной Сибири: Тюменский говор. – Учен. зап. Казан. гос. ун-та, 1956, т. 116, кн. II.
- Тумаева Д.Г. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам: Автoref. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1969.
- Туретжанова М. Тулейский говор киргизского языка: Автoref. дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе, 1954.
- Убярова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. М.; Л., 1950.
- Убярова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка: Сложное предложение. Новосибирск, 1976, кн. 1, 2.
- УРСл. – Узбекско-русский словарь. М., 1959; Уйгурско-русский словарь. Алма-Ата, 1961.
- ЎДМ – Ўзбек диалектологиясидан материаллар. Тошкент, 1957.
- Фазылов Е. Староузбекский язык. Ташкент, 1966.
- Фарманов И. Ошский говор узбекского языка: Автoref. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1960.
- Физули Х. Эсәрләр. Бакы, 1944, I.
- Филоненко В.И. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940.
- ФСл. – Мудрость двух народов. Краткий фразеологический словарь русского и туркменского языков. Ашхабад, 1963.
- Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Якутск, 1947.
- ХЭТД – Хээрик заман туркмен дили. Ашгабат, 1960.
- Ходжаев Б. Условная форма глагола в современном туркменском языке. Ашхабад, 1958.
- ХРСл. – Хакасско-русский словарь /Под. ред. Н.А. Баскакова. М., 1953.
- Чернов М.Ф. Чавашлэ-выраала фразеологи словарь, Шупашкар, 1982.
- Чомдадов О. Диалект ата туркменского языка (Даргантинский район): Автoref. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1975.
- Чорлиев О. Марыйский говор туркменского языка: Автoref. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1964.
- ЧРСл. – Чувашско-русский словарь. М., 1961.
- Шакирова Р.Ф. Говор татар Краснооктябрьского района Горьковской области. М., 1949.
- Шахманова Р.Г. Казанищенский говор кумыкского языка: Автoref. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
- Ширалиев М.Ш. Бакинский диалект. Баку, 1957.
- Ширалиев М.Ш. Проблема сложноподчиненного предложения. – В кн.: Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958.
- Ширалиев М. Азэрбајҹан диалектологиясынын асаслары. Бакы, 1962.
- Ширалиев М.Ш. Интерпретация некоторых изоглосс диалектологического атласа восточной группы диалектов и говоров азербайджанского языка. – В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Фрунзе, 1968.
- Шербак А.М. Огуз-наме, Мухаббат-наме. М., 1959.
- Шербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана. М.; Л., 1961.
- Шербак А.М. Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1962.
- Шербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л., 1977.

- Юдахин К.К. Некоторые особенности карабулакского говора. – В кн.: Материалы по узбекской диалектологии. Ташкент, 1957.
- Юнусалиев Б.М. К вопросу о формировании общенародного киргизского языка. – Тр. Ин-та языка и лит. АН КиргССР, 1956, вып. VI.
- Языки народов СССР. М., 1966, т. II.
- Ястребский С.В. Грамматика якутского языка. М., 1938.
- Bang W. Vom Koktürkischen zum Osmanischen. В., 1917, I.
- Baskakov N.A. Sur la genèse de la structure de la proposition dans les langues turques. – Acta Orientalia Acad. scient. hungaricae, 1960, t. XI, fasc. 1–3.
- Böhtingk O. Ueber die Sprache der Jakuten. St.-Pb., 1851.
- Brockelman C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954.
- Delbrück B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. – In: Brugmann K., Delbrück B. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1893, III.
- Deny J. Grammaire de la langue turque. P., 1921.
- Eckmann J. Chagatay Manual. Bloomington: Indiana University, 1966.
- Ergin M. Dede Korkut kitabı: Index-Grammar. Ankara, 1963, II.
- Gabain A. von. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950.
- Gröbech K. Der türkische Sprachbau. Kopenhagen, 1936.
- Grönbech K. Komanisches Wörterbuch. Kopenhagen, 1942.
- Korkmaz Z. Güney-Bati Anadolu ağızları. Ankara, 1956.
- Kowalski T. Osmanisch-türkische Dialekte: – Jn: Enzyklopädie des Islam. Leiden; Leipzig, 1934.
- Kowalski T. Sur Aurel Stein's Sprachaufzeichnungen im Äinallu-Dialect aus Südpersien. Kraków, 1937.
- Mandy C.S. Turkish syntax as a system of qualification. – Bull. of the School of Orient. and Afric. Studies. L., 1955, vol. XVII.
- Monteil V. Sur la dialecte turc de l'Azerbaydjân Iranien. – Journal Asiatique. P., 1956, vol. 244.
- PhTF – Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden, 1959.
- Ramstedt G.J. Ueber die Konjugation des Khalkhamongolischen. – MSFOU, 1892, № 19.
- Räsänen M. Türkische Sprachproben aus Mittel-Anatolien: Konja Vil. – Studia Orient. Helsinki, 1942, V. 2.
- Ritter H. Aserbeidschanische Texte zur nord-persischen Volkskunde. – Der Islam, 1921, XI.
- Tarama – XIII Asirdan günümüze kadar kitaplardan toplanmış tanıklarıyle tarama sözlüğü. İstanbul, 1943, I; XIII yüz yıldan beri Türkiye türkçesiyle yazılmış kitaplardan toplanma ve tanıklarıyle tarama sözlüğü, I. A–B. Ankara, 1963.
- Tekin Talat A. Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington: Indiana University, 1968.
- Zajaczkowski A. Studja nad językiem staroosmanskim. – In: Études sur la langue vielle. Osmanlie. Krakow, 1934.

ИСТОЧНИКИ

- Абдулжалилов Ф. Каты ағын. Черкесск, 1959.
- Абдуллаев А. Бир овуч торпаг. Бакы, 1982.
- Абдуллахонов Ж. Борса келмас. Тошкент, 1978.
- Ажаев В.И. Москваттың ыраах. Якутскай, 1951, I.
- Азәрбајҹан гадыны Азәрбајҹан КП Мәркәзи Комитетинин ичтимаи сијаси ва адәбий бәдии ајлыг журналы. Бакы, 1968–1969.
- Аймурзаев З. Аму даръя бойында. Некис, 1958.
- Акавов А. Зурнайчыны хабары. Махачкала, 1959.
- Ақтапанов Т. Каһарлы күндер. Алматы, 1967.
- Алексеев С.П., Карцов В.Г. ССС-ни историясы. Магъачкъала, 1968.
- Аленов В. Йәмрасем ҹаплах кашлашо. Шупашкар, 1965.
- Алтын-бизе. Алтайское героическое сказание. Горно-Алтайск, 1965.
- АН – Азәрбајҹан науқыллары. Бакы, 1961, I ҹилд.
- Анорбаев С. Ҳикоялар. Тошкент, 1957.
- Артемьев А. Юррату юррисем. Шупашкар, 1953.
- АСЕ – Азәрбајҹан Совет енциклопедијасы. Бакы, 1981, V ҹилд.
- Аталаар сөзү. Бакы, 1956.
- АХД – Азәрбајҹан халг дастанлары. Бакы, 1961, II ҹилд.
- Ахмад С. Таъзим ҳикоялар. Тошкент, 1966.
- Әлсэрзов А. Бир үзік сырлар. Алматы, 1981.
- Әмири Г. Ҳикәйәләр. Өфө, 1953.
- Әпсламов Г. Ак тәннәр. Казан, 1953.
- Әпсламов Г. Газинур. Казан, 1955.
- Әүзэзов М. Абай (тарихи роман). Алматы, 1953, I.
- Байрамов Н. Дурналар. Ашгабат, 1963.
- Байрамов Н. Сахра ёллары. Ашгабат, 1981.
- Босақов Ж. Қайнам. Алмута, 1964.
- БТӘ – Боранды татар аләбиәте. Казан, 1963.
- Буджактан сесләр. Кишинев, 1959.
- Бурнаков Ф. Пабам-аша. Абакан, 1964.
- Вагиф – Молла Җәнәнә Вагиф. Эсәрләри. Бакы, 1957.
- Вали Э. Ҳикәйәләр. Казан, 1953.
- Гази И. Онытылмас еллар. Казан, 1949.
- Гали М. Сайланма эсәрләри. Казан, 1956.
- Гилажев Х. Погоный һалдаттар. Өфө, 1965.
- Ғулом Ҳ. Замин юлдузлари. Тошкент, 1981.
- Гурбансөхедов Г. Қырк тенце. Ашгабат, 1961.
- Гуртуев Э. Тенглерим. Нальчик, 1962.
- Дайырбаев М. Қайта оралған бақыт. Алматы, 1981.
- Даули Нәби. Яшау белән улем арасында. Казан, 1959.
- Дәүли Нәби. Тамғалы буре. Лирик хикәмлә. Казан, 1962.
- Дербент-наме – دربند نامه (рукопись по истории Дербента и Дагестана). – Рук. фонд Ленингр. гос. публ. б-ки им. Салтыкова-Щедрина – Дерб. Дорн. ДХЛ, 541.
- ДП – Документы на половецком языке XVI в. М., 1967.
- Еники Ә. Саз ҹечәге. Казан, 1956.
- Жунусов К. Жыпар. Фрунзе, 1957.
- Жусупов К. Жашоо күмары. Аңгемелер жана повесттер. Фрунзе, 1965.
- Залиханов Ж. Жаныңган жөрекле. Нальчик, 1970.
- Ибраһимов Г. Сайланма эсәрләр. Казан, 1957, т. 1.
- Ибраһимов М. Сары сим. Бакы, 1958.
- Ибраһимов М. Сечилмиш эсәрләри. Бакы, 1966.
- Казан утлары (Литературный журнал Союза писателей Татарской АССР), 1967, 1972.
- Каймов К. Адашуу. Повесть Жана аңгемелер. Фрунзе, 1957.
- Кангельдиеев Н., Шнейдман В.Н., Нанавев К. Қыргыз тилинин окуу китеби. Фрунзе, 1953.
- Карачобан Д. Алчак сачак алтында. Кишинев, 1966.

- Көнгө Йоллар. Черкесск, 1959.
- Кербабаев Б. Небитдаг. Ашгабат, 1957.
- Күтүй Г. Сайланма эсәрләр. Казан, 1947.
- Қайсанов Қ. Жау тылтында. Алматы, 1967.
- Қайынбергенов Т. Қарақалпак қызы. Некис; Казан, 1965.
- Қахфар А. Танланган асарлар. Уч. томик. Тошкент, 1958, III.
- ҚЕ – Қазак, ертегілері. Алматы, 1957, I.
- Қодирий А. Үтгән күнләр. Тошкент, 1958.
- Қодирий А. Мәхробдан чәйн. Тошкент, 1959.
- Лазарева А. Ырә ёмёт. Шупашкар, 1960.
- Лазарева А. Телейлисем Шупашкар, 1977.
- Лейли и Маджнун – **فضولی لیلی مجنون** Рук. фонд Ин-та востоковедения АН СССР, инв. 1935, № 424.
- Ленин Йолы. 1967, 25/XI, 25/XII – газета (орган Карабаево-Черкесского обкома КПСС и областного Совета депутатов трудящихся).
- Махтумкулы – *Магтымгулы*. Сайланан эсәрлер. Ашгабат, 1958.
- Маммадов А. Тәзә Ыылдызылар. Ашгабат, 1960.
- Мәңсөти Қәңчәви. Рубайләр. Бакы, 1957.
- Менди һ. Сәхәр. Бакы, 1953.
- Менди һ. Сечилмиш эсәрләри. Бакы, 1954, I.
- МН – Молла Насраддин. Бакы, 1951, 1 милд.
- Мухтор А. Опа сингиллар. Тошкент, 1958.
- Мұмінов О. Турфа олам. Тошкент, 1982.
- Назир Ҳ. Очос нур. Фрунзе, 1960.
- Несими У-124 **دیوان نسیمی** Рук. фонд АН АзССР, № У-124.
- Несими В-4019 – **دیوان نسیمی** Рук. фонд при ИВАН (Ленинград), № В-4019.
- Низами – Қенишви Н. Гәзәлләр. Бакы, 1956.
- Нұртейісов Э. Ұмырт. Алматы, 1966.
- Ойбек. Навоий. Тошкент, 1948.
- Ордубады М.С. Гылышнә гәләм. Бакы, 1949.
- Осипов П. Пиччёшепе шаллә. Шупашкар, 1977.
- Острогский Н. Үстаал хайдах хатырылдыбыта. Якутской, 1954.
- Полевой Б. Дынның киңи туңунан сәнен. Якутской, 1950.
- Рахым Ч. Зангари. Кема капитаны. Тошкент, 1962.
- Расих А. Бәхәт орлыклары. Казан, 1954.
- Расих А. Дустым Мансур. Казан, 1955.
- Рашидов Ш. Бүрөндән күчти. Тошкент, 1958.
- Рашидов Ш. Бороон-дон күчтүү. Фрунзе, 1961.
- Садықбеков Т. Тоо арасында. Фрунзе, 1955, I.
- Салиев С. Адам келди. Нокис, 1963.
- Сарабски Н. Қаһнә Бакы. Бакы, 1982.
- Сарғасқаев С. Кекілди балалар. Алматы, 1966.
- Сарыханов Н. Сайланан эсерлер. Ашгабат, 1951.
- Сарыханов Н. Шүкүр башы. Ашгабат, 1961.
- Сабаннаддин А. Ҳәз палтолу Мадонна. Бакы, 1982.
- Сейтазаров Г. Қызыл күм новелласы. Некис, 1962.
- Сейфуллин Э. Эңгімелерімен повестери. Алматы, 1958.
- Сердиеев Н. Ақ қайын. Алматы, 1967.
- Сланов Г. Шалқар. Алматы, 1954.
- Смирнов В.Д. Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. СПб., 1903.
- Садықбеков Т. Зайылтар. Фрунзе, 1966.
- Талвир А. Эсә инженер пулатын. Шупашкар, 1952.
- Талвир А. Павә қулә ғинче. Шупашкар, 1954.
- Танасоглу Д.Н. Буквалык шкоода советика. Кишинев, 1958.
- Татар халық ақияттаре. Казан, 1956, II.
- Техтамов К. Аддий Кишиләр. Алматы, 1962.
- Техфетуллин Р. Йолдызым повесть. Казан, 1962.
- Техфетуллин Р. Ике повесть. Казан, 1979.
- Туркменские народные сказки Марыйского района /Вводные статьи и примеч. Н.К. Дмитриева. М.; Л., 1954.
- Тыва домак. – Тыва улустун үлгерес сестери болгаш домактары. Қызыл, 1955.
- Үйләп Мишиши. Инәе қулоем тәрәх. Шупашкар, 1960.
- Үхли В.В. Шуркеләсем. Шупашкар, 1956, I; 1966, II.
- ҮЭ – Үзбек ҳолк әртаклары. Тошкент, 1963, I.
- Фәттах Н. Бала күнделе далада. Казан, 1966.
- Фәттах Н. Яшь чакларда хикәяләр. Казан, 1967.
- Физули گلبا ت فضولى** Рук. фонд Ин-та востоковедения АН СССР, инв. № 1561.
- Физули Х. Эсәрләр. Бакы, 1944, I.
- Хайри Г. Боролош. Өфе, 1967.
- Хәсәнов М. Кыюлар юлы. Казан, 1956.

- Хәрби повестәр — Исламов Д., Мата-
зов А., Утәгәнов Ә. Хәрби новостәр.
Өфө, 1978.
- Хәтаи. Деңнамә (он мәктуб). Бакы,
1946.
- Хәтаи Ш.И. Эсәрләри. Бакы, 1966, I.
- Хөсни Ф. Авыл өстенде Йолдызлар.
Казан, 1955.
- Худайназаров Б. Ызғының гезлери. Аш-
габад, 1980.
- ХЧН — Хакас чонының нымахтары.
Абакан, 1956.
- Нагвердиев Ә. Сечилмиш эсәрләри. II җилд.
Бакы, 1957.
- Чашмалар (адабий альманах). Душанбе,
1967.
- Чаббарлы Ч. Сечилмиш эсәрләри. Бакы,
1949.
- Чаббарлы Ч. П'есләр. Бакы, 1954.
- Шарипов Ж. Саодат. Тошкент, 1957.
- Шукurov E. Fuzə gullagandı. Тошкент,
1956.
- Шүнәданамә — Мәхәммәд ибн Пүсейн.
Катиб Ниша пуринин тәржүмәси. —
- С — 106
Рук. фонд АН АзССР, инв. № 13659
- Эсхель А. Йылымри юрә. Шупашкар, 1955.
- Юлтый Д. Сайланма Эсәрләр. Казан, 1959.
- Ягыяев М.С. Чакырылмагын къона-
кылар. Махачкала, 1959.
- Яшин. Пьесалар. Тошкент, 1954.
- Kadi Burhanettin Divani. 1 Türk basım.
İstanbul, 1943.
- Caferoğlu A. Doğu illerimiz ağızlarından
toplamlar. İstanbul, 1942.
- Cumhuriyet (тур. газ.), 1967, 2 ocak.
EX — Edebjat xrestomatiası. Б.М.:
Orta ASSP Devlet Neşriyatı, 1937;
- Halikarnas Balıkçı. Uluç reis. İstanbul,
1962.
- МК — Mahmud-al-Kaşgari. Divanü Lügat-
it Türk tercümesi. I—III. Ankara, 1939—
1941.
- Nasreddin H. Eşkralar. Sofia, 1957.
- Nesin A. Deliler boşandı. İstanbul, 1958.
- Nesin A. Ölmüş eşek. İstanbul, 1958.
- Nesin A. Biz adam olmayız. İstanbul, 1962.
- Güntekin R.N. Gökyüzü. İstanbul, 1958.
- Güntekin R.N. Bir kadın düşmanı. İstanbul,
1958.
- Sabahattin A. İçimizdeki şeytan. Sofia,
1956.
- Sabahattin A. Bütün eserleri. Sofia,
1966.
- TEA — Türk edebiyatı antolojileri izahlı.
Eski metinler antolojisi Şükrü Kurgan.
Ankara, 1943.
- TH — Türk bıkâyeleri. Sofia, 1956.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- адъективизация 7, 51, 52, 55, 59, 258
адъюстация 110, 111
аналогия 79
аорист 12, 48, 78, 81, 86, 258, 261
архаизм 17, 21
архетип 3, 36, 17–21, 26, 65
атрибут 6, 95
аттракция
— притяжательная 10
— изафетная 104
аффикс
— личный 1-й категории 76
— личный 2-й категории 77, 79
— падежный 106, 109, 141, 204
— принадлежности 104, 106, 110, 119, 127, 133, 149, 194, 240–243, 258
— притяжательный 9, 36, 82, 115
— причастный 136, 137
— пространственных падежей 141
— род. падежа 9
— сказуемого 76–78, 84
- время
— буд. на -аchak 87, на -eai 160
— буд. в прошедшем 159
— давнопрош. 9
— наст. -буд. 84–87, 159, 160
— прош.-длительное – 86
— категориальное на -ды 109
— с показателем -ды/-ты (-di/-ti) 84
- гибридизация 233, 247, 255, 262
гипотаксис 10, 104
глагол
— безличная форма 12
— вспомогательный 81, 83
— дезидеративный 153
— корневой 106
— личная форма 7
— недостаточный -ä, äär 12
— недостаточный -ä/-i 79, 80
— недостаточный эди 79
— недостаточный от основы äär-/är- 80, 81
- глагол-предикат 109
глагол-связка 7, 12, 13, 26, 81, 106, 252
грамматизация 229
- группа
— атрибутивная 6
— именная 15
— предиката 54
— предикативная 6, 15, 56
— синтаксическая с причастием 11
- давление системы 109, 162, 163
деепричастие 7, 9, 16, 27, 95, 97, 112, 113, 115, 117, 118, 140, 141, 147, 221
— на -an 138
— на -äb 153, 154, 221, 260
— на -a 154
— на -aрак 154
— на -сан 155
— на -eav 155
— на -ken 155, 156
— на -vin 156
— на -yl 156, 161
— на -ca 161
- дериват 118
дополнение 9, 51, 98
— развернутое 98, 112, 113
— развернутое в вин. падеже 98
— развернутое в местн. падеже 98
— развернутое в исх. падеже 98
— развернутое в неоформленном притяжательном падеже 118
- дополняемое 51
- единица
— синтаксическая 3, 5, 15–18, 20, 21, 26, 28, 30, 63, 227, 254, 260
— семантический тип 21
— предикативное предложение 104
- единство грамматическое 28
- закон гармонии гласных 78, 79, 82
закон порядка слов "определение + определяемое" 7, 23–25, 28, 29, 39, 51
- залог
— взаимосовместный 88
— возвратный 88
— страдательный 88
- изафет 23, 25, 50, 58
— I тип 23, 51–54, 58, 59, 258, 259
— II тип 23, 53, 55–60, 258, 259

- III тип 7, 16, 20, 23, 54, 56, 59, 62, 258, 259
- цепной 62
- изоморфизм** 24
- изосемантизм** 28
- имперфект неопределенный** 85–87
- имя**
 - глагольное 9, 109, 260
 - отглагольное 24, 47, 48, 109, 130, 140, 258
 - на -у(-уа) 88, 151, 152
 - на -ых 139–140
 - на -мыши 145
 - отпричастное 13, 116, 120, 129, 130, 132, 136, 138, 144
 - на -сан 12, 27
 - на -ын 124
 - с афф. -ай 128
 - на -ан 133–135
 - на -ынча 134
 - на -на 135
 - на -мак 143
 - на -быт 145
 - на -ачак 147
 - на -ыхах 148
 - на -р 149–151
 - на -ас 153
 - определяемое 11
 - разряды 74
- индикатор пространственный** 36
- инновация** 32, 48, 258
- инструктив** 70, 258
- инфinitив** 50, 258
- "**историология синтаксическая**" – 14
- категориальность родовая** 59
- категория**
 - активности – пассивности 11
 - множественности 93
 - определенности – неопределенности 7, 8, 11, 23, 24, 54, 57, 60, 63
 - принадлежности 35, 36, 89
 - семантическая 8
 - синтаксическая 15, 16, 23, 50, 51, 95, 96, 162
 - сказуемости 79, 89
- "**квазипредложение**" 95
- квалификатор** 5
- коаффикс** 66
- коллокация** 24, 55
- комбинации синтаксические** 5
- комитатив** 71, 93, 124, 128, 259
- комплекс**
 - именной атрибутивный 23
 - "объект + отглагольное имя" 24
- компонент зависимый** 16
- конверсия** 109
- конкретизатор**
 - обстоятельственный 30
- конструкция**
 - аналитическая 124
 - атрибутивная 132
 - без предиката 95
 - генитивная 62
 - гибридная 238, 247, 255, 256
 - глагольная 5
 - глагольно-именная 16, 96
 - деепричастная 3, 8, 12, 16, 112, 116, 156
 - зависимая 9
 - замкнутая трехчленная 119
 - изафетная 9, 57, 195, 256
 - именная 5
 - объектная 24, 120, 132, 141–143, 152, 241–243, 245, 256
 - обстоятельственная 114, 242, 244, 245
 - определительная 10, 11, 106, 111, 163, 243
 - послеложная 73, 259
 - подчинительная 230, 255, 256
 - предикативно-атрибутивная 11
 - притяжательная 59
 - причастная 3, 8, 12, 16, 30, 95, 118, 131, 156
 - развернутая 23
 - союзная 12
 - уступительная 223, 248
 - с -арда 149
 - с бар 82
 - с бар и йок 110
 - с объективно-пространственными падежами 62
 - с показателем -са 157
 - с показателем -сан 160
- с **самостоятельным подлежащим** 8
- контаминация** 46, 109, 131, 145, 227
- концентр** 29
 - подлежащий 24
 - предложения 28
 - сказуемостный 24
- корень глагола** 85
- латив** 130
- масдар** 95
- местоимение** 101
 - анафорическое 195, 198, 204, 207, 226
 - возвратное 36
 - вопросительное *капсы* 190
 - личное 36, 65, 77, 82, 119, 123, 260
 - определительное 37
 - относительное 17, 119, 227, 243
 - относительно-вопросительное 201
 - притяжательное 36, 61
 - собирательное 37, 38, 232, 258
 - указательное 36, 37, 61, 190
- метод сопоставления** 14, 15

- множественность 92, 93
 - абстрактная 93
 - собирательная 93
- множество собирательный 91, 92
- модальность 233, 234
- модель
 - морфологическая 21
 - общая типовая синтаксической единицы 17
 - предложения 17, 19
 - синтаксическая 196
 - словосочетание 17, 19
 - "нумератив + афф. -лык" 33, 41
 - "нумератив + афф. -лы" 33
 - "числительное + нумеративное слово + существительное" 33
 - "неопределенно-количественное числительное + существительное" 35
 - дат.-Неопр. падеж с показателем -еа" 65
 - структурная семантического типа 20
- морфологизация 8, 228
- морфология историческая 3, 257
- наклонение
 - желательное 103, 223, 261
 - повелительное 103, 158, 183, 196, 223, 233, 260
 - повелительно-желательное 184, 185, 193, 196, 197, 202, 205, 207, 208, 213, 214
 - косвенное 88, 104, 196
 - условное 103, 160, 223, 229, 232, 233
- наречие 26
- неологизм 21
- нумератив 32, 33
- оборот 8
 - абсолютный 157, 162
 - абсолютный деепричастный 116–118, 155, 163
 - абсолютный со своим подлежащим 22
 - без подлежащего 98
 - глагольный на -ан/-ган, -дыг 7
 - деепричастный 8, 94, 96, 98, 116–118, 137, 138, 260
 - определительный 98
 - отглагольно-именной 94, 260
 - причастный 8, 94, 96, 98, 112, 137, 138
 - простой причастный 116
 - с собственным подлежащим 98
- оборот-трансформа
 - зависимая 163
- образование
 - деепричастное 8
 - причастное 8
- связочное 160
- синтаксическое 10
- сложное союзное 163, 217, 228
- союзное 166, 169, 228
- субстантивированное 129, 143
- обстоятельство 15, 30
- объект 15, 30, 57
 - косвенный 65
 - неконкретный 69
- опора морфологическая 17, 19, 20, 26, 39, 257
- определение 5, 23, 24, 51, 52, 57–62, 90, 98, 112, 139
 - зависимое 163
 - к сказуемому 9
 - конкретизирующее 61
 - логическое 11
 - качественное 29
 - обстоятельственное 30
 - относительное 29
 - развернутое 24, 98
- определение-существительное 53
- определение-уточнитель 60
- определитель
 - количественный 91
 - определяемое 29, 51, 55, 57–59, 90, 119, 163, 194
- оптатив 12, 27, 85, 161, 238, 261
- опущение
 - морфологических элементов 8
 - союза 103
- основа 85
 - глагола 85
 - дуративная 85
- отношение
 - атрибутивное 5, 6, 30, 50, 103, 128, 129, 152
 - изофетное 106, 119
 - изъяснительное 111
 - категориальное 61
 - компаративное 145
 - объектное 57, 102, 128–130, 142, 144, 146, 149
 - определительное 102
 - подчинительное 58, 100, 103, 111, 162, 204, 233, 247
 - полуопределительное 30
 - предикативное 5
 - притяжательное 36
 - причинно-следственное 102, 126, 127, 136, 143, 144, 152, 154
 - противительно-уступительное 164
 - синтаксическое 9, 15, 23, 28, 29, 39, 62, 104, 163
 - сочинительное 100, 162
 - условно-уступительное 103, 126, 127, 225
 - "объект – глагол" 5
 - "подлежащее – сказуемое" 5
 - "прилагательное – имя существительное" 5

- отрицание 13
 оформление падежное 76
 падеж отложительный 114, 259
 парадигма 79
 параллелизм лексико-грамматический 101, 103
 паратаксис 10, 104
 партитив 69
 переразложение синтаксическое 30, 260
 период
 - условный 157
 - ирреальный 159
 перфект 27, 87
 - на -ган 87
 - на -ан 87
 - на -на 87
 - на -мыш 87
 - на -ыл 87
 преоназм 56, 258
 плюскувамперафект 87
 подлежащее 9, 15, 24, 95, 98, 104, 117, 118, 194, 204
 - одушевленное 90
 - неодушевленное 90
 - однородные 91
 - собираательное 91
 - потенциальное 118
 - способы выражения 74
 - самостоятельное 96
 подлежащее-субъект 11
 подчинение 8, 10, 103–105, 162, 163, 227
 позиция
 - конечная глагола 23
 показатель
 - аориста 12
 - действующего лица 120
 - деепричастной формы 138
 - морфологический 26, 73
 - оруд. падежа -на 159
 - предикативный ол/ул 12
 - собираательной множественности 40
 - условного наклонения -са 157, 233, 247, 248
 - формальный 33, 67, 160, 257
 полу предикативность 30
 порядок слов 8, 10
 - "определение + определяемое" 110–113
 послелог 115, 116, 124, 127, 128, 134, 138, 141, 147, 148, 150, 152, 230, 259
 - билен 145
 - бирле 125
 - гэдэр 134
 - гэдэр/кадар 135
 - гиби 145
 - гора 142
 - ичин 142
 — караганда 142
 — карамай 142
 — кейин 126
 — кими 145
 — мен/белэн 152
 — менэн 125
 — мэңзилек 145
 — нэх (ex) 136
 — пирки 136
 — сайын 125
 — җемен 136
 — сон 126
 — төләэдә 214
 — ужурунда 127
 — учун 127
 — хыссан 136
 постпозиция 221, 231
 - частич 108
 предикат 9, 28–31, 63, 74, 88–91, 119
 - без определяемого 6
 - глагольный 13
 - древний тюркский 13
 - логический 93
 - трансформированный 120
 предикат-глагол 29
 предикативность 28, 74, 83, 260
 предложение 7–13, 15, 18, 28, 30, 63, 106, 110, 111
 - атрибутивное 9
 - аналитическое 96
 - безличное 88, 89
 - зависимое 22, 99, 108–110
 - именное 3, 75, 107, 110
 - квазиэргативное 11
 - независимое 104
 - обобщенно-личное 89, 90
 - оптативное 111
 - определительное 243
 - посессивное 11
 - потенциальное 96
 - примыкаемое 101–103, 106, 107
 - синтетическое 96, 97
 - суставтированное 8
 - цепное присоединительное 10, 100
 - простое 3, 8–11, 13, 16, 22, 24, 62, 74, 88, 93, 97, 99–101, 105, 108, 111, 113, 131, 137, 138, 141, 144–146, 151, 154, 156, 157, 162, 218
 - именное 19, 27, 74, 81, 228, 260, 261, 262
 - глагольное 3, 21, 74, 84, 107
 - сложное 3, 8, 12, 13, 62, 95, 99, 104, 107, 157, 252, 256, 261
 - бессоюзное 10, 101, 162
 - союзного типа 20, 162, 163, 218, 261
 - сложносочиненное 9, 175, 222
 - сложноподчиненное 9, 24, 58, 94–96, 105, 110, 163, 182, 255

- переходного типа 96
 - главное 9, 10, 19, 95, 97, 98, 109, 116, 118, 153, 154, 157, 159, 160, 163, 187, 188, 190, 195, 198–200, 202, 203, 205, 207, 209, 210, 213, 217, 238
 - придаточное 3, 8, 10, 16, 20, 26, 93–98, 156, 157, 159, 187, 195, 207, 213, 217, 223, 226, 233, 238
 - вводимое союзом 19
 - ирреальное 157
 - реальное 157
 - синтетическое 98, 156
 - собственно 94
 - сокращенное 8, 94
 - дополнительные 19, 25, 128, 182, 184, 186, 195, 196, 201, 204, 205, 208, 210, 211
 - изъяснительное 105, 185
 - меры и степени 207, 208, 215
 - места 183, 190–192, 200, 206, 210, 212, 214
 - образа действия 163, 182, 191, 196, 199, 201, 206, 210, 211
 - обстоятельственное 105, 112
 - объектное 105
 - определительное 25, 105, 113, 182, 184, 186, 190, 193–195, 201, 203, 204, 208
 - относительное 10, 17
 - подлежащее 192, 202, 207, 222
 - причины 181, 183, 184, 187, 189, 190, 200, 208–212, 215, 216, 226
 - сказуемое 182, 193, 202
 - сравнения 182, 184, 188, 210, 212, 215
 - со значением выполненного условия 212, 214
 - с причинно-следственным значением 182, 200, 201, 206, 214, 215, 226
 - условия 111, 158, 189, 200, 206, 208, 209, 211, 216
 - уступительное 188, 191, 200, 208, 210, 214, 218
 - цели 106, 183–185, 187, 197, 205, 207, 213, 222
 - потенциально возможное придаточное 113, 114, 116–118, 120, 153, 261
 - определительное 118, 130, 131, 135, 139, 143, 147, 148, 151, 153
 - дополнительное 120, 129, 132, 139, 142, 144, 146, 147, 148, 149, 151
 - обстоятельственное 156
 - времени 136
- предложение-суждение 11

препозиция

- дополнения 23
- род. падежа 23
- признак перфектный 31
- прием синтаксический 10
- прилагательное 45, 257, 258
 - безаффиксальное 26
 - качественное 38
 - корневое 38
 - непроизводное 38
 - отглагольное 46, 50, 130, 150
 - относительное 39–41, 55
 - привативное на -сыз 45
 - на -ак 43
 - на -ыч 44
 - на -кай 43
 - на -қак/-вак 43
 - на -қач/-вак 44
 - на -қы/-ки (-ғы/-ги) 41
 - на -қыр/-қир (-ғыр/-ғир) 44
 - на -лаах (-таах/-маах) 41
 - на -лу: (-ду:/-ту:) 40
 - на -лы 40
 - на -лыа 30
 - на -лык 40
 - на -ың/-иң 44
 - на -ыңч 43
 - на -ыч 43
 - на -чак 42
 - на -чан 41
 - на -чы 41
 - на -чык 42
- прилепа 25
- примыкание 10, 16, 23, 24, 29, 33, 54, 55, 59, 97, 99–102, 104, 105, 108, 110, 157, 162, 218, 228, 258, 261, 262
- принадлежность 57, 59, 62, 63, 68, 70
 - аффикс ~ и 7, 23, 53, 61, 77, 78
- принцип экономии 56
- причастие 6, 7, 9, 13, 16, 30, 45, 95, 113, 115, 128, 129, 131, 138, 141, 150, 153, 243, 257, 258, 260
 - в определительной конструкции 9
 - производное от причастия на -ган 128
 - развернутое 98
 - на -ан 22, 45, 131, 132, 136, 138
 - на -ан/-йан 46
 - на -ас 152
 - на -асы 49, 152, 153
 - на -аңағ 48
 - на -аҹак 147, 148
 - на -яңк 147
 - на -быт (-пыт/мыт) 144
 - на -ган 45
 - на -дык 46, 138, 139, 145
 - на -қан/-еан 137, 138

- на -малы 50
 - на -мыш-/миш 22, 47, 131, 138, 141, 143–145
 - на -и 138
 - на -нă 135, 137
 - на -р/-ыр/-ар, -мас/-мăс 47, 48, 49, 150
 - на -а/ туғызы/- (а) дыбыны 49
 - на -ыах 148
 - на -ык 46
 - пролатив 69
- разряд грамматический 5, 16
- распространенность территориальная модели 20, 21
- распространитель 31
- реконструкция 12, 17, 25, 27, 81, 257, 259
 - синтаксическая 26
 - синтаксических единиц 14, 19
 - словосочетаний 26
- речение
 - союзное 230, 234, 255
 - ојердэ ки 212
 - ол сәбәбдэн ким 212
- речь прямая 105, 106
- связка 6, 12, 75, 79–84, 93, 108, 160, 238, 241, 260
- связь
 - бессоюзная 22, 103
 - двойная 29
 - имплицитивная 25
 - относительная 109, 110
 - подчинительная 104, 226
 - пояснительная 101
 - синтаксическая 10, 255, 256, 262
 - союзная 103, 107, 228
 - способы выражения 12, 16, 95, 97, 99, 104, 230
- синтаксис 94
 - аналитический 95, 97
 - исторический 104
 - синтетический 95
- сказуемое 6, 15, 30, 63, 74, 89, 90, 98, 105–108, 185, 195, 197, 202, 208, 213, 221, 223, 238, 260
 - глагольное 16, 104, 112
 - именное 75, 76, 104, 106, 110
 - потенциальное 118, 120, 150, 159, 160, 162
 - природа 3, 11, 16, 74
 - способы выражения 11, 74
 - структура 85
 - формы 9, 16, 96
- сказуемое-предикат 11, 74
- сказуемое-причастие 11
- сказуемое-трансформант 118, 119
- сказуемость 75, 76, 78, 82, 83
- сингармонизм 12, 260
- синтагма
 - предикативная 6
 - атрибутивная 6
- синтаксис 3, 4, 13, 14, 16–19, 28
- слово
 - вспомогательное 108
 - знаменательное 16
 - парные 27
 - нумеративное 52
- слово-понятие 11
- слово-предложение инкорпорированное 11
- слово-предмет 15
 - служебное 16, 76, 107, 115, 116, 135, 138, 141, 145, 152, 184
 - куп 150
 - караганда 152
 - сәбәт (ле) 152
 - дейә /дийу/ пейә 184
 - соотносительное 101, 103, 163, 182, 183, 188, 190, 191, 196, 198–200, 202, 203, 205, 207, 210, 213, 226
 - ердэ 200
 - союзное 12, 162, 164, 190
 - балай 184
 - кайда 190
 - жүя 184
 - кайсы 190
 - канда 191
 - хайсі (ніңе) 191
 - һашах: пачан: муган 192
 - қайтап 192
 - ким 201, 204–207, 209
 - на 207
 - наңа 209
 - наңда 210
 - нәчә 211
- сочетание
 - безаффиксальное двух имен 16
 - бессоюзные 162
 - изафетное 53, 60, 61, 120
 - им. падежа с причастиями 97
 - номинативное 15
 - определительное 5
 - предикативное 15
 - притяжательное определительное 8
 - синтаксическое 15
- словосочетание 7, 15, 16, 28, 29, 30, 31, 35, 37, 53, 95
 - адъективизированное 23, 52
 - атрибутивное 5, 29, 31, 63
 - выделимые цепные 29
 - глагольное 3, 30, 31, 63, 65, 67, 68, 70, 257, 259, 260
 - глагольно-именное 24
 - глагольное с именем в исх. падеже на -дан 20
 - деепричастное 24
 - именное 3, 31, 63, 257

- объектное 29
- обстоятельственное 29
- определительное 16, 32, 38; 41, 45–48, 50, 257, 258, 260, 261
- причастное 24
- распространенное 29
- с прилагательным 44
- "зависимый член + главный член" 23, 28
- непредикативное 28
- с именем, послелогом и служебным словом 73
- с именем в дат. падеже + послелог 73
- с падежом на -да 67
- "причастие + существительное" 46
- с эквативом на -ча 72
- с дат. -напр. падежом на -ару/-аару 72
- с комитативом на -лыг 73
- случай
 - ирреальный 159, 160, 233, 234
 - реальный 159, 160, 233
- совместность 70
- согласование 16, 23, 29, 89, 92, 93
- сочинение 8, 103, 104, 162, 188
- союз 12, 113, 162, 222, 234, 253, 256
 - начальный присоединительный 170
 - подчинительный 164, 181, 220, 222, 223
 - постпозитивный 109, 222
 - противительный 170, 179, 180, 222
 - разделительный 167, 168, 171
 - соединительный 167, 179, 220, 223
 - сочинительный 164, 170, 220, 221, 224
 - условный 223, 239, 236, 238
 - ал 164
 - айса 164
 - алай, алайба 165
 - ама 209
 - аман 165
 - амма 165
 - анат 166
 - аңғысы/аңғылары 181
 - андақ кім 181
 - ани 182, 201
 - аңиңдәг кім 182
 - антагының ўчүн 182
 - анткени 183
 - аның учун 183
 - анча ки 183
 - анчаг 166
 - анчак/анчук 183
 - анчда 183
 - ара ... ара 166
 - атту 166
 - ба ... ба 166
 - база 167, 232
 - баъзан ... баъзан 167
 - балки 167
 - биле/билин, иле/ле/ли, менен/мен 167
 - бир ... бир 167
 - бирерде ... бирерде 168
 - бирден ... бирден 168
 - биресе ... биресе 168
 - бироқ 168, 239
 - болс 168, 169
 - ва 166, 169, 230
 - вели (велин) 171
 - гә ... әд, го ... ғо 171
 - го 201
 - гей ... гей 171
 - ғоҳ ... ғоҳ 171
 - да 163, 173
 - да/де, та/те, /ла 171
 - даәзы, такы 173
 - дейин 185
 - дейни 185
 - деп/дейиб/теб 186
 - десе 174
 - дии 185
 - дээш 188
 - ғ/а 64
 - ғитпесе 175, 212
 - ғитпегендө 175
 - егер/эгер/әжэр/кэр 188
 - егерчи/герчи/герче 188
 - ейткени 189
 - елә ... ки 189
 - зира 189
 - ийикпе/йикпеазы 175
 - иллә 175
 - инди ки 189
 - исе 175
 - ити курдугу 189
 - ити + послелог бары 190
 - итиэнна 175
 - йа 175
 - йа ... йа 176
 - йада, йа ... йада 176
 - йама, йәмә 176, 177
 - йана 177
 - йана кім 190
 - йани 177
 - йахуд 178
 - йөкса 178
 - кайдан 190
 - кајуда кім 190
 - қанда 191
 - қана кім 191
 - қандай 191
 - қанча 191
 - канчаар 191
 - ках ... ках; ках ... ках, ғоҳ ... ғоҳ 171
 - қачан/қачон 191, 237, 239

- качан ким (*har качан кім*) 192
 - ки 20, 26, 163, 192, 194, 195, 200, 201, 207, 209
 - ким 207
 - лекин 178
 - лы 167
 - ма ... ма 179
 - мадам ки 207, 211
 - мәншің тесен 188
 - мәэр 179
 - нәтәк ким 210
 - не ... не 179
 - нега ки 209
 - неге тюгоя 209
 - из вахт 208
 - не ге десен, 209
 - на гәдәр 209
 - некадар 209
 - не гъурлум ... сол гъурлум 209
 - нердә 210
 - не заман, не заманда 209
 - ив ки 208
 - не ючон десенг 208.
 - ненинг учун дезе 208
 - нешик, нечук 211
 - нитиклем 208
 - нина 210
 - ни хәтле ... шул хәтле 208
 - но 179
 - вахт ки, о вахтта ки 211
 - ол вакт ким, ол вактда ким 211
 - онтон/оттон 180
 - ошол жер 190
 - өйтпесен 212
 - пулын те, пулсан та 211
 - рас 212
 - савайна вара, савайна 215
 - сана син, сансын 212
 - санки 212
 - қапақ та 151
 - сонда да 180
 - себеби 212
 - та 212
 - та ки 213
 - так что 214
 - тек 180
 - тесе 188
 - тіїн 185
 - тылкы 214
 - уйу 184
 - факат 180
 - ha ... hu 180
 - hara 214
 - harда 214
 - harдан ... opaia 214
 - нала ... ки 214
 - һәрчанд 214
 - хем/хем ... хем 180
 - чеже ... ынча 215
 - чу, чу 215
 - чун 215
 - чунки 20, 216, 217
 - шондың 190
 - шул 90
 - шулай ук 181
 - ынчалза 181
 - ынчалза-даа 181
 - ынчанмынсе 181
 - эрзэри 218
- способ**
- бессоюзный соединения двух предложений 157
 - союзный 163, 218, 255, 262
- средство**
- грамматическое 199
 - коммуникативное 15
 - связочное 74, 75, 83, 84, 101, 110, 157
- строй**
- агглютинативный 24, 51, 74, 78
 - аналитический 74
 - именной 7, 13, 24
 - квазиродативный 14
 - номинативный 7
 - посессивный 7
 - синтаксический 5
 - флексивный 74
- структура**
- агглютинативная 162
 - именная 16
 - морфологическая 24
 - Предиката 7
 - синтаксическая 5, 7, 10, 14, 103, 109, 218, 230, 232, 233, 256, 257, 262
- субъект** 10, 11, 15, 28, 30, 63, 74, 96, 106, 110, 115, 120, 122, 125
- субстантивация** 44, 74
- суждение** 15
- существительное** 101
- отлагательное 114
- терминатив** 123, 124
- тип**
- агглютинативный
 - морфологический 22
 - семантический 20
 - синтаксический 3, 25
 - словосочетания 27
 - структурный 102
- трансформа** 9, 93, 141, 147, 150
- зависимая 19, 104, 118, 130, 133, 138, 155, 156, 162, 163, 261
- трансформант** 104, 105, 107, 118, 128, 132, 134, 138, 139, 142, 143, 146–148, 151–156, 249, 252, 253, 255

- трансформация 12, 93, 104, 105, 108–
110, 111, 113, 117, 119, 120, 131
132, 143, 163, 218, 221, 222, 228,
233, 255, 260–262
- управление 16, 29, 63, 69, 146
- форма
- глагольная 26.
 - глагольная неличная 95, 162
 - глагольная личная 13, 24, 97,
112–114
 - глагольно-имменная 8, 13
 - грамматическая 94
 - деепричастная 8, 13, 106
 - залоговая 88
 - именная глагола 95
 - личная 8
 - оптативная 153
 - прилагательных 27
 - причастная 8, 13, 62
 - сказуемого 96, 97
 - сослагательная 159
- форматив
- *аччен/-иччен* 136
 - *дыкнъ*
 - *лы* 134
- функция
- атрибутивная 147, 148
 - определительная 151
 - служебная 105
 - синтаксическая 16
- фраза "относительное местоимение со
своим глаголом" 8
- хронология относительная 88
- частица 163, 218, 253
- вопросительная 108
 - выделительная 34, 226
 - постпозитивная 218, 220
 - союзного порядка 108, 249
- усиительная 26, 34, 37, 163,
191, 192, 218, 220, 228, 229, 231,
252, 255, 262
- *а* 218
- *ақ* 218
- *ау* 219
- *го/гу/лу* 219
- *да, да* 165, 167, 221–222, 223,
225, 243
- *ма, ба* 219
- *ки* 166, 225, 227
- *чи* 220
- частица-союз *да* 221
- числительное 26, 61
- количественное 32, 90
 - собирательные 27
 - форма ~ *ого*
 - краткая 32
 - полная 32
- член
- главный формирующий 16, 30–32,
38, 63, 95, 98, 130, 137, 141,
150, 155
 - зависимый 31, 32, 34, 37, 38,
63, 98, 258
 - предложения 15
 - обстоятельственный 31
- эволюция — принципы и причины син-
таксической 14
- экватив 72
- вторичный 127
- элемент
- формальный 105
 - связующий формальный 59
 - служебный 116, 147, 253
 - структурный 11
- эллипсис 102, 103
- verbum finitum* 16, 22, 26, 93, 95, 96,
107–110, 113, 221

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактории	3	Глагольное предложение	84
Введение	5	Безличное предложение	88
История вопроса	5	Глава III	
Основные приемы исследования истории синтаксических единиц	16	Сложноподчиненные предложения	94
Приемы синтаксической реконструкции	19	Примыкание как наиболее древний способ связи простых предложений	99
Использование данных родственных языков	21	Процесс трансформации	104
Использование материалов письменных памятников	21	Условия синтаксической трансформации	111
Использование типологических особенностей языков	21	Сущность трансформации и ее причины	113
Совокупное использование различных данных	22	Зависимые трансформы в тюркских языках	118
Реконструкция в условиях отсутствия некоторых необходимых данных	26	Трансформант – причастие на -ган	118
Случай, когда реконструкция оказывается невозможной или ограниченной	26	Трансформант – причастия, производные от причастия на -ган	128
Глава I	27	Трансформант – причастие на -ан	131
Словосочетания	28	Трансформант – причастие на -на	135
Атрибутивные словосочетания	31	Трансформант – причастие на -дык	139
Главный член – существительное,	31	Трансформант – отглагольное имя на -ыш	142
зависимый – числительное	31	Трансформант – отглагольное имя на -ма	142
Главный член – существительное,	35	Трансформант – отпричастное имя на -мак	143
зависимый – местоимение	35	Трансформант – причастие на -мыш	143
Главный член – существительное,	38	Трансформант – причастие будущего времени на -чаκ	146
зависимый – прилагательное	38	Трансформант – причастие будущего времени на -аяκ	147
Главный член – существительное,	45	Трансформант – причастие будущего времени на -ых	148
зависимый – причастие	45	Трансформант – причастие будущего времени на -р	148
Изафет	50	Трансформант – отглагольное имя на -у	151
Глагольные словосочетания. Главный член – глагол, зависимый – имя	63	Трансформант – причастие будущего времени на -асы	152
Глава II		Трансформант – деепричастие на -ыб	153
Простые предложения	74		
Именное предложение	75		

Трансформант – деепричастие на - <i>с</i>	154	Глава IV	
Трансформант – деепричастие на - <i>арық</i>	154	Сложные предложения союзного типа	162
Трансформант – деепричастие на - <i>сан</i>	155	Сочинительные союзы	164
Трансформант – деепричастие на - <i>ғағ</i>	155	Подчинительные союзы	181
Трансформант – деепричастие на - <i>кен</i>	155	Происхождение союзов	218
Трансформант – деепричастие на - <i>ын</i>	156		
Определение сущности зависимых трансформ	156	Глава V	
Условный период в тюркских языках	157	Гибридизация как своеобразный путь развития подчинительных отношений в тюркских языках	233
Конструкция с показателем - <i>са</i>	157		
Конструкция с показателем - <i>сар</i>	159	Заключение	257
Конструкция с показателем - <i>сан</i>	160	Литература	263
Происхождение форм условного наклонения	160	Источники	271
		Предметный указатель	274

Нинель Зейналовна Гаджиева,
Борис Александрович Себреников
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ
СИНТАКСИС

*Утверждено к печати
Институтом языкоznания АН СССР*

Редактор издательства Р.М. Залесковская
Художественный редактор Г.П. Валлас
Технический редактор А.Л. Шелудченко
Корректор Е.Н. Сафонникова

Набор выполнен в издательстве
на наборно-печатывающих автоматах

ИБ № 31871

Подписано к печати 05.11.86. Формат 60 × 90 1/16
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Пресс-Роман
Печать офсетная. Усл.-печл. 18,0. Усл.кр.-отт. 18,0
Уч.-изд.л 21,9. Тираж 1850 экз. Тип. зак. 828
Цена 3 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12